

Извѣстія

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

№ 46.

Подъ редакціей Предсѣдателя Коммиссіи Арс. Ив. Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ.

Типографія Тавр. Губернск. Земства.
1910.

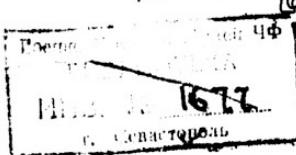
9/057
И-38т

ИЗВѢСТИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

№ 46.

Подъ редакціей Предсѣдателя Коммиссіи Арс. Ив. Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ.
Типогр. Таврич. Губернск. Земства,
1912.

❖ ♀ ❖

Печатано по постановленію Таврической Ученой Архивной Коммиссіи

❖ ♀ ❖

Е. Э. Ивановъ.

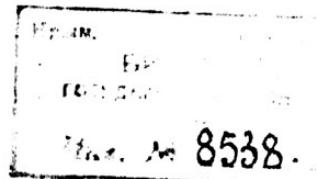
ХЕРСОНЕСЪ

ТАВРИЧЕСКІЙ.

Историко-археологический очеркъ.

Съ рисунками и планомъ раскопокъ.

Издание Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

СИМФЕРОПОЛЬ.

Типографія Таврическ. Губернск. Земства.

1912.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Страницы.

Отъ автора 1

Часть первая. Исторія Херсонеса.

I. Миои о мѣстности. Тавры и скиои—абorigены страны. Сказания Геродота. Сказания скиоа Овидію. Гераклеоты—первые поселенцы	5
II. Основаніе города. Древнѣйшій Херсонесъ. Перенесеніе города .	8
III. Сосѣди Херсонеса. Кто были скиои. Массагеты, сарматы, россолане	10
IV. Постройка городской стѣны. Херсонесская община. Гражданская присяга херсонитянъ	11
V. Херсонесская республика и ея гражданское устройство. Городъ и земли херсонитянъ. „Равнина“, Керкинитъ, Прекрасный портъ .	13
VI. Состояніе города въ первые вѣка существованія. Правленіе .	16
VII. Религія, храмы. Образованіе, гимназія. Панатлинскія состязанія. Искусство и науки	18
VIII. Столкновенія со скиоами и Пантикеемъ (III—II в. до Р. Хр.). Обращеніе къ Митридату Понтійскому. Полководецъ Діофантъ. Побѣда его. Песфизмъ Діофанту	25
IX. Подчиненіе Риму (I в. до Р. Хр.). Херсонесская эра	27
X. Римскій гарнизонъ въ Херсонесѣ (I—III в. по Р. Хр.). Элевтерія. Ходатайства херсонитянъ въ Римѣ	31
XI. Христіанскій Херсонесъ. Преданіе о пребываніи Андрея Первозванного. Херсонесъ—мѣсто ссылки знатныхъ римскихъ христианъ. Еп. Климентъ, его проповѣдь въ Херсонесѣ и мученическая кончина	41
XII. Нашествіе готовъ и геруловъ. Помощь ими. Діоклетіану. Завоеваніе Пантикея	47
XIII. Христіанство въ Херсонесѣ въ началѣ IV в. Проповѣдь и мученія епп. Василея и Ефрема. Еп. Евгеній, Елпидій и Агаѳодоръ; ихъ мученическая кончина. Іудея въ Херсонесѣ. Еп. Капитонъ вступаетъ съ отрядомъ воиновъ. Мѣстная житія. Характеристика эпохи	49

XIV. Льготы, дарованныя Константиномъ Великимъ. Падение Боспора и возвышение Херсонеса. Подвигъ гражданки Гикіи	55
XV. Появление гунновъ. Готы—сосѣди Херсонеса. Надпись Феодосію и Аркадію. Полноe подчиненіе имперіи. Херсонесъ—главный торговый центръ Тавриды. Херсонесские епископы. Херсонесъ отходитъ къ Восточной Римской имперіи, во владѣніе Аркадія. Ссылки въ Херсонесъ ени. Александра и Тимоѳея. Нападеніе гунновъ. Объединеніе города. Обращеніе къ имп. Зенону. Поправка стѣнъ. Влияніе гунновъ на торговлю и культуру Херсонеса	61
XVI. Еп. Стефанъ. Падение язычества и развитіе христіанства (VI в.). Появление тюркскихъ племенъ—аваровъ и турокъ. Херсонесъ первый городъ Тавриды. Христіанскіе храмы въ Херсонесѣ. Богадѣльня св. Фоки. Ссыльный еп. Мартинъ и его письма. Появленіе хозаръ	69
XVII. Ссыльный императоръ Юстиніанъ II Ринотметъ. Отношеніе къ нему горожанъ. Бѣгство Юстиніана къ хозарамъ. Возстанованіе его на престолѣ. Месть Херсонесу. Ссыльный патрицій Варданъ. Осада города мавромъ Безомъ. Варданъ провозглашается царемъ	75
XVIII. Льготы, дарованныя городу Варданомъ. Херсонесъ подъ протекторатомъ хозаръ. Торговля. Левъ Исаєвріанинъ, иконоборческая смута. Херсонесъ—убѣжище для поклоняющихся иконамъ. Ссыльный Іосифъ Прѣспогівецъ. Ростъ монашества и храмовъ въ Херсонесѣ. Появленіе пещерныхъ городовъ	82
XIX. Ссыльный братъ имп. Льва Хозарина. Гнѣтъ хозаръ. Пріѣздъ патриціи Петроны. Падение самостоятельности города. Херсонесская область. Херсонесъ главный городъ области	87
XX. Появленіе русскихъ. Кн. Бравлинъ новгородскій грабить городъ. Прибытіе бр. Кирилла и Меѳодія. Кириллъ находитъ въ Херсонесѣ сванголію и исалтыръ на русскомъ языкѣ и человѣка, говорящаго порусски. Объясненіе этой находки и значеніе ея въ славянскомъ мірѣ	91
XXI. Кириллъ открываетъ моги св. Климента. Письма библіотекаря Анастасія. Островокъ св. Климента. Легенда о пребываніи здѣсь мученика. Развалины храма. Проскѣтъ возстановленія древняго храма. Отѣзду равноапостольныхъ братьевъ	103
XXII. События въ Константинополѣ. Нашествіе Аскольда и Дири. Начало Македонской династіи. Возмущеніе Херсонесцевъ. Умерщвленіе стратага Симеона. Ослабленіе хозаръ и появленіе мадьяръ. Херсонесъ просвѣтительный и торговый центръ для Руси и сосѣдняго востока. Договоръ кн. Игоря съ имп. Романомъ. Льготы херсонесцевъ. Херсонесъ именуется Корсунемъ. Имп. Константинъ Порфирородный; его опасенія и мѣры на случай отпаденія Херсонеса отъ имперіи. Торговля съ Русью и Востокомъ. Производство церковной утвари и посуды	111
XXIII. Романъ II и масса монетъ его имени. Корсунянинъ Калокиръ и его пособство къ Святославу. Обязательство Святослава къ	

- Херсонесу. Херсонесъ богатый торговый пунктъ. Значеніе его для намѣреній кн. Владимира. Необыкновенная комета предвѣщающая взятіе Херсонеса Владиміромъ. Значеніе смуты византійского двора для похода Владимира на Херсонесъ 119
- XXIV. Имп. Василій II и Константина IX. Намѣреніе Владимира креститься. Походъ въ Херсонесъ. Осада. Предательство Анастаса. Взятіе города. Сватовство Владимира; крещеніе и женитьба его: празднства. Дата крещенія. Корсунянинъ Анастасъ. Уходъ и смерть Владимира. Значеніе Херсонеса для Руси 125
- XXV. Паденіе города. Прекращеніе чеканки собственныхъ монетъ. Имперія предоставляетъ его собственной судьбѣ. Полоццы-куманы—сосѣди. Херсонесъ—рынокъ для невольниковъ. Раздоры при византійскомъ дворѣ и значеніе ихъ для города. Надпись о сооруженіи воротъ. Херсонесский правитель отравляетъ кн. Ростислава. Херсонесцы убиваютъ правителя. Самостоятельность города 136
- XXVI. Появленіе генуэзцевъ. Далѣйшее паденіе торговли города. Жалобы имп. Михаилу VIII. Возстаніе. Кн. Всеvolодъ усмиряетъ корсунянъ. Херсонесцы захватываютъ и грабятъ русскія суда. Ссылка въ Херсонесъ самозванца Константина. Месть русскихъ князей за ограбленіе кораблей. Миръ съ князьями. Преп. Евстаѳій и его мученія „жидовиномъ“. Евреи въ Херсонесѣ. Арабскій географъ Эдризи о городѣ. Упадокъ города 144
- XXVII. Херсонесъ во владѣніи трапезундскихъ Комnenovъ. Опустошеніе города намѣстникомъ султана. Появленіе татаръ. Бѣгство купцовъ и богатыхъ людей. Генуэзцы задерживаются херсонесской суда. Разграбленіе полчищами Ногая. Таврида именуется Крымомъ. Генуэзцы и венецианцы захватываютъ всю торговлю. Татары—хозяева. Турки жгутъ и грабятъ. Генуэзцы захватываютъ городъ и запрещаютъ въездъ въ него грекамъ. Имя города извращается. Генуэзскій консулъ предлагаетъ окончательно разрушить стѣны и башни города. Паденіе Константинополя и переходъ Херсонеса во владѣніе Оттоманской имперіи 150
- XXVIII. Мартинъ Броневскій и его описание города. Мѣстоположеніе Херсонеса забывается 159
- XXIX. Херсонесъ подъ русской державой. Посвѣщеніе Екатерины II. Медаль въ память Херсонеса. Палладъ. Снятіе плановъ съ развалинъ и описание ихъ. Ахтаръ возникаетъ изъ развалинъ. Приказъ губернатора о собираніи древностей. Французы на развалинахъ города. Мраморы Херсонеса идутъ на добываніе углекислоты. Расхищеніе развалинъ продолжается. Просьба кн. Уваровой къ имп. Александру II о спасеніи древняго Херсонеса. Развалины переходятъ въ вѣдѣніе Императорской Археологической Комиссіи 160

Часть вторая. Раскопки Херсонеса.

А. Античный периодъ.

I.	Приказать первымъ русскимъ судамъ разыскивать и описывать древности. Первые планы. Первый раскопки лейтенанта Крузе. Остатки трехъ церквей. Николаевский музей русскихъ древностей	168
II.	Одесское Общество Истории и Древностей. Съемки капитана Аркаса. Раскопки Корейши, Шемякина, кн. Барятинского и гр. Уварова. Находки французовъ. Раскопки при постройкѣ собора. Раскопки Одесского Общества Истории и Древностей. Проектъ мѣстного музея	170
III.	Раскопки въ вѣдѣніи Херсонесского монастыря; его собрание древностей	173
IV.	Александръ III въ Херсонесѣ. Раскопки подъ Высочайшимъ покровительствомъ. Планъ гр. Бобринского. Косцюшко-Валюжиничъ завѣдующій раскопками. На раскопки ассигнуется 4000 руб. Ходь работъ	174
V.	Императоръ Николай II съ Августѣйшей семьей въ Херсонесѣ въ 1898 г. Прибавка 2000 р. Городская стѣна и ея склепъ. Складъ мѣстныхъ древностей. Вторичное посѣщеніе Царской семьи. Даръ Государя. Проекты зданій музея. На раскопки отпускается 10.000 руб. Дѣятельность Косцюшки	177
VI.	Городище; его площадь и населеніе. Материкъ древняго города. Общая характеристика раскопокъ. Открытые кварталы, улицы и постройки греко-римскаго и византійскаго Херсонеса	178
VII.	Центръ древняго города. Главная улица. Характеръ древнейшихъ построекъ	183
VIII.	Христіанскіе храмы и остатки въ нихъ древнихъ частей. Колонны, базы, капители, карнизы. Надписи на колоннахъ. Остатки статуй, барельефовъ и пьедесталовъ	185
IX.	Древня цистерны и поглощательные колодцы. Могила скиа. Надпись Андроклу	187
X.	Мѣста находокъ древнейшихъ вещей и монетъ	190
XI.	Чернофигурная, чернолаковая и краснофигурная посуда; характеръ работы и темы рисунковъ. Надписи на посудѣ	191
XII.	Дровнія терракоты. Мастерская лѣпщика. Характеръ работъ и темъ. Стеклянныя вещи античнаго Херсонеса. Ламочки	194
XIII.	Амфоры, ихъ ручки; надписи и украшенія. Питосы. Черепица. Грузила	198
XIV.	Остатки военныхъ принадлежностей. Каменные ядра	201
XV.	Монеты греко-римскаго периода; ихъ металль и система. Монетный дворъ. Изображенія и клейма на монетахъ. Монеты „свободнаго“ Херсонеса. Мѣста чеканки	203
XVI.	Эпиграфическіе памятники. Характеръ письма. Эстампажи	209
XVII.	Древнейшая эпиграфика. Гражданская присяга херсонесцевъ	211

XVIII. Посвятительные надписи. Декреты. Проксени	216
XIX. Договоръ Фарнака. Декретъ Диофанту, Гераклейцамъ. Проксения Навклара. Гимнъ въ честь Гермеса	219

Б. ВИЗАНТИЙСКІЙ ПЕРІОДЪ.

XX. Раскопки византійского (христіанского) Херсонеса. Значеніе его находокъ. Остатки византійского города. Слѣды пожара. Характеръ находокъ	225
XXI. Главная улица и постройки. Водопроводъ; его источники и кладка. Цистерны, колодцы и пашенные ямы	228
XXII. Остатки церквей. Базилика и ея части. Древнѣйшая базилики, ихъ кладка и части. Освѣщеніе. Мозаика стѣнъ и половъ	231
XXIII. Центральная площадь византійского Херсонеса. Первые раскопки базиликъ. Крестообразная церковь. Базилика „съ капитальнымъ поломъ“. Трехабсидная базилика Крузе	238
XXIV. Базилика гр. Уварова; ея остатки и находки въ ней. Крестообразная крещальня и ея отношеніе къ крещенію кн. Владимира	244
XXV. Базилика и часовня съ крестомъ. Усыпальница съ катакомбой. Базилика съ пиронами. Часовня съ гробницами	250
XXVI. Храмъ съ ковчегомъ. Базилика въ базиликѣ и ея мозаичный полъ. Церковь св. Лаврентія, что „на забралѣ“	253
XXVII. Загородный храмъ св. Савона. Кладбищенская церковь; ея мозаика и фрески. Водоемъ. Монеты. Катакомбы. Подземный ходъ и колодезъ	257
XXVIII. Общий взглядъ на храмы византійского Херсонеса. Многочисленность храмовъ; время постройки; благолѣпіе; раздробленіе и разрушеніе ихъ	265
XXIX. Церковные находки. Ковчегъ съ моцами. Престольные и проградные доски. Мраморы съ религіозными изображеніями. Статуэтка Доброго Пастыря. Священныя изображенія на шиферныхъ доскахъ. Образъ Георгія Побѣдоносца и Дмитрія Солунскаго. Бронзовые образки. Ставники, паникадила, курильницы, кресты и т. п.	270
XXX. Остатки домашнихъ вещей: посуда, хозяйственныя и ремесленныя принадлежности, ткани; игры и дѣтскія игрушки. „Археологическій буфетъ“	278
XXXI. Печати и монеты византійского Херсонеса. Русскіе рубли	285
XXXII. Надписи имп. Феодосія, Аркадія и Зенона и стратега Аліата	288

В. Стѣна, некрополь. Современный Херсонесъ.

XXXIII. Городская стѣна, ея башни и ворота.	291
XXXIV. Кладка стѣнъ и башень. Гробницы, прилегающія къ стѣнѣ. Протейхизма и периволь	293
XXXV. Древне-греческій склепъ въ стѣнѣ и его содержимое	297

XXXVI. Время постройки стѣнъ и башенъ. Способъ постройки. Пристройки и передѣлки	301
XXXVII. Некрополь. Терминология погребений	303
XXXVIII. Устройство погребений. Обряды. Найденные кости, урны, саркофаги, надписи	305
XXXIX. Остатки и смѣщеніе двухъ культовъ. Разграбленные и неразграбленные погребения	311
XL. Древніе скелеты и ихъ содержимое. Погребенія римской эпохи. Погребенія византійской эпохи. Разница находокъ	316
XLI. Надгробія и надписи римской эпохи	321
XLII. Надгробія и надписи византійской эпохи	324
XLIII. Раскопки въ окрестностяхъ Херсонеса. Остатки древнихъ стѣнъ и фундаментовъ. Найденные на Историческомъ бульварѣ и у деревни Карапъ. Остатки храмовъ у Георгіевского монастыря. Раскопки на островкѣ св. Клиmenta	329
XLIV. Раскопки на берегу Казачьей бухты. Положеніе древнейшаго Херсонеса	332
XLV. Мѣстный складъ херсонесскихъ древностей	334
XLVI. Собрание древностей, принадлежащихъ монастырю. Проектъ музея христіанскихъ древностей. Объединеніе всѣхъ древностей Херсонеса. Культурное значеніе мѣстныхъ музеевъ	337
XLVII. Поддѣлка херсонесскихъ древностей. Мѣсто и характеръ поддѣлокъ. Сбытчики	339
XLVIII. Храмъ св. Владимира. Памятникъ великому событию. Проекты адм. Грейга и Академіи Художествъ. Повелѣніе Николая I о сооруженіи въ Херсонесѣ обелиска. Храмъ въ память крещенія въ Севастополѣ. Предложеніе архіеп. Иннокентія „возстановить храмъ въ Херсонесѣ“. Повелѣніе Александра II о постройкѣ храма на развалинахъ. Постройка и описание храма	342
XLIX. О церкви, въ которой крестился великий князь Владимиръ	349
L. Херсонесский монастырь, его возникновеніе и современное состояніе	354
LI. Заключительное слово	357
 Прибавленіе къ главѣ XLIV, стр. 334	361
Опечатки	362
Поясненія къ плану Херсонеса	363
Источники	366

О тъ автора.

Кто не знает имени Херсонеса? Кто не слыхалъ про этотъ полный интереса уголокъ, о которомъ первое слово сказалъ миѳъ и куда первый лuchtъ исторіи заглянулъ въ то отдаленное время, когда остальная часть нашей родины не была известна народамъ и по названію?

Въ этомъ уголкѣ --развалины древняго, богатаго и нѣкогда славнаго города, и, разрывая ихъ, кирка археолога обнажаетъ предъ вами культуру трехъ великихъ эпохъ—греческой, римской и византійской, судьбы которыхъ пережилъ и отразилъ на себѣ Херсонесъ, сохранивъ въ своихъ нѣдрахъ цѣнныя остатки каждой изъ нихъ. Здѣсь наши богатѣйшія археологическія копи, изъ которыхъ изыскатель щедрой рукой снабжаетъ отечественныя музеи сокровищами древняго искусства и греко-римской эпиграфики. Среди развалинъ и раскопокъ Херсонеса ясно видишьъ, какъ помошью кирки и лопаты восстанавливается прошлое городовъ и народовъ. Здѣсь научаешься понимать и цѣнить археологію, которая сумѣла поднять уголь завѣсы, скрывшей отъ насть, казалось, разъ навсегда далекое прошлое.

Среди этихъ развалинъ поучались самые отдаленные наши предки—скионы, усваивали себѣ культуру Греціи, Рима, Византии и въ то же время безпрерывно боролись съ своими учительями противъ ихъ смѣлыхъ захватовъ. Здѣсь же равноапостольный Кириллъ впервые открылъ «русскія письмена», и впервые увидѣли свѣтъ «русское» евангеліе и псалтырь.

Въ этомъ уголкѣ нѣкогда журчалъ живой источникъ нашего обновленія, изъ котораго широкой рѣкой полилось на Русь и христіанство, и просвѣщеніе; здѣсь крестился Владимиръ Красное Солнышко; здѣсь же—грандіознѣйшій памятникъ этого знаменательнаго въ русской исторіи событія.

Сюда-то, около двадцати лѣтъ назадъ, завела меня судьба и на много лѣтъ поселила рядомъ съ Херсонесомъ. Проходя въ

первый разъ по узкимъ улицамъ раскопокъ и рассматривая находки бывшаго города, я невольно заинтересовался его прошлымъ. Быстро были прочитаны краткія свѣдѣнія изъ путеводителей и уже по тому времени устарѣвшія описанія Ливанова и Мансвѣтова, только раздразнившія любознательность, а за ними — серьезныя изслѣдованія Кене, Уварова, Аркаса, Кондакова и другихъ, которая уже побудили внимательно заняться исторіей и археологіей Херсонеса.

Благодаря тщательно составленнымъ сборникамъ академика Латышева, легко было познакомиться съ болѣе интересными страницами изъ Геродота, Страбона, Овидія, Плінія и другихъ классиковъ древности, писавшихъ или упоминавшихъ о Херсонесѣ; благодаря «Запискамъ Одесского Общества исторіи и древностей», также легко было познакомиться съ византійскими хрониками и средневѣковыми легендами, повѣствовавшими о Херсонесѣ и о проповѣдывавшихъ въ немъ и пострадавшихъ ревнителяхъ христіанской церкви. Внимательно перечитаны соответствующіе фоліанты Императорской Археографической Комиссіи и обширныя изслѣдованія Латышева, Юрьевича, Васильевскаго, Бертье-Делагарда, Кулаковскаго и многихъ и многихъ другихъ, вплоть до идеально точныхъ и обстоятельныхъ отчетовъ завѣдывавшаго херсонесскими раскопками Косцюшко-Валожинича. Словомъ, была осилена громадная литература. Вмѣстѣ съ тѣмъ были осмотрѣны мною древности Херсонеса, хранящіяся тамъ-же, въ Эрмитажѣ, въ московскомъ Историческомъ музеѣ и музеѣ Одесского Общества исторіи. Кроме того, болѣе пятиадцати лѣтъ раскопки Херсонеса проходили на моихъ глазахъ, и, благодаря любезности завѣдующихъ, я могъ своевременно осмотрѣть все добытое кропотливымъ трудомъ археолога и получать необходимыя поясненія. Такимъ образомъ, годами накопилась масса свѣдѣній и замѣтокъ, которыми я счелъ тѣмъ болѣе необходимымъ подѣлиться съ другими, что Херсонесъ, имѣя богатѣйшій монографической и археологической матеріалъ и представляя громадный интересъ для туристовъ, выражавшійся ежегодно многими тысячами посѣтителей его раскопокъ и музея, не имѣть систематического описанія, которое стояло бы на уровнѣ современныхъ знаній и удовлетворяло бы спросу широкаго круга. Какъ-то обидно за себя, когда видишь, какъ многочисленныя группы туристовъ безсознательно бродятъ по музею и развалинамъ Херсонеса, не находя отвѣта своей любознательности; стыдно за наши духовныя академіи, которая до сихъ поръ не обратили никакого вниманія на это священ-

ное для каждого христіанина мѣсто,—великій грѣхъ такое молчаніе! Больно, когда подумаешь, что за предѣлами нашей родины мѣсто, подобное Херсонесу, имѣло бы цѣлую популярную литературу и рядъ богато иллюстрированныхъ изданій.

Вотъ почему уже нѣсколько лѣтъ назадъ я рѣшилъ пополнить этотъ досадный пробѣль и въ легкой литературной формѣ познакомить съ прошлымъ и настоящимъ Херсонеса. При чёмъ, набрасывая картину славнаго прошлаго города, я столько же основывался на данныхъ раскопокъ, сколько на данныхъ историковъ, вездѣ, гдѣ позволяло мѣсто и форма изложенія, говорилъ языкъ авторовъ и найденныхъ надписей, чтобы нагляднѣе знакомить съ картиной прошлаго. Но въ изложеніи и объясненіи фактовъ и совершенно не свизывалъ себя миѳніями профессиональныхъ историковъ и археологовъ.

Въ римскомъ и византійскомъ періодѣ я вездѣ указываю имена императоровъ, хотя бы въ жизни города они не оставили никакихъ слѣдовъ, даже въ видѣ монетъ. Ихъ имена, столь интересныя для нумизматовъ, въ данномъ случаѣ играютъ роль верстовыхъ столбовъ, указывающихъ путь исторіи и разстояніе событий—одного отъ другого. При многихъ изъ этихъ именъ я позволилъ себѣ отмѣтить ту или иную черту въ характерѣ властителя, или указать на какой-либо фактъ изъ исторіи сюзеренныхъ государствъ, но только тогда, когда этотъ фактъ имѣлъ какое-либо отношеніе къ судьбамъ нашего города, такъ тѣсно связаннымъ съ судьбами его онекуновъ. Слава Эллады, Рима и Византіи была славой и Херсонеса; его паденіешло рядомъ съ упадкомъ этихъ государствъ, и умеръ Херсонесъ тогда, когда у стѣнъ Цариграда палъ послѣдній независимый византіецъ.

Въ изложеніи, какъ видно будетъ ниже, несмотря на кажущееся обиліе источниковъ и данныхъ археологіи, исторія Херсонеса далеко не полна: попадаются столѣтія, которыя въ повѣствованіи приходится отмѣтить пустыми мѣстами или въ которыхъ едва удается вставить нѣсколько гадательныхъ фактовъ. Объясняется такая отрывочность тѣмъ, что греческіе и византійскіе историки,—не говорю уже о чуждыхъ херсонесцамъ по духу римлянахъ,—мало обращаютъ вниманія на свои отдаленные по тому времени колоніи, лежавшія гдѣ-то въ варварскихъ странахъ. Но я все же попытался найти связь между событиями и возстановить возможно полную картину прошлаго.

Въ первой—исторической части этого очерка я буду говорить о политической, торговой и религіозной жизни херсонесцевъ; въ слѣдующей—археологической—познакомлю съ

самиими раскопками и съ тѣмъ, что дали онѣ, и на основаніи этого попытаюсь возстановить внутреннюю и домашнюю жизнь корсунянъ; здѣсь же скажу о херсонесскомъ музѣ, монастырѣ и его дивномъ храмѣ-памятникѣ, возникшемъ на этихъ раскопкахъ. Такимъ образомъ, оба очерка обнимутъ собой все существенное, что извѣстно о Херсонесѣ. Первая часть этого труда была напечатана въ «Вѣстнике Европы» за 1907 годъ и теперь переработана и значительно дополнена.

Послѣ этого, быть можетъ, нѣсколько длиннаго вступленія переходимъ къ предмету нашей бесѣды.

Часть первая.

ИСТОРИЯ ХЕРСОНЕСА.

I.

Миоы о мѣстности. Тавры и скиоы—aborигены страны. Сказанія Геродота.
Сказанія скиоа Овидію. Гераклеоты—первые поселенцы.

Исторія мѣстности, которую занималъ Херсонесъ съ его владѣніями, такъ же стара, какъ и человѣчество. Первые нѣ-
мые свидѣтели появленія человѣка въ этихъ мѣстахъ—камен-
ные наконечники стрѣлъ, головки такихъ же молотковъ, подобіе
кремневыхъ ножей, долота, обломки топора и другіе остатки
каменнаго вѣка, найденные въ окрестностяхъ Херсонеса и бе-
режливо заключенные въ витрину мѣстнаго музея.

Сколько вѣковъ протекло отъ этихъ остатковъ древнѣйшей
культуры до начала исторіи Херсонеса? —Кто знаетъ?!

Первяя свѣдѣнія о немъ начинаются поэтическимъ и пол-
нымъ трагизма миоемъ объ Ифигеніи въ Тавридѣ,—миоемъ,
который вдохновилъ двухъ величайшихъ драматурговъ древняго
и новаго міра—Эврипида и Гёте.

Тѣмъ, кто забылъ этотъ миоѣ или кому не случилось про-
честь «Ифигенію въ Тавридѣ», напомнимъ его, хотя въ нѣсколь-
кихъ словахъ.

Сынъ царя Трои Парисъ похитилъ жену спартанскаго царя
Менелая, красавицу Елену. Въ лицѣ Менелая оскорблены всѣ
цари Эллады. Они соединяются и готовы отмстить. Загорается
тroyанская война. Союзный флотъ и войско Эллады во главѣ
съ царемъ Арголиды Агамемнономъ готовы уже отплыть, но ихъ
задерживаетъ полное затишье. Нетерпѣливые греки обращаются
къ оракулу и просятъ объяснить причину затишья. Оракулъ
устами главнаго жреца Калхаса вѣщаетъ военачальникамъ, что

причина безвѣтря—месть Артемиды (Діаны) за то, что Агамемнонъ убилъ священную лань въ ея заповѣдной рощѣ,—и умилостивить гнѣвъ оскорблennой богини можно только цѣной человѣческой жертвы изъ рода виновника.

У Агамемнона была дочь, красавица Ифигенія, невѣста быстроногаго Ахилла; ее-то и предстояло положить на алтарь разгнѣванной богини. Жертва была черезчуръ тяжела; однако Агемемнонъ покорился велѣнію оракула, и хитроумному Одиссею цари поручили заманить Ифигенію въ лагерь, чтобы тамъ въ виду всѣхъ принести ее въ жертву. Ифигенія уже стояла у жертвеннника; оставалось занести ножъ и пролить невинную кровь,—какъ вдругъ появляется Ахиллъ, вырывается Ифигенію изъ рукъ жрецовъ, передаетъ союзнику грековъ, царю тавровъ Тоасу, и просить его отправить невѣсту въ далекую Тавриду, гдѣ Тоасъ незадолго предъ тѣмъ воцарился. Здѣсь Ифигенія, какъ посвященная богинѣ, сдѣлалась главной жрицей храма Діаны, которую также чтило мѣстное племя.

Проходятъ годы; троянцы упорно сопротивляются; герои-циари уже теряютъ терпѣніе подъ стѣнами многострадальнаго Иліона и ждутъ его сдачи; уже интрига устранила отъ командованія Агамемнона, и онъ удалился въ родныя Микены, какъ въ лагерь союзниковъ приходитъ вѣсть, что жена Агамемнона, Клитемнестра, несмотря на свои почтенные годы, влюбилась въ молодого Эгиста и, желая возвести его на престолъ, умертвила возвратившагося съ войны мужа.

Поступокъ возмутилъ его сына, Ореста, и онъ въ припадкѣ гнѣва убиваетъ и мать, и любовника. Но когда пропелъ первый пыль, угрызенія совѣсти начинаютъ мучить юношу. Не зная, какъ избавиться отъ душевныхъ страданій, Орестъ вопрошаетъ оракула: какъ быть? Тотъ въ искупленіе назначаетъ ему отправиться въ Тавриду, привезти оттуда сестру и одновременно захватить статую богини Діаны и принести ее въ даръ афинскому народу. Орестъ готовъ исполнить совѣтъ оракула и вмѣстѣ съ другомъ своимъ Пиладомъ отправляется въ далекій, малоизвѣстный край на поиски сестры. Буря выбрасываетъ друзей у мыса Дѣвы¹), недалеко отъ стоящаго у обрыва храма Діаны. Стражка ловить смѣльчаковъ, и, по обычаямъ страны, какъ чужеземцевъ, ихъ готовятся принести въ жертву. Уже головы плѣнниковъ посыпаны солью. Ифигенія, какъ главная жрица, въ храмѣ ждетъ свои жертвы, и хоръ младшихъ жрицъ

¹⁾ Нынѣ—Феолентъ, что у Георгіевскаго монастыря. Въ 10 верстахъ отъ Севастополя.

поеть напутственный въ царство Аида гимнъ; остается произнести послѣднее заклинаніе и занести ножъ, чтобы дымящейся кровью оросить жертвеннікъ жестокой богини,—какъ вдругъ въ чужеземцахъ Ифигенія узнаетъ брата и его друга, и ее охватываетъ мысль спасти несчастныхъ и самой бѣжать изъ скучнаго плѣна. Но какъ уйти отъ зоркаго глаза жрицъ и прислужницъ? И здесь пускается въ ходъ самое сильное женское средство—хитрость. Ифигенія останавливаетъ обрядъ жертвоприношенія, такъ какъ обреченные еще на родинѣ осквернили себя ужаснымъ злодѣяніемъ, почему предварительно необходимо совершить обрядъ очищенія надъ плѣнниками, статую богини омыть въ чистыхъ водахъ Эвксинскаго Понта, а храмъ окурить благовонными факелами. Но во избѣженіе оскверненія пусть никто не выходитъ изъ своихъ покоеvъ, пока у моря будетъ совершаться обрядъ очищенія.

Хитрость удается. У берега ожидаетъ заговорщиковъ судно и пятьдесятъ дюжихъ гребцовъ. Минута... и они разсѣкаютъ волны по пути въ родную Элладу.—Здѣсь оканчивается миѳъ, но вы чувствуете, что онъ переплется съ какой-то правдой.—Пусть это миѳъ, но вотъ что пишетъ Геродотъ (V-й в. до Р. Х.): «Тавры... приносятъ въ жертву Дѣвѣ-богинѣ всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе и всѣхъ эллиновъ, какихъ захватятъ въ открытомъ морѣ. Пойманныхъ освящаютъ, какъ жертву, бьютъ палицею по головѣ, отрѣзываютъ ее, насаживаютъ на коль у храма, а тѣло сбрасываютъ съ крутизны въ море, такъ какъ храмъ стоитъ у обрыва. Богиню, которой приносятъ жертву сами тавры, называютъ Ифигеніей, дочерью Агамемнона. Съ попавшими въ ихъ руки врагами тавры поступаютъ такъ же, только голову уносятъ домой и, воткнувъ ее на длинный шестъ, ставятъ высоко надъ домомъ. Они называютъ эти головы стражами дома. Живутъ тавры грабежомъ и войной».

Прошло пять вѣковъ, и Овидій въ грустныхъ «Посланіяхъ съ Понта», со словъ старика скиоа, передаетъ слѣдующее: «Есть въ Скиоїи мѣстность,—повѣдалъ старикъ,—которую предки назвали Тавридою и которая не такъ далеко отстоитъ отъ гетской земли. Я родился въ этой странѣ и не стыжусь своей родины. Наше племя чтить родственную Солнцу богиню. Еще и нынѣ стоитъ ея храмъ, опирающійся на огромныя колонны; къ нему ведетъ сорокъ ступеней. Преданье гласитъ, что тамъ былъ ниспосланный съ неба кумиръ. И, вѣрь мнѣ, еще и нынѣ стоитъ тамъ подножье, лишенное кумира (статуи) богини. Алтарь, который былъ изъ бѣлаго камня, теперь покраснѣлъ отъ проли-

той крови. Священнодѣйствіе совершала жрица, не знаявшая брачного факела и превосходившая скиѳскихъ женщинъ знатностью рода. Тамъ царствовалъ Тоасъ, славный на Меотийскомъ побережье, и не было на эвксинскихъ водахъ человѣка извѣстнѣе его. Въ его царствованіе, говорять, нѣкая Ифигенія прибыла сюда по прозрачному воздуху, и самъ Фебъ осторожно спустилъ ее на землю въ этихъ мѣстахъ». И старикъ повторилъ все сказаніе обѣ Ифигеніи, хорошо намъ извѣстное.—И здѣсь миѳ и правда очевидца-скиѳа тѣсно сплелись. Несомнѣнно, храмъ былъ, и въ немъ приносились человѣческія жертвы. .

Неподалеку отъ этого храма, на юго-западномъ берегу Таврическаго полуострова, у одной изъ многочисленныхъ бухтъ, изрѣзывающихъ эти берега, поселилась кучка выходцевъ изъ греческаго города Гераклеи Понтійской¹⁾). Поселенцы новое мѣстожительство назвали Херсонесомъ, т. е. полуостровомъ, а сами стали называться «херсонаситами», каковыя названія и утвердились временемъ; а въ отличіе отъ соименныхъ городовъ у Кимвровъ и во Фракіи историки часто называли этотъ Херсонесъ Таврическимъ.

Переселеніе совершилось не позднѣе VI в. до Р. Хр.; за это говоритъ первое точное свѣдѣніе о Херсонесѣ, которое мы встрѣчаемъ у греческаго географа Скилакса, предпринявшаго, около 508 г., по порученію персидскаго царя Дарія Гистаспа, большое путешествіе и составившаго описание его. По словамъ Скилакса, «за скиѳской землей—народъ тавры; заселяются они мысъ материка; мысъ этотъ вдается въ море. Въ таврической землѣ живутъ эллины (у которыхъ слѣдующіе города): торговый городъ Херсонесъ, мысъ таврической земли—Бараній-лобъ²⁾. Затѣмъ опять живутъ скиѳы, въ землѣ которыхъ эллинскіе города: Февдосія, Китея, Нимфея, Пантикопей, Мирмекій». — Какъ видно, уже въ то отдаленное время греки густо заселяли берега Тавриды.

II.

Основаніе города. Древнѣйший Херсонесъ. Перенесеніе города.

Что привело поселенцевъ въ этотъ негостепріимный край, гдѣ каждую минуту приходилось опасаться не только за имущество, но и жизнь? Были ли это недовольные порядками и

¹⁾ Нынѣ турецкое мѣстечко Пендересли, на малоазійскомъ берегу, между Синопомъ и Скутаріемъ.

²⁾ Нынѣ—Людагъ.

тѣснотой своей родины, какъ полагаютъ одни; или это были остатки полковъ Дарія, который ходилъ на скиоовъ (552—486) и въ войскахъ котораго было много малоазійскихъ грековъ, и имъ полюбилась эта мѣстность? Кто скажетъ теперь?

Судя по словамъ греческаго географа I-го в. Страбона, что, кромъ извѣстнаго намъ Херсонеса, лежащаго у бухты того же названія, въ его время недалеко отъ Херсонесскаго мыса, приблизительно у нынѣшней Казачьей бухты, находились развалины «древняго» Херсонеса, а за нимъ бухта съ узкимъ ходомъ, называемая Симболонъ (*Σιμβολόνу*)¹⁾, можно думать, что колонисты вначалѣ поселились именно здѣсь, у Казачьей бухты, но, тѣснѣмые тавро-скиоами, вынуждены были перейти на мѣсто современаго Херсонеса, хорошо защищенаго съ моря обрывистыми берегами, а съ суши—крутыми балками; къ тому же эта мѣстность представляла собой мысъ, который легко было перепрѣзать стѣной,—въ то время какъ мѣстность «стараго» Херсонеса у Казачьей бухты спускалась прямо къ морю и была совершенно открытою.

Когда произошло переселеніе,—пока точно не установлено; однако, судя по археологическимъ находкамъ,—не позднѣе IV в.; но скорѣе всего въ началѣ V в., такъ какъ трудно предположить, чтобы колонисты долго держались въ столь неудобномъ и мало защищенномъ мѣстѣ, какъ глубь Казачьей бухты.

Трудно приходилось посѣленцамъ первые годы: немало потрачено силъ на борьбу съ природой, болѣе суровой, чѣмъ на ихъ теплой и привѣтливой родинѣ. Кромѣ того, надо было оросить безводную мѣстность, а городъ снабдить въ достаточной мѣрѣ питьевой водой; но главное—постоянно быть наготовѣ для отраженія окружающихъ варваровъ. Мы уже видѣли, каковы были тавры; но «не лучше ихъ,—говорить Геродотъ,—были и ближайшіе ихъ сосѣди—скиоы. Скиоы пьетъ кровь первого убитаго имъ врага, а головы всѣхъ убитыхъ въ сраженіи относятъ къ царю; потому что только принесшій голову получаетъ долю захваченной добычи. Съ головы убитаго скиоѣ сдирается кожу, надрѣзывъ ее вокругъ до ушей. Затѣмъ, очистивъ скальпъ бычачьимъ ребромъ, привязываетъ къ уздѣ коня, на которомъ ѳздитъ, и гордится этимъ; ибо тотъ, кто имѣеть наибольшее число скальповъ, считается самыемъ доблестнымъ мужемъ.—Многіе скиоы изъ содранныхъ кожъ человѣка, сшивъ ихъ, какъ козыи шкурки, дѣлаютъ себѣ плащи; другіе сдираютъ кожу съ

¹⁾ Нынѣ—Балаклава.

рукъ вмѣстѣ съ ногтями и дѣлаютъ изъ нея покрышки для колчановъ».---Таковы были сосѣди херсонитянъ.

III.

Сосѣди Херсонеса. Кто были скионы. Массагеты, сарматы, россолане.

Тавры, исторія которыхъ намъ неизвѣстна, вскорѣ послѣ поселенія гераклейцевъ въ Тавридѣ, исчезаютъ съ исторической сцены, оставивъ полуострову только свое имя, которое одни производятъ отъ греческаго *tauros* (быкъ), другіе—отъ *tárrros*—ровъ, выкопанная пещера,—что не покажется страннымъ, если припомнить, сколько пещеръ и пещерныхъ городовъ разсѣяно по гористой части Крыма. Да и многіе греческіе писатели называютъ этотъ народъ тафрии (*taffrioi*). Ихъ мѣсто скоро заняли скионы, съ которыми Херсонесъ въ теченіе столѣтій ведетъ непрестанную борьбу. Поэтому интересно знать: чѣмъ за народъ скионы? Этимъ именемъ (*Σκύθαι*) древніе греки называли племена, обитавшія по берегамъ Чернаго моря и далеко на сѣверъ, занимая обширную площадь отъ Урала до Рейна и отъ Чернаго моря до Балтійскаго. Сами же себя скионы называли сколотами. Въ половинѣ V в. до Р. Хр., во времена Геродота, скионы имѣли одну религію, одинаковые нравы и обычаи, говорили однимъ языкомъ, составляя одинъ этнографическій типъ, но уже готовый раздѣлиться на осѣдлыхъ и кочевниковъ. Туманное преданіе гласить, что эти племена пришли въ Европу изъ Азіи, и на этомъ основаніи скионы считали монголами. «Однако,—говорить проф. Самоквасовъ,—археологическая изысканія послѣднихъ десятилѣтій, масса разрытыхъ скиѳскихъ могилъ IV-го и III-го в. до Р. Хр., а въ нихъ сосуды, монеты, бляхи, перстни и другіе предметы съ художественными изображеніями скионовъ, передающими черты ихъ наружности до малѣйшихъ подробностей, показываютъ, что у скионовъ были волосы густые, лобъ высокій, глаза открытые, прямо поставленные, носъ узкій и прямой». «Скиѳская форма лицевыхъ костей,—говоритъ академ. Бэръ,—не представляетъ ничего монгольского. Носъ у скиѳскихъ череповъ высокъ и узокъ (у монголовъ плоскій и широкій); нѣть сильно выдающихся скуль, и мѣста прикрѣпленія височныхъ мускуловъ далѣе отстоять отъ средней темянной линіи, чѣмъ у монголовъ. Остатки языка и миѳология также показываютъ, что скионы—чистые арійцы, или, какъ принято называть ихъ въ филологии,—индоевропейцы».

«Среди скиёскихъ племенъ особенно хорошо были известны древнимъ массагеты и сарматы, а среди нихъ задолго до Р. Хр. было известно обширное племя роксоланъ или россоланъ. Они, какъ можно думать, принимали участіе въ походахъ противъ знаменитаго Митридата, и были разбиты его полководцемъ Диофантомъ (около 115 г. до Р. Хр.). Недалеко отъ Херсонеса эти же россолане (руssкие алане, какъ полагаетъ Иловайскій), много вѣковъ спустя, повидимому, приняли у историковъ имя россовъ» (Бильбасовъ). Такъ вотъ кто были скионы, и вотъ передъ кѣмъ въ теченіе столькихъ вѣковъ многострадальный Херсонесъ отстаивалъ свою самостоятельность и свои захваты.

IV.

Постройка городской стѣны. Херсонесская община. Гражданская присяга херсонитянъ.

Однако, несмотря на дикость сосѣдей, готовыхъ каждую минуту воспользоваться добромъ и жизнью поселенцевъ, Херсонесская колоніяросла, развивалась и богатѣла. Ея приобрѣтенія и торговые обороты вскорѣ достигли такихъ размѣровъ, что колонія превратилась въ зажиточный и красивый городокъ, украшенный богатыми храмами, общественными зданіями и статуями. Уже въ IV, а вѣроятнѣе—въ V в. до Р. Хр. община сочла необходимымъ оградить себя и свои богатства отъ опасныхъ сосѣдей надежной стѣной. Стѣна эта, частично открытая недавними раскопками, шла ломаной линіей отъ глубины Херсонесской бухты до Песочной, вокругъ города, почти на протяженіи $1\frac{1}{2}$ верстъ (по словамъ Плінія 5.000 шаговъ), перестъкая основаніе полуострова и тѣмъ отдѣляя его отъ остальной суши. По точному обмѣру шт.-кап. Горячова, херсонесское городище занимало площадь въ 35 десятинъ 112 саж. На этой площади, даже при очень густотѣ, сплошенному населенію, могло пріютиться не болѣе 10—12 тысячъ жителей; да за городской стѣной могло поселиться 1—2, много 3 тысячи бѣдноты. Таково, приблизительно, населеніе классического Херсонеса въ цвѣтущую пору жизни, а не 50.000, какъ говорилъ известный французскій путешественникъ-изслѣдователь Дюбуа-де-Монпере,—цифра, прошедшая, кажется, во всѣ путеводители, сообщавшіе свѣдѣнія о Херсонесѣ.

Городская стѣна—это гигантская, почти циклопическая постройка. Ширина ея у основанія около сажени; она сложена

изъ громадныхъ, прекрасно тесанныхъ камней, до двухъ аршинъ длиной и около аршина въ высоту, и пригнанныхъ такъ, что между камней совершенно не замѣчается щелей. На углахъ стѣнь, на изломахъ ея, было три круглыхъ крѣпостныхъ башни, такой же кладки. Въ городъ вело двое воротъ, замыкавшихся тяжелымъ, спускавшимся сверху затворомъ. За такой оградой херсонитяне могли свободно и мирно заниматься не только своими дѣлами, но и искусствами, воспринимая всѣ плоды высокой эллинской культуры. И дѣйствительно, раскопки и эпиграфические памятники (надписи) показываютъ высокую степень культурного развитія и гражданского благоустройства херсонитянъ. Масса остатковъ богатыхъ изваяній изъ проконесского мрамора, украшавшихъ храмы, дома и городскія площади, груды обломковъ чудной расписной чернолаковой посуды, секретъ изготведенія которой пропалъ для насъ, быть можетъ, навсегда, изящныя терракоты, дивныя ювелирныя издѣлія, поражающія даже мастеровъ совершенствомъ отдѣлки и тонкостью рѣзной работы, наконецъ, масса эпиграфическихъ памятниковъ говорятъ объ этомъ съ убѣдительностью. И когда осматриваешь эти остатки древности, то кажется, что они найдены не въ далекомъ провинциальному городу, граничащемъ съ варварами, а въ самомъ центрѣ греческой культуры, въ самомъ сердцѣ Эллады.

Причина такого высокаго развитія и богатства, на которое съ зависью поглядывали сосѣди,—кромъ обширной торговли съ Греціей, куда Херсонесъ отправлялъ зерновые продукты, соль и скотъ, кромъ громадной энергіи и предпріимчивости колонистовъ,—заключалась еще и въ большой солидарности членовъ всей общины, которые крѣпко держались другъ друга и дружно защищали интересы новой родины. Что это такъ, лучше всего доказываетъ и найденный вблизи раскопокъ текстъ гражданской присяги херсонитянъ, которая по всѣмъ даннымъ относится къ IV в. до Р. Хр., и которая представляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпиграфическихъ памятниковъ, вообще когда-либо найденныхъ. Вотъ она:

«Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и богинями Олимпа и героями, кои охраняютъ общину, землю и стѣны херсонаситовъ, что всегда буду дружно стоять за благо и свободу города и согражданъ и не предамъ ни Херсонаса, ни Прекрасной Гавани, ни иныхъ укрѣплений и земель, коими херсонаситы владѣютъ или владѣли, (не предамъ) ничего никому—ни эллину, ни варвару; но буду охранять для Херсонаса; и не нарушу демократіи, а желающаго предать или нарушить

Гражданская присяга херсонитянъ.

ее отвращу, и не укрою, а даже заявлю о немъ городскимъ властямъ. Буду врагомъ каждому злоумышляющему, предающему или склоняющему къ отпаденю Херсонасъ, Керкенитиду, Прекрасную Гавань, укрѣпленія и земли херсонаситовъ. Когда буду служить (деміургомъ) члѣномъ совѣта, буду давать совѣты наиболѣе честные и полезные для города и для гражданъ и буду...¹⁾ охранять народу и не передамъ на словахъ ничего тайного ни эллину, ни варвару, что могло бы повредить общинѣ. Не дамъ взятки и не приму ея ко вреду города и гражданъ; и не замыслю ничего дурного противъ гражданъ, вѣрныхъ общинѣ, на судѣ подамъ голосъ по законамъ. Не вступлю въ заговоръ ни противъ общины херсонаситовъ, ни противъ кого-либо изъ гражданъ, если онъ не объявленъ врагомъ народа. А если я узнаю о какомъ-либо заговорѣ существующемъ, или замышляющемся, то заявлю членамъ совѣта. Не буду продавать хлѣба изъ равнинъ, а равно вывозить его въ другое мѣсто помимо Херсонаса.

«Если я свято исполню свое обѣщаніе, да испошлетъ Зевесь, Солнце, Земля, Дѣва и боги Олимпа все хорошее мнѣ самому и всему роду; если же я не исполню, пусть злая судьба постигнетъ меня со всѣмъ родомъ; да не принесетъ мнѣ плода ни земля, ни море, и жена да не родить²⁾...

V.

Херсонесская республика и ея гражданское устройство. Городъ и земли херсонитянъ. „Равнина“, Керкинитъ, Прекрасный портъ.

«Изъ текста присяги,—говорить академикъ Латышевъ,—сразу видно громадное значеніе ея не только для пополненія нашихъ свѣдѣній о древнемъ Херсонесѣ, но и для греческихъ государственныхъ древностей вообще. Къ сожалѣнію, въ присягѣ нѣть прямыхъ данныхъ, позволяющихъ пріурочить ее къ определенному времени, но характеръ письма, особенности языка и ореографіи документа позволяютъ пріурочить ее къ срединѣ III или даже къ концу IV в. до Р. Хр. (хотя послѣднее, сознаемся, нѣсколько рискованно). Намъ именно послѣднее кажется болѣе близкимъ къ истинѣ, и мы даже думаемъ, что настоящая присяга имѣеть болѣе древнее происхожденіе. Въ самомъ дѣлѣ,

¹⁾ Здѣсь стоитъ слово *σαστέρα*, значеніе котораго пока не выяснено.

²⁾ Въ концѣ нѣсколько словъ уничтожено временемъ.

присяга, говоря словами того же В. В. Латышева, «какъ гарантія вѣрности извѣстнаго обѣцанія, имѣла чрезвычайно широкое распространеніе у древнихъ народовъ, въ томъ числѣ и у грековъ, какъ въ частной жизни, такъ и въ государственной и общественной. По убѣждению грековъ, клятвопреступникъ не могъ скрыться отъ боговъ и избѣжать ихъ возмездія, и если не самъ онъ, то дѣти и весь родъ клятвопреступника подвергаются великимъ несчастіямъ». А если такъ, то употребленіе присяги, въ виду окружающихъ условій, могло быть обязательнымъ вскорѣ послѣ основанія Херсонеса, не говоря уже о томъ времени, когда онъ разбогатѣлъ и вошелъ въ союзъ съсосѣдними городами, а себя оградилъ надежной стѣной,—а это, надо полагать, было не позднѣе начала IV вѣка.

За глубокую древность присяги до нѣкоторой степени говорятъ и названія городовъ Керкинита и Прекрасной Гавани (Καλλος Λιμνη), на положеніе которыхъ не указываетъ ни одинъ изъ древнихъ и болѣе новыхъ географовъ или историковъ, такъ что доселѣ оно остается намъ точно неизвѣстнымъ. Очевидно, они покончили свое существование, и только имена городовъ пережили славу ихъ уже въ то отдаленное время.

Итакъ, присяга—очень древній памятникъ. Несомнѣнно, это официальный текстъ ея, по которому присягали вступавшіе въ общину или получавшіе права херсонесского гражданства, подобно тому, какъ мы присягаемъ по печатнымъ текстамъ. Въ Асинахъ, какъ извѣстно, молодые граждане присягали въ святилищѣ Аглавры. Весьмаѣ бѣроятно, что и въ Херсонесѣ мѣстомъ приведенія къ присягѣ служилъ какой-нибудь храмъ, въ которомъ и былъ выставленъ для прочтенія присягавшимъ дошедшій до насъ текстъ. Скорѣе всего это былъ храмъ Дѣви, покровительницы города.

Этотъ интересный памятникъ знакомить насть не только съ духомъ и бытомъ херсонитянъ, но и съ ихъ религіей и гражданскимъ устройствомъ. Изъ присяги ясно, что въ то время Херсонесъ былъ самостоятельной колоніей или, вѣрѣ, стоялъ во главѣ союза колоній. Въ районѣ Херсонесской республики входили города Керкинитъ, Прекрасный Портъ, «равнина», «другія земли» и укрѣпленія.

Гдѣ находились эти города и чтò понимать подъ словами «другія земли»,—пока не удалось установить точно. Греческій историкъ-географъ Арріанъ (I в. по Р. Хр.) въ своемъ «Периплѣ Цонта Эвксинскаго», сообщая разстоянія между главными мѣстностями Тавриды по направлению съ востока, говорить со-

вершенно определено, что отъ Херсонеса до Керкинитиды 600 стадий, отъ Керкинитиды до Прекрасного Порта, тоже скиескаго, — 700 стадий. Безымянный авторъ подобнаго же описанія прибавляетъ у себя, что отъ Прекраснаго Порта начинается Керкинитскій заливъ, простирающійся до Тамираки. Если припомнимъ, что греческая стадія равнялась 187 метрамъ (т. е. около 92 сажень), то выйдетъ, что отъ Херсонеса до Керкинита — около 100 верстъ, а отъ него до Прекраснаго Порта — нѣсколько болѣе. Поэтому думаютъ, что Керкинит лежалъ гдѣ-то по близости Евпаторіи, къ ѿверу отъ нея; за это съ положительностью говорять и находки въ окрестностяхъ города древнихъ вещей и монетъ IV—III в. съ надписью Керкинит (собственно — Керк.). Проф. Брунъ подчеркиваетъ фактъ, что на старыхъ итальянскихъ картахъ (XIV в.) недалеко отъ положенія современной Евпаторіи отмѣчается городъ Chirechini, Chrichiniri. Романченко, производивший раскопки въ окрестностяхъ Евпаторіи, заканчиваетъ свой отчетъ слѣдующими словами: «Керкинитидскія монеты, находимыя исключительно на пространствѣ отъ карантина до Б.-Майнаксаго озера, и изслѣдованія, производившіяся мною въ теченіе долгихъ лѣтъ, приводятъ меня безповоротно къ рѣшенію, что здѣсь лежалъ городъ *Керкинитиды*, который ученые тщетно искали въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, мы считаемъ вопросъ о мѣстонахожденіи Керкинитиды поконченнымъ и вполнѣ увѣрены, что дальнѣйшая раскопки здѣсь дадутъ еще много новаго и интереснаго матеріала по исторіи сего города». Здѣсь же мимоходомъ замѣтимъ, что чеканка монетъ Керкинитомъ указываетъ, что онъ въ свое время былъ вполнѣ независимой, самостоятельной колоніей. Такихъ монетъ дошло до насъ очень немного, и, вѣроятно, самостоятельность эта продолжалась недолго.

Гдѣ помѣщался Прекрасный Портъ — еще труднѣе сказать. Если принять показанія Аппіана, то его надо искать гдѣ-то у нынѣшней Акъ-Мечетской бухты (нѣсколько ѿверище м. Тарханкуть). Это принимаютъ такие знатоки древней географіи, какъ проф. Брунъ, Юрьевичъ и Латышевъ. Причемъ Юрьевичъ указываетъ, что на средневѣковыхъ итальянскихъ картахъ въ этой самой мѣстности находится имя Calolimena. Это совпадаетъ съ показаніями древнихъ писателей.

Что касается «равнины», упоминаемой въ присягѣ, то здѣсь надо понимать известную часть равнины Таврическаго полуострова, которая, по словамъ Страбона, «чрезвычайно богата хлѣбомъ и, вспаханная какъ попало любымъ пахаремъ, даетъ

урожай са́мь-тридцать». А «другія земли» и владѣнія херсонитянъ въ началѣ II в. до Р. Хр. выходили на съверъ далеко за предѣлы Таврическаго полуострова и, по словамъ извѣстнаго нумизматы Бурачкова, шли вдоль Днѣпра (Борисоена), простираясь чуть не до пороговъ, и здѣсь, на границѣ поселенія грековъ, херсонитяне вели торговлю съ обитателями съвера—россоланами и другими народами, стоявшими близко къ скиѳамъ.

Таковы предѣлы владѣній и вліяній Херсонесской республики въ этомъ періодѣ ея жизни.—Какъ видно изъ присяги, Херсонесъ очень дорожилъ своими владѣніями, правленіемъ и свободой и каралъ измѣнниковъ, призываю на нихъ гнѣвъ боговъ.

VI.

Состояніе города въ первые вѣка существованія. Правленіе.

Судя по остаткамъ и письменнымъ памятникамъ, городъ въ то время былъ густо застроенъ (800—900 домовъ); зелени не было; но его украшали многочисленные, богато отдѣленные храмы, общественные зданія, среди которыхъ была и гимназія, памятникъ выдающимся общественнымъ дѣятелямъ. Была въ городѣ и площадь для общественныхъ собраній (*ἀγορά*), навѣрное прекрасно обставленная,—такъ какъ за нею надзирало особое лицо и должность эта считалась почетной. Былъ и портъ (*emporion*), имѣвшій своихъ отдельныхъ начальниковъ-смотрителей, какъ видно изъ амфорныхъ ручекъ, а съ нимъ былъ и флотъ.

Городъ и порядокъ его охранялись постоянной стражей. Благодарные граждане отмѣчали заслуги лицъ, потрудившихся на пользу города, выставляя въ честь ихъ на видныхъ мѣстахъ статуи или благодарственные надписи. Вотъ одна изъ такихъ надписей, которая подтверждаетъ наши догадки:

«Народъ Агасиклету, сыну Ктесія!

«Который ввелъ стражу и снарядилъ ее, опредѣлилъ въ полѣ межи для виноградниковъ, строилъ стѣны, устроилъ общественную площадь, былъ стратегомъ, жрецомъ, управлялъ гимназіей, надзиралъ за общественной площадью».

Херсонитяне отличали особая услуги не только своихъ, но и постороннихъ гражданъ. Одинъ изъ памятниковъ гласить:

«Такъ какъ... такой-то оказалъ гражданамъ... услуги, то народъ и совѣтъ постановили похвалить за это... и дать ему право

гостепріимства, въѣзда и выѣзда моремъ въ военное время, а равно—пріобрѣтенія земли и жилья, какъ ему, такъ и его по-томству, равноправность и прочій почетъ, какой даемъ другимъ ерсонитянамъ и отъ рожденія гражданамъ. Надпись эту начерть на камнѣ изъ бѣлаго мрамора и поставить въ храмѣ Эскулапа».

Въ первомъ памятникѣ останавливаются вниманіе слова: «опредѣлилъ въ полѣ межи для виноградниковъ». Очевидно, виноградарство здѣсь имѣло большое экономическое значеніе; имъ занимались на многихъ участкахъ, границы которыхъ были плохо известны ихъ владѣльцамъ,—иначе межеваніе виноградниковъ не вмѣнялось бы въ большую заслугу, которую слѣдовало отмѣтить въ декретѣ.

Рядомъ упоминается о постройкѣ стѣнъ, конечно, не городскихъ, такъ какъ этотъ важный фактъ стоялъ бы на первомъ мѣстѣ декрета, а тѣхъ, которыя отдѣляли владѣнія общественныя отъ частной собственности. Кто знаетъ,—быть можетъ, масса остатковъ стѣнъ, которыя дѣлять на маленькие участки окрестности Херсонеса, ближайшія къ мысу,—послѣдніе свидѣтели стараній Агасиклита? Какъ бы то ни было, но самый фактъ указываетъ на большой порядокъ въ общественныхъ дѣлахъ и владѣніяхъ Херсонеса.

Въ политическомъ отношеніи Херсонесская республика, насколько показываютъ присяга и другие памятники, представляла благоустроенную гражданскую общину съ строго демократическимъ правленіемъ, во главѣ котораго стоялъ совѣтъ, избранный народнымъ собраниемъ закрытой баллотировкой. Въ совѣтъ, да и на другія общественныя должности, судя по словамъ присяги: «буду служить общественнымъ дѣятелемъ (деміургомъ) и членомъ совѣта какъ можно лучше и справедливѣе», могъ попасть каждый полноправный гражданинъ. Во главѣ совѣта стоялъ предсѣдатель въ званіи первого архонта, протевона, проэдра и т. п.

Существовали и званія царя и главнаго жреца, которыя обыкновенно совмѣщались въ одномъ лицѣ; за это говорять надписи; но каковы были размѣры этой власти,—установить пока не удалось. Можно думать только одно,—что должность царя была выборная. Археологія сохранила намъ много именъ въ званіи архонтовъ, протевоновъ, парей; вотъ они: Агасиклеть, Аполлодоръ, Архиклей, Эвридамъ, Геракль, Гераклидъ, Гимнъ, Ксанфъ, Котисъ, Менестратъ, Хорей, Эсхинъ и много другихъ, имена

которыхъ мы читаемъ на эпиграфическихъ памятникахъ и современныхъ имъ монетахъ.

Была отдельная должность стратега—начальника войскъ. По юридической части были должности деміурговъ, на обязанности которыхъ, между прочимъ, было слѣдить за точнымъ и полненiemъ законовъ и пещись о демократіи. Тѣ и другіе избирались закрытой баллотировкой, написавъ имя и отчество избранника на глиняныхъ пластинкахъ или камешкахъ. По отдалу просвѣщенія былъ особый начальникъ гимназіи.

За порядкомъ во всемъ городѣ, за правильностью мѣръ, вѣсовъ и чеканкой монеты слѣдилъ особый чинъ, въ званіи астюнома (полиціймейстера). Имена астюномовъ дошли до настъ на многочисленныхъ ручкахъ амфоръ, мѣдныхъ сосудовъ для продажи масла, вина и другихъ продуктовъ. Были, конечно, и другія должности, но о нихъ мы знаемъ мало опредѣленного.

VII.

Религія, храмы. Образованіе, гимназія. Панеллинскія состязанія. Искусство и науки.

Вмѣстѣ съ энергией и порядкомъ гераклеоты принесли въ Херсонесъ и свои вѣрованія. Присяга и другіе памятники даютъ довольно свѣдѣній о религіозныхъ воззрѣніяхъ херсонитянъ. Въ ряду боговъ на первомъ мѣстѣ они ставятъ Зевса, за нимъ—Землю (Гея-Церера), Солнце (Геліосъ), Дѣву, подъ которой слѣдуетъ понимать Артемиду-Діану, а за ними уже слѣдуютъ олимпійскіе боги и герои, покровители города и его владѣній.

Дѣва, какъ мы узнаемъ отъ Страбона и изъ декрета въ честь полководца Диофанта, считалась главной покровительницей города; она имѣла отдельный храмъ, рядомъ съ храмомъ олицетвореннаго покровителя города «Херсонеса». Въ честь ея ежегодно совершался праздникъ *Парѳеноса*¹⁾, съ торжественнымъ ходомъ, во время которого провозглашались благодарности и награды, дарованныя городомъ извѣстнымъ лицамъ.

Особое уваженіе къ богинѣ-дѣвственницѣ выражалось и въ томъ, что она почти всегда изображалась на лицевой сторонѣ древнѣйшихъ херсонесскихъ монетъ (отъ IV в. до Р. Хр. по

¹⁾ Отъ слова *παρθένος*—дѣва.

по II в. по Р. Хр.) или вся, въ видѣ охотницы, поражающей олена, или только ся голова съ охотничими принадлежностями.

Процвѣталь въ Херсонесѣ и культь Геракла (Геркулеса), такъ какъ херсониты считали себя его потомками и на древнѣйшихъ монетахъ нерѣдко изображали голову героя или, по крайней мѣрѣ, его палицу. Вмѣстѣ съ Геркулесомъ высоко чтился и его потомокъ—Асклепій (Эскулапъ), и, какъ мы видѣли выше, въ городѣ былъ храмъ его имени. На монетахъ этого периода иногда изображался Эскулапъ вмѣстѣ съ богиней здоровья Гигеей. На оборотной сторонѣ этихъ монетъ обыкновенно изображался дикий бодающійся быкъ (по-гречески *tauroς*), отъ которого, какъ говорить Геродотъ, и народъ, и горы, и весь полуостровъ получили свои названія—Тавры, Таврида.

Есть указанія и на то, что въ Херсонесѣ были отдельные храмы веселому сыну Юпитера, Діонису (Вакху), и не менѣе веселой богинѣ любви Афродитѣ (Венерѣ). Одна изъ надписей II в. до Р. Хр. гласитъ о возобновленіи святилища вѣчно пьянящаго бога «иждивенiemъ гражданина Насіада, сына Артемидора, занимавшаго должности царя (губернатора?) и жреца». Что касается храма Венеры, то изъ надписей того же вѣка на карнизахъ дошедшихъ до насъ колоннъ мы узнаемъ, что иѣкій Аврелій Эрмократъ, сынъ Тимофея, пожертвовалъ на ея храмъ изъ городскихъ суммъ 3.000 денаріевъ¹⁾). Изъ надписей на другихъ колоннахъ того же храма мы узнаемъ, что на колонны жертвовали Діоскуридъ, сынъ Діоскура, и Хризъ, сынъ Фарнака,—каждый по 500 денаріевъ, Аврелій, сынъ Приска,—300 денаріевъ. Въ спискѣ жертвователей находятся Маркіанъ, сынъ Гая, изъ Гераклеи (прородительницы Херсонеса), Валеріанъ и др. Какъ видно, культь богини любви имѣль много богатыхъ поклонниковъ, какъ среди грековъ, такъ и римлянъ, поддерживавшихъ храмъ щедрыми по своему времени пожертвованіями. Была ли то золотая молодежь, или увядашая въ любви старость,—исторія скромно умалчиваетъ. Вѣроятно, были и еще храмы, или если не храмы, то алтари въ честь другихъ боговъ; но о нихъ пока можемъ только догадываться.

Отсюда видно, что херсониты по-своему были религіозны, но оказывали явное предпочтеніе веселымъ богамъ. А разъ были храмы, то были и празднства, игры и состязанія въ честь боговъ. И надо думать, что херсониты и въ этомъ отнosiеніи старались не отставать отъ своей метрополіи и далекой родины;

¹⁾ Древнія римская монета цѣной около 40 коп.

на этомъ поприщѣ они даже пріобрѣли нѣкоторую извѣстность въ эллинскомъ мірѣ. Такъ имѣются положительныя свѣдѣнія, что дельфійцы въ концѣ II в., конечно до нашей эры, отирали въ Херсонесъ двухъ пословъ съ приглашеніемъ принять участіе въ дельфійскихъ играхъ и празднествахъ. Херсонитяне оказали посламъ самый радушный пріемъ, выразили въ особомъ декретѣ свое расположение и отправили въ Дельфы отвѣтное посольство. Здѣсь херсонесскіе послы Форміонъ и Гераклідъ принесли отъ лица своей общины жертвы покровителямъ истмійскихъ игръ—Аполлону изъ 100 головъ скота и Аоинѣ изъ 12; при чёмъ жертвоприношеннія начинались быками, и жертвенное мясо раздѣлили между дельфійскими гражданами.—Въ благодарность за такое высокое вниманіе къ божеству, щедрость и дружбу, дельфійцы постановили выразить гражданамъ Херсонеса похвалу въ декретѣ и даровать право первенства при вопрошеніи ихъ оракула. Посламъ пожалованы проксенія, т.-е. права дельфійского гражданства, и щедрые подарки, а весь декретъ постановлено вырѣзать на камнѣ и поставить въ храмѣ Аполлона.

За щедрый подарокъ—не менѣе щедрая отплата. Но надо было быть очень богатымъ, чтобы дѣлать подобные подарки. А дельфійцы, вѣроятно, были не первые и не одни.

Херсонитяне не только принимали участіе въ греческихъ играхъ и состязаніяхъ, но даже выходили на нихъ побѣдителями. Доказательства у насъ на лицо. Такъ въ склепѣ, помѣщавшемся въ городской стѣнѣ, гдѣ найдено столько чудныхъ вещей, столько сокровищъ греческаго искусства, помѣщалась, между прочимъ, большая свинцовая урна, вѣроятно, въ свое время золоченая; на ней крышка съ надписью на горлѣ, исполненной углубленными точками: «Призъ праздника Анакій»¹⁾). Кто былъ счастливымъ обладателемъ этой вазы, намъ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ она была большимъ почетомъ для города отдаленной отъ Эллады провинціи, граничившей съ землями варваровъ, и городъ почтилъ память побѣдителя, похоронивъ его останки въ самомъ почетномъ склепѣ. Въ жизни Херсонеса это было цѣлое событие, и стоило чествовать его. «Въ Аѳинахъ, какъ справедливо говорить гр. Бобринскій, открывалось состязаніе не съ своимъ братомъ, обитателемъ береговъ Понта, а съ чемпіонами всей Греціи. Въ столицу Аттики стекались знаменитости всей Эллады, Малой Азіи и далекихъ италійскихъ колоній. Словомъ, весь современный цивилизованный міръ прі-

¹⁾ Анакій—святилище въ честь Діоскуровъ, покровителей мореплавателей и гимнастовъ, недалеко отъ Аѳинъ.

ѣзжалъ состязаться и любоваться знаменитыми играми... Много ли было надеждъ обитателю далекой Тавриды на какой-либо успѣхъ въ соревнованіи съ первоклассными атлетами греческаго міра? И вдругъ побѣда!.. Въ Херсонесѣ уже ждутъ съ нетерпѣніемъ всѣстей и возвращенія депутатовъ изъ Аоинъ, чтобы узнать ходъ игръ и имена побѣдителей. Наконецъ, желанный день насталъ. Дуешь попутный вѣтеръ, и одинъ за другимъ появляются корабли, возвращающіеся изъ Аоинъ.—Что это?—мачты главнаго судна украшены вѣнками и яркими вымпелами! Уже слышатся восторженные голоса, и... херсонитянѣ узнаютъ къ своей гордости, что такой-то ихъ гражданинъ удостоился торжественного провозглашенія своего имени и города и получилъ въ призъ великолѣпную вазу работы извѣстнаго аоинскаго художника. Съ какимъ торжествомъ вносится награда побѣдителя въ городъ! Какая встрѣча ему! Вотъ онъ въ лавровомъ вѣнкѣ шествуетъ впереди всѣхъ къ главному храму, хоръ поетъ ему гимнъ. За нимъ толнятся родные, женщины, дѣти и граждане Херсонеса. Побѣдная ваза торжественно вносится въ храмъ и ставится на почетномъ мѣстѣ. А въ назиданіе потомству подъ нею на мраморномъ пьедесталѣ вырѣзывается надпись, гласящая о побѣдѣ ея счастливаго обладателя... И драгоценный сосудъ простоять въ храмѣ на славу родному городу до самой смерти добывшаго ее атлета. Только тогда снимутъ вазу съ пьедестала, наполнять ее цѣнными предметами и опустить въ могилу, и онъ унесетъ свой призъ съ собой туда... въ загробную жизнь, какъ воспоминаніе лучшихъ минутъ»...

Херсонитяте, какъ и вся Эллада, какъ большинство языческихъ народовъ, вѣровали, что душа умершаго, продолжая свое самостоятельное существованіе даже за могилой, можетъ являться живымъ во снѣ, бесѣдовать съ ними, принимать участіе въ ихъ житейскихъ дѣлахъ и жить интересами, которые волновали ее до разлученія съ тѣломъ. Всѣдѣствіе этого они полагали, что для души прежде всего нужно жилище, удобная могила, гдѣ бы душа могла найти покой. Мысль остаться непогребеннымъ для древняго грека была такъ же страшна, какъ для средневѣкового христіанина мысль о мукахъ ада. Вотъ почему древній грекъ дѣлаетъ возможно удобную могилу, обставляетъ и снабжаетъ ее всѣмъ, что умершимъ было мило и дорого на землѣ: лучшая одежда, оружіе, украшенія, которыя покойный носилъ на землѣ, предметы его профессіи: у художника—его краски, у ваятеля—рѣзецъ, у лѣпца—его формы, у дѣтей—игрушки... все цѣло въ склепъ или могилу. Иногда богатые клади на голову умер-

шаго лавровый или золотой вѣнокъ, напоминавшій его подвиги въ жизни, а кто не могъ положить вѣнка, то хоть золотымъ листкомъ закрывалъ умершему глаза; въ ногахъ его ставили сосуды для яствъ и питей, иногда даже утварь и деньги. Гдѣ сжигались трупы, тамъ сжигались на кострѣ и эти предметы и съ пепломъ покойного попадали въ урну. Ничего не утаивали, не стѣсняясь цѣнностью, изъ боязни навлечь на себя месть души умершаго или даже кару боговъ. Такъ какъ, прежде чѣмъ перейти въ царство тѣней, душа покойника должна была переплыть въ лодкѣ рѣку Забвенія (Лету), то почившему въ зубы вкладывалась по установленной таксѣ малоцѣнная мѣдная монета.

Благодаря такимъ обычаямъ, благодаря культу мертвыхъ, въ усыпальницахъ Херсонеса, которыхъ плотной цѣпью окружали городъ и во множествѣ разсыпаны въ ближайшихъ балкахъ (въ древности хоронили даже непосредственно за стѣнами города), до насъ дошли, съ точной датой Харона, масса самыхъ разнообразныхъ и самыхъ цѣнныхъ предметовъ обихода, которые восстановливаютъ картину жизни древняго херсонесца во всѣхъ ея мелочахъ.

Идеаломъ греческаго воспитанія было гармоническое развитіе души и тѣла. И если въ Херсонесѣ атлетика стояла такъ wysoko, что его сыны получали призы на панэллинскихъ играхъ, то, навѣрно, херсонесскіе юноши успѣвали не менѣе и въ наукахъ. Мы уже знаемъ, что въ Херсонесѣ была гимназія, и благодарность народа ея начальнику показываетъ, что содержалась она въ образцовомъ порядкѣ. Но до насъ пока дошли свѣдѣнія только объ одной гимназіи, а сколько ихъ было,—мы не знаемъ. Исторія не сохранила намъ ни одного имени херсонесскаго ученаго, философа или историка. Но значитъ ли, что ихъ не было? Когда читаешь хронику Константина Порфиророднаго (Х в.), такъ и чувствуешь, что свѣдѣнія о прошломъ Херсонеса онъ черпалъ у херсонесскихъ хронистовъ или, по крайней мѣрѣ, слушалъ ихъ разсказъ.

Если такъ мало положительныхъ свѣдѣній о херсонесской наукѣ, зато масса памятниковъ искусствъ и художественныхъ вещей. Вспомните колоссальную и прекрасно сложенную городскую стѣну съ крѣпостными башнями. Взгляните на остатки большихъ зданій, открытыхъ въ послѣднее время. А масса колоннъ чуднаго мрамора, капителей, карнизовъ всѣхъ стилей и тонкой работы! Мраморы, за неимѣніемъ своихъ, привозились изъ родной Эллады и, какъ говорятъ специалисты, изъ богатыхъ

ломокъ Проконеса¹). Какъ показываютъ находки, карнизы и капители не всегда доставлялись отдѣланными, иногда—и вчерь; а это ужъ школа для мѣстныхъ мастеровъ. И эти груды мрамора, украшающія и окружающія дворъ херсонесскаго музея, остались послѣ того, какъ въ средніе вѣка генуэзцы, венеціанцы и турки нещадно тащили отсюда все, что возможно и имѣло хотя какую-нибудь цѣнность.

Не мало дошло до насть и терракотовыхъ издѣлій, служившихъ украшеніемъ и дома, и комнать, и несомнѣнно изготовленіиихъ здѣсь же, въ Херсонесѣ. Такъ, при раскопкахъ у берега моря, была открыта большая мастерская художественныхъ терракотовыхъ издѣлій. Она состояла изъ двухъ отдѣлений: въ одномъ находилась обжигательная печь, въ другомъ—складъ моделей изъ терракоты, въ которыхъ оттискивались фигуры; между ними—большіе медальоны съ миоологическими группами, крышки для посуды, модели масокъ Аполлона, Діониса, Сатира, чудные женскія головки. Восковые оттиски или, лучше сказать, отливки показали тонкую, изящную работу моделей. Масса обломковъ расписанной черно-лаковой посуды, сохранившей всю свѣжесть рисунка и отдѣлки, показываетъ, что херсонесцы обладали большимъ вкусомъ и поддерживали живыя связи съ Элладой и эллинскимъ востокомъ.

Но что поражаетъ въ херсонесскихъ находкахъ не только любителя, но и знатока, это—украшенія изъ золота и драгоцѣнныхъ рѣзныхъ камней. Здѣсь изящество, художественность работы какъ бы соперничаютъ между собой, и такихъ вещей найдена масса.

Одно изъ золотыхъ ожерелій, состоящее изъ медальоновъ съ драгоцѣнными камнями и съ подвеской въ видѣ бабочки, оцѣнивается знатоками въ пятнадцать тысячъ рублей, и когда крупному петербургскому ювелиру показали эту находку, онъ былъ удивленъ мастерствомъ выполненія подобной работы. О камняхъ и перстняхъ я уже не говорю: они поражаютъ тонкостью и художественностью исполненія. И все это дошло до насть исключительно благодаря поклоненію душамъ усопшихъ, такъ какъ драгоцѣнныя украшенія и мелкія вещи домашняго обихода находятъ только въ могилахъ и склепахъ. Многія изъ этихъ произведеній древности хранятся теперь въ Эрмитажѣ и московскомъ Историческомъ музѣѣ, куда направляются главныя на-

¹) Островъ на Мраморномъ морѣ, славившійся своимъ мраморомъ и мастерами.

ходки раскопокъ; но немало интереснаго остается и на мѣстѣ, въ херсонесскомъ музѣи древностей.

Само собою разумѣется, что лица, умѣвшія цѣнить подобныя вещи, должны быть очень культурными и имѣть на то средства; ихъ давала обширная торговля Херсонеса. Мы уже знаемъ, что Таврида въ то время славилась урожаями хлѣба; «Аттика получала отсюда половину хлѣба, нужнаго ей для прокормленія своего многочисленнаго населенія» (Кулаковскій). Страбонъ говоритъ, что босфорскій царь Левконъ I-й (388—347 до Р. Хр.) вывозѣ изъ Феодосіи въ Аеину 2.100.000 медимновъ¹⁾ хлѣба. Если Феодосія, съ ея неудобной, открытой бухтой, могла вывезти столько, то хорошо защищенный отъ вѣтровъ Херсонесъ, съ его длинной бухтой, могъ вывезти не менѣе. Какъ видно изъ текста присяги, хлѣбная торговля Херсонеса строго регулировалась властями, и въ извѣстное время даже воспрещался вывозъ зерна изъ «равнины».

Такъ какъ во владѣніи Херсонеса и его ближайшихъ со-сѣдей были соляные озера съ громадной добычей соли, то чрезъ посредство его вывозилась въ Грецію масса соли. Хлѣбъ и соль были главными предметами торговли. Вывозились отсюда, вѣроятно, скотъ и кожи. Объ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ херсонесцевъ говорять монеты разныхъ греческихъ городовъ, найденные при раскопкахъ города. По словамъ Косцюшко-Валюжинича, чаще всего попадаются монеты Пантикея, Амиса, Синопа, Гераклеи, Ольвіи, Пропонтиды, изрѣдка Феодосіи и Тира (Аккерманъ), и выходящихъ изъ предѣловъ Эвксинскаго Понта—Византіи, острова Родоса и болѣе отдаленныхъ—Галатіи и даже Тарента. Херсонесцы вели торговлю также со斯基ѳами и народцами вверхъ по Днѣпру, и если отъ нихъ не осталось монетъ, такъ потому, что ихъ не было: торговля была мѣновая или шла на монету ближайшихъ самостоятельныхъ городовъ, чеканившихъ монету. Въ 1889 г. въ раскопкахъ нашли двѣнадцать серебряныхъ слитковъ, по $\frac{1}{2}$ ф. каждый,—ужъ не наши ли древніе «рубли»?

Съ IV по I в. до Р. Хр. Херсонесъ чеканилъ собственную серебряную и мѣдную монету. Полагаютъ, что въ римскую эпоху Херсонесъ чеканилъ и золотую монету, но ея дошло до насъ чрезвычайно мало. Оно и понятно: высокая цѣнность заставляла хранить и при каждомъ погромѣ уносить ее съ собой. Серебряной и особенно мѣдной дошло много и разной цѣнности.

¹⁾ Мѣра счищущихъ тѣль, равная, приблизительно, двумъ четверикамъ (около пяти ведеръ).

На древнейших херсонесских монетах чаще всего изображались покровители колонии: Артемида, поражающая лань, и Геракл, ржаво-Аполлон, Афродита, Победа и др.; на оборотной стороне—вольт, дельфин, палица, львы, корабли, грифы, луки, стрелы, колесницы, воины и т. п. Найдено несколько свинцовых кружков с изображением Гермеса (Меркурия), орла, дельфина. По мнению пумизмата Бурачкова, это медали, жетоны, которые выпускались во время празднеств в честь различных божеств, почитавшихся в Херсонесе. Приводились они за плату и, может быть, служили входными знаками на игры и зрелища. Косцюшко-Валюжинич считает их за вотивные знаки¹⁾. Изъ всего видно, что въ то отдаленное время Херсонесъ былъ живымъ торгово-промышленнымъ и образовательнымъ центромъ, откуда греческая культура распространялась между соседними варварами и далеко на северъ. Культура въками благораживала дикіе нравы тавровъ, скиоовъ и ихъ соплеменниковъ, смягчала ихъ и насаждала среди нихъ образование. Чѣмъ ближе къ нашей эрѣ, тѣмъ чаще и чаще попадаются имена скиоовъ, которые получали права гражданства и даже играли видную роль въ политической жизни херсонесской общины; имена скиоовъ попадаются даже среди посланниковъ и ходатайств по дѣламъ общины.

VIII.

Столкновенія со скиоами и Пантикеемъ (III—II в. до Р. Хр.). Обращеніе къ МитридатуPontийскому. Полководецъ Диофантъ. Побѣда его. Псевдизъ Диофанту.

Однако не надо думать, что жизнь херсонесцевъ протекала тихо и мирно. Уже одна гигантская стѣна показываетъ, что необходима была хотя и очень дорогая, но надежная защита отъ скиоскихъ племенъ, которыхъ не могли смотрѣть равнодушно ни на богатства, ни на завоевательные стремленія и захваты херсонесцевъ. Мы уже знаемъ, что херсонесцы владѣли плодородной долиной, но, какъ известно, площадь ея была невелика, и херсонесцы обязывались клятвой не продавать ея урожая. При такихъ условіяхъ предпримчивые греки стремились увеличить площадь владѣній, и то, что захватили, держали прочно. До настѣ дошелъ сколокъ акта о продажѣ херсонесскихъ земель,

¹⁾ Т. е. посвятительные медали.

изъ котораго видно, что особая комиссія продавала участки отдельнымъ лицамъ. Однако пріобрѣтать таковыес, какъ показываютъ документы, могли не всѣ, а только тѣ, кто пользовался этимъ правомъ, т.-е. правомъ херсонесскаго гражданства. Бывало, конечно, и такъ, что участокъ не могъ пріобрѣсти недавній законный владѣлецъ его—аборигенъ.

Прошло много вѣковъ, и дикие скионы временъ Геродота подъ вліяніемъ тѣхъ же грековъ сильно измѣнились: они восприняли многое изъ эллинской культуры и уже стали дѣлиться на осѣдлыхъ и кочующихъ. Это уже были не тѣ скионы, и полумиоической другъ Солона, скионъ Анахарсисъ, сталъ живымъ и обыденнымъ лицомъ. Анахарсисовъ уже было много, и соотечественники не убивали ихъ за проведеніе новыхъ идей, а принимали дома, какъ желанныхъ гостей. Да и греки охотно давали имъ права гражданства. А въ степяхъ устьевъ Борисоена и Истра (Днѣпра и Буга) скионы готовы были слиться съ греками и почти образовали особое племя эллино-скиоовъ. Словомъ, среди скиоовъ съ вѣками все болѣе и болѣе увеличивалось чи-сло такихъ людей, которые уже не могли равнодушно смотрѣть на захваты и хозяйничанье въ ихъ исконной странѣ припливъ грековъ, игравшихъ въ то время ту же роль, чтѣ нынѣшніе европейцы во владѣніяхъ Китая. При такихъ условіяхъ столкновенія двухъ народовъ были неизбѣжны. И дѣйствительно, и историки, и обломки археологіи позволяютъ догадываться о постоянныхъ столкновеніяхъ между скиоами и херсонесцами. И по мѣрѣ того, какъ варвары культивировались, борьба становилась для грековъ труднѣе. Такъ идетъ до средины третьяго вѣка (до Р. Хр.).

Но вотъ волею судебъ падаетъ значеніе Аѳинъ, а вмѣстѣ съ ними—и всей классической Эллады. Призрачную свободу съ трудомъ поддерживаютъ Ахейскій и Этолійскій союзы. Но трудно грекамъ вырваться изъ цѣпкихъ когтей тиранновъ, поставленныхъ македонскими царями. Падаютъ связи съ понтийскими колоніями, падаетъ торговля съ ними, и это сильно отражается на дѣлахъ Херсонеса, поставщика и комиссіонера Аѳинъ, которая въ этотъ періодъ до нѣкоторой степени замѣняетъ островъ Родосъ. Средства общины уменьшаются; борьба становится не подъ силу; а тутъ еще появляется новый политическій и торговый врагъ и сосѣдъ въ видѣ Боспорскаго царства, которое за это время успѣло наложить свою тяжелую руку на торговлю Херсонеса и уже покушалось на его политическую свободу.

IX.

Подчиненіе Риму (I в. до Р. Хр.). Херсонесская эра.

На противоположномъ Херсонесу (восточномъ) берегу Таврическаго полуострова, какъ разъ у самаго пролива Боспора Киммерийскаго (Керченскаго), около VII в. до Р. Хр., а можетъ быть и раньше, возникла, подобно Херсонесу, греческая колонія Пантикопей (Керчь), которая со временемъ «организовалась въ своемъ внутреннемъ устройствѣ по тому типу, въ какой вообще укладывалась политическая жизнь грековъ, т. е. по типу городской республики. Въ ряду pontийскихъ колоній Пантикопей въ своихъ судьбахъ выдѣляется прежде всего тѣмъ, что онъ не остался городомъ, какъ другіе, а превратился въ центръ значительного политического цѣлаго, при чёмъ верховная власть организовалась здѣсь на иныхъ началахъ» (Кулаковскій). Еще въ началѣ V в., во время персидскихъ войнъ, въ Пантикопеѣ захватилъ власть одинъ изъ представителей греческаго рода Археанактидовъ. Затѣмъ ихъ смѣнила династія варварскаго происхожденія, вѣроятно єракійскаго, Спартакидовъ. При первыхъ правителяхъ этой династіи Пантикопей расширилъ свое значеніе и превратился изъ города въ царство. Расширение предѣловъ власти пантикопейскихъ правителей совершилось путемъ подчиненіясосѣднихъ, самостоятельныхъ дотолѣ греческихъ городовъ—каковы: Мирмекій, Гермизій, Нимфей, Фанагорія и др., и даже сосѣднія варварскія племена и селившіяся далеко по берегамъ Меотійскаго озера (Азовскаго моря) признали ихъ власть. Такимъ образомъ образовалось Боспорское царство, или просто Боспоръ. Это имя примѣнялось и для обозначенія самого города, служившаго центромъ державы Спартакидовъ. Одному изъ внуковъ Спартака—Левкону удалось утвердить свою власть и въ ѡеодосіи (IV в.), судя по его титулу на одной изъ надписей—«архонтъ Боспора и ѡеодосія». Къ слову сказать, исторію Боспора, какъ исторію Херсонеса, мы узнаемъ не отъ греческихъ историковъ, которые «мало интересовались судьбами своихъ отдаленныхъ родичей», а главнымъ образомъ на основаніи монетъ и надписей, извлекаемыхъ при раскопкахъ. Сынъ Левкона, Церисадъ, уже называется «архонтомъ Боспора и ѡеодосія, царемъ синдовъ и всѣхъ меотовъ».

Такимъ образомъ, Боспоръ являлся значительной политической силой, и въ то же время это былъ крупный торговый центръ, снабжавшій чрезъ Аеины Элладу хлѣбомъ, мѣхами, ко-

жами и другимъ сырьемъ, получая въ обмѣнъ вино, масло, ткали, предметы убранства и роскоши, не только для себя, но и для соседнихъ варваровъ, входившихъ во вкусъ цивилизациі. Вспомнимъ чудныя скиоскія вазы чертомлыцкой и кульобской гробницъ, которыми можно любоваться въ музѣѣ Эрмитажа, и которые, несомнѣнно, были изготовлены греческими мастерами специально для владѣтельныхъ скиоовъ. И аѳиняне, какъ показываютъ памятники, высоко ставили и боспорскихъ царей, и боспорскихъ гражданъ, отличая тѣхъ и другихъ во время празднествъ и торжественныхъ процессій. Есть свѣдѣнія о томъ, что боспорские цари просили у аѳинянъ дать имъ моряковъ, и просьба была исполнена.

Въ концѣ II вѣка до Р. Хр. нѣсколько скиоскихъ племенъ, замѣтивъ, что торговля, а вмѣстѣ съ ней и силы херсонесцевъ слабѣютъ, падаютъ, соединились, подъ главенствомъ престарѣлого, но энергичнаго царя Скилура, и задумали не только отобрать у Херсонесской республики свои владѣнія, но даже наложить на херсонесцевъ дань. Уже сынъ Скилура, Палакъ, успѣлъ завоевать нѣсколько приморскихъ городковъ и укрѣпленій и, повидимому, готовился обложить Херсонесъ, который па этотъ разъ оказался не въ силахъ отстаивать своими средствами свою самостоятельность. Херсонесцы рѣшили было обратиться къ боспорскому царю Перисаду (IV или V-му), но у него самого дѣла были также плохи, и онъ самъ не зналъ, какъ избавиться отъ наложенной Палакомъ дани. Тогда херсонесцы рѣшили обратиться за помощью (около 115 г.) къ могущественному малоазійскому властелину, царю Каппадокіи, Митридату Евпатору, знаменитому въ исторіи своей непримиримой враждой къ Римской имперіи. Митридатъ согласился помочь, и, по совѣту своего начальника войскъ, Диофанта, собралъ армию, посадилъ ее на суда и отправилъ въ Херсонесъ, подъ командой того же Диофанта. Диофантъ хотя и съ болѣшимъ усиліемъ, но отвоевалъ обратно владѣнія херсонесцевъ, разбилъ скиоовъ въ открытомъ полѣ и надолго отбилъ у нихъ охоту воевать съ греками. Въ благодарность за такую услугу и необыкновенный подвигъ херсонесцы поставили Диофанту въ городѣ статую съ надписью, подробно излагающею всѣ дѣянія полководца на пользу херсонесцевъ. Судьба не сохранила намъ статуи Диофанта, но зато сохранила намъ полностью подножіе съ надписью. Эта надпись лучше рассказать, чѣмъ мы, всю исторію этого периода жизни города.

«Діофантъ, сынъ Асклепіадора, синопецъ, нашъ другъ и благодѣтель, и виновникъ всякаго добра для каждого изъ наасъ, склонилъ царя Митридата Евпатора къ прекраснѣйшимъ и славнѣйшимъ дѣяніямъ. Онъ же, призванный царемъ, взялся вести войну со скиеами, и сдѣлалъ со всѣмъ войскомъ отважную переправу черезъ море, и прибылъ въ нашъ городъ. Когда же скиескій царь Палакъ внезапно напалъ съ большими полчищами, то (Діофантъ) далъ сраженіе и разбилъ скиевовъ, считавшихся до того времени непобѣдимыми. Благодаря чему, царь Митридатъ Евпаторъ первый изъ всѣхъ воздвигъ трофеи побѣды. Послѣ того Діофантъ покорилъ окрестныхъ тавровъ и на томъ мѣстѣ основалъ городъ. Ходилъ въ мѣста, граничившія съ Боспоромъ, и, совершивъ въ короткое время многія важныя дѣянія, воротился въ сосѣднія намъ мѣстности и, набравъ гражданъ цвѣтущаго возраста, проникъ въ сердце Скиїи, овладѣль скиескими крѣпостями Хабами и Неаполисомъ и подчинилъ почти всѣхъ скиевовъ власти царя Митридата Евпатора. И за это народъ, освобожденный отъ гнета варваровъ, благоговѣйно почитилъ царя достойнымъ образомъ.

Однако вѣроломные скиеы возстали и отложились, почему Діофантъ вновь посланъ царемъ Митридатомъ Евпаторомъ, и хотя время шло къ зимѣ, онъ, взявъ войска и лучшихъ изъ гражданъ, двинулся на прежнія скиескія крѣпости, но распутье помѣшало ему; онъ повернулъ въ приморскія мѣста, вновь овладѣль Керкинитомъ и укрѣплленными пунктами, а затѣмъ началъ осаду Прекраснаго Порта. Въ это самое время Палакъ, полагая, что погода помогаетъ ему, собралъ всѣ свои войска и привлекъ, сверхъ того, орду ревксиналовъ. Но покровительница херсонитянъ Дѣва-богиня въ храмѣ своемъ предзначила успехъ и вила бодрость и отвагу во все войско. Когда Діофантъ построилъ полки, то послѣдовала побѣда, славная для Митридата Евпатора и памятная на всѣ времена; ибо изъ непріятельской пѣхоты не спасся никто, а изъ конницы лишь немногіе успѣли уйти. А затѣмъ, не тратя времени въ бездѣствії, взявъ съ собой лучшихъ гражданъ, пошелъ въ началѣ весны на Хабы и Неаполисъ и заставилъ бѣжать непріятеля, послѣ чего отправился въ Боспоръ и сосѣднія съ нимъ мѣста, гдѣ убѣдилъ и остальныхъ скиевовъ подчиниться.

Такимъ образомъ и эти дѣла покончилъ прекрасно и съ пользой для царя Митридата Евпатора. Но послѣ этого скиеы, во главѣ которыхъ стоялъ Савмакъ, устроили перевротъ и убили бывшаго воспитателя Савмака, боспорскаго царя Перисада, а

противъ него, Диофанта, составили заговоръ. Диофантъ, въ виду явной опасности, сѣль на корабль, отправленный къ нему (херсонесскими) гражданами, прибылъ къ нимъ и просилъ ихъ о помощи, а съ началомъ весны, при добромъ содѣйствіи Митридата Евпатора, снова явился съ сухопутнымъ и морскимъ войскомъ и, взявъ отборныхъ гражданъ, съ тремя морскими отрядами изъ нашего города, овладѣль Феодосіей и Пантикапеемъ, наказалъ вицонниковъ возстанія и, захвативъ Савмаѣ, отъ руки которого погибъ Перисадъ, отославъ его въ царство (Митридата).

Такъ какъ Диофантъ, совершившій такія дѣла во славу царя Митридата Евпатора, дѣйствовалъ на пользу херсонесцевъ и нашимъ посламъ показалъ свое расположение и готовность служить, то народъ, дабы всѣмъ было видно, какую приносить онъ благодарность своимъ благодѣтелямъ, чрезъ Совѣтъ постановилъ: возложить на Диофанта, сына Асклепіадора, золотой вѣнокъ во время торжественнаго шествія на праздникъ Дѣвы и огласить чрезъ распорядителей, что народъ награждается вѣнкомъ Диофанта, сына Асклепіадора, уроженца города Синопа, за доблесть и расположение къ народу. Сверхъ того народъ постановилъ воздвигнуть ему мѣдную статую въ военномъ облаченіи въ акрополь, возлѣ жертвенныхъ Дѣвы и Херсонеса, о чемъ поручается озабочиться упомянутымъ ниже чинамъ, съ тѣмъ, чтобы все было сдѣлано какъ можно скорѣе и какъ можно лучше. Надпись начертать на подножіи статуи, а деньги на всѣ издержки выдать казначеямъ храмовыхъ суммъ.

Таковое постановленіе сдѣлано Совѣтомъ и народомъ въ девятнадцатый день мѣсяца Діонисія при архонтѣ царь Агелѣ, сынѣ Лагорина, при предсѣдателѣ сената Меніѣ, сынѣ Геракла, и секретарѣ Д..., сынѣ Аоенея».

Этотъ интересный документъ найденъ лѣтомъ 1877 г. при раскопкахъ средней части города, недалеко отъ храма св. Владимира. Мраморный камень, на которомъ сдѣлана надпись, разбитъ пополамъ. Размѣръ его: высота около 1 метра, ширина 30 сант., толщина 12 сант. Камень, очевидно, служилъ подножіемъ статуи Диофанта, такъ какъ на немъ видны углубленія для ногъ. Надпись испорчена только по краямъ и потому читается легко; хранится она въ Эрмитажѣ.

Комментаріи здѣсь не нужны. Далекое прошлое Херсонеса встаетъ передъ нами въ живой, полной жизни картинѣ. Здѣсь ясно видно, въ какомъ положеніи находился Херсонесъ въ началѣ I в. до Р. Хр. И хотя въ декретѣ ни слова не говорится о зависимости херсонесцевъ отъ Митридата, и, напротивъ, де-

Надпись на памятнике Дюфанту.

край подъ конецъ какъ бы умышленно игнорируетъ участіе царя въ этихъ походахъ и дважды повторяется, что «народъ и совѣтъ постановилъ» почтить заслуги знаменитаго полководца, однако надо думать, что херсонесцы, избавившись отъ гнета скиѳовъ, должны были, не теряя автономіи, признать надъ собой власть кипрскаго царя и платить ему дань. Ближайшій историкъ этихъ событий, географъ Страбонъ, утверждаетъ даже, что съ этого времени Херсонесъ потерялъ свободу и до двадцатыхъ годовъ новой эры подчинялся боспорскимъ, собственно понтийскимъ царямъ, распространившимъ власть на Боспоръ. Но трудно говорить о полномъ подчиненіи Херсонеса. По крайней мѣрѣ, известный знатокъ херсонесской нумизматики Кене совершенно основательно указываетъ на тотъ фактъ, что на монетахъ, которая надо отнести къ этому періоду, стоитъ надпись «свободнаго Херсонеса», что врядъ ли могло имѣть мѣсто, если бы городъ утратилъ свободу. Вѣроятнѣе всего подчиненіе Боспору выражалось только данью, и тотъ же Страбонъ точно указываетъ размѣры дани, говоря, что Митридатъ съ своихъ новыхъ владѣній получалъ ежегодно 180.000 медимновъ хлѣба и 200 талантовъ серебра¹), что на нашу мѣру составляетъ 400 тысячъ пудовъ хлѣба и около 250.000 рублей (?) деньгами. Сколько приходило на долю Херсонеса—пока не известно.

X.

Римскій гарнизонъ въ Херсонесѣ (I—III в. по Р. Хр.). Элевтерія. Ходатайства херсонитянъ въ Римѣ.

И такъ, съ избавленіемъ отъ скиѳовъ Херсонесъ сталъ данникомъ понтийскаго царя, и такимъ образомъ памятникъ Діофанту сдѣлался въ то же время памятникомъ потери независимости Херсонеса и сталъ на рубежѣ новой исторіи города, подчинившагося новому владыкѣ міра—Риму. Къ этому быстрымъ темпомъ вель неизгладимый врагъ римлянъ Митридатъ. Въ самомъ дѣлѣ, события понеслись какъ бы съ головокружительной быстротой. Прошло нѣсколько короткихъ лѣтъ, и недовольный своей зависимостью Пантикапей, воспользовавшись тѣмъ, что Митридатъ затѣялъ съ Римомъ новую войну, вздумалъ освободиться отъ опеки Митридата, который, по сказанію историковъ, оставилъ здѣсь (какъ, вѣроятно, и въ Херсонесѣ) понтийскій

¹) Талантъ серебра—приблизительно 1290 руб.

гарнизонъ въ обезпеченіе правильной уплаты дани. Получивъ извѣстіе о возстаніи на Боспорѣ, Митридатъ послалъ туда отрядъ подъ командой Неоптолема, который разбилъ боспорцевъ зимою на льду замерзшаго пролива, а лѣтомъ—вторично тамъ же въ морскомъ сраженіи. Утвердивъ, такимъ образомъ, вновь свою власть, Митридатъ посадилъ здѣсь въ 80-хъ г. до Р. Хр. своего сына Махара въ званіи правителя сѣверныхъ областей своей державы, которая въ то время обнимала большую часть Малой Азіи. Въ составъ ея, между прочимъ, входила и родина херсонесцевъ—Гераклея. И можно думать, что она-то и позаботилась пригласить Митридата и его полководцевъ для защиты интересовъ херсонесцевъ.

Прошло пятнадцать лѣтъ. На военныхъ поляхъ Малой Азіи, для защиты римскихъ интересовъ въ этихъ мѣстахъ и для отмщенія Митридату за избіеніе 100.000 римлянъ, появился Лукуллъ; онъ продолжаетъ побѣды своего энергичнаго предшественника Суллы и вскорѣ располагается лагеремъ подъ стѣнами столицы Понтійскаго царства, Синопа. Махаръ, считая дѣло своего отца проиграннымъ, вступаетъ въ переговоры съ врагомъ, обѣщаетъ доставить въ римскій лагерь провіантъ, который назначался для осажденнаго Синопа, и выдать римлянамъ сокровища своего отца, за что и признается Римомъ въ званіи самостоятельнаго правителя Боспорскаго царства и союзника Рима. Въ это время (около 70-го года) Лукулла смѣняетъ еще болѣе энергичный Помпей. Онъ окончательно вытѣсняетъ Митридата изъ его азиатскихъ владѣній, и недавно грозный властитель вынужденъ бѣжать на Боспоръ, преодолѣвая чрезвычайныя трудности. Пантиканей открываетъ ворота своему законному владыкѣ, а Махаръ бѣжитъ въ Херсонесъ и здѣсь же лишаетъ себя жизни, боясь мести отца, который въ былое время не постыдился казнить свою мать и на виду у цѣлаго войска собственоручно задушилъ своего непокорнаго племянника, царя Вифиніи, Ариарата VII-го.

Митридатъ, обладавшій желѣзной волей, несмотря на свой преклонный возрастъ (шестьдесятъ пять лѣтъ), не унывалъ. Онъ заключилъ союзъ съ своими недавними врагами скиѳо-сарматами и направилъ свою завоевательную дѣятельность на приуднайскія земли. Въ головѣ беспокойнаго старика уже засѣлъ смѣлый планъ: пройти эти страны, поднять обитавшія тамъ племена противъ всюду тѣснившаго Рима, напасть и раздавить его съ сѣвера. Дѣла, казалось, шли успѣшно, и Митридатъ уже готовился приводить въ исполненіе свой несбыточный планъ, какъ

возмутились его же собственные войска, и даже его любимый сын Фарнакъ руководилъ мятежниками. Старецъ не выдержалъ и послѣ тщетной попытки отравить себя ядами (онъ, какъ известно, долго пріучалъ себя къ ядамъ) закололъ себя мечомъ при помощи одного галла (64 г.). Въ ознаменование своей покорности Риму Фарнакъ переслалъ Помпею въ Синопъ трупъ отца и, подобно брату, былъ признанъ союзникомъ Рима и правителемъ стоявшихъ подъ властью его отца земель.

Такимъ образомъ Митридатъ, благодаря властолюбию и своей ненависти къ римлянамъ, ввелъ, помимо желанія, сѣверное побережье Эвксинскаго Понта съ его колоніями, въ томъ числѣ и Херсонесъ, въ кругъ римскихъ политическихъ интересовъ и тѣмъ обусловилъ подчиненіе Херсонеса всесильному Риму. Фарнакъ своей безразсудной тактикой еще болѣе усилилъ вліяніе Рима на эти провинціи. Пользуясь, по примѣру отца, раздорами въ столицѣ міра и тѣмъ, что Помпей и Цезарь сошлись на Фарсальскихъ поляхъ, оспаривая другъ у друга владычество надъ римскимъ міромъ, Фарнакъ возмечталъ вернуть себѣ царство предковъ въ Малой Азіи и переправился туда съ большимъ войскомъ. Ему уже удалось подчинить себѣ Колхиду, часть Каппадокіи и Понта, но дальнѣйшіе успѣхи были задержаны извѣстiemъ о возстаніи противъ него на Боспорѣ, которое поднялъ его родичъ Асандръ. Между тѣмъ въ Малую Азію явился Цезарь, послѣ побѣды надъ Помпеемъ, и въ августѣ 47-го г. и въ той-же провинціи Понта нанесъ Фарнаку рѣшительное пораженіе, о которомъ сообщилъ сенату въ трехъ знаменитыхъ словахъ: «*Veni, vidi, vicil!*»—«Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!»

Съ остатками своихъ силъ Фарнакъ бѣжалъ на Боспоръ. Ему удалось овладѣть Пантикеемъ и южной частью Боспора, но въ рѣшительной битвѣ съ Асандромъ онъ былъ разбитъ и палъ на полѣ сраженія (47 г.). Съ тѣхъ поръ Асандръ оставался правителемъ Боспора до самой смерти (16 г. до Р. Хр.), именуя себя на монетахъ сначала «архонтомъ», а нѣсколько позднѣе царемъ и «другомъ римлянъ». Асандру наследовала его супруга, дочь Фарнака, Динамія. Въ Керчи и у Тамани (Фанагоріи) найдены три пьедестала, на которыхъ въ былое время красовались статуи императора Августа и его супруги Ливіи. На пьедесталахъ — надпись: «Царица Динамія, другъ римлянъ, императору Августу, спасителю и благодѣтелю»—титулъ, которымъ обыкновенно украшали имена повелителей и сюзереновъ.

Въ правленіе Динаміи на Боспорѣ явился искатель приключений, нѣкій Скрибоній, который выдавалъ себя за внука

Митридата, посланного изъ Рима принять царство. Динамія по-
торопилась повѣрить смѣлому авантюристу и отдала ему свою
руку. Но вскорѣ, по порученію императора Августа, его полко-
водецъ Агріппа вмѣшался въ это дѣло и предоставилъ боспор-
скій тронъ нѣкоему Полемону. Скрибоній былъ убитъ, и По-
лемонъ вмѣстѣ съ трономъ получилъ и руку вдовы Динаміи.
Однако правленіе его продолжалось не долго. Около 8-го г. до
Р. Хр., подъ руководствомъ Аспурга, какъ нѣкоторые полага-
ютъ, сына Асандра и Динаміи, на Боспорѣ произошло возста-
ніе, во время которого Полемонъ палъ, и власть перешла къ
Аспургу, который правилъ по 38 г. по Р. Хр.

Въ какихъ отношеніяхъ былъ Херсонесъ къ Боспору, тав-
ро-скиѳамъ и Риму въ этотъ періодъ, т. е. отъ смерти Митри-
дата и до конца правленія Аспурга,— обѣ этомъ нѣтъ пока по-
ложительныхъ данныхъ. Можно думать, что Херсонесъ не при-
нималъ прямого участія ни въ авантюре Фарнака, ни въ стол-
кновеніяхъ Боспора съ Римомъ, да и не зависѣлъ отъ Боспора;
за это убѣдительно говорить надпись временъ Аспурга, въ
которой онъ именуется «другомъ кесаря и другомъ римлянъ,
царемъ всего Боспора, Феодосіи, синдовъ, меотовъ, тарпейтовъ,
торетовъ, псессовъ и танаитовъ и покорителемъ скиѳовъ и тав-
ровъ», т.-е. величается такъ же, какъ и его отдаленные пред-
шественники IV в., Левконъ и Перисадъ I. И если тавро-скиѳы
въ это время были подчинены Пантикапею, то врядъ-ли они
допускали агрессивныя дѣйствія по отношенію къ Херсонесу.
Было и другое основаніе для скиѳовъ держать себя осторожно
по отношенію къ тому же Херсонесу. Дѣло въ томъ, что Римъ
уже при Фарнакѣ наложилъ свою тяжелую руку на Боспоръ;
трудно думать, чтобы давленіе ея миновало Херсонесъ, а къ
началу новой христіанской эры римляне распространили свою
власть уже на всю Тавриду. Такъ въ одной боспорской надписи
14-го г. по Р. Хр. императоръ Августъ называется «повелите-
лемъ всей земли и моря». И несомнѣнно Херсонесъ былъ въ
полнѣйшей зависимости отъ Рима. Пліній Старшій въ своей «Исто-
ріи» прямо говоритъ, что «римляне дали Херсонесу права элев-
теріи и автономіи». На это большой знатокъ херсонесскихъ
древностей, покойный проф. Юрьевичъ замѣчаетъ, что свободу
здесь надо понимать въ римскомъ смыслѣ, т. е. городъ остался
зависимымъ отъ римлянъ, но имѣлъ свое собственное управле-
ніе, устройство и нѣкоторыя льготы.

Когда Херсонесъ сталъ подчиняться римлянамъ, и когда
онъ получилъ отъ нихъ свободу? Темный вопросъ.

Бертье-Делагардъ, Кулаковскій и другіе полагаютъ, что это случилось около 25—24 г. до Р. Хр., такъ какъ, судя по одной изъ надписей конца V в., именно этимъ годомъ начинается херсонесская эра, которая могла быть пріурочена только къ очень важному событию въ жизни города, а таковыи могла быть свобода, хотя бы и относительная. Конечно, за такое высокое покровительство городъ такъ или иначе долженъ былъ отiplачиваться, хотя бы уже за то, чтобы не быть подчиненнымъ вѣчно бунтовавшимъ боспорцамъ. И, конечно, римляне ревниво смотрѣли и слѣдили, чтобы Херсонесъ не соединился съ Боспоромъ и тѣмъ не усиливътъ беспокойнаго пограничнаго врага, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Плинія, въ его времена Херсонесъ былъ богатымъ, благоустроеннымъ городомъ Тавриды, который «предъ всѣми сосѣдними городами отличается блескомъ и который во всей чистотѣ сохранилъ древнія греческія привычки». Проф. Кондаковъ такъ рисуетъ себѣ картину Херсонеса того времени. «То была богатая греческая колонія съ храмами, алтарями, пританеемъ¹⁾, въ которомъ постоянно горѣлъ огонь, привезенный изъ Гераклеи Понтійской, метрополіи Херсонеса. На видномъ мѣстѣ стояли конные и портретныя статуи знаменитыхъ херсонесскихъ мужей, выставлены были псеѳизмы, или правительственные постановленія. На перекресткахъ также были выставлены декреты и статуи, и, по примѣру другихъ греческихъ колоній, въ городѣ было нѣсколько площадей и базаровъ». И раскопки показываютъ, что особенно цѣнныя вещи находятся чаще всего въ склепахъ именно римскаго периода.

Подъ покровительствомъ римлянъ жизнь Херсонеса протекала сравнительно спокойно и тихо. Только въ концѣ царствованія Нерона (около 65 г. по Р. Хр.) среди варварскихъ народовъ на сѣверъ отъ нижняго Дуная произошли какія-то волненія, которые, судя по допредшей до насъ (изъ Ольвіи) эпитафіи римскому сановнику Плавцію Сильвану, угрожали безопасности границъ имперіи, а также и городу Херсонесу. «Плавцій вмѣшился въ дѣла варваровъ, перешелъ Дунай и отогналъ скіеовъ отъ Херсонеса, который былъ въ осадѣ, расширилъ границы имперіи, переселилъ множество варваровъ за Дунай, отведя имъ земли для мирнаго земледѣльческаго труда, и установилъ пря-

¹⁾ Притане́ю—общирное общественное зданіе, служившее для торжественныхъ надобностей, какъ пріемъ пословъ, чествованія общественныхъ дѣятелей, торжественный засѣданія народного совѣта, храненіе государственныхъ пенатовъ, и въ особенности для поддержанія священнаго огня своей родины, съ которой всегда поддерживались самыя близкія связи.

мые торговыя сношения между Херсонесомъ и Римомъ. Впервые, какъ отмѣчено въ эпитафіи, въ римскіе государственные запасы хлѣба отправлены были большія партіи хлѣба изъ Херсонеса» (Кулаковскій). По словамъ современника этихъ событій, еврейскаго историка Іосифа Флавія, для охраны римскихъ интересовъ въ восточныхъ частяхъ Эвксинскаго Понта былъ посланъ трехтысячный отрядъ и эскадра изъ сорока кораблей. Несомнѣнно, часть отряда и этой эскадры размѣстилась въ Херсонесѣ. Съ этого времени Херсонесъ подчиненъ римскому намѣстнику при дунайской провинціи Нижней Мезіи, обнимавшей въ то время нынѣшнюю Болгарію, Добруджу и нижнее теченіе Тира и Гипаниса (Днѣстра и Буга). Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ надпись на пьедесталѣ статуи, воздвигнутой въ честь Секста Ветуллена Цереалиса, состоявшаго намѣстникомъ этой провинціи при императорѣ Веспасіанѣ (70—79 гг.).

Несмотря на присутствіе римскаго гарнизона, Херсонесъ пользовался широкой свободой. Такъ при преемникѣ Веспасіана императорѣ Титѣ въ Херсонесѣ чеканилась золотая монета съ громкой надписью «царствующаго Херсонеса», т. е. обладающаго царскими правами, чтѣ повторяется и на надписяхъ. По этому поводу Бертье-Делагардъ замѣчаетъ: «Если вспомнить, что въ римское время чеканка даже съ изображеніемъ императора была дозволена въ видѣ единственного исключенія только на Боспорѣ, то нельзя не прийти къ выводу, что херсонесскіе статеры¹⁾, на которыхъ даже нѣть и намековъ ни на Римъ, ни на императоровъ, указываютъ на такую свободу, о которой и помыслить не смѣли города, пользовавшіеся отъ Рима элевтеріей, т. е. правомъ свободы».

Однако свободныхъ херсонитянъ сильно беспокоилъ римскій гарнизонъ. Весь этотъ періодъ и нѣсколько болѣе поздній (до середины III в.) въ жизни города не отмѣченъ ни однимъ крупнымъ политическимъ событіемъ, и дошедши до насъ памятники этого періода заключаютъ въ себѣ также просыбы херсонитянъ къ императорамъ о подтвержденіи и расширеніи ихъ свободы и главнымъ образомъ жалобы на дурное поведеніе римскихъ солдатъ, съ появлениемъ которыхъ разгуль и развратъ, принесенные изъ Рима, приняли самые широкіе размѣры: въ Херсонесѣ появились публичные дома и въ такомъ количествѣ, что жадные римляне вздумали эксплуатировать ихъ съ цѣлями фиска, установивъ на нихъ специальный налогъ (πορυχὸν τέλος). На

¹⁾ Статерь—греческая золотая монета, на наши деньги—около 7 руб. Позднѣйший херсонесскій статерь относится къ 134 г. по Р. Хр.

одной изъ гробницъ византійского періода найдено три куска тонкой мраморной плиты, покрывавшей могилу. На обломкахъ, въ общемъ въ 1½ кв. аршина,—отчетливо нарѣзанная надпись вверху по-гречески, а внизу по-латыни. Къ сожалѣнію, изъ нея уцѣлѣла едва половина, изъ которой все же удается возстановить смыслъ документа, заключающаго въ себѣ переписку Херсонеса съ римскимъ правителемъ (вѣроятно, губернаторомъ Мезіи) о какихъ-то ходатайствахъ и пошлинахъ съ домовъ терпимости. Вотъ какъ передаетъ надпись академикъ Латышевъ, подробно изучившій ее.

Прежде всего предлагается херсонесскому совѣту выставить въ публичномъ мѣстѣ для всеобщаго свѣдѣнія копію какого-то императорскаго указа; затѣмъ доводится до свѣдѣнія херсонитянъ, что не будетъ сдѣлано никакихъ измѣненій въ дѣлѣ, о которомъ они ходатайствовали. Копію этого письма губернаторъ приказалъ трибуналъ Аттилію Приміану и Валерію Максиму помѣстить на камнѣ подъ своимъ письмоимъ, и херсонитянамъ предлагается вырѣзать на камнѣ настоящее распоряженіе впереди другихъ документовъ.

Заканчивается эта часть надписи, по обычаю времени, словами: «желаю вамъ здравія».

Въ дальнѣйшемъ содергится подробное изложеніе обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ жалобѣ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе потери здѣсь значительной части текста, о подробностяхъ можно только догадываться. Но смыслъ жалобы таковъ: «Полагаясь на указы правителей касательно «дѣвичьей пошлины», херсонитяне считали возможнымъ снисходительно относиться къ отдельнымъ нарушеніямъ постановленій. Но когда римскіе воины стали открыто нарушать столь прочныя узаконенія (!) и позволять себѣ насильственные поступки, они рѣшили заявить объ этомъ правителю, какъ своему благодѣтелю, и выражаютъ надежду, что правитель охранить дарованныя имъ права на мѣстахъ, подлежащихъ этой пошлине, и благосклонно приметъ ихъ просьбу, нужнѣе которой нѣтъ ничего для людей, понимающихъ все значение цѣломудренной жизни и желающихъ охранять чистоту нравовъ».

Въ концѣ документа правитель заявляетъ, что онъ предписалъ трибуну Аттилію Приміану принять мѣры, чтобы ни херсонитяне не терпѣли непріятностей вопреки существующимъ постановленіямъ, ни римскіе солдаты не преступали предписанныхъ предѣловъ. При этомъ высказывается угроза за неисполнение предписаній о пошлине и нарушение тишины и спокой-

ствія гражданъ, и предписывается: одинъ экземпляръ этихъ правилъ выставить на видномъ мѣстѣ къ общему свѣдѣнію.

Этотъ отрывокъ такъ типиченъ, такъ характеризуетъ время и бытъ, что положительно не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

Было, вѣроятно, не мало и другихъ столкновеній и непріятностей, которые заставляли посыпать ходатаевъ въ Римъ и хлопотать обѣ избавленіи отъ римской «свободы». Однако изъ этихъ ходатайствъ, какъ показываютъ памятники, часто не выходило ничего, и послы возвращались ни съ чѣмъ. Но было въ жизни Херсонеса какое-то важное дѣло, о которомъ граждане долго хлопотали и, очевидно, безуспѣшно. Тогда обратились къ содѣйствію своей метрополіи—Гераклеи, которая и исходатайствовала желаемое. Благодарные граждане поставили псефизмъ, который и дошелъ до насъ почти полностью. Вотъ онъ:

«Въ добрый часъ! Такъ какъ высокочтимые отцы гераклеоты съ родственнымъ чувствомъ позаботились о нашемъ спасеніи и, приложивъ все стараніе и всю неподдельную любовь, отправили къ богу нашему и владыкѣ императору Титу Элію-Адріану-Антонину¹⁾) посольство всячески молить за нась, а божественные отвѣты и милости во дарованныя благодѣянія переслали черезъ знатнѣйшихъ мужей, Геракла сына Мнестея и Прокла сына Мемнона, то мы сочли долгомъ усердно благодарить ихъ. Посему совѣтъ и народъ постановилъ восхвалить за эти дѣянія прародительскій нашъ... городъ и первый въ Понтѣ....»

За что была благодарность, что выхлопотали гераклеоты,—повторяемъ, пока не выяснено. Но во всякомъ случаѣ для неизбалованныхъ исполненіемъ просьбъ херсонесцевъ услуга была велика. Интересно въ этомъ памятникѣ раболѣпное отношеніе къ римскому императору. Гдѣ тотъ свободный тонъ, которымъ дышитъ каждая строка псефизма Діофанту, посланному царемъ Митридатомъ, имя которого вспоминается только вскользь, безъ раболѣпныхъ эпитетовъ, точно необязательная прибавка? Очевидно, свободное ярмо Рима было очень тяжело для херсонитянъ, которые столько лѣтъ и такъ безуспѣшно старались сбросить его.

Въ другой разъ въ своемъ патріотическомъ желаніи херсонитяне зашли такъ далеко, что своего гражданина Аристона, сына Аттина, въ особомъ декретѣ благодарили только за то, что онъ шесть лѣтъ безрезултатно ходатайствовалъ передъ импе-

¹⁾ Царствовалъ съ 138 до 161 г. по Р. Хр.

раторомъ Антониномъ о дарованиі свободы «царствующему Херсонессу». Декретъ этотъ помѣщенъ на подножіи статуи, изваянной художникомъ Кифисодотомъ, написанъ въ видѣ отдѣльныхъ благодарностей, помѣщенныхъ въ отдѣльныхъ вѣнкахъ. Найденъ онъ тоже недалеко отъ базилики гр. Уварова и хранится въ музѣ Херсонесскаго монастыря.

Аристону, сыну Аттина.

I.

Ходатаю о свободѣ
предь нашимъ богомъ
и славнѣйшимъ (им-
ператоромъ)
и шесть лѣтъ отсут-
ствовавшему.

II.

Прекрасному посред-
нику.

III.

Занимавшему долж-
ность номофилакса¹).

IV.

V.

VI.

Исполнявшему впол-
нѣ добросовѣстно
должность даміурга²).

Послу къ царю Ре-
метальку съ ходатай-
ствомъ о союзѣ и ус-
пѣшномъ.

Занимавшему долж-
ность жреца и принес-
шему въ даръ стату-
этки.

VII.

Управлявшему дохо-
дами и средствами го-
рода.

VIII.

Посольствовавшему
къ царю Реметальку
вторично и успѣшне-
му.

IX.

Занимавшему долж-
ность даміурга и окон-
чившему сооруженіе
статуй.

X.

Прекрасному общественному дѣятелю.

Изъ документа ясно, что Аристонъ былъ прекраснымъ хо-
датаемъ по важнымъ общественнымъ дѣламъ, и не его вина,
что императоръ шесть лѣтъ держалъ его въ Римѣ и упорно от-
казывалъ въ просьбѣ, точно боялся исполнить ее. Юрьевичъ,
Латышевъ, графъ Бобринскій и другіе полагаютъ, что просьба
была о полной свободѣ города, которой не хотѣли давать изъ
опасенія усилить окраины.

Въ этомъ документѣ обращаетъ на себя вниманіе упоми-
наніе о посольствѣ къ боспорскому царю Реметальку (131--

¹⁾ Блюститель закона — прокуроръ.

²⁾ По объясненію Латышева чиновники, „обязанные пещись о демокра-
тиї“. По нашему — члены совѣта.

154) съ предложеніемъ заключить союзъ, конечно, не противъ Рима, который считался всесильнымъ, а противъ окружавшихъ варваровъ (тавро-скиѳовъ), которые, вѣроятно, позволяли себѣ агрессивныя дѣйствія, пользуясь тѣмъ, что римскій гарнизонъ былъ удаленъ изъ Херсонеса (134 г.). Очевидно, въ этотъ періодъ Херсонесъ былъ вполнѣ самостоятельнымъ. Но долго ли продолжалась такая самостоятельность,—это вопросъ другой. Вѣроятно, недолго.

Сохранилась надпись того-же времени, тоже на пьедесталѣ статуи, поставленной городомъ Демократу, сыну Аристогена. Въ надписи говорится о его многократныхъ путешествіяхъ въ Римъ за свой счетъ въ качествѣ послы отъ Херсонеса. Демократъ занималъ разныя должности, былъ прекраснымъ гражданиномъ и славился краснорѣчіемъ; но, какъ видно, оно мало помогло, такъ какъ въ декретѣ ни слова объ успѣхѣ. Однако велика была заслуга продолжительныхъ мытарствъ: и народъ и совѣтъ почтили Демократа «вѣчнымъ провозглашеніемъ» и статуей. А вѣдь до нась дошла только часть отказовъ, которые вкусили настойчивые херсонитяне. Но то, чего не удалось достичнуть одному лицу, удалось цѣлому посольству изъ Гераклеи Понтійской. Выходить такъ, что ходатайство Аристона предшествовало ходатайству гераклеотовъ.

Дальнѣйшая политическая исторія римскаго Херсонеса такъ же однообразна, такъ же неинтересна и такъ же мало известна. Тѣ же ходатайства о свободѣ, тѣ же жалобы на солдатъ, которыхъ то убирали, то ставили вновь, тѣ же декреты о благодарностяхъ лучшимъ гражданамъ. Съ каждымъ столѣтіемъ греческій духъ падаетъ, и уже въ серединѣ III в. городъ хотя и пользуется благосостояніемъ, но уже не чеканитъ свою монету, уже чаще называется Херсономъ и постепенно опускается до степени римскаго провинціального города, занятаго римскимъ гарнизономъ; при чёмъ римскіе офицеры постепенно начинаютъ занимать должности, которыя въ свободныхъ городахъ занимали выборные граждане.

Но если такъ неинтересна и незначительна политическая роль римскаго Херсонеса, то зато уже съ первыхъ годовъ новой эры онъ получаетъ выдающееся значеніе въ христіанскомъ мірѣ. Къ этому мы и переходимъ.

XI.

Христіанскій Херсонесъ. Преданіе о пребываніи Андрея Первозваннаго. Херсонесъ—мѣсто ссылки знатныхъ римскихъ христіанъ. Еп. Климентъ, его проповѣдь въ Херсонесѣ и мученическая кончина.

Въ то время какъ старѣющій Римъ все болѣе и болѣе разрастается, все болѣе погружается въ роскошь и утонченный развратъ, страдая отъ пресыщенія и скуки,—когда подъ желѣзною властью Рима и подъ гнетомъ несправедливостей и непосильныхъ налоговъ изнывали покоренные народы въ ожиданіи смерти или обновленія жизни,—на далекой окраинѣ Римской имперіи, въ мало извѣстномъ уголкѣ Палестины раздается кроткій и любовно взывающій голосъ: «Пріайдите ко мнѣ, всѣ тружающіеся и обремененные, и я успокою васъ. Да возлюбите другъ друга, да возлюбите враговъ вашихъ, какъ самихъ себя, и миръ будетъ между вами!»

И Херсонесъ одинъ изъ первыхъ озаряется свѣтомъ новаго ученія и въ распространеніи его пріобрѣтаетъ выдающееся значеніе. Сохранилось преданіе, что апостоль Андрей Первозванный приходилъ въ Херсонесъ. Такъ, въ житіи апостола, написанномъ около VIII—IX в., говорится, что апостоль, «оставивъ Феодосію, городъ многолюдный и образованный... отправился въ Херсонъ, какъ жители Херсона намъ разказывали. Херсаки же (херсонитяне)—народъ коварный и до нынѣшняго дня туги на вѣру, лгуны и поддаются влечению всякаго вѣтра. Андрей, пробывъ у нихъ довольно дней, воротился въ Боспоръ и, нашедши корабль, переплылъ въ Синопъ». А разъ апостолъ былъ въ этихъ мѣстахъ, то, несомнѣнно, проповѣдывалъ здѣсь божественное ученіе и тѣмъ посѣялъ первыя сѣмена христіанства. Но это было только началомъ.

Въ концѣ I в. въ христіанскомъ мірѣ Херсонесъ занялъ исключительное положеніе, благодаря тому, что сдѣлался мѣстомъ ссылки знатныхъ римлянъ, принявшихъ христіанство и ставшихъ первыми страдальцами за новую вѣру. Такъ извѣстно, что племянница императоровъ Тита и Домиціана (79—96), Флавія Домицилла, за принятіе христіанства была сослана въ Херсонесъ, гдѣ, будто бы, жила въ заточеніи. Въ концѣ I в., въ царствованіе Траяна, сюда сосланъ былъ главный римскій епископъ Климентъ.

Такъ какъ жизнь и дѣятельность этого проповѣдника и учителя церкви, здѣсь же пострадавшаго за свои убѣжденія, имѣетъ большое значеніе не только для Херсонеса, но и для всего

христіанского міра, то на ней мы остановимся нѣсколько подробнѣе, на основанії дошедшихъ до насъ легендъ, не устранивъ изъ нихъ даже чудеснаго элемента, который, точно сіяніе, окружаетъ дѣла проповѣдника; удаливъ это сіяніе, увидимъ историческій образъ. Климентъ родился въ Римѣ, въ знатной фамилії. Отецъ его былъ сенаторомъ. По преданію, во время его ранніго дѣтства, мать Клиmenta должна была оставить Римъ и отиравитъся въ Аоины съ двумя старшими дѣтьми. Но буря занесла корабль на одинъ изъ малоазійскихъ острововъ, и мать съ дѣтьми въ числѣ другихъ попала въ руки пиратовъ. Отецъ Клиmenta, желая отыскать семью, предпринялъ долгое путешествіе. И маленький Климентъ, оставшійся дома, росъ одинокимъ среди богатой, роскошной обстановки, не зная ни материнской любви, ни ласки. Предоставленный себѣ уже съ юныхъ лѣтъ, онъ часто задумывался надъ религіозными вопросами. Языческія вѣрованія и многочисленные боги не могли ни успокоить, ни разрѣшить мучившихъ его вопросы и сомнѣній.

Климентъ, какъ и многіе въ его время, ясно сознавалъ всю несостоятельность римскихъ боговъ, олицетворявшихъ собой всѣ человѣческія слабости и ни одной добродѣтели и занимавшихся, какъ учила религія, главнымъ образомъ, пирами и скверными похожденіями. Да и сами императоры, уже много поколѣній получавшіе царскій вѣнецъ путемъ крови своего предпредшественника, и весь императорскій дворъ въ цѣломъ ряду поколѣній расшатали устои боговъ, приняли всѣ ихъ земные атрибуты и задолго до Клиmenta стали именоваться божественными и просто богами. Ихъ строили храмы; предъ ихъ изображеніями приносились жертвы и курили өиміамъ.

Въ это же время на далекомъ востокѣ разгорѣлась заря новаго любвеобильнаго ученія, которое мирило съ тяжелымъ настоящимъ и много обѣщало въ будущей жизни. Новое учение уже задолго до Клиmenta проникло въ Римъ и привлекало много вѣрующихъ, готовыхъ пострадать за свои убѣжденія. Пленнило оно и сомнѣвавшагося въ язычествѣ Клиmenta и увлекло его прямо на востокъ, къ самому источнику христіанства. Въ Александріи, говоритъ преданіе, Климентъ встрѣтилъ апостола Варнаву, слушалъ его проповѣдь и поученія; въ Кесаріи¹⁾ встрѣтилъ апостола Павла и отъ него принялъ крещеніе (62 г.), долгое время путешествовалъ съ нимъ и раздѣлялъ и опасности, и труды апостольской проповѣди, и возможно, что слова

¹⁾ Въ Малой Азіи.

апостола въ посланіи къ филиппійцамъ: «Ей, прошу и тебя, искренній сотрудникъ, помогай имъ, подвизавшимся въ благо-вѣствованіи вмѣстѣ со мною и съ Климентомъ и съ прочими сотрудниками моими, которыхъ имена въ книгѣ жизни» (IV, 3) — относятся именно къ нашему Клименту. По мнѣнію епископа кипрскаго Эпифанія (323—402), Климентъ былъ поставленъ во епископа апостоломъ Петромъ.

Во время своего епископства въ Римѣ Клименту пришлось вытерпѣть весь ужасъ гоненій на христіанъ при императорѣ Доміціанѣ (81—96). Но Климентъ хорошо понималъ, что гоненія происходятъ не отъ пріязни къ христіанской вѣрѣ, такъ какъ императоры и римскіе жрецы мало интересовались вопросами даже своей религіи и терпѣли у себя всѣ вѣроисповѣданія, но тѣмъ и другимъ нужно было, чтобы повелѣнія императоровъ считались божескими, а христіане, вѣруя во Единаго Бога, не хотѣли признать императоровъ богами и тѣмъ уничтожали всю идею о всемогуществѣ и непоколебимости власти императоровъ. Это было государственнымъ преступленіемъ, которое каралось мучительной смертью. Перспектива ея не пугала Клиmentа: онъ твердѣй былъ въ вѣрѣ и показалъ здѣсь примѣръ самоотверженія. Во время гоненій онъ раздѣлилъ Римъ между семью писцами и съ помощью ихъ собиралъ и записывалъ свѣдѣнія о мученическихъ подвигахъ послѣдователей Христа. Подвиги эти только ободряли Клиmentа, и онъ продолжалъ поучать, обращать ко Христу и крестить даже высокопоставленныхъ лицъ. По одному изъ преданій, божественное слово въ устахъ Клиmentа глубоко запало въ душу Феодоры, жены нѣкоего Сисинія, друга императора Нервы (96—98). Она увѣровала и посѣщала собранія христіанъ. Сисиній, желая узнать, куда ходитъ жена, однажды отправился вслѣдъ за ней въ христіанскую церковь, и здѣсь, когда Климентъ произнесъ обычную молитву, Сисиній разомъ оглохъ и ослѣпъ. По молитвамъ Клиmentа, Сисиній выздоровѣлъ, увѣровалъ вмѣстѣ съ Феодорой и крестился. Крещеніе важнаго лица вызвало волненіе. На Клиmentа донесли городскому эпарху (градоначальнику), и тотъ, грозя казнью, предложилъ Клименту прекратить проповѣдь и отказаться отъ своего ученія; но духовный наставникъ былъ непреклоненъ и, какъ говорить средневѣковая легенда (привожу ее не всю, а наиболѣе интересную ея часть, наиболѣе характеризующую Клиmentа и его эпоху), продолжалъ свое дѣло.

«Даже эллинами былъ чтимъ Климентъ¹⁾), и они охотно внимали ему за то, что безъ порицанія и безъ пренебреженія, но какъ бы съ нѣкоторымъ сочувствіемъ и съ приведеніемъ свидѣтельствъ отовсюду изъ книгъ и писаній ясно показывалъ, откуда возникли ихъ мнимые боги, и гдѣ произошли, и къ какому концу пришли, и какъ жалко потеряли жизнь.

«Мамертинъ же, городской эпархъ, не имѣя возможности долго смотрѣть на волнующійся такимъ образомъ городъ и негоду на распространеніе благочестія, призываетъ блаженного Клиmentа къ себѣ и такими словами намѣревается поколебать благородную душу: «Ты происходишь отъ родовитаго корня; это свидѣтельствуетъ весь римскій народъ; но ты впалъ въ человѣческое заблужденіе, и объ этомъ городъ молчать не можетъ; ибо говорять, что ты вводишь новую религію и помимо отеческихъ боговъ проповѣдуешь нѣкоего Христа. Посему слѣдуетъ тебѣ отложить это излишнее суевѣrie и благоговѣйно читть однихъ только обычныхъ въ городѣ боговъ». Епископъ сказалъ: «Молю твою крѣпость дать мнѣ слово и взять моимъ отвѣтамъ и не смущаться безтолковымъ шумомъ и пустыми смятеніями; ибо не должно быть ни шума, ни смятенія, когда человѣку надлежитъ говорить о своемъ спасеніи и заботиться объ истинномъ Богѣ»... «Эпархъ, понявъ разомъ, изъ самаго приступа къ рѣчи, и твердость, и благородство Клиmentа, не захотѣлъ болѣе ни самъ говорить, ни слышать что-либо далѣе отъ Клиmentа, и, прервавъ бесѣду, донесъ о немъ самодержцу Траяну. Императоръ поставилъ такое рѣшеніе: «Пусть Климентъ или принесетъ жертву отеческимъ богамъ, или пусть удалится изъ Рима на вѣчную ссылку за море, въ какой-нибудь пустынныій городъ изъ прилагающихъ къ Херсону».

«Получивъ такое рѣшеніе, Мамерtinъ сомнѣвался, выбереть ли Климентъ изгнаніе, или сочтеть за лучшее исполнить волю императора и принесеть жертву богамъ. Ибо, ставя себя въ положеніе наказываемаго, эпархъ не могъ допустить такой доблести; Климентъ же не только не думалъ подчиниться рѣшенію императора или малодушествовать передъ ссылкой, но даже старался самого эпарха обратить къ благочестію. И такая благодать осѣнила Клиmentа, и языкъ его источалъ такія рѣчи, что и самъ Мамерtinъ, обнятый теплой любовью къ Клиmentу, много сокрушался изъ-за его ссылки и со слезами говорилъ епископу: «Богъ, которому ты беззавѣтно служишь, да будетъ

1) Подъ эллинами здѣсь понимаются язычники.

тебѣ помощникомъ въ годину бѣдствій». И тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе приготовить корабль, снабдить его всѣмъ нужнымъ для Клиmentа, подалъ ему правую руку, обнялъ и отпустилъ при цѣлованіи со стороны присутствовавшихъ...

«Многіе изъ благочестивыхъ людей послѣдовали за Клиmentомъ и достигли мѣста ссылки—въ мраморныя каменоломни, гдѣ и нашли до двухъ или болѣе тысячъ христіанъ, давно уже содержимыхъ тамъ за благочестіе. Они уже слышали о епископѣ, что онъ удаленъ изъ Рима и направляется къ нимъ въ ссылку, и не мало утѣшались, ожидая его. Когда же Клиmentъ прибылъ, то они, бросивъ свою работу, вышли къ нему со слезами, припали къ ногамъ его, цѣловали обнимавшія ихъ непорочныя руки и плакали о своемъ несчастії, т.-е. удаленіи изъ отчизны, жаловались на житѣе на чужбинѣ, на недостатокъ во всемъ необходимомъ и особенно на недостатокъ воды, что было для нихъ весьма тяжело; ибо, говорили они, «если бы кто изъ насъ, послѣ цѣлаго дня ручной работы, изнуренный трудомъ, пожелалъ хотя малой капли воды, чтобы освѣжиться, то долженъ былъ бы пройти за водой не менѣе 45 стадій»¹⁾.

«Еще года не пробылъ Клиmentъ въ изгнаніи, какъ уже создаются вѣрюющими церкви, числомъ 75, и вся идолъская изгоняется прелесть.—Эта молва доходитъ до ушей императора. Императоръ посыаетъ гегемона Эвфидіона, съ приказомъ не только не допускать дальнѣйшаго распространенія христіанства, но и уже обратившихся ко Христу отвѣсть и отторгнуть отъ благочестія.

«Евфидіонъ, пришедши въ Херсонъ, подвергнулъ христіанъ многимъ и различнымъ мученіямъ. Когда же замѣтилъ, что всѣ въ душѣ стали мучениками и готовы на тысячи смертей, то всю ярость обрушивается на блаженную голову Клиmentа и, вывезши мученика на середину моря, привязавъ на шею его желѣзный якорь, опускаетъ въ глубину, дабы и тѣло его, говорилъ гегемонъ, не досталось христіанамъ. Оно было ввергнуто въ море, а множество христіанъ, стоя на берегу, плакали и стонали и печальнѣйшими воплями призывали епископа. Корнилій же и Фивъ, ученики Клиmentа, сами вопили, и, не зная, какое утѣшеніе предложить въ несчастіи, сказали: «Помолимся всѣ единодушно, чтобы хотя мощи мученика были явлены намъ».

«И когда они молились,—о, велики чудеса твои, Господи, ибо чудодѣйствуется здѣсь нѣчто дивнѣе Моисеева!—отступаетъ

¹⁾ Греческая мѣра=125 шагамъ. 45 стадій=около 4 верстъ.

море назадъ почти не менѣе, какъ на 20 стадій. И пришедши во множествѣ христіане по сухому дну,—дивная и здѣсь, Христе, твоя сила!—находятъ скалу, подобную храму, устроенную твою неизреченною мудростью, и лежащее (въ углубленіи скалы) свѣтлое тѣло мученика. Тутъ же вблизи скалы и выше упомянутый якорь. Но было откровеніе Корнилію и Фиву, чтобы не переносить оттолѣ мощей, благолѣнио лежащихъ въ глубинѣ.

«И каждое годовое круговращеніе ко времени кончины мученика отступаетъ море на семь дней, открывая доступъ для приходящихъ къ мощамъ пѣшкомъ и шагъ за шагомъ. И это съ того времени ежегодно совершается и донынѣ, обозначая во всепародное извѣстіе срокъ памяти святого. Посему у херсонесцевъ нѣть ереси и эллинства, ибо тамъ на память мученика совершаются знаменія и чудеса, руководящія всѣхъ къ познанію и ясно направляющія къ истинѣ»¹⁾.

Мученическая кончина Клиmentа не только не устрашила новыхъ послѣдователей Христа, но даже произвела такое-же дѣйствіе, какъ и «свѣточи христіанства» въ Римѣ: число вѣрующихъ увеличилось. И, по преданію, вслѣдъ за Климентомъ проповѣдь его продолжали его ученики и сотрудники, Фивъ и Корнилій.

Съ конца II и до III вѣка, т.-е. почти цѣлое столѣтіе, мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о политической и религіозной жизни Херсонеса. Римляне, въ царствованіе Марка Аврелія (161—180), занятые войнами съ германскими народами, а затѣмъ, при Александрѣ Северѣ (222—235), съ персами, очень мало обращали вниманія на провинціи, а тѣмъ болѣе на отдаленный Херсонесъ, которому при свирѣпомъ предшественникѣ Александра Каракаллѣ даны права римского гражданства,—правда, не отдельно, а наравнѣ съ другими провинціями, чтѣ, очевидно, было вызвано необходимостью. Съ другой стороны, въ этотъ періодъ стало замѣтно падать язычество, и въ массахъ оно смѣнилось грубымъ суевѣріемъ, или, лучше сказать, вѣрою во всякую чертовщину, а въ высшихъ классахъ—полнымъ невѣріемъ и равнодушіемъ и къ религіи, и къ богамъ, потерявшимъ всякий кредитъ.

¹⁾ Съ греческой рукописи XII—XIII в.

XII.

Пашествіе готовъ и геруловъ. Помощь имп. Діоклетіану. Завоеваніе Пантикалея.

Въ это время (средина III в.) въ предѣлахъ херсонесскихъ владѣній появился новый грозный врагъ: то были готы и родственны съ ними герулы, явившіеся сюда изъ далекихъ сѣверо-западныхъ странъ, съ береговъ Балтійского моря и басейновъ Вислы и Нѣмана. Свое пришествіе они озnamеновали прежде всего тѣмъ, что разрушили крайній сѣверный пунктъ Боспорскаго царства, Танаисъ (въ устьяхъ Дона), а затѣмъ и сама столица царства попала въ зависимость отъ готовъ, которые и начали свои разбойничіи предпріятія по Эвксинскому Понту на боспорскихъ же судахъ. Само собою разумѣется, не оставили они своимъ вниманіемъ и Херсонесъ. Но насколько онъ тогда пострадалъ, пока неизвѣстно. Вѣроятно, немногого, такъ какъ въ Тавриду направилась только частица готовъ, большая же ихъ часть оперировала противъ Римской имперіи въ басейнѣ Днѣстровскаго лимана и западнѣе, ближе къ Дунаю. Часть готовъ, оставшаяся въ Тавридѣ, скоро слилась съ туземнымъ населеніемъ и точно растворилась въ немъ, а позднѣе на свѣтъ исторіи является въ качествѣ туземнаго населенія Крымскихъ горъ (Кулаковскій).

Въ это время мы уже не видимъ участія Рима въ дѣлахъ подвластныхъ ему окраинъ. Ему было не до окраинъ: его самого тѣснили германскія племена; къ тому же онъ готовился торжественно праздновать тысячелѣтіе своего существованія. Но празднество (248) было тризной надъ славнымъ владыкою міра. Онъ постепенно слабѣетъ и теряетъ свое значеніе. Наступившее за торжествомъ смутное время, извѣстное подъ названіемъ «эпохи тридцати тирановъ», окончательно ослабило значеніе Рима. Не помогли и побѣды надъ германскими народами въстановителя римскаго единства, императора Авреліана (270—275), и при Діоклетіанѣ (285—305) Римъ лишается даже значенія столицы, и имперія дѣлится на четыре части (тетрархіи).

Послѣднему «властителю міра» Діоклетіану, еще до окончательного его паденія, какъ повѣствуетъ Константинъ Цорфирородный, Херсонесъ оказалъ значительную услугу и поддержку. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ послѣднихъ боспорскихъ царей, Савроматъ IV, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Рима, задумалъ, по примѣру Митридата и Фарнака, вытѣснить рим-

лянъ изъ Малой Азіи, по крайней мѣрѣ изъ Понта, и вернуть старыя владѣнія. Онъ собралъ полчища сарматовъ, россовъ и другихъ обитателей береговъ Меотійского озера (Азовскаго моря) и двинулся на римлянъ. Начало для Савромата было удачно: онъ отвоевалъ страну лазовъ¹⁾, область Понтики до рѣки Галиса²⁾ и овладѣлъ нѣсколькоими римскими городами. Тогда Діоклетіанъ послалъ противъ Савромата войско подъ предводительствомъ трибуна Констанція Хлора, впослѣдствіи императора и отца Константина Великаго. Констанцій встрѣтилъ непріятеля у рѣки Галиса, но оказался слишкомъ слабымъ, чтобы помѣшать врагу переправиться черезъ рѣку. Въ эту критическую минуту, по совѣту Констанція, Діоклетіанъ отправилъ пословъ въ Херсонесъ просить о помощи.

Протевономъ и «носителемъ вѣнца» въ Херсонесѣ былъ Христъ, сынъ Папія. Граждане выслушали пословъ императора и рѣшили помочь ему. Они собрали войска, вооруженные луками, вызвали ратниковъ изъ подчиненныхъ имъ укрѣпленій, заготовили военные колесницы, приспособили на нихъ «хиробалисты» (метательные снаряды) и двинулись къ Пантикею; хитростью овладѣли плохо вооруженнымъ городомъ, гдѣ захватили въ плѣнъ жену и семейство Савромата. Послѣ этого, будто бы, подчинились Херсонесу всѣ боспорскія крѣпости, расположенные по берегамъ Меотійского озера.

Завладѣвъ городомъ, протевонъ Христъ предложилъ плѣннымъ семействамъ отправить отъ себя посольство въ Азію, къ Савромату, дабы уговорить его заключить миръ съ имперіей въ присутствіи херсонесскихъ пословъ. Отъ Савромата требовалось, чтобы онъ возвратилъ всѣ завоеванныя имъ мѣстности и прислалъ бы отвѣтное посольство для окончательного заключенія мира. По заключеніи мира между Савроматомъ и Римомъ, Христъ обязывался вывести херсонесцевъ изъ Пантикея. Если же Савроматъ задумалъ бы хитрить, то Христъ угрожалъ поголовнымъ избиеніемъ всѣхъ жителей отъ мала до велика. Тогда боспорцы послѣдѣли исполнить предложеніе херсонесцевъ и отправить пословъ; послѣ чего Савромату волей-неволей пришлось принять поставленныя ему Христомъ условія, и, скрѣпя сердце, онъ возвратился въ Пантикеи, гдѣ херсонесцы передали ему городъ и плѣнныхъ, а сами мирно возвратились домой. Послѣ этого Діоклетіанъ радушно принялъ херсонесскихъ пословъ, горячо благодарилъ херсонесцевъ за оказанную услугу, назвалъ

¹⁾ Часть нынѣшней Кутаисской губерніи, гдѣ нынѣ абхазцы и мингрельцы.

²⁾ Нынѣ Кизиль-Ирмакъ, дѣлящій Малую Азію почти пополамъ.

ихъ «истинными вѣрноподданными Римской имперіи» и обѣщалъ исполнить все, что они пожелали бы для себя или города. Послы просили, чтобы императоръ далъ имъ «вѣрную свободу», т.-е. призналь бы полную независимость Херсонеса и освободилъ городъ отъ уплаты податей. Все это было даровано, и послы, богато одаренные, были отпущенны обратно въ Херсонесъ.

Такъ пишетъ Константина Порфиородный въ своей лѣтописи. Несомнѣнно, разскѣзъ заимствованъ со словъ какого-нибудь хвастливаго херсонесца и не заслуживаетъ довѣрія. Знаменитый Момзенъ даже называетъ его «херсонесскими баенями». Въ самомъ дѣлѣ, откуда у херсонесцевъ въ то тяжелое время, когда ихъ обирали римляне, могли найтись средства, чтобы поставить большую вооруженную силу? Во всемъ разскѣзъ (у насъ очень сокращенномъ) мнѣ кажется достовѣрнымъ только конецъ, гдѣ херсонесские делегаты просятъ о свободѣ и освобожденіи отъ податей, и похвальные слова императора, который на этотъ разъ долженъ былъ согласиться и дать просимое, хотя бы на время, такъ какъ ему самому пришлось плохо, и черезъ нѣкоторое время онъ вынужденъ былъ отдать свои регаліи другимъ.

XIII.

Христіанство въ Херсонесѣ въ началѣ IV в. Проповѣдь и мученія еп. Василя и Ефрема. Епп. Евгений, Елиадѣ и Агафондоръ; ихъ мученическая кончина. Гудеи въ Херсонесѣ. Еп. Капитонъ вступаетъ съ отрядомъ воиновъ. Мѣстныя житія. Характеристика эпохи.

Въ концѣ царствованія того же Діоклетіана (начало IV в.) іерусалимскій патріархъ Германъ разослалъ многихъ епископовъ въ разныя страны для проповѣданія евангельского ученія. Двое изъ нихъ—Василей¹⁾ и Ефремъ—прибыли въ Херсонесъ. Преданіе говоритъ, что жители изгнали ихъ за проповѣдь. Тогда Ефремъ ушелъ далѣе на западъ, къ берегамъ Дуная, а Василей удалился на стоящую во ста стадіяхъ отъ Херсонеса пещеру горы, называемой «Дѣвичьей», гдѣ стоялъ древній храмъ и «идоль нѣкія дѣвицы, єллинскія богини», и здѣсь въ молитвѣ ожидалъ лучшаго времени²⁾. Случай помогъ Василю. Вотъ что

¹⁾ По Латышеву именно Василей, а не Василій, такъ какъ въ греческихъ текстахъ стоитъ *Βασιλεύς*, а не *Βασιλεῖος*. См. „Житія св. еп. Херсонесскихъ“. 1906 г.

²⁾ И теперь еще крестьяне держится преданіе, что пещера у Георгіевскаго монастыря, въ которой устроена церковка въ память св. Василя, служила ему убѣжищемъ.

говорить преданіе. У одного изъ именитыхъ херсонесскихъ гражданъ умеръ единственный сынъ. Его похоронили, и родители съ горькой думой сидѣли надъ свѣжей могилой, не отходя ни днемъ, ни ночью. Во снѣ явился имъ умерший сынъ и сказалъ: «Чтѣ сидите здѣсь и рыдаете? Не могутъ боги ваши, бездушные идолы, воскресить меня. Если же хотите видѣть меня опять живымъ, умоляте того странника, котораго вы изгнали, чтобы онъ обо мнѣ помолился своему Богу, и вы увѣруете въ того Бога, котораго онъ вамъ проповѣдуетъ; ибо Онъ есть единый, истинный, имѣющій власть надъ живыми и мертвыми, и можетъ возстановить меня изъ мертвыхъ молитвами оскорбленного вами человѣка». Воспрянувъ отъ сна, родители отрока рассказали другъ другу свое видѣніе, и тѣмъ болѣе изумились, что оба, отецъ и мать, видѣли одно и то же. Съ радостью возвратились они въ городъ и возвѣстили бывшее съ ними приснѣмъ своимъ. Въ тотъ же день пошли искать человѣка божія и обрѣли его въ пещерѣ. Родители съ домашними своими припали къ ногамъ святого, умоляя воскресить сына. Долго отказывался св. Василей, говоря: «Какъ могу я, человѣкъ грѣшный, сотворить такое чудо? Но если увѣруете въ проповѣдемаго мною Бога, получите прошисое, ибо Онъ одинъ можетъ воздвигать мертвыхъ изъ гробовъ!» — «Если увидимъ сына нашего живымъ, отвѣчали родители, то все, что намъ повелишь, исполнимъ». — Тогда святитель божій подошелъ съ ними къ гробницѣ и, отваливъ камень, взошелъ внутрь гробового покоя. Онъ сотворилъ крестное знаменіе надъ умершимъ и послѣ продолжительной молитвы, освятивъ воду, возлилъ ее на мертваго на подобіе святого крещенія, и... внезапно ожиль мертвый и прославилъ Бога живого... Ужасъ объялъ предстоявшихъ; всѣ припали къ ногамъ святого, называя его великимъ, а Бога, исповѣдемаго имъ, — истиннымъ и всемогущимъ. Епископа ввели съ честью въ Херсонесъ, послѣ чего отецъ воскресшаго крестился со всѣмъ семействомъ, и много народа приложилось къ сонму вѣрующихъ. Такимъ образомъ, церковь Христова росла въ Херсонесѣ, а капища языческія и еврейскія синагоги упразднялись. Видя запустѣніе храмовъ своихъ, іудеи, обитавшіе въ Херсонесѣ, научили идолопоклонниковъ эллиновъ возстать на христіанъ, особенно же на учителя ихъ св. Василея, и умертвить его. Ибо такимъ образомъ, говорили они, легче разорится христіанство. И собралось множество нечестивыхъ съ оружiemъ въ рукахъ и съ воплемъ напали на архіерея божія; извлекли его изъ храмины, связали ноги и такъ влачили по улицамъ, поражая камнями и дреко-

ліями. И влекли его чрезъ «святыя ворота» до того мѣста, гдѣ поставленъ былъ столбъ и на столбѣ крестъ, и страдальчески скончался святитель предъ знаменiemъ нашего искупленія. Онъ предалъ чистую душу свою Богу марта 7-го дня 310 г. Тѣло святого мученика Василея повержено было за вратами города¹⁾ на съѣденіе псаmъ и штицамъ; но ночью приходилъ волкъ и стерегъ святое тѣло отъ хищныхъ звѣрей, а днемъ надъ тѣломъ париль орелъ, отгоняя плотоядныхъ штицъ. Так же свѣтъ являлся надъ тѣломъ. пока, наконецъ, христіане, тайно его взявъ, съ честью погребли, гдѣ—неизвѣстно.

Такъ говорить средневѣковая легенда, такъ говорять Житія Святыхъ. Мы привели ее во всей простотѣ и наивной вѣрѣ, для характеристики эпохи. Въ половинѣ XVI столѣтія Бароній писалъ папѣ Павлу IV, что видѣлъ около Херсонеса могилу св. Василея. Отбросивъ легендарную и чудесную часть сказанія, мы видимъ, что въ то время язычество было очень сильно въ Херсонесѣ, дѣло проповѣди Христова ученія было небезопасно, и для обращенія въ христіанство требовались особыя условія.

Въ сказаниіи о св. Василеѣ заслуживаетъ вниманія упоминаніе объ «іudeяхъ» въ Херсонесѣ, которые хотя непосредственно и не принимали участія въ гоненіи на христіанъ и въ частности въ побиваніи епископа Василея, но, «видя запустѣніе храмовъ своихъ, научили идолопоклонниковъ эллиновъ возстать на христіанъ». Отсюда видно, что евреевъ здѣсь было довольно, но уменьшалось число сторонниковъ и возможныхъ адептовъ закона Моисеева, и этимъ раздражались іудеи.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ московскомъ «Археологическомъ обществѣ» А. Л. Погодинъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о Евреяхъ въ Боспорскомъ царствѣ. Докладчикъ, на основаніи изслѣдованныхъ имъ надписей на могильныхъ памятникахъ и другихъ данныхъ, показалъ, что евреи уже въ IV в. до Р. Х. были осѣдлыми жителями Пантикея. Живя среди греческаго населенія, они мѣняли свои имена на греческія, за что подвергались осужденію среди талмудистовъ. Такъ одинъ изъ раввиновъ, убѣждая евреевъ не мѣнять ихъ именъ, указывалъ, что и отъ египетскаго плѣна Богъ избавилъ ихъ за то, что они не перемѣнили въ Египтѣ своихъ именъ.

Въ римское время (около 80 г. по Р. Хр.) надписи говорятъ о существованіи въ Пантикеѣ еврейской синагоги и до-

1) Въ одномъ изъ списковъ врата названы „святыми“, а въ другомъ „красными“. Нынѣ ворота эти, „яже суть на западѣ града близъ той жестыны“, раскопаны Косцюшкой.

вольно значительной еврейской общиной. На Таманском полуострове, въ окрестностяхъ Фанагории (Тамани), найдено было много еврейскихъ надписей и камней съ изображеніемъ семи свѣтника. Хронология этихъ эпитафий пока неизвѣстна, но весьма вероятно, что онъ относится къ VI—VII вв. нашей эры. Докладчикъ указывалъ на тотъ фактъ, что надписи остаются греческими до 157 г. по Р. Хр., а позднѣе уже дѣлаются поеврейски. Любимымъ греческимъ именемъ, которое принимали евреи, было—Друзъ. Иногда и еврейское имя удвоивалось принимаемымъ новымъ греческимъ. То же, конечно, относится и къ херсонесскимъ евреямъ.

Преемниками Василея были епископы: Евгений, Эллидий и Агаѳодоръ, присланные тѣмъ же Германомъ. Ихъ постигла та же участь, что и Василея: они были умерщвлены, при томъ, по преданию, всѣ въ одинъ день. И здѣсь прибавляется подробность: «и мертвыми враты извлекшѣ тѣлеса святыхъ, поврѣгоша на восточныхъ странахъ; якоже изѣденомъ быти имъ отъ пѣсъ». Церковь причислила ихъ къ лицу святыхъ и чтитъ ихъ память 7-го марта.

Послѣ нихъ «пріиде въ Херсонъ еп. Эѳерій, во дни Константина Великаго (306—337), и, видѣвъ въ Херонѣ лютость невѣрнаго народа, иде въ Византію¹⁾ къ царю Константину и жаловался на нечистый херсонескій народъ.

На обратномъ пути въ Херсонесъ Эѳерій умеръ (324 г.). Узнавъ объ этомъ, херсонескіе христіане сами просили императора прислать имъ другого епископа. Къ этому времени вѣянія и отношенія къ христіанамъ рѣзко перемѣнились. Христіанство распространялось и становилось преобладающей религіей. Константина Великаго, сынъ соправителя Діоклетіана, Констанція Хлора, объединилъ временно Римскую имперію, перенесъ столицу въ Византію, которая вскорѣ приняла имя императора, а ея именемъ стала называться вся имперія. И Константина, будучи самъ язычникомъ, миланскимъ эдиктомъ (313 г.) предоставилъ христіанамъ свободу вѣроисповѣданія и право занятія государственныхъ должностей, а передъ смертью и самъ всенародно принялъ христіанство (337 г.). При такомъ положеніи дѣла просьба херсонитянъ была уважена. Къ нимъ былъ посланъ епископъ Капитонъ, «мужъ, какъ говорить сказаніе, рѣдкой вѣры и богоугодной жизни». Когда онъ прибылъ въ Херсонесъ и началъ проповѣдывать, то язычники въ подтвержденіе боже-

¹⁾ До 380 г. такъ назывался Константинополь.

ственности христіанского учения потребовали отъ святителя знаменія и чудесъ и предложили ему войти въ раскаленную известковую печь, говоря: «Если войдешь и останешься невредимъ, то и мы увѣруемъ въ твоего Бога». Тогда святитель, сотворивъ молитву, вошелъ въ печь и, къ удивлению всѣхъ, довольно долго пробылъ тамъ въ молитвенномъ положеніи; потомъ, положивъ въ омофоръ горяще угли, вышелъ невредимъ. Чудо это поразило всѣхъ, и множество язычниковъ крестилось отъ руки епископа. Такъ говорить преданіе.

Судя по этимъ преданіямъ, а равно по количеству херсонесскихъ мучениковъ, можно заключить, что, по причинѣ отдаленности провинціи отъ центра просвѣщенія и сосѣдства варваровъ-язычниковъ, христіанство здѣсь прививалось довольно туго. И не мудрено: христіанство шло въ разрѣзъ съ вѣроученіемъ и соціальными взглядами язычниковъ-варваровъ, и, какъ мы видѣли изъ легендъ, не безопасна была проповѣдь среди нихъ. Поэтому даже самъ Константий Великий рѣшился водворить въ Херсонесѣ епископа Капитона только подъ охраной 500 воиновъ. Да и позднѣе язычество исчезало очень медленно, что можно видѣть по монетамъ Херсонеса, на которыхъ христіанский символъ появляется лишь въ царствованіе Тиверія Маврикія (582—602). Папа Мартинъ въ 665 г. писалъ, что въ Херсонесѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ обитали все язычники и люди, перешедшіе къ языческимъ обычаямъ. И даже далеко позднѣе (VIII—IX в.) въ житіи апостола Андрея читаемъ: «Херсаки—народъ коварный и до нынѣшняго дня туги на вѣру».

Какъ видно, церковную исторію Херсонеса, вообще мало намъ извѣстную, приходится восстанавливать по агіографическимъ памятникамъ, дошедшімъ до насъ въ обработкѣ и записяхъ позднѣйшихъ вѣковъ (VIII—X). «Что касается до мѣста происхожденія этихъ житій и легендъ,—говорить Латышевъ,—то въ нихъ же имѣются непреложныя доказательства того, что они написаны въ самомъ Херсонесѣ. Именно, во вступительномъ словѣ читаемъ: «на похвалу съде мученыхъ стыхъ и прѣчестныхъ мужъ м(о)штъно исповѣдати». Далѣе: «и сий херсонескій градъ». И наконецъ: «Христосъ Богъ нашъ остави намъ стыхъ мученикъ и архиепископъ житіе». Къ этимъ указаніямъ, совершенно яснымъ, можно прибавить еще мелкія подробности о томъ, какими воротами были вынесены изъ города тѣла святыхъ мучениковъ и въ какой сторонѣ отъ города погребены, а также точное опредѣленіе границъ участка, отведенного для стражи Капитона. Всѣ эти подробности врядъ-ли кому могли быть инте-

ресны и даже извѣстны, кромѣ туземца. Эти соображенія приводятъ къ мысли, что авторомъ было херсонесское духовное лицо, игуменъ или, вѣроятнѣе, епископъ». Но опредѣлить время составленія житія очень трудно: приблизительно между концомъ IV и началомъ IX в.

«Въ Корсуні, какъ и въ Сурожѣ,—говорить Васильевскій въ своихъ «Русско-византійскихъ изслѣдованіяхъ»,—процвѣтала мѣстная греческая письменность, отъ которой дошли до насъ, къ сожалѣнію, только очень скучные остатки и отчасти намеки. Въ числѣ остатковъ, дошедшихъ до насъ, можно отмѣтить, напр., извѣстную «Исторію города Херсона», сохраненную Константиномъ Багрянороднымъ, сказаніе св. Ефрема «О чудѣ св. Клиmentа», «Слово на перенесеніе мощей св. Клиmentа».

Въ указанныхъ памятникахъ зерно исторической правды всегда окутано толстой пеленою апокрифическихъ сказаний, и раскрыть эту пелену и добраться до правды очень трудно. Это уже давно отмѣтили какъ проф. Ключевскій въ его изслѣдованіяхъ (Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. 1871), такъ и новѣйшій изслѣдователь житій г. Кадлубовскій (Очерки исторіи др. рус. житій 1902). Почему, приводя выписки изъ житій херсонесскихъ святителей, мы вовсе не придаемъ имъ значенія достовѣрныхъ фактovъ, а смотримъ па нихъ, какъ на апокрифы. Вирочемъ, имѣются кое-какія и положительные историческая данныя. Такъ среди подписей отцовъ второго вселенского собора (381 г.) имѣется подпись херсонесского епископа Эєерія. Также имѣются указанія о миссіонерскихъ подвигахъ св. Капитона, о которыхъ было доложено на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ (325 г.), и соборъ выразилъ Капитону за его труды молитвенную благодарность, о чёмъ было поручено епископу єессалоникскому сообщить въ Херсонесъ. Весьма вѣроятно, что о дѣяніяхъ Капитона сообщилъ «Кадмъ, епископъ Боспора», подпись которого имѣется подъ соборными постановленіями. И благодаря дѣятельности семи помянутыхъ херсонесскихъ епископовъ, первая четверть IV-го в. проходитъ свѣтлой полосой чрезъ исторію Херсонеса. «Со времени св. Капитона,—говорить церковный историкъ,—херсонесская епархія основалась вполнѣ, и начался непрерывный рядъ ея епископовъ. Впослѣдствіи они стали именоваться архіепископами, а наконецъ и независимыми (автокефальными) митрополитами». А разъ утвердилась епархія, то, надо полагать, въ это время христіанство въ Херсонесѣ имѣло уже глубокіе корни, и вырвать ихъ не было силы.

Съ этого времени начинается и византійскій періодъ жизни Херсонеса, такъ какъ около 330 г. столица Римской имперіи перенесена въ Византію, и Херсонесъ съ своими просьбами обращается уже не въ Римъ, а сюда. Но большинство историковъ начинаютъ византійскій періодъ иѣсколько позднѣе, а именно отъ распаденія Римской имперіи на западную и восточную (395 г.).

XIV.

Льготы, дарованныя Константиномъ Великимъ. Наденіе Боспора и возвышеніе Херсонеса. Подвигъ гражданки Гекіи.

Съ половины третьаго вѣка нашей эры судьба Херсонеса является связанною съ судьбами Боспорскаго царства, особенно послѣ неудачныхъ походовъ Фарнака, подчинившихъ республику Риму. Церковные вопросы какъ будто заслонили собой политическую жизнь города. Послѣдующее время—вплоть до перенесенія столицы въ Византію и первый вѣкъ византійскаго Херсонеса—даетъ мало для фактической исторіи города. Раскопки открываютъ только обиліе монетъ этого періода и... очень бѣдную эпиграфику, и для возстановленія исторіи этого промежутка приходится пользоваться кое-какими агиографическими данными, а главнымъ образомъ исторіей Константина Багрянородного, въ которой часто положительно невозможно отдѣлить былое отъ небылицы.

Несомнѣнно—одно: съ серединой III в., когда въ Херсонесѣ уже забыли о бывшемъ когда-то здѣсь римскомъ гарнизонѣ, городъ былъ предоставленъ себѣ, и въ случаяхъ нападенія скиѳскихъ племенъ или готовъ долженъ былъ защищаться собственными средствами. Но, отражая враговъ, Херсонесъ, какъ римская провинція, тѣмъ самымъ оказывалъ услугу и имперіи.

Около 318 г., повѣствуетъ державный историкъ, херсониты совершили удачный походъ противъ иѣсколькоихъ сарматскихъ (скиѳскихъ) племенъ. Императоръ Константинъ за эту услугу Херсонеса въ знакъ благодарности подтвердилъ вольности города, далъ полную свободу, далъ грамату и перстень со своимъ портретомъ для печати, пожаловалъ городу для украшенія свою вызолоченную статую и не только освободилъ Херсонесъ отъ налоговъ, но даже обѣщалъ высыпать городу ежегодно известное количество тетивъ, дерева, желѣза и масла для устройства бал-

листъ¹⁾, и кромѣ того — 1000 медимновъ²⁾ пищеницы и денежную субсидію для содержанія баллистаріевъ, т. е. военной команды. Вѣдьмѣстіе этого херсонитяне, будто бы, поставили себя и дѣтей своихъ на военную ногу, и порядокъ этотъ существовалъ до временъ Константина Багрянородного (Х в.). Всякій, конечно, пойметъ, что это ужъ слишкомъ много для отдаленной и сравнительно незначительной провинціи, которая въ то время была предоставлена самой себѣ. Такія щедрыя подачки, даже за дѣйствительную услугу имперіи, врядъ ли были возможны для Константина Великаго, который стремился къ единодержавію и для возстановленія его (324 г.) вѣль упорную и дорого стоявшую борьбу съ соправителями Діоклестіана.

Около этого времени, но нѣсколько позднѣе, повѣствуетъ тотъ же историкъ, одинъ изъ сарматскихъ князьковъ Сарматъ (?) сдѣлалъ набѣгъ на Херсонесскую область; но херсонитяне побѣдили его у Феодосіи и расширили свои владѣнія до этого города. Черезъ нѣсколько лѣтъ они повторилось столкновеніе съ сарматами, пожелавшими отобрать назадъ отнятые херсонесцами земли. Протевономъ города былъ нѣкій Фарнакъ. Онъ пемедля выступить къ Феодосіи и вмѣсто сраженія предложилъ Сармату рѣшить дѣло поединкомъ. Крѣпкій сарматъ охотно принялъ предложеніе болѣе слабаго грека; но во время единоборства Фарнакъ употребилъ хитрость. По условленному знаку херсонесцы издали воинскій крикъ, Сарматъ оглянулся; Фарнакъ ловко воспользовался этимъ моментомъ и убилъ противника. Послѣ этого, согласно условію, еще болѣе сократились границы Боспорскаго царства. Часть плѣнныхъ протевонъ удержаль для работы, другимъ позволиль возвратиться на родину, за что они поставили ему въ Боспорѣ статую. «Съ тѣхъ поръ,—говорить Константинъ Багрянородный,—пало владычество сарматовъ въ Боспорскомъ царствѣ».

Странно звучить этотъ разсказъ въ общемъ ходѣ исторіи Херсонеса. Такъ и слышишь здѣсь хвастливаго корсунянина, выхваляющаго свои небывалые подвиги. Но канва разсказа, отнесенного Багрянороднымъ ко временіи императора Константина II (337—361 г.), мнѣ кажется правдивой, и, надо полагать, за этотъ періодъ совершено нѣсколько нападеній на Херсонесъ, конечно съ цѣлью поживы. Здѣсь же нельзѧ не указать на интересный фактъ: во всей исторіи города не отмѣчено ни разу, чтобы онъ начипалъ противъ кого-либо агрессивныя дѣйствія;

¹⁾ Станокъ для метанія большихъ каменныхъ ядеръ.

²⁾ Медимъ — около 2 нашихъ мѣръ.

это и естественно, принимая во внимание, что колонія, да и весь союзъ ея преслѣдовалъ главнымъ образомъ торговыя цѣли.

Херсонесу на этотъ разъ повезло, и онъ одержалъ побѣду, одинъ разъ — на чистоту, а другой — съ помощью хитрости. Размѣры этихъ побѣдъ, конечно, преувеличены во много разъ; но какъ бы то ни было, нѣкогда сильные боспорцы потерпѣли пораженіе. Слѣдовательно, ихъ могущество и сила къ этому времени значительно упали. Не помогли имъ и временные союзники — сарматы.

Само собой, съ паденiemъ Боспора возрастаюло значеніе Херсонеса, какъ постоянного торгового соперника Пантикея.

Не имѣя успѣха въ открытомъ полѣ и желая какъ-нибудь поправить свои дѣла за счетъ херсонесскихъ богатствъ, боспорцы прибѣгли къ хитрости. По этому поводу тотъ же державный историкъ сообщаетъ такой анекдотъ. Передамъ его вкратцѣ, такъ какъ подробная передача заняла бы много мѣста.

Боспорскій царь (вѣрнѣе — царѣкъ) Асандръ II, задумавъ воспользоваться богатствами Херсонеса, посыаетъ туда нарочитыхъ людей къ протевону Ламаху, сватать его единственную дочь Гикію за одного изъ своихъ сыновей. Ламахъ принимаетъ предложеніе, но, зная коварство боспорцевъ, ставить условіемъ, чтобы женихъ и по вступленіи въ супружество не возвращался на родину, а навсегда остался бы въ Херсонесѣ, даже въ случаѣ смерти или болѣзни его отца. Царь согласился и прислалъ своего старшаго сына, который и женился на Гикіи. Ламахъ жилъ богато; онъ имѣлъ у Сузской бухты громадный домъ съ обширнымъ дворомъ и службами.

Года черезъ два послѣ свадьбы умеръ отецъ Гикіи. Въ годовщину его смерти она, при содѣйствіи города и именитыхъ гражданъ, устроила достойныя покойнаго поминки, съ пирами и играми для всего города, и дала обѣтъ ежегодно устраивать подобныя поминки до конца своей жизни. Мужу Гикіи пришло въ голову воспользоваться подобнымъ моментомъ, чтобы отомстить за свое униженіе и за свой народъ. Онъ тайкомъ попросилъ отца, съ которымъ ему подъ страхомъ смертной казни были запрещены всякия сношенія, время отъ времени присыпать къ нему подъ предлогомъ навѣщаній десять — двѣнадцать отборныхъ боспорцевъ, которыхъ онъ ловко скрывалъ въ многочисленныхъ покояхъ и службахъ обширнаго дома, но показывалъ видъ, что будто каждый разъ отправлялъ ихъ обратно на томъ же суднѣ. Такимъ образомъ во дворцѣ Гикіи въ теченіе двухъ лѣтъ набралось около двухсотъ надежныхъ боспорцевъ, съ которыми

предполагалось, во время третьихъ поминокъ, «когда весь городъ будетъ веселиться и граждане опьянѣютъ и лягутъ спать, сдѣлать ночное нападеніе, городъ поджечь, а жителей избить».

Гикія совершенно случайно узнала о заговорѣ отъ одной изъ служанокъ и сообщила объ этомъ гражданамъ. Тогда было решено домъ, въ которомъ жили боспорцы, обложить хвостомъ и зажечь, а когда они будутъ искать спасенія, то истребить всѣхъ до одного. Такъ и поступили. И вмѣстѣ съ боспорцами погибъ и вѣроломный супругъ. Такимъ образомъ Гикія сдѣлалась если не спасительницей города, то избавительницей его отъ грозившей большої опасности. Благодарные херсонесцы рѣшили тамъ же построить новый домъ доблестной гражданкѣ, но Гикія не согласилась, считая мѣсто проклятымъ, и предложила сваливать на немъ всякой мусоръ, изъ котораго со временемъ образовалась высокая куча. Она оставалась еще во времена Константина Багрянородного и называлась «Башней Ламаха». Тогда признательные граждане поставили въ честь Гикіи двѣ мѣдные статуи съ соответствующими надписями и разсказомъ о ея подвигѣ. Но Гикія, кроме того, потребовала, чтобы ее похоронили въ городѣ, чтѣ разрѣшалось только за исключительно важныя услуги. Граждане, хотя и не сразу, согласились и на это. Гикія, конечно, знала, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и пожелала испытать соотечественниковъ. Однажды она притворилась мертвой. Пришлося хоронить. Херсонитыне понесли ее за городъ на кладбище.. Каково же было удивленіе вѣроломныхъ, когда Гикія у самой могилы встала и разразилась потокомъ упрековъ. «Вѣда тому, кто повѣрить херсонесскому гражданину!» ---такъ закончила свою рѣчь мнимо-умершая.

Въ этомъ разсказѣ, конечно, много прикрасъ, но въ немъ, несомнѣнно, кроется и дѣйствительный исторический фактъ патріотического подвига,увѣнчанного статуями, которыхъ сохранились до временъ Константина Порfirородного и составляли предметъ заботливости гражданъ. «Если кто желаетъ проявить любовь къ прекрасному,—заканчиваетъ свое повѣствованіе Багрянородный,—то время отъ времени очищаетъ основаніе этихъ статуй для прочтенія и поминовенія дѣяній Гикіи».

Трудно, конечно, повѣрить, чтобы возможно было хотя бы въ самыхъ обширныхъ покояхъ и подвалахъ скрывать двѣсти людѣй въ теченіе двухъ лѣтъ такъ, чтобы обѣ этомъ не узнали граждане Херсонеса. Но зато вполнѣ возможно, что боспорскіе заговорщики жили въ томъ же, даже въ большемъ числѣ, въ разныхъ мѣстахъ города, занимаясь до поры до времени невин-

ной профессией. Въроломство и хитрость— отличительные черты древнихъ и малокультурныхъ народовъ. Несомнѣнно, заговорщики замышляли крупный переворотъ или избѣженіе съ грабежомъ. Но ни то, ни другое не удалось, благодаря Гикі.

Константинъ Багрянородный относить это происшествіе (конечно, со словъ или записи корсунянина) къ концу IV в.; но англійскій ученый Гарнетъ, посвятившій изслѣдованію этого рассказа специальный трудъ, возстаетъ противъ этой даты и пытается доказать, что исторія Гикіи нисколько не подходитъ къ христіанской эпохѣ, а происходитъ въ языческія времена, а именно въ концѣ I в. до Р. Хр.

«Въ концѣ IV в.,—замѣчасть Гарнетъ,—сдѣлали бы разрѣплено Гикіи сдѣлать подобное празднество въ память по-кайного отца съ плясками и увеселеніями; непремѣнно потребовалась бы какая-нибудь религіозная церемонія, и мы услыхали бы о епископахъ и священникахъ, о нѣспопѣніяхъ и благодарственныхъ молебнахъ по случаю освобожденія города отъ опасности. А желаніе Гикіи быть похороненной внутри стѣнъ города было бы дополнено указаниемъ на базилику, где она по-желала бы почтить, что въ тѣ времена считалось особо завидною почестью. Христіанка Гикія непремѣнно была бы похоронена внутри храма. Да и всѣ имена этой повѣсти не соответствуютъ IV вѣку. Такія имена, какъ Ламахъ, Асандръ, Филомузъ, Стратофиль, въ IV в. по Р. Хр. уже давно не существовали въ Херсонесѣ. Имена, въ которыхъ встрѣчаются «филосъ» и «стасъ», относятся къ лучшимъ вѣкамъ греческой исторіи. Ламахъ—имя извѣстное въ эпоху персидской войны; Асандръ—македонское имя временъ Александра Великаго. Въ Гераклеѣ влиятельный гражданинъ, по имени Ламахъ, играетъ важную роль въ эпоху Митридата. Имя Асандръ носилъ боспорскій царь отъ 47 до 16 г. до Р. Хр. Монетъ же Асандра II, упоминаемаго Константиномъ Багрянороднымъ, не найдено вовсе. Кромѣ того, Асандръ выступаетъ на сцену въ такую эпоху, когда родъ боспорскаго царя Савромата пресекся».

Не оспаривая того, что дата Константина не точная, что описываемое событие случилось нѣсколько ранѣе, чѣмъ указываетъ повѣствователь, а возможно, что и нѣсколько позднѣе, когда обветшавшее Боспорское царство готово было рухнуть, и во всякомъ случаѣ съ трудомъ влачило свое существованіе,— мы все же находимъ неубѣдительными доводы Гарнета. Въ са-момъ дѣлѣ, если монетъ Асандра II не найдено до сихъ поръ, то это еще не значитъ, что не было Асандра II. Монеты, если

онъ были, еще могутъ найтись, но ихъ могло и совсѣмъ не быть. Весьма возможно, что плутоватый Асандръ II властноваъ короткое время и не успѣлъ или, за отсутствиемъ средствъ на чеканку монетъ, не могъ оставить на память исторіи свое имя. Послѣднее мнѣ кажется вѣроятнымъ, послѣ того какъ Асандръ согласился женить своего старшаго сына на такихъ унизительныхъ для себя и владѣтельнаго принца условіяхъ: жить безвыѣздно въ Херсонесѣ и прекратить всякое общеніе съ отцомъ подъ страхомъ смертной казни.

Что «имена Ламахъ, Асандръ и др. въ IV в. по Р. Хр. не существовали въ Херсонесѣ»—смѣлое отрицаніе: мы такъ мало знаемъ исторію этого періода, изъ него дошло до насъ такъ мало именъ, что, несмотря на весь авторитетъ Момзена, на котораго ссылается Гарнетъ, трудно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Словарь именъ древности далеко не полонъ. Раскопки Херсонеса и Керчи далеко не закончены, и каждый день кирка археолога можетъ обнажить передъ нами темное имя.

Гарнетъ хочетъ сдѣлать Гикію IV вѣка христіанкой—и не-основательно. Скромная и любвеобильная религія Христа была и есть религія бѣдныхъ и того прививалась среди богатыхъ и сильныхъ міра, которыхъ она даже не удовлетворяла. Да и по-мимо этого, въ силу указанныхъ выше условій, христіанство здѣсь, несмотря на труды бесславѣнно преданныхъ дѣлу проповѣдниковъ, прививалось тухо. Вспомнимъ число пострадавшихъ проповѣдниковъ. Напомнимъ и тотъ фактъ, что Константина Великій, уже спустя двадцать лѣтъ послѣ миланскаго эдикта, представившаго христіанамъ свободное исповѣданіе ихъ вѣры и право занятія государственныхъ должностей, посыпаетъ (въ 325 г.) въ Херсонесъ епископа Капитона подъ охраной пятисотъ воиновъ, а черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ эдикта, Юліанъ-Отступникъ (361—363) снова пытается возстановить язычество, т. е. не задолго до подвига Гикіи. Можно поэтому допустить, что Гикія и громадное большинство современного ей «общества» были преданные язычники. Да и не только въ IV в., но и далеко позднѣе—въ VII и даже VIII в. въ Херсонесѣ была еще масса язычниковъ. Мы уже знаемъ, что писалъ папа Мартинъ и что сказано о корсунянахъ въ житіи ап. Андрея.

Что касается необходимости присутствія духовенства и торжественныхъ пѣснопѣній въ христіанскомъ Херсонесѣ IV вѣка, то и здѣсь Гарнетъ нѣсколько поторопился съ своими заключеніями: весь христіанскій обиходъ торжественныхъ службъ,

весь церковный ритуалъ быть выработанъ и стать обязательнымъ далеко позднѣе, въ эпоху расцвѣта византизма.

И мнѣ кажется, что дата описанного события очень близка къ истинѣ уже потому, что во времена Константина Порфирородного еще стоять памятникъ Гикіи, и каждому предоставлялось оберегать его, читать надпись и поминать дѣянія мужественной патріотки. Конечно, въ надписи была точная дата, переходившая изъ устъ въ уста и, вѣроятно, исправленная въ записи мѣстныхъ лѣтописцевъ, и трудно было извратить ее предъ лицомъ современника.

Исторія Херсонеса конца IV в. можетъ быть пополнена еще нѣсколькими фактами. Такъ, при императорѣ Валентѣ, — пишетъ современный историкъ Амміанъ Марцеллинъ, — проживавъ въ Херсонесѣ (368 г.) въ качествѣ опального префекта Константинополя Фронемій, нѣкогда приближенный императора, а теперь замѣщанный въ заговорѣ противъ него, затѣянномъ Прокопіемъ; а около 370 года бѣжалъ въ Херсонесъ и самъ Прокопій, дальний родственникъ Юліана-Отступника, который считалъ себя претендентомъ на царскій престолъ и мечталъ облачиться въ императорскую порфиру; преслѣдуемый сыщицами и боясь быть выданнымъ мѣстными властями, онъ пробылъ здѣсь недолго, снова бѣжалъ въ Константинополь, произвелъ тамъ восстаніе, но былъ пойманъ и казненъ.

XV.

Появленіе гунновъ. Готы—сосѣди Херсонеса. Надпись Феодосію и Аркадію. Полное подчиненіе имперіи. Херсонесъ—главный торговый центръ Тавриды. Херсонесские епископы. Херсонесъ отходитъ къ восточной Римской имперіи во владѣніе Аркадія. Ссылка въ Херсонесъ епп. Александра и Тимофея. Нападеніе гунновъ. Объединеніе города. Обращеніе къ имп. Зенону. Поправка стѣнъ. Вліяніе гунновъ на торговлю и культуру Херсонеса.

Около этого времени на европейской территории появляются огромными массами изъ степей средней Азіи гунны. Переживший эту эпоху историкъ Амміанъ Марцеллинъ даже точно указываетъ годъ этого события, именно—371-й. Однако въ сохранившемся материалѣ свидѣтельствъ о вторженіи гунновъ нѣть упоминанія о томъ, что они проникли на полуостровъ и совершили здѣсь свое дѣло разрушенія, но болѣе чѣмъ вѣроятно,— говоритъ проф. Кулаковскій,—что кочевья гунновъ «простирались и на эту территорію; также вѣроятно, что готовъ загнали

въ горы надвинувшіяся въ Тавриду гуннскія орды». Но были ли гуны въ то время у стѣнь Херсонеса, утверждать пока нельзя. «Херсонесъ въ это время, т.-е. къ концу IV в., достигъ значенія первокласснаго города Тавриды. Власть его простиралась на Боспоръ и на Малоазіатское побережье. Херсонесу принадлежали пѣсколько городовъ и деревень съ многочисленнымъ промышленнымъ населеніемъ. Его владѣнія, согласно вычислению нѣмецкаго историка Шнейдервирта (Schneiderwirth), обнимали площадь, равную королевству Саксоніи. Въ общемъ Херсонесская республика была въ эту пору самымъ могущественнымъ государствомъ въ Тавридѣ». Такъ пишетъ гр. Бобринскій въ своей монографії. Но въ его словахъ все преувеличено или невѣрно, исключая первой фразы. Что съ ослабленіемъ Пантикопея Херсонесъ сталъ первымъ городомъ на Таврическомъ полуостровѣ,—съ этимъ, конечно, никто не будетъ спорить; но чтобы власть его, помимо извѣстныхъ уже намъ городовъ, простиралась на Боспоръ и Малоазіатское побережье,—объ этомъ не говорить даже хвастливый корсунянинъ, диктовавшій исторію Херсонеса Константину Багрянородному. Да это было и невозможно: между Херсонесомъ и Боспоромъ уже съ III в. вклинились сильные готы, владѣнія которыхъ, какъ можно предполагать изъ указаній историка VI в. Прокопія, занимали большую часть южнаго берега Крыма, отъ Фороса до Судака. «Готы, говорить онъ, многочисленны, прекрасны воины и еще при мнѣ продолжаются быть союзниками римлянъ: вмѣстѣ съ ними ходятъ на войну противъ ихъ враговъ. Обыкновенно же готы занимаются земледѣліемъ и винодѣліемъ, живутъ въ открытыхъ селеніяхъ, не знаютъ и не любятъ городской жизни».

Гдѣ ужъ тутъ говорить о подчиненіи Боспора Херсонесу! Къ тому же даже и распавшаяся Римская имперія стремилась держать Боспоръ въ своихъ рукахъ. Да и это было временемъ гунновъ, которые шарили по всей Тавридѣ, когда херсонесцы навѣрное боялись и выйти за стѣны своего города. А наканунѣ нашествія гунновъ мы имѣемъ свидѣтельство современника, Амміана Марцеллина, который говорить о послольствѣ съ Боспора въ 362 г. къ имп. Юліану въ Византію, искавшемъ у него покровительства и защиты отъ варваровъ, при чемъ ни словомъ не упоминаетъ о Херсонесѣ. Какъ нѣмецкій историкъ умудрился вычислить площадь херсонесскихъ владѣній, не имѣя на это никакихъ данныхъ (намъ неизвѣстны границы владѣній), —для насъ остается загадкой. Не почерпнулъ ли онъ косвенно свѣдѣній у очень ученаго, талантливаго, но крайне легкомы-

сленного французского изслѣдователя Дюбуа-де-Монпере, кото-
рый въ тридцатыхъ годахъ посѣтилъ Херсонесъ, поверхности
осмотрѣлъ его, но... подобно Цезарю—принесть, увѣдилъ и
рѣшилъ.

Что «Херсонесская республика въ это время была самыи
могущественнымъ государствомъ въ Тавридѣ», это совсѣмъ не-
вѣроятно. Марцеллинъ пишетъ, буквально, слѣдующее: «Къ
лѣвой сторонѣ Меотиды близокъ Херсонесъ, изобилующій грѣ-
ческими колоніями, почему населеніе его спокойно и мирно за-
нимается хлѣбопашествомъ и живетъ его плодами». Ни слова
—ни о могуществѣ, ни о величинѣ. Да и можно ли говорить о
могуществѣ маленькаго союза, который съ половины II и до
VI вѣка (Юстиніана I) потерялъ право чеканки монеты и дол-
женъ былъ пользоваться римской, «которой въ раскопкахъ на-
ходятъ цѣлые горы» (Косцюшко). Кромѣ того, въ одной изъ
дошедшихъ до нась надписей, украшавшихъ городскую стѣну
во времена имп. Феодосія (379—395), самъ Феодосій и его сынъ,
соправитель Аркадій, названы очень подобострастно. Надпись
гласить: «Въ память нашихъ владыкъ, вѣчныхъ августовъ, не-
побѣдимыхъ Флавіевъ Феодосія и Аркадія и много потрудив-
шагося при работѣ трибуна Флавія Вита и строителей (инже-
неровъ): высоко (чтимаго) Эвтерія...» Изъ этой надписи мы
узнаемъ еще, что городъ въ это время поправлялъ свои стѣны
и укрѣпленія, и что «въ этомъ дѣлѣ много потрудился Флавій
Витъ, трибунъ» имперской арміи и, конечно, представитель во-
енной и гражданской (имперской) власти.

Отсюда ясно, что въ это время здѣсь стоялъ римскій гар-
низонъ и городъ находился въ полномъ подчиненіи имперіи, и
на этотъ разъ въ важномъ дѣлѣ поправки стѣнъ и укрѣпленій
принималъ главное участіе не херсонянинъ, —иначе имя его
было бы помянуто,—а римлянинъ, подъ наблюденіемъ котораго
и велось это дѣло.

Но если Херсонесъ не былъ въ это время могуществен-
вымъ, то все же онъ былъ важнымъ, пожалуй, даже главнымъ
торговыемъ центромъ Тавриды; о размѣрахъ же его торговли и
промышленности въ это время говорить нельзя, за отсутствиемъ
данныхъ. Однако можно думать, что торговля города, по срав-
ненію съ первыми вѣками подчиненія Риму, въ этотъ періодъ
несколько упала, во-первыхъ, потому, что сильно упала тор-
говля съ Греціей и разрослись другие торговые пункты Тавриды;
во-вторыхъ, сильно тормозили торговлю гунны тѣмъ, что разго-
няли и разоряли тавро-скиѳовъ и мирныхъ готовъ, и тѣмъ, что

грабили караваны съ товарами. Херсонесъ былъ также единственный граничившій съ варварами пунктъ Тавриды, гдѣ прочно держалось христіанство, и въ этомъ смыслѣ Херсонесу придаютъ большое значеніе въ столицѣ имперіи. Мы уже знаемъ, что въ IV в. епископы въ Херсонесѣ назначались изъ Константинополя. Нѣкоторые изъ херсонесскихъ епископовъ присутствовали на вселенскихъ соборахъ, что удостовѣряютъ ихъ подпіси. Такъ седьмой херсонесскій епископъ Эврій II засѣдалъ на второмъ вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ (381—388 г.) и подписался «Aetherius episcopus Tersonitanus» (вм. Chersonitanus), а существованіе епископа, который былъ призванъ на вселенскій соборъ, позволяетъ говорить если не о преобладаніи христіанства среди туземнаго населенія, то во всякомъ случаѣ о томъ, что оно было терпимой религіей и было болѣе или менѣе распространено. На третьемъ соборѣ присутствовалъ херсонесскій епископъ Леонтій. Епископу Капитону для охраны былъ данъ изъ Константинополя большой отрядъ. Словомъ, мы видимъ особое вниманіе къ херсонесской епархіи, которое продолжается и въ послѣдующее время.

Такимъ былъ Херсонесъ наканунѣ раздѣла Римской имперіи на восточную и западную (въ 395 г., по смерти Феодосія Вел.), причемъ восточная досталась старшему сыну Феодосію, Аркадію, къ которому отошли, какъ и слѣдовало ожидать, и владѣнія Херсонеса. Исторія сохранила намъ очень мало свѣдѣній о первыхъ временахъ византійского владычества въ Херсонесѣ. О періодѣ сравнительно кратковременного царствованія первого императора—Аркадія (395—408)—говорять только монеты съ его клеймомъ. Въ раскопкахъ ихъ найдено довольно много. Найдено нѣсколько монетъ съ изображеніемъ жены императора Эліи Евдокіи, а равно монеты брата Аркадія, императора Гонорія, и въ довольно большомъ количествѣ, въ томъ числѣ— одна золотая. Но все эти монеты, говоритъ Косцюшко, чеканились въ Константинополѣ.

При преемникѣ Аркадія Феодосіи II (408—450 гг.) Византія сильно пострадала отъ нашествія полчищъ гунновъ, которые, какъ мы уже знаемъ со словъ Прокопія, въ 371 г. съ большой силой обрушились на Таврическій полуостровъ, вытѣснили сарматовъ, обитавшихъ по сосѣдству съ Херсонесомъ, и наводнили всю область отъ Боспора до Херсонеса. Пострадалъ ли онъ отъ наводненія Тавриды гуннами или нѣть, историки свѣдѣній не оставили; но, вѣроятно, нѣть, или очень мало, судя по ходу послѣдующихъ событий. Въ 438 г., на константи-

Надпись Зенона.

нопольскомъ соборѣ присутствуетъ херсонесскій епископъ Лонгинъ. Нѣсколько позднѣе, а именно въ 451 г., тотъ же Лонгинъ присутствуетъ (что подтверждается подписью) на халкідонскомъ соборѣ, на которомъ, между прочимъ, постановлено подчинить херсонесскую епархію, пользовавшуюся до этого времени полною независимостью, константинопольскому патріарху. Тотъ же епископъ Лонгинъ значится въ числѣ участниковъ и слѣдующаго собора въ Константинополѣ, въ 459 г. Около этого времени или нѣсколько раньше «были сосланы въ Херсонесъ на заточеніе епископъ томитанскій Александръ и епископъ александрийскій Тимоѳей Элусудъ, «упорный и горячій еретикъ». Онъ былъ отданъ на судъ епископовъ за разныя беззаконныя дѣйствія и сначала сосланъ въ Гангру, но такъ какъ онъ здѣсь сталъ развивать смуту и собирать незаконныя сбороища, то императоръ Левъ I (457—474 г.) перевелъ его въ Херсонесъ.

Въ 474 г., по свидѣтельству Прокопія, гунны завладѣли Пантикеемъ и начали тѣснить его; затѣмъ они напали на Херсонесъ, долго держали его въ осадѣ и хотя взять города не могли, однако причинили ему много вреда и отобрали у херсонесцевъ большую часть ихъ владѣній.

Истощенный отъ продолжительной и неравной борьбы съ варварами, обѣднѣвшій отъ потери владѣній и крайняго упадка торговли, Херсонесъ не имѣлъ средствъ возобновить свои стѣны и укрѣпленія, и городу грозила опасность быть завоеваннымъ гуннами. Тогда, въ томъ же 474 г., херсонитяне обратились съ горячей просьбой къ императору Зенону (474—491 г.) помочь имъ восстановить стѣны и башни. Императоръ внялъ мольбѣ своихъ подданныхъ и помогъ имъ,—о чёмъ гласить пайденная знаменитымъ Палласомъ, въ 1794 г., у его друга Габлица надпись, нѣкогда украшавшая башню. Надпись эта гласить слѣдующее:

«Самодержецъ кесарь Зенонъ, благочестивый, украшенный трофеями величія и славы, доказалъ щедроту и благочестіе свое какъ всѣмъ подвластнымъ ему городамъ, такъ и нашему городу, пожаловавъ изъ городскихъ пошлинь вѣрныхъ ему баллистрапьевъ, съ тѣмъ, чтобы деньги были употреблены на постройку стѣнъ, служащихъ для защиты города. И мы, благодарные граждане, поставили сюю надпись въ вѣчное воспоминаніе его царствованія. Построена башня въ правленіе свѣтлѣйшаго комита Діогена, лѣта 521 инд. 14».¹⁾.

¹⁾ Надпись эта, благодаря тому, что французскій ученый, консулъ Кузинеръ (Cousinéry), неосмотрительно высказалъ мнѣніе о принадлежности ся

Надпись эта, кромъ подтверждения важнаго въ жизни города исторического факта, интересна и въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего самая надпись—это главный документъ, указывающій на существование въ Херсонесѣ особой эры, а следовательно, и самостоятельного лѣтоисчисленія. Отъ историковъ мы узнаемъ, что указываемый здѣсь известный полководецъ «свѣтлѣйшій комитъ Діогенъ» былъ посланъ въ Тавриду, повидимому для оказанія помощи городамъ, пострадавшимъ въ сентябрѣ 480 г. отъ сильного сорокадневнаго землетрясенія. Въ числѣ значительно потерпѣвшихъ городовъ выдано было пособіе и Херсонесу. А между тѣмъ надпись указываетъ 512 г. 14 индикта, когда Зенона, умершаго въ 491 г., давно уже не было въ живыхъ. Такая дата—въ связи съ датами нѣкоторыхъ монетъ—позволяетъ допустить, что херсонесская эра начиналась на двадцать-пять лѣтъ раньше христіанской, чѣд соотвѣтствуетъ, приблизительно, 25—24 г. до Р. Хр., когда, можно полагать, римляне избавили Херсонесъ отъ боспорскаго ига и даровали ему, какъ говорить Плиній, права свободы (элевтерію). Такимъ образомъ 512 годъ надписи соотвѣтствуетъ 488 году нашего лѣтоисчисленія.

Изъ надписи ясно видно, что Херсонесъ находился тогда въ полномъ подчиненіи Византіи; правда, нѣть прежняго рабо-лѣпія, но все же городъ не могъ даже распоряжаться доходами своей таможни, которыми вѣдалъ комитъ¹⁾ Діогенъ. Видно и то, что баллистраріи, учрежденные Константиномъ Великимъ, продолжали существовать, какъ войско императора. Притомъ, въ данномъ случаѣ жалованье этимъ древнимъ артиллеристамъ Херсонеса выдавалось отъ имени императора, съ разрѣшеніемъ комита, который представлялъ собой особу императора и былъ главнымъ лицомъ городского правленія. Иначе въ надписи не было бы сказано: «въ управление комита».

Судя по надписи, стѣны были хорошо отремонтированы, и даже выстроена крѣпостная башня. Это было истиннымъ благо-дѣяніемъ для города, котораго гунны не оставляли въ покой и въ дальнѣйшее время, и надо удивляться, какъ Херсонесъ могъ устоять подъ напоромъ варваровъ, успѣвшихъ, повидимому, овладѣть Херсонесу, а г. Фессалоникамъ, где онъ будто бы видѣть ее въ 1793 г., долго служила предметомъ ученаго спора. Она породила цѣлую литературу и была издана восемнадцать разъ. Однако известный инженеръ-археологъ Бертъ-Делагардъ въ своемъ тщательномъ изслѣдованіи разъяснилъ все недоразумѣніе и доказалъ, что эта надпись принадлежитъ несомнѣнно Херсонесу.

¹⁾ По объясненію проф. Кулаковскаго, „чиновникъ, завѣдывавшій сборо-ромъ пошлины съ ввоза и вывоза“, т. е. начальникъ таможни.

дѣть всей страной между Херсонесомъ и Пантикеемъ. Только гигантскія стѣны да удивительная энергія херсонитянъ спасали ихъ отъ гуннскаго рабства. Впрочемъ, можетъ быть, были какія-нибудь политическія или другія соображенія, которыя удерживали гунновъ отъ настойчиваго разрушенія Херсонеса. Гр. Бобринскій полагаетъ, что гунны сами воздерживались отъ разрушенія города, который снабжалъ ихъ, по крайней мѣрѣ начальниковъ, многимъ необходимымъ. Впрочемъ гунны, противъ которыхъ безсильна была имперія, иногда затихали, и при Юстині I (518—527 г.) византійская дипломатія даже вошла съ ними въ мирныя сношенія; однако не надолго. Уже въ началѣ царствованія слѣдующаго императора, Юстиніана I (527—565), какъ пишетъ Прокопій, они опять напали на Пантикея и разграбили его, а затѣмъ, около 536 г., часть ихъ двинулась на Херсонесъ, осадила его, и городъ былъ сильно поврежденъ. «Юстиніанъ,—говорить Прокопій,—узнавъ, что стѣны Боспора и Херсонеса и приморскихъ городовъ, лежащихъ на берегу за Меотійскимъ озеромъ, за таврами и тавро-скиѳами, совершенно пришли въ упадокъ, привель ихъ снова въ прекрасный и прочный видъ. Также построилъ онъ два сторожевые укрѣпленія, такъ называемый Алустонъ и Горзувиты»¹). Кромѣ того, Юстиніанъ упрочилъ за собой владѣнія Боспора, который уже издавна сдѣлался варварскимъ городомъ и находился подъ властью гунновъ, а при немъ опять возвращенъ римской державѣ.

Вообще при Юстиніанѣ I замѣчается новый расцвѣтъ вѣнчанаго римскаго (собственно византійскаго) могущества. Говоримъ—византійскаго, потому что къ этому времени латинскій языкъ сталъ замѣтно вытѣсняться греческимъ, который сталъ и придворнымъ, и официальнымъ государственнымъ языкомъ. Да и вообще греческій духъ вытѣснилъ романскія формы, господствовавшія въ Константинополѣ со временъ Аркадія. Хотя византійцы считали себя гражданами Римской имперіи и называли себя «ромеями» (*Ῥωμαῖος*), но обыкновенно въ *литературѣ* начинаютъ византійскій периодъ VIII-мъ вѣкомъ, такъ какъ съ этого времени онъ принимаетъ, такъ сказать, специфическій характеръ: отсутствіе всякой индивидуальности и оригинальности, что особенно замѣтно у историковъ, которые занимаются главнымъ образомъ компиляціями и выдержками изъ оригиналъныхъ трудовъ своихъ предшественниковъ, причемъ вездѣ доминируетъ дворъ и царская особа. Вообще, вся *византійская литература*,

¹⁾ Теперь—Алушта и Гурзуфъ. Остатки башенъ и крѣпостныхъ стѣнъ, которые видимъ въ нихъ теперь,—дѣло Юстиніана.

въ противоположность классической греко-римской, какъ бы отрывается отъ дѣйствительности и все болѣе и болѣе опутывается сначала евангельскимъ учениемъ, а затѣмъ и оно заслоняется густой пеленой апокрифическихъ сказаний, которыя на-долго полонили собой, можно сказать, всю литературу того времени.

Построивъ укрѣпленія Горзувиты и Алустонъ, находившіяся во владѣніяхъ готовъ, императоръ тѣмъ самымъ показалъ, что онъ могъ хозяиничать и въ ихъ странѣ, и во всякомъ случаѣ былъ ихъ покровителемъ въ борьбѣ съ гуннами. Прокопій прямо говоритъ, что готы имѣютъ договоръ съ императоромъ и по его требованію ставятъ въ нужныхъ случаяхъ свое ополченіе въ 3.000 человѣкъ.

При Юстиніанѣ притихли по какимъ-то причинамъ даже гуны; а историкъ Малала говоритъ, что въ первые годы правленія этого императора въ столицу имперіи прибылъ князь гуннской орды, кочевавшей вблизи Босфора, по имени Гродъ или Горда, съ цѣлью принять христіанство. Императоръ былъ самъ восприемникомъ, и послѣ крещенія, богато одаривъ духовнаго сына, отпустилъ назадъ въ Тавриду и просилъ его блести интересы имперіи на Востокѣ. Однако, христіанство новаго члена церкви дѣйствовало недолго, такъ какъ онъ вскорѣ былъ убитъ своими же за гоненіе язычества и пропаганду ученія Христа, и Юстиніану снова пришлось ограждать окраины отъ нападеній варваровъ оружiemъ, а гдѣ возможно—подкупомъ и даже хитростью, натравляя одно племя на другое и возбуждая путемъ сплетенъ вражду между ними. Однако, когда императоръ увидѣлъ, что онъ не можетъ справиться съ таврическими хищниками, онъ рѣшилъ удержать за собой только восточную часть Тавриды съ Пантикалеемъ въ центрѣ, а западную часть съ Херсонесомъ и его владѣніями предоставилъ гуннамъ и готовамъ.

Относительно Херсонеса историкъ умалчиваетъ, но несомнѣнно, что по временамъ ему приходилось очень плохо, такъ какъ, по словамъ Іорнанда (VI в.), по «сосѣству съ Херсонесомъ, почти у самыхъ его стѣнъ, поселилось гуннское племя аулзіагровъ, которые въ теченіе лѣта кочуютъ въ своихъ степяхъ, останавливаясь по временамъ на пастьбахъ для кормленія скота, на зиму же возвращаются къ своимъ зимовкамъ на берегу Понта». Однако, несмотря на такое сосѣдство, Херсонесъ не прекращаетъ своихъ торговыхъ сношеній съ варварами, даже самыми отдаленными, и, по свѣдѣніямъ того же историка, сюда доставляли свои товары азіатскіе купцы. «Такимъ

образомъ,—говорить Кулаковскій,—существовавшіе въ теченіе вѣковъ караванные пути для товаровъ изъ глубины Азіи къ устью Танаида (Дона), на Боспоръ и въ Херсонесъ, уцѣлѣли, несмотря на гуннское нашествіе и перемѣну степного населенія. Имперія извлекала изъ этого свои выгоды, и ея комить находился тогда не только въ Херсонесѣ, но и на Боспорѣ».

Конечно, такое близкое сосѣдство варваровъ, постоянное соприкосновеніе и борьба съ ними, а равно съ грубыми, распущенными имперскими солдатами, пагубно вліяли на весь строй городской жизни и въ корнѣ расшатывали греческую культуру, которая все болѣе и болѣе растворялась въ варварской волнѣ и все болѣе и болѣе впитывала ея мутныя воды.

Такъ было въ Херсонесѣ, защищенному надежной стѣной и поддерживавшемъ постоянныя общенія съ имперіей, а въ другихъ городахъ, не такъ защищенныхъ, смѣшеніе культуръ и народовъ шло гораздо быстрѣе, и одинъ изъ историковъ отмѣчаетъ, что къ этому времени красивый греческій языкъ искаzzился здѣсь отъ примѣси чуждыхъ словъ, а мѣстами его вытѣснилъ языкъ гунновъ и готовъ. И дѣйствительно, измѣненіе древняго дорійскаго нарѣчія зашло далеко; даже въ надписяхъ этого периода замѣчается преобладаніе аттическаго нарѣчія.

XVI.

Еп. Стефанъ. Паденіе язычества и развитіе христіанства (VI в.). Появленіе тюркскихъ племенъ—аваровъ и турокъ. Херсонесъ—первый городъ Тавриды. Христіанскіе храмы въ Херсонесѣ. Богадѣльня св. Фоки. Сыльный еп. Мартинъ и его письма. Появленіе хозарь.

Несмотря на неблагопріятныя условія существованія, Херсонесъ въ это время не только не падаетъ, но даже какъ будто развивается и расширяетъ свою дѣятельность. Опять появляются херсонесскія монеты, исчезнувшія, какъ упомянуто выше, въ срединѣ II в. Правда, теперь на нихъ—бюстъ императора Юстиніана, и только на оборотной сторонѣ—монограмма съ именемъ города. Но, по мнѣнію Косцюшко-Валюжинича, монета эта чеканилась не въ Херсонесѣ, а въ столицѣ имперіи—Константинополѣ.

На пятомъ вселенскомъ соборѣ (въ Константинополѣ, въ 553 г.) опять присутствуетъ херсонесскій епископъ Стефанъ, и преемникомъ его упоминается Ефремъ. Хотя вообще свѣдѣній о христіанствѣ въ Херсонесѣ за этотъ періодъ почти нѣть ни-

какихъ, но несомнѣнно, что къ этому времени христіанство здѣсь разрослось, окрѣпло и пустило такие корни, которыхъ не въ силахъ было вырвать никакое язычество. Христіанство сдѣлалось преобладающей, государственной религіей, и къ этому времени въ Херсонесѣ если не всѣ, то почти всѣ языческіе храмы превратились въ христіанскія церкви. Это убѣдительнѣе всего доказываютъ раскопки.

Со смертью Юстиніана Великаго (565 г.), раздвинувшаго владѣнія имперіи на востокъ до Евфрата, на западъ—до Атлантическаго океана, точно умираетъ великая сдерживающая народы сила, и въ Тавридѣ опять чувствуется большое движение народныхъ массъ, а за нимъ появляются новыя полчища тюркскихъ племенъ. Сначала появляются они на низовьяхъ Волги и Дона, затѣмъ—въ предѣлахъ нынѣшней Таврической губерніи и отсюда черезъ перешеекъ наводняютъ Тавриду и несутъ съ собой грозныя тучи. И гроза прежде всего разразилась надъ ближайшимъ къ востоку Боспоромъ; но раскаты ея отдались и въ Херсонесѣ.

Византійскіе лѣтописцы говорятъ, что уже въ концѣ царствованія Юстиніана I въ нашихъ южныхъ степяхъ, подъ вліяніемъ переворотовъ въ Китаѣ и Монголіи, появилась оттуда новая кочевая орда, которую византійскіе историки называютъ аварами, а наши лѣтописцы—обрами. Въ царствованіе Юстиніана II (565—578) они уже были въ степяхъ между устьями Дона и Днѣстра; здѣсь разбили и подчинили себѣ нѣсколько гуннскихъ племенъ, имѣвшихъ въ этихъ степяхъ свои стоянки. По слѣдамъ аваровъ шли, повидимому преслѣдую ихъ, турки. Часть ихъ, подъ командой вождя Бахана и гуннского князька Анагея, подчинившагося туркамъ, направилась къ Боспору, осадила его, а затѣмъ и взяла (580 г.), а въ слѣдующемъ году тѣ же турки уже угрожали Херсонесу, но взять его не могли (хотя историкъ Менандръ утверждаетъ противное), и турецкая волна, ударившись о неприступную стѣну, отхлынула; какъ нѣкоторые думаютъ, вслѣдствіе междуусобицъ въ главномъ станѣ турокъ.

Когда кончилось турецкое нашествіе, Боспоръ опять оказался во власти византійскаго императора Маврикія (582—602 г.) и въ подчиненіи у херсонесскаго генералъ-губернатора (дукса) Эвпатерія; за это говоритъ надпись, найденная въ Тамани еще въ 1803 г. известнымъ крымскимъ судьею Сумароковымъ. Она гласитъ слѣдующее: «Сверхъ прочихъ великихъ и дивныхъ дѣяній и этотъ славный на Боспорѣ царскій дворецъ возобновилъ

благочестивѣйшій и богохранимый нашъ властелинъ чрезъ сво-
его вѣрнооподданного Эвпатерія, славнѣйшаго начальника войскъ
и дукса Херсонеса». Точность требуетъ сказать, что имя импе-
ратора крайне неразборчиво, такъ какъ въ надписи въ этомъ
мѣстѣ сохранилось всего три буквы КІС. Иные (нѣмецк. ученый
Кирхгофъ) даже склонны прочесть здѣсь имя Исаака II (по про-
званию Ангела, царствовавшаго далеко позднѣе, а именно съ
1185 по 1203 г.). Проф. Кулаковскій высказалъ предположеніе,
что въ надписи стояло не имя византійскаго императора, а ка-
кого-либо варварскаго боспорскаго царя. Намъ это кажется мало
вѣроятнымъ, такъ какъ надпись, можно сказать, составлена по
извѣстной формулѣ, въ которой прежде всего указываются «ве-
ликія и дивныя дѣянія», какихъ не могло быть у боспорскаго
царька, почти осажденнаго гуннами и подчиненнаго Византіи.
Затѣмъ въ надписи подчеркивается христіанство царя, что трудно
ожидать отъ варварскаго владыки того времени. Если даже до-
пустить здѣсь имя такового, то ужъ никакъ нельзя отнести къ
нему конецъ надписи, где «славнѣйшій начальникъ и дуксъ
Херсона» называется вѣрноподданнымъ, собственно «рабомъ».
Это означало бы подчиненіе Херсонеса Боспору, чего въ то время
быть не могло, такъ какъ Боспоръ уже считалъ свои послѣдніе
дни. Мы принимаемъ чтеніе Кене и полагаемъ, что надпись
относится къ императору Маврикію. Не менѣе опредѣленно на
этотъ счетъ говорить проф. Латышевъ и по другимъ основа-
ніямъ. «Мы имѣемъ несомнѣнное право, пишетъ онъ, возста-
новить здѣсь имя Маврикія и отнести ее къ 590 г., на кото-
рый падаетъ единственный годъ 8-го индикта въ царствованіи
этого императора».

Итакъ въ то время (590 г.) Херсонесъ былъ первымъ го-
родомъ Тавриды. Въ немъ проживалъ Эвпатерій, дуксъ, подъ
командой котораго, по объясненію Латышева, находились вой-
ска, охранявшия границу имперіи; но, судя по тому, что дуксъ
слѣдилъ и за постройкой дворца, ему была подчинена и гра-
жданская власть. Такимъ образомъ, Эвпатерій былъ высшимъ
представителемъ императорской власти, и ему было подчинено
не только Херсонесъ, но и Боспорскія владѣнія. Это былъ со-
временный генералъ-губернаторъ края. А если такъ, то врядъ ли
Херсонесъ незадолго передъ тѣмъ, какъ говорить Менандръ,
 попалъ въ руки турокъ. Напротивъ, городъ все время оставался
во владѣніи императора, который и назначалъ сюда высшихъ
начальниковъ войскъ и края.

Однако, несмотря на полное подчинение империи, при Маврикии снова въ изобилии попадаются херсонесские монеты, исчезнувшія со смертью Юстиніана I. На этихъ монетахъ изображенъ императоръ, его жена и какой-то святой, въ которомъ известный историкъ и знатокъ херсонесскихъ монетъ Кене видѣть мѣстного мученика и святого Евгения; прямое указаніе, что въ то время христіанство здѣсь было государственной религіей и окончательно подавило язычество. И въ раскопкахъ находится не мало предметовъ церковно-христіанского обихода, которые можно отнести къ этому периоду жизни города, а можетъ быть—нѣсколько болѣе раннему или позднему. Такъ, найденъ обломокъ мраморной статуэтки Доброго Пастыря, служившей, вѣроятно, украшеніемъ какого-либо храма. Найдено довольно большое терракотовое блюдо, въ срединѣ котораго выдавлено изображеніе безбородаго лица и вокругъ—голуби. Полагаютъ, что это—образъ Христа. Къ этому же времени относятъ большой надгробный каменный крестъ съ надписью: «объ упокоеніи рабовъ божіихъ пресвитеровъ Стефана и Христофора» и мѣдный крестъ съ изображеніемъ Вознесенія и Преображенія; затѣмъ—каменная форма, по объясненію проф. Веселовскаго, для отливки металлическихъ амулетовъ, которые широко были распространены у древнихъ христіанъ, что они получили въ наслѣдие отъ своихъ отдаленныхъ прародичей-язычниковъ. Въ срединѣ формочки—неясное поясное изображеніе лица съ простертymi вверхъ руками, а вокругъ—надпись: «Господи! помоги носящему! Аминь». Найдена масса и другихъ предметовъ христіанского обихода, но о нихъ въ слѣдующей археологической части нашего очерка.

Изъ находокъ этого периода особенно интересна формочка въ видѣ глинянаго кружка, размѣромъ небольшого блюдца (9 сантм. въ діаметрѣ) со слѣдами ручки; на немъ—рельефное изображеніе св. Фоки, стоящаго въ лодкѣ съ простертыми вверхъ руками. Кругомъ по краю въ видѣ бордюра надпись: «Благословеніе святого Фоки отъ богадѣльни Херсона». Эта надпись прежде всего указываетъ на интересный фактъ, что въ то время въ Херсонесѣ существовала богадѣльня имени св. Фоки, который, согласно его житію, «и до сего дня признается первымъ кормчимъ pontijskikhъ мореплавателей и прославляется во всемъ мірѣ». Корсуняне, какъ истые моряки, конечно, глубоко чтили блаженнаго Фоку, посвятили ему свое благотворительное учрежденіе, и, какъ сказано въ житіи святого, среди моряковъ существовалъ обычай при каждой трапезѣ отдѣлять часть пищи

или питья св. Фокѣ, затѣмъ продавать ее каждому изъ сотрапезниковъ по очереди и вырученныя деньги, по прибытии въ гавань, раздавать нуждающимся. Это наводитъ Латышева на мысль, что «въ херсонесской богадѣльнѣ изготавлялись особые хлѣбы, которые продавались богомольцамъ подъ именемъ благословенія св. Фоки, и вырученныя за нихъ деньги употреблялись на содержаніе призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ». Возможно, что нашъ кружокъ примѣнялся для тисненія на такихъ хлѣбахъ изображенія святого. Могло быть и такъ, что въ церквиахъ раздавались хлѣбы съ священными изображеніями благочестивымъ жертвователямъ, въ знакъ благословенія святого покровителя храма и богадѣльни за пожертвованія. Такимъ образомъ кружокъ вполнѣ аналогиченъ съ печатями, которыя употребляются теперь для тисненій изображеній на просфорахъ».

Такое объясненіе кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что обычай раздавать въ церквиахъ вещественные предметы въ знакъ благословенія благочестивымъ поклонникамъ былъ широко распространенъ среди христіанъ съ древнѣйшихъ временъ. Проф. Помяловскій, подробно изслѣдовавшій этотъ вопросъ, указываетъ, между прочимъ, на паломницу IV в. Сильвію, которая въ своемъ описаніи неоднократно упоминаетъ о такихъ благословеніяхъ, и на Антонина изъ Плаценціи, путешествовавшаго къ св. мѣстамъ въ концѣ IV в., который прямо говоритъ о раздачѣ хлѣба бѣднымъ при церкви св. Исихія въ Іерусалимѣ по распоряженію св. Елены.

Особенно распространенъ былъ обычай освящать масло или чрезъ прикосновеніе къ мощамъ, или чрезъ наливаніе его въ лампады, горѣвшія передъ мощами. Такой освященный елей увозился паломниками въ стеклянныхъ или глиняныхъ сосудахъ и употреблялся для врачеванія; причемъ паломники иногда дарили его своимъ знакомымъ или уважаемымъ лицамъ. Кромѣ обычая увозить елей, былъ обычай увозить въ глиняныхъ сосудахъ и воду изъ священныхъ мѣсть. Такіе сосуды, изъ другихъ мѣсть, дошли до настъ въ значительныхъ количествахъ. На нѣкоторыхъ изъ такихъ сосудовъ имѣются надписи: «Елей древа жизни святыхъ мѣсть Христовыхъ», или «Благословеніе Господа отъ святыхъ мѣсть Христовыхъ», или: «Благословеніе святого Мины», или: «Благословеніе Господа на васъ».

Со смерти Маврикія (602 г.) и до средины царствованія Константа II (641—668 г.), т.-е. полъ-столѣтія, за отсутствиемъ свѣдѣній замѣчается какъ бы перерывъ въ исторіи города, и даже въ раскопкахъ почти не встрѣчается монетъ предшество-

вавшихъ императоровъ—Фоки (602—610) и долго царствовавшаго Гераклія (610—641 г.). Эти перерывы встречаются и позднѣе, въ болѣе близкую намъ эпоху. Объясняются они тѣмъ, что византійскіе историки пренебрегаютъ исторіей провинцій, занимаясь почти исключительно исторіей столицы и придворныхъ интригъ. Около 635 г., по свидѣтельству житія, къ которому «надо относиться очень осторожно» (Васильевскій), Херсонесъ еще разъ послужилъ мѣстомъ ссылки. А именно, по разсказу житія, папа или епископъ римскій Мартинъ¹⁾ «всажденъ бысть на корабль и въ заточеніе посланъ въ Херсонъ» за то, что не пожелалъ принять моноѳелитской ереси, признававшей въ Христѣ только одну бежескую волю, каковую ересь поддерживалъ самъ императоръ, суровый и страстный Константъ II, которому Мартинъ заявилъ: «Если бы и весь міръ принялъ это новое, противное православію ученіе, то я не приму и не отступлю отъ евангельского и апостольского ученія и отъ преданій святыхъ отецъ, если бы даже пришлось пострадать до смерти». Мартинъ, какъ и Климентъ, будто бы былъ сосланъ въ каменоломни. Старецъ не выдержалъ ссылки и скончался въ 655 г. Церковь причислила его къ лику святыхъ. Сохранилось нѣсколько писемъ Мартина изъ ссылки, въ которыхъ онъ жалуется своимъ далекимъ друзьямъ на дикіе пра́вы населенія, называя его языческимъ или обратившимся въ язычество, жалуется на свое бѣдственное положеніе, на дороговизну и недостачу жизненныхъ продуктовъ и, между прочимъ, дѣлаетъ интересное сообщеніе о томъ, что въ Херсонесѣ не было своего хлѣба, и онъ получалъ его съ противоположнаго берега моря, который называется Романіей, причемъ суда, привозившія хлѣбъ, возвращались назадъ съ грузомъ соли. По этому поводу проф. Кулаковскій справедливо замѣчаетъ: «Такимъ образомъ, въ половинѣ VII в. Таврида, которая была житницей Элады за пять вѣковъ до Р. Х., при измѣнившихся этническихъ условіяхъ сама нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ, расплачиваясь за него солью».

Такимъ образомъ, вывозная торговля хлѣбомъ, главный нервъ жизни города, сильно упала. Иначе и быть не могло: послѣ Юстиніана I, да и задолго до него, Херсонесъ и принадлежавшая ему область испытали на себѣ всю тяжесть переселенія народовъ. Сначала готы, за ними гунны, авары, та-

¹⁾ Съ IV вѣка принято старшаго римскаго епископа именовать папой. Вильбасовъ.

тары тѣснить другъ друга, тѣснить и Херсонесъ, а если возможно, то и грабить его.

Вскорѣ послѣ смерти Мартина и особенно къ концу VII в., при императорѣ Константинѣ Погонатѣ (668—685 г.), на Таврическомъ полуостровѣ появляются новые гости—хозары. Кто они—трудно отвѣтить: исторія ихъ очень темна. По византійскимъ и армянскимъ источникамъ, еще при Аттилѣ какія-то тюркскія племена, обитавшія въ степяхъ Волги и Дона и по западному побережью Каспійскаго моря, объединились и появились на свѣтѣ исторіи подъ именемъ хозаръ. Мало-по-малу они расширяютъ свое вліяніе и господство и въ концѣ VII в. подчиняютъ себѣ одно изъ гуннскихъ племенъ,сосѣднихъ Боспору, а за нимъ—Фанагорію и самый Боспоръ. Когда именно хозары овладѣли ими,—неизвѣстно; но хорошо извѣстно, что въ концѣ VII в. въ обоихъ указанныхъ городахъ сидѣли намѣстники хозарскаго правителя (кагана), носившіе званіе «тудуна». Постепенно власть хозаръ простерлась и далѣе на западъ полуострова. Побережье съ городомъ Сугдеей (нынѣ Судакъ), крѣпость внутри полуострова Фуллы (вѣроятно, Старый Крымъ) и часть горъ вплоть до земель, занятыхъ готами, попали подъ власть хозаръ (проф. Кулаковскій, Бильбасовъ). Такимъ образомъ Херсонесъ не попалъ въ ихъ владѣнія, и, не смотря на это, престижъ хозаръ былъ такъ великъ, что бытописатели VIII—IX вѣка и даже позднѣе часто называли Тавриду Хозаріей.

XVII.

Ссыльный имп. Юстиніанъ II Ринотметъ. Отношеніе къ нему горожанъ. Бѣгство Юстиніана къ хозарамъ. Возстановленіе его на престолѣ. Месть Херсонесу. Ссыльный патрицій Варданъ. Осада города мавромъ Безомъ. Варданъ провозглашается царемъ.

Однако, хотя Херсонесъ и не попалъ въ руки хозаръ и оставался въ прежнихъ отношеніяхъ къ имперіи, но въ жизни города, можно сказать въ самый трагическій моментъ ея, они сыграли видную роль.

Дѣло въ томъ, что по смерти Погоната вступилъ на престолъ (въ 685 г.) его сынъ Юстиніанъ II. Десять лѣтъ Византия стонала отъ его жестокости и расточительности, ряда нелѣпостей и политическихъ ошибокъ. Наконецъ, народъ не выдержалъ и свергнулъ его съ престола, и военная партія провозгласила императоромъ (695 г.) командующаго войсками Леон-

тія II, стяжавшаго себѣ славу въ войнѣ съ арабами, у которыхъ онъ отнялъ Иберію, Албанію и Арmenію. Первымъ дѣломъ новаго императора было вырвать ноздри своему предшественнику, что онъ и произвелъ для большаго эффекта на столичномъ гипподромѣ въ виду массы народа и всей знати, присутствовавшей на играхъ. Не оставилъ Леонтий своимъ вниманіемъ и приверженцевъ и фаворитовъ обезображенаго императора, которыхъ безжалостно убивали. Послѣ этой операции изуродованный Юстиніанъ, получившій прозваніе «безносаго» (по греч. «ринотметъ»), немедля былъ отправленъ въ ссылку въ Херсонесъ. Такимъ образомъ на этотъ разъ городъ удостоился высокой чести поселенія въ немъ хотя и развѣнчанной, безносой, но все же царской особы, каковыя до этого времени никогда не заглядывали сюда.

Леонтий II царствовалъ недолго. Вынужденный вести войну со все болѣе и болѣе усилившимися въ Африкѣ арабами, онъ потерялъ Карѳагенъ, очень важный торговый и стратегический пунктъ. Это было поставлено Леонтию въ вину, хотя онъ, по-видимому, былъ ни при чемъ. Въ это время возмутилась сильная критская эскадра съ десантомъ и провозгласила императоромъ хорошо известнаго ей начальника мало-азійскихъ войскъ, Ансіамара, который вскорѣ былъ уже у стѣн Константиноополя (698 г.), захватилъ не успѣвшаго бѣжать Леонтия и поступилъ съ нимъ совершенно такъ же, какъ тотъ съ своимъ предшественникомъ Юстиніаномъ, т. е. отрѣзаль ему кусокъ носа и сослалъ въ монастырь, а себя, взобравшись на тронъ, провозгласилъ Тиверіемъ III (698—705 г.). Такой способъ восшествія на престолъ, съ легкой руки Леонтия и его предшественниковъ, скоро сталъ обычнымъ въ Византійской имперіи въ послѣдующихъ вѣкахъ, когда рѣдкій императоръ не вступалъ на престолъ черезъ трупъ своего предшественника, съ которымъ обыкновенно не связывали его никакія узы, кромѣ женскихъ интригъ.

Пока совершались эти события, Юстиніанъ II очень усердно интриговалъ въ Херсонесѣ, въ надеждѣ снова посидѣть на престолѣ. Однако, какъ говоритъ ближайшій историкъ этихъ событий, Феофанъ, херсонесцы терпѣть не могли Юстиніана за его несносный характеръ и постоянно преслѣдовали бранью и насмѣшками за невольное уродство, и не только не склонились на его сторону, но даже пригрозили выдать его Тиверію.

Положеніе ссылочнаго императора было опасное, и онъ бѣжалъ сначала къ готамъ въ Доросъ, а затѣмъ дальше въ Хазарію, къ кагану, гдѣ и женился на его дочери, принявшей въ

крещеніи имя Феодоры, и поселился, съ согласія кагана, въ Фанагоріи (Тамань). Но и здѣсь положеніе бѣглеца было непрочное. До него дошли слухи, что Тиверій ищетъ умертвить его. Юстиніанъ побоялся византійского императора, побоялся, что его выдадутъ, и онъ снова бѣжалъ,—на этотъ разъ въ простомъ баркасѣ, съ приверженцами, вызванными изъ Херсонеса къ берегамъ Дуная,—къ болгарскому царю Тербелію, обладавшему въ то время значительными силами. Съ его помощью и при содѣйствіи дворцовой интриги Юстиніанъ, послѣ десяти лѣтъ изгнанія, снова очутился на византійскомъ престолѣ (705 г.) и просидѣлъ на немъ,—правда, не совсѣмъ благополучно,—до 711 г., т. е. шесть слишкомъ лѣтъ.

Первымъ желаніемъ Юстиніана по восшествію на престолъ было желаніе отомстить своимъ врагамъ. «Съ этой цѣлью,—говорить Герцбергъ,—чудовищный царь, безпримѣрная мстительность и жестокость которого не разъ принимали окраску сумасшествія, устроилъ на гипподромѣ, по случаю своего возстановленія на престолѣ, блестящія ристалища. При этомъ царь сидѣлъ на высокомъ тронѣ, а ноги его покоились на затылкахъ его первыхъ жертвъ—узурпаторовъ Леонтія и Тиверія, лежавшихъ передъ нимъ на землѣ. Въ то же время запуганная столичная чернь громко привѣтствовала царя словами псалмоївца: «На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія!.. Затѣмъ обоихъ недавнихъ владыкъ повѣсили, а вмѣсть съ ними и храброго полководца Гераклія». Вспомнилъ здѣсь царь и херсонесцевъ, всѣ ихъ насмѣшки и отказъ поддержать его въ трудную минуту. И рѣшилъ онъ отомстить такъ, чтобы каждый изъ нихъ отъ мала до велика чувствовалъ всю силу мести жестокаго царя. И онъ приказалъ готовить флотъ и большой карательный отрядъ подъ командой мавра Бэза и патриція Стефана, по прозванию Асмата, т. е. свирѣпаго.

До корсунянъ уже дошелъ слухъ, что на нихъ идетъ стотысячный отрядъ, съ приказаніемъ отъ императора уничтожить до основанія города Пантикапей и Херсонесъ, а всѣхъ жителей отъ мала до велика перебить. Не видя исхода, херсонесцы обратились за помощью къ кагану, но онъ на этотъ разъ отказалъ въ войскѣ и помощи, и только послалъ въ городъ для переговоровъ своего намѣстника (тудуна). Тогда что могло, то бѣжало изъ Херсонеса. Городъ былъ взятъ, и съ оставшимися жителями, исключая отроковъ и дѣтей, которыхъ взяли въ рабство, поступили съ восточной жестокостью. Главныхъ виновниковъ Стефанъ Свирипый, привязавъ за ноги къ столбу головою внизъ,

приказалъ въ такомъ положеніи изжарить на медленномъ огнѣ. Двадцать были связаны и брошены въ барку, которую наполнили камнями и затопили въ морѣ; сорокъ два члена городского совѣта, въ томъ числѣ тудунъ, протевоны Дикось и Зоиль, «первый гражданинъ по роду и положенію», были закованы въ цѣпи и съ женами и дѣтьми были посланы къ императору. «Горше была участъ Херсонеса,—говоритъ историкъ XII в. Константинъ Манассія,—чѣмъ участъ Виолеема; въ послѣднемъ избили только маленькихъ дѣтей, а въ Херсонесѣ убивали мужчины и женщины».

Однако кровавая расправа не удовлетворила Юстиніана, говорять византійские историки, и онъ разразился новымъ гневомъ за то, что пощадили отроковъ и дѣтей, и приказалъ немедля доставить ихъ въ Константинополь. Тогда Стефанъ отплылъ обратно, оставивъ Илью намѣстникомъ Херсонеса. На возвратномъ пути флотъ Стефана былъ разбитъ бурей. Адмиралъ и 73 тысячи войскъ и плѣнныхъ погибли въ волнахъ. Юстиніанъ не опечалился гибелюю флота и велѣлъ снарядить новый флотъ и вторично послалъ того же Стефана Асмета съ тѣмъ, чтобы «не оставить въ Херсонесѣ живой души и обратить мѣсто города въ пустыню». Велѣно было не оставить даже слѣдовъ стѣнъ и уничтожить даже тѣ мѣста, гдѣ сваливались нечистоты, и какъ можно чаще уведомлять императора объ успѣхахъ и исполненіи приказанийъ».

Оставшіеся въ живыхъ и возвратившіеся въ городъ жители рѣшили защищаться до послѣдней крайности. На этотъ разъ ихъ ободряло обѣщаніе кагана прислать помошь и—оставшійся по отъездѣ Стефана временнымъ правителемъ Илія, перешедший на сторону херсонесцевъ. Но душой всего дѣла, повидимому, былъ патрицій армянинъ Варданъ, недавно (въ 710 г.) сосланный сюда за то, что имѣлъ неосторожность хвастать предсказаниемъ астролога, прорицавшаго ему царскій вѣнецъ. Наскоро были исправлены стѣны города, и пришелъ отрядъ хозаръ. Все это вскорѣ стало извѣстно Юстиніану, и онъ поторопился прислать сюда специальную миссію подъ охраной конвоя въ 300 өракійцевъ. Миссія находилась подъ начальствомъ канцлера (логофета) сиріянина Георгія, бывшаго градоначальника Константинополя. Съ миссіей прибыли взятые Стефаномъ въ плѣнъ хозарскій тудунъ и протевонъ Зоиль. Георгію было приказано: извиниться передъ родственнымъ императору каганомъ за арестъ тудуна, восстановивъ его, равно какъ и протевона Зоила, въ прежнихъ должностяхъ, а въ городѣ все при-

вести въ порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было требовать у кагана, чтобы онъ принудилъ херсонесцевъ выдать императору Илію и Вардана, какъ государственныхъ преступниковъ.

Херсонесцы, зная приготовленія императора, впустили къ себѣ только представителей миссіи и затѣмъ, заперевъ городскія ворота, умертвили ихъ. Хозары же окружили оракійскій конвой и вмѣстѣ съ тудуномъ повели ихъ къ кагану. По пути тудунъ умеръ. Тогда хозары умертвили конвойныхъ на могилѣ тудуна, какъ надгробную жертву.

Въ то же время херсонесцы, какъ говорить лѣтопись, стерли имя Юстиніана со стѣнъ укрѣплений и другихъ городовъ и провозгласили императоромъ Илію, но тотъ отказался; тогда они провозгласили императоромъ давно стремившагося къ этому Вардана и, по обычай времени, измѣнили его имя, назвавъ Филиппикомъ. Узнавъ объ этомъ, Юстиніанъ собственноручно умертвилъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей Иліи, а жену его отдалъ на поруганіе негру. Между тѣмъ подошелъ къ Херсонесу имперскій флотъ съ десантомъ, подъ командой уже извѣстнаго намъ мавра Бэза, и началъ осаду города. Сначала дѣло шло успѣшно: византійскимъ таранамъ и осаднымъ машинамъ стали уступать херсонесскія стѣны. Уже пали двѣ башни: Кентенарійская и Синагра. Но вотъ, благодаря энергіи Вардана, подошелъ свѣжій хазарскій отрядъ подъ начальствомъ тудуна, оттеснилъ императорскія войска и заставилъ ихъ снять осаду.

Тогда Бэзъ, его флотъ и десантъ, страшась возвратиться ни съ чѣмъ, такъ какъ имъ грозила жестокая расправа со стороны безносаго императора, измѣнили ему, присоединились къ херсонесцамъ и просили кагана прислать къ нимъ въ станъ новаго императора. Осторожный каганъ потребовалъ отъ византійцевъ торжественной присяги новому императору и обѣщанія уплатить ему военные издержки «по monetѣ съ каждого человѣка». И это было исполнено. Тогда херсонесцы, соединившись съ византійцами, вмѣстѣ съ Бэзомъ и Варданомъ-Филиппикомъ, по словамъ лѣтописи, «какъ разъяренные тигры и волки», отплыли въ Константинополь, гдѣ въ то время уже волновалась чернь, недовольная императоромъ, и Вардану не трудно было низложить Юстиніана, схватить его и, во избѣженіе новыхъ попытокъ его украсить себя византійской короной, умертвить поскорѣе. Такимъ образомъ закатилась звѣзда Юстиніана, и астрологи увидѣли на сводѣ небесъ новую звѣзду— Вардана-Филиппика.

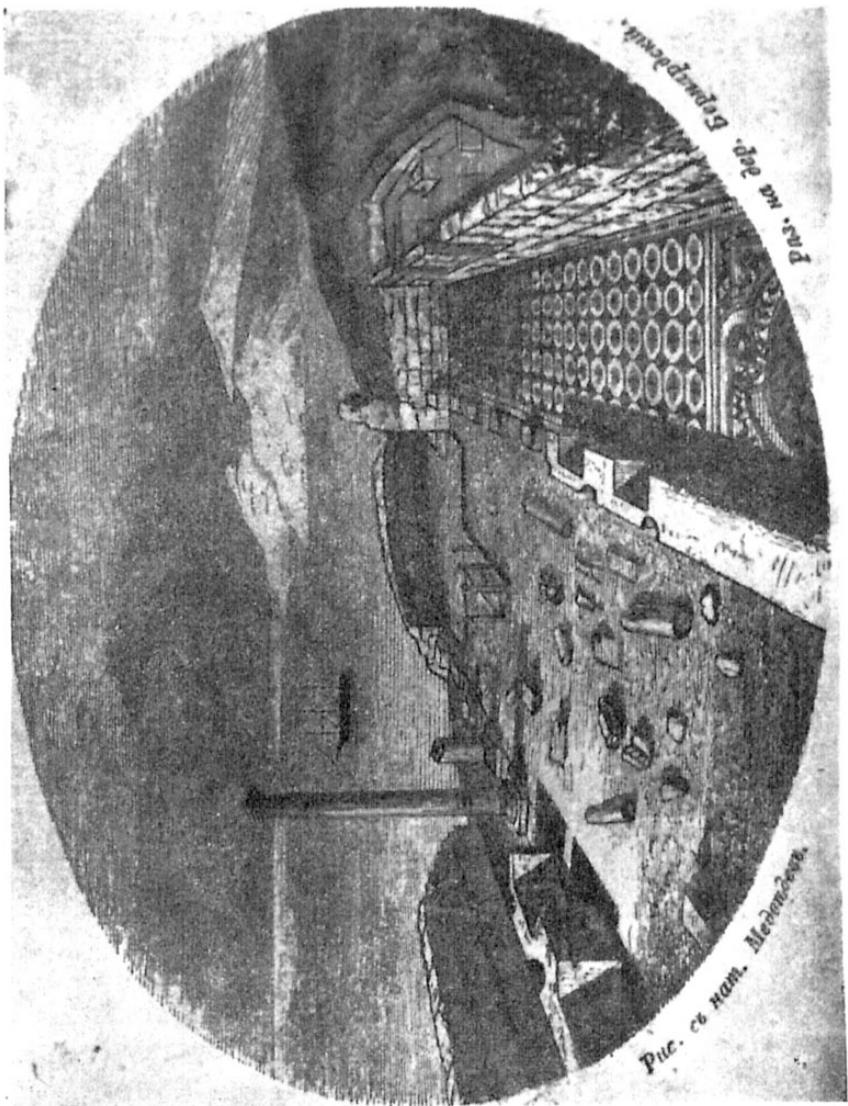
Всѣ эти сказанія византійскихъ лѣтописцевъ Бертье-Делагардъ называетъ баснословіями. «Изъ всего этого баснословія»,

— говорить онъ,—мы только извлекаемъ свѣдѣнія о существованіи ранѣе первой экспедиціи Юстиніана правителя города, которымъ былъ хозарскій тудунъ или протополит¹⁾ Зоиль,—быть можетъ, оба вмѣстѣ; одинъ—отъ хозарь, другой—отъ Византіи. Ихъ обоихъ заковали и отвезли въ Константинополь, оставивъ вмѣсто нихъ Иллю». Минь кажется, въ данномъ случаѣ Бертье-Делагардъ черезчуръ недовѣрчивъ и напрасно хочетъ аннулировать эти интересные документы... Ни строгій Момзенъ, ни осторожный въ своихъ заключеніяхъ Кене, ни Кулаковскій, ни Герцбергъ не только не отрицаютъ ихъ исторического значенія, но даже пытаются использовать ихъ, какъ историческій материалъ.

Несомнѣнно, въ разсказахъ, записанныхъ, быть можетъ, чрезъ 150—200 лѣтъ, много неточностей, противорѣчій и искаженій, и придана имъ неправильная окраска, такъ какъ вѣроятнѣе всего записаны они со словъ корсунянина, одаренного богатой фантазіей, быть можетъ, такою же, какъ и потомокъ его, диктовавшій исторію Херсонеса Багрянородному. Но обязанность исторической критики—очистить ихъ отъ наслоеній и открыть въ нихъ зерно правды, т. е. поступить такъ, какъ поступаетъ археологъ, нашедшій въ раскопкахъ неизвѣстную вещь, облѣпленную грязью и землей. И тогда изъ этихъ памятниковъ намъ удастся извлечь болѣе того, чѣмъ воспользовался Бертье-Делагардъ.

Оба похода—историческій фактъ. Изъ сказаній о нихъ мы приведемъ у себя только болѣе достовѣрное. Вѣрно указанъ и промежутокъ между походами (706—711 гг.). Несомнѣнно и то, что эскадра Бэза не могла имѣть на себѣ сто-тысячное войско: это было не по силамъ Византіи, которую на южныхъ окраинахъ тѣснили арабы, а на сѣверныхъ—славяне и хозары. А разъ эскадра не была такъ велика, то не могло быть и такихъ большихъ потерь послѣ бури, уничтожившей эскадру, о которой говорятъ хроники. Цѣль экспедиціи не была только карательной,—такъ могъ думать и говорить развѣ корсунянинъ, который чувствовалъ себя виновнымъ по отношенію къ Юстиніану II. Для экспедиціи вовсе не требовались ни большая армія, ни многочисленный флотъ, тѣмъ болѣе, что у Юстиніана въ Херсонесѣ было не мало друзей и единомышленниковъ. Изъ тѣхъ же сказаній мы узнаемъ, что бѣжавшій императоръ по

¹⁾ Протополитъ дословно—„первый гражданинъ“, вообще же—первоприсутствующій.

Уваровская базилика.

пути къ Тербелю занесъ «въ гавань Символонъ¹⁾ и отсюда тайно послалъ въ Херсонъ и вызвалъ къ себѣ своихъ приверженцевъ: Васвакурія, брата его Сальвана, Стефана и Мороплавла съ Оеофиломъ». Знаемъ также, что въ 709 г. Юстиніаномъ былъ сосланъ сюда за мнимый бунтъ освѣніиный имъ архіепископъ равенскій Феликсъ. И по этому поводу самъ Бертье-Делагардъ справедливо замѣчасть: «Было бы совершенно немыслимо послать въ Херсонесъ въ ссылку Феликса, если у Юстиніана не было тамъ своего правителя, а имѣлось только враждебное ему народное правлѣніе, знающее ненависть къ нему жестокаго императора». То же можно сказать относительно Вардана. А имѣя въ Херсонесъ своихъ сторонниковъ, ставленниковъ и престижъ власти, Юстиніану, конечно, не было необходимости посыпать цѣлый флотъ и армію, чтобы отомстить и покарать десятокъ другой херсонесцевъ. Вторая экспедиція еще менѣе преслѣдовала карательная цѣль. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ, чтобы Юстиніанъ вздумалъ мстить черезъ пять лѣтъ post factum только за то, что тогда не истребили дѣтей и юношь.

Цѣль этихъ походовъ была иная, и она ясно проглядывала въ тѣхъ же повѣствованіяхъ. Тамъ сказано, что Юстиніанъ приказалъ умертвить всѣхъ жителей городовъ, подчиненныхъ Херсонесу, Пантикаю, и сосѣднихъ мѣстностей и въ добавокъ —разорить Херсонесъ до тла. При чемъ здѣсь неповинные жители отдаленныхъ мѣстностей, не только не видѣвшихъ, а можетъ быть никогда и не слышавшихъ имени Юстиніана? Цѣль очевидна: вытѣснить изъ Херсонеса, Пантикая и другихъ мѣсть хозаръ, которые успѣли за это время распространить свою власть на гдѣтъ и на Херсонесъ. Да и онъ, какъ видно, готовъ былъ отнасть отъ Византійской имперіи и присоединиться къ готовъ или подчиниться хозарамъ. Такъ, въ самомъ концѣ VII вѣка, на трульскомъ соборѣ участвовалъ херсонесскій епископъ и подписался: «Георгій, недостойный епископъ Херсона доранскаго²⁾. А пѣсколько позднѣе (VIII—IX в.) въ житіи ап. Андрея, составленномъ Эпифаніемъ, Херсонесъ называется готовскимъ городомъ. Изъ хроникъ мы тоже знаемъ, что тудунъ въ то время въ Херсонесъ играетъ большую роль, чѣмъ протевонъ. Тудунъ поддерживаетъ Вардана, къ тудуну обращается Бэзъ съ просьбой прислать въ станъ вновь избраннаго императора; тудунъ требуетъ торжественной присяги, и онъ же требуетъ воз-

¹⁾ Иныѣ Балаклава.

²⁾ Область готовъ въ Крыму Ам. Марцеллинъ называетъ Дори, следовательно доранскій—лежащій въ землѣ готовъ.

вратить военные издержки (контрибуцию). И не видно, чтобы тудуши оставил городъ, послѣ того какъ подъ командой Вардана и Бэза ушли въ Константионополь возмущившіеся противъ императора корсуняне и эскадра. Вторымъ походомъ преслѣдовалась и другая, болѣе узкая, но очень важная для Юстиніана цѣль: получить изъ Херсонеса Вардана, памѣренія котораго были хорошо известны императору. Эти цѣли, дѣйствительно, могли оправдать посылку большой эскадры и арміи въ дальніе края, а не только мелкая личная месть.

Такимъ образомъ, Херсонесъ того времени сыгралъ важную роль въ исторической драмѣ Византіи. Онъ долго ютилъ у себя коронованнаго изгнанника, помогъ ему, хотя и косвенно, снова получить царскую корону; неудачными походами оцѣ содѣйствовалъ низверженію правителя; онъ же далъ Византіи нового императора Вардана-Филиппика, и первый провозгласилъ его имя.

Изъ всего сказаннаго видно также, что Херсонесъ въ то время былъ подчиненъ имперіи, но имѣлъ самоуправление, во главѣ котораго стоялъ именитый гражданинъ со званіемъ протевона (первенствующаго), котораго, повидимому, утверждалъ императоръ; и въ то же время надъ Херсонесомъ былъ какой-то протекторатъ хозаръ.

Интересно то, что въ этотъ періодъ въ Херсонесѣ происходила чеканка монеты въ широкихъ размѣрахъ. Это, конечно, никакъ не говоритъ противъ зависимости отъ Византіи, такъ какъ чеканка могла производиться подъ контролемъ византійскихъ чиновниковъ. «И хотя на монетахъ нѣтъ имени города,— говорить Бертье-Делагардъ,— не можетъ быть сомнѣнія, что онъ чеканены именно здѣсь. Эти монеты почти всѣ особаго типа, находятся въ огромныхъ количествахъ въ развалинахъ города и очень рѣдко въ другихъ мѣстахъ черноморскаго побережья».

XVIII.

Льготы, дарованныя городу Варданомъ. Херсонесъ подъ протекторатомъ хазаръ. Торговля. Левъ Исаурованинъ, иконоборческая смута. Херсонесъ—убѣжище для поклоняющихся иконамъ. Ссыльный Іосифъ Псалмонгвѣцъ. Ростъ монашества и храмовъ въ Херсонесѣ. Появленіе пещерныхъ городовъ.

Съ воцареніемъ въ Византіи Вардана-Филиппика Херсонесъ вздохнулъ глубоко и легко. Какъ и слѣдовало ожидать, ставленникъ Херсонеса возвратилъ ему старыя льготы и даровалъ новыя: освободилъ отъ налоговъ, далъ право безпошли-

ной торговли, снабдить и другими правами, какъ теперь приято выражаться, наиболѣе благопріятствующаго города. Кромѣ того, императоръ обѣщалъ, какъ и Константина Великаго, ежегодно выдавать городу желѣзо, дерево, масло и другіе материалы для постройки баллистъ и другихъ осадныхъ машинъ, необходимое число тетивъ для луковъ и сѣбѣстныхъ припасовъ на 1.000 человѣкъ; но въ то же время потребовалъ отъ города ежегодной подати въ 12 пудовъ золота вместо прежнихъ 10. Со-лидная подать: считая пудъ золота 15—18 тысячъ рублей, выходитъ, что Херсонесъ ежегодно платилъ византійскому императору 180—200 тысячъ рублей. Надо было имѣть хорошій доходъ, чтобы давать подобную подать.

«Въ это время многочисленныя греческія колоніи, процвѣтавшія на Таврическомъ полуостровѣ и на восточномъ и сѣверномъ берегахъ Чернаго моря, были почти всѣ покинуты. Большая часть ихъ покорилась хозарамъ, орды которыхъ теперь занимали всю страну вдоль побережья моря. Хозары могли бы завладѣть и Херсонесомъ, если бы пожелали этого, но, говорить акад. Васильевскій, каганъ, повидимому, предпочиталъ такимъ пріобрѣтеніямъ дружественныя отношенія къ имперіи, съ которой онъ имѣлъ одного и того же врага, въ лицѣ халифа. И хозары ограничились только назначеніемъ протектората надъ Херсонесомъ, вполнѣ оцѣнивая значеніе этого города, какъ важнаго торгового пункта. А городъ, лишенный плодоносныхъ полей и хлѣбнаго рынка, теперь существовалъ только иностранной торговлей, которая должна была быть велика вслѣдствіе паденія или закрытія другихъ рынковъ Тавриды. Херсонесскія суда попрежнему обмѣнивали въ Константинополѣ и другихъ морскихъ городахъ имперіи шкуры, воскъ, соль и соленую рыбу на необходимые предметы потребленія и роскоши городской жизни» (Бобринскій).

Но не долго пришлось Херсонесу находиться подъ покровительственной рукой Вардана-Филиппика. Ставленникъ Херсонеса не оправдалъ надеждъ государства. Распутный и не интересовавшійся дѣлами государства, онъ не въ состояніи былъ удержать ни набѣговъ болгаръ, мстившихъ ему за Юстиніана, ни успѣховъ арабовъ въ Малой Азіи; при этомъ Варданъ возобновилъ монаослитскіе споры, уменьшившиѳ и безъ того незначительное число его сторонниковъ. При такихъ условіяхъ не прошло и трехъ лѣтъ, какъ его свергнулъ съ престола (713 г.) иѣкій Артемій, бывшій первый министръ, короновавшійся съ именемъ Анастасія II и жаждавшій такъ сильно короны, что

сорвалъ ее съ головой своего несчастнаго предшественника. Но и онъ просидѣлъ на тронѣ столько же, сколько и его предшественникъ (713—716), почти не выходя изъ Константиноополя, угрожаемый осадами арабовъ. Его столкнула съ престола Феодосій III, бывший командиръ эскадры, провозгласившей его императоромъ. Онъ не проносилъ корону и года; ее отнялъ энергичный фельдмаршаль византійскихъ войскъ, исавріанинъ¹⁾ Левъ III, который не хотѣлъ признать Феодосія законнымъ правителемъ.

Никакихъ слѣдовъ кратковременныхъ царствованій Анастасія II и Феодосія III въ Херсонесѣ, какъ и слѣдовало ожидать, не сохранилось. И, надо думать, городъ въ этотъ періодъ придворныхъ интригъ и частой смѣны правленій былъ почти независимъ отъ имперіи.

Левъ Исавріанинъ не въ примѣръ прочимъ продержался на престолѣ почти четверть столѣтія (717—741). При немъ, какъ известно, появилась и развилась иконоборческая смута, продолжавшаяся почти цѣлое столѣтіе. И, какъ говорятъ, одной изъ причинъ преислѣдованія иконъ было желаніе императора задержать распространеніе магометанства и обратить арабовъ—магометанъ въ христіанство, чemu большинствомъ препятствіемъ было развившееся къ этому времени иконопочитаніе. Левъ явился однимъ изъ первыхъ и ярыхъ противниковъ иконъ, и издалъ указъ, запрещавшій употреблять иконы; послушники преислѣдовались настойчиво и сурово и обыкновенно изгонялись изъ столицы.

Иконоборческая смута не обошла Тавриды и Херсонеса. Въ числѣ преислѣдуемыхъ былъ известный слагатель духовныхъ пѣсенъ, Госифъ Пѣсношвецъ. О немъ въ Макарьевскихъ Четяхъ Минеяхъ читаемъ: «Память иже со святымъ Стефаномъ Новымъ, святыхъ ради иконъ замученнымъ. Но съ ему урѣзавъ, въ Херсонѣ прогна и хотя его убили; бѣжа въ Хозарію идѣ же епископъ поставлена бысть и потомъ преставися. Инъ же Стефанъ имснемъ въ Сугдаѣ заточенъ бывъ и многихъ тамъ пріобрѣть и по семъ тамо епископъ бывъ, добрѣ о тѣхъ упасъ. Успѣ о Господѣ».

Стефанъ Новый, о которомъ здѣсь упоминается, подвизался въ началѣ гоненія въ Никомидіи, въ Малой Азіи, и возставилъ противъ ереси; свою вѣрность иконопочитанію запечатлѣлъ мучнической смертью въ 765 г. Въ утѣшениѣ гонимымъ собрать-

¹⁾ Исавры—дикій, разбойничій народецъ въ горахъ Тавра, въ глубинѣ Малой Азіи.

ямъ Стефанъ подаль слѣдуюцій, заслуживающій нашего вниманія, совѣтъ, который сохранился въ его житіи, составленномъ въ началѣ IX вѣка. «Есть три области, поучасть Стефана, которые не приняли участія въ нечестивой ереси; тамъ вы должны искать себѣ убѣжища отъ гоненія дракона. Это—сѣверные склоны береговъ Эвксинского Понта, побережная области, лежащія по направлению къ Зихійской епархіи, и пространства — отъ Боспора и Херсона по направлению къ Готії».

Принимающіе иконы послѣдовали совѣту Стефана, и такимъ образомъ Херсонесъ сталъ убѣжищемъ для многихъ преслѣдуемыхъ епископовъ, пресвитеровъ, монаховъ и мірянъ. Изгнанники здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Тавриды, содѣствовали распространенію и укрѣпленію христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и греческаго языка и греческой образованности. Такова была роль Херсонеса въ то время, т. е. во второй половинѣ VIII вѣка.

Однако не слѣдуетъ думать, что сами херсонесцы того времени были истыми христіанами и сторонниками почитанія иконъ; нисколько: занятые на два фронта—постоянной борьбой съ хозарами и съ притязаніями имперіи, они больше думали о своихъ личныхъ дѣлахъ, плохихъ въ то время, и равнодушно относились къ вопросамъ религіи. Конечно, переселеніе въ Херсонесъ множества монаховъ и образованныхъ духовныхъ лицъ могло только облагородить городъ и поднять его въ умственномъ отношеніи.

Гоненія на иконопочитателей продолжались и въ царствованіе сына Льва Исавріанина, Константина IV (741—775 гг.), который, отбросивъ всякую политику, былъ убѣжденымъ противникомъ иконъ, поклоненіе имъ считалъ идолопоклонствомъ, и по тому времени былъ правъ. «Дѣйствительно, простой народъ вслѣдствіе недостаточнаго религіознаго образованія, по большей части придавалъ виѣшности и обрядности въ религіи главное значеніе. Смотря на иконы и молясь передъ ними, люди необразованные забывали возноситься умомъ и сердцемъ отъ видимаго къ невидимому и мало по малу усвоили себѣ убѣженіе, что лица, изображаемыя на иконахъ, неотдѣлимы отъ иконъ. Отсюда развилось поклоненіе собственно иконамъ, а не лицамъ, изображаемымъ на иконахъ. Развилось суевѣріе, граничащее съ идолопоклонствомъ. Естественно, что явилось стремленіе уничтожить такое суевѣріе» (Смирновъ). И Константинъ въ борьбѣ противъ иконъ поступалъ суроѣ и безпощаднѣе, нежели его отецъ. «Особенно сильно преслѣдовались монахи и монашество,

какъ самая твердая опора оппозиції. Многіе монастыри были конфискованы и упразднены, иѣкоторые разрушены. Монахи разбѣгались; при этомъ утрачено было много книжныхъ сокровищъ, такъ что научныя запятія зачахли надолго» (Герцбергъ). «Монашество было словно уведено въ пѣнь, — говорить лѣтописецъ, — и Византія осиротѣла». Позднѣйшіе историки, иконопочитатели, преслѣдовали этого могучаго правителя съ пламенною ненавистью и дали ему бранное прозвище Копронимъ (Навозникъ), каковое и удержалось за нимъ въ исторії.

Однако въ своихъ преслѣдованіяхъ иконъ Константинъ не остановился даже и на этомъ. Въ 754 г. опять созвалъ въ Константинополь соборъ изъ 338 епископовъ, на которомъ самъ предсѣдательствовалъ и, подавляя своимъ авторитетомъ, заставилъ соборъ вынести рядъ самыхъ рѣзкихъ постановлений. Иконочествованіе было отвергнуто соборомъ, какъ идолопоклонство, строго воспрещено выставлять въ церквахъ иконы, статуи и даже распятія; мало того, энергія собора была направлена противъ самого искусства, которое, по его мнѣнію, надо было принести въ жертву чистотѣ религіи. Кто изготавлялъ иконы или скульптурныя произведения, тому грозила анаоема и гражданское наказаніе. Самый могучій борецъ за иконочествованіе, Ioаннъ Дамаскинъ, былъ преданъ анаоемѣ. Борьба партій обострилась, и была масса кровавыхъ жертвъ и столкновеній. При такихъ условіяхъ изъ столицы имперіи и другихъ ся мѣстъ бѣжало не только преданное иконочествованію духовенство, но и усердные граждане; навѣрное, немалое ихъ число поселилось въ Херсонесѣ. Можно думать, что именно въ этотъ періодъ здѣсь была построена масса мелкихъ церквей, многочисленные фундаменты которыхъ сохранились понынѣ и много еще которыхъ скрыто въ нераскопанныхъ грудахъ мусора и камней. Ревнители, особенно изъ высшаго духовенства и богатыхъ людей, старались строить и украшать храмы и часовни во спасеніе души и чистаго почитанія иконъ и такимъ образомъ, по выражению проф. Кондакова, превратили Херсонесъ въ большую лавру. И действительно, только на площади нынѣшняго собора св. Владимира и рядомъ съ нимъ открыты фундаменты семи церквей и часовенъ.

«Весьма вѣроятно, — говоритъ Кулаковскій, — что къ эпохѣ монашеской эмиграції относится возникновеніе тѣхъ пещерныхъ монастырей (городовъ), остатки которыхъ сохранились донынѣ въ разныхъ мѣстахъ горнаго Крыма и между прочимъ рядомъ съ Херсонесомъ у Инкермана. Немногіе эпиграфические тексты, сохранившіеся кое-гдѣ на стѣнахъ пещеръ, а также изсѣчен-

ныя въ скалахъ изображенія креста относятся ко временамъ болѣе позднимъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что эти монастыри расширялись и украшались въ XII—XV вѣкахъ и позднѣе. Можетъ быть, многіе изъ этихъ пещеръ и пещерныхъ храмовъ возникли только въ это время. Для Инкермана это блестящее доказано обстоятельнымъ изслѣдованиемъ Бертье-Делагарда. Но начало пещерножительства, какъ типа монастыря, можно все-таки отнести къ эпохѣ иконоборства и монашеской эмиграціи въ Тавриду. Основаніемъ для такого предположенія является сходство въ типѣ, которое можно констатировать между крымскими сооруженіями этого рода и тѣми, какія имѣются въ южной Италии и Сициліи. Эти послѣднія сооружены монахами, бѣжавшими съ Востока. Они привнесли съ собой свой типъ пещерножительства, процвѣтавшій въ Малой Азіи. Такіе же эмигранты, направлявшіеся на сѣверное побережье Чернаго моря, могли занести его и въ горы южного берега Крыма. По условіямъ и характеру горной породы, онъ привился здѣсь и переданъ былъ отсюда на Днѣстръ, а можетъ быть и въ Киевъ»...

«Подобная работа греческихъ монаховъ (можетъ быть, херсонесскихъ) существуетъ на Донцѣ, недалеко отъ Изюма (Харьковской губ.), въ извѣстномъ Святогорскомъ монастырѣ, который весь вырубленъ въ высокомъ, лежащемъ надъ Донцомъ утесѣ мѣловыхъ горъ, поросшихъ деревьями. Монастырь въ скалѣ имѣеть 50 саж. длины; надъ нимъ особенно выдаются два утеса, въ видѣ двухъ башенъ надъ церковью изъ чистаго мягкаго мѣла» (Бурачковъ).

Слѣдовательно, образованіе пещерныхъ городовъ надо приписать не троглодитамъ, какъ думали Розенъ и извѣстный писатель Марковъ, а болѣе близкому намъ времени.

XIX.

Ссыльный братъ имп. Льва Хозарина. Гибель хозарь. Пріѣздъ патриція Петроны. Паденіе самостоятельности города. Херсонесская область. Херсонесъ главный городъ области.

Послѣ энергичнаго Константина Копронима вступаетъ на престолъ его болѣзниеный и далеко болѣе мягкий сынъ Левъ IV, отъ Ирины, дочери хозарскаго кагана, почему Левъ и былъ прозванъ Хозариномъ. Въ отношеніи иконоборцевъ онъ держался возврѣній отца, но не прибѣгалъ къ суровымъ мѣрамъ. Смягчала его и мать, почитавшая иконы.

Въ царствованіе Льва Хозарина въ Херсонесъ былъ со-
сланъ «подъ стражу и для безопасности» родной братъ импе-
ратора, котораго обвинили въ заговорѣ. Левъ, процарапствовавъ
всего пять лѣтъ (775—780 г.), умеръ, и за малолѣтствомъ сына
императора, Константина V, власть перешла къ его матери,
тоже Иринѣ, красивой, знатной азиаткѣ, крайне властолюби-
вой, ревностной поклонницѣ иконопочитанія и большой интри-
ганкѣ. Когда подростъ Константинъ, Ирина съ болью въ сердцѣ
передала ему бразды правлѣнія, но долго не выдержала и на-
чала интриговать. Константинъ не имѣлъ талантовъ правителя
и показалъ себя жестокимъ и грубо неблагодарнымъ къ своимъ
самымъ близкимъ людямъ. Ирина воспользовалась этимъ, скло-
нила ихъ на свою сторону, и вотъ 19 августа 797 года клев-
реты императрицы самымъ жестокимъ образомъ ослаѣли Кон-
стантина въ той самой комнатѣ дворца, гдѣ онъ родился.

Пять лѣтъ пользовалась царица плодами своей интриги. За
это время на политическомъ горизонте стало довольно мрачно.
Да уже и раньше сгущались тучи надъ несчастной имперіей.
Арабы, болгары и франки давятъ ее и сокращаютъ границы.
Хозары въ то же время пріобрѣтаютъ господство надъ всей Го-
тіей, угрожаютъ самостоятельности Херсонеса и, какъ видно,
гнетутъ его налогами. Такъ, въ лѣтописи упоминается, что въ
это время былъ въ Херсонесѣ епископъ Ioannъ, который ста-
рался освободить городъ отъ гнета хозаръ. Въ то же время,
говорить лѣтопись, «хозары начаша помалу навыкати христіан-
ской вѣрѣ отъ своихъ сосѣдей херсонянъ».

При такихъ условіяхъ Ирина теряла всякий престижъ, и
осенью 802 г. государственный канцлеръ и казначай Никифоръ
смѣстилъ ее и сослалъ въ монастырь, а себя украсилъ царскими
регаліями.

Недолго процарапствовалъ и Никифоръ. На девятый годъ
своего правленія онъ отправился походомъ противъ болгаръ и
здѣсь сложилъ свою голову (811 г.), которую болгарскій князь
Крумъ приказалъ надѣть на копье и выставить на нѣсколько
дней на показъ, а затѣмъ сдѣлалъ изъ нея заздравную чашу.

Никифора на годъ смѣнилъ его сынъ Ставракій, а у него
похитилъ корону куропалать (смотритель дворцовъ) Михаиль I;
а еще черезъ два года армія, послѣ неудачного похода Михаила
на болгаръ, свергла его и провозгласила императоромъ армянина
Льва. Но и онъ процарапствовалъ недолго (813—820 гг.). Разго-
рѣвшаяся при немъ борьба за и противъ иконъ, противъ ко-
торыхъ былъ и Левъ V, повела къ дворцовому заговору, во-

главъ котораго сталъ другъ императора, военачальникъ Михаилъ. Заговорщики, переодѣтые пѣвчими, напали на царя въ дворцовой церкви и тамъ же, во время обѣдни въ первый день Рождества, буквально изрубили его на части (820 г.), а Михаила II, прозваннаго косноязычнымъ, плохо даже говорившаго по-гречески, провозгласили императоромъ; онъ и началъ собою такъ называемую Аморийскую династию.

Такъ кончали въ этотъ періодъ свою жизнь и такъ начинали карьеру владыки Херсонеса, съ которыми городъ готовъ былъ порвать всякия связи. Да и вообще незамѣтно проходили ихъ краткія и бурныя царствованія въ жизни Херсонеса. Въ раскопкахъ даже не находятъ монетъ съ ихъ именами. Въ то же время найдено немало монетъ арабскихъ властителей того и болѣе поздняго времени. Слѣдовательно, торговля поддерживалась и съ этими далекими мѣстами.

Изъ предметовъ, найденныхъ въ раскопкахъ, которыхъ можно отнести къ этому времени, заслуживаются вниманія большиіе полые нагрудные кресты (энколпіоны) съ изображеніемъ распятія и евангелистовъ.

Въ 829 г. императоръ Михаилъ, потерявъ богатый островъ Критъ и часть Сициліи, перешедшей въ руки арабовъ, мирно почилъ,—что рѣдко случалось съ византійскими владыками въ тѣ времена,—и престолъ перешелъ къ сыну его Феофилу, молодому, образованному и богато одаренному отъ природы правителю, хорошо знакомому съ богословіемъ, большому противнику почитанія иконъ. Онъ имѣлъ неосторожность повторить указъ, воспрещавшій поклоненіе иконамъ; кромѣ того, повелѣлъ выкинуть слово «святой» передъ именами лицъ, чтимыхъ церковью, и тѣмъ самымъ раздулъ утихшую при отцѣ иконоборческую смуту. Онъ любилъ пышность и архитектуру: возобновилъ сухопутныя стѣны столицы и содѣйствовалъ постройкѣ великолѣпныхъ зданій. Зная это, хазарскій каганъ обратился къ Феофилу съ просьбой прислать ему мастеровъ для постройки крѣпости на Дону, необходимой для охраны границъ своихъ кочевій отъ печенѣговъ, одного изъ дикихъ тюркскихъ племенъ, прорывавшихся съ востока и искавшихъ себѣ новыхъ земель. Печенѣги внушали страхъ, какъ отличные стрѣлки, и подъ ихъ напоромъ слабѣла сила хазаръ.

Феофилъ согласился исполнить просьбу кагана; это было въ интересахъ Византіи, потому что хазары служили посредниками въ византійской торговлѣ съ народами дальняго юга и востока; по словамъ Константина Багрянороднаго, существовало

постоянное нарушение сообщения между Херсонесомъ и столицей хазаръ Саркеломъ-на-Дону, гдѣ хазары хотѣли построить крѣпость, которая, конечно, служила складочнымъ мѣстомъ византійскихъ и херсонесскихъ товаровъ.

Около 835 г. императоръ Феофилъ отправилъ изъ Константина поль въ Херсонесъ, а отсюда далѣе въ Саркель цѣлую экспедицію строителей подъ руководствомъ своего зятя (брата жены) Петроны Каматера (Трудолюбиваго). Прибывъ въ Херсонесъ,—повѣствуетъ Константинъ Багрянородный,—Петронъ оставилъ здѣсь свои корабли и, набравъ рабочихъ и матеріалъ для постройки, пошелъ отсюда черезъ Меотиду (Азовское море) и вверхъ по Дону на плоскодонныхъ судахъ, гдѣ и устроилъ крѣпость.

Поѣзда Петроны дала ему возможность ближе узнатъ Херсонесъ и настроеніе его гражданъ, и онъ писалъ императору: «Если хочешь дѣйствительно властвовать надъ Херсонесомъ и принадлежащей ему областью, то поставь здѣсь своего намѣстника, а не довѣряй его архонтамъ». Словомъ, Петронъ совѣтовалъ положить конецъ самостоятельности города.

Феофилъ одобрилъ предложенный ему планъ и взамѣнъ избираемаго херсонесцами противона назначилъ самого Петрону, какъ человѣка, хорошо знакомаго съ мѣстомъ, первымъ стратегомъ и катапаномъ¹⁾ Херсонеса. Всѣмъ мѣстнымъ должностнымъ лицамъ и гражданамъ вмѣнено было полное подчиненіе императорскому намѣстнику.

Образована была особая Херсонесская область (фѣма) изъ разныхъ греческихъ городовъ, включая Готію, которая получила название «Готскихъ климатовъ», и города Боспора, а Херсонесу дано право первенства надъ прочими городами и поселеніями побережья Эвксинского Понта, находившимися въ Тавридѣ; даже была подчинена ему область по ту сторону Боспорскаго (Керченскаго) пролива до рѣки Гиппаницъ (Кубань).

Съ этихъ поръ Херсонесъ сталъ, такъ сказать, губернскимъ городомъ Тавриды, но въ то же время потерялъ свободу и управлялся уже византійскими стратегами. И въ археологическомъ архивѣ имѣются печати цѣлаго ряда стратеговъ Херсонесской фѣмы. «Огсюда видно,— говорить Кене,—что хотя Херсонесъ и былъ нѣкоторое время независимымъ отъ имперіи, однако счи-

¹⁾ Титулъ стратега былъ общимъ титуломъ всѣхъ византійскихъ правителей провинцій. Они были облечены властью какъ военною, такъ и гражданскою. Катапанъ—градоначальникъ.

тался за принадлежаній ей городъ, на который императоръ предъявилъ права при первомъ удобномъ случаѣ.

20-го января 812 г., скончался Оеофиль, и на тронъ безъ смутъ взошелъ его четырехлѣтній сынъ Михаилъ III (812—867 г.). По волѣ никоѣнаго императора, правила его мать Феодора при содѣйствіи нѣсколькихъ лицъ, назначенныхъ умирающими императоромъ. Какъ только Феодора приняла бразды правленія, она рѣшила возвратиться къ политикѣ Ирины. Въ это время пыль нартгійной борьбы угасъ; всѣ желали мира, и даже высокопоставленные иконоборцы уже опускали оружіе.

Немедля былъ созванъ соборъ, составленный изъ духовенства, потерпѣвшаго отъ иконоборцевъ. При этомъ были низложены иконоборческіе епископы, и предано анаѳемѣ учение иконоборцевъ, а затѣмъ, 19 февраля того же года, въ воскресенье на первой недѣлѣ великаго поста, иконы и распятія были вновь поставлены въ храмахъ, и въ этотъ день установленъ былъ праздникъ, названный «торжествомъ православія»; его наша церковь чтить и теперь. И вообще въ царствование Феодоры церковная миссіонерская дѣятельность разрослась и приняла грандиозные размѣры, особенно среди славянъ, какъ противовѣсь охватившему Востокъ исламу, который готовъ былъ залить собой и Европу. Самыми выдающимися миссіонерами того времени были «апостолы славянъ», братья Кириллъ и Меѳодій.

XX.

Появленіе русскихъ. Кн. Бравлинъ новгородскій грабитъ городъ. Прибытие брр. Кирилла и Меѳодія. Кириллъ находитъ въ Херсонесѣ евангеліе и исалтырь на русскомъ языку и человѣка, говорящаго по-русски. Объясненіе этой находки и значеніе ся въ славянскомъ мірѣ.

По сказаніямъ, которыя дошли до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, иногда противорѣчивыхъ, равноапостольные братья между 856 и 862 годомъ осчастливили Херсонесъ своимъ посѣщеніемъ. По одной версіи они прибыли сюда по порученію папы Николая I съ цѣлью разыскать и перенести въ Римъ мощи св. Климента, котораго считали третьимъ преемникомъ ап. Петра на епископской каѳедрѣ Рима; по другой—братья посланы были сюда патріархомъ константинопольскимъ по просьбѣ кагана съ цѣлью проповѣди христіанства среди хозаръ, которые тяготились своимъ язычествомъ и хотѣли измѣнить религию, но не знали, на чёмъ остановиться. У нихъ уже были іудейскіе и

магометанскіе проповѣдники, но ни тѣ, ни другіе не удовлетворили, и хозары колебались. «Пришли намъ ученаго мужа,—писалъ каганъ императору,— и если онъ одержить верхъ надъ евреями и сарацинами, то мы примемъ вашу вѣру». Въ Херсонесѣ Кириллъ и Меодій пробыли довольно долго, изучая сарматскій и хозарскій языки, необходимый для проповѣди. Послѣ этого братья отправились, чрезъ сосѣднюю Фульскую область¹⁾, въ Хозарію. По пути Кириллъ «въ фульстѣ языцѣ» обличалъ языческое поклоненіе дереву, срубилъ огромный дубъ, предметъ культа язычниковъ, и проповѣдывалъ среди нихъ слово Божіе.

Послѣ проповѣди у хозаръ, Кириллъ и Меодій оставили имъ священниковъ, пришедшихъ съ ними изъ Херсонеса, а сами возвратились съ благодарственнымъ письмомъ отъ кагана къ императору. По сказанію, послѣ проповѣди братьевъ «не малая часть хозаръ Христову вѣру пріяше; содружиша съ херсоняны и навыкоша отъ нихъ добрымъ правомъ и честному, христіаномъ подобающему житію, и веселяхуся въ греки въ Таурицѣ и Херсонѣ, чесо ради нѣціи отъ космографовъ и Таурику и Херсону Хозарію или Козарію нарекоша, яко козары съ грекы тамъ смысшиася».—При этомъ образовалась отдѣльная христіанская община, которая первоначально была подчинена епископу херсонесскому; пѣсколько позднѣе она получаетъ своего отдѣльного епископа.

Хотя житіе просвѣтителей славянъ и хозаръ и говорить о благодарственномъ письмѣ кагана и успѣхѣ проповѣди равнопостольныхъ братьевъ, но на дѣлѣ поѣздка ихъ не имѣла желанныхъ результатовъ, такъ какъ хозарскій каганъ обратился въ іудейство, которое и стало исповѣданіемъ правящаго рода и ближайшихъ къ нему вельможъ. Обращеніе хозаръ въ іудейство ослабило связи, которыхъ существовали раньше между ними и православнымъ Херсонесомъ.

Нѣкоторое время хозары продолжаютъ оставаться господствующимъ народомъ въ восточной части сѣверного побережья Чернаго моря, но уже въ началѣ IX в. ихъ давятъ печенѣги. Затѣмъ изъ-за Волги начинаютъ появляться новыя племена тюркской расы и идутъ уже прямо по хозарскимъ владѣніямъ въ приднѣпровскія степи и далѣе. Въ это же время съ дальнѣго сѣвера стать проникать на югъ невѣдомый дотолѣ врагъ въ лицѣ «дикаго народа Руси». Въ житіи св. Стефана Сурожскаго сохранилось извѣстіе, что какой-то князь Бравлинъ или

1) Въ центрѣ Крыма, б. м. Старый Крымъ.

Бравалинъ изъ Новгорода грабилъ все побережье отъ Херсона до Боспора, который здѣсь уже называется Корчью. Побывалъ этотъ ушкайникъ и въ Сурожѣ (Судакѣ), ограбилъ здѣсь церковь, въ которой были погребены св. Стефанъ, по, по преданію, былъ пораженъ тяжкой болѣзнью. Чтобы избавиться отъ нея, Бравалинъ принялъ христіанство и приказалъ возвратить «всі, елико пограбиХомъ священные сосуды церковныя Корсуні и въ Корчи». Подобное же свѣдѣніе имѣется и въ житіи св. Георгія Амастидскаго.

Легендарный характеръ подробностей, которыми изукрашены эти новѣствованія, не лишаетъ исторического значенія ихъ сущность, а именно—появленіе Руси въ этихъ мѣстахъ задолго до Владимира.

Въ жизнеписаніи Кирилла сообщается одинъ очень интересный фактъ, а именно, что онъ «обрѣтъ (въ Корсуні) евангеліи и псалтыри, роускими письмены писана, и человѣка обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою и бесѣдова съ нимъ и силу рѣчи приемъ своей бесѣдѣ, прикладая различныя письмена гласныя и согласныя. Въскорѣ начать чисти и сказать и мнози ся ему дивляху». Въ другихъ редакціяхъ того же житія читаемъ еще: «И грамота русская явися Богомъ дана въ Корсуні русину; отъ нея же научися филосовъ Константина; откуду сложивъ, написавъ книги рускимъ гласомъ».

Эта находка повергла въ великое смущеніе какъ русскихъ, такъ и славянскихъ ученыхъ. Дѣйствительно, здѣсь возникаетъ крайне интересный для всего славянского міра и важный для славы равноапостольныхъ братьевъ вопросъ: какимъ образомъ въ Херсонесѣ того времени (около 860 г.), до изобрѣтенія славянской азбуки и во всякомъ случаѣ до перевода братьями на славянскій языкъ священнаго писанія, могло оказаться евангеліе и псалтырь, писанныя «роускими письмены». Фактъ громаднаго значенія во всей исторіи Херсонеса и даже славянскаго міра, почему для выясненія его мы позволимъ себѣ остановиться здѣсь нѣсколько дольше и даже отступить немнога въ сторону.

Имѣя эти данные въ рукахъ, мы должны были решать трудную дилемму: либо дать правдивое или, по крайней мѣрѣ, вѣроятное объясненіе этихъ данныхъ; либо признать фактъ, что Кириллъ нашелъ въ Херсонесѣ готовыя славянскія письмена и переводъ евангелія, чѣмъ онъ и воспользовался; слѣдовательно, ему незачѣмъ было трудиться надъ изобрѣтеніемъ письменъ, ибо имѣлся уже и переводъ евангелія на одно изъ славянскихъ нарѣчій. Но тогда отпадаетъ и главная заслуга Кирилла передъ

всѣмъ славянскимъ міромъ, которому онъ, по преданію, подарилъ и начертанія буквъ и первый переводъ священныхъ книгъ.

Надъ рѣшеніемъ этого вопроса, буквально, ломала голову масса ученыхъ—Шафарикъ, Ягичъ, Гильфердингъ, Голубинскій, Бѣляевъ, Викторовъ, Шестаковъ и много другихъ. Я не буду, да и не могу здѣсь входить въ разборъ ихъ мнѣній, а интересующихся ими отсылаю къ трудамъ этихъ авторовъ; скажу только, что мнѣнія ихъ сводятся къ тому, что Кириллъ видѣлъ въ Херсонесѣ собственно не славянскій, а известный готскій переводъ евангелія и псалтыри, сдѣланный известнымъ готскимъ епископомъ Ульфилой (318—388 гг.), а въ житіи славянскихъ апостоловъ онъ названъ русскимъ только потому, что въ то время въ Готії было много русскихъ,—они будто бы слились съ готами, представляли одинъ народъ и въ понятіи чужеземцевъ одни часто назывались именемъ другихъ. Однако проф. Ламанскій довольно убѣдительно опровергъ это мнѣніе,—самоѣдно даже не мнѣніе, а выдумку, но споръ еще болѣе обострился, нисколько не разъясняя сущности. И такъ это дѣло остается и донынѣ.

Покойные слависты Григоровичъ и Бодянскій рѣшили, что все сказаніе о находкѣ русскихъ письменъ въ Херсонесѣ—простая интерполяція, т. е. позднейшая вставка въ основной текстъ паннонскаго житія, принадлежащая западнымъ славянамъ.

Такимъ рѣшеніемъ, казалось, кончались всѣ споры. Но вѣдь это—не рѣшеніе, а произволъ, который ровно ничего не разъяснилъ.

Еслибы кому-нибудь пришлось познакомиться ближе съ литературой и полемикой этого вопроса, то онъ увидѣлъ бы, сколько здѣсь догадокъ, сколько поломано перьевъ и пролито чернилъ, а между тѣмъ события и факты слагались тихо, мирно и просто.

Пропагу при этомъ читателя отрѣшился на время отъ навязаннаго намъ славистами мнѣнія, будто бы Кириллъ и Меодій были единственными изобрѣтателями письменъ и первыми переводчиками священнаго писанія на славянскій языкъ.—Это не совсѣмъ такъ. Несомнѣнно, славянскій алфавитъ, какъ и алфавиты другихъ народовъ, слагались постепенно, вѣками. Прочтите интересную исторію письменъ Шпицера, и вы убѣдитесь, что «письмена, какъ и языки, не выдумывались и не изобрѣтались отдельными лицами, какъ это принято думать на основаніи преданій, а вырабатывалась очень медленно и постепенно одно изъ другого, подчиняясь тѣмъ же законамъ эволюціи и постепенного развитія, какимъ подчинено развитіе растеній, жи-

вотныхъ и всего живущаго въ мірѣ». Несомнѣнно также, что славяне русскіе (какъ отдельная вѣтвь ихъ) нуждались въ алфавитѣ и получили его не въ IX вѣкѣ, какъ еще думаетъ большинство, полагая, что онъ данъ славянамъ Кирилломъ, но уже имѣли его гораздо болѣе раннее время.

Современникъ, или почти современникъ равноапостольныхъ братьевъ, черноризецъ Храбръ, въ своемъ «Сказаніи, како состави св. Кирилль Словеномъ письмена», говоритъ, что славяне язычники, до появленія кириллицы «погани суще, чрѣтами и рѣзами чтьаху, писаху». Слѣдовательно, у нихъ былъ алфавитъ; какой—это другой вопросъ. Шафарикъ, Востоковъ, а за ними и другие говорятъ, что это было руническое письмо. Но вѣдь этимъ ровно ничего не опредѣляется, такъ какъ одно неизвѣстнос опредѣляется другимъ такимъ же неизвѣстнымъ.

Арабскій путешественникъ, писатель Ибнъ-Фацланъ, въ бытность у волжскихъ болгаръ, присутствовалъ на похоронахъ одного изъ русскихъ въ 921 г., и по поводу этого обряда писалъ: «Сначала они (русскіе) развели костеръ и сожгли въ немъ тѣло, а затѣмъ насыпали что-то въ родѣ холма, поставили по срединѣ деревянный столбъ и написали на немъ имя покойника вмѣстѣ съ именемъ русскаго князя».

Другой арабскій писатель, а именно Ибнъ-эль-Недимъ, въ своемъ «Спискѣ книгъ», составленномъ въ 987 г., разсказываетъ слѣдующее: «Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, человѣкъ вполиѣ достовѣрный, бывшій у русскихъ, передавалъ мнѣ, что у нихъ есть свои письмена, вырѣзываемыя на деревѣ. При этомъ вынуль кусокъ бѣлаго дерева, на которомъ были написаны знаки, неизвѣстно—цѣлые ли слова, или отдельныя буквы».

Ибнъ-эль-Недимъ срисовалъ эту надпись и представилъ ее въ своемъ сочиненіи, которое дошло до насъ вмѣстѣ съ надписью. Но до сихъ поръ ученые не могли разобрать ее.

Кромѣ этихъ прямыхъ указаній арабскихъ писателей о существованіи письменности у русскихъ до принятія христіанства, мы имѣемъ указанія нашихъ лѣтописей. Такъ, въ сохранившихся спискахъ договора Олега съ греками (911 г.) говорится между прочимъ: «Аще ли сътворить обряженіе, таковыи возьметъ уряженое его; кому будетъ писаль наслѣдити имънє, да наслѣдитъ е». Несомнѣнно, здѣсь идетъ рѣчь о писанномъ заѣщаніи.

Нѣсколько позднѣе, въ договорѣ Игоря съ греками (945 г.), также находятся указанія на то, что русскіе князья имѣли золотыя и серебряныя печати, писали договорныя грамоты и по-

сылали таковыя въ Царьградъ. Затѣмъ, со словъ того же лѣтописца упоминаемъ, что во время осады Херсонеса Владиміромъ одинъ изъ корсунянъ, по имени Анастасъ, которому надобла осада, пустилъ въ русскій станъ стрѣлу съ надписью: «Кладези, иже суть за тобою отъ востока, копавъ перейми»¹⁾.

Итакъ, письменность была, по какое было письмо, какое имѣло оно начертаніе—неизвѣстно.

На основаніи доказавшій до насъ чрезъ арабскаго путеше-ственника надписи надъ могилой русскаго, а равно на основа-ніи свидѣтельства извѣстнаго латино-немецкаго лѣтописца еп. Дитмаря (976—1018), который говорить, что въ языческомъ храмѣ города Ретры онъ видѣлъ нѣсколько славянскихъ идоловъ, на которыхъ особыми знаками было начертано имя, и такія же черты находились и на стѣнахъ храма, можно думать, что ру-скіе того времени пользовались какими-то «чертами и рѣзами», похожими на руны. Такъ полагалъ Бодянскій и другіе. Однако, надо думать, такое письмо примѣнялось только въ болѣе отда-ленное время, пока не проникло христіанство, у сѣверныхъ руссовъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ германцами и варягами; напротивъ, у южныхъ руссовъ, постоянно общавшихся съ греками и частью принявшихъ христіанство, да навѣрное и до него, примѣнялось въ сношеніяхъ греческое письмо, удоб-нос и высоко совершенное, которое греки давно примѣнили къ русскому языку, какъ транскрипцію для записи именъ, названий городовъ, товаровъ и предметовъ обихода. И греческіе купцы, несомнѣнно, были первыми распространителями своего алфа-вита и первой грамоты на Руси. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, какъ изображали они большой рядъ отсутствующихъ въ греческомъ языкѣ шипящихъ звуковъ *ж*, *ч*, *щ*, *щ*, *ц* или твердый *и*, столь свойственныхъ русскому и особенно другимъ славянскимъ языкамъ? Какъ поступали они въ такихъ случаяхъ? — А такъ же, какъ поступаемъ и мы, передавая нашимъ пись-момъ звуки, несвойственные нашему языку, т. е. замѣняли ихъ наиболѣе подходящими своими буквами, соединяли ихъ нѣ-сколько вмѣстѣ, придавая имъ новое, совершенно несвойствен-ное имъ произношеніе, или ставили надъ буквами особые значки, которые показывали, что звукъ надо произносить иначе, чѣмъ принято алфавитомъ. Все это мы видимъ и теперь въ языкахъ

1) Не могу не отмѣтить, хотя бы въ примѣчаніи, что по поводу этой записки проф. Среаневскій говорить: „Пельза конечно утверждать, что запись внесена въ лѣтопись дословно; но, вѣроятно, она была написана на языкѣ по-нятномъ Владиміру“. А врядъ ли онъ зналъ другой языкѣ кромѣ русскаго.

французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, чешскомъ, польскомъ и многихъ другихъ, принявшихъ латинскій алфавитъ, въ которомъ не было шишащихъ звуковъ, и которые надо было выразить средствами принятаго алфавита такъ или иначе, не прибѣгая къ изобрѣтенію новыхъ начертаній.

И такое письмо съ греческимъ алфавитомъ несомнѣнно существовало въ то отдаленное время, по крайней мѣрѣ у русскихъ купцовъ, которымъ необходима была грамота. Мы это утверждаемъ, хотя до нась не дошло ни одной строчки такого письма, и утверждаемъ на основаніи аналогіи. Дѣло въ томъ, что западные славяне, склонявшиеся въ сторону Рима, въ то время (IX—X в.) широко пользовались латинскимъ письмомъ, и до нась дошли три славянскія, писанныя латинскимъ письмомъ рукописи. Двѣ изъ нихъ представляютъ формулы исповѣди, одна—отрывокъ поученія.

Перечитывая эти рукописи, видишь въ нихъ прочно установившееся правописаніе, и, надо полагать, оно постепенно слагалось вѣками, до появленія его въ дошедшіхъ до нась спискахъ.

Итакъ, если западные славяне усвоили тогда звуковое латинское письмо, то восточные имѣли такое же греческое, и если оно не дошло до нась въ своемъ древнѣйшемъ видѣ (до кириллицы), то на это—много причинъ. Прежде всего—безпощадное время, которое даже отъ латинскихъ записей сохранило всего... три клочка; затѣмъ—наша деревянная культура, которая уничтожалась до тла съ каждымъ пришествіемъ нового народа, новой орды. Не меньшее значеніе имѣло отсутствіе въ этихъ записяхъ общепересныхъ вещей и, наконецъ,—введеніе христианства, а съ нимъ и кириллицы, которая вытѣснила, такъ сказать, случайныя письмена.

Какъ бы то ни было, а письмена были особенно необходимо необходимы въ мѣстахъ постояннаго соприкосновенія русскихъ съ греками,—а такимъ мѣстомъ именно былъ Херсонесъ. Изъ житій Стефана Сурожского и Георгія Амастрійскаго мы уже знаемъ, что въ IX вѣкѣ russы массами нагрянули на Тавриду, и, надо полагать, ихъ особенно много было въ Херсонесѣ, какъ главномъ городѣ, торговомъ и духовномъ центрѣ Тавриды. Здѣсь легко было встрѣтить не только русскаго купца, воина, но и путешественника. Все это былъ народъ передовой, и среди нихъ было, конечно, немало принявшихъ христианство или склонявшихся къ нему, а изъ нихъ немало владѣвшихъ греческой рѣчью и по своему времени образованныхъ. Это тѣмъ болѣе

вѣроятно, что уже въ первые вѣка христіанства среди корсунянъ было немало отдаленныхъ предковъ руссовъ, именовавшихся еще общимъ именемъ скиѳовъ, но получившихъ всѣ права гражданства и занимавшихъ въ городѣ почетныя мѣста. Поэтому нѣть ничего удивительнаго, если Кириллъ встрѣтился въ Херсонесѣ русскаго, у которого оказалось евангеліе и псалтыры, писанныя «роуски письмены». Вотъ это послѣднее обстоятельство, какъ мы сказали, и смутило славянскихъ и русскихъ ученыхъ. Какимъ образомъ въ Херсонесѣ того времени оказалось евангеліе на языкѣ руссовъ, да еще съ русскими письменами, до изобрѣтенія Кирилломъ славянской азбуки?

«Зачѣмъ,—спрашиваетъ Шницеръ,—понадобилось русскимъ переводить на свой языкъ въ до-христіанское время евангеліе и другія священные книги?» Это мѣсто такъ поразило своей необычайностью, что два старыхъ ученыхъ, а за ними и много другихъ, какъ мы знаемъ, готовы были совсѣмъ отказаться отъ этого мѣста и признать его позднѣйшей вставкой, лишь бы не ироизводить смуты въ укоренившихся предразсудкахъ ученаго мира, которые проникли во всѣ учебники и твердились цѣлыми поколѣніями. Другіе, какъ известный ученый Шафарикъ, проф. Голубинскій и даже, какъ говорить гр. Бобринскій, академикъ Васильевскій, не хотѣли вѣрить этимъ словамъ паннонскаго житія и... выдумали,—извиняюсь за слово, но другого въ данную минуту не подберу,—выдумали, что Кириллъ видѣлъ въ Херсонесѣ не русское, а готское евангеліе еп. Ульфилы, хотя появленіе русскаго евангелія въ Херсонесѣ того времени было вполнѣ возможно и стественно. Постараемся доказать это.

Прежде всего,—могно ли мѣста паннонскаго житія о «русскихъ письменахъ» считать позднѣйшой вставкой? Есть ли для этого какія-либо основанія?—Никакихъ.—Свѣдѣнія о русскомъ евангеліи не противорѣчатъ исторіи, не нарушаютъ общаго хода разсказа, не являются случайными, не нарушаютъ связи частей, не отличаются отъ остального текста ни языкомъ, ни характеромъ изложенія.

Словомъ, нѣть признаковъ вставки, и никто, кромѣ названныхъ очень почтенныхъ ученыхъ, не считаетъ ее за таковую. Слѣдовательно, нельзя отрицать достовѣрность этихъ свѣдѣній, точнѣе сказать—нельзя выбрасывать это мѣсто, а должно принять его такъ, какъ оно есть. Отрицать это мѣсто и фактъ тѣмъ болѣе трудно, что все житіе, не въ примѣръ прочимъ, составлено очень близко ко времени дѣятельности братьевъ или, по крайней мѣрѣ, по свѣжей памяти о ней, и составлено не хор-

суняниномъ, а лицомъ, которое, можетъ быть, до того и не слыхало имени Херсонеса.

Идемъ далѣе.—Утверждаютъ, что Кириллъ видѣлъ въ Херсонесѣ не «руссія письмена», а готскос евангеліе епископа Ульфилы. Здѣсь и знаменитый Шафарикъ, и профессоръ Голубинскій, и легковѣрный Шницеръ, и другіе, идущіе по ихъ стопамъ, заблуждаются, впадаютъ въ противорѣчіе съ текстомъ и въ глубокую ересь. Но прежде чѣмъ разъяснить это недоразумѣніе, позволю себѣ отвѣтить на поставленный выше вопросъ Шницера: «Зачѣмъ понадобилось русскимъ славянамъ переводить въ до-христіанское время евангеліе и псалтырь на русскій языкъ?»—Да затѣмъ, что множество русскихъ, бывшихъ и бывавшихъ въ Херсонесѣ, уже тяготились своимъ язычествомъ и пытались познать ученіе Христа; но они не настолько знали греческій языкъ или совсѣмъ не знали его, и не могли узнать христіанское ученіе, изложенное въ греческихъ книгахъ и греческими проповѣдниками, а безъ перевода на русскій языкъ главнѣйшихъ священныхъ книгъ невозможно было распространять ученіе Христа и успѣшно вести проповѣдь.

По доспѣшимъ до насть преданіямъ и достовѣрнымъ историческимъ свѣдѣніямъ, въ то время въ Херсонесѣ, ютившемъ столъ долго гонимыхъ почитателей иконъ, было много церквей, монастырей и разнаго духовенства. Извѣстный знатокъ византійской исторіи и искусствъ академикъ Кондаковъ говоритъ, что тогда Херсонесъ былъ чуть не лаврой. Во всякомъ случаѣ это былъ главный центръ христіанства не только Тавриды, но и всего юга Руси, или Великой Скиої, какъ называли византійскія хроники и нашъ лѣтописецъ. И благодаря ратнымъ походамъ русскихъ людей и постояннымъ торговымъ связямъ, отсюда широкой рѣкой лилось христіанство на Русь. «Къ тому же, — говоритъ церковный историкъ Смирновъ,— это было время высокаго подъема религіознаго духа и православія и широкаго распространенія монастырей, монашества и пещерножительства, какъ реакція на недавнія гоненія иконъ». А при такихъ условіяхъ число желающихъ послушать слово и ученіе Христа съ каждымъ годомъ росло и росло. Даже хозары, стоявшіе въ культурномъ развитіи далеко ниже славянъ, и тѣ уже просятъ прислать къ нимъ наставниковъ христіанской вѣры. При такихъ условіяхъ евангеліе и другія священные книги на русскомъ языкѣ являлись въ Херсонесѣ прямой необходимости, вызываемой жизнью, и всегда можно было разсчитывать найти здѣсь русскаго, принявшаго христіанство, который хорошо владѣлъ

греческимъ и могъ изложить это священное писаніе на родномъ языке и записать его, пользуясь для этой цѣли ходившимъ письмомъ, взятымъ, конечно, у грековъ. Къ тому же списываніе и переводъ священныхъ книгъ всегда и вездѣ считались великой заслугой и дѣломъ богоугоднымъ, обѣщавшимъ въ загробной жизни великія блага и милости. И такой человѣкъ, очевидно, нашелся и перевелъ на русскій языкъ одинъ или совмѣстно съ другими евангелие и псалтырь, которыхъ видѣлъ Кирилль. Возможно, что были здѣсь и другія книги на русскомъ языке, которыхъ остались неизвѣстными Кириллу или составителю его житія. Такимъ образомъ, мы признаемъ фактъ нахожденія «русскихъ письменъ» въ Херсонесѣ, такъ какъ нѣтъ никакихъ оснований отрицать его.

Теперь спрашивается: есть ли какія-нибудь основанія найденное въ Херсонесѣ русское евангелие и псалтырь считать готскими?—Никакихъ. И это ясно вытекаетъ изъ текста житія. Если припомнить, тамъ сказано: «Обрѣтъ еоуангеліе и псалтыри, роускими письмены писана и человѣка обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ своей бесѣдѣ, прикладая различныя письмена гласныя и согласныя. Въскорѣ начать чьсти и сказовати и мнози ся ему дивляху».—Ясно, что Кирилль нашелъ здѣсь не только русскія евангелие и псалтырь, но и русского человѣка, съ которымъ и бесѣдовалъ на хорошо извѣстномъ ему по родинѣ славянскомъ (собственно древне-болгарскомъ) языке, который въ то время, судя по дошедшемъ до насъ памятникамъ, мало отличался отъ языка руссовъ. Не менѣе знакомымъ оказался и алфавитъ. Этимъ и объясняется, что, сравнивъ письмена, найденные въ Херсонесѣ, съ тѣми, которыхъ были извѣстны ему, онъ научился вскорѣ читать, и такъ быстро, что даже многіе удивлялись ему.

Какъ видно, все это событие передается такъ картиною и живо, точно мы слышимъ его отъ очевидца, близкаго свидѣтеля, или человѣка, хорошо освѣдомленного о немъ. (Это тоже говорить противъ вставки).—Гдѣ же тутъ хотя слово о готскомъ евангелии, о готахъ или ихъ языке?

Трудно и даже невозможно себѣ представить, чтобы Кирилль былъ хотя немного знакомъ съ языкомъ и письменами готовъ, отъ которыхъ онъ всегда былъ такъ далекъ и съ которыми врядъ ли приходилось ему встрѣчаться до путешествія въ Тавриду. Слѣдовательно, онъ не могъ понимать, а тѣмъ болѣе говорить по-готски. Напротивъ, самъ родившись въ славянской провинціи, среди славянъ, онъ легко могъ понять такого же

славянина-руssса и скоро научиться разбирать славянскій текстъ, писанный знакомыми буквами, что такъ удивило окружающихъ. Да и сообщеніе о находкѣ въ Херсонесѣ готскаго евангелія не имѣетъ никакого отношенія къ дѣятельности Кирилла, и съ нимъ нельзя поставить ни въ какую связь извѣстныя уже намъ слова: «И Русская грамота явится Богомъ дана въ Корсунѣ русину, отъ нея же научися филосовъ Константина... откуду сложивъ, написавъ книги русскимъ гласомъ...»; такое сообщеніе, повторяемъ, врядъ ли нашло бы себѣ мѣсто въ житіи, а еслибъ оно и оказалось, то было бы именно не идущей къ мѣstu вставкой.

И все предположеніе профессора Голубинскаго и другихъ, что въ то время все готское называлось русскимъ, а русское готскимъ,—простая выдумка. Готы въ это время были сильно подавлены и руссами, и хозарами, и, сливаясь съ окружающимъ населеніемъ, превращались въ мирныхъ земледѣльцевъ и окончательно теряли свою индивидуальность. «Готскій языкъ, какъ говорить авторитетный Максъ Миллеръ, въ IX вѣкѣ вымеръ, и, послѣ исчезновенія великихъ готскихъ имперій, переводъ Ульфилы былъ затерянъ и забытъ». Кому бы понадобилось послѣ этого усваивать и переводить въ IX вѣкѣ св. писаніе на языкъ маленькаго вымирающаго народа, случайно попавшаго въ Крымъ и тѣснимаго съ трехъ сторонъ? Если такъ было на родинѣ готскаго языка, то чего можно было ожидать далѣе отъ нея среди чуждыхъ народовъ. При такихъ условіяхъ врядъ ли готы думали о распространеніи евангелія на своемъ малоупотребительномъ и еще менѣе извѣстномъ и вымиравшемъ языкѣ, да еще по сосѣдству съ Херсонесомъ, гдѣ была масса церквей, монастырей и всякаго духовенства и всѣ церковныя книги были на общепринятомъ греческомъ языкѣ. Трудно даже предположить, чтобы въ Херсонесѣ того времени даже нашлось дорого стоящее готское евангелие; скорѣе его можно было найти гдѣ-нибудь подальше, въ сердцѣ Готіи, а никакъ не здѣсь.

Такова наша точка зрѣнія на этотъ вопросъ. Что же кажется только-что приведенного мѣста житія, то профессоръ Бодянскій считалъ его позднѣйшей вставкой, какъ по выше приведеннымъ причинамъ, такъ, сколько помнится (я не имѣю сей-часъ подъ руками его интересной работы)¹⁾ и потому, что это мѣсто встрѣчается не во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ житія.

¹⁾ О времени происхожденія славянскихъ письменъ. 1856.

По нашему мнѣнію, это даже не вставка, а перифраза, пересказать уже хорошо и намъ извѣстнаго,—пересказъ, основанный, несомнѣнно, на болѣе древнихъ сказаніяхъ и спискахъ и еще разъ приводящій къ той же мысли, что сказаніе о находеніи русскихъ письменъ въ Херсонесѣ принадлежитъ древнѣйшему составителю житія равноапостольныхъ братьевъ, и что *русская грамота впервые открылась Кириллу, а черезъ него всему славянскому миру именно здѣсь, въ Херсонесѣ.* Здѣсь Кириллъ научился ей и даже списалъ для себя священные книги, писанныя русскимъ языкомъ.

Такъ вотъ гдѣ впервые увидѣло свѣтъ русское евангелие. Преклонимся предъ остатками древнихъ храмовъ и стѣнъ Херсонеса, гдѣ впервые раздались и услышаны на русскомъ языкѣ ученіе Христа и гимны царя Давида!

Говоря такъ, мы вовсе не думаемъ умалить славу равноапостольныхъ братьевъ, отнимая у одного изъ нихъ честь изобрѣтенія азбуки и первого перевода письменъ на славянскій языкъ. И безъ изобрѣтенія азбуки,—что напрасно приписываютъ одному изъ братьевъ, собственно Кириллу, такъ какъ, повторяемъ, азбуки не изобрѣтались отдѣльнымъ лицомъ, а вырабатывались, какъ и языки, геніемъ народа,—братья велики своей богодохновенной проповѣдью и своимъ поученіемъ.

Къ сожалѣнію, о значеніи находокъ русскихъ письменъ въ Херсонесѣ для славянского міра приходится говорить предположительно, такъ какъ мы не знаемъ, насколько они повлияли на азбуку, разработанную Кирилломъ, и на текстъ перевода священныхъ книгъ на славянскій (древне-болгарскій) языкъ. По нашему мнѣнію, вся заслуга Кирилла въ изобрѣтеніи письменъ сводится къ тому, что онъ нѣсколько исправилъ, а можетъ быть и цѣликомъ пустилъ въ ходъ видѣнную имъ въ Херсонесѣ азбуку, которую онъ до нѣкоторой степени фиксировалъ переводами на славянскій языкъ богослужебныхъ книгъ. Говоримъ—до нѣкоторой степени, потому что азбука, предложенная Кирилломъ, не считалась достаточно полной и удовлетворительной для передачи звуковъ славянского языка. Это видно изъ того, что, по словамъ черноризца Храбра, въ Кирилловской азбукѣ было 38 буквъ, а въ текстѣ Остромирова евангелія (1056—57 гг.) ихъ насчитывается 46, а въ позднѣйшемъ церковно-славянскомъ письмѣ—43. Древнія сказанія, написанныя въ приподнятомъ византійскомъ стилѣ, несомнѣнно преувеличили степень участія славянскихъ братьевъ и въ изобрѣтеніи азбуки, и въ переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ. И право славянской

азбуки именоваться Кирилловской — такое же, какъ — новооткрытой части свѣта — Америкой (а не Колумбіей), единственно потому, что Америго даль *первое* описание новооткрытыхъ земель. Повторяемъ, — Кирилль видѣлъ прототипъ славянской (русской) азбуки и перевода евангелія въ Херсонесѣ, и *первый* въ обширномъ кругу и въ сильной проповѣди распространилъ и азбуку, и ученіе Христа среди славянъ.

XXI.

Кирилль отыскиваетъ мощи еп. Клиmentа. Письма библіотекаря Анастасія. Островокъ св. Клиmentа. Легенда о пребываніи здѣсь мученика. Развалины храма. Проектъ возстановленія древняго храма. Отъездъ равноапостольныхъ братьевъ.

Окончивъ проповѣдь у хозаръ, неудача которой частью объясняется недостаточнымъ знаніемъ хозарскаго языка, — въ чёмъ имѣли громадное преимущество еврейскіе и магометанскіе проповѣдники, постоянно врацавшіеся среди хозаръ, — Кирилль возвратился въ Херсонесъ и, по порученію римскаго папы Николая I, который въ то время почитался наравнѣ съ патріархомъ константинопольскимъ, началъ разыскивать мѣсто мученія и мощи св. Клиmentа, о которыхъ долго ходила уже известная намъ легенда. Она передавалась изъ устъ въ уста, попала въ рукописи, иногда даже такія, которая не имѣли никакого отношенія къ св. Клиmentу. Такъ, въ одной изъ рукописей VIII—IX в., трактующей о святыхъ мѣстахъ, послѣ разсказа о Іерусалимѣ, безъ всякой связи съ остальнымъ текстомъ, сказано: «Также городъ Херсонъ, что у моря Понта; тамъ замученъ св. Клиmentъ. Гробница его въ морѣ, гдѣ брошено его тѣло. Этому Клиmentу былъ привязанъ на шею якорь, и теперь въ день его памяти народъ и священники садятся въ ладью, и когда приплываютъ туда, море высыхаетъ на шесть миль, и на мѣстѣ, гдѣ находится гробница, раскидываются шатры и сооружается алтарь и въ теченіе восьми дней служится тамъ литургіи; и Господь совершаєтъ тамъ много чудесъ. Тамъ изгоняются бѣсы, и если кто изъ одержимыхъ имѣть возможность прикоснуться къ якорю и прикоснется, тотчасъ исцѣляется».

Эти, какъ и другія преданія, вѣроятно, были известны Константину, но они не давали болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ погребенія св. Клиmentа. Разспросы Константиномъ корсунянъ не привели ни къ чему, такъ какъ они совер-

шенно забыли о Климентѣ, а о чудесахъ его ничего не слыхали. Однако, послѣ настойчивыхъ трудовъ, Константину все-таки удалось отыскать мощи святого. Вотъ что по этому поводу сообщаетъ современникъ событій, римскій библіотекарь Анастасій, въ письмѣ, которое онъ писалъ, приблизительно около 870 г., къ епископу Гаудерику, очень интересовавшемуся житіемъ Клиmenta¹⁾.

Анастасій, между прочимъ, пишетъ, что онъ сообщаетъ «сущую правду» со словъ Митрофана, предстоятеля смирнской митрополіи, мужа, славящагося святостью и мудростью, который проживалъ недалеко отъ Херсонеса, какъ сосланный туда вмѣстѣ съ другимъ патріархомъ Фотиемъ, въ то время, когда Кириллъ былъ отправленъ въ Хозарскую землю.

По свидѣтельству Анастасія, Херсонъ въ ту пору граничилъ съ Хозарской землей; со всѣхъ сторонъ его тѣснили язычники. Населеніе его казалось скорѣе жителями тюрьмы, чѣмъ города, такъ какъ они не смѣли изъ него выходить. Часть Херсонской земли совсѣмъ запустѣла. Пришелъ въ разрушеніе и тотъ храмъ, расположенный неподалеку отъ города, въ которомъ находились мощи св. Клиmenta. Разспросы Константина-философа у мѣстныхъ жителей относительно чудеснаго отлива моря и самого храма не приводили къ выясненію мѣстонахожденія его. О чудѣ они даже не знали, считали его невѣроятнымъ, и разспросы о немъ возбуждали только насмѣшки. «Самый городъ, — пишетъ Анастасій, — заселяли не туземцы, а пришельцы изъ разныхъ варварскихъ народовъ, даже лютые разбойники». Епископомъ Херсона въ ту пору былъ Георгій, а неподалеку отъ города жилъ находившійся въ изгнаніи смирнскій митрополитъ Митрофанъ. Обрѣтеніе мощей совершилось при участіи въ поискахъ епископа Георгія и всего херсонскаго населенія, такъ какъ всѣхъ Константина сумѣль воодушевить. Анастасій узналъ о подробностяхъ этого событія не только отъ Митрофана, но и отъ самого Константина.

Въ такъ называемой «Итальянской легендѣ», прототипъ которой проф. Ягичъ, на основаніи письма Анастасія, приписываетъ самому Кириллу, подробно разсказывается объ открытии мощей св. Клиmenta, и какъ Кириллъ послѣ усердной молитвы взошелъ на судно вмѣстѣ съ епископомъ Херсона и клиромъ, приплылъ къ островку въ одной изъ бухтъ, обошелъ его со свѣтильниками, и всѣ приступили къ раскопками остатковъ хра-

¹⁾ Письмо это нашлось въ латинской рукописи XIV в. (проф. Ягичъ).

ма и уже обрушившейся и засыпанной землею гробницы, где и были обретены мощи¹⁾ и якорь—орудие пытки и смерти мученика. Мощи были перенесены на судно и перевезены съ пѣснопѣніем въ городъ. Правитель города вышелъ на встрѣчу, и мощи были положены въ церкви св. Созонта, находившейся вблизи города; затѣмъ ихъ отнесли въ церковь св. Лаврентія, а оттуда, взявъ ковчегъ съ мощами, обошли весь городъ и положили ихъ въ главной церкви города св. Софії. Фактическая сторона этого сказанія вполнѣ совпадаетъ съ данными письма Анастасія. Событие это сказаніемъ пріурочивается къ 30-му декабря, а случилось онъ около 862 г.

Всѣ эти данные, вся обстановка житія и мученій св. Клиmentа, а равно и тотъ фактъ, что все это, согласно письму, Кирилломъ было сдѣлано въ одинъ день,—приводятъ къ островку, который находится въ глубинѣ Казачьей бухты, ближайшей къ Херсонесскому маяку, верстахъ въ 12 отъ Херсонеса. Любознательный туристъ легко можетъ добраться сюда изъ Севастополя на яликѣ, или еще скорѣе—на извозчикѣ.

Преданіе о пребываніи здѣсь Клиmentа, страданіяхъ его, открытии мощей и самый островокъ очень заинтересовали нашего почтенного инженера-археолога Бертье-Делагарда, и онъ подвергъ подробному изслѣдованию и сказаніе объ этихъ событияхъ, и самый островокъ,—и вотъ что по этому поводу онъ пишетъ. Мы позволимъ себѣ привести выдержки изъ этихъ работъ Бертье-Делагарда, такъ какъ и по нашему мнѣнію островокъ этотъ заслуживаетъ полнаго уваженія, какъ святыня христианства, на которую не обращали должнаго вниманія. «Это единственный островокъ Херсонеса; правда, есть еще маленький островокъ почти по срединѣ Песочной бухты (болѣе близкой къ Херсонесу), но онъ вполнѣ естественный. На этомъ островкѣ находились развалины, указанныя еще Палласомъ, побывавшимъ здѣсь во времена Екатерины II, вскорѣ послѣ присоединенія Крыма. Въ 1845 г. здѣсь были сдѣланы раскопки лейт. княземъ Барятинскимъ, и онъ обнаружилъ остатки церкви, съ нѣсколькими жилыми помѣщеніями; при чемъ небольшіе найденные здѣсь предметы оказались вполнѣ тождественными съ обычными церковными находками въ Херсонесѣ: мраморная плита съ крестами отъ какой-то ограды, кое-какіе фрагменты мрамора, монеты Романа I (921—944) и т. п. Послѣднія раскопки на островкѣ (1890—1 г.) обнаружили фундаменты цѣ-

¹⁾ Надо полагать, это были только кости священномуученика.

лой группы мелких зданій, окружающих небольшой дворъ и маленьку церковь, похожую на планъ на церкви-часовни византійскаго Херсонеса. Можно утверждать, что церковь имѣла подиольный ярусъ, родъ крипты, низъ котораго уцѣлѣлъ на высоту 1—1 $\frac{1}{2}$ аршина; верхняя же часть церкви исчезла совсѣмъ. Въ одно изъ отдѣлений низа, очень узенькое,—отдѣльный ходъ, поддерживаемый столбами и арками. Безъ особой натяжки можно предположить, что это была могила, помѣщавшаяся подъ поломъ церкви, въ которой найдены мощи св. Клиmenta. Это отвѣчаетъ общей распространенности обычая погребать тѣла мучениковъ въ особыхъ криптахъ подъ церквами съ отдѣльнымъ къ нимъ ходомъ. Дворъ монастыря и полъ крипты находятся почти на уровнеѣ воды и даже покрываются водой при большомъ ея напої. Возможно, что это заливаніе и объясняетъ легенду о подводномъ храмѣ Клиmenta и обѣ отступлениі моря. Все это не оставляло во мнѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ островокъ, образованный сначала крѣпостной оградой древнѣйшаго Херсонеса, впослѣдствіи былъ занятъ византійско-христіанскими постройками, находящимися въ прямой связи съ открытиемъ мощей св. Клиmenta, какъ это доказывается документальными данными»...

«Если во времена Кирилла, продолжаетъ Бертье-Делагардъ, и даже до него, храмъ на островѣ не существовалъ, то нѣтъ сомнѣнія, что потомъ и, вѣроятно, вскорѣ вслѣдъ за открытиемъ мощей, его восстановили или построили вновь. На это указываютъ монеты X-го вѣка, найденные при раскопкахъ на островѣ. Въ этомъ убѣждаетъ и дальнѣйшія свидѣтельства, которыхъ также доказываются, что дѣло идетъ именно о нашемъ островѣ, а не о какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Въ маѣ 1253 г. посолъ французскаго короля Людовика Святого, монахъ Рубрукъ (Рюисбрекъ), посланный къ татарамъ, по пути изъ Константинополя въ Судакъ, а оттуда въ Золотую орду, плылъ въ виду Херсонеса, гдѣ, по его словамъ, замученъ св. Клиmentъ, но, не заходя въ городъ, видѣлъ издали островъ и на немъ церковь, которая, по разсказамъ жителей, построена руками ангеловъ. По топографическимъ условіямъ мѣстности и путей плаванія это есть совершенно точное указаніе именно нашего островка, къ тому же въ связи съ св. Клиmentомъ и легендою о его мученіяхъ и о построеніи храма,—который, прибавимъ отъ себя, судя по легендѣ, что храмъ, «выстроенъ руками ангеловъ», былъ выстроенъ задолго до Рубрука, когда, очевидно, было забыто время

постройки храма и появление его объясняли божественной силой».

«Повествование Рубрука показываетъ, что въ то время церковь не была разрушена: иначе ее нельзя было бы примѣтить съ моря».

«Память о значеніи островка и церкви на немъ сохранилась весьма долгое время, и еще наканунѣ покоренія Крыма русскими, несмотря на общее запустѣніе всѣхъ этихъ мѣстъ и упадокъ христіанства въ Крыму вообще, на этомъ островкѣ существовалъ греческій монастырь, настолько хорошо сохранившійся, что показанъ (какъ и соседній Георгіевскій) на первыхъ документальныхъ картахъ Крыма, снятыхъ около 1772 г., во время первой турецкой войны.

Не смотря на это, по мнѣнію проф. Айналова, «въ виду незначительности жилыхъ помѣщеній и самой часовни или церкви, въ постройкахъ этихъ ни въ коемъ случаѣ нельзя видѣть монастырка или монастыря, а особое священное мѣсто, при которомъ жили монашествующіе» (а это что же?).

«Въ это время монастырь едвали былъ обитаемъ. По крайней мѣрѣ, тогдашній греческій митрополитъ Игнатій, давшій позднѣе списокъ церквей, оставленныхъ греками, выселившимися изъ Крыма въ 1778 г., умолчалъ объ этомъ монастырѣ, хотя упомянулъ о Георгіевскомъ. То же молчаніе находимъ и въ офиціальныхъ спискахъ церквей того времени. Но очевидно, что этотъ монастырь если и былъ покинутъ, то очень незадолго до занятія Крыма, такъ какъ иначе его маленькая постройки обратились бы въ незамѣтную кучу камня ко времени прихода русскихъ и не попали бы на наши карты, на которыхъ показанъ не только монастырь, но и особенная, существовавшая къ нему дорога, никуда болѣе не ведшая. Нужно замѣтить, что вся эта мѣстность была тогда совершенно пустынна, и если на ней поддерживался монастырь въ такомъ неудобномъ и глухомъ мѣстѣ, въ близкомъ разстояніи (около 12 верстъ) отъ другого монастыря (Георгіевскаго), то, конечно, на это была какая-то особенно важная причина, вродѣ воспоминанія о нахожденіи тамъ мощей св. Клиmenta, подъ-конецъ, вѣроятно, забытаго».

«Всего сказанного достаточно для утвержденія съ докumentальной точностью того, что чудесный храмъ легенды о св. Климентѣ былъ построенъ именно на этомъ островѣ, гдѣ Кирилломъ найдены и мощи этого святого».

«Довольно вѣроятно,—говорить Бертѣ-Делагардъ,—что и ссылка св. Клиmenta, и его мученія происходили около этихъ

мѣсть, а никакъ не въ Инкерманѣ, куда съ легкой руки Сестренцевича, написавшаго такъ много совершенно бездоказательного и выдуманного имъ вздора по исторіи Крыма, пріурочили эту церковную легенду, и гдѣ даже физическая условія мѣстности тому безусловно противорѣчать». И тутъ же прибавляетъ: «Пріуроченіе легенды о св. Климентѣ къ Инкерману кѣмъ-либо ранѣе Сестренцевича мнѣ неизвѣстно, хотя я тщательно разыскивалъ первого автора этого предположенія». Постѣднее можемъ подтвердить и мы. А Сестренцевичъ писалъ вотъ что: «Климентъ осужденъ былъ работать тамъ на каменоломняхъ, коихъ находять еще остатки. Мѣсто сіе есть мысъ близъ Инкермана... Тамъ тесали камни и отправляли въ Грецію на строеніе городовъ. На вершинѣ горы, гдѣ находятся развалины инкерманского замка, есть колодезь весьма чистой ключевой воды. Можетъ быть, это тотъ самый, который, какъ увѣряютъ, былъ найденъ святымъ Климентомъ». Но Сестренцевичъ совершенно упустилъ изъ вида, что мѣстность Инкермана, гдѣ протекаетъ и впадаетъ въ бухту Черная рѣчка, совершенно не соотвѣтствуетъ сухой, безводной мѣстности житія св. Клиmenta, которому въ ссылкѣ приходилось ходить за 45 стадій, чтобы добыть воды, и который по молитвѣ открылъ «источникъ про лиялся, рѣкою сотворися». А это, напротивъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ родникамъ балокъ Камышевой и Казачьей бухты, которые послѣ расчистки въ дождливые годы превращаются въ ручьи, стекающіе въ море. Это отмѣчаетъ и Палласъ.

Съ своей стороны, мы можемъ прибавить, что нѣтъ даже основаній предполагать, что во времена св. Клиmenta въ Инкерманѣ были каменоломни, а тѣмъ болѣе обширныя, на которыхъ, какъ говорятъ новѣйшія легенды, работало двѣ тысячи человѣкъ. Мягкій, какъ мѣль, инкерманскій камень въ то время, вѣроятно, и не шель на подѣлку, какъ ненадежный материалъ. Онъ даже почти не примѣнялся при постройкѣ дошедшихъ до насъ инкерманскихъ укрѣплений, возникшихъ въ гораздо болѣе позднее время (XII—XIV в.). Равнымъ образомъ не находятъ инкерманского камня и въ раскопкахъ Херсонеса, построенного цѣликомъ изъ твердаго степнаго камня.

Словомъ, на основаніи имѣющихся данныхъ нельзѧ даже говорить объ инкерманскихъ каменоломняхъ I в. по Р. Хр. Но возможно, что въ то время здѣсь былъ поселокъ. (Не стоянка ли римской конницы? За это говорятъ кое-какія находки). Вотъ что по этому поводу пишетъ нашъ извѣстный нумизматъ Бурачковъ: «Намъ положительно извѣстно, что въ этой мѣстности

не встрѣчается монетъ или надписей древняго періода, тогда какъ монеты римскія, временъ императорскихъ, попадаются довольно часто, и при устройствѣ проходящей здѣсь желѣзной дороги найденъ цѣлый кувшинъ съ серебряными монетами Доміціана (81—96) и послѣдующихъ императоровъ до Коммода включительно (180—192). Такимъ образомъ, существованіе здѣсь римскаго поселенія во время ссылки св. Клиmentа подтверждается вещественными памятниками».

Однако Косцюшко-Валюжиничъ не вѣрилъ этимъ «вещественнымъ памятникамъ» и передалъ намъ, что въ данномъ случаѣ Бурачковъ былъ введенъ въ невольное заблужденіе: монеты, о которыхъ говоритъ Бурачковъ, найдены не въ мѣстности Инкермана, а, какъ ему доподлинно известно, близъ Симферополя; приобрѣтены онѣ были французскимъ гражданиномъ Вакье и чрезъ него попали въ руки специалиста,—и въ данномъ случаѣ онѣ ничего не доказываютъ.

Я здѣсь не буду входить въ разрѣшеніе спора и только указываю на этотъ фактъ, какъ на хорошій примѣръ того, какъ легко создаются историческая и археологическая недоразумѣнія, даже въ наше научно-строгое время. Какъ бы то ни было, но слова Сестренцевича и теперь крѣпко держатся и, какъ преданіе, переносятся изъ устъ въ уста, изъ книжки въ книжку. Весьма вѣроятно, что предположеніемъ Сестренцевича воспользовался и знаменитый таврическій архипастырь Иннокентій, когда въ началѣ пятидесятыхъ годовъ задался мыслью возстановить въ Тавридѣ важные въ церковно-историческомъ отношеніи христіанскіе памятники. Тогда въ Инкерманѣ, въ его криптахъ (пещерахъ) у каменоломенъ, основали монашеское общежитіе. Самую большую пещеру съ признаками бывшаго храма признали за пещерную церковь, сооруженную будто бы трудами св. Клиmentа. Такимъ образомъ, ошибочное предположеніе Сестренцевича было, такъ сказать, санкционировано высшимъ духовенствомъ и стало достовѣрнымъ фактомъ. Но мы уже знаемъ, что пещеры Инкермана, какъ и другихъ мѣсть, возникли гораздо позднѣе.

Бертье-Делагардъ, на основаніи формы древнихъ крестовъ на стѣнахъ инкерманской церкви, приходитъ къ предположенію, что указываемая церковь возникла около XIV—XV вѣка (по Кулаковскому—нѣсколько ранѣе). Мнѣ кажется, это предположеніе слабо обосновано, такъ какъ церковь навѣрное съ вѣками обновлялась и расширялась согласно потребностямъ и духу времени. Что она древнѣе времени, указываемаго Бертье-Дела-

гардомъ, за это говорить форма ея въ видѣ базилики въ три нефа, что не встречается въ XIV вѣкѣ.

Такимъ образомъ, данныея легендѣ и исторіи заставляютъ насъ признать мѣстомъ ссылки и мученій св. Клиmentа островокъ и мѣстность у Казачьей бухты. Здѣсь св. Климентъ имѣлъ, такъ сказать, постоянное пребываніе и отсюда ходилъ на свою богодохновенную проповѣдь. Инкерманъ уже почтилъ память святого, который только, можетъ быть, заходилъ сюда со словами Христа,— а островокъ, гдѣ жилъ и почилъ св. Климентъ, принявъ мученическій вѣнецъ, и гдѣ долго хранились его драгоценныя для всего христіанскаго міра останки, стоитъ пустынно, одиноко: мало кто знаетъ о немъ, и дорога къ нему заросла уже вѣками. Послѣ этого невольно скажешь вмѣстѣ съ Бертье-Делагардомъ: «Нельзя не пожелать, чтобы и этотъ островокъ, единственный обладающій документальными доказательствами на вѣroятность мученій и кончины здѣсь св. Клиmentа и несомнѣнного нахожденія здѣсь его останковъ, не остался заброшенной и даже неочищенной развалиной; это мѣсто должно быть священнымъ для насъ» и охраняться такъ, какъ того заслуживаетъ.

Въ недавнее время мы предложили херсонесскому монастырю пріобрѣсть этотъ островокъ съ развалинами и прилегающей къ нему берегу съ источникомъ, по преданію, открытymъ св. Клиmentомъ, и возстановить здѣсь храмъ со всѣми особенностями древнѣйшей христіанской архитектуры и обстановки, снабдивъ его древнѣйшими церковными находками Херсонеса. Мысль эта охотно была принята настоятелемъ монастыря и уже получила благословеніе епархиального начальства. Теперь остановка за энергией и небольшими сравнительно средствами, такъ какъ возстановленіе маленькаго храмика съ пристройками и скромной по времени обстановкой обойдется, по приблизительному подсчету, 12—15 тысячъ рублей. Можно надѣяться, что и на это благое дѣло не оскудѣтъ рука русскаго человѣка.

Послѣ ряда церковныхъ службъ и процессій, Кириллъ и Меѳодій распостились съ херсонесскимъ духовенствомъ и, захвативъ съ собой часть останковъ Клиmentа, отправились въ Константинополь, а оттуда—позднѣе (около 865 г.)—въ Римъ. Папа Адріанъ II въ торжественной процессіи вышелъ навстрѣчу мощей св. Клиmentа: граждане, духовенство съ крестами и свѣчами въ рукахъ, народъ—окружали папу, шедшаго въ полномъ

облаченіи за городъ, встрѣтить останки одного изъ первыхъ преемниковъ св. Петра, самимъ апостоломъ избраннаго въ папы.

Священный подарокъ, который несли Риму Кириллъ и Меѳодій, былъ для папы тѣмъ болѣе дорогъ, что непосредственныи преемники святого апостола Петра, Линъ и Анаклетъ, не осчастливили Римъ своими мощади, и такимъ образомъ св. Климентъ явился прямымъ преемникомъ святыхъ апостоловъ въ ряду мощей римскихъ первосвященниковъ.

XXII.

События въ Константиноополѣ. Нашествіе Аскольда и Дира. Начало Македонской династіи. Возмущеніе херсонесцевъ. Умерщвленіе стратега Симеона. Ослабленіе хозаръ и появленіе мадьяръ. Херсонесъ просвѣтительный и торговый центръ для Руси и сосѣдняго востока. Договоръ кн. Игоря съ имп. Романомъ. Льготы херсонесцевъ. Херсонесъ именуется Корсунемъ. Имп. Константинъ Порфирородный; его опасенія и мѣры на случай отпаденія Херсонеса отъ имперіи. Торговля съ Русью и Востокомъ. Производство церковной утвари и посуды.

Въ то время, какъ равноапостольные братья Кириллъ и Меѳодій вели въ Тавридѣ мирную проповѣдь и разыскивали мощи святого Клиmentа, нѣсколько сотъ русскихъ кораблей, предводимыхъ Аскольдомъ и Диromъ, неожиданно подступили къ Константиноополю 18-го іюня 860 года,—тѣхъ кораблей, которые еще недавно, чутъ не наканунѣ, осмѣлились сдѣлать нѣсколько дерзкихъ набѣговъ на византійскія владѣнія въ Тавридѣ. Но то были, очевидно, первыя попытки, а теперь русскіе обложили столицу съ моря и съ суши. Императора Михаила не было въ столицѣ; онъ былъ въ Малой Азіи, въ походѣ противъ арабовъ, а городомъ управлялъ стратегъ Никита Орифа. Въ нашествіи русскихъ видѣли кару Божію.

«Развратная столица—говорить историкъ—преобразилась. Ростовщики стали творить милостыню; забывшіе о храмѣ сдѣлались вдругъ богомольными. Вместо веселія—всюду угрюмые лица, поникши взоры. Плачъ и рыданія оглашали воздухъ. Изрѣдка разносился хотя и ложный, но страшный слухъ: Варвары (т. е. русскіе) уже перелѣзли черезъ стѣны и взяли городъ». Пока дано было знать императору объ опасности, патріархъ Фотій среди общаго унынія, прерываемаго литіями и моленіями, произнесъ первое слово о нашествіи русскихъ, которое исторія сохранила намъ полностью. «Не теперь надлежало рыдать,—поучалъ энергичный пастырь,—а быть благоразумными

во всю жизнь; не теперь раздавать богатства, когда и самъ не знаешь, будешь ли владѣть ими, а раньше воздерживаться отъ чужого, когда настоящая кара еще не постигла насъ; не теперь оказывать милость, когда жизнь готовы отнять у насъ, а раньше, когда у насъ была власть; не теперь ходить ко всенощнымъ службамъ, ударяя себя въ грудь, воздѣвать руки къ небу и стенасть, когда на насъ направлены острыя жала смерти, а раньше упражняться въ добрыхъ дѣлахъ и раскаиваться въ злыхъ дѣяніяхъ. Горе мнѣ, что вижу, какъ туча варваровъ увлажняетъ кровю окаменѣвший во грѣхахъ городъ нашъ! Горе мнѣ, что дожилъ до этихъ несчастій и нѣтъ исхода изъ нихъ! Уже грубые и жестокіе варвары расхищаютъ городскія предмѣстія! Проливайте слезы, ибо умножилось зло,—и нѣтъ спасителя, нѣтъ помощника! Настало, братіе, время прибѣгнуть къ Матери Слова, единой нашей надеждѣ и прибѣжищу. Къ Ней воззовемъ съ благоговѣніемъ: спаси городъ Твой, какъ сама знаешь, Владычица! Помолимся Ей, дабы разсѣяла тучи враговъ и озарила настъ лучами спасенія. Ея молитвами да избавимся отъ настоящаго гибѣва!

Около 20-го іюня возвратился императоръ и съ трудомъ проникъ въ столицу. Объ оборонѣ никто не думалъ,—такъ всѣ были убиты бѣдствиемъ, и уже 24 іюня Михаилъ началъ переговоры съ русскими о мирѣ, а 25-го заключилъ «миръ и любовь», и въ тотъ же день, послѣ обнесенія вокругъ города патріархомъ раки съ ризой Богоматери, русскіе, получивъ хорошій откупъ, отступили отъ Константинополя, а вмѣстѣ съ ними отошла, по выражению Фотія, и «страшная гроза»; народъ вмѣстѣ съ патріархомъ возблагодарилъ Заступницу за избавленіе отъ ожидаемаго плѣна.

Послѣ ухода русскихъ, опустошившихъ византійскую казну, положеніе императора Михаила, и безъ того непрочное, стало еще болѣе шаткимъ. Въ это время въ придворныхъ сферахъ сталъ выдвигаться нѣкій Василій, прозванный Македоняниномъ, такъ какъ его мать была македонская славянка. Въ молодости Василій былъ простымъ конюхомъ, но, благодаря своему атлетическому сложенію и красотѣ, скоро сталъ замѣтенъ на стolичномъ гипподромѣ, гдѣ собиралась вся византійская знать, до безумія увлекавшаяся ристалищами и выше ставившая конюховъ и жокеевъ, чѣмъ своихъ правителей.

Василій воспользовался своими внѣшними качествами, приблизился къ императору, также увлекавшемуся гипподромомъ и не менѣе того женщинами, а еще болѣе попойками, за что

Михаилъ получилъ почти лестное въ его время прозваніе «касаря-пьяницы». Василій не дремалъ: снискалъ довѣріе и дружбу императора, возвысившаго его до степени куропалата (собственено—смотрителя дворца, а по нынѣшнему—министра двора) и незамѣтно собирая вокругъ себя недовольныхъ правленіемъ, а въ одну изъ осеннихъ ночей 867 г. вывель пьяного Михаила изъ дворца и предательски убилъ его. Въ ту же ночь византійскій Биронъ, такой же безпощадный въ преслѣдованіи своихъ враговъ, какъ и курляндскій конюхъ, былъ провозглашенъ императоромъ, подъ именемъ Василія I (867—886), и тѣмъ положилъ основаніе македонской, собственно славянской династіи.

Правленіе умнаго и энергичнаго Василія прошло въ жизни Херсонеса очень тихо. При этомъ императоръ городъ выпускалъ собственную мѣдную монету съ начальной буквой имени императора и крестомъ. Въ раскопкахъ эта монета—самая распространенная. Она не чеканная, а литая, грубой работы. Подобная же монета встрѣчается съ перерывами и позднѣе, вплоть до Василія II и Константина IX (975—1025). По мнѣнію Косцюшко-Валюжинича, такая монета выдѣльвалась, несомнѣнно, на мѣстѣ. «Она—говоритъ Косцюшко—вытѣсняетъ всякую другую и прямо поражаетъ своимъ обилиемъ». Въ раскопкахъ найдено и нѣсколько золотыхъ монетъ съ именемъ Василія I и его сына, соправителя Константина VI, но не мѣстнаго чекана.

Конецъ IX-го и начало X-го вѣка прошли въ жизни Херсонеса также спокойно.—Разъ только лѣтопись отмѣчаетъ, что херсонесцы, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ императора Льва VI (наслѣдника и сына Василія, 886—912), который велъ крайне неудачную борьбу съ болгарами, восстали и умертвили императорскаго намѣстника, стратега Симеона (около 891 г.). Но причины такого возстанія не ясны.

Сосѣдніе съ Херсонесомъ хозары въ этотъ періодъ все болѣе и болѣе теряютъ значеніе. Ихъ тѣснить новое тюркское племя—мадьяры или, какъ ихъ называютъ византійскіе историки, турки, а за ними явились изъ-за уральскихъ степей этнографически родственные мадьярамъ печенѣги; они оттеснили отъ Херсонеса не только хозаръ, но и мадьяръ, которые должны были искать новыхъ кочевій далѣе на западѣ, а сами печенѣги на довольно долгое время стали не только сосѣдями Херсонеса, но и его помощниками въ торговлѣ съ югомъ и востокомъ.

Послѣ упомянутаго нашествія русскихъ на Тавриду и Константинополь, связи русскихъ съ Тавридой и Византіей ростутъ и крѣпнутъ, и исторія Херсонеса, Византіи и Руси все болѣе

и болѣе переплетаются. Херсонесъ въ это время сдѣлался главнымъ торговымъ пунктомъ, черезъ который направлялись товары Византіи, Малой Азіи и болѣе отдаленныхъ странъ на сѣверъ Руси и обратно. По замѣчанію проф. Будиловича, «Херсонесъ въ это время хотя и не былъ особенно близокъ къ Руси, но составлялъ для нея почти такой же неизбѣжный и знакомый рынокъ, какой для панихъ деревень составляютъ ближайшіе къ нимъ города,— такъ какъ здѣсь русскіе приобрѣтали для себя всѣ произведенія византійско-азіатской промышленности и искусства и сбывали свое сырье. Отсюда шло и христіанство, и современная наука. Такимъ образомъ, Херсонесъ былъ какъ бы культурнымъ мостомъ между Византіей и Русью».

По словамъ Константина Порфиороднаго, ближайшее къ Херсонесу племя печенѣговъ состояло въ договорѣ съ имперіей и несло службу въ сношеніяхъ Византіи и Херсонеса съ другими народами сѣвера. Посольства и караваны отправлялись изъ Херсонеса подъ охраной печенѣговъ, которые выдавали заложниковъ въ обезпечениѣ безопасности пути, и за это получали отъ императора соотвѣтственные дары... О размѣрахъ торговли Херсонеса говорить большая премія, которую получалъ городъ отъ императора,— по словамъ Константина, десять літръ¹⁾ золота и еще двѣ по уговору.

Тотъ же вѣнценосный историкъ сообщаетъ, что византійскіе императоры должны были жить съ печенѣгами (какъ и съ хозарами) въ дружбѣ и добромъ согласіи, дабы удерживать повторявшиеся все чаще и чаще набѣги русскихъ на Византію и на Корсунь. Однако, въ данномъ случаѣ дружба съ печенѣгами мало помогала византійцамъ: набѣги русскихъ повторялись, и въ царствование того же Льва II русскій князь Олегъ Вѣющій «пополъ на грекы» и «прибилъ свой щитъ на вратахъ Царяграда» (около 907 г.), какъ говоритъ поэтъ, другими словами, возвратился съ побѣдой и хорошей добычей.

Въ 912 году скончался Левъ VI, прозванный за свою ловкую политику Мудрымъ, и властителемъ Херсонеса сталъ шестилѣтній сынъ Льва, Константинъ VII, прозванный Багрянороднымъ (Порфиrogenетъ). За его малолѣтствомъ, короткое время (912—913) правилъ съ именемъ императора его дядя Александръ, родной братъ Льва, а затѣмъ именемъ Константина правила его мать Зоя и совѣтники, среди которыхъ видную роль игралъ начальникъ флота Романъ Лакопенъ, изъ армянъ.

¹⁾ Единица вѣса—около фунта.

Къ этому времени относится интересное письмо константинопольского патріарха Николая Мистика къ епископу херсонесскому. Въ этомъ письмѣ патріархъ воздаетъ хвалу епископу за его заботы о просвѣщениіи свѣтомъ христіанства какого-то народа, «обманутаго и едва не уловленнаго злымъ демономъ изъ нѣдръ благочестія». Патріархъ предлагаетъ архипастырю Херсонеса избрать достойное лицо въ епископы для этого народа и прислать его въ Константинополь для посвященія. Отсюда ясно, что въ это время Херсонесъ въ лицѣ своихъ духовныхъ пастырей занимался самостоятельной проповѣднической дѣятельностью. А разъ дѣло идетъ о цѣломъ народѣ, то, видно, миссионерская дѣятельность была широка, а въ данномъ случаѣ и успѣшна.

Несомнѣнно, въ Херсонесѣ подготавлялась почва, чтобы въ будущемъ принять въ свое христіанское лоно и языческаго князя Владимира.

Роману при его умѣ не трудно было устранить отъ правленія непользовавшуюся популярностью Зою, захватить власть въ свои руки и править имперіей въ качествѣ регента и съ именемъ Романа I (919—945), а когда Константинъ подростъ,— Романъ выдалъ за него свою дочь Елену, захватилъ въ свои руки всю власть и придумалъ для себя титулъ «vasileopatera» (отца царя).

Въ правленіе Романа I русскій князь Игорь совершилъ свой первый и неудачный походъ на Константинополь (941 г.). Патрицій Єофанъ сжегъ «греческимъ огнемъ»¹⁾ суда Игоря, и русскому князю пришлось возвратиться на родину сухимъ путемъ, занимаясь грабежомъ и разбоемъ.

Неудача не охладила энергичнаго Игоря, и черезъ три года онъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ предпринялъ новый походъ на Царь-градъ, где ожидалъ или большой добычи или хорошаго отступного. Но вѣрные своему императору корсуняне, проживавши въ Кіевѣ или занимавшиеся рыбной ловлей въ истокахъ Днѣпра, по которому пila эскадра Игоря, поторопились на своихъ легкихъ ладьяхъ предупредить, что «идетъ Русь съ безчисленнымъ множествомъ кораблей. Корабли укрываютъ все море». Правившій вмѣсто Константина, занимавшагося науками, Романъ, узнавъ объ этомъ, послалъ сказать Игорю: «Не ходи, возьми дань, которую взялъ Олегъ, и еще придамъ къ ней».

1) Греческій огонь имѣлъ специальный составъ, который горѣлъ на водѣ и даже подъ водой. Его бросали на суда съ помощью особыхъ трубокъ.

Но лучше дадимъ здѣсь слово лѣтописцу нашему Нестору.

«Се слышавъ Игорь дошедъ до Дуная, созва дружину и нача думати и повѣда имъ рѣчъ цареву. Рѣша же дружина Игорева: «Да аще сице глаголеть царь, то что хочемъ болѣе того, не бившеся имати злато и сребро и паволоки¹⁾. Кто вѣсть, кто одолѣсть, мы ли, они ли, съ моремъ кто съвѣтень²⁾? Се бо не по земли ходимъ, по глубинѣ морстѣй; обыча смерть всѣмъ». Послуша ихъ Игорь и повелъ печенѣгомъ воевати Болѣгарску землю; а самъ вземъ у грекъ злато, паволоки и на вся воя³⁾, и вѣзвратися вѣспять и приде къ Киеву вѣсвойси».

Послѣ этого между Игоремъ и Романомъ былъ заключенъ договоръ, дошедший до насть полностью.

По договору, въ которомъ Херсонесъ вездѣ называется Корсунемъ, русскій князь не долженъ присваивать себѣ власти надъ Корсунемъ, а равно русскіе не должны обижать корсунянъ, приходящихъ къ устью Днѣпра ловить рыбу, а также русскій князь обязанъ защищать корсунянъ отъ нападеній черныхъ болгаръ⁴⁾.

Судя по этому договору, корсуняне уходили далеко на рыбный промыселъ, который, очевидно, составлялъ важную статью народнаго хозяйства и доходовъ.

Интересны дальнѣйшія подробности, сообщаемыя лѣтописцемъ по этому поводу. Присланные отъ императора въ Киевъ послы сказали князю: «Царь радъ миру и хочетъ имѣть любовь съ княземъ русскимъ. Твои послы,—говорили они князю, — приводили нашихъ царей (Василія и Константина) къ присягѣ, а цари послали насть привестъ къ присягѣ тебя и мужей твоихъ». На другое утро Игорь собралъ пословъ своихъ на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Здѣсь князь и некрещенные русскіе положили свое оружіе, щиты и золото и клялись, а крещенные присягали въ церкви св. Иліи. По окончаніи присяги, Игорь одарилъ пословъ мѣхами, воскомъ и рыбой и отпустилъ ихъ.

Вскорѣ послѣ позорной дани и договора, сторонники императора убрали Романа въ монастырь (945 г.). Но корсуняне во всякомъ случаѣ были благодарны ему за нѣсколько важныхъ статей договора съ Игоремъ, клонившихся, какъ мы видѣли,

¹⁾ Шелковая или полотняная ткань.

²⁾ Море кто знаетъ?

³⁾ Воины, войско.

⁴⁾ Мѣстоположеніе „черныхъ болгаръ“ не совсѣмъ ясно. По мнѣнію Ламанскаго, Черная Болгарія это—восточная часть древней Болгаріи, между низовьями рѣкъ Волги и Кубани.

въ ихъ пользу. Кроме того, Романъ I оставилъ о себѣ память въ Херсонесѣ въ массѣ мѣдныхъ монетъ (въ раскопкахъ ихъ найдено болѣе двухъ тысячи); отличительной чертой ихъ является монограмма имени императора, напоминающая якорь.

Съ удаленiemъ Романа, вся полнота власти перешла къ Константину VII, который до этого вынужденъ былъ заниматься науками и искусствами и въ это время писалъ свое обширное сочиненіе «О фемахъ», т. е. о византійскихъ провинціяхъ. До настъ дошло только три главы этой интересной исторіи, написанной державнымъ историкомъ, въ томъ числѣ и послѣдняя глава (53-я), относящаяся специально къ Херсонесу.

Добродушный и слабохарактерный Константинъ, и получивъ бразды правленія, всю силу ихъ вручилъ своей энергичной супругѣ Еленѣ и нѣсколькимъ министрамъ, а самъ продолжалъ заниматься исторіей.

Херсонесъ въ это время составлялъ предметъ особыхъ заботъ даже мало заинтересованного въ дѣлахъ государства Константина; онъ, очевидно, боялся потерять этотъ важный торговый и пограничный пунктъ, готовый каждую минуту отложитьсь отъ имперіи и сдѣлаться самостоятельнымъ. Вотъ почему въ своемъ труда «Объ управлениіи имперіей», написанномъ Константиномъ для своего сына Романа II, онъ даетъ указанія, какимъ способомъ можно заставить смириться Херсонѣ, если бы онъ вздумалъ отложитьсь или выйти изъ воли императора. А именно слѣдуетъ: захватить всѣ херсонесскіе корабли, находящіеся въ Константинополѣ, конфисковать ихъ грузы и заковать матросовъ; переловить и привезти въ столицу всѣ ихъ корабли и воспретить плаваніе въ Херсонесъ изъ портовъ Малой Азіи, съ которыми онъ вель торговлю; лишить Херсонесъ получающей отъ государства субсидіи, а имперскому намѣстнику выѣхать изъ предѣловъ города; тогда лишенный флота и подвоза Херсонесъ долженъ будеть смириться.

«Ясно, замѣчаетъ Кулаковский, что херсонесцы и въ тѣ времена проявляли свой свободолюбивый нравъ, если даже мягкий Константинъ счелъ нужнымъ включить такой совѣтъ въ наставлениіе своему сыну». Ясно также, что торговое значеніе Херсонеса было по-прежнему очень велико, и городъ вель обширную торговлю съ Греціей, Малой Азіей, портами Чернаго моря, Русью и далѣе на востокъ и западъ, служа посредникомъ между Азіей и сѣверной Европой. А съ ростомъ культуры этихъ народовъ и съ распространеніемъ христіанства среди нихъ, въ чемъ принималъ большое участіе и Херсонесъ, торговля его не

только расширилась, но и стала много разнообразиѣ. Здѣсь фигурировали не только рыба, скотъ, кожи, соль, медь, которые всегда вывозилъ Херсонесъ, получая въ обмѣнѣ шелкъ и ювелирныя издѣлія; теперь проходила чрезъ городъ и портъ масса дорогихъ восточныхъ товаровъ, на которые были такъ падки византійцы, полюбившіе пестроту, блескъ и роскошь востока. Теперь черезъ Херсонесъ да и изъ самаго города увозили на сѣверъ массу предметовъ церковнаго обихода и одеждъ. Наши древнійшіе наперсные складные кресты носятъ даже название «корсунскихъ». Нѣкоторые изъ нихъ съ тонкой серебряной инкрустацией.

«Множество тѣльныхъ крестиковъ X—XII вѣка, говорить проф. Кондаковъ, встрѣчающихся въ русскихъ кладахъ, въ ризницахъ и собораніяхъ и выдѣланныхъ изъ различныхъ яшмъ, серпентина, въ золотой сканной оправѣ, также, навѣрное, происходятъ изъ Херсонеса». Хорошо известные археологамъ своимъ грубымъ стилемъ массивныя мѣдныя паникадила съ фигурами, найденные въ окрестностяхъ Керчи, Феодосіи, Судака, по мнѣнію Кондакова,—херсонесскаго издѣлія.

«Въ самомъ Херсонесѣ около этого времени выдѣлывалась особая глиняная посуда съ поливою, украшенная различными цветными изображеніями, и въ нихъ, по мнѣнію того же Кондакова, ясно замѣтно сліяніе византійскаго и восточного вкусовъ. Эта посуда часто носить на себѣ христіанскія монограммы, кресты и византійскую орнаментику. Вообще въ этомъ херсонесскомъ дѣлѣ было столько же греческаго, сколько и восточного элемента».

Помимо торговли въ царствованіе Константина Багрянороднаго Херсонесъ имѣлъ большое значеніе, какъ дипломатическій пунктъ для переговоровъ царскихъ посланниковъ съ печенѣгами, хозарами и даже russами. При чемъ предусмотрительный императоръ въ извѣстномъ намъ наставленіи сыну рекомендуется своему послу по приѣздѣ въ Херсонесъ прежде всего заручиться заложниками отъ печенѣговъ и оставить ихъ здѣсь подъ стражей, какъ ручательство за безопасность пословъ, которые должны будутъ отправиться къ главѣ печенѣговъ. А въ заключеніе рекомендуется послу одарить печенѣговъ за ихъ труды и содержаніе коней.

Вообще въ это время Константинъ боится за судьбу свободолюбиваго Херсонеса и за разрывъ его связей съ имперіей. Въ томъ же труда (De administrando imperii) онъ посвящаетъ особую главу обсужденію случая, когда хозары, возмѣвъ вра-

ждебные замыслы, снова, собравъ всѣ свои силы, направились бы на Херсонесъ. Тогда, Багрянородный указываетъ, что важную услугу имперіи могли бы оказать алланы, также обитавшіе по сосѣдству съ Херсонесомъ. «Если владѣтель аллановъ, говоритъ Константинъ, не находятся въ мирѣ съ хозарами, и предпочитаетъ этому дружбу императора Византіи, то алланы могутъ сдѣлать много зла хозарамъ, загородивъ имъ путь. Владѣтель алланъ можетъ парализовать своими набѣгами въ страну хозаръ, на ихъ столицу Саркель, всякія ихъ военные предприятия и держать ихъ въ постоянномъ страхѣ, не допуская ихъ до нападенія на Херсонесъ. Такимъ путемъ за Херсонесомъ и Климатами будетъ обеспеченъ долгій и прочный миръ».

XXIII.

Романъ II и масса монетъ его имони. Корсунянинъ Калокиръ и его посольство къ Святославу. Обязательство Святослава къ Херсонесу. Херсонесъ богатый торговый пунктъ. Значеніе его для памѣрній кн. Владимира. Необыкновенная комета предвѣщаетъ взятие Херсонеса Владиміромъ. Значеніе смутъ византійского двора для похода Владимира на Херсонесъ.

9-го ноября 959 года скончался кроткій и ласковый Константинъ Багрянородный, и на престолъ вступилъ его сынъ Романъ II (959—960), вмѣстѣ съ которымъ онъ изображался на позднѣйшихъ монетахъ, которыя въ изобиліи встречаются въ раскопкахъ Херсонеса.

Еще за три года до смерти отца, юный Романъ II влюбился въ очень популярную въ столицѣ красавицу Анастасо. Стоустая молва называла ее дочерью столичного кабатчика, хотя официальная хроники называютъ ее «дѣвицей благороднаго происхожденія». Анастасо, когда стала входить въ моду, перемѣнила свое простонародное имя на болѣе звучное и аристократическое—Ѳеофано. Лѣтописецъ и современникъ Левъ Діаконъ говоритъ, что «Ѳеофано была самой замѣчательной и очаровательной красавицей и утонченѣйшей женщиной своего времени». Еще при жизни Константина Романъ добился согласія отца вступить въ бракъ съ обворожительной полудѣвой. Молва говорила, будто-бы Константинъ былъ отравленъ сыномъ Романомъ подъ влияниемъ нетерпѣливой супруги, жаждавшей царскихъ почестей. Чтобы отклонить подозрѣніе, Константина похоронили съ невиданной дотолѣ пышностью на царскомъ кладбищѣ, въ храмѣ свв. Апостоловъ, гдѣ почивали мощи апп.

Луки, Андрея, Тимофея и святителей церкви: Иоанна Златоуста, Григория Богослова и др.

Первымъ правительственнымъ актомъ новаго правителя Романа II было извѣщеніе всѣхъ государей о вступленіи на престолъ «vasilevsa kosmokratora» (царя и властителя міра) Романа II. Великолѣпныя грамоты, писанныя золотомъ, серебромъ и киноварью, смотря по значенію лица, были разосланы во все концы извѣстнаго въ то время міра и, между прочимъ, «Еленѣ, великой княгинѣ кievской, благочестивой архонтессѣ Россовъ».

Царствованіе Романа II не ознаменовалось ничѣмъ особыннымъ въ жизни Херсонеса, и о немъ только говорять дошедшія до насъ въ большомъ числѣ мѣдныя монеты, носящія на себѣ нѣкоторые бюсты, большинство же—монограмму императора и крестъ.

Старыя дворцовыя интриги и заговоры на жизнь императора начались вскорѣ по вступленіи его на престолъ, и уже 15-го марта 963 г. столицѣ стало извѣстно, что императоръ внезапно заболѣлъ и скоропостижно скончался. Молва обвинила въ его смерти красавицу-жену, о связи которой съ извѣстнымъ полководцемъ и побѣдителемъ арабовъ Никифоромъ Фокой ходили упорные слухи.

За смертью мужа, Феофано сдѣлалась регентшей, такъ какъ оба ея сына, Василій II (род. 957 г.) и Константинъ VIII (род. 961 г.) были еще дѣтьми; кромѣ того, у нея было еще двѣ дочери—Феодора, вышедшая впослѣдствіи замужъ за саксонскаго императора Оттона II, и Анна, родившаяся въ годъ смерти Романа и выданная потомъ замужъ за русскаго князя Владимира. По византійскимъ обычаямъ, оба малолѣтніе князя еще при жизни отца были вѣнчаны на царство, что въ то время было необходимо въ цѣляхъ упрочить за ними при помощи церкви шаткое право на престолъ.

Энергичный и счастливый въ войнѣ Никифоръ, находившійся въ то время въ Малой Азіи, поторопился возвратиться въ Константинополь, хотя и съ опасностью поплатиться головой у ногъ своего заклятаго врага, евнуха Вринги, фактически правившаго имперіей. Никифору и здѣсь повезло: народъ его торжественно встрѣтилъ, какъ побѣдителя арабовъ; онъ ловко воспользовался моментомъ и, опираясь на преданную ему армію, принудилъ Врингу отказаться отъ должности, захватилъ власть въ свои руки, и 16-го августа того же года патріархъ Поліевктъ повѣнчалъ Никифора Фоку на царство, при живыхъ малолѣтнихъ императорахъ. Но Никифоръ былъ дальновиденъ и осто-

рожень: онъ именовалъ себя только «опекуномъ надъ царями самодержцами до ихъ совершеннолѣтія».

Черезъ мѣсяцъ послѣ вѣнчанія Никифора на царство, состоялось его бракосочетаніе съ Феофано, тяготившейся опекой двухъ старыхъ свиныхъ—министра и патріарха. Трудно, конечно, предполагать, чтобы 21-лѣтняя вдова могла полюбить 50-ти-лѣтняго угрюмаго, сухого и некрасиваго полководца. Скорѣе всего здѣсь игралъ роль простой житейской разсчетъ.

Стремясь расширить симпатіи и упрочить свое положеніе, Никифоръ, при вступленіи на престоль, прежде всего позабо-тился сбросить позорную дань болгарамъ, съ которыми не могла справиться византійская имперія; съ этой цѣлью онъ обратился за помощью къ русскому князю Святославу, ставшему героемъ, внушавшему страхъ. Для переговоровъ, по словамъ историка Кедрина, Никифоръ избралъ сына херсонесского протевона Калокира, какъ хорошо знакомаго съ русскимъ языкомъ и обычаями. Калокиръ былъ произведенъ въ санъ патриція и поставленъ во главѣ многочисленнаго и блестящаго посольства, имѣвшаго цѣлью поразить варваровъ. Въ посольствѣ были воины, монахи, священники, писцы и т. п. Кроме того Калокиръ былъ снабженъ громадной по тому времени суммой въ 1500 фунтовъ золотомъ (?) (около 1 миллиона рублей) для подкупа русскаго князя и его совѣтниковъ. Назначеніе херсонесца Калокира, очевидно, не было случайностью, и прямо указывается на назначеніе Херсонеса въ механизмѣ Византійской имперіи и на стремленія русскихъ къ Херсонесу.

По словамъ историка, Калокиръ поѣхалъ изъ Константино-поля въ Херсонесъ и уже отсюда опять моремъ къ устьямъ Днѣпра и вверхъ по рѣкѣ черезъ дикія и опасныя печенѣжскія степи, вплоть до пороговъ, ниже которыхъ находился хорошо извѣстный въ то время корсунянамъ и русскимъ Крапійскій перевозъ. По словамъ Константина Багрянороднаго, русскіе, направляясь въ Константинополь, «доходять до такъ называемаго Крапійскаго перевоза или брода, гдѣ перевозятся херсо-несцы изъ Руси и печенѣги въ Херсонесъ».

Въ Киевѣ Калокиру удалось склонить храбраго князя въ сторону Византіи, и уже лѣтомъ 967 г. большія полчища рус-скихъ появились на Дунаѣ подъ стѣнами Доростеля (Силистріи). Однако дальновидный Фока на этотъ разъ ошибся, приглашая русскихъ помочь ему. Святославъ, обольщенный успѣхомъ, увлек-ся перспективой дальнѣйшихъ побѣдъ и объявилъ захваченную часть Болгаріи «своей землей»; крѣпко осѣлъ на Дунаѣ, куда

даже хотѣлъ перенести свою столицу, и грозилъ великолѣпному Царьграду не простымъ набѣгомъ, а настоящимъ завоеваніемъ.

Никифору было необходимо торопиться исправить свой промахъ. Надо было укрѣплять города и крѣпости, собирать большое войско и готовиться къ тяжелому походу, исходь которого трудно было предвидѣть, а обѣднѣвшій народъ приходилось еще обложить непосильными податями. Наступило въ несчастной Византіи невыносимо-тяжелое время. Нѣкогда популярный и любимый Никифоръ сдѣлался ненавистнымъ народу.

Въ критическую минуту Никифоръ обратился къ крайне опасной финансовой мѣрѣ: уменьшению вѣса монеты съ сохраненіемъ ея нарицательной стоимости,—фактъ, который надо знать археологу Херсонеса, чтобы не сбиться въ оцѣнкѣ монетъ этого времени. Правда, это была довольно обычна мѣра въ средніе вѣка, но въ данномъ случаѣ она переполняла чашу терпѣнія. А тутъ еще голодная столичная чернь по временамъ открыто негодовала на царя за то, что имъ не раздавались хлѣбъ, вино и деньги.

Надъ сѣдой головой угрюмаго Никифора все болѣе и болѣе сгущались тучи и готовилась буря-гроза, и въ то же время все ярче разгоралась заря новаго героя—счастливца армянина Иоанна Цимисхія, къ которому видимо тяготѣло и сердце Щеофано. Молва уже говорила о связи Цимисхія съ красавицей-императрицей. Онъ не терялъ времени и съ помощью подкупленныхъ евнуховъ не только спосился съ Щеофано, но даже видѣлся съ нею въ недоступныхъ постороннему покояхъ царскаго гинекея¹⁾. На этихъ свиданіяхъ рѣшено было убить Никифора съ тѣмъ условіемъ, что Щеофано станетъ женой Цимисхія и сдѣлаетъ его царемъ.

Ждать было опасно; и вотъ, въ ночь съ 10-го на 11-е декабря 969 г., заговорщики, переодѣтые въ женскія платья, по одному были проведены въ гинекей. Щеофано лично скрыла ихъ въ безчисленныхъ комнатахъ и закоулкахъ дворца. При наступлении роковой ночи, Никифоръ получилъ записку такого содержанія: «Царь! знай: этой ночью тебѣ готовятъ ужасную смерть. Прикажи обыскать гинекей: тамъ спрятаны люди, пришедшіе убить тебя». Царь приказалъ начальнику евнуховъ обыскать весь дворецъ, но тотъ не нашелъ никого.

Былъ пятый часъ утра, когда, по словамъ одной арабской лѣтописи, Щеофано сама ввела заговорщиковъ въ опочивальню.

¹⁾ Женская половина дворца.

Цимисхій вошелъ послѣднимъ. Заговорщики, примѣтивъ отягченного дремотой и обманутаго ласками жены императора, который, по обыкновенію, спалъ въ углу комнаты, на шкурѣ пантеры, подъ образомъ Спасителя и Богоматери, бросились на него точно хищные звѣри, и одинъ изъ нихъ уже ошеломилъ ударомъ меча пробудившагося отъ шума императора, который только успѣлъ сказать: «Божья Матерь, помоги мнѣ!», какъ на него набросился самъ Цимисхій съ угрозой и бранью... Медлить было нельзя и опасно; тогда одинъ изъ заговорщиковъ нанесъ царю смертельную рану ножомъ...

Съ Никифоромъ все было кончено, и Цимисхій торопился облечься въ царскія одежды. Убійцы, сторонники Цимисхія, и прибѣжавшіе защищать Никифора кричали въ царскихъ покояхъ: «Многая лѣта самодержцу Ioannu, нашему великому государю! Многая лѣта царямъ нашимъ Василію и Константину!»

Веселый, обаятельный и обладавшій исполнинской силой Ioannъ Цимисхій, въ то же время отличный полководецъ и искусный дипломатъ, приложилъ всѣ усилия, чтобы искупить хорошимъ правленіемъ свое позорное дѣяніе надъ императоромъ, которому нѣкогда самъ помогалъ облечься въ порфиру. Патріархъ отказался короновать Цимисхія, пока онъ не оправдается въ убийствѣ. Тогда Цимисхій свалилъ вину на Феофано и не только не принялъ ея руки, но даже удалилъ ее въ монастырь, а самъ женился на царевнѣ Феодорѣ, дочери Константина Багрянороднаго, и еще больше своего предшественника напомнилъ о првахъ юныхъ царевичей, Василія II и Константина VIII. Все это, вмѣстѣ взятое, разомъ создало популярность новому правителью.

Вскорѣ Цимисхію представился случай поправить ошибку Никифора въ отношеніи Святослава, который, въ началѣ 971 г., захвативъ у болгаръ Переяславецъ и въ надеждѣ дальнѣйшихъ побѣдъ и завоеваній, уже сообщилъ въ Царьградъ: «Хощю на вы ити и взяти вашъ градъ, яко и сей». Однако, весной того же года Цимисхій и съ супи и со стороны рѣки окружилъ Святослава гораздо болѣе сильнымъ и войскомъ и флотомъ. Русскій князь выдержалъ тяжелую двухмѣсячную осаду, послѣ которой вынужденъ былъ заключить миръ, главнымъ условиемъ котораго было такое обязательство Святослава: «Яко же николиже помышлю на страну вашу, ни собираю вой, ни языка иного не приведу на страну вашу и елико есть подъ властью Греческою, ни на власть Корсунскую и елико есть городъ ихъ,

ни на страну Болгарьску; да и кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противнень ему и борюся съ нимъ».

Такимъ образомъ, по этому миру Херсонесъ съ его владѣніями не только избавлялся на нѣкоторое время отъ покушеній на него русскихъ, но они даже приняли на себя обязательство охранять его и отъ постороннихъ покушеній. Отсюда же ясно, что Херсонесъ того времени все еще имѣлъ большое значеніе въ механизмѣ Византійской имперіи, разъ въ условіяхъ мира о немъ говорятъ первымъ, даже тогда, когда русскіе не дѣлали и покушеній на богатый торговый городъ.

Однако, несмотря на мудрое правленіе Цимисхія, не долго свѣтилась на небѣ его звѣзда. Въ августѣ 975 г., когда Цимисхій возвращался изъ побѣдоноснаго похода въ Сирію, появилась, по словамъ историка Льва Діакона, «удивительная, необыкновенная, превышающая человѣческое понятіе комета». Современные астрологи увѣряли, что она предвѣщаетъ царю что-то недобroe. Другіе, уже post factum, утверждали, что комета между прочими бѣдствіями предрекала и взятіе Херсонеса Владимиromъ. Дѣйствительно, 10-го января 976 г. почти внезапно скончался Цимисхій. Молва упорно твердила, что его опоилъ ядомъ его же первый министръ, евнухъ Василій.

Какъ видно изъ изложенного, это не исторія государства, а длинная лѣтопись придворныхъ интригъ и гнусныхъ убийствъ, тяжелый кошмарный періодъ, когда никакая личность не была ни на минуту гарантирована отъ крайняго насилия. «Византія этого періода, говорить проф. Бильбасовъ,—это дряхлое государство, опиравшееся на чиновниковъ взяточниковъ и на солдатъ дезиритровъ, управлявшееся продажной бюрократіей, государство, у которого сосѣди отнимали одну провинцію за другой, которое было лишено жизни и не было способно умереть».

Великій Гибbonъ, разскававъ исторію императоровъ отъ Трояна до Константина Великаго и отъ Константина до Гераклія (610—641), пріостановился: онъ не считалъ достойнымъ исторіи, какъ науки, заниматься византійской исторіей отъ Гераклія и до взятія Константинополя турками (1453 г.). Въ этотъ долгій періодъ Гибbonъ видѣть въ исторіи Византіи «народъ, который обезчестилъ имена грековъ и римлянъ,—народъ, опозорившій себя отвратительными преступленіями и пороками, которые не могутъ быть оправданы даже человѣческими слабостями и въ которыхъ не видно даже энегріи великихъ преступ-

пленій». И остановился Гиббонъ «безъ сожалѣнія, предоставивъ писать исторію рабскихъ грековъ рабскимъ историкамъ».

Положимъ Гиббонъ черезчуръ строгъ: самые отвратительные пороки, слабости и преступленія заслуживаютъ внимательнаго изученія, какъ и другія проявленія человѣческаго духа. И мы позволили себѣ привести нѣсколько черточекъ изъ исторіи Византіи передъ появлениемъ Владимира у стѣнъ Херсонеса въ надеждѣ, что онъ до нѣкоторой степени пояснить темный вопросъ, который много разъ задавали себѣ русскіе историки: почему русскій князь, задумавъ креститься, отправился не въ Царьградъ, гдѣ его каждую минуту ожидала предательская рука или тайный ядъ, а въ Херсонесъ, гдѣ его ожидала побѣда и гдѣ онъ могъ себя чувствовать свободно и во всякомъ случаѣ безопасно. А для князя эпикурейца, любившаго веселые, ничѣмъ не омраченные пиры, это что-нибудь да значило.

Здѣсь мы ставимъ большую точку и начинаемъ новую главу, интересную и наиболѣе важную во всей исторіи Херсонеса, главу, въ которой говорится о завоеваніи Херсонеса языческимъ княземъ Владимиромъ, о крещеніи его и бракосочетаніи въ этомъ городѣ.

XXIV.

Имп. Василій II и Константинъ IX. Намѣреніе Владимира креститься. Походъ въ Херсонесъ. Осада. Предательство Анастаса. Взятие города. Сватовство Владимира; крещеніе и женитьба его; празднства. Дата крещенія. Корсунянинъ Анастасъ. Уходъ и смерть Владимира. Значеніе Херсонеса для Руси.

За смертью Цимисхія на престолъ вступили юныя дѣти Романа II и Феофано—Василій II (20 л.) и Константинъ IX (18 л.); но Константинъ считался правителемъ только на бумагѣ, а на дѣлѣ занимался женщинами и попойками.

Могущественный министръ Василій сначала пытался отклонять молодыхъ царей отъ участія въ государственной дѣятельности, но царя Василія, отличавшагося твердымъ, энергичнымъ характеромъ, нельзя было удержать отъ вмѣшательства въ государственные дѣла, и старому министру пришлось уступить бразды правленія царственному юношѣ, изъ котораго впослѣдствии выросъ колоссальныій представитель македонской династіи, удержавшійся на престолѣ цѣлыхъ полѣвѣка (976—1025). Въ царствованіе этихъ государей Русская земля, не смотря на усобицы, разрослась и окрѣпла, благодаря, главнымъ образомъ, младшему сыну Святослава—Владиміру и его совѣтникамъ. Въ

то же время этот периодъ въ жизни Руси былъ торжествомъ язычества надъ христианствомъ. Однако уже тогда было видно, что русское язычество было несостоительно и должно было пастъ; такъ какъ, по своему бѣдному содержанію и безцѣлности, оно не могло бороться съ христианствомъ. Владиміръ—язычникъ и его главный совѣтникъ дядя Добрыня, полагавшіе основу своего могущества въ язычествѣ, старались поддержать его, украшая идоловъ и устраивая торжественные жертвоприношенія. Но все это были искусственныя мѣры, указывавшія только несостоительность язычества.

Владиміръ сталъ колебаться въ своемъ язычествѣ, а послѣ занесенного въ лѣтописи случая съ сыномъ варяга рѣшилъ принять христианство, созвалъ совѣтниковъ и спрашивалъ: «Гдѣ намъ принять крещеніе?»—Другими словами: «Куда намъ идти, въ Царьградъ или Корсунь?»—«Куда тебѣ любо», отвѣчали совѣтники. И Владиміръ рѣшилъ идти въ Корсунь.

Историки недоумѣваютъ, почему Владиміръ пошелъ на Корсунь цѣлымъ походомъ, и не находятъ отвѣта на свой вопросъ, тѣмъ болѣе, что не задолго до этого онъ, казалось, былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ византійскими императорами и оказалъ имъ громадную услугу, пославъ сильный отрядъ противъ возмутившагося полководца и претендента на престоль Варды Фоки.

Какъ мнѣ кажется, весь походъ Владимира, этого Петра Великаго древней Руси, какъ его называетъ Герцбергъ, объясняется очень просто. Владиміръ долго думалъ о реформѣ религії; но, подумавъ, рѣшилъ провести ее очень широко и связать съ общимъ подъемомъ просвѣщенія Руси, которую онъ, очевидно, мечталъ включить въ число европейскихъ державъ того времени и разсчитывалъ это сдѣлать путемъ родственного сближенія съ домомъ византійскихъ императоровъ, у которыхъ была незамужняя сестра Анна. Бракомъ съ нею Владиміръ разсчитывалъ возвысить себя въ глазахъ своихъ окружающихъ и ближайшихъ сосѣдей, тѣмъ болѣе, что въ то время даже разваливающаяся Византия считалась наиболѣе культурнымъ и богатымъ государствомъ Европы.

Константинополь въ ту эпоху занималъ място современного Лондона или Парижа, а Херсонесъ Таврическій былъ громаднымъ по тому времени торговымъ центромъ.

«Византійцы, говорить Герцбергъ, были тогда почти единственными посредниками восточно-азиатской торговли того времени съ западными и сѣверными странами, такъ какъ всѣ ин-

дійськіе и китайскіе товары приходили къ нимъ по средне-азіатской караванной дорогѣ и чрезъ Хозарскую землю. Византійскія монеты преобладали въ тогдашнемъ мірѣ, за исключениемъ восточныхъ халифатовъ, и византійцы снабжали западныя страны нужной имъ золотой монетой, которая обращалась тамъ и нѣсколько вѣковъ позднѣе»...

Относительно наукъ и искусства говорить нечего: Константинополь стоялъ во главѣ всей Европы. Какъ было, при такихъ условіяхъ, не принять религію Царыграда и не породниться съ его царскимъ домомъ? И русскій князь Владиміръ рѣшилъ это сдѣлать. Для этого надо было отправиться либо въ Константинополь, либо въ Корсунь.

Идти въ столицу Византіи съ войскомъ было далеко, трудно и не по средствамъ, а безъ войска—для русскаго князя, грозившаго имперіи походомъ, и не безопасно; къ тому же здѣсь онъ рисковалъ жизнью, и могъ не получить руку Анны. И Владиміръ мирно направился въ Корсунь; отсюда онъ разсчитывалъ воздѣйствовать на царей и здѣсь же положить начало своей грандіозной реформы, обновившей всю Русь. Но почему же онъ, однако, шелъ съ большими войскомъ? На это было много причинъ. Во-первыхъ, было небезопасно двигаться по враждебнымъ печенѣжскимъ степямъ, гдѣ еще не такъ давно сложилъ голову князь Святославъ съ своей вѣрной, но усталой дружиной. Во вторыхъ,—не гоже было великому князю, правителю Русской земли, идти на крещеніе съ малымъ числомъ людей. Да, наконецъ, для воздѣйствія, надо было имѣть съ собой внушительные силы. Владиміръ собралъ ихъ и весной 988 г. былъ подъ стѣнами Корсуня. Вотъ какъ обѣ этомъ говорить ближайшій свидѣтель событий, лѣтописецъ Несторъ.

«Въ лѣто 6496 (988 г.) иде Володимеръ съ вои на Корсунь, градъ Греческій, и затвориша Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ обѣ онъ полъ города въ лимени¹⁾, и задали града стрѣлище едино²⁾), и боряхуся крѣпко изъ града; Володимеръ же обѣстоѧ градъ. Изнемогаху въ градѣ людѣ, и рече Володимеръ къ гражданомъ: «Аще ся не вдастѣ³⁾, имамъ стояти и за З лѣта». Они же не послушаша того, Володимеръ же из-

¹⁾ Въ бухтѣ (гр. λιμήν). Слѣдующая часть войскъ Владимира была на судахъ. Но это вовсе не означаетъ Стрѣлецкой бухты, какъ думаетъ гр. Боринский.

²⁾ Разстояніе полета стрѣлы.

³⁾ Если не сдадитеесь.

ряди воя своя и повелъ приспу¹⁾ сыпати къ граду. Симъ же спущимъ Корсуняне, подъконавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перъсть и пономаҳу к себѣ въ градъ, сыплюще по- средъ града; воини же присыпаҳу болъ, а Володимеръ стояше. И се мужъ Корсунянинъ стрѣли, именемъ Настасъ, написавъ сице на стрѣлѣ: «Кладязи, яже суть за тобою отъ вѣстока, ис того вода идеть по трубѣ, копавъ, переими».

Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «Аще се ся сбудеть, и самъ ся крещу». И ту абыe повелъ копати прѣки²⁾ трубамъ и преяша воду. Людье изнемогоша водною жа- жею и предашеся. Внide Володимеръ въ градъ и дружина его и посла Володимеръ ко царема Василью и Костянтину, глаго- ляще сице: «Се градъ ваю славный взяхъ; слышу же се, яко сестру имате дѣвою, да аще ей не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створихъ». И слышаста царя, быста пе- чальна и вадаста вѣсть, сице глаголюща: «Не достоить хресте- аномъ за поганыя даяти; аще ся крешиши, то и се получиши, и царство небесное приимеши, и с нама единовѣрникъ будеши; аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своее за тя.

Се слышавъ, Володимеръ рече посланнымъ отъ царю: «Гла- голите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ прежде сихъ дней законъ вашъ и есть ми люба вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послани нами мужи». И си слышавша царя рада быста и умолиста сестру свою, именемъ Аньну, и посласта ко Володимеру, глаголюща: «Крестися и тогда послевъ сестру свою к тебѣ». Рече же Володимеръ: «Да пришедъше съ сестрою вашею, крестять мя». И послушаста царя и послас- та сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры; она же не хотяше ити: «яко въ полонъ», рече, «иду, лучше бы ми сде ум- рети». И рѣста ей брата: «Еда како обратить Богъ тобою Ру- скую землю въ покаянье, а Гречьскую землю избавиши отъ лютыя рати; видиши ли, колко зла створиша Русь Грекомъ; и нынѣ аще не идеши, тоже имуть сотворити намъ». И одва³⁾ и принудиша. Она же, сѣдѣши въ кубару, цѣловавши ужики⁴⁾ своя съ плачемъ, поиде чрезъ море и приде къ Корсуню, и изидоша Корсуняне съ поклономъ, и вѣведенша ю въ градъ, и посади ю въ полатѣ.

По Божью же устрою въ се время разболѣся Володимеръ очима и не видяше ничтоже, и тужаше велими не домышля-

¹⁾ Насыпь. ²⁾ Поперекъ. ³⁾ Едва. ⁴⁾ Родственники.

шеться, что створити; и посла къ нему царица, рекущи: «Аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли ни, то не имаши избыти недуга сего». Се слышавъ Володимеръ рече; «да аще истина будетъ, то по истинѣ великъ будеть Богъ хрестеянескъ»; и повелъ крестити ся. Епископъ же корсуньскій с попы царицыны огласивъ, крести Володимера; яко возложи руку на нь, абье прозрѣ. Видѣвъ же се Володимеръ на-прасное исцѣленье и прослави Бога, рекъ: «топерво увѣдѣхъ Бога истинънаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣютъ Корсуняне, палата же Володимера с края церкви стоить до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царию на браченье.

Володимеръ же посемь поемъ царию и Настаса, и попы корсуньски с мощми святаго Клиmentа и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословеніе себѣ. Постави же церковь въ Корсуни на горѣ, идѣже съсыпаша средѣ града крадуще приспу, яже церки стоить и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи¹⁾ и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею; якоже невѣдуще мнятъ я мрамарыны суща. Вдастъ же за вѣно грекомъ Корсунъ опять, царицѣ дѣля²⁾, а самъ приде Киеву».

И тутъ лѣтописецъ добавляетъ: «Се же не свѣдуще право глаголють, яко крестилься есть въ Киевѣ; инии же рѣша въ Василевѣ; друзии инако скажютъ».

Иные пытались точнѣе определить время крещенія Владимира. «Такъ, сличеніе лѣтописей показываетъ, говоритъ еп. Иннокентій, что Владимиrъ подошелъ къ Херсонесу весной 988 г., разумѣется въ мартѣ» (?).

«Въ греческой церкви существовалъ обычай, какъ видно изъ требника, давать крещаемымъ имена святыхъ, какие придется чрезъ седмицу дней послѣ крещенія. Въ 988 г., Пасха Христова была 8 апрѣля; св. Василія Пармскаго было 12 апрѣля, а св. Василія Амасійскаго—26 апрѣля. Посему можно думать, что крещеніе Владимира, нареченаго Василіемъ, если не совершено въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, что непремѣнно отмѣтилъ бы лѣтописецъ, если бы это ему было извѣстно, то за семь дней до того или другого Василія, т. е. 5 или 19 апрѣля».

¹⁾ Статуи.

²⁾ Ради.

Съ канонической точки зре́нія—да, но съ исторической—шаткое основаніе. Прежде всего съ положительностью можно утверждать, что Владіміръ принялъ въ крещеніи имя Василія не въ память ближайшаго святого, а въ честь императора, какъ и Ольга. Далѣе, если даже принять,—какъ говорить лѣтописецъ, —что Владіміръ остановился и обложилъ городъ съ бухты,—другими словами, прибылъ сюда воднымъ путемъ,—такъ для этого надо имѣть Ди́нѣпръ свободнымъ, а онъ освобождается отъ льда только въ концѣ марта, а часто и въ апрѣль. И кромѣ того, надо было имѣть достаточно времени, чтобы отсюда дойти съ цѣлой эскадрой до Херсонеса, а самый походъ начать зимой или съ началомъ распутицы, чего нельзя допустить. Да и всѣ послѣдующія события должны были совершиться съ чрезвычайной быстротой, чтобы Владіміръ успѣль креститься даже 19 апрѣля. До этого, должна была кончиться начатая осада, получено согласіе императоровъ и Анны, долженъ былъ состояться прїездъ въ Херсонесъ, и необходимо было все подготовить къ совершенію великихъ христіанскихъ таинствъ. Все это было слишкомъ скоро, если принять въ соображеніе, что въ то время не было ни пушекъ, ни пароходовъ, ни телеграфовъ, и все совершалось помощью рукъ и попутнаго вѣтра.

Въ виду указаннаго, соображеній епископа Филарета признать нельзя, и мы, вмѣстѣ съ Бертье-Делагардомъ, полагаемъ, что Владіміръ подошелъ къ Херсонесу съ ратью не ранѣе начала лѣта, а крещеніе Владіміра могло совершиться послѣ девятимѣсячной осады, весной 988 г., а скорѣе нѣсколько позднѣе, а быть можетъ, даже и въ слѣдующемъ—989 г. Эта дата (если она не ошибочна) совпадаетъ съ показаніемъ современнаго историка Льва Діакона, единственного византійского писателя, обмолвившагося всего нѣсколькоими словами по поводу этого важнаго въ исторіи Руси события, которое и для Византии имѣло немалое значеніе.

Левъ Діаконъ въ своей хроникѣ вспоминаетъ о Херсонесѣ попутно, по поводу появленія на небѣ въ ночь на 7-е апрѣля 989 г. огненныхъ столбовъ (метеоры или сіяніе), «которые наводили страхъ на всѣхъ, кто ихъ видѣлъ», и въ которыхъ Левъ Діаконъ прочелъ предзнаменованіе взятія Херсонеса тавро-скиѳами, т. е. russами (этимъ названіемъ выражалось презрѣніе). Интереснѣе всего то, что историкъ ни словомъ не обмолвился о царевнѣ Аннѣ. Очевидно, въ политическомъ мірѣ рука византійской принцессы цѣнилась тогда очень низко.—Этой же даты держится и баронъ Розенъ, подвергшій подробному изслѣдова-

нію этотъ вопросъ въ своей монографії «Импер. Василій Болгаробойца»... Академикъ Васильевскій, основываясь на словахъ арабскаго лѣтописца Аль-Мекина (ум. въ 1275 г.), кстати сказать, единственнаго послѣ Льва Діакона иностраннаго писателя, упоминающаго объ этихъ событияхъ, полагаетъ, что взятіе Херсонеса не стоитъ въ связи съ крещеніемъ Владимира, и что походъ Владимира на Херсонесъ совершился не до крещенія въ 988 г., а «много позже того».

Но такъ ли это?—Аль-Мекинъ пишеть слѣдующес: «И взбунтовался открыто Варда Фока, и приглашаль людей признать его за царя во второмъ Джумада 377 г. (т. е. 987 г.), и овладѣль всѣми землями Румъ (грековъ) до береговъ моря. И стало важнымъ дѣло его, и боялся царь Василій боязно великою. И истощились богатства его, и побудила его нужда вступить въ переписку съ царемъ Руссовъ; они же были его врагами; а онъ просилъ у него помощи. И царь Руссовъ согласился на это и просилъ родства съ нимъ. И женился царь Руссовъ на сестрѣ Василія, царя Грековъ, послѣ того какъ онъ (Василій) поставилъ условіе принять христіанство и отправилъ къ нему митрополитовъ, которые обратили въ христіанство его и весь народъ его владѣній. А не было у нихъ до этого времени духовнаго закона, и не вѣровали они ни во что. И они—народъ великій, а съ этой поры всѣ они стали христіанами по сие время. И отправился царь Руссовъ со всѣми войсками своими къ услугамъ царя Василія и соединился съ нимъ. И оба они сговорились пойти на встрѣчу Вардѣ Фокѣ и отправились на него сушею и моремъ, и обратили его въ бѣгство, и завладѣль Василій всѣмъ своимъ государствомъ и побѣдилъ Варду Фоку и убилъ его» (въ апрѣлѣ 989 г.).

Показанія Льва Діакона и слова Аль-Мекина,—по мнѣнію Васильевскаго,—«въ корнѣ подрываютъ авторитетъ русскаго лѣтописнаго сказанія» и даютъ нашему академику право утверждать, что «взятіе Херсонеса вовсе не находилось въ прямой связи съ крещеніемъ русскаго князя».

Извѣстный историкъ русской церкви, профессоръ Голубинскій, въ своемъ недовѣріи къ лѣтописцу Нестору идетъ еще дальше. Основываясь на житіи св. Владимира, написанномъ монахомъ Іаковомъ, вѣроятно, нѣсколько раньше этой части Несторовой лѣтописи, а именно на словахъ: «На другое лѣто по крещеніи Володимеръ къ порогамъ ходи, на третье лѣто Корсунь городъ взя»,—полагаетъ, что Владиміръ крестился за два года до похода въ Херсонесъ, т. е., приблизительно, въ 987 г.,

и кромъ того проф. Голубинскій полагаетъ, что Владиміръ крестился не въ Корсунѣ, а въ Василевѣ.

Однако, какъ намъ кажется, и почтенный академикъ и ма-ститый профессоръ глубоко заблуждаются и впадаютъ въ ошибку, довѣряя мимолетной замѣткѣ византійского историка, такъ мало интересующагося даннымъ фактомъ,— или краткимъ словамъ арабскаго ученаго, которому даже не было извѣстно имя рус-скаго князя и который пишетъ почти черезъ триста лѣтъ по-слѣ истекшихъ событий, и не довѣряя нашему лѣтописцу, ко-торый отмѣчалъ эти события черезъ 85—90 лѣтъ послѣ креще-нія Владиміра, т. е. когда если не могъ почерпнуть свѣдѣній у очевидцевъ событий (хотя и это возможно), то узналъ подроб-ности крещенія князя отъ дѣтей очевидцевъ¹⁾.

Всякій, кто читалъ нашу лѣтопись, не могъ не замѣтить, что княженіе Владиміра лѣтописецъ излагаетъ въ самомъ об-ширномъ объемѣ и съ особымъ тщаніемъ. По мнѣнію покой-наго академика Сухомлинова, «Владиміра можно назвать глав-нымъ лицомъ лѣтописи; подвиги его изображались съ наиболь-шей подробностью и живымъ сочувствиемъ». И эти подробности, и сочувствіе лѣтописца ясно показываются, насколько онъ инте-ресовался описываемыми событиями. Это признается даже вели-кій скептикъ Бертѣ-Делагардъ и въ своемъ новѣйшемъ и, какъ всегда, весьма тщательномъ трудѣ «Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь» (1910 г.), приходитъ къ выводу, что «превосходное, тонкое до мелочей знаніе мѣстныхъ условій отчетливо показы-вается, что всѣ эти годы осады записаны (сообщены?) очевид-цами, близко стоявшими у дѣла и хорошо его понимавшими. Кромѣ того, Несторъ, несомнѣнно, понималъ все значеніе кре-щенія князя и, конечно, приложилъ все стараніе, чтобы собрать возможно полныя, возможно точныя свѣдѣнія, касающіяся этихъ событий, и изъ самыхъ надежныхъ источниковъ; всѣ эти собы-тія онъ иногда излагаетъ съ ясностью очевидца. Вспомнимъ, какъ онъ говоритъ о запискѣ, брошенной Анастасомъ, о самомъ крещеніи и уходѣ Владиміра изъ Херсонеса.

Обратимъ вниманіе и на хронологію, порядокъ лѣтъ,—что имѣть важное значеніе въ лѣтописяхъ. «Всѣ повѣствованія, какого бы объема они ни были,—говорить Сухомлиновъ,—при-мыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняю-щему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ причинъ, почему событие занесено въ лѣтопись, остается непремѣнно годъ, въ

¹⁾ Несторъ, какъ извѣстно, родился около 1056—57 года и 17 лѣтъ, т. е. около 1064 г., поступилъ въ Киево-Печерскую лавру.

которомъ оно случилось. Напротивъ того, годы внесены совершенно независимо отъ событий. Доказательствомъ служатъ сто семь лѣтъ, означенныхъ въ древней лѣтописи, но не описанныхъ; значитъ, они были выставлены прежде нежели понадобились для опредѣленія времени какого-либо события».

А если такъ, то события, относящіяся ко временамъ Владимира, могли быть занесены въ первые списки лѣтописи очень близко къ моменту совершенія этихъ событий (замѣтимъ---дѣло списыванія лѣтописей и житій такихъ людей, какъ Владимиръ, считалось богоугоднымъ), а это давало право лѣтописцу говорить объ известныхъ фактахъ точно, съ положительностью и также смѣло отрицать нелѣпые слухи о крещеніи Владимира гдѣ-либо помимо Херсонеса, а тѣмъ болѣе въ какомъ-то маленькому и никому неизвѣстномъ Василевѣ, что совершенно не вяжется ни со значеніемъ самого факта крещенія, представлявшимъ собой только начало великой реформы, ни съ характеромъ князя Владимира, любившаго пышность, всякия торжества и пиры.

Въ томъ же житії монаха Іакова говорится, что послѣ крещенія и бракосочетанія «сотори Владіміръ чреженіе¹⁾ веліе убогимъ и страннымъ, и вдовицамъ, и по улицамъ многіе сосуды повелѣ поставляти всякаго брашна исполнены, питія множество отъ меду и вина и олuya, еже есть пиво, и отъ всякаго овоція, и еже кто что требоваше, невозбранно съ радостію насыщашеся». — «Се же не свѣдуще право глаголить,— яко крестился есть Володимеръ Кіевъ, иніи же рѣша въ Василевъ».

Послѣ этого, никто, думаю, не остановится передъ отвѣтомъ, кому больше вѣрить—Льву Діакону, Аль-Мекину или лѣтописцу Нестору.

Этимъ я не хочу сказать, что въ нашей лѣтописи—только непреложная точность. Нѣть, никакъ: ошибки и обмоловки возможны и у самыхъ серьезныхъ писателей. Извѣстный французскій византійстъ Шлюмберже (*Schlumberger*), написавшій прекрасную и полную интереса книгу «*Un Empereur Bysantin au X-me siècle*», которой усердно пользовались и мы, излагая десятый вѣкъ исторіи Херсонеса, называетъ Владимира *m  gaduc var  gue de Russie et de Moscou*, а ему, вѣроятно, хорошо извѣстно начало Москвы, несуществовавшей во времена Владимира.

Теперь, прежде чѣмъ закончить наше повѣствованіе о Владимираѣ, два слова о корсунянинѣ Анастасѣ, предавшемъ городъ

1) Угощеніс.

Владиміру. Кажеться, всѣ историки и повѣстователи называютъ его священникомъ или епископомъ, а между тѣмъ для этого нѣть никакихъ основаній. Нашъ лѣтописецъ называетъ его просто «мужъ Корсунянинъ, имянемъ Настасъ». Далѣе, въ томъ же мѣстѣ читаемъ: «Володимеръ же (по браченію) поемъ царицу и Настаса и попы Корсуньски». Опять не упоминается званіе Настаса. Ниже, подъ 989 г., говорится: «И наченши Володимеръ Кіевъ здати церкви пресвятыя Богородицы и яко сконча, украси ю иконами и поручи ю Настасу Корсунянину и попы Корсуньския пристави служити въ ней, вдавъ ту все, еже бѣ взяль въ Корсуни: иконы, и сосуды, и кресты». — И здѣсь ни слова о профессії Анастаса. Но, несомнѣнно, онъ не былъ священникомъ,—иначе было бы помянуто его званіе, и скорѣе всего ему была бы поручена кіевская церковь, заключавшая корсунськія церковныя принадлежности, старостой которой онъ и былъ назначенъ, чѣмъ Владимиръ отблагодарилъ и отмѣтилъ услугу корсунянина.

Прошло двадцать-семь лѣтъ со времени завоеванія Херсонеса и крещенія Владимира. «И боляше (онъ) велми, въ ней же болѣсти и скончаясь мѣсяца іуля въ 15 день (1015 г.). Умре же на Берестовѣмъ и потаиша. Ночью же межу двѣму клѣтми проимавше помость¹⁾, обергѣвшіи въ коверъ и ужи²⁾ свѣсиша на землю; възложише и на сани³⁾, везъши поставиша въ святѣй Богородици, юже бѣ создалъ самъ. Се же увѣдѣвшіе людѣ, безчисла снidoшася и плакашася по немъ, боляре аки заступника ихъ земли, убозии аки заступника и кормителя; и вложиша и въ корсту мороморяну⁴⁾, сханиша тѣло его съ плачемъ, блаженаго князя. Се есть новый Костянтинъ великаго Рима, иже крестися самъ и люди своя. Дивно же есть се, колико добра створилъ земль Русьстѣй, крестивъ ю. Мы же хрестьяне суще, не воздаемъ почестя противу онаго возданья⁵⁾. Аще бы онъ не крестиль бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, яко же и прародители наши погинуша».

Такъ закончилъ свои дни первый русскій завоеватель и властелинъ Херсонеса, горячо любимый народомъ, ласковый князь Владимиръ Красное Солнышко, признанный нашей церковью Равноапостольнымъ и причисленный къ лицу святыхъ. День его ангела празднуется въ день его кончины 15-го іуля, когда bla-

¹⁾ Разобравъ стѣну между покоями. ²⁾ Веревки.

³⁾ Въ то время покойниковъ возили на саняхъ даже лѣтомъ.

⁴⁾ Мраморная гробница.

⁵⁾ Мы же не сумѣли воздать почестей, которыя онъ заслужилъ.

годарные потомки совершают крестный ходъ изъ Севастополя въ Херсонесъ.

Владиміръ въ крещеніи былъ названъ Василіемъ, въ честь императора Византії, но любившій его народъ удержалъ за нимъ его прозваніе и языческое имя, а церковь санкціонировала его.

Черезъ четыре года окончила свои дни и супруга Владимира, княгиня Анна.

Умеръ Владиміръ, но осталось жить его великое наслѣдіе. «Религія объединила русскихъ и грековъ,—говорить Кулаковский,—и культурное воздействиe Корсуня на Приднѣпровье (а чрезъ него на всю Русь) стало болѣе живымъ и непосредственнымъ. Изъ Херсонеса шли въ Россію предметы христіанского культа и разнаго рода издѣлія изъ драгоценныхъ металловъ, предметы роскоши и украшенія. Археологическія находки, сдѣланныя не только на территории Кієва и Кіевской земли, но и далекаго Новгорода, Рязани и другихъ мѣстъ, ясно говорятъ о торговомъ значеніи Херсонеса для Руси тѣхъ временъ». И такихъ предметовъ церковной и свѣтской утвари,—говорить проф. Кондаковъ,—вывозилась изъ Херсонеса масса. Они даже создали въ древности название стиля или пошиба корсунскаго. «И подъ этимъ именемъ въ древней Руси разумѣли не только все рѣдкое, высокое, но и чудное старинное».

Владиміръ хотя и возвратилъ византійскимъ императорамъ Херсонесъ, но не порывалъ связей съ богатой Таурикіей, на которую, очевидно, имѣлъ большие виды. Съ этой цѣлью онъ старался насколько возможно ослабить вліяніе хозаръ, которые опять начали властвовать здѣсь, послѣ того какъ печенѣги, нѣсколько разъ нападавшіе на Русь въ княженіе Владимира, передвинулись далѣе на западъ, къ берегамъ Дуная.

По византійскимъ источникамъ, Владиміръ въ послѣдній годъ своей жизни согласился съ византійскими императорами предпринять совмѣстный походъ противъ хозаръ. Походъ этотъ состоялся, хотя и не занесенъ въ русскую лѣтопись, причемъ хозары были разбиты, и въ первомъ сраженіи былъ взятъ въ плѣнъ ихъ предводитель, по имени Цулъ.

«Упоминаніе объ этомъ событии слишкомъ кратко,—говорить Кулаковский,—но рѣчь идетъ о морскомъ походѣ (*стѣлос*), а потому и можно догадываться, что театромъ военныхъ дѣйствій было побережье Азовскаго моря». Можно думать, что въ связи съ этимъ стоитъ тотъ фактъ, что Владиміръ послѣ своей смерти оставилъ своему младшему сыну Мстиславу Тмутараканскій

удѣлъ, т. е. нынѣшній Таманскій полуостровъ, который въ теченіе иѣсколькихъ лѣтъ былъ подъ властью хозарь. Съ утвержденіемъ русскаго князя въ Тмутаракані, надо полагать, и Херсонесъ освобождается отъ опеки хозарь¹⁾.

XXV.

Паденіе города. Прекращеніе чеканки собственныхъ монетъ. Имперія предсталяетъ его собственной судьбѣ. Половцы-куманы—сосѣди. Херсонесъ—рынокъ для невольниковъ. Раздоры при византійскомъ дворѣ и значеніе ихъ для города. Надпись о сооруженіи воротъ. Херсонесский правитель отправляетъ кн.

Ростислава. Херсонесцы убиваютъ правителя. Самостоятельность города.

Возвращенный Византію Владиміромъ Херсонесъ, исполнивъ великую роль въ исторіи земли Русской, ослабленный постоянными нападеніями и разрушеніями, мало-по-малу сходитъ съ исторической сцены. Свѣдѣнія о немъ попадаются все рѣже, и они становятся и скучны и смутны. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ къ концу и долговременное царствованіе энергичнаго Василія II. Въ концѣ 1025 г. онъ скончался и передалъ правление своему разгульному брату Константину IX, который до этого

1) Приблизительно къ этому времени относятся такъ называемыя „Записки готскаго топарха“, которыя сохранились въ отрывкахъ, писанныхъ на пустыхъ страницахъ сборника духовнаго содержанія, найденнаго въ парижской библіотекѣ. Писалъ ихъ какой то имперскій правитель, защищавшій какой-то городъ отъ варваровъ. По мнѣнію Кенс и Газе, рѣчь идетъ именно о Херсонесѣ. Газе, основываясь на почеркѣ оригинала отрывковъ, относить ихъ къ концу X или началу XI в., т. е. ко времени Василія II, Владимира и кагана Цула, и считаетъ авторомъ отрывковъ правителя византійскихъ владѣній въ Тавридѣ. Авторъ говорить, что варвары эти были сначала кроткими и справедливыми, что и побудило жителей страны признать ихъ власть надъ собой; но затѣмъ обращеніе ихъ съ покоренной областью перемѣнилось, и они не только не заботились о благоустройствѣ подчинившихся имъ городовъ, но даже задумали раззорить ихъ. Началось угнетеніе и преслѣдованіе, а за ними послѣдовала и настоящая война. Непріятель съ сильнымъ войскомъ вторгся въ его область въ надеждѣ овладѣть плохо защищенными полуразрушенными стѣнами городомъ. Къ счастію, осада не удалась, и непріятель удалился съ большимъ урономъ. Пользуясь этимъ, правитель распорядился восстановить древнія стѣны, приказалъ готовиться къ войнѣ и разослалъ по области гонцовъ за знатнѣйшими жителями, чтобы посовѣтоваться, что дѣлать, чьей подчиниться власти и на какихъ условіяхъ. И они—потому, что покровительство императора не приносило никакой пользы, а отчасти потому, что приняли уже обычай и образъ жизни окружающихъ варваровъ и желали управляться, какъ имъ угодно, и, наконецъ, потому, что земля ихъ граничила съ землями царя, господствующаго на югъ отъ Дуная, сильного войскомъ и храбростью, съ которымъ не ровнялись ни образомъ жизни, ни нравами,—рѣшили подчиниться

не принималъ почти никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ и теперь не интересовался ими, и негодующе византійцы видѣли, что государственная казна служить только для мотовства гуляки, казалось, призванного уничтожать колоссальныя созданія своего брата. Къ счастію для имперіи, онъ только тремя годами пережилъ Василія II.

Въ Херсонесѣ память о царствовавшихъ братьяхъ осталась въ видѣ мѣдныхъ монетъ съ монограммами императоровъ. Монеты эти выбивались специально для Херсонеса, а послѣ этого царствованія чеканка монетъ для Херсонеса прекращается разъ навсегда, что гр. Бобринскій объясняетъ, и неосновательно, взятиемъ города Владиміромъ. Въ самомъ дѣлѣ, для этого должна быть болѣе серьезная причина, чѣмъ кратковременный захватъ города, возвращенного имперіи, и ее надо искать въ экономическихъ условіяхъ города, видимо начинавшаго падать.

Мурзакевичъ и другіе на томъ основаніи, что серебряныя монеты этого периода не находятся или, вѣрнѣе, почти не находятся въ раскопкахъ, полагаютъ, что въ Херсонесѣ отливалась исключительно мѣдная монета, и объясняютъ это наступившей бѣдностью города. Что въ римскій и византійскій періоды Хер-

сего власти на извѣстныхъ условіяхъ и уже поручили автору принять на себя ходатайство. Онъ отправился къ царю и, окончивъ успѣшно переговоры, былъ назначенъ опять начальникомъ Климатовъ и правителемъ всей области. Въ послѣднемъ отрывкѣ говорится о трудной переправѣ посольства зимой черезъ Днѣпръ и о намѣреніи поскорѣе доѣхать въ крѣпость Маврокастронъ.

Однако акад. Куникъ и Васильевскій полагаютъ, что рѣчь здѣсь идетъ не о Херсонесѣ, а о какомъ-то городѣ на среднемъ течениі Дуная, и события относятъ ко временамъ завоеванія Болгаріи Святославомъ, а П. Н. Милюковъ относитъ эти события къ еще болѣе отдаленному времени 893—913 гг.

Такая неопределленность не позволила намъ говорить объ этихъ „Запискахъ“ въ текстѣ и заставила вынести ихъ въ примѣчанія. Во всякомъ случаѣ, если приведенный разсказъ относится къ Херсонесу и именно ко временамъ Владимира, на что имѣются кое-какія основанія, то надо думать, что Херсонесъ, равно какъ и вся южная часть Крыма съ тамошними поселеніями и городами, извѣстная подъ названіемъ Климатовъ, были оставлены въ то время византійскими императорами на произволъ судьбы и принуждены искать защиты какого-то могущественнаго сѣвернаго царя противъ варваровъ, власть которыхъ они признавали прежде.

Въ началѣ „Записокъ“ до нѣкоторой степени разъясняются даже причины притѣсненій и нападеній варваровъ на подвластныя колоніи. Тамъ авторъ ихъ говоритъ: „Нужно сказать правду, мы отложились отъ варваровъ изъ боязни, чтобы они не напали на насъ первые,—и постановили сопротивляться до послѣдней крайности“. Понятно, что варвары не могли относиться равнодушно къ подобному факту.

Подробности въ Зап. Од. Общ. Истор. и Древн. Т. XIV.

снести не чеканилъ не только золотой, но и серебряной монеты, это, говоритъ Косцюшко, безспорный фактъ, но причина его не бѣдность, а иныя условія. Однако рѣдкость находокъ серебряныхъ и особенно золотыхъ монетъ можно объяснить и тѣмъ, что жители при разгромахъ и выселеніяхъ забирали съ собой цѣнное серебро и золото и небрежно обращались съ дешевой мѣдью.

Константина IX, послѣдняго представителя македонской династіи, смѣнилъ на короткое время (1028—1034) престарѣлый, но высокообразованный патрицій Романъ III Аргиръ, живившійся, по волѣ императора, на его 48 лѣтней дочери Зоѣ, красивой и величественной, какъ и всѣ потомки Іеофано, но, какъ и мать, хорошо извѣстной столицѣ своей грубо-чувственной натурой¹⁾.

Черезъ два дня послѣ смерти Константина супругъ Зои взялъ въ свои руки бразды правленія, «и вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ Герцбергъ, наступилъ почти тридцатилѣтній періодъ, когда династія была предоставлена только женщинамъ и когда въ придворной жизни ежеминутно сказывались всѣ послѣдствія женского правленія: интриги, капризная личная политика, фаворитизмъ и, по старому византійскому обыкновенію, постоянные заговоры. Однако, благодаря колоссальной работѣ Василія II, Византія, на границахъ которой постепенно нагромождались мрачныя тучи, могла еще довольно продолжительное время сохранять свое грандіозное внѣшнее положеніе». При такихъ условіяхъ дворцовая интриги и заговоры отвлекаютъ вниманіе правителей отъ далекихъ провинцій. Имъ не до того; они уже не обращаютъ вниманія на Херсонесъ и его фему. Въ тяжелыя минуты городъ предоставленъ себѣ, самъ долженъ былъ позаботиться о себѣ и самозащитѣ, и каждую минуту легко могло повториться то, о чемъ говорилось въ «Запискахъ топарха».

Въ кратковременное царствованіе Романа III опять «совершилось большое передвиженіе кочевыхъ ордъ тюркского племени въ степяхъ черноморского побережья. Печенѣги, съ которыми успѣли сложиться опредѣленныя отношенія у населенія Херсонеса, передвинулись на западъ и перешли всей массой за Дунай въ предѣлы Болгаріи, которая послѣ Василія II составляла единое цѣлое съ имперіей. Появленіе здѣсь печенѣговъ и созданная ими опасность для имперіи повліяла на ходъ событий мірового значенія: начало первого крестового похода.

¹⁾ Константинъ не имѣлъ сыновей.

Въ черноморскихъ степяхъ печенѣговъ смѣнили враждова-
вшіе съ ними ихъ сородичи—половцы, извѣстные у западныхъ
историковъ подъ именемъ кумановъ. Они остались въ обладаніи
занятой ими территоріи въ теченіе столѣтія, до появленія на
ихъ мѣсто татаръ. Смѣна кочевниковъ, повидимому, не отрази-
лась на положеніи Херсонеса и другихъ поморскихъ культур-
ныхъ мѣстностей. «Половцы пользовались Корсунемъ, какъ рын-
комъ для сбыта невольниковъ и сырыхъ продуктовъ своего хо-
зяйства и пріобрѣтенія тѣнъ издѣлій и продуктовъ, которыми
ихъ могъ снабдить культурный центръ, имѣвшій достаточно време-
ни, чтобы приспособиться къ потребностямъ и вкусамъ коче-
вого населенія» (Кулаковскій).

Въ 1034 г. скончался Романъ съ явными признаками от-
равленія медленнымъ ядомъ, и неутѣшная царственная вдова
поторопилась сдѣлать своимъ мужемъ молодого камердинера по-
койного Романа, юношу рѣдкой красоты, симпатичнаго и отли-
чавшагося рѣдкой граціей. То былъ пафлагонецъ Михаилъ IV,
страдавшій эпилепсіей (падучей)¹⁾. Онъ безъ труда утвердился
на престолѣ и далъ поводъ разсказывать самыя пикантныя исто-
ріи по поводу своихъ отношеній къ своей недавней невѣстѣ,
которая, взобравшись на прародительскій престолъ, устроила
себѣ дворъ, гдѣ самымъ фантастическимъ образомъ люди низ-
каго происхожденія возвышались до блистательного положенія.
Такъ, первымъ министромъ былъ назначенъ братъ Михаила,
евнухъ Іоаннъ, также бывшій слуга Романа. Другой его братъ
Константинъ, тоже евнухъ, занялъ должность главнокомандую-
щаго (великаго доместика); мужъ его сестры—Стефанъ, бывшій
простымъ баркасникомъ, получилъ командованіе флотомъ. Какъ
видите, хорошая компанія правителей. Изъ нея Зоя, не имѣв-
шая дѣтей, выбрала и наслѣдника престола, а именно сына
баркасника Михаила, и дала ему званіе кесаря, которому шю-
кированная византійская аристократія не преминула дать на-
смѣшилово прозвище Калафата, т. е. конопатчика, намекая этимъ
на ремесло его отца.

Въ концѣ 1041 г. скончался удалившійся передъ смертью
въ монастырь Михаилъ IV, камердинеръ,—такъ назовемъ его въ
отличіе отъ другихъ византійскихъ Михаиловъ,—и Зоя взяла было
правленіе въ свои руки; но, ощущивъ всю тяжесть его и замѣ-
тивъ антипатію истомленныхъ дворцовыми раздорами византій-
цевъ къ женскому режиму, поторопилась передать власть при-

¹⁾ Пафлагонія—въ Малой Азіи, на берегу Чернаго моря; бывшее владѣ-
ніе Митридата.

готовленному ею же кесарю—Михаилу V Калафату. Энергичный и, какъ говорятьъ, даровитый кесарь, тяготясь опекой Зои, не постынялся съ своей благодѣтельницей и принудилъ старую царицу удалиться въ монастырь. Возмущенная черной неблагодарностью высокочки, столичная чернь устроила цѣлую революцію, ворвалась во дворецъ, ослѣпила Михаила, который проносилъ царскій вѣнецъ всего 125 дней и закончилъ свои дни по примѣру дяди въ монастырѣ, и правительницами провозгласили обѣихъ сестеръ, Феодору и Зою. Послѣдней, чтобы вырвать бразды правленія изъ рукъ сестры, пришло на умъ, несмотря на свои 62 года, вступить въ новый бракъ. На этотъ разъ Зоя остановилась на своемъ прежнемъ обожателѣ и дальнемъ родственникѣ царскаго дома—Константинѣ Мономахѣ IX, который до этого, благодаря Михаилу V, находился въ изгнаніи. Константинъ IX, конечно, принялъ предложеніе и вмѣстѣ съ брачнымъ надѣль на себя и царскій вѣнецъ (1042—1054) и вмѣстѣ съ престарѣлой женой помѣстилъ во дворцѣ молодую красивую любовницу Склирену, внучку знаменитаго полководца Варды Слира. Старая Зоя скоро примирилась со своимъ положеніемъ, но народъ и дворъ негодовалъ, такъ какъ Константинъ высыпалъ на Склирену послѣдніе остатки казеннаго сундука, разграбленного его предшественниками.

Упоминая объ этихъ царяхъ и событияхъ, неимѣющихъ почти никакого отношенія къ Херсонесу, мы имѣемъ въ виду указанія, хотя и косвенные, въ какомъ положеніи находился тогда Херсонесъ.

Въ царствованіе Константина IX въ столицѣ имперіи произошло событие величайшей исторической важности, а именно разрывъ между представителями церкви греческой и латинской, сильно отразившійся впослѣдствіи на судьбѣ Херсонеса.

Старый споръ о томъ, кто глава христіанской церкви: римскій папа или константинопольскій патріархъ, обострился въ это время до крайнихъ предѣловъ. Патріархомъ въ это время былъ гордый Михаилъ Керулларій, изъ свѣтскихъ, считавшій патріаршее достоинство выше царскаго, такъ какъ на патріархѣ де лежать заботы пещись о поступкахъ царя и всего народа. На папскомъ престолѣ въ это же время возсѣдалъ Левъ IX, серьезно считавшій себя наследникомъ св. Петра и обладателемъ всѣхъ привилегій, будто бы данныхъ Богомъ римской церкви, и даже обладателемъ несуществующаго ключа отъ рая. А тутъ еще обострялся споръ объ исхожденіи Духа Святого и отъ Сына

(известное a Patre Filioque) и о причащении однимъ тѣломъ Господнимъ (опрѣсноками).

Духовная атмосфера сгущалась, и готовилась большая гроза. Съ цѣлью отвратить ее и уладить церковные споры, Левъ отправилъ въ Константинополь большое посольство. Встрѣча и объясненіе представителей церквей произошли лѣтомъ 1054 г. въ св. Софіи. Представитель папы горячо доказывалъ римское главенство и отстаивалъ латинскія догмы, съ чѣмъ, конечно, не соглашался патріархъ. О взаимныхъ уступкахъ при такихъ условіяхъ говорить было трудно. Наконецъ, представитель папы не выдержалъ и въ заключеніе спора, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни присутствиемъ патріарха, самымъ оскорбительнымъ образомъ отлучилъ его отъ церкви и предалъ анафемѣ всякаго, кто приметъ причащеніе отъ грека, хулящаго латинскую безкровную жертву, и покинулъ столицу имперіи, отрясая прахъ ея отъ ногъ своихъ.

Такимъ образомъ, благодаря неуступчивости съ обѣихъ сторонъ, произошло раздѣленіе церквей.

Въ 1050 г. скончалась Зоя, черезъ четыре года послѣ нея Константина IX, и престолъ, при содѣйствіи сената и гвардіи, перешелъ къ послѣдней представительницѣ македонской династіи—Ѳеодорѣ, настоящей племянницѣ суроваго Василія Болгаробойцы, которая еще до вступленія на престолъ настояла, чтобы ослѣпили ея старого врага, сосланнаго ministra Іоанна (брата Михаила V), а, украсившись царской діадемой, почти такъ же сурово поступала съ тѣми, кого считала своими врагами. И эти расправы производились безнаказанно и опять таки опираясь на ту-же гвардію, среди которой со временемъ Василія II преобладали русскіе¹⁾.

Окруживъ себя, по обычаю своихъ предшественниковъ, евнухами, которымъ и роздала главныя должности и которыхъ ненавидѣла константинопольская аристократія, Ѣеодора, опираясь на ту-же силу, удалила съ дороги дѣльного генерала Isaака Комнена, командовавшаго въ то время большой арміей на востокѣ, и, за отсутствіемъ другихъ наследниковъ, большого кан-

¹⁾ По изслѣдованию акад. Васильевскаго (Варяго-русская и варяго-англійская дружины въ Константинополь XI и XII вв.), преобладающимъ элементомъ тѣлохранителей и почетной стражи до Алексія I Комнена (1081 г.) были русскіе, попавши сюда въ большомъ числѣ при Василіи II, при усмирѣніи Варды Фоки и послѣ крещенія Владимира съ наемнымъ 6-ти тысячнымъ отрядомъ, который былъ посланъ Владиміромъ своему зятю. При Алексіи Комненѣ русскихъ смѣнили англичане и датчане. Очевидно, византійскіе монархи своимъ не довѣряли.

дидата на расшатанный византійскій тронъ, замѣнила Комнена какимъ-то евнухомъ, и преемникомъ себѣ 76-лѣтняя царица назначила старого сенатора Михаила (VI) Стратіотика. Но онъ продержался менѣе года, и попираемая аристократическая партія, получившая въ это время силу, возвела на тронъ оскорблennаго не по заслугамъ Исаака Комнена (1057—1059).

Въ этотъ періодъ жаркихъ церковныхъ споровъ, дворцовыхъ смутъ и интригъ и постоянной опасности, грозившей имперіи съ востока со стороны турокъ сельджуковъ, могли ли византійцы думать о Херсонесѣ? Конечно, нѣтъ. И дѣйствительно, за этотъ періодъ ни одинъ византійскій историкъ, ни одинъ лѣтописецъ не обмолвился и словомъ о Херсонесѣ, а записи херсонесскихъ лѣтописцевъ,—они, надо полагать, были,—не дошли до наст. И въ Херсонесѣ не осталось никакихъ слѣдовъ, и пока не нашлось ни одной монеты правителей послѣ Василія II и Константина VIII и вплоть до наслѣдника Исаака Комнена—Константина X (1059—1067), по прозванию Дука.

Къ царствованію Комнена относится одна интересная надпись, найденная въ 1895 г. съ наружной стороны городской стѣны. Надпись гласитъ: «Сооружены ворота желѣзныя преторскія, возобновлены и прочія ворота города при Исаакѣ Комненѣ, великому царю и самодержцу римскомъ (ромейскомъ), и Екатеринѣ¹), благочестивой Августѣ, заботами Льва Аліата, патриція и стратега херсонесскаго и сугдейскаго (Судака). Мѣсяца апраля, индикта 12, въ лѣто 6567» (т. е. 1059 г. по Р. Хр.).

Въ надписи уже раболѣпное величаніе правителя, который съ трудомъ взобрался на тронъ и едва держался на немъ, и присутствіе въ Херсонесѣ стратега (губернатора) ясно показываютъ, въ какомъ подчиненіи имперіи въ то время находился городъ.

Сооруженіе главныхъ (преторскихъ) воротъ изъ желѣза и ремонтъ всѣхъ прочихъ воротъ ясно говорятъ, что была необходимость оградить себя отъ окружавшихъ городскія владѣнія половцевъ, остатковъ печенѣговъ и хозаръ, а весьма вѣроятно и отъ покушений ставшихъ почти сосѣдями русскихъ, которые были такъ близко къ Сугдѣ, входившей въ херсонесскую фему. За это до нѣкоторой степени говорятъ свѣдѣнія, которыя отмѣчены нашимъ лѣтописцемъ подъ 1066 годомъ. Въ это время въ Тмутараканіи правилъ князь Ростиславъ Владимировичъ, внукъ Ярослава Мудраго, по словамъ лѣтописца, «мужъ добль, ратенъ,

¹⁾ Извѣстной въ свое время богачкѣ, дочери послѣдняго болгарскаго царя Владислава.

возрастомъ лѣпъ и красенъ лицемъ». Непріятный сосѣдъ съ такими качествами. И вотъ, «Ростиславу сущу Тмутаракані и емлющю дань у Косог¹⁾ и въ иныхъ странъ, сего же убоявшеся Греци, послаша съ лѣстю катапана²⁾; оному же пришедши къ Ростиславу и ввѣришюсю ему, чтишеть и³⁾ Ростиславъ. Единою же пьющу Ростиславу съ дружиною своею, рече катапанъ: «Княже! хощю на тя пити!» Оному же рекли: «Пій». Онъ же, испивъ половину, а половину дастъ князю пити; дотиснувшись пальцемъ въ чашю, бѣ бо имъя подъ ногтемъ раствореное смертное, и вдасть князю, урекъ⁴⁾ смерть до дне семаго. Оному же испивши, катапанъ же пришедъ Корсуню повѣдаше, яко въ сій день умреть Ростиславъ; яко же и бысть. Сего же катапана побиша каменьемъ Корсуньстіи людье».

Выходитъ такимъ образомъ, что корсунскій правитель (катапанъ), въ которомъ Латышевъ подозрѣваетъ помянутаго Льва Аліата, отправился къ храброму и воинственному Ростиславу, втерся въ его довѣrie и на пирушки предложилъ Ростиславу распить съ нимъ дружескую чашу вина, которую предательски пригубилъ и въ которую незамѣтно изъ подъ ногтя подсыпалъ «раствореное смертное», послѣ чего катапанъ имѣлъ дерзость говорить, что князь въ такой-то срокъ умретъ. Т. е. византійскій ставленникъ примѣнилъ тотъ возмутительный способъ избавленія отъ опасныхъ людей, какой съ такимъ успѣхомъ и такъ часто примѣнялся при дворѣ. И кромѣ того, возвратившись съ пира, катапанъ имѣлъ дерзость говорить, что князь въ такой-то срокъ окончитъ свои дни. Это и случилось. Корсуняне, среди которыхъ навѣрно было не мало русскихъ, конечно, знали виновника и побили катапана камнями. Отсюда ясно, что горожане не только не были прикосновены къ смерти русского князя, но даже очень и очень симпатизировали ему, разъ рѣшились поступить такъ съ убийцей, несомнѣнно инсипирированнымъ изъ Царьграда, гдѣ такъ боялись усиленія русскаго вліянія въ богатой Тавридѣ.

Поступокъ корсунянъ показываетъ также, что въ это время городъ не боялся ни власти императора, ни его двора, съ которыми готовъ былъ порвать всякия офиціальные связи. Послѣ этого не слышно о херсонесскомъ намѣстникѣ Византіи, и, повидимому, Херсонесъ избавляется отъ полицейской зависимости отъ имперіи и становится вполнѣ самостоятельнымъ.

¹⁾ Сосѣдній народецъ тюркскаго племени.

²⁾ Правитель, но не „ капитанъ “, какъ думаетъ гр. Бобринскій.

³⁾ Почтилъ его. ⁴⁾ Предсказалъ.

Вскорѣ однако корсуняне поплатились за свое самовластіе и самостоятельность. Византія, по отпаденіи Херсонеса, совершенно перестала интересоваться его дѣлами.

XXVI.

Появленіе генуэзцевъ. Дальнѣйшее паденіе торговли города. Жалобы имп. Михаилу VIII. Возстаніе. Кн. Всеяловодъ усмиряетъ корсунянъ. Херсонесцы захватываются и грабятъ русскія суда. Сылка въ Херсонесъ самозванца Константина. Месть русскихъ князей за ограбленіе кораблей. Миръ съ князьями. Преп. Евстаѳій и его мученія „жидовиномъ“. Ереи въ Херсонесѣ. Арабскій географъ Эдризи о городѣ. Упадокъ города.

Въ это самое время на политическомъ и торговомъ горизонте стали выдвигаться итальянцы, собственно—генуэзы. Они легко получили разрѣшеніе византійскаго императора плавать и торговатъ на Черномъ морѣ. А это въ корень подрывало торговлю, а слѣдовательно и благосостояніе Херсонеса, все еще державшаго главныя нити торговли въ своихъ рукахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ стала рости и богатѣть Судакъ (Судакъ). Корсуняне возстали и обратились съ жалобами къ бездарному наследнику Константина Дуки—Михаилу VII (1071—1078), отдавшему туркамъ большую часть Малой Азіи и потерявшему владѣнія имперіи въ южной Италіи.

Михаиль VII, хорошо извѣстный въ исторіи по столь необычному для правящей фамиліи прозвищу Парапинака, т. е. «мопениника»¹⁾, повидимому не обратилъ вниманія на жалобы корсунянъ и не принималъ мѣръ къ защите интересовъ города. Это вызвало цѣлую бурю. Корсуняне возмущались и, вѣроятно, позволили себѣ насилия надъ византійцами,—судя по тому, что Михаиль, занятый неудачной войной съ сосѣдями, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи русскаго великаго князя Всеялова и просилъ его послать отрядъ для усмиренія корсунянъ.

Русскому князю, искавшему усиленія своего вліянія въ Тавридѣ, это было на руку, и онъ послалъ въ Корсунь отрядъ подъ командой своихъ сыновей, тмутараканскаго князя Глѣба и Владимира, тогда еще 20-ти-лѣтнаго юноши, отличавшагося ко-

¹⁾ Дословно—„воръ четвертой части“. Прозванъ такъ за то, что во время голода издалъ приказъ покупать хлѣбъ только изъ кесарскихъ житницъ, гдѣ, съ согласія императора и первого министра Никифорица, голодающимъ отпускалось только три-четверти того, что они должны были получить за свои деньги.

лоссальной силой. Сохранилось преданіе о побѣдоносной борьбѣ этого Владимира съ правителемъ Феодосіи (Кафы), за что русскій князь получилъ почетное прозваніе «единоборца»—Мономаха. Повидимому, Всеволодъ и самъ собирался направиться въ Херсонесъ, но сверженіе Михаила VII помѣшало этому.

Судя по тому, что русскій князь послѣ низверженія Михаила удалилъ изъ Херсонеса свой отрядъ, можно думать, что Никифоръ, смѣнившій Михаила, не питалъ особыхъ симпатій къ русскимъ, и ему не нравилось усиленіе ихъ въ Тавридѣ. Есть глухое указаніе, что въ царствованіе Никифора корсуняне отомстили русскимъ за усмиреніе ихъ при Михаилѣ тѣмъ, что захватили нѣсколько русскихъ судовъ.

Раздоры и дворцовая революція не прекращались во все царствованіе Никифора, который имѣлъ неосторожность, къ величайшему изумленію духовенства и всей столицы, вступить въ бракъ съ женой низверженаго, но здравствовавшаго Михаила VII, красавицей Маріей, дочерью грузинскаго царя, женщиной рѣдкаго по своему времени образованія; она согласилась на этотъ незаконный бракъ, въ надеждѣ передать престолъ своему малолѣтнему сыну отъ Михаила. Но Никифоръ назначилъ преемникомъ другого. Тогда оскорблennая Марія, видя невозможность устроить такое наслѣдство для сына, перешла на сторону недовольной Никифоромъ партии, во главѣ которой сталъ извѣстный богачъ и командующій войсками въ Малой Азіи Алексѣй Комnenъ, и сама содѣйствовала возведенію его на престолъ. Уже 1-го апрѣля 1081 г. Никифоръ долженъ былъ спасать свою жизнь въ св. Софіи, гдѣ на другой же день былъ коронованъ Алексѣй I Комnenъ (1081—1118). «Въ первый разъ, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, — говоритъ Герцбергъ, — опять взялъ въ руки бразды правленія великій человѣкъ и началъ трудную задачу: возстановить разрушившееся государство. Положеніе Византіи въ это время было критическимъ, и она была на краю гибели. Малая Азія была во власти бунтовщиковъ и турокъ; со стороны Италіи постоянно грозили норманны; и если исключить острова, то владѣнія Алексѣя ограничивались побережной полосой Малой Азіи и Балканскимъ полуостровомъ. Дисциплина въ народѣ и арміи была глубоко потрясена, администрація де-зорганизована, связь областей съ центромъ ослабѣла, а на окраинахъ даже утрачена. И новый кесарь принялъ все приводить въ порядокъ съ гигантской энергией».

Въ 1094 г. въ Херсонесъ былъ сосланъ самозванецъ, выдававшій себя за Константина, сына несчастнаго императора

Романа Діогена. Самозванець вступилъ здѣсь въ сношенія съ половцами и бѣжалъ къ нимъ. Половецкіе князья повѣрили самозванцу и задумали посадить его на отчій престолъ. Въ 1095 г. они предприняли большой походъ за Дунай, перешли его и осадили Адріанополь. Однако походъ окончился неудачно для самозванца: онъ попалъ въ плѣнъ, былъ ослѣпленъ и этимъ закончилъ свою авантюру.

Въ томъ же году, по разсказу, къ которому иные относятся съ недовѣріемъ, въ отмѣстку за ограбленіе русскихъ судовъ въ предыдущее царствованіе, русскіе князья: Владіміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ и Ярославъ Ярополковичъ совершили походъ на Херсонесъ, пригласивъ съ собою хозаръ. При Кафѣ (Феодосії) русскіе одержали побѣду, и Херсонесъ будто бы заключилъ миръ, обязавшись возвратить корабли и уплатить военные издержки. Надо думать, что какое-то столкновеніе русскихъ съ корсунянами въ это время дѣйствительно было, но трудно себѣ представить, чтобы все это разыгралось подъ стѣнами Кафы, а не Херсонеса.

Гр. Бобринскій, основываясь на словахъ древняго сказания (1096 г.): «Нашедшимъ измалтяномъ на греческую область отъ Корсуня поля наченше даже и до Антіохія», полагаетъ, что половцы завладѣли въ это время Херсонесомъ. Однако отъ голаго утвержденія факта о массовомъ появлениі половцевъ на громадномъ пространствѣ до взятія ими приморского города еще далеко. Но, несомнѣнно, у половцевъ былъ живой обмѣнъ съ Херсонесомъ, и онъ, между прочимъ, служилъ рабовладѣльческимъ рынкомъ половцевъ, на который попадали и русскіе плѣнники. Такъ въ Печерскомъ патерикѣ подъ 1096 г. разсказывается, что въ Херсонесъ въ числѣ другихъ былъ приведенъ преподобный Евстратій, который попалъ сюда въ качествѣ плѣннаго, захваченаго половецкимъ ханомъ Бонякомъ въ Кіевѣ въ Печерской обители. Евстратія въ Херсонесѣ вмѣстѣ со многими другими продали въ рабство «жидовину». «Бѣ же ихъ числомъ 50, а отъ монастырскія чледи 30, отъ Кіева 20». «Жидъ» убѣждалъ плѣнниковъ отречься отъ Христа, и когда они отказались, то мучилъ ихъ голодомъ... По договору Евстратія, плѣнники уморили себя голодомъ за Христа, но привычный къ посту преподобный печеніскій не умеръ и былъ подвергнутъ владѣльцемъ мучительной смерти чрезъ распятіе, какъ виновникъ убытка, который понесъ еврейскій торговецъ невольниками.

Судя по словамъ житія: «и тоу соуща жиды, иже оземствоваше въ Корсунѣ», ясно, что уже въ то отдаленное время евреи

свили себѣ здѣсь прочное и большое гнѣздо. И надо полагать, что торговля русскими плѣнниками, начавшаяся при половецкихъ ханахъ и сильно развившаяся въ татарскій періодъ, составляла главное занятіе вѣчныхъ торговцовъ, занимавшихся живымъ товаромъ и здѣсь.

Въ то время, какъ Херсонесъ находился подъ болѣшимъ давленіемъ половцевъ, Алексѣя Комнена тѣснили турки и особенно норманны. Противъ послѣднихъ Алексѣй сумѣлъ пріобрѣсть дѣятельную помощь быстро крѣпшаго и завоевывавшаго многіе рынки венецианскаго флота. Помимо своей цвѣтущей торговли съ Византіей и Западомъ, венецианцы стремились развить коммерческія сношенія съ мусульманскими странами и Востокомъ настолько, насколько это было возможно безъ прямого столкновенія съ имперіей. И херсонесцы, благодаря свободѣ плаванія венецианцевъ по Черному морю, скоро почувствовали на себѣ тяжелую руку венецианскихъ купцовъ, которые не считали Херсонесъ достаточно удобнымъ для нихъ портомъ и тяготѣли къ болѣе близкимъ къ востоку—къ Судаку и Феодосії. Опираясь на венецианскій флотъ, за отсутствиемъ надежнаго собственнаго, Алексѣй Комненъ къ концу своего труднаго 37-лѣтняго царствованія (ум. 15 августа 1118 г.), расширилъ свои сѣверныя границы до Дуная и вновь пріобрѣлъ всѣ побережья Малой Азіи и укрѣпилъ ихъ. Умирая, Алексѣй Комненъ передалъ престолъ сыну своему Іоанну II (1118—1143), который нанесъ большое пораженіе половцамъ, послѣ чего Херсонесъ если и не освободился окончательно отъ опаснаго и тяжелаго сосѣдства, то во всякомъ случаѣ оно стало болѣе легкимъ и безопаснымъ.

Далѣе свѣдѣнія о Херсонесѣ становятся еще рѣже, отрывочнѣе и неопределеннѣе.

Въ царствованіе богато одареннаго физически и нравствен-но сына Іоанна II, Мануила I (1143—1180), вспоминаетъ о Херсонесѣ (Карсунѣ) арабскій географъ Эдризи, посѣтившій Тавриду около 1150 года. Вотъ что пишеть онъ: «Отъ Карсуны до Джалиты, въ странѣ кумановъ, 30 миль, отъ Джалиты до Гарзуни, цвѣтущаго приморскаго города, 12 миль, оттуда до Бартибита, небольшого, но хорошо населенного города, гдѣ строятся суда, 10 миль. Оттуда до Лабады, прекраснаго города, 8 миль, отъ Лабады до Шалусты, важнаго приморскаго города, 10 миль, оттуда до Шалтатіи близъ моря 20 миль, оттуда до Бутарь (или Ютарь) 20 миль, отъ Бутара до устья русской рѣки 20 миль, оттуда до Матархи 20 миль. Матарха весьма древній городъ, а

имя его основателя неизвестно». Страну, къ которой принадлежитъ это побережье, Эдризи называетъ Хазаріей, какъ называютъ ее въ этомъ и послѣдующемъ вѣкѣ итальянскіе, собственно генуэзскіе и венеціанскіе писатели, вспоминающіе о ней. Но надо знать, что Эдризи писалъ свои записки среди итальянцевъ въ Сицилії.

Эта маленькая замѣтка арабскаго географа, вспоминающая о Херсонесѣ только однимъ словомъ, въ сущности говоритъ гораздо больше. Но прежде намъ надо разобраться въ названіяхъ городовъ, которыхъ уже значительно измѣнены арабскимъ произношеніемъ и еще труднѣе поддаются нашей транскрипції вслѣдствіе трудностей чтенія арабскихъ рукописей, почти не примѣняющихъ и не изображающихъ гласныхъ. Поэтому одни читаютъ Карсуну, другіе — Керсона, одни читаютъ Бутарь, другие — Бутерь, Бутра, Ютаръ, Шалтатія и Солдадія и т. д.; благодаря этому, иногда нѣть возможности хотя приблизительно восстановить современное даже тому времени название города, а слѣдовательно и указать его мѣстоположеніе.

Какъ бы то ни было, но читатель уже по созвучію догадался, что подъ Джалитой, Гарзуни, Лабада, Шалуста, Шалтатія, Матарха... надо понимать — Ялта, Гурзуфъ, Ламбать, Алушта, Судакъ (итальянская Сольдайя), Тмутаракань (Таматарха). Подъ куманами, какъ мы уже знаемъ, понимаются половцы нашихъ лѣтописей, а подъ русской рѣкой Эдризи, очевидно, разумѣеться Керченскій проливъ, этотъ послѣ Днѣпра древнѣйшій выходъ русскихъ на просторъ Чернаго моря.

Теперь, если вникнуть въ текстъ Эдризи, то легко замѣтить, что онъ подчеркиваетъ особенности каждого изъ заслуживающихъ вниманія городовъ. Такъ, Гурзуфъ онъ называетъ «цвѣтущимъ приморскимъ городомъ», Ламбать — «прекраснымъ», Алушту — «важнымъ» и т. д., и ни звука о Херсонесѣ. Ясное дѣло, что Херсонесъ въ то время не обладалъ качествами ни цвѣтущаго, ни прекраснаго, ни важнаго города. И не мудрено: въ 1169 г. Мануиль, подъ давленіемъ тѣхъ же генуэзцевъ, венеціанцевъ и даже половцевъ, которыхъ какъ будто бы усмирилъ Иоаннъ II, спасая имперію, вынужденъ былъ разрѣшить Генуэзской республикѣ заходить во всѣ порты Чернаго моря, за исключеніемъ «Таматархи и Россіи»¹), вслѣдствіе чего рѣзко

¹⁾ Подъ Россіей проф. Кулаковскій понимаетъ здѣсь древній Боспоръ, русскій Корчевъ, т. е. Керчь. Отсюда ясно, что въ это время хозяевами недавней русской области были опять византійцы. „Такимъ образомъ, говоритъ Кулаковскій, почти столѣтнее господство русскихъ на берегахъ Боспорскаго

упала торговля, а, следовательно, и главный жизненный нервъ Херсонеса. Въ самомъ дѣлѣ, въ долгое царствование Мануила, по византійскимъ источникамъ, около 1170 года, половцы очень затрудняли движение купцовъ и каравановъ по уже известному намъ «греческому пути», соединявшему посредствомъ Днѣпра Россію и Византію съ Херсонесомъ. Со смертью Мануила (1180), съ которымъ опустили въ могилу послѣдній блескъ и призрачное величие Византіи, отпавшій Херсонесъ терялъ и послѣднія связи съ умиравшей имперіей.

Кратковременныя правленія послѣднихъ двухъ Комnenovъ: Алексія II (1180—1183) и свирѣпаго Андроника I (1183—1185) и первого изъ дома Ангеловъ Исаака II (1185—1195), который вступилъ на престолъ черезъ возмутительно изуродованный имъ еще при жизни трупъ послѣдняго Комнена, эти правленія, повторяемъ, ни одной черточкой не отмѣчены въ жизни Херсонеса.

Въ царствованіе слѣдующаго Ангела, Алексія III (1185—1203), сокращавшаяся и быстро клонившаяся къ упадку имперія заключила договоръ съ Венеціанской республикой, которымъ, между прочимъ, подтверждалось данное предшественникомъ разрѣшеніе венеціанцамъ посѣщать всѣ части имперіи, въ томъ числѣ и Provincia Cherronisi. Слѣдовательно, въ это время Византія опять распространила свои права на Херсонесъ.

Итальянцамъ дарованныя Византіей права казались недостаточными. Имъ хотѣлось большаго. «Мысль уничтожить въ конецъ Византійское царство—говорить Герцбергъ—уже носилась въ воздухѣ среди западныхъ народовъ, «папистовъ», ненавидѣвшихъ греческихъ «схициматиковъ», съ которыми было столько непріятныхъ столкновеній, начиная съ первого крестового похода (1096 г.). Генуэзцы и венеціанцы, еще такъ недавно невольно облагодѣтельствованные Византіей, первые же открываютъ противъ нея разрушительный походъ. Весной 1204 г., въ правленіе Алексія V, союзныя войска четвертаго крестового похода были уже въ окрестностяхъ Константинополя, угромъ 13-го апрѣля столица Византіи перешла въ руки франкскихъ завоевателей, а 16-го мая того же года торжественно коронованъ въ св. Софіи и возсѣль на престолъ Константина Вели-

пролива было только эпизодомъ въ жизни той области». Договоръ 1169 года является первымъ документальнымъ свидѣтельствомъ о распространеніи генуэзской торговли въ Тавридѣ. А запрещеніе генуэзцамъ захода въ указанные два порта Кулаковскій объясняетъ тѣмъ, что „главный торгъ рыбой шелъ изъ Азовскаго моря черезъ проливъ, и императоръ не желалъ предоставить эту важную часть вывоза генуэзскимъ купцамъ, сберегая ее для грековъ“.

каго маркграфъ фландрскій Балдуинъ, какъ глава учреждаемаго на развалинахъ Византійской имперіи феодального государства — Романію.

XXVII.

Херсонесъ во владѣніи трапезундскихъ Комненовъ. Опустошеніе города намѣстникомъ султана. Появленіе татаръ. Бѣгство купцовъ и богатыхъ людей. Генуэзцы задерживаютъ херсонесскія суда. Разграбленіе полчищами Ногая. Таврида именуется Крымомъ. Генуэзцы и венецианцы захватываютъ всю торговлю. Татары — хозяева. Турки жгутъ и грабятъ. Генуэзцы захватываютъ городъ и запрещаютъ въездъ въ него грекамъ. Имя города извращается. Генуэзскій консулъ предлагаетъ окончательно разрушить стѣны и башни города. Паденіе Константиноополя и переходъ Херсонеса во владѣніе Оттоманской имперіи.

Завоеваніе Византіи нанесло смертельный ударъ и Херсонесу, такъ какъ всѣ берега Чернаго моря свободно открылись для торговыхъ оборотовъ итальянскихъ республикъ, которыхъ уже не были связаны никакими обязательствами.

Ставъ вполнѣ независимымъ, Херсонесъ, всегда такъ упорно оберегавшій свою индивидуальность, вскорѣ послѣ паденія Византіи вошелъ, и, надо думать, безъ принужденія, въ удѣлъ трапезундскихъ Комненовъ.

Послѣдніе потомки Комненовъ, собственно внуки свирѣпаго Андроника, трагически погибшаго отъ руки Исаака Ангела, — Алексѣй и Давидъ, — при содѣйствіи и помощи знаменитой грузинской царицы Тамары, дальней ихъ родственницы, основали на сѣверныхъ берегахъ Малой Азіи новое царство. Мѣстные греческія войска, а частью и бѣжавшія изъ Византіи, признали царемъ 22-лѣтняго Алексѣя, и онъ началъ править при содѣйствіи брата, избравъ своей столицей Трапезундъ. Этого-то Алексѣя признали своимъ царемъ и таврические греки съ Херсонесомъ во главѣ.

Однако покровительство трапезундскаго Комнена не спасло Херсонесъ отъ дальнѣйшаго паденія. До насъ дошелъ одинъ агиографический памятникъ, а именно слово Лазаря Трапезундскаго о чудесахъ св. Евгенія. Здѣсь, между прочимъ, разсказывается, какъ однажды изъ Тавриды шель греческій корабль съ начальствомъ, которое веало ежегодную дань трапезундскому царю отъ Херсонеса и Готскихъ Климатовъ. Буря вмѣсто Трапезунда занесла судно въ Синопъ; здѣсь его захватилъ въ плѣнъ намѣстникъ султана, Рейсъ Гетумъ. Богатая сравнительно добыча прельстила султана, и онъ распорядился послать отдель-

ный отрядъ пограбить Херсонесъ и ближайшія владѣнія... Гетумъ добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе: совершенно опустошилъ Херсонесскую область и съ награбленной добычей возвратился въ Синопъ.

Съ этого времени начинается, можно сказать, систематическое разграбление и разрушение Херсонеса, и послѣдующая история города—одна его мартирология.

Не успѣли Херсонесцы оправиться отъ погрома турокъ, какъ съ сѣвера появились полчища татаръ¹⁾. Они настолько тѣснили городъ, что трапезундскій намѣстникъ счелъ невозможнымъ долѣе оставаться въ городѣ и долженъ былъ покинуть Херсонесъ. Мало помогали ему и его ближайшіе соѣдни—аланы²⁾, которые, по словамъ современника, еп. Феодора, «жили по близости отъ Херсона столько же по своей волѣ, сколько и по желанію херсонесцевъ, какъ нѣкое огражденіе и охрана».

Но противъ сильныхъ татаръ аланы были плохой охраной, особенно послѣ того, какъ татары разбили въ 1224 г. русскихъ и половцевъ при р. Калкѣ и почуяли въ себѣ великую силу. Забравшись въ Тавриду, которая съ этого времени чаше называется татарскимъ именемъ Крымъ, они здѣсь чувствовали себя полными хозяевами. И, какъ повѣствуетъ арабскій писатель

¹⁾ По изслѣдованию Малиновскаго (начальника московск. главн. архива), „сначала имя татаръ носилъ на себѣ единый токмо народъ покоренный монголами, а какъ имя ихъ было болѣе извѣстно, чѣмъ ихъ побѣдителей, то и монголовъ называли татарами. Въ XIII вѣкѣ они изъ далекихъ азиатскихъ степей двинулись на Россію, поработили ее. Переходя безпрепятственно вездѣ, часть ихъ остановилась въ Крымскихъ степяхъ и засѣла благодаря удобнымъ условіямъ и обычной жизни“. Извѣстный знатокъ монгольской исторіи французскій ученый Каэнъ (Cahin), основывающійся на манджурскихъ и китайскихъ источникахъ, говоритъ, что татарами монголы IX—XI вѣка называли манджуровъ, населявшихъ западную часть Манджуруїи. Онъ утверждаетъ, что сказанія о свирѣпости татаръ и ихъ безчисленныхъ полчищахъ часто басни и всегда преувеличены, такъ какъ основаны только на словахъ испуганныхъ и потерпѣвшихъ. Побѣдили татары русскихъ не массой, не звѣрствами, а далеко болѣе высокой культурой, принесенной съ далекаго востока, и прекрасной военной организацией, чего у русскихъ того времени совсѣмъ не было.

²⁾ Яссы—нашихъ лѣтописей. Кулаковскій считаетъ ихъ предками современныхъ осетинъ. „Проникновеніе аланъ (изъ предгорій Кавказа) на территорію Крыма относится, вѣроятно, къ очень давнимъ временамъ, и весьма возможно, что именно они составляли туземное населеніе, гдѣ лежала хозарская крѣпость Фуллы и гдѣ возникъ городъ Сугдаля. Аланы давно приняли христианство и принадлежали къ паствѣ епископа херсонесскаго. Но въ описываемое Феодоромъ время лицензы были всякихъ духовного руководства, и еп. Феодоръ взялъ на себя заботу о нихъ“. Очевидно, Херсонесу было не до аланъ.

Ибнъ-эль-Атиръ, вскорѣ послѣ пораженія на Калкѣ многіе русскіе купцы и богачи, проживавшіе въ Херсонесѣ, боясь, вѣроятно, мести татаръ, нагрузили на суда, что было цѣннаго, и отправились къ берегамъ Малой Азіи. Но и тутъ не повезло корсунянамъ: когда они уже приближались къ городской пристани, одно судно погибло. Остальнымъ корсунянамъ тоже навѣрно не сладко жилось при такомъ режимѣ. А тутъ еще генуэзцы, воспользовавшись своимъ вліяніемъ, вынудили императора Андроника отказаться отъ торговли съ Херсонесомъ и не посыпать болѣе своихъ судовъ въ Крымъ, сами же одно время задержали чуть не всѣ херсонесскія суда, отправлявшіяся на соляные промыслы или на рыбную ловлю. А въ 1248 г. надѣ самимъ Херсонесомъ разразилась тяжелая гроза: его разбили полчища Ногая.

Однако живучій городъ держался. Въ 1253 г. плылъ мимо Херсонеса по пути изъ Константиноополя въ Судакъ и далѣе въ Золотую Орду посолъ Людовика IX-го Рюисбрuckъ (Рубрукъ), о которомъ упоминали мы выше. Въ своемъ дневникѣ онъ отмѣтилъ, что въ то время Херсонесъ былъ самостоятельнымъ, ни отъ кого не зависѣвшимъ городомъ, который свою самостоятельность получалъ цѣнной дани татарамъ.

Прошло нѣсколько рабски-томительныхъ лѣтъ въ жизни разслабленного Херсонеса, какъ вдругъ до корсунянъ донесся радостный слухъ, что мелкій никейскій царекъ, Михаилъ Палеологъ, при содѣйствіи генуэзцевъ, возвратился въ Константинополь и овладѣлъ имъ (1261 г.). Въ глазахъ грековъ это было своего рода воскрешеніемъ ихъ царства. И лучъ надежды озарилъ корсунянъ; они уже видѣли помощь возродившейся имперіи. Но надежда на лучшее оказалась напрасной. Жадные генуэзцы за свою, правда, большую услугу потребовали отъ Палеолога соотвѣтствующей благодарности, и скоро получили отъ него широкое право исключительной торговли по берегамъ всего Чернаго моря, послѣ чего они прочно обосновались въ мѣстности Феодосіи, которая быстро разрослась въ богатый торговый центръ съ новымъ именемъ—Кафы.

Естественные враги генуэзцевъ венеціанцы, успѣвшіе уже широко развить свою торговлю на Черномъ морѣ, тоже вскорѣ добились у Палеолога и для себя привилегій. Онъ и имъ разрѣшилъ поселиться въ Крыму, и они выбрали себѣ Сугдею (Судакъ), которую именовали по своему—Солдайя.

Могъ ли хотя какъ-нибудь бороться Херсонесъ противъ двухъ такихъ сильныхъ соперниковъ? Конечно, нѣтъ. И быв-

шему властелину черноморской торговли—Херсонесу—приходилось погибать въ без силі. Онъ обѣднѣлъ, но не терялъ къ себѣ уваженія: съ его мнѣніемъ считались. Такъ, хорошо известно, что въ 1280 г. на соборѣ въ Константинополѣ присутствовалъ среди прочихъ и епископъ херсонесской Левъ. Но хозяевами Херсонеса въ это время, повидимому, были татары. Это можно вывести изъ того, что въ Степенной Книгѣ¹⁾ между 1280 и 1284 гг. отмѣчена женитьба князя смоленского и ярославскаго Феодора Ростиславича Чернаго на дочери хана Менгу-Темира, при чемъ указывается, что ханъ подарилъ своему зятю 36 городовъ, въ числѣ коихъ называется и Корсунь. Однако за точность этого свѣдѣнія ручаться нельзя, такъ какъ Степенная Книга составлена значительно позднѣе, хотя составитель могъ пользоваться современными событиями источниками.

Около 1300 г., по арабскимъ источникамъ именно въ 1298 г., надъ Херсонесомъ опять стряслась большая бѣда. Въ Крымъ забрались турки, конечно, не въ качествѣ туристовъ, а съ цѣлью пограбить. Татары, считавшиѣ себя хозяевами мѣстности, преслѣдовали грабителей, и турки бѣжали черезъ Херсонесъ. Побѣдители не оставили своимъ вниманіемъ не только преслѣдуемыхъ, которые тащили, что могли, но и мирныхъ гражданъ, которыхъ за оказанную услугу обирали, какъ умѣли. Но еще болѣе пострадали отъ татаръ въ это время главные враги Херсонеса—Судяя и Кафа. Они отказались платить татарамъ дань, а въ Кафѣ даже былъ убитъ внукъ Ногая, который былъ посланъ для сбора дани. Тогда обозленный Ногай явился на побережье съ огромнымъ войскомъ, опустошилъ рядъ городовъ, а Кафу сжегъ, причемъ было перебито множество купцовъ различной національности.

Такое бѣгство чрезъ Херсонесъ прямо показываетъ, что нѣкогда грозная и могучая городская стѣна, сдерживавшая цѣлые арміи и полчища, теперь не могла защитить отъ горести мародеровъ.

Можѣтъ быть, многострадальный и выносливый Херсонесъ сумѣлъ бы оправиться и отъ этихъ нашествій и погромовъ. Но... злая судьба преслѣдовала его. Ненасытные итальянцы, главнымъ образомъ генуэзцы, несмотря на то, что торговля ихъ по берегамъ Чернаго моря разрослась и достигла блестящаго состоянія, а главная ихъ факторія Кафа называлась даже таврическимъ Константинополемъ, все еще боялись и умирающаго

¹⁾ Это выборъ изъ лѣтописей съ дополненіями отъ Рюрика до 1559 г.

Херсонеса. Пользуясь своимъ флотомъ и силой, они, въ 1350 г., яко бы по договору, въ дѣйствительности же силой, захватываютъ Херсонесъ и запрещаютъ византійцамъ торговлю по берегамъ Чернаго моря, а въ Херсонесъ даже совершенно запрещаютъ входить грекамъ для какихъ бы то ни было цѣлей, и торговлю здѣсь разрѣшаютъ *только итальянцамъ*, другими словами, лишаютъ Херсонесъ всѣхъ правъ состоянія, существованія и связываютъ его по рукамъ и по ногамъ. А чтобы онъ не могъ вывернуться изъ этихъ невозможныхъ условій, хитрые генуэзы тутъ же рядомъ съ Херсонесомъ, въ маленькомъ Чембало (Балаклавѣ), устраиваютъ отдѣльную факторію и сажаютъ сюда своего консула (1357 г.).

Безсильный и почти безземельный византійскій императоръ Іоаннъ Кантакузинъ не могъ ни отмѣнить запрещенія итальянцевъ, ни препятствовать устройству ихъ факторіи, которую генуэзы поторопились укрѣпить надежными башнями, грозные остатки которыхъ высятся и понынѣ надъ маленькой Балаклавой¹⁾.

Такимъ образомъ, торговля, которой Херсонесъ былъ обязанъ своимъ прежнимъ величиемъ, совершенно упала. Городъ обнищалъ, херсонесская епархія обѣднѣла, и по причинѣ бѣдности около 1380 года между митрополитомъ херсонесскимъ и митрополитомъ готскимъ (имъ дали эти высокія званія, чтобы хотя чѣмъ-нибудь уладить горькое существованіе) поднимается горячій споръ изъ-за обладанія селеніями: Сикита (Никита²), Партенита, Лампасъ (Ламбатъ), Алуста и Аланія, такъ какъ рѣшался важный вопросъ: кому изъ архипастырей собирать дань съ тощихъ стадъ этихъ мѣстъ. Говоримъ «тощихъ» потому, что генуэзы къ этому времени, какъ будто путемъ договоровъ съ имперіей, а фактически—насилиемъ, получили въ свое владѣніе приморскую область отъ Алушты до Кафы и «Готію съ ея селеніями», въ которую входили: Фори, Кикинео, Лупико, Мусакори, Оріанда, Джалита, Сикита, Горзувиумъ, Партените, Ламбадіе и Луста, въ которыхъ читатель легко узнаетъ: Форосъ,

¹⁾ Въ путеводителяхъ и нѣкоторыхъ исторіяхъ Херсонеса говорится о томъ, что въ 1362 или 1363 году Херсонесъ былъ раззоренъ в. к. литовскимъ Ольгердомъ, во время его погони за разбитой имъ при устьѣ Днѣпра татарской ордой и будто бы съ этого времени запустѣлъ. Свѣдѣнія эти принадлежать польскому историку Стрыйковскому и повторены Карамзінымъ; отсюда попали во всѣ исторіи Херсонеса. Однако, по словамъ проф. Бруна, „не трудно доказать, что сынъ Годимины никогда не былъ въ Крыму“. Почему объ этомъ мы и упоминаемъ только въ примѣчаніи.

²⁾ Нынѣ Никитскій садъ.

Кикинеизъ, Алупка, Мисхоръ, Гурзуфъ, Ламбатъ и Алушту. Но, кроме того, генуэзцамъ принадлежало Чембало и Горzonіумъ (Херсонесъ), другими словами—громадная территорія отъ Херсонеса до Феодосіи, на которой, благодаря соглашению съ ханомъ Золотой Орды, итальянцы хояйничали, какъ хотѣли¹). Дѣло генуэзцевъ было поставлено на столько широко, что у нихъ въ Генуѣ находилось специальное вѣдомство, именовавшееся *Officium Cazariae*, «Правленіе Хазарія», имѣвшее особое положеніе обѣ управлениіи владѣніями республики на дальнемъ востокѣ, которое оставалось въ силѣ болѣе столѣтія.

Словомъ, вся торговля и власть были теперь въ рукахъ итальянцевъ, ярыхъ католиковъ, ненавидѣвшихъ «коварныхъ схизматиковъ грековъ». Они тѣснили ихъ, гдѣ могли, и нигдѣ не давали схизматикамъ хода. «Колоніи итальянцевъ---говорить Кулаковскій—задолго до описываемыхъ событий были опорными пунктами римско-католической пропаганды, направленной не только на невѣдавшихъ христіанства кочевниковъ, но и на греческихъ схизматиковъ». Миссионерская дѣятельность возложена была на орденъ міноритовъ, которые вызвали цѣлый рядъ каѳедръ на побережья Чернаго моря.

Такъ, уже въ 1318 году возникла епископская каѳедра въ Кафѣ. Ее занималъ францисканецъ Джироламо. Въ 1333 г. существовали каѳедры въ Херсонесѣ и Боспорѣ; первую занималъ англичанинъ Ричардъ, вторую—итальянецъ Францискъ де-Камарино. Первый имѣлъ свою каѳедру въ церкви св. Клиmenta²). Къ обоимъ этимъ епископамъ вмѣстѣ обращалъ свое посланіе папа Ioannъ, поучая ихъ искоренять схизму.

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительного, если между тѣснимыми отовсюду таврическими архиастырями возникалъ споръ изъ-за каждого обола. Тянулись эти споры годами, и въ данномъ случаѣ едва не дошло до убийства слѣдователя-іеромонаха, послѣ чего дѣло было передано на рѣшеніе константинопольского патріарха. Въ документахъ, касающихся этой многолѣтней тяжбы, нерѣдко указывается на бѣдность херсонесской митрополіи; и, основываясь на свидѣтельствахъ о бѣдности, патріаршій судъ

¹⁾ Собственно указанные договоры заключались не столько съ византійскимъ императоромъ, потерявшимъ здѣсь всякую власть, а съ намѣстникомъ хана Золотой Орды, резиденція которого была въ Солхатѣ, т. е. нынѣшнемъ Старомъ Крыму. Здѣсь и условились генуэзцы съ намѣстникомъ на право торговли повсемѣстно, уплачивая въ пользу ханской казны 2% со стоимости продаваемыхъ товаровъ.

²⁾ Какъ показываютъ документы, это была не извѣстная уже памъ церковь св. Клиmentа, а новая, специальнѣ построенная по приказанію папы.

въ 1390 г. постановилъ: «Мѣстность Кинсанусь и всѣ приморскія мѣста: Фуна, Аланія, Алуста, Ламбадъ, Партенита, Сикита, Хрихари возвратить херсонесскому митрополиту».

Однако этимъ дѣло не кончилось, и въ слѣдующіе годы митрополиты херсонесскій и сугдейскій опять являются въ Константинополь съ своими жалобами и тяжбой. Наконецъ, въ 1396 г., патріархъ вызываетъ обоихъ митрополитовъ въ Константинополь для слушанія дѣла по новому обвиненію херсонесского сугдейскому—на этотъ разъ въ томъ, что херсонесскій митрополитъ, «получивъ довольно денегъ», дозволилъ благословить пятый бракъ, ранѣе сего воспрещенный сугдейскимъ. Судъ долженъ былъ состояться въ апрѣлѣ 1397 г. Къ сожалѣнію, исторія не сохранила до насъ резолюціи суда, и неизвѣстно, какую кару понесъ безшокойный и сребролюбивый херсонесскій архиастырь, презрѣвшій церковный уставъ.

Въ 1427 г. побывалъ въ Херсонесѣ мюнхенскій житель Іоганнъ Шилтпергеръ. Онъ называетъ городъ Серухерманъ, подъ которымъ легко прочесть турецкое название Херсонеса—Сары-Керманъ. Ясно, что греческое имя и забывалось и вытѣснялось турецко-татарскимъ. Дѣйствительно, съ этого времени Херсонесъ какъ бы утрачиваетъ свое имя. На современныхъ и въ особенности болѣе позднихъ картахъ и актахъ (главнымъ образомъ итальянскихъ) Херсонесъ часто называется такъ, что только съ трудомъ можно догадаться о его имени, а часто въ названіи даже нѣть материала для разгадки. Такъ, кромѣ извѣстныхъ уже намъ названій—Керсона, Корсонне, называли его: Крессона, Горзоніумъ, Зурзона, Хероне, Герезонда, Джерезонда, Джириконда, Зембано и даже Целоне и Пелесине, а турки—Шурши. Шилтпергеръ отмѣчаетъ, что въ городѣ живутъ христіане, и вспоминаетъ, что здѣсь былъ замученъ св. Климентъ.

Есть точныя свѣдѣнія, что въ 1440 г. для Херсонеса былъ рукоположенъ патріархомъ константинопольскимъ Митрофаномъ митрополитъ херсонесскій; имя архиастыря остается пока неизвѣстнымъ, и по имѣющимся свѣдѣніямъ это—послѣдній архиастырь Херсонеса; но самый фактъ назначенія сюда митрополита показываетъ, что Херсонесъ, потерявшій всякое торговое значеніе и всѣ средства къ существованію, все еще считался болѣе или менѣе важнымъ духовнымъ центромъ, сохранявшимъ старыя традиціи и крѣпость православія,—что, какъ намъ кажется, служило одной изъ причинъ преслѣдованія его итальянскими католиками.

Однако, несмотря на то, что Херсонесъ въ то время, можно сказать, находился въ агоніи, итальянцы не могутъ разстаться съ нимъ и продолжаютъ держать въ немъ отдѣльного консула, хотя рядомъ, въ Чембало, находится ихъ бойкая и хорошо защищенная факторія. Такъ, въ дошедшемъ до насъ уставѣ для генуэзскихъ колоній въ Крыму, отъ 28 февраля 1449 г., сказано, что «чиновники колоній за утвержденіе въ должностіи платятъ государственный налогъ: консульства Горzonіи—четыре сонма, а Джалиты и Алусты—по два сонма». Размѣры налога показываютъ, что Херсонесу генуэзы придавали въ то время большее значеніе, чѣмъ Алуштѣ и Ялтѣ.

Пока совершились эти события, турки все ближе и ближе подходили къ Константинополю.

Весной 1453 года 165 тысячъ турецкихъ войскъ и 145 судовъ окружили столицу имперіи и съ моря, и съ суши. Императоръ Константина XI Палеологъ дѣлалъ послѣднія попытки сопротивленія, рѣшивъ скорѣе погибнуть въ неравномъ бою, чѣмъ безславно сдать столицу, все еще великолѣпную и полную прежняго величія. И вотъ, въ ночь на 29 мая начался послѣдній предсмертный бой византійцевъ, теперь уже соединившихся съ итальянцами для отраженія общаго врага. Подъ звуки набата, звонъ колоколовъ, подъ стенанія женщинъ и дѣтей, горячо молившихся во всѣхъ церквяхъ, удалось отбить первыя атаки турокъ. Но къ утру туркамъ удалось прорваться въ городъ, и въ полдень султанъ Магометъ II торжественно вступилъ въ Константинополь, теперь уже турецкій Стамбулъ. Магометъ вошелъ въ св. Софию, занялъ византійскій престолъ; главный мулла прочелъ мусульманскій символъ вѣры, и величественный соборъ Юстиніана перешелъ во владѣніе ислама, и на куполъ вмѣсто креста засияла луна.

Магометъ пожелалъ видѣть своего соперника; но его уже не было въ живыхъ: тѣло Константина было найдено среди павшихъ при защитѣ. Султанъ разрѣшилъ похоронить его съ царскими почестями, но голову царя приказалъ отрубить и до вечера выставить на видномъ мѣстѣ, чтобы всѣ могли убѣдиться въ его смерти.

Такъ палъ послѣдній византійскій императоръ Константина XI Палеологъ; такъ свершилось одно изъ величайшихъ событий въ исторіи Европы, рѣшившее дальнѣйшую участь Херсонеса и всего Крыма, послѣдствія котораго чувствуются и теперь. Послѣ взятія Константинополя, султанъ немедля осадилъ Галату, генуэзскую часть города, разрушилъ ея стѣны, отдалъ

на разграбление дома и имущество жителей, а ихъ самихъ разогнали или продалъ въ рабство.

Послѣ такого разгрома сношенія Генуи съ ея крымскими колоніями стали очень затруднительными, потому что приходилось переплыть Босфоръ, оба берега которого были въ рукахъ турокъ. Однако храбрые генуэзские капитаны не разъ благополучно проскакивали чрезъ проливъ и доставляли въ Кафу боевые запасы и войско. Въ силу необходимости—говорить Кулаковскій—«явился другой путь, по которому поддерживались сношенія метрополіи съ колоніями, начавшими увидать, а именно черезъ Молдавію, Венгрію и далѣе на Западъ». Но и здѣсь, въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, генуэзы не оставляютъ Херсонесъ въ покоѣ. Городъ въ это время фактически не существовалъ; едва оставалась его тѣнь, но и она не давала покоя назойливымъ итальянцамъ, которымъ надо было торопиться спасать свою шкуру. Такъ, отъ 1470 года до настъ дошло свѣдѣніе, что генуэзскій консулъ Кафы Кьявройя (Chiavroia) предлагалъ своему правительству «окончательно разрушить стѣны и башни необитаемаго города, дабы турки не заняли его и не укрѣпили вновь». Ясно, что въ это время твердыни Херсонеса не были окончательно разрушены и въ хорошихъ рукахъ могли еще служить надежнымъ оплотомъ. Поэтому предложеніе кафскаго консула было частью приведено въ исполненіе.

Такъ кончились свои дни нѣкогда богатый и славный Херсонесъ. Но вотъ скоро стряслась бѣда и надъ врагами его. Въ 1475 году у береговъ Крыма появилась эскадра султана, который до этого устраивалъ завоеванное царство и который считалъ, что съ завоеваніемъ Константиноополя ему принадлежить все, чѣмъ владѣла имперія, въ томъ числѣ и ея шаткія владѣнія въ Крыму. При этомъ посѣщеніи турецкія войска уничтожили богатую Кафу и нѣсколько другихъ городовъ, а жителей ихъ, по обыкновенію, перебили, разогнали или увели въ плѣнъ.

Ослабѣвшіе къ этому времени татары уже не могли оказать сопротивленія туркамъ. Чуя крѣпкую силу турокъ, они поторопились бросить свою открытую столицу Солхатъ (Старый Крымъ), замкнулись въ хорошо закрытомъ ущельемъ Бахчисараѣ (1458 г.) и признали надъ собой главенство султана, который, однако, обязался назначать хановъ изъ рода Гиреевъ, при чемъ татары остались владѣльцами степныхъ пространствъ полуострова. Съ тѣхъ поръ древнее, звучное имя Тавриды окончательно смѣнилось грубымъ татарскимъ—Крымъ.

Такимъ образомъ, Херсонесъ и весь Крымъ отошли во владѣніе Оттоманской имперіи.

XXVIII.

Мартинъ Броневскій и его описание города. Мѣстоположеніе Херсонеса забывается.

Послѣ этого, болѣе ста лѣтъ имя Херсонеса не попадаетъ на страницы исторіи. И только въ 1578 г. посланникъ польского короля Стефана Баторія къ крымскому хану Мартинъ Броневскій посыпалъ Херсонесъ, и вотъ что нашелъ онъ: «Достойныя удивленія развалины явно свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда былъ великолѣпный, богатый, славный и многолюдный городъ, съ отличной пристанью. У самаго берега пристани, а также во всю ширину перешейка, отъ одного берега моря до другого, еще и теперь возвышается высокая стѣна, многочисленная и большія башни изъ огромныхъ тесанныхъ камней.

«У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые ведутъ воду за четыре мили отъ города. Въ нихъ и теперь еще есть очень чистая вода.

«Городъ уже много вѣковъ (?) стоитъ пустъ и необитаемъ и представляетъ однѣ развалины и опустошенія. Сохранившіяся стѣны и башни обнаруживаютъ удивительное искусство. Царскій дворецъ съ огромными стѣнами, башнями и великолѣпными воротами виденъ въ той же части перешейка. Но прекрасныя колонны изъ мрамора и серпантина, мѣста которыхъ и теперь еще видны внутри, и огромные камни были взяты турками и перевезены за море для ихъ собственныхъ домовъ и публичныхъ зданій. Оттого городъ пришелъ въ еще большее разрушеніе: не видно даже и слѣдовъ ни храмовъ, ни зданій. Дома лежать во прахѣ и сравнены съ землею... Большой греческій монастырь остался въ городѣ. Стѣны его храма еще стоятъ, но безъ кровли, а все украшенія этого зданія разрушены и разграблены».

Еще черезъ пятьдесятъ лѣтъ Херсонесъ (Корсунь) упоминается въ «Книгѣ Большого Чертежа», составленной по повелѣнію царя Михаила Феодоровича. За этотъ періодъ о Херсонесѣ успѣли настолько забыть, что не знали даже истиннаго его географическаго положенія.

Извѣстный историкъ временъ Екатерины II — Татищевъ даже не хотѣлъ признать совершенно вѣрное указаніе «Книги

Большого Чертежа», что Херсонесъ находится въ 30 верстахъ отъ Бахчисарай, и говорилъ: «Въ Большомъ Чертежѣ, описуя Крымъ, (авторъ) Корсунь городъ кладеть отъ Бахчисарай 30 верстъ, *такмо оное самимъ писателемъ вымышлено*».

Да и не одинъ Татищевъ забылъ положеніе Херсонеса,— забыли его и другіе старые историки, и русскіе и иностранные. Миллеръ искалъ его гдѣ-то у Керчи, Леклеръ и Девиль у Феодосіи, Билингъ—у Карасу-Базара, Нарушевичъ—у Козлова (Евпаторіи), Данвиль—при Керкенитскомъ заливѣ. Даже въ самое недавнее время были попытки искать «древній» Херсонесъ гдѣ-то вдали отъ современныхъ развалинъ. Да, былъ городъ и быльемъ поросъ!

Послѣ «Большого Чертежа» прошло полтораста лѣтъ гробового молчанія о Херсонесѣ, и только почти наканунѣ присоединенія Крыма къ Россіи вновь вспоминаютъ о немъ. Въ 1773 году мимо Херсонеса проѣзжалъ командингъ русскими войсками кн. Долгорукій. Въ поданной имъ императрицѣ реляціи, между прочимъ, значится: «Подлѣ берега лежить небольшая греческая деревня Акъ-Яръ, по коей и гавань именуется, а влѣво чрезъ гавань Акъ-Яра¹)—Херсонъ, древнѣйший во всемъ Крыму городъ. Развалившіяся стѣны съ высокими башнями показываютъ вдали четвероугольную форму, но время не дозволяло ѿхать къ нему»...

XXIX.

Херсонесъ подъ русской державой. Посвѣщеніе Екатерины II. Медаль въ память Херсонеса. Шалль. Снятіе плановъ съ развалинъ и описание ихъ. Ахтиаръ возникаетъ изъ развалинъ. Приказъ губернатора о собираніи древностей. Французы на развалинахъ города. Мраморы Херсонеса идутъ на добываніе углекислоты. Расхищеніе развалинъ продолжается. Просьба кн. Уваровой къ имп. Александру II о спасеніи древняго Херсонеса. Развалины переходятъ въ вѣдѣніе Императорской Археологической Комиссіи.

23-го апрѣля 1783 года Екатерина Великая въ манифестѣ объявила о присоединеніи Крыма къ русской державѣ, а 2-го мая русская эскадра, подъ командой адмирала Мекензи, въ составѣ одиннадцати судовъ съ 2.600 душъ команды, вошла въ Ахтиарскую бухту. Адмиралъ општартовалъ всѣ суда въ южномъ заливѣ бухты, очистилъ здѣсь лѣсъ и началъ строить казармы,

¹) Теперь—Севастопольская бухта. Акъ Яръ по-русски—бывшій яръ. Деревушка эта не греческая, а татарская, располагалась какъ разъ у бѣлыхъ скалъ, гдѣ теперь Сухарная балка и пороховые склады.

адмиралтейство, магазины для провіантата, госпиталь и церковь во имя св. Николая. Командиры судовъ и офицеры начали также строить для себя дома вдоль берега южной бухты, а женитые матросы—на хребтѣ горы, гдѣ теперь Мичманскій бульваръ. Такимъ образомъ, было положено основаніе городу Акъяру или Ахтиару. Но вскорѣ, согласно господствовавшей тогда модѣ, онъ былъ переименованъ въ Севастополь, что означало—славный городъ. Въ то же время Потемкинъ командировалъ сюда подполковника Бальдани для пропрѣки показаній нашей лѣтописи и снятія плана мѣстности Херсонеса и ученаго нѣмца Габлица—для собиранія всевозможныхъ свѣдѣній о Крымѣ.

Въ 1787 году Екатерина совершила свое путешествіе въ Крымъ. Побывала она въ строящемся Севастополѣ и Херсонесѣ, и въ память посѣщенія была выбита медаль съ вензелемъ императрицы и надписью: «Царица Херсониса Таврическаго»¹⁾. Отсюда Екатерина доѣхала только до Байдарскихъ воротъ (тогда перевала), и такъ была поражена красотой крымской природы, что, любуясь видомъ съ утесовъ перевала, назвала Крымъ «лучшай жемчужиной своей короны». Восхищеніе императрицы и свиты, конечно, послило интересъ къ Крыму и въ частности къ Херсонесу. Въ 1793 году мы уже видимъ здѣсь извѣстнаго академика Палласа, которому русское правительство поручило внимательно осмотрѣть и изслѣдовать Крымъ и въ частности Херсонесъ. И вотъ что пишетъ онъ въ своемъ знаменитомъ «Путешествіи», продолжавшемся почти два года.

«Окрестности Севастополя или Ахтиара представляютъ поистинѣ землю классическую. На каждомъ шагу вы наталкиваетесь на греческія древности, которыхъ прежде было здѣсь гораздо болѣе, потому что городъ Ахтиаръ возникъ изъ развалинъ древняго Херсонеса, каковой находится въ разстояніи двухъ верстъ отъ Ахтиара, на западной сторонѣ Каратинной бухты. При занятіи Крыма существовала еще большая часть стѣнъ Херсонеса, построенныхъ изъ прекрасныхъ тесанныхъ камней, прекрасная городская ворота и значительная часть крѣпкихъ башенъ, изъ которыхъ одна стояла надъ самой бухтой и еще при моемъ посѣщеніи, въ 1794 г., находилась въ порядочномъ состояніи. Но постройка города Ахтиара была причиной уничтоженія этого древняго города. Прекрасные квадры²⁾ были вы-

1) Утверждая гербъ для новой Таврической губ., Екатерина повелѣла изобразить внутри герба на голубомъ полѣ золотой восьмиконечный крестъ, „да знаменуетъ онъ, что крещеніе во всей Россіи чрезъ Херсонесъ произошло“.

2) Громадныя правильной формы камни.

копаны даже изъ фундамента стънъ затѣмъ, чтобы строить изъ нихъ въ Ахтиарѣ дома. Даже не было снято съ древняго города ни одного рисунка, ни одного сноснаго плана; по крайней мѣрѣ мнѣ таковыне не извѣстны. Мнеъ только удалось найти прекрасную надпись на бѣломъ мраморѣ временъ императора Зенона. Я нашелъ эту надпись у моего друга Габлица. Видѣлъ я въ Ахтиарѣ еще и другія незначительныя надписи вмѣстѣ съ плохимъ барельефомъ, изображающимъ мужскую фигуру въ одеждѣ, со свиткомъ въ рукѣ, съ надгробной надписью. Ее сохраняютъ у церкви¹⁾). Изъ неполной латинской надписи, которой сохранилась только половина, кажется, можно заключить, что и генуэзцы владѣли этимъ городомъ. Что въ этомъ городѣ было больше великолѣпія, чѣмъ въ *старомъ Херсонесѣ*, доказывается тѣмъ, что изъ него вывезены прекрасная мраморная капитель, колонны свѣтло-сѣраго цвѣта коринескаго ордена, въ 4 пяди высоты и въ 3 пяди въ попечникѣ, которую я видѣлъ у вице-адмирала Пустошкина. Въ этихъ развалинахъ находили также много обработанного мрамора, привозимаго сюда съ Бѣлаго моря²⁾).

«Расположеніе улицъ и домовъ различать болѣе нельзяя, потому что при добываніи тесанныхъ камней все было разрушено, перерыто и завалено. При томъ большомъ населеніи, какое должно было здѣсь (въ древнемъ городѣ) находиться, объемъ города слишкомъ малъ, чтобы помѣстить всѣхъ жителей; большая часть должна была помѣщаться внѣ города, на отдельныхъ участкахъ.

«Вокругъ города видны также различные пещеры въ обрывахъ известняка, въ которыхъ, можетъ быть, помѣщались моряки приходившихъ сюда кораблей. Что городъ снабжался водою посредствомъ водопроводовъ, это доказываетъ находящееся менѣе, чѣмъ въ верстѣ отъ города, восьмиугольное зданіе, нынѣ разрушенное. Въ одномъ изъ угловъ этого зданія можно спуститься въ отверстіе, аршинъ на пять внизъ, и тамъ найти очень узкій, обращенный къ востоку, подземный ходъ въ 15 саженей длины, при концѣ котораго находится родъ колодезя въ нѣсколько футовъ глубины, гдѣ вытекаетъ чистая вода, переливается ко входу и затѣмъ теряется. За этимъ колодеземъ замѣтны еще два хода, изъ которыхъ одинъ совсѣмъ засыпанъ, другой идетъ далѣе. Все это, повидимому, показываетъ, что ука-

¹⁾ Нынѣ въ Эрмитажѣ. Изображеніе у Кене въ „Изслѣдованіи объ ист. и др. г. Херсонеса“.

²⁾ Изъ греческаго архипелага.

занные остатки представляют развалины подземного водопрода¹).

«Кромъ всѣхъ этихъ остатковъ, по всему Херсонесу встрѣчаются одиночно разсѣянныя зданія, изъ большихъ обтесанныхъ камней, бывшія, быть можетъ, башнями, построенными для безопасности деревенскихъ жителей на случай нападенія тавроксіоовъ».

Таково было состояніе Херсонеса во время посѣщенія его Палласомъ, и такъ безжалостно растаскивали драгоценные остатки древняго города основатели Севастополя. Къ позору нашему, тащилъ не только простой народъ, не понимавшій значенія и святости Херсонеса, но даже высшее интеллигентное начальство. Такъ, Палласъ указываетъ, что «генераль Каховскій, пожалованный въ графы, намѣреваясь воздвигнуть часовню въ память своей супруги, приказалъ свезти (въ Георгіевскій монастырь) множество огромныхъ тесанныхъ камней изъ древнихъ сооружений Херсонеса. Но это намѣреніе не осуществилось».

Въ одно время съ Палласомъ проживалъ въ Крыму (1799—1801) Петръ Сумароковъ, который очень близко познакомился съ Крымомъ и Херсонесомъ и свои замѣтки и наблюденія изложилъ въ интересныхъ «Досугахъ крымскаго судьи». «Погибшій Херсонесъ—писалъ Сумароковъ—предсталъ съ богатымъ завѣщаніемъ; повезли изъ него мраморъ, каменья, столбы, карнизы. Севастополь всѣмъ одолженъ до послѣдняго камушка древнему Херсонесу... Въ Херсонесъ Ахтіаръ ископалъ всѣ свои украшенія, хотя сей градъ скрывается, конечно, еще довольно достопамятныхъ вещей для охотниковъ древности».

Почти одновременно съ Сумароковымъ побывалъ въ Крыму и Херсонесѣ (въ 1801 г.) известный англійскій путешественникъ Кларкъ (Clarke), оставившій по себѣ популярная въ свое время «Travels in various countries of Europe et cet. Онъ тоже говоритъ о расхищеніи Херсонеса нами. Изъ ненависти ли къ русскимъ, или изъ сожалѣнія къ гибели цѣнныхъ историческихъ вещей, но строки его, относящіяся къ Херсонесу, насквозь пропитаны желчью. Русскіе—пишетъ Кларкъ—«взорвали фундаменты, разграбили могилы, разрушили храмы и, собравъ огромное количество камня и мрамора, наслаждались страннымъ удовольствиемъ продавать эти драгоценные обломки какъ простой строевой камень». И тутъ же прибавляется: «Турки люди полные вкуса и учености по сравненію съ русскими».

¹⁾ Остатки загороднаго кладбищенскаго храма и колодца при немъ, раскопаннаго Косцюшкой въ 1902 г., о чёмъ ниже, въ археологической части.

Бертье-Делагарду очень не нравятся, какъ онъ самъ говорить, «общепризнанная мнѣнія» Палласа, Сумарокова и Кларка о расхищении Херсонеса. Онъ не хочетъ вѣрить имъ и «стараєтъся доказать совершенную ихъ невѣрность». Правда, можно еще не вѣрить Кларку, какъ иностранцу, не расположенному къ русскимъ и писавшему «ситиа et studio», который, по словамъ Бертье-Делагарда, несмотря на то, что «гостепріимно былъ принятъ въ Крыму, имѣль всюду доступъ, все же выкралъ секретныя карты и съ наглостью хвастался этимъ предъ всей Европой, натравляя свое правительство на Крымъ и распространяя о Россіи безсмысленныя и гнусныя клеветы. Такъ что даже французы и нѣмцы, переводя Кларка, возмущались имъ и считали необходимымъ дѣлать разныя смягчающія примѣчанія». При такихъ условіяхъ, конечно, можно не вѣрить Кларку, но съ Палласомъ и Сумароковыми, которые долго жили въ Крыму, и которые говорятъ о расхищении, какъ очевидцы и съ гражданской скорбью, такъ поступить нельзя. И вотъ Бертье-Делагардъ, чтобы доказать, что русскіе не расхищали Херсонеса, прибегаетъ къ странной аргументаціи. Начавъ съ того, что «средневѣковый Херсонесъ—не что иное, какъ полуварварскій городъ, о которомъ упоминается большою частью только потому, что онъ былъ, а вокругъ него, во всемъ Крыму, стояло уже совершенное, беспросвѣтное варварство; что это городъ, о которомъ только и говорять, что о его взятіи и разрушеніи»,—онъ, перечисливъ ихъ до послѣднихъ дней существованія Херсонеса и сообщивъ далѣе, безъ особыхъ основаній, что онъ не вѣрить «полному очевидныхъ преувеличеній» описанію Броневскаго,—заканчиваетъ свое возраженіе словами: «Я не нахожу словъ для выражения той жалкой нищеты, того глубокаго архитектурного невѣжества и безграмотности, которая съ непрекращаемой ясностью встаютъ изъ раскопокъ Херсонеса. Развалины нашихъ самыхъ бѣдныхъ слободъ покажутся совершенствомъ по сравненію съ херсонесскими». Отсюда выводъ: «Изъ Херсонеса русскіе ничего не тащили, такъ какъ и нечего было тащить».

Говорить такъ значитъ—намѣренно сгущать краски, впадать въ крайность и въ противорѣчіе съ самимъ собой. Да и для насъ важны не тѣ «жалкіе» остатки, которые сохранились отъ византійского Херсонеса послѣднихъ дней его жизни, вѣрнѣе—его медленной агоніи, а то, что находится между ними, подъ ними и вѣтвѣнъ городища—на мѣстѣ упокоенія почившихъ въ этомъ городѣ мертвыхъ.

Варварство среднихъ вѣковъ было такое же въ Херсонесѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ того времени. Жалкія развалины Херсонеса, сохранившіяся даже до временъ Бертье-Делагарда, были уже не такъ ничтожны, какъ хочетъ сказать самъ Бертье-Делагардъ. Вѣдь изслѣдованию ихъ онъ посвящаетъ прекрасный обширный трудъ. А стоитъ ли изслѣдовывать груду мелкихъ камней и мусора? Кто станетъ тратить на это время? Правда, здѣсь, на мертвомъ уроцищѣ, груды мелкаго мусора, но среди него за наше время открыта базилика Уварова, съ чуднымъ мозаичнымъ поломъ, который теперь составляетъ украшеніе Эрмитажа, и нѣсколько цѣнныхъ колоннъ и капителей; открыты и еще основанія церквей съ мозаичными полами, и въ общемъ найдено столько мрамора, что онъ окружаетъ толстой стѣной большой дворъ херсонесскаго музея; а тамъ,—за городской стѣной!.. И все это за послѣднее время, когда систематично ведутся раскопки. Все это вовсе не такъ ничтожно.

Не довѣряя Палласу, Бертье-Делагардъ, повторяемъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Въ другомъ мѣстѣ самъ же Бертье-Делагардъ говоритъ: «Описаніе Палласа—точное, ясное и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко вѣрное, даже въ мелко специальныхъ вопросахъ». Тогда надо вѣрить, а не возражать. Да и трудно не вѣрить, разъ Палласъ, вмѣстѣ съ Сумароковымъ, долгое время былъ очевидцемъ разрушенія и расхищенія остатковъ города.

Послѣ этого странно слышать изъ устъ гр. Бобринскаго и его единомышленниковъ, будто «Бертье-Делагардъ блистательно доказалъ, насколько обвиненія въ расхищеніи русскими Херсонеса пристрастны и преувеличены». Нѣтъ, ужъ лучше сознаться въ своемъ варварствѣ, которое въ этомъ отношеніи мало измѣнилось у насъ со временемъ Палласа, чѣмъ уклоняться отъ истины. Это—грустно, но... справедливо.

Я думаю, теперь почтенный инженеръ-археологъ, подарившій науку прекрасными обширными изслѣдованіями по исторіи Херсонеса, и самъ откажется отъ своихъ словъ. Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ Бертье-Делагарда свела съ прямой дороги та ошибочная мысль, несомнѣнно навѣянная Палласомъ, что доставшіеся намъ остатки города принадлежать «новому» Херсонесу, который уже при основаніи былъ чѣмъ-то мизернымъ, и что у Казачьей бухты надо искать другой—богатый «древній» Херсонесъ.

Расхищенія продолжались и послѣ Палласа и, вѣроятно, приняли грандиозные размѣры, судя потому, что въ 1805 г., какъ

кажется, по инициативѣ академика Келера, командированнаго около этого времени въ Херсонесъ, состоялось Высочайшее повелѣніе объ огражденіи отъ разрушенія и расхищенія памятниковъ въ Крыму. Съ своей стороны, херсонскій генералъ-губернаторъ дюкъ де-Ришелье, въ вѣдѣніи котораго находился и Крымъ, предписалъ: «имѣть наблюденіе, чтобы частными людьми, по Крыму путешествующими, не было собираемо древнихъ рѣдкостей».

Однако предписанія начальства плохо исполнялись,—и, несмотря на грозные приказы, на противоположной сторонѣ Херсонесской бухты въ тридцатыхъ годахъ выросло каменное зданіе карантина изъ тѣхъ же «жалкихъ» остатковъ города. Въ сороковыхъ годахъ, по словамъ капитана Аркаса, позднѣе подробно изслѣдовавшаго городище, «мы подвергли развалины Херсонеса большому уничтоженію».

Въ Крымскую кампанію на развалинахъ Херсонеса побывали французы, стояли здѣсь нѣкоторое время и тоже воспользовались, чѣмъ могли.

Да и позднѣе, уже въ наше время, доморощенные археологи не оставили своимъ вниманіемъ остатковъ Херсонеса. Вотъ что сообщаетъ архитекторъ Авдѣевъ: «Въ концѣ семидесятыхъ годовъ между прочимъ былъ раскопанъ храмикъ съ красивой, хорошо сохранившейся мозаикой. Желая сберечь драгоценную находку, возвели вокругъ храмика высокія каменные стѣны, сдѣлали дверь и заперли ее крѣпкимъ замкомъ. Но увы! и это оказалось недостаточнымъ: черезъ нѣкоторое время мозаика была... расхищена при цѣломъ замкѣ. Тогда убрали и плохо охранявшія стѣны».

Лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я впервые знакомился съ этими мѣстами, я лично видѣлъ, на сѣверной сторонѣ Севастопольской бухты, въ одной маленькой пристани вместо сваи прекрасно сохранившуюся капитель—несомнѣнно изъ Херсонеса. Въ то же время мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ севастопольцемъ, имѣвшимъ заведеніе минеральныхъ водъ, и онъ сообщилъ, что для добыванія необходимой углекислоты, по примѣру другихъ, давно пользуется мраморомъ херсонесскихъ развалинъ, собираючи котораго составляетъ промыселъ¹⁾). Сколько при этомъ погибло цѣнныхъ фрагментовъ—кто знаетъ!

¹⁾ Въ глубоко-прочувствованной просьбѣ „о спасеніи древняго Херсонеса“, поданной въ 1895 г. Императору Александру III, графиня П. С. Уварова также упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Еще недавно можно было видѣть въ садикахъ и дворикахъ нѣкоторыхъ домовъ Севастополя херсонесскія мраморныя плиты, а также куски капителей, попавшихъ въ кладку «Инженерной» пристани.

Косцюшко-Валюжиничу былъ до подлинно извѣстенъ одинъ служитель Марса, «любитель древностей», который—вопреки предписанію дюка де-Ришелье «не собирать древнихъ рѣдкостей»—собиралъ и отправлялъ ихъ какому-то любителю.

И это почти на дняхъ!

Варварское расхищеніе дорогихъ намъ остатковъ прекратилось, только съ того времени, когда Херсонесъ перешелъ въ вѣдѣніе Императорской Археологической Комиссіи (въ 1888 г.) и получилъ необходимыя средства на производство раскопокъ и на охрану остатковъ. И все же, по словамъ завѣдывавшаго раскопками пок. К. К. Косцюшко-Валюжинича, не разъ дѣлались попытки стащить цѣнныій мраморъ или набрать на развалинахъ камня. И это—при охранѣ! Какъ послѣ этого возражать противъ расхищенія?! Да что Херсонесъ! Русскій интеллигентный туристъ умудрился въ 20—25 лѣтъ уничтожить сталакиты пещерь Чатыръ-дага,—быть можетъ, лучшіе сталакиты Европы, на созданіе которыхъ природа потратила тысячетѣтія!

Этимъ мы заканчиваемъ наши повѣсткованія о прошломъ Херсонеса и переходимъ къ описанію раскопокъ и находокъ.

Часть вторая.

РАСКОПКИ ХЕРСОНЕСА.

А. Античный периодъ.

I.

Приказъ первымъ русскимъ судамъ разыскивать и описывать древности. Первые планы. Первая раскопка лейтенанта Крузе. Остатки трехъ церквей. Николаевскій музей русскихъ древностей.

Раскопки Херсонеса ведутся систематически уже десятки лѣтъ и имѣютъ свою маленькую и довольно интересную исторію.

Еще до присоединенія Крыма къ Российской державѣ, пишеть историкъ Севастополя Головачевъ, едва наши первые суда успѣли показаться у береговъ Крыма (въ 1772 г.), какъ имъ было приказано «обращать вниманіе на древности, разыскивать и описывать ихъ».

Вѣроятно, въ эту экспедицію была сдѣлана и съемка этой мѣстности. «Въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, говорить Бертье-Делагардъ, хранится планъ 1772 г. подъ заглавиемъ: «Аккуратный планъ положенія Алхіярской гавани съ лежащими при оной древними городами Алхіяромъ¹⁾ и Херсономъ». Въ архивѣ главнаго морского штаба есть еще планъ Херсонеса и Инкермана, снятый, очевидно, съ чисто археологической цѣлью; на немъ, по словамъ Бертье-Делагарда, нѣтъ года, но, судя по сходству съ первымъ, онъ тоже 1772 г. и, во всякомъ случаѣ, не позже 1778 г., такъ какъ на планѣ нѣтъ не только Севастополя, но и батарей, построенныхъ Суворовымъ въ 1778 г.».

¹⁾ Т. е. Севастополемъ. Такъ назывался поселокъ на мѣстѣ нынѣшняго Севастополя. Къ плану приложена виньетка—видъ всего городища Херсонеса.

Въ маѣ 1783 г. русская эскадра вошла въ Ахтіарскую бухту и стала на якорь; въ то же время Потемкинъ командировалъ сюда подполковника Балдани для пропрѣкіи показаній лѣтописи, для осмотра мѣстности Херсонеса и нанесенія ея на планъ, а ученаго нѣмца Габлица—для собиранія разныхъ свѣдѣній. Вѣроятно, къ этому времени относятся два плана, сохранившіеся въ архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ и морского вѣдомства; первый—«планъ древнему Херсону», а другой—специально археологическій «планъ развалинъ древняго Херсона» съ окрестностями, сдѣланный для Габлица¹⁾). «Планы эти, по словамъ Бертье-Делагарда, представляютъ только крѣпостную ограду Херсонеса, отмѣчая большую часть ея разрушенной. Никакихъ зданій и улицъ города не нанесено». Видя на тѣхъ же планахъ, что Инкерманъ показанъ со всѣми башнями и кварталами зданій, Бертье-Делагардъ приходитъ къ выводу, что «малость и неточность показанного въ Херсонесѣ зависѣла не отъ неумѣнія или старанія тѣхъ же съемщиковъ, отлично понимавшихъ важность Херсонеса, а исключительно отъ того, что нечего было показывать кромѣ остатковъ крѣпостной стѣны».

Съ этимъ заключеніемъ согласиться трудно: Инкерманъ могъ быть нанесенъ съ большими подробностями уже потому, что онъ во много разъ меньше Херсонеса, а пользоваться его остатками, лежащими на высокой скалѣ, было совсѣмъ неудобно. Во всякомъ случаѣ, какъ русскіе ни расставкивали Херсонесъ при постройкѣ Севастополя, но все же къ 1787 г., когда Херсонесъ посѣтила Екатерина II, отъ него оставалось довольно много; иначе трудно было бы величаться «царицей Херсониса Таврическаго», а тѣмъ болѣе выбивать медаль въ память посѣщенія несуществующаго города. Но уже въ 1794 г. Палласъ писалъ: «расположеніе улицъ и домовъ различать болѣе нельзѧ, потому что при добываніи тесанныхъ камней все было разрушено, перерыто и завалено». «Въ Херсонисѣ Ахтіаръ (т. е. Севастополь) ископалъ всѣ свои украшенія», говорить очевидецъ событий, крымскій судья Сумароковъ въ своихъ «Документахъ».

Итакъ, первыми русскими изслѣдователями Херсонеса были первые топографы, а первыми раскопщиками—первые поселенцы и создатели Севастополя.

1) Точные копіи этихъ, какъ и другихъ древнихъ плановъ Херсонеса имѣются у Бертье-Делагарда и Скубетова, и они охотно предлагаютъ ихъ вниманію интересующихся.

Однако, говоря серьезно, первыя раскопки, о которыхъ остался литературный слѣдъ, были сдѣланы въ 1827 г. лейтенантомъ Крузе, по порученію главнаго командира черноморскаго флота адм. Грейга. Многое открытое при этомъ и уцѣлѣвшее описано у Дюбуа въ его знаменитомъ «Путешествіи», а частью въ запискахъ самого Крузе.

«Уже при первыхъ поверхностныхъ раскопкахъ (въ центрѣ города), пишетъ Аркасъ, нашли нижнія стѣны трехъ каменныхъ церквей, сложенныхъ на извести, съ полукруглыми алтарями, а по бокамъ алтарей гробницы, покрытыя мраморными плитами съ изображеніемъ креста, и въ нихъ человѣческие остаты, мѣдные монеты, стеклянныя кисти или запястья. Одна изъ церквей посерединѣ Херсонеса сохранилась лучше, другія разорены, и камни ихъ снесены. Поль изъ мозаики, и на полу разбитыя мраморныя колонны съ широкими концами (капителями?) и съ изображеніемъ на нихъ выпуклого креста».

Куда попали первыя находки въ Херсонесъ, неизвѣстно, но, можно думать, въ Николаевскій музей. Въ 1809 г. въ Николаевѣ, по почину главнаго командаира черноморскаго флота маркиза де-Траверсе, при мѣстномъ гидрографическомъ депо открылся первый русскій музей древностей, куда помѣщались находки изъ сосѣдней Ольвіи, Керчи, вѣроятно также изъ Херсонеса и другихъ мѣстъ. Но большая часть находокъ, надо полагать, попадала въ частныя руки. И еще не такъ давно во многихъ дворахъ севастопольцевъ можно было видѣть карнизы, капители, части колоннъ, а въ квартирахъ—предметы обихода херсонаситовъ.

II.

Одесское Общество Исторіи и Древностей. Съемки капитана Аркаса. Раскопки Корейши, Шемякина, кн. Барятинскаго и гр. Уварова. Находки французовъ. Раскопки при постройкѣ собора. Раскопки Одесского Общества Исторіи и Древностей. Проектъ мѣстнаго музея.

Въ 1839 году въ Одессѣ учредилось Общество любителей Исторіи и Древностей; оно устроило свой музей, въ который вскорѣ было передано почти все содержимое николаевскаго музея, основало свой органъ—«Записки Одесского Общества Исторіи и Древностей» и на первыхъ же порахъ своей дѣятельности «обратило свое просвѣщенное вниманіе на классическую мѣстность Херсонеса. Общество пожелало имѣть возможно полныя свѣдѣнія о херсонесскомъ полуостровѣ въ его древнѣйшихъ предѣлахъ и обратилось къ главному начальнику черноморскаго

флота М. П. Лазареву съ просьбой о снятіи плана съ уцѣльвшихъ слѣдовъ Херсонеса и его окрестностей», что и было поручено капитану 1-го ранга Аркасу, который черезъ нѣсколько лѣтъ и представилъ Обществу «Описаніе Ираклійскаго¹⁾ полуострова и древностей его» (съ картами и планами).

Въ 1846—47 годахъ производилъ здѣсь маленькия раскопки, по порученію Министерства Императорскаго Двора, чиновникъ Корейша. Нѣсколько позднѣе подобная же раскопки дѣлалъ на свой страхъ лейтенантъ Шемякинъ. Его находки поступили въ Одесскій музей. Послѣ него копалъ лейтенантъ князь Барятинскій. Около этого времени развалины перепили въ вѣдѣніе епархиальнаго начальства, устраивавшаго здѣсь киновію. Въ 1853 году, опять по порученію Министерства Двора, занимался раскопками гр. Уваровъ, въ то время лучшій знатокъ и любитель этого дѣла. Онъ раскопалъ у самаго берега моря большую базилику, а въ ней красивый, хорошо сохранившійся мозаичный полъ, который былъ снятъ и перевезенъ въ Эрмитажъ; кромѣ того, здѣсь же были откопаны колонны, базы, карнизы, обломки цѣннаго мрамора, монеты и т. п., каковыя частью тоже были перевезены въ Петербургъ, а частью попали въ музей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Базилика эта съ того времени носить название «уваровской».

«Въ роковой 1854 годъ, говорить Аркасъ, непріятели всю классическую мѣстность византійскаго Херсонеса изрыли траншеями и сооруженными здѣсь батареями значительно измѣнили слѣды городскихъ построекъ». О находкахъ французовъ говорить не приходится,—что нашли, забрали съ собой, да захватили и то немногое, что оказалось въ недавно основанномъ монастырѣ. Такимъ образомъ, въ расхищеніи Херсонеса принимали участіе и просвѣщенныя націи. Скубетовъ видѣлъ рисунокъ англійской работы, на которомъ изображено, какъ французы вынимаютъ куски мозаики изъ развалинъ храма. Затѣмъ дѣло раскопокъ какъ бы затихло.

Съ весны 1860 г. въ центральной части херсонесскаго городища начались земляные работы для постройки храма въ память крещенія князя Владимира. Во время работъ раскопана большая площадь (около десятины), причемъ были открыты фундаменты семи церквей и часовенъ. Но это были случайныя раскопки.

¹⁾ Ираклійскій или иначе Трахейскій полуостровъ—вся площадь между Севастопольской и Балаклавской бухтой.

Одесское Общество Истории и Древностей давно сознавало необходимость правильныхъ раскопокъ Херсонеса, но у него не было для этого средствъ, почему оно вынуждено было обратиться къ помощи правительства. И только въ 1876 г. министръ народного просвѣщенія гр. Толстой «по исходатайствованіи, какъ говорится въ офиціальномъ документѣ, въ видахъ сохраненія позднѣйшему потомству слѣдовъ византійского Херсонеса у св. правит. синода ежегодной суммы для предоставлениія Обществу возможности привести въ исполненіе его предположенія, испросилъ разрѣшеніе принять на средства духовнаго вѣдомства расходъ на строительныя надобности Общества по раскопкѣ и восстановленію древнихъ памятниковъ христіанства и изъ собранныхъ остатковъ византійского зодчества устроить мѣстный христіанскій музей». «Синодъ имѣлъ благосклонность съ 1876 г. ассигновать ежегодно по тысячѣ рублей. Общество съ своей стороны для систематического вскрытия слѣдовъ города учредило комитетъ, состоящій изъ вице-президента, членовъ и техника, по военнымъ обстоятельствамъ сумѣвшихъ только въ декабрѣ приступить къ дѣлу».

«Разслѣдованія и раскопки, начатыя съ древнѣйшей базилики, что на морскомъ берегу, представляли рядъ фундаментовъ строеній и церквей особаго вида».

Далѣе мы узнаемъ, что «Синодъ предполагалъ изъ собранныхъ карнизовъ, столбовъ (колоннъ?), капителей и прочихъ частей построить вблизи строящагося храма зданіе въ видѣ древней христіанской баптистеріи (крещальни), которая собранною съ кровли храма водою образуетъ водосвятный фіалъ, по подобію существующихъ на св. Аѳонской горѣ».

Предсѣдатель Общества взамѣнъ этого предлагалъ устроить христіанскій музей. «Изъ всего собраннаго въ бывшихъ зданіяхъ мрамора, писалъ онъ, составится мѣстный христіанскій музей, который будетъ вмѣщать въ себѣ все, что осталось христіанского, начиная съ VII вѣка, если не далѣе. Здѣсь же будутъ храниться херсонесскія монеты и другія вещи, въ развалинахъ откопанныя».

Въ основаніе капитала на постройку этого музея, Аркасомъ было издано уже извѣстное намъ «Описаніе Ираклійскаго полуострова», и кроме того, разными лицами сдѣланы добровольныя пожертвованія. Такъ шло до 1885 г.

III.

Раскопки въ вѣдѣніи херсонесскаго монастыря; его собраніе древностей.

На такія ограниченныя средства, конечно, нельзя было много сдѣлать. Приходилось часто дѣлать перерывы. Раскопкамъ случайно помогло то, что въ Херсонесѣ брали землю для сооруженія ближайшихъ батарей, при чемъ раскопана обширная часть городища. Кромѣ того, раскопки иногда велись по дешевой цѣнѣ нарочно приглашеннымъ саперомъ (1880). Техническій надзоръ бесплатно взяли на себя военные инженеры, работавши при сооруженіи батарей. Затѣмъ все дѣло вѣль исключительно монастырь, поручая надзоръ кому-либо изъ братіи, но все же подъ руководствомъ назначенаго Обществомъ члена. Однако это оказалось неудобнымъ и въ 1881 г. Общество передало раскопки въ вѣдѣніе монастыря на такихъ условіяхъ: «Завѣдываніе техническою и хозяйственою частью и надзоръ за ними Общество просить принять на себя о. іеромонаха Іоанна. Всѣ открываемыя монеты и предметы древнѣйшаго періода должны поступать въ музей Общества, а все принадлежащее византійскому періоду должно оставаться въ монастырѣ для предполагаемаго византійскаго музея».

Однако надзоръ оказался недостаточнымъ. Масса находокъ пропадала, почему Общество, для предотвращенія утайки найденныхъ вещей рабочими, независимо отъ усиленія надзора со стороны монастыря, обратилось къ попечителю учебного округа съ просьбой «оказать Обществу содѣйствіе привлечениемъ для наблюденія за рабочими одного изъ лицъ учебного вѣдомства, живущихъ въ Севастополь». Общество питаетъ полную надежду, что при такихъ условіяхъ дѣло пойдетъ лучше, и надѣяться не будуть явно насыщаться севастопольскіе любители, которые называютъ покупку такихъ вещей, украденныхъ рабочими, сбереженіемъ херсонесскихъ древностей».

Но съ представителемъ министерства народнаго просвѣщенія дѣло не сладилось, и одно время наблюденіе за раскопками было возложено (*horribile dictu!*) на приказчика, который получалъ за это по 30 руб. въ мѣсяцъ и, конечно, воровалъ находки и продавалъ ихъ.

Отсюда видно, что раскопки въ это время (1878—86 гг.) велись кое-какъ, и Общество наблюдало за ними только издали. Все-же порядочная часть находокъ попадала въ Общество и его

музей, а часть—оставалась при монастыре, гдѣ изъ нихъ даже образовался маленький музей¹⁾.

Въ этотъ періодъ раскопки много помогали и военно-инженерные работы; ради нихъ, между прочимъ, была раскопана часть городской оборонительной стѣны, главные ворота, входъ водопровода въ городъ и большая фланговая башня. Но вскорѣ новая батарея погребла подъ собой все открытое. Къ счастью науки, среди инженеровъ нашелся любитель древностей шт.-капитанъ Гарабурда, который все раскопанное тщательно описалъ и наносилъ на планъ.

IV.

Александръ III въ Херсонесъ. Раскопки подъ Высочайшимъ покровительствомъ. Платъ гр. Бобринского. Косцюшко-Валюжиничъ—завѣдующій раскопками. На раскопки ассигнуется 4000 руб. Ходъ работы.

Въ 1886 г. покойный Государь Александръ III лично посетилъ Херсонесъ, осмотрѣлъ монастырскій музей и, увидавъ, какъ мало тамъ предметовъ, не смотря на годы раскопокъ, какъ говорятъ свидѣтели, съ грустью замѣтилъ: Je crois, que tout est volé.

Это, вѣроятно, дало поводъ принять херсонесскія раскопки подъ высокую руку. И вотъ 19 мая 1887 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ раскопокъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію, состоящую при Министерствѣ Двора. Предсѣдатель Коммиссіи, почтенный археологъ гр. А. А. Бобринскій принялъ близко къ сердцу это дѣло. Онъ лично прибылъ въ Херсонесъ, разработалъ планъ будущихъ раскопокъ, и по рекоменданіи Одесского Общества Исторіи и Древностей завѣдующимъ раскопками былъ назначенъ К. К. Косцюшко-Валюжиничъ, человѣкъ съ инженернымъ образованіемъ, стяжавшій репутацію весьма усерднаго археолога-любителя. Предшествовавшій временный руководитель раскопокъ проф. Кондаковъ передалъ ему все дѣло и оставилъ необходимыя суммы. Съ этого момента Археологическая Коммиссія отпускала ежегодно на раскопки по 4000 руб., изъ коихъ уплачивалось вознагражденіе и завѣдующему ими.

Съ этого же времени всѣ находки поступаютъ въ вѣдѣніе Археологической Коммиссіи, и, по ея усмотрѣнію, болѣе цѣнныя

¹⁾ Въ послѣдніе годы онъ приведенъ въ порядокъ Косцюшко-Валюжиничемъ.

предметы, имѣющіе общій интересъ, направляются въ Эрмитажъ или въ Московскій Историческій музей; оставшее должно храниться въ мѣстномъ «складѣ древностей», какъ называлъ Косцюшко маленькой музей, выстроенный тутъ же на развалинахъ, въ которомъ съ годами накопилась масса самыхъ разнообразныхъ предметовъ, составляющихъ нынѣ обширный археологический музей, который едва вмѣщаетъ находки.

Съ этого времени, можно сказать, наступилъ цвѣтующій періодъ херсонесскихъ раскопокъ. Косцюшко горячо принялъ за любимое дѣло и съ неослабной энергией продолжалъ его въ теченіе двадцати лѣтъ. За этотъ длинный періодъ раскопана громадная площадь не только въ городѣ, но и далеко за его гигантской стѣной. Боясь, чтобы для исторіи и строгаго потомства не прошли цѣнныя остатки прошлаго, Косцюшко перерылъ часть виноградниковъ монастыря, перекопалъ дворы монастырскихъ службъ и даже большую часть нового монастырскаго сада и вездѣ находилъ цѣнныя остатки въ видѣ венцей или зданій разныхъ эпохъ. Это въ стѣнахъ города, а за пими, въ прилегающихъ балкахъ, онъ раскопалъ около 2000 усыпальницъ и погребеній разныхъ періодовъ, которыя нашимъ музеямъ дали столько шедевровъ античнаго и византійскаго искусства и массу материаловъ для объясненія прошлаго города.

Какъ велись раскопки, лучше всего показываетъ слѣдующій фактъ. Осеню 1897 г. въ выбрасываемой изъ развалинъ одного изъ домовъ землѣ было замѣчено нѣсколько мелкихъ шиферныхъ осколковъ со слѣдами какого-то выпуклого изображенія, о которомъ нельзя было составить никакого понятія. Чуя въ осколкахъ интересную находку, Косцюшко заставилъ трехъ рабочихъ въ теченіе двухъ дней пересѣживать на тонкомъ грохотѣ всю землю мѣста находки и внимательно перебирать остатки грохота. Такимъ образомъ было выбрано 32 шиферныхъ кусочка, которые потомъ терпѣливо въ теченіе нѣсколькихъ дней были подобраны, склеены, и въ результатѣ получилась почти полностью крайне интересная въ исторіи византійскаго искусства и важная въ церковной живописи икона, изображающая Георгія Побѣдоносца и Димитрія Солунскаго.

Само собою, при такой любви къ дѣлу, каждая вещица тщательно очищалась, склеивалась, приводилась въ порядокъ, съ болѣе интереснаго дѣлались фотографические снимки, съ остатковъ зданій и улицъ съемки, и всему велась самая подробная опись, по которой составлялись самые точные иллюстрирован-

ные отчеты, съ которыми читатель самъ можетъ познакомиться въ изданіяхъ Императорской Археологической Коммиссіи.

V.

Императоръ Николай II съ Августѣйшей семьею въ Херсонесѣ въ 1898 году. Прибавка 2000 руб. Городская стѣна и ея склепъ. Складъ мѣстныхъ древностей. Вторичное посѣщеніе Царской семьей. Даръ Государя. Проекты зданій музея. На раскопки отпускается 10.000 руб. Деятельность Косцюшко.

Въ 1898 г. посѣтилъ Херсонесъ нынѣ царствующій Государь Николай Александровичъ съ августѣйшей семьей. Осмотрѣвъ раскопки и древности, Государь остался доволенъ, благодарилъ и къ отпускаемымъ изъ Кабинета 4000 приказалъ прибавить еще 2000 руб. ежегодно. Такая прибавка дала возможность пріобрѣсть переносные рельсы и достаточное число вагонетокъ и тѣмъ самымъ расширить и значительно ускорить работы.

Косцюшко давно искалъ продолженіе частью открытой имъ недалеко отъ склада древностей городской стѣны, но не рѣшался приступить къ работамъ изъ-за недостатка средствъ. Теперь они были. Въ началѣ весны 1899 г. онъ приступилъ къ раскопкамъ недалеко отъ монастырскихъ воротъ, а въ маѣ здѣсь обнаружены громадный участокъ древней оборонительной стѣны дивной кладки, съ прекрасно сохранившимися воротами и у ихъ подножія въ самой стѣнѣ—большой склепъ съ богатѣйшимъ содержаніемъ, окунившимъ щедрую прибавку сторицею, а въ слѣдующемъ году далеко за стѣной былъ раскопанъ большой кладбищенскій храмъ съ дивнымъ мозаичнымъ поломъ и подземными ходами.

При такихъ условіяхъ, складъ древностей, несмотря на постоянную эвакуацію, быстро полнѣлъ; становилось въ немъ тѣсно.

Въ 1902 г. Государь съ Августѣйшей семьей вторично посѣтилъ Херсонесъ и на этотъ разъ осматривалъ его еще болѣе подробно, спускался даже въ подземный ходъ при указанной церкви. Раскопки и мозаичный полъ очень заинтересовали Государя, и для сохраненія цѣнныхъ остатковъ Государь приказалъ отпустить 2000 руб. на устройство закрытой кровли надъ храмомъ и сторожки при немъ. При осмотрѣ Государемъ склада древностей, Косцюшко осмѣялся указать на крайнюю тѣсноту склада, неприспособленность его и неудобство при массѣ посетителей и высказалъ мысль о желательности постройки специ-

ального зданія музея, которое своей виѣшнотью и размѣрами соотвѣтствовало бы научнымъ богатствамъ, которыя собраны здѣсь въ долгіе годы раскопокъ, и своей архитектурой напоминало бы лучшія времена богатаго Херсонеса. Государь обѣцалъ подумать о новомъ зданіи, вполнѣ соглашаясь, что цѣннымы находкамъ «не мѣсто въ такомъ сараѣ, какъ нынѣшній», и тутъ же приказалъ передать министру двора составленные мѣстными инженеромъ два проекта предполагаемаго музея¹). Государь пробылъ на раскопкахъ ровно два часа и настолько заинтересовался ими, что освѣдомился: «Достаточно ли здѣсь сторожей?» На это Косцюшко могъ только отвѣтить, что «городище не охраняется, за неимѣніемъ средствъ». Оставляя Херсонесъ, Государь сказалъ завѣдующему, что отнынѣ, въ память посѣщенія раскопокъ Ихъ Величествами, будеть отпускаться ежегодно вмѣсто шести—десяти тысячъ рублей. Такая прибавка дала возможность не только обеспечить надзоръ за городищемъ и раскопками, но и значительно расширить ихъ, имѣть постояннаго фотографа и чертежника, собрать большую специальную библиотеку по Херсонесу и древностямъ, которая занимаетъ теперь цѣлую комнату. Отпущенныя средства дали возможность устроить рядомъ со складомъ древностей большиe навѣсы и здѣсь хранить менѣе цѣнныя или громоздкіе остатки старины: питосы²), жернова, кувшины, водопроводныя трубы и т. п. вещи.

Кромѣ того, за этотъ періодъ раскопокъ, которыя при данныхъ средствахъ имѣютъ возможность продолжаться въ зависимости отъ погоды почти круглый годъ, набралась масса мраморныхъ плить, колоннъ, капителей и пр., которыя тутъ же заняли цѣлый дворъ и хранятся подъ открытымъ небомъ. Сюда же Косцюшко перенесъ изъ некрополя въ полной сохранности рядъ могиль вмѣстѣ съ урнами. Такимъ образомъ, у самаго берега Херсонесской бухты, которую и теперь еще совершенно не-кстати называютъ Карантинной, образовался очень интересный археологическій уголокъ, уже поверхностное обозрѣніе котораго переносить васъ въ далекое прошлое и въ которомъ исторія нѣкогда богатаго, культурнаго города встаетъ передъ вами въ разбитомъ и разрушенномъ видѣ.

Въ декабрѣ 1907 г. не стало К. К. Косцюшко: нарывъ въ легкомъ свелъ его въ могилу. Мѣсто завѣдующаго раскопками

¹⁾ Къ сожалѣнію, японская война заставила позабыть объ этихъ проектахъ.

²⁾ Колossalные кувшины (въ ростъ человѣка), для храненія зерна, муки и т. п. предметовъ.

занялъ Р. Х. Леперъ, бывшій секретарь Константинопольского русского археологического института. Онъ расширилъ помѣщеніе склада древностей, отдѣливъ двѣ жилыхъ комнаты своего предшественника специально подъ археологическую лабораторію, гдѣ очищаются и приводятся въ порядокъ всѣ находки. Здѣсь въ одной изъ комнатъ на полу вы видите массу предметовъ, такъ сказать, въ черномъ видѣ: въ земль, глинѣ..., какъ они найдены, а рядомъ--они уже въ порядкѣ и ждутъ своего распределенія и дальнѣйшей судьбы. Г. Леперъ тронулъ своей киркой не только новыя, никѣмъ еще не обслѣдованныя мѣста, но и старыя, у военныхъ сооруженій въ С.-З. углу городища, гдѣ когда-то копалъ гр. Уваровъ, французы и куда заглядывалъ даже Косцюшко, но только очень поверхностно,— и здѣсь оказался рядъ интересныхъ очень древнихъ находокъ¹).

Послѣ этого исторического вступленія, перехожу къ описанію самыхъ раскопокъ и находокъ, причемъ, для удобства въ орентировкѣ, сначала разскажу о раскопкахъ въ городищѣ, затѣмъ—о стѣнѣ, охранявшей городъ, и находящемся за ней некрополѣ и подъ конецъ нѣсколько словъ о раскопкахъ въ окрестностяхъ Херсонеса, нѣкогда составлявшихъ съ нимъ одно цѣлое.

VI.

Городище; его площадь и населеніе. Материкъ древняго города. Общая характеристика раскопокъ. Открытые кварталы, улицы и постройки греко-римскаго и византійскаго Херсонеса.

Вся площадь городища, ограниченная моремъ, бухтой и оборонительной стѣной, по точному обмѣру шт.-капитана Горячова,

¹) Говоря о раскопкахъ, нельзя не упомянуть о мало замѣтномъ, но постоянномъ сотруднике и вѣрномъ слугѣ Херсонеса М. И. Скубетовѣ, официально — чертежникѣ, руками которого сделаны всѣ съемки и чертежи, херсонескія иллюстраціи въ „Отчетахъ Императорской Археологической Комиссіи“. Ему же принадлежать планы Херсонеса, при трудахъ проф. Ростовцева и Айналова. Съ маленьkimъ образованіемъ, почти самоучка, г. Скубетовъ попалъ сюда лѣтъ 15 назадъ, полюбилъ Херсонесъ и отдался ему пѣликомъ. На получаемые гроши онъ неутомимо въ теченіе долгихъ лѣтъ отыскиваетъ и приобрѣтаетъ не только рѣдкія антикварныя изданія, но буквально каждую строчку о Херсонесѣ. Благодаря его знанію и умѣнію, херсонесская библиотека пополнилась цѣлымъ рядомъ самыхъ рѣдкихъ изданій. Знакомство съ литературой о Херсонесѣ у Скубетова прямо поразительное, и я не могу себѣ представить лучшаго проводника по херсонескимъ раскопкамъ, какъ г. Скубетовъ.

составляетъ $35\frac{1}{2}$ десятинъ (84,112 кв. саж.)¹⁾, что, приблизительно, подходитъ къ окружности города въ 5000 шаговъ, какъ говорилъ Плиній. Отсюда можно опредѣлить довольно близко число домовъ и жителей древняго Херсонеса. Если мы примемъ, что четвертую часть города занимали площиади и улицы, тогда подъ дворами и постройками останется 60,000 кв. саж. Какъ показываютъ раскопки, дворы и постройки были малы и занимали каждый площиадь въ 40—50 кв. саж., рѣдко болѣе, но чаще—гораздо менѣе. Такимъ образомъ, въ Херсонесѣ въ цвѣтуцій періодѣ было 800—900 домовъ. Считая населеніе каждого дома 10—12 человѣкъ, найдемъ, что всего въ городѣ было 10000—12000 жителей, и это при тѣснотѣ. Часть бѣдноты, одна, много двѣ тысячи, которой нечего было терять и бояться враговъ, могла ютиться въ стѣнѣ въ лачужкахъ, отъ которыхъ не осталось и слѣдовъ. Отсюда сообщеніе извѣстнаго Дюбуа де Монпере, попавшее во всѣ путеводители и перепечатывающеся и понынѣ, что въ Херсонесѣ было 5000 домовъ и около 50,000 жителей, является сплошной фантазіей.

Уже много лѣтъ назадъ раскопки привели къ мысли, что «материкъ древнѣйшаго Херсонеса образуетъ скала, и, слѣдовательно, онъ легко можетъ быть узнанъ и опредѣленъ. Мѣстами, а именно посреди города и тамъ, где открыты главныя доселѣ извѣстныя его улицы, на линіи отъ храма Владимира къ морю, скалистый материкъ поднимается и образуетъ въ этихъ улицахъ своего рода гребень, открываемый подъ современнымъ уровнемъ на глубинѣ одного или полутора аршина. Между тѣмъ на продолженіи этой главной улицы и переулки, а затѣмъ и самые дома по Большой улицѣ расположены уже не на скалѣ, но на рыхлой насыпи искусственно образованнаго уровня. Когда именно древній (византійскій) городъ принялъ этотъ искусственный уровень и построился на немъ, остается пока неизвѣстнымъ, но, очевидно, это должно было произойти послѣ какой-либо катастрофы. О той же катастрофѣ (повидимому—большомъ пожарѣ) свидѣтельствуютъ руины открываемыхъ церквей. И такъ какъ для новыхъ церквей выбирались прежнія мѣста, т. е. развалины прежнихъ церквей, а эти послѣднія, по греческому обычаю, ставились на мѣстахъ наиболѣе возвышенныхъ, то было вполнѣ естественно для постройки новаго города и разбивки

1) Въ настоящее время около 7 десятинъ этой площиади находится подъ монастыремъ: его садомъ, виноградникомъ, храмами и постройками и около 2 десят. прибрежной (Ю.-З.) части города—въ вѣдѣніи военно-инженернаго вѣдомства.

его улицъ устроить надъ развалинами прежняго новый уровень, засыпавъ эти развалины землею. Новый (византійскій) городъ былъ видимо бѣднѣе прежняго, но не менѣе его многолюденъ, и поэтому отличался массою мелкихъ построекъ, наскоро сложенныхъ изъ камня и щебня и занимающихъ тѣсныя, узкія улички. Въ этихъ постройкахъ рѣдко встрѣчается правильная кладка изъ тесанныхъ плитъ, свойственная древности и сохранившаяся здѣсь только въ церквяхъ и немногихъ домахъ. Въ этомъ позднѣйшемъ городѣ, тоже разрушенномъ, раскопки открывали крайне ограниченное число мелкихъ памятниковъ, что надо объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что руины долгое время оставались открытыми и доступными для обыска. И доселѣ онъ лишь слегка прикрыты землею. Отсюда отчасти то разочарование, которое получилось въ результате раскопокъ семидесятыхъ годовъ, обнаружившихъ много улицъ, но давшихъ весьма мало вещественныхъ находокъ.

«Какъ бы то ни было, на всемъ этомъ пространствѣ раскопки, доведенные до материковой скалы, обнаружили подъ уровнемъ средневѣковаго города развалины древняго Херсонеса. Повсюду подъ стѣнами первого найдены или стѣны древняго города, или же подъ домами его—остатки домовъ древняго, либо улицы подъ домами и обратно. Новый городъ воспользовался лишь частью цистернъ древняго и его пашенныхъ (кормовыхъ) и мусорныхъ ямъ, но устроилъ свои собственные водопроводы и водостоки. Везде постройки древняя рѣзко отличаются отъ позднѣйшихъ: древняя стѣны сложены всегда изъ тесанныхъ плитъ, и внутренность помѣщеній покрыта тонкою штукатуркой; она окрашена въ красный и темно-красный цветъ. Стѣны античнаго города сохранились въ вышину не болѣе одного, рѣдко—полутора аршина и вообще представляютъ остатки города, сравненного съ землею».

«Чѣмъ глубже идутъ раскопки, тѣмъ чаще мелкія находки. Сверху въ грудахъ мусора и щебня встрѣчаются почти исключительно черепица, черепки поливной посуды съ изображеніями въ восточномъ вкусѣ. Рѣже—предметы утвари изъ желѣза и мѣди, бронзовыя издѣлія, обломки иконокъ, тѣльныхъ крестовъ, цѣлые и битыя амфоры; часто—херсонесскія монеты византійскаго периода. Напротивъ, въ глубокихъ слояхъ встрѣчаются монеты греческаго периода. На полу помѣщеній нижняго города постоянно встрѣчались черепки покрытыхъ черною поливою соудовъ, чаще безъ всикихъ рисунковъ, но иногда украшенныхъ такими изображеніями, стиль которыхъ заставляетъ отнести по-

суду къ III в. до Р. Хр., а это уже указываетъ на время существованія города».

«Развѣдки окончательно выяснили тотъ фактъ, что кроме немногихъ пунктовъ, гдѣ скалистый материкъ выдается гребнемъ, все остальное непелище города, какъ не изслѣдованного, такъ и раскрытое уже прежними раскопками, должно быть изслѣдано до материка»¹⁾.

Изъ всего пространства, занимаемаго городищемъ, раскопана въ разныхъ мѣстахъ едва шестая часть. Разслѣдованіе коснулось главнымъ образомъ центральной и юго-западной части города, прилегающей къ морю. Къ сожалѣнію, самый центръ, на которомъ находится храмъ св. Владимира, разслѣдованъ крайне неудовлетворительно поверхностымъ перекапываніемъ и перебрасываніемъ земли безъ обнаружения плана древняго города, такъ какъ имѣлись въ виду не археологическія цѣли, а нивелировка мѣстности и прокладка фундаментовъ для постройки собора. Такимъ образомъ, остались подъ сводами храма, быть можетъ, очень интересныя и цѣнныя вещи.

Нераскопанныя части городища выглядятъ кучами мусора, поросшаго жесткой травой, среди которой тамъ и сямъ торчатъ обнаженные камни стѣнъ, точно разбросанныя кости гигантскаго звѣря. Проходишь по этимъ буграмъ и не чувствуешь остатковъ и признаковъ бывшаго города; но стоитъ копнуть, и уже на незначительной глубинѣ обнаруживается линія стѣнъ, а за ней—правильныя узкія улицы, съ тѣсными домами почти безъ дворовъ, со множествомъ храмовъ и часовенъ. Насколько позволяютъ судить раскопанные участки, городъ построенъ по строго опредѣленному плану, съ очень правильно нарѣзанными кварталами.

Раскопками открыто нѣсколько улицъ и болѣе сотни домовъ и домиковъ. Надо замѣтить, что многое изъ раскопанного послѣ тщательнаго разслѣдованія въ силу житейскихъ или государственныхъ соображеній пришлось снова засыпать. Такъ пришлось поступить внутри монастырскихъ стѣнъ: на мѣстѣ виноградника, сада, чернаго двора и вблизи военныхъ сооруженій. Но для исторіи эти разслѣдованія не пропали: раскопанное нанесено на планъ, съ болѣе интересныхъ мѣсть снята фотографія, а находки направлены въ складъ древностей.

Открыта несомнѣнно главная улица, шедшая, очевидно, отъ большой средней площади, гдѣ теперь храмъ св. Владимира,

¹⁾ Отчетъ Императорской Археолог. Комиссіи за 1888 г., 207—210.

прямо къ морю съ Ю.-З. на С.-В. и здѣсь у самаго обрыва заканчивающаѧся довольно большой базиликой съ абсидой, т. е. съ полукругомъ, въ которомъ помѣщалась алтарная часть. Теперь эта улица начинается неразслѣдованными пока остатками развалинъ за алтаремъ храма Владимира у монастырской калитки, изъ которой вы прямо попадаете на улицу. Она около трехъ саженей шириной съ остатками мостовой изъ дикаго камня. По сторонамъ почти сплошной стѣной идутъ фундаменты домовъ, почти безъ дворовъ. Сложены они на цементѣ, довольно небрежно, изъ необдѣланныхъ кусковъ обыкновенного известковаго камня, и только въ одномъ домѣ замѣтна довольно чистая облицовка изъ инкерманскаго камня. На углу первой же боковой улицы пьедесталъ отъ статуи. Вообще боковые улицы или, вѣрнѣе, улички шириной около двухъ или даже менѣе сажени застроены сплошь еще болѣе мелкими домиками уже совсѣмъ небрежной кладки.

Тамъ, гдѣ раскопки производились до оснований, оказалось, что большинство зданій построено на самой скалѣ безъ фундаментовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчается, что плохо сложенный домикъ лежитъ на остаткахъ хорошаго прочнаго основания, которое ни размѣромъ, ни формой не совпадаетъ съ верхней постройкой. Очевидно, на остаткахъ старого хорошаго фундамента выростали дешевые и легкія зданія. Этого не замѣчается въ сѣверной части города и у самаго моря. Напротивъ, въ южной части города, прилегающей къ оборонительной стѣнѣ, оказался цѣлый околодокъ съ остатками очень бѣдныхъ построекъ, а подъ ними, на глубинѣ около сажени, солидные фундаменты большихъ зданій.

Все это вмѣстѣ взятое уже давно привело къ убѣждѣнію, что видимые остатки города и его построекъ принадлежать не эллинскому, даже не римскому, а только позднѣйшему, византійскому Херсонесу, периода его крайняго упадка. О древнемъ и древнѣйшемъ Херсонесѣ говорятъ городская стѣна, немногіе фундаменты и мелкія археологическія находки. Остатки древнѣйшихъ фундаментовъ съ убѣдительностью говорятъ, что въ то время постройки здѣсь были далеко болѣе солидныя и богатыя, чѣмъ оставшіяся отъ византійскаго Херсонеса.

VII.

Центръ древняго города. Главная улица. Характеръ древнѣйшихъ построекъ.

Центромъ древняго Херсонеса была площадь, нынѣ занятая храмомъ св. Владимира. Это можно утверждать даже и теперь, когда раскопана только часть города. За это говорить удобное срединное положеніе ея на высокомъ, ровномъ мѣстѣ, затѣмъ указанная нами большая прилегающая къ ней улица, которая, съ увѣренностью можно сказать (судя по расположению построекъ и направленію другихъ улицъ), досталась византійскому городу въ наслѣдство отъ древне-греческаго Херсонеса. Улица эта начиналась (сзади нынѣшней монастырской конюшни) отъ самой оборонительной стѣны, собственно, судя по остаткамъ здѣсь обширной постройки, отъ одной изъ ея башенъ. По мнѣнию Бертье-Делагарда, здѣсь у стѣнъ начиналась цитадель, упоминаемая Помпониемъ Мелой (I в. по Р. Хр.).

Улица эта перерѣзывала весь городъ съ Ю.-З. на С.-В., шла черезъ центральную площадь (на мѣстѣ храма св. Владимира), продолжалась, какъ Большая улица, и заканчивалась, какъ сказали мы, у обрыва С.-В. берега моря, гдѣ въ византійскую эпоху построена указанная нами базилика съ мозаичнымъ поломъ, остатки которого помнятъ еще многіе жители Севастополя и котораго теперь и въ поминѣ нѣть. Некультурный русскій туристъ или простой посѣтитель раскопокъ все разнесъ, или просто разбросалъ.

О томъ, какія зданія были на этой улицѣ въ древніе времена, хорошо говорять раскопки. Въ 1902 г. въ садикѣ передъ архіерейскимъ домомъ были открыты остатки большого, капитального зданія чистой, прочной кладки изъ громадныхъ тесанныхъ камней. Стѣны, до высоты трехъ аршинъ, сохранились подъ толстымъ слоемъ земли и мусора. Археологъ, очистивъ остатки, бережно обнесъ ихъ оградой, и теперь вы видите ихъ точно въ ямѣ, на уровнѣ древнихъ античныхъ построекъ.

Что площадь, занятая нынѣ соборомъ, была центромъ древняго Херсонеса, за это до нѣкоторой степени говорять еще найденные здѣсь: присяга херсонитянъ и актъ о продажѣ городомъ земельныхъ участковъ, а равно пьедесталы отъ статуи Аѳины-Спасительницы, изваянной Поликратомъ, и статуи почетнаго гражданина Биона¹⁾.

¹⁾ Объ этихъ находкахъ рѣчь ниже.

Говоримъ «до нѣкоторой степени» потому, что многіе остатки мраморовъ и надписей, которыми мы теперь такъ дорожимъ, могли попасть сюда и изъ другихъ болѣе отдаленныхъ уголковъ города. Къ сожалѣнію, этотъ наиболѣе интересный кварталъ не обслѣдованъ въ свое время археологически, и весьма вѣроятно, говорить Косцюшко, что «храмъ и монастырскія постройки, возникшія на этомъ мѣстѣ, на вѣки скончили подъ собой неоцѣненные памятники старины». За это говорятьъ правильныя раскопки. Такъ, въ 1896 г. производилось разслѣдованіе площади передъ соборомъ. Перекопка производилась плантажнымъ способомъ, т. е. земля сплошь перекапывалась на глубину 1—2 аршинъ. Не смотря на то, что здѣсь уже копали и рылись при постройкѣ храма, при снятіи верхняго слоя земли обнаружены двѣ улицы съ водосточными каналами изъ каменныхъ плитъ и остатки мостовой; на одной изъ улицъ—разрушенный водопроводъ изъ гончарныхъ трубъ, неподалеку три цистерны и часовня съ тремя усыпальницами. Въ усыпальницахъ, хотя и разграбленныхъ, все же нашлось еще нѣсколько мелкихъ предметовъ византійской эпохи. Въ другомъ мѣстѣ этой же улицы, идя глубже до скалы, ниже византійского города обнаружены остатки болѣе древнихъ построекъ, сооруженныхъ безъ извести изъ большихъ, чисто обтесанныхъ камней. Вынутый изъ стѣны одной изъ такихъ построекъ камень имѣлъ до $3\frac{1}{2}$ аршинъ длины (перевезенъ, какъ образецъ, къ складу древностей). Въ коридорѣ впереди этой гигантской, несомнѣнно, очень древней постройки, выходившей фасадомъ, очевидно, на главную улицу, найдено бронзовое изображеніе какого-то мужчины съ длинными, пышными волосами, а въ сосѣднемъ помѣщеніи — желѣзный якорь; почти рядомъ—черепки тонкой черно-лаковой посуды съ художественными рисунками.

Остатки такой же кладки подъ убогими постройками поздняго византійского времени обнаружены Косцюшкой недалеко отъ монастырскихъ воротъ, а въ послѣднее время и г. Леперомъ въ С.-З. части городища. Ими можетъ любоваться каждый посѣтитель Херсонеса. Особенно много остатковъ древнѣйшихъ стѣнъ чудной кладки въ верхней Ю.-З. части города, на мѣстѣ предполагаемаго акрополя, пока едва тронутаго киркой археолога. Масса обломковъ мраморныхъ карнизовъ и фронтоновъ съ красивой рѣзьбой, а часто и надписями, прямо говорить о богатствѣ и роскоши общественныхъ зданій античнаго Херсонеса. Частныя зданія, надо полагать, были невелики.

VIII.

Христіанскіе храмы и остатки въ нихъ древнихъ частей. Колонны, базы, капители, карнизы. Надписи на колоннахъ. Остатки статуй, барельефовъ и пьедесталовъ.

Среди раскопанныхъ зданій наиболѣе крупныя, конечно, христіанскіе храмы, но съ частями строительныхъ матеріаловъ, взятыхъ отъ древнѣйшихъ языческихъ храмовъ. Всѣ они имѣютъ типъ базиликъ, т. е. продолговатыхъ четырехъ-угольныхъ зданій, которыя внутри имѣли двойную колоннаду, поддерживавшую крышу и дѣлившую помѣщеніе на три части или нефа, и заканчивались съ восточной стороны полукруглымъ выступомъ, называвшимся абсидой.

Дошедшиѣ до насъ остатки храмовъ большею частію принадлежать позднему византійскому времени, и только немногіе — раннему, т. е. V—VI вв., и нѣтъ ни одного, постройку которого можно было бы отнести къ языческому эллино-римскому времени. Безпощадное время, войны, пожары уничтожили ихъ. Но несомнѣнно, — византійскія базилики часто строились на мѣстѣ бывшихъ языческихъ храмовъ. Несомнѣнно также, что матеріалы древнихъ храмовъ, по мѣрѣ распространенія христіанства, шли на базилики, причемъ, само собой, отбиралось болѣе цѣнное: дорогія мраморныя колонны, капители, мраморная настилка, лучшій камень и прочее. Что это такъ, убѣдительно доказываетъ появленіе характерныхъ короткоконечныхъ византійскихъ крестовъ на древнихъ капителяхъ, гдѣ кресты занимаютъ среднюю или нижнюю часть ихъ.

Особенно много такихъ остатковъ оказалось въ базиликѣ, раскопанной и разслѣдованной 55 лѣтъ назадъ гр. Уваровымъ у самаго берега моря и получившей съ того времени название «уваровской». Она пока самая большая изъ всѣхъ раскопанныхъ, и, по отчету графа, въ длину около 17 саж., а въ ширину $10\frac{1}{2}$ саж. «Въ ней, писаль графъ, два ряда колоннъ, по одиннадцати въ каждомъ, идутъ во всю длину храма. На колоннахъ написаны имена гражданъ, пожертвовавшихъ деньги на сооруженіе ихъ¹⁾. Видно, что обыкновенно жертвовали на нѣсколько колоннъ по 500 динарій²⁾. Правописаніе надписей указываетъ на упадокъ греческаго языка, а имена носятъ явные слѣды

¹⁾ Эти надписи, конечно, относятся къ храму до-христіанской эпохи.

²⁾ Во времена римской республики (III в. до Р. Хр.) серебряная монета = 15 коп. Позднѣе явились и золотые динаріи = 10 руб.

римского вліянія: Валеріанъ, сынъ Валерія; Маркіанъ, сынъ Гайя.

«Всѣ базы колоннъ сдѣланы по одному рисунку; въ капи-
теляхъ же находится большое разнообразіе, но такъ удачно со-
глашенное, что при общемъ взглядѣ на храмъ, разнообразіе это
навѣрно не бросалось въ глаза¹⁾.

«Нѣкоторыя капители по правильности рисунка и вѣрности
ордена, продолжаетъ гр. Уваровъ, относятся къ эпохѣ, когда
процвѣтало искусство чисто греческое. Другія же, сдѣленныя
въ видѣ опрокинутыхъ трапеций съ крестами или монограммою
Христа, явно принадлежатъ архитектурѣ византійской.

«У съверной двери найденъ вдѣланный лицевой стороною
въ стѣну карнизъ изъ дикаго камня съ трехъ-строчной над-
писью. Въ ней говорится о какомъ-то гражданинѣ, прославлен-
номъ за издержанія имъ въ бытность агораномомъ²⁾ три ты-
сячи динаріевъ на храмъ Афродиты (Венеры).

«Изъ этой надписи легко объясняется, откуда въ византій-
скомъ храмѣ взялось столько памятниковъ, явно принадлежа-
щихъ, по чистотѣ своего искусства, древнѣйшему зданію; и
хотя приведенная надпись относится къ языческой эпохѣ, од-
нако изъ ошибочнаго ея правописанія видно, что она возобнов-
лена или вновь сдѣлана во II или III столѣтіи (по Р. Хр.).

«Изъ надписи этой, заключающей гр. Уваровъ свое описание,
видно также, что храмъ сей въ началѣ былъ посвященъ Афро-
дитѣ». Но это надо принимать осторожнo, такъ какъ карнизъ
могъ попасть сюда вмѣстѣ съ колоннами и капителями изъ дру-
гого храма. Къ тому же во время дополнительныхъ раскопокъ
этого же храма, произведенныхъ въ 1891 году, въ стѣнѣ была
найдена не вполнѣ сохранившаяся надпись, которую Латышевъ
считалъ возможнымъ отнести къ III в. до Р. Хр. и которая,
повидимому, гласила о возобновлениіи или ремонте храма Па-
сіадомъ, сыномъ Артемида, занимавшимъ должность «царя и
въ то же время жреца». «Судя по характеру украшеній этой
плиты (голова козла съ гирляндами плюща), говорить Латы-
шевъ, храмъ былъ посвященъ Діонису», т. е. веселому богу
вина и пьянства. Поэтому приходится думать, что материалъ для
постройки былъ набранъ изъ нѣсколькихъ храмовъ, или одинъ
изъ этихъ камней взять для постройки базилики изъ другого

¹⁾ Такое разнообразіе объясняется тѣмъ, что капители, да и колонны
занесены сюда изъ разныхъ храмовъ.

²⁾ Ἀγορανόμος—занѣднующій общественными площадями и базарами или
смотритель рынка.

святыни. Помимо этихъ древнихъ языческихъ предметовъ при раскопкахъ храма было найдено много предметовъ, принадлежащихъ болѣе позднему—христіанскому времени. Но о нихъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ подробно.

По храмамъ и другимъ дошедшими до насть обломкамъ можно судить и о другихъ общественныхъ зданіяхъ античнаго времени. Если не всѣ, то большинство ихъ были построены солидно, прочно и строго-красиво. То же можно было видѣть на площадяхъ и главныхъ улицахъ города. До насть дошло нѣсколько мраморныхъ и немало каменныхъ пьедесталовъ отъ большихъ мраморныхъ и металлическихъ статуй, части которыхъ въ видѣ обломковъ бюстовъ, головъ, рукъ и ногъ, нерѣдко художественной работы, попадаются тамъ и сямъ по городищу и внѣ его стѣнъ. Вмѣстѣ съ многочисленными псефизмами и декретами эти статуи служили выраженіемъ благодарности лучшимъ гражданамъ и дѣятелямъ маленькой республики и украшеніемъ города. Само собою—до насть дошла только малая часть этихъ памятниковъ; значительно большая разрушена людьми и временемъ, увезена или таится въ такихъ же обломкахъ подъ грудами развалинъ. Такими изваяніями украшались общественные сооруженія на площадяхъ и улицахъ и надгробія. Такъ, въ одномъ изъ древнихъ помѣщеній найдена мраморная почти квадратная плита (45×35 сантим.), очевидно, побывавшая въ огнь, отчего мраморъ почернѣлъ и сдѣлялся хрупкимъ; на ней изображены два Ѣдущіе на крѣпкихъ коняхъ всадника съ бородами, длинными волосами и въ фригійскихъ шапкахъ и короткихъ плащахъ. Впереди ихъ изображена фигура, сидящая на украшенномъ карнизами тронѣ или пьедесталѣ. Была ли это вставка въ надгробіи или въ пьедесталѣ статуи, объ этомъ, конечно, можно спорить. Но весьма вѣроятно предположеніе Косцюшко, что «здѣсь изображенъ въездъ въ городъ (Херсонесъ?) двухъ полководцевъ послѣ побѣды надъ врагами».

IX.

Древнія цистерны и поглощательные колодцы. Могила скиѳа. Надпись Андроклу.

Среди раскопокъ обращаютъ на себя вниманіе кубовидныя ямы, емкостью въ двѣ и болѣе сажени, колодцы, доходящіе до уровня морской воды, а во многихъ дворахъ и домахъ—глубокія, кувшинообразныя ямы.

Кубовидныя ямы, вырубленныя въ скалѣ, тщательно выложены камнемъ и покрыты очень прочной красновато-сѣрой цемянкой¹⁾, которая въ недавно раскопанныхъ ямахъ выглядѣть такъ, точно они отдалены только мѣсяцы, а не тысячелѣтія назадъ. Ямы эти—цистерны для дождевой воды, сбѣгавшей съ крышъ домовъ и построекъ и бережно хранившейся въ жаркое время. Само собою понятно, что въ свое время онѣ были такъ же тщательно перекрыты, какъ и цементированы внутри. Всѣ онѣ, несомнѣнно, свидѣтели первыхъ и лучшихъ вѣковъ свободнаго Херсонеса. За это говорить прочность кладки, прекрасная цементовка и то, что всѣ почти цистерны лежать на уровнѣ древняго города, а равно и тотъ фактъ, что цистерны въ византійскій періодъ были засыпаны всякимъ мусоромъ и, главнымъ образомъ, ракушками отъ устрицъ и мидій, составлявшихъ едвали не главную животную пищу херсонитянъ, и вмѣсто цистернъ въ ранній византійскій періодъ появились въ большомъ числѣ колодцы, существовавшиe, конечно, и въ древнее время, сложенные крайне небрежно, изъ плохо отесанного, а чаще изъ простого бутоваго камня. Въ то время херсонитяне, вѣроятно, были мало прихотливы и довольствовались солоноватой водой колодцевъ, какую, при желаніи, можетъ попробовать любой посѣтитель раскопокъ. Словомъ, съ появлениемъ колодцевъ надобность въ цистернахъ миновала, ихъ засыпали, сравняли съ землей, и на ней.... возвели постройки. Хорошій примѣръ этого можно видѣть въ С.-В. части городища, на мѣстѣ недавнихъ раскопокъ, произведенныхъ Леперомъ. Здѣсь въ одной изъ прекрасно сохранившихъ цистернъ на днѣ вы видите толстый слой ракушекъ, затѣмъ идетъ толстый известковый слой, полученный, несомнѣнно, при устройствѣ расположеннаго рядомъ съ цистерной колодца, далѣе идетъ слой земли съ мусоромъ, и на немъ стѣна бѣднаго византійскаго зданія, пересѣкающаго цистерну.

Цистернъ раскопано десятки. Судя по ихъ размѣрамъ и численности, надо думать, что въ свое время онѣ были единственными источниками и хранилищами прѣсной воды, особенно въ случаяхъ необходимости запирать городскія ворота отъ наплыва враговъ. Почему колодцы вытѣснили цистерны, за отсутствиемъ историческихъ данныхъ, сказать трудно. Вѣроятно, здѣсь имѣлъ значеніе и жизненный и житейскій разсчетъ: въ византійскій періодъ городъ замѣтно обѣднѣлъ и оскудѣлъ; постройки измельчались, населеніе, судя по густотѣ построекъ, не только

¹⁾ Древній цементъ съ примѣсью толченой черепицы или киропича.

не уменьшалось, но даже увеличилось, и ему не по средствамъ было сооружать хотя и стойкія, но дорогія цистерны, а старыя дѣлить было трудно; выкопать же колодецъ могъ каждый по-мощью одной семьи. Благо еще: цистерны освобождали большую площадь. Несомнѣнно, многіе изъ этихъ колодцевъ играли роль поглощателей. А съ появлениемъ водопровода почти ми-новала надобность въ колодцахъ, какъ источникахъ питьевой воды.

Что касается кувшинообразныхъ ямъ, емкостью въ куби-ческую и болѣе сажень и выбитыхъ просто въ скалѣ безъ вся-кой облицовки,— это такъ называемыя пашенные ямы; онѣ слу-жили кладовыми и погребами, но главнымъ образомъ для хра-ненія зерна. Многія изъ нихъ, несомнѣнно, ровесницы ци-стернъ и того времени, когда граждане подъ присягой клялись: «хлѣба съ равнины не продавать и не вывозить въ другое мѣсто»; другія появились значительно позже. Отверстія ихъ частью задѣланы, частью заложены камнями, и зазѣвавшійся обозрѣва-тель раскопокъ иногда рискуетъ попасть въ нихъ. Одна изъ такихъ ямъ на новыхъ раскопкахъ (въ С.-З. части города) ока-зилась емкостью въ нѣсколько кубическихъ сажень, и у дна ея —расширение въ видѣ правильно выбитой ниши такого размѣра, что позволяетъ предполагать, что здѣсь былъ оптовый складъ зерна.

Здѣсь мнѣ припоминается интересный фактъ. Лѣтъ пят-надцать назадъ я обходилъ Херсонесъ почти впервые, и про-водникъ-монахъ почтенного возраста, проходя мимо извѣстныхъ тогда цистернъ, серьезно говорилъ, что это—древнія темницы, въ которыхъ, между прочимъ, томились и херсонесскіе мученики. Онъ говорилъ такъ серьезно и такъ истово клалъ кресты, что я вмѣстѣ съ другими обозрѣвателями готовъ былъ вѣрить сло-вамъ чичероне. Къ счастью для обозрѣвателей, его скоро «разъ-яснили».

Теперь, чтобы покончить съ глубинами древнѣйшаго Хер-сонеса, сообщу еще о двухъ находкахъ. Въ 1890 г. Косцюшко, производя раскопки въ С.-З. части городища, у «двойного» храма, наткнулся на гробницу, высѣченную прямо въ скалѣ. Въ гроб-нице оказались остатки двухъ лошадей съ остатками сбруи и болѣе двухъ сотъ мелкихъ золотыхъ бляшекъ, служившихъ, очевидно, украшеніемъ сбруи. Неподалеку отсюда обнаружена другая разрушенная гробница съ плитой изъ песчаника съ именемъ «Андрокла, сына Промафіона», каковая надпись, по Латышеву, смѣло можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Хр.

Какъ мы уже знаемъ изъ сказанія о Гикіи, у грековъ не было обычая хоронить въ городѣ, кромѣ исключительно важныхъ случаевъ и исключительно доблестныхъ гражданъ, и Косцюшко полагалъ, что этотъ участокъ въ древнѣйшее время (когда не существовало еще оборонительной стѣны) былъ за предѣлами города. Но возможно, что Андроклъ былъ доблестный гражданинъ, заслужившій высокую честь. Камень изъ песчаника не противорѣчитъ этому соображенію: въ очень древнее время мрамора въ Херсонесѣ могло и не быть подъ руками. Бертѣ-Делагардъ давно подмѣтилъ, что «наиболѣе древніе фрагменты чаще бываются изъ мѣстнаго камня, и только позднѣе является привозный мраморъ».

Что касается первой гробницы, то, вѣроятнѣе всего, она принадлежала не эллину, а знатному тавро-скиу, погребенному, по обычаю времени, вмѣстѣ съ любимыми лошадьми, и возможно, что прахъ его покоялся здѣсь еще до основанія города. Таково наше мнѣніе.

X.

Мѣста находокъ древнѣйшихъ вещей и монетъ.

Теперь посмотримъ, что въ раскопкахъ городища найдено изъ предметовъ житейского обихода, роскоши и искусствъ, какія найдены эпиграфическія памятники и какія монеты. Вѣдь они многое скажутъ о древнѣйшемъ Херсонесѣ. Часто какой-нибудь черепокъ съ остаткомъ рисунка или монетка съ хорошимъ клеймомъ скажетъ гораздо больше и лучше, чѣмъ самыя подробныя описанія, уже потому, что на этихъ остаткахъ вы увидите самое жизнь.

Отъ первыхъ отдаленныхъ временъ существованія Херсонеса въ цѣлости до насть дошло очень мало: безпощадное время и люди уничтожали слѣды своего существованія; но остатковъ въ видѣ обломковъ и черепковъ дошло не мало, и количество ихъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ нашей эрѣ.

Остатки далекой древности находять большую частію на приличной глубинѣ среди мусора засыпанныхъ цистернъ, ямъ, заброшенныхъ колодцевъ, среди занесенныхъ землей древнихъ фундаментовъ, надъ которыми прошелъ болѣе новый городъ, или даже просто—въ мусорныхъ кучахъ самого городища или сей-часъ за городской стѣной, на мѣстѣ древнихъ свалочныхъ мѣстъ. Обломки или даже цѣлые куски и плиты мраморовъ, простыхъ

или съ надписями, находять среди настилки половъ, въ стѣнахъ храмовъ, домовъ и другихъ построекъ, гдѣ эти дорогие теперь для насъ остатки употреблялись какъ дешевый, никому ненужный материалъ. Нерѣдко эти мраморы служили покрышками ямъ, колодцевъ и для другихъ цѣлей домашняго обихода, почему нерѣдко мраморы находять сильно оббитыми, а надписи ихъ сильно потертыми, иногда до невозможности чтенія.

Драгоцѣнныя вещи и монеты чаще всего попадаются среди домашняго мусора. Чѣмъ цѣннѣе вещь или монета, тѣмъ онъ рѣже.

Монеты иногда находять цѣлыми коллекціями гдѣ-нибудь въ уголкахъ домовъ или построекъ, среди мусора развалинъ, въ канавкахъ или ямочкахъ, быть можетъ, древнихъ хранилищахъ. Дошли эти цѣнности до насъ иногда въ силу случайности: ихъ первый владѣлецъ могъ обронить, и они закатились въ укромное мѣсто, куда рѣдко проникалъ взоръ обывателя; но несомнѣнно чаще виной здѣсь былъ пожаръ или общественное бѣдствіе въ видѣ нашествія непріятеля, грабежа и разгрома, когда все бѣжало, спасая только себя.

XI.

Черно-фигурная, черно-лаковая и красно-фигурная посуда; характеръ работы и темы рисунковъ. Надписи на посудѣ.

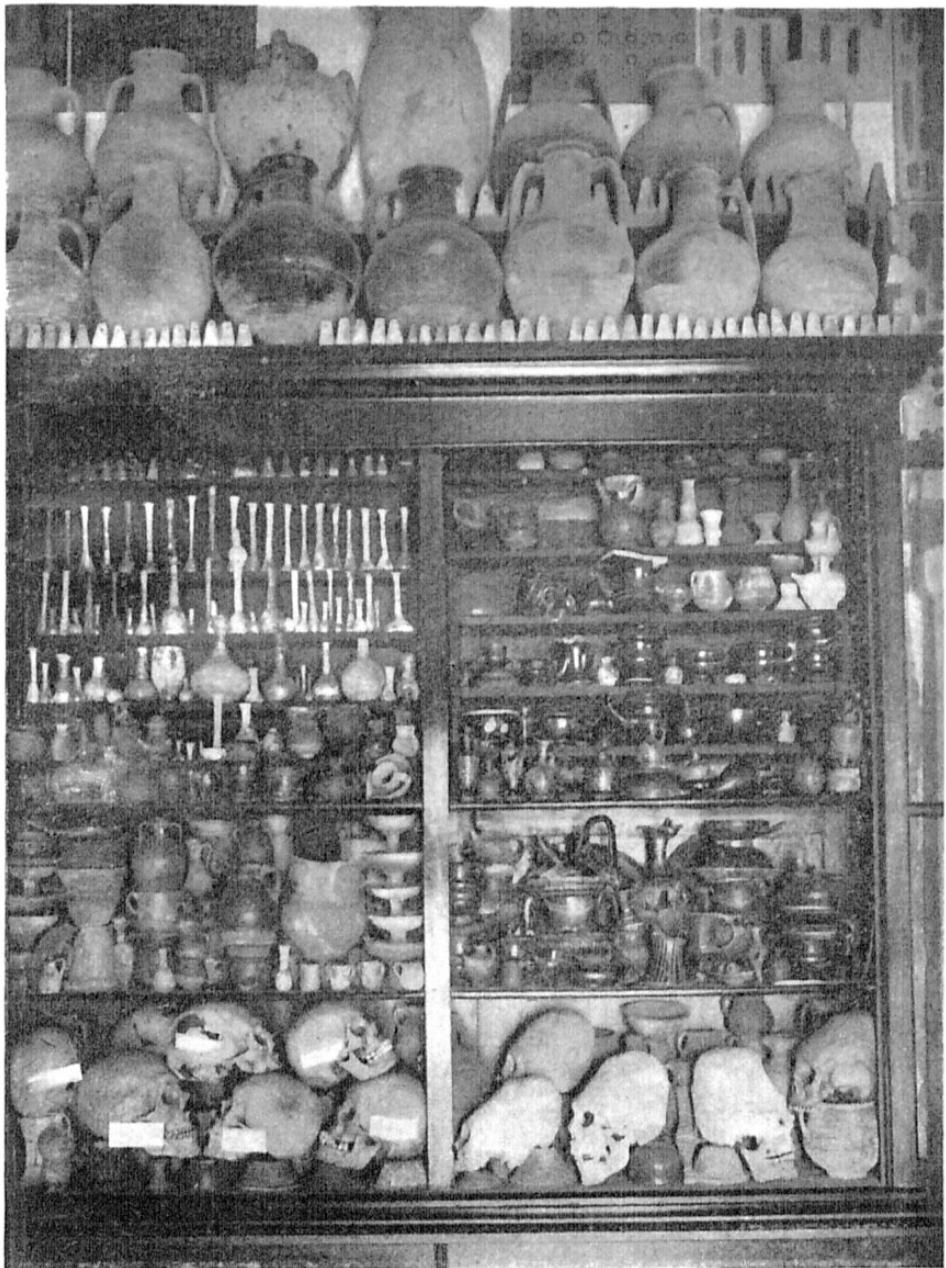
Самыми древними остатками Херсонеса служать черепки черно-фигурныхъ сосудовъ, т. е. выжженныхъ изъ красной глины, и на нихъ орнаментика и фигуры чернаго лака. Рисунокъ сдѣланъ неувѣренно, точно неумѣлой рукой; экспрессіи очень мало; отъ изящества такъ же далеко, почему эти изделия Байе такъ удачно называются юношескими (архаическими) періодомъ искусства, который занимаетъ длинный промежутокъ трехъ вѣковъ—отъ VIII до V. Къ этому періоду, и скорѣе всего именно къ VI вѣку, относятся и наши обломки черно-фигурной посуды. Такихъ обломковъ, по понятіямъ причинамъ, дошло до насъ мало, и сама распись—только въ мелкихъ обрывкахъ, по которымъ большою частію трудно представить весь рисунокъ, хотя лакъ сохранился прекрасно.

Изъ остатковъ этого рода особенно интересенъ обломокъ (несомнѣнно отъ вазы для масла), найденный въ самое послѣднее время. На немъ обрывки орнамента и тутъ же надпись,

вполнѣ ясная, сдѣланная точно неумѣлой рукой ПОЛОА (т. е. награда), замѣтьте—справа нальво, какъ писали въ очень глубокой древности и во всякомъ случаѣ не позднѣе начала V вѣка. Несомнѣнно, уже въ то отдаленное время былъ въ Херсонесѣ и счастливый обладатель ея, получившій ее полной благовоннаго оливковаго масла на однихъ изъ афинскихъ состязаній, какъ почетную награду. Уже въ то отдаленное время побѣдитель прославилъ родной городъ и заставилъ громко произнести его имя предъ сонмомъ лучшихъ людей всей Греціи. Этаѣтъ херсонасить задолго упредилъ славу другого знаменитаго со-гражданина, погребенного, какъ мы уже знаемъ, въ почетномъ склепѣ у главныхъ городскихъ воротъ. Но для того, чтобы одержать побѣду, нужна долгая тренировка, а для этого также необходимо и мѣсто, и школа, и соперники. Значитъ, что все это было тогда. Да развѣ только этими находками опредѣляются всѣ призы и награды херсонитянъ за вѣка существованія города? Конечно, нѣтъ: пока нашли мы только крупинки. А сколько безвозвратно пропало и разъ навсегда!

Гораздо чаще и въ большемъ количествѣ попадаются обломки черно-лаковой и красно-фигурной посуды, т. е. глиняной, но покрытой или только чернымъ блестящимъ лакомъ, или лакомъ съ красной фигурной орнаментовкой. Эти обломки уже ясно свидѣтельствуютъ о болѣе тонкихъ и изящныхъ формахъ сосудовъ, ихъ глина—о болѣе тщательной выдѣлкѣ, а фигуры и орнаменты лучшихъ экземпляровъ указываютъ на время наивысшаго развитія греческаго искусства, когда оно достигло, можно сказать, своего апогея. И дѣйствительно, на этихъ остаткахъ ясно видишь, какъ сравнительно немногими штрихами съ поразительной точностью передаются не только виѣшнія формы изображеныхъ лицъ, но и самыя тонкія душевныя ихъ движенія. Рисунки эти обнимаютъ болѣе интересные моменты греческой миѳологии, отдаленныхъ преданій, а часто выхвачены изъ дѣйствительной жизни со всѣмъ ея реализмомъ.

Древній лакъ осколковъ блестить, точно онъ только недавно вышелъ изъ обжигательной печи, а не двѣ тысячи лѣтъ пролежалъ въ грудѣ сырого, а часто и гнившаго мусора. Увы, секретъ этихъ лаковъ умеръ вмѣстѣ съ ихъ изобрѣтателями. Къ счастью для насъ, безпощадное время сохранило не мало обломковъ; въ мѣстномъ музѣихъ цѣлая коллекція. Попытаемся познакомить читателя хотя съ нѣкоторыми изъ нихъ, не останавливаясь особенно на выборѣ. Такъ, на одномъ изъ фрагментовъ изображенъ юноша, отъ которого сохранилось лицо, почти вся

Херсонесскій музей.

Надъ витриной: Античные урны изъ некрополя. Грузила. Лѣвая половина: Стекляные бальзамаріи, подъ ними вазочки, миски, чашки, лампадки и др. посуда разныхъ эпохъ. Правая половина: Античная чернолаковая и росписьная посуда. Внизу: Черепа различныхъ эпохъ, частью деформированныхъ.

правая рука и ноги ниже колънъ. «Фигура, говорить проф. Мальмбергъ, изслѣдовавшій эти находки, нарисована твердою рукою, но въ общемъ рисунокъ можетъ быть названъ скорѣе смѣлымъ, чѣмъ тщательнымъ, хотя слѣды предварительного наброска по мягкой глине совершенно ясны. Деталей, показанныхъ разжиженнымъ лакомъ, мало... Фонъ какъ лицевой стороны, такъ и обратной покрытъ хорошимъ чернымъ лакомъ съ зеленоватымъ оттенкомъ. По рисунку черепокъ относится къ «изящному стилю», представляющему переходъ отъ «строгаго» къ «роскошному». По времени его слѣдуетъ отнести къ V в. до Р. Хр. «Къ тому же періоду или нѣсколько болѣе позднему относится маленький фрагментъ изъ такой же хорошей глины, покрытой отличнымъ лакомъ. Несмотря на то, что этотъ обломокъ очень малъ (на немъ сохранилась только средняя часть женскаго туловища, да предплечie правой руки съ кистью), тщательность и изящество рисунка бросаются въ глаза: положеніе руки граціозно, складки платья показаны весьма тонко; предварительный набросокъ особенно замѣтенъ въ рисункѣ руки».

А воть еще два «черепка того же стиля, но менѣе тщательного рисунка. На первомъ сохранились голова, туловище и большая часть рукъ молодого мужчины съ вѣнкомъ и бѣлою повязкою на головѣ и съ суковатой палицей у правой руки. Передъ нимъ видна женская рука съ чашею о двухъ ручкахъ и край крыла». По сходству съ рисунками другихъ дошедшихъ до насъ чашъ, Мальмбергъ думаетъ, что на этой чашѣ былъ изображенъ Иракль (Геркулесъ) и Ника (богиня побѣды), подающая ему чару вина. На другомъ фрагментѣ сохранились плечи и голова юноши въ такомъ же положеніи, какъ и у предыдущаго. Въ волосахъ у него украшенія. Налѣво, нѣсколько выше, видна нижняя часть женщины, отъ ступней до пояса, съ частью руки, украшенной браслетами. Но особенно интересенъ одинъ изъ обломковъ, склеенный изъ нѣсколькихъ кусковъ. На срединѣ его сохранилась верхняя часть юноши, одѣтаго въ азіатскій костюмъ; руки его распростерты, взоръ устремленъ вверхъ, гдѣ виднѣются части колесницы (квадриги) и окрыленной возницы, по всей вѣроятности изображающей Эосъ (утреннюю зарю). Сзади юноши сидить въ характерной позѣ бородатый мужчина; туловище его обнажено, ноги задрапированы въ плащъ; въ правой рукѣ, очевидно, скипетръ. Эта фигура, вѣроятно, изображаетъ Зевса. Надо думать, что представленная сцена имѣла какое-либо миѳическое значеніе, однако сохранилось слишкомъ мало, чтобы опредѣлить значеніе рисунка. Тонъ глины и лакъ

высокаго достоинства; рисунокъ вполнѣ свободный. Фрагментъ принадлежитъ къ такъ называемому «роскошному стилю» и относится къ IV в. до Р. Хр.».

Кромѣ этихъ обломковъ, образцовъ совершенного керамического искусства, находится много,—ихъ даже болѣе,—далеко хуже исполненныхъ, на глинѣ худшаго качества и съ такимъ же плохимъ лакомъ. Часть этихъ обломковъ принадлежитъ болѣе раннему—до-Периклову—времени и указываетъ на несовершенство искусства; но большая часть, попадающаяся въ болѣе верхнихъ слояхъ, судя по небрежности рисунка и небрежности всего выполненія, относится къ болѣе позднимъ вѣкамъ и указываетъ на явный упадокъ искусства.

Интересно то, что на нѣкоторыхъ черепкахъ неумѣлой рукой прямо по лаку нацарапаны инициалы имени или прозвища (такъ наз. *graffiti*). Такъ, на одномъ можно прочесть АЛКІ, на другихъ—МАТИОС, МІК, НАТ и т. д. Были-ли то имена первыхъ владѣльцевъ, или последнихъ уже обладателей черепковъ, или то шалость дѣтей, научившихся грамотѣ,—кто теперь скажетъ?

На донышкахъ сосудовъ часто встрѣчаются мѣтки и имена фабрикантовъ. Вотъ нѣсколько на удачу: ЕРМНС, РОУФУ, ГАІОУ, т. е. Гермеса, Руфа, Гайя...

XII.

Древнія терракоты. Мастерская лѣпщика. Характеръ работы и темъ. Стеклянныя вещи античнаго Херсонеса. Лампочки.

Еще большимъ изяществомъ и совершенствомъ работы отличаются дошедшия до насъ терракоты и формы для нихъ. Здѣсь археологіи, можно сказать, повезло. Въ 1886 г. въ Ю.-В. части города подъ позднейшей постройкой найдена мастерская древняго коропласта (лѣпщика), состоящая изъ двухъ комнатъ съ општукатуренными стѣнами. Въ одной изъ комнатъ оказалась отлично сохранившаяся гончарная печь, а въ другой на полу—цѣлый складъ глиняныхъ моделей, въ которыхъ древніе лѣпщики терракотъ оттискивали свои статуэтки, головки, барельефы, крышечки расписныхъ чашекъ и иные подѣлки изъ глины. Цѣлыхъ моделей оказалось 38, но еще больше—разбитыхъ, или въ видѣ кусковъ. Цѣнность этой интересной находки увеличивается тѣмъ, что до сихъ поръ этого рода глиняныя модели

встрѣчались въ греческихъ колоніяхъ южной Россіи лишь въ единичныхъ экземплярахъ, что заставляло ошибочно предполагать, что издѣлія этого рода были исключительно предметомъ привозной промышленности, а здѣсь оказался цѣлый складъ съ мастерской. Впрочемъ, о важномъ значеніи подобного открытія мы скажемъ ниже, а теперь разсмотримъ находки. Мы, конечно, остановимся на болѣе интересныхъ, пользуясь объясненіями того же знатока древностей, проф. Мальмберга.

Наилучшій по работѣ оттискъ, полученный изъ найденныхъ формъ, представляетъ круглую плитку въ 8 сант. въ діаметрѣ, украшенную барельефомъ. На немъ изображена красива младая женщина, сидящая на скалѣ, покрытой плащемъ, изящно заброшенный конецъ котораго говоритъ о скромности красавицы; въ лѣвой рукѣ ея прылка съ пряжей, которую она показываетъ сидящему противъ нея тоже на скалѣ юношѣ, въ такомъ же откровенномъ костюмѣ и въ остроконечной греческой шапочкѣ. Не только взглядъ, но и вся фигура юноши ясно показываютъ, что онъ болѣе заинтересованъ соблазнительной учительницей, чѣмъ демонстрируемъ предметомъ. Экспрессія здѣсь поразительная.

«Стройное и крѣпкое сложеніе, говоритъ Мальмбергъ, короткая и полная шея и палица въ рукахъ достаточно характеризуютъ Геракла. Извѣстно, что уже въ V вѣкѣ рядомъ съ мощнымъ, нѣсколько неуклюжимъ типомъ Геракла въ совершенно зрѣлыхъ лѣтахъ начинаетъ появляться и другой—юный, безъ львиной шкуры, болѣе эластичный и стройный. Изъ мифологии и цѣлаго ряда произведеній античныхъ искусствъ тоже извѣстно, что лидійская царица, красавица Омфала, плѣнила Геракла и заставила его прасть, нарядивши въ костюмъ женщины. На нашемъ рельефѣ, надо полагать, представлена завязка этого эпизода изъ жизни Геракла. Омфала показываетъ юному полуобнаженному, какъ надо прасть.

«Тонкость и опредѣленность всего рельефа вообще и въ особенности такихъ деталей, какъ волосы женщины, складки плащей, при чемъ у женскаго плаща показаны даже маленькия подвѣски, вшиваемыя въ концы платья для болѣе красивой и удобной драпировки; паконецъ, слѣды орнаментальной рамки, окружавшей оригиналъ, несомнѣнно доказываютъ, что оригиналъ нашего оттиска былъ изваянъ изъ какого-нибудь металла. Имѣется рядъ подобныхъ рельефовъ изъ бронзы, попадаются и серебряные.

Большею частью они представляли собой верхнюю крышку складного зеркала, но, въроятно, служили и для украшений туалетныхъ ящиковъ и т. п. предметовъ».

Заслуживаетъ такого же вниманія маленький бюстъ Аеины въ коринескомъ шлемѣ съ ниспадающими на красивыя плечи локонами и маленькая изящная головка миловидной и симпатичной женщины. Косцюшко считалъ ее изображеніемъ Афродиты (Венеры), и Мальмбергъ соглашается съ этимъ. Самая крупная форма даетъ хорошо выполненное лицо Діониса (Вакха), обрамленное локонами и большой волнистой бородой. Интересно то, что нѣсколько позднѣе въ Херсонесѣ-же, но въ другомъ мѣстѣ, найдена мраморная головка Діониса, уже на первый взглядъ весьма похожая на полученный изъ нашей формы оттискъ. Тщательное сличеніе мраморной головки и оттиска, сдѣланного художникомъ Беренштамомъ, убѣдило, что найденная форма была снята именно съ данного мрамора. Это показываетъ, что коропластъ не самъ лѣпилъ фигуры, съ которыхъ затѣмъ изготавлялъ формы для своихъ издѣлій, а снималъ съ оригиналовъ, имѣвшихъ большую или меньшую художественную цѣну. Оригиналы принадлежали, конечно, не ему, но находились тамъ же, въ Херсонесѣ.

На основаніи тщательного изученія всего материала, Мальмбергъ приходитъ къ заключенію, что коропластъ работалъ въ Херсонесѣ никакъ не позднѣе средины III вѣка, но возможно, что и раньше. Оригиналы же попали сюда, конечно, задолго до коропласта.

Чтобы покончить съ терракотами, упомяну еще о статуэткѣ въ видѣ молодой задрапированной въ плащъ женщины и одной необычайно миловидной и изящной женской головкѣ отъ статуэтки. Головка слегка наклонена, взоръ нѣсколько обращенъ вверхъ, губы немного открыты, волосы, украшенные легкой повязкой, убраны просто. Эта остатокъ производить положительно чарующее впечатлѣніе и, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ времени высшаго процвѣтанія искусства. Интересно, что на нѣкоторыхъ статуэткахъ—слѣды бѣлой и голубой краски.

Помимо керамики заслуживаютъ всяческаго вниманія и стеклянныя издѣлія античнаго Херсонеса, къ слову сказать, въ цѣлости найденные почти исключительно въ мѣстахъ погребеній, куда до археолога не заглядывали ни глазъ ни рука раззорителей. Всего чаще находятся графинчики съ ручками и флаконы разныхъ формъ, отличной отдѣлки и качествъ. Есть и очень

простой работы, напоминающей современные плохие изделия, оть которой древнія отличаются своей стройной формой и тониной стекла, на которомъ всегда замѣтите образованные временемъ побѣжальные цветы, переливающіе красками радуги, точно современные декадентскія стеклянныя изделия. Иные флаконы и графинчики украшены орнаментацией въ видѣ оваловъ, кружковъ; есть—съ головками дитяти, льва. Одинъ изъ флаконовъ сдѣланъ изъ стекла молочного цвета въ видѣ головы съ двумя лицами, точно у миѳического Януса. На одномъ изъ сосудовъ изображенъ павлинъ со слѣдами позолоты. Найдена изящная раковина изъ молочного стекла, вѣроятно, предметъ будуара херсонесской кокетки.

Интересны осколки ступки изъ матового стекла—приналежность для изготовлѣнія тонкихъ дамскихъ косметикъ или лабораторіи херсонесского врача. Положительно поражаетъ плоскій флакончикъ, вродѣ тѣхъ, въ какихъ нынѣ отпускаются дорогой одеколонъ многія заграничныя фирмы; онъ изъ разноцвѣтнаго стекла съ разводами, очень похожими на крылья нестрой бабочки. Краски свѣжі и блестятъ, точно это изделие не античнаго, а нашего времени. Теперь онъ украшаетъ одну изъ многочисленныхъ витринъ Эрмитажа¹⁾. И здѣсь приходится сказать, что въ античномъ Херсонесѣ—все полно искусства и тонкаго вкуса, все богато, изящно, красиво, и, очевидно, Херсонесъ не жалѣлъ на это средствъ. Поэтому совершенно певѣрно утвержденіе Бертье-Делагарда, что «все находимое внизу характеромъ своимъ, а, главное, ничтожностью и обыденностью не отличалось, въ сущности, отъ верхнихъ развалинъ и не заслуживало описанія».

Такое же изящество формъ и рисунка эллино-римского Херсонеса вы видите не только на предметахъ роскоши и украшений, но даже на такихъ обыденныхъ вещахъ, какъ лампочки или свѣтильники, замѣнявшіе наши подсвѣчники и лампы. Здѣсь изящество линій какъ въ самой лампочкѣ, такъ и въ ея ручкѣ и рисункѣ на верхней части; здѣсь вы видите всѣ этапы развитія керамики, начиная отъ самыхъ простыхъ, грубо сдѣланныхъ до высоко художественныхъ черно-лаковыхъ и тонкихъ терракотовыхъ лампочекъ и кончая опять грубыми лампочками периода упадка искусства. Въ лучшихъ экземплярахъ на крышкѣ лампочекъ предъ вашими глазами проходитъ миѳология, болѣе

¹⁾ Интересующихся отсылаемъ къ № 21 „Извѣстій Императорской Археологической Комиссіи“, гдѣ помещено точное изображеніе его въ краскахъ.

интересныя легенды древности и даже обыденная жизнь. Словомъ, темы рисунковъ самыя разнообразныя. Такъ, на одной изъ лампочекъ вы видите несущагося кентавра съ палицей, этого мифического чудища, получовъка-полулошади; на другой—дикій быкъ въ воинственной позѣ, какого вы видите на древнѣйшихъ монетахъ и название которого дало имя Тавридѣ. Вотъ два борющихся гладіатора; въ pendant къ нимъ—колесница, запряженная четверкой несущихся коней внутри лавроваго вѣнка, вѣроятно свѣтильникъ богатаго, дѣловитаго херсонитянина. Очень интересна лампочка съ изображеніемъ Эрота (Амура), но не съ лукомъ и стрѣлами, а какимъ-то инструментомъ, принадлежавшая, вѣроятно, какой-нибудь херсонесской барышнѣ. Положительно великолѣпенъ свѣтильникъ съ крайне изящнымъ изображеніемъ полуобнаженной женщины и сатира. Духъ Эрота такъ и сквозить въ каждой-лини. Быть можетъ и онъ освѣщалъ покой такой же изящной херсонитянки. Впрочемъ, всего не перечесть: коллекція лампочекъ, собранныхъ за многіе годы громадна и едва вмѣщается въ большомъ шкафѣ. Надо однако замѣтить, что въ городищѣ рѣдко приходилось найти цѣлую лампочку, а если и попадались такія, то принадлежали почти исключительно къ византійскому времени; цѣльные лампочки высокой работы греко-римской эпохи находятся главнымъ образомъ въ мѣстахъ языческихъ погребеній—въ склепахъ, гробницахъ, куда онѣ попадали вмѣстѣ съ другими вещами ушедшихъ въ лучшій миръ.

XIII.

Амфоры, ихъ ручки, надписи и украшенія. Питосы. Черепица. Грузила.

Среди остатковъ глубокой древности часто встрѣчаются въ Херсонесѣ ручки амфоръ, т. е. высокихъ глиняныхъ кувшиновъ съ длинными узкими горлами и двумя ручками, служившихъ главнымъ образомъ для храненія вина и елея (оливковаго масла). Не удивляйтесь, что археологъ внимательно осматриваетъ каждую ручку и большую частью забираетъ ее въ мѣстный музей. За долгіе годы здѣсь ихъ набралась громадная коллекція въ не- сколько сотъ штукъ, которой гордился покойный Косцюшко и которая ждетъ своего изслѣдователя. Дѣло въ томъ, что на этихъ ручкахъ почти всегда встрѣтите клеймо съ именемъ астинома, т. е. полицейскаго чиновника вродѣ полицеймейстера, на обязанности которого было, между прочимъ, слѣдить за правильностью

мѣръ и вѣсовъ; онъ ставилъ на сосудахъ свое клеймо и тѣмъ гарантировалъ правильность мѣры,—примѣръ, который слѣдовало бы перенять отъ херсонесцевъ и намъ. Кромѣ того, на ручкахъ рядомъ съ именами астиномовъ часто встречаются клейма и имена фабрикантовъ, а равно—названія городовъ, изъ которыхъ вывозились вино, масло, лаки и т. п. Вотъ, наудачу, нѣсколько именъ херсонесскихъ астиномовъ: Симай Эвридомовъ, Апполлонидъ Хореевъ, Гераклей, Гереаль и т. д. Такимъ образомъ, мы нерѣдко пополняемъ далеко незаконченный словарь древне-греческихъ именъ и названій, узнаемъ имена бывшихъ градо-правителей, узнаемъ размѣры и районъ торговыхъ союшеній Херсонеса и такимъ образомъ расширяемъ наши свѣдѣнія о его прошломъ. Нѣкоторые изъ этихъ ручекъ, судя по характеру буквъ штемпелей и тому, что имена фабрикантовъ иногда написаны справа налѣво, относятся къ глубокой древности. Иногда на ручкахъ попадаются интересныя украшенія; такъ на одной изъ нихъ хорошо оттиснута голова сатира и надъ ней отчетливая надпись: *σατυρος*, а нѣсколько ниже клеймо меньшаго размѣра съ надписью: *επι σατυρο*, т. е. при Сатирѣ. Точно шутка или парада. Среди ручекъ много отъ амфоръ, попавшихъ сюда изъ другихъ мѣстъ: изъ Родоса, Тазоса, Книда, Самоса и т. д... Такое разнообразіе—прямое указаніе на размѣры торговли и связей античнаго Херсонеса.

Въ большомъ количествѣ по всему городищу находятся толстые, красные черепки съ ровными и кривыми плоскостями. Первые—остатки древней черепицы, а вторые—отъ питосовъ, т. е. громадныхъ пузатыхъ глиняныхъ кувшиновъ, иногда въ ростъ человѣка при ширинѣ до двухъ аршинъ, служившихъ для храненія вина и масла. Такія бутыли въ полной сохранности и цѣлости достались намъ, главнымъ образомъ, отъ византійскаго Херсонеса и большую частью находятся закопанными въ пристройкахъ и подвальныхъ этажахъ зданій. Но, несомнѣнно, они были въ большомъ употребленіи и въ греко-римское время. Такъ въ одномъ уголкѣ сѣверной части города, на мѣстѣ послѣднихъ раскопокъ, найдена цѣлая коллекція питосовъ, раздавленныхъ и засыпанныхъ толстымъ слоемъ земли и мусора, погибшихъ, вѣроятно, во время одной изъ городскихъ катастрофъ; надъ ними прошелъ уже болѣе новый городъ, при постройкѣ котораго не потрудились даже убрать эти обломки; не могли же они служить хорошимъ фундаментомъ, а можетъ быть, о нихъ и не знали, и мѣсто это при возобновленіи города было занесено поросло.

Глядя на эти громадные керамиковые сооружения, удивляясь умению и искусству древних гончаровъ. Во дворѣ склада древностей можно видѣть коллекцію иитосовъ.

Находимые среди развалинъ обломки черепицы принадлежать, главнымъ образомъ, позднему времени, но черепицу обычно примѣняли на кровли и въ первые вѣка существованія Херсонеса. Осматривая стѣны развалинъ домовъ и особенно византийскихъ церквей, часто видите въ нихъ цѣлые слои черепицы, вместо кирпича, несомнѣнныя остатки глубокой древности. Черепица эта, по словамъ знатоковъ, прекрасной выдѣлки и очень прочна. Ясно, что классической Херсонесъ былъ покрытъ хорошей черепицей. На черепицѣ иногда попадаются клейма, изображенія; на одной слѣды ногъ ребенка. Маленький шалунъ оставилъ намъ память о себѣ.

Что очень часто попадается въ раскопкахъ, можно сказать на каждомъ шагу и на всѣхъ глубинахъ, это—грузила, т. е. привѣски къ рыболовнымъ сѣтямъ, сделанныя въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ въ 6—7 сантиметровъ высоты изъ хорошо обожженої глины. Ихъ набралось такъ много, что завѣдующій раскопками рѣшилъ болѣе не собирать. Массы грузилъ соответствуютъ колоссальныхъ количества устричной скорлупы; ею завалены древнія цистерны, ямы, брошенные колодцы, горы ея на свалкахъ за городскими воротами и за городской стѣной. Это ясно показываетъ, какъ широко было распространено въ Херсонесѣ рыболовство и устричный промыселъ и какую громадную роль играли рыба и ракушки въ питаніи херсонитянъ.

И въ изготовлении грузиль древній корсунянинъ остался вѣренъ себѣ, и сюда внесъ онъ долю искусства. Такъ, найдены грузила съ выпуклыми штампованными изображеніями: нападающей Артемиды, танцовщицы, головки Аѳины, Ники, бѣгущаго льва, пегаса, собачки, кошки, рыбы, пчелы, орла, но чаще всего —хорошо исполненные изображенія Эрота (Амура): то онъ бѣжитъ, то катитъ верхомъ на дельфинѣ, то выползаетъ изъ раковины, то играетъ на лирѣ, то, уставъ отъ проказъ, мирно сидить на скамьѣ. Найдено грузило, на которомъ отчетливо оттиснута хорошо исполненная голова сатира съ рогами, и подъ ней подпись, читающаяся слѣва направо Τιμοκλεοςъ, т. е. Тимоклея¹⁾. Судя по формѣ некоторыхъ буквъ и по общему впечатлѣнію, производимому надписью и головкой, известный знатокъ древностей Мальмбергъ относить эту вещицу къ III в. до Р. Хр.

¹⁾ Само собой на оригинальномъ клеймѣ она читалась обычно—отъ лѣвой руки къ правой.

Возможно, что это было простое грузило, но возможно, что оно, какъ и часть другихъ, принадлежало къ числу вотивныхъ, т. е. посвященныхъ какому-нибудь божеству. По этому поводу французскій археологъ Пари говорить слѣдующее: «Безконечно разнообразны вещи, какъ напримѣръ принадлежности женскаго туалета: булавки, брошки, даже коробочки для косметики, которые пріобрѣли религіозное значеніе, благодаря только намѣренію вѣрующихъ посвящать ихъ божеству. Почему то же самое не предположить о членокахъ, грузилахъ или дискахъ изъ глины? Достаточно было, чтобы ткачъ или рыбакъ положили въ храмъ ехъ одно изъ принадлежностей ихъ ремесла, чтобы распространился обычай, лѣпщики стали держать въ своихъ лавочкахъ подобные предметы къ услугамъ вѣрующихъ. Большое число этихъ предметовъ, находимыхъ въ гробницахъ или храмахъ, объясняется ихъ низкой цѣной. Они стоили такъ мало, что самые бѣдные могли пріобрѣсть ихъ».

XIV.

Остатки военныхъ принадлежностей. Каменные ядра.

Среди этихъ остатковъ культуры и мирной жизни херсонитянъ попадаются остатки и воинственной жизни. Таковы древняя каменные ядра, нерѣдко находимыя тамъ и сямъ въ городищѣ и за стѣнами его. Сдѣланы они большею частью изъ твердыхъ породъ: базальта и гранита; первый находился по сопѣстству, у мыса Дѣвы¹⁾, а гранитъ не ближе нынѣшней Байдарской долины. Ядра—величиной отъ апельсина до большого арбуза, чисто и гладко оттесаны и большею частью имѣютъ довольно правильную шарообразную форму; иногда они, несомнѣнно, взяты прямо съ берега у мыса Дѣвы и отесаны самой природой. Полагаю, что они принадлежатъ главнымъ образомъ римскому періоду, такъ какъ римляне были большиe любители баллистики и изощрились въ примѣненіи метательныхъ снарядовъ. Мелкіе ядра метались горизонтально изъ небольшихъ снарядовъ, называвшихся катапультами; большія ядра метались навѣсомъ, т. е. дугой съ помощью баллистъ. Въ томъ и другомъ случаѣ метательная сила получалась изъ тугого закрученной веревки, которая отпускалась въ моментъ наибольшаго напряженія.

¹⁾ Нынѣ Феолентъ, что у Георгіевскаго монастыря.

нія. Этотъ способъ примѣнялся и въ Херсонесѣ много позднѣе, когда уже забыли о римлянахъ. Такъ, если припомните изъ на-шего очерка, около 320 г. императоръ Константинъ Великій обѣщалъ Херсонесу, за оказанныя имъ имперіи услуги, высы-лать ежегодно извѣстное количество тетивъ, дерева, желѣза и масла для устройства баллистъ и, кромѣ того, 1000 медимновъ пшеницы и денежную субсидію для содержанія баллистаріевъ, этихъ артиллеристовъ древности. Четыреста лѣтъ спустя, ста-вленникъ Херсонеса Варданъ-Филиппикъ повторилъ обѣщаніе Константина Великаго. Изъ повѣствованія Константина Ба-грянороднаго можно заключить, что херсонесскіе артиллеристы съ баллистами и катапультами существовали и въ его время (X в.).

Когда во дворѣ музея смотришь на груду этихъ ядеръ, не-вольно переносишься мыслью въ то отдаленное время, когда баллисты и эти каменные бомбы считались грознымъ оружиемъ, а когда бросишь взоръ на орудіясосѣднихъ батарей, каменные ядра кажутся просто дѣтской игрушкой. О мечахъ и копьяхъ скажемъ ниже.

Послѣ мраморовъ, терракотъ, дешевыхъ глиняныхъ и про-стыхъ каменныхъ издѣлій слѣдовало бы сказать о драгоцѣнныхъ находкахъ изъ благородныхъ металловъ и камней; но такія на-ходки въ городицѣ встрѣчаются очень рѣдко и, можно сказать, случайно, что вполнѣ естественно: все очень цѣнное,—а такое всегда занимаетъ очень малый объемъ,—во время нашествія вар-варовъ, погромовъ, пожаровъ или иныхъ катастрофъ забиралось, конечно, въ первую очередь, и оставалось въ стѣнахъ домовъ и дворовъ только то, что не успѣли захватить или случайно обронили въ пути, и оно закатилось въ укромное мѣсто, куда не достигала рука человѣка и не попадалъ его взоръ. Само со-бой—чѣмъ дальше въ глубь вѣковъ, тѣмъ меньше драгоцѣн-ныхъ находокъ. Такимъ образомъ, подъ грудами земли и мусора сохранились до нась перстни, серги, застежки, геммы чудной работы¹⁾ и т. п. Но благодаря обычаямъ времени, значительно большая часть такихъ шедевровъ ювелирного и рѣзного искус-ства античнаго времени находится въ мѣстахъ погребенія бога-тыхъ херсонитянъ, въ ихъ гробницахъ и склепахъ. Однако, чтобы не потеряться и не нарушить цѣльности впечатлѣнія,

¹⁾ Гемма—цѣнный камень съ какимъ-либо выпуклымъ рѣзнымъ изобра-женіемъ, камея—съ углубленнымъ.

объ этихъ находкахъ скажемъ нѣсколько ниже, когда будемъ говорить о раскопкахъ некрополя.

XV.

Монеты греко-римскаго періода; ихъ металлъ и система. Монетный дворъ. Изображенія и клейма на монетахъ. Монеты „свободнаго“ Херсонеса. Мѣста чеканки.

Теперь нѣсколько словъ о херсонесскихъ монетахъ. Здѣсь будемъ кратки, такъ какъ отчасти успѣли уже использовать въ исторической части этотъ надежнѣйшій археологическій матеріалъ, играющій въ исторіи роль верстовыхъ столбовъ, указывающихъ ея путь и размѣры періодовъ. Сначала нѣсколько общихъ указаній, основанныхъ на трудахъ такихъ знатоковъ херсонесской нумизматики, какъ Кене, Бурачковъ, Косцюшко, Бертье-Делагардъ, Орѣшниковъ и др. Монеты, какъ и другія цѣнныя вещи, находятся въ раскопкахъ тѣмъ рѣже, чѣмъ онѣ цѣнныѣ и древнѣе. Монеты эллино-римскаго періода, находятся главнымъ образомъ, среди остатковъ этого же времени и въ видѣ единичныхъ экземпляровъ, въ то время какъ монеты византійскаго періода (въ верхнихъ слояхъ) попадаются иногда десятками. Находятъ монеты въ раскопкахъ въ неузнаваемо-измѣненномъ видѣ, особенно мѣдные и бронзовыя, которая часто имѣютъ видъ комочковъ сухой грязи, и только опытный глазъ да зеленоватая окраска выдаетъ здѣсь присутствіе металла. Монеты подвергаются механической и химической чисткѣ кислотами, а въ послѣдніе годы примѣняется для очистки и гальваническій способъ, послѣ котораго золотыя монеты и веци, вообще легко очищающіяся, выглядятъ совершенно новенькими, точно сегодня изъ фабрики, а бронзовыя и мѣдные—темными и гладкими, точно покрытыя лакомъ.

Золотыя монеты и веци почти всегда прекрасной сохранности, а среди мѣдныхъ и бронзовыхъ много сильно окислившихся, на которыхъ и гальванической чисткой не удается открыть никакихъ мѣтокъ.

Что бросается въ глаза, глядя на коллекцію эллинскихъ монетъ Херсонеса, это—незначительное число серебряныхъ; ихъ вообще найдено очень мало, и то главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Херсонеса, а золотыхъ извѣстно всего двѣ—три. Явленіе это, конечно, не случайное и объясняется тѣмъ, что въ то отдаленное время серебра добывалось сравнительно мало, почему Херсонесъ, подобно Пантикею, Ольвіи и другимъ ко-

лоніямъ, пользовался для отливки монетъ главнымъ образомъ мѣдью, точнѣе сказать, сплавами ея въ видѣ бронзы¹). Что касается числа монетъ изъ благородныхъ металловъ, то «вообще, говорить Бурачковъ, на тысячи бронзовыхъ встрѣтится едва одна золотая или серебряная, да и то самая обыкновенная».

Благодаря своей рѣдкости, нѣкоторыя монеты Херсонеса имѣютъ необычайно высокую цѣну. Судя по каталогу Бурачкова, она доходитъ до 100—200 и даже до 300 руб. за штуку, причемъ свойство металла не имѣеть даже особаго значенія. Менѣе рѣдкія цѣняться въ 5—10 руб., а византійскія и того дешевле. Такая высокая оцѣнка объясняется тѣмъ, что на западѣ херсонесскими монетами интересуются не менѣе и даже болѣе, чѣмъ у насъ, и въ сущности западъ дѣлаетъ оцѣнку нашихъ монетъ.

Первый вопросъ, который обыкновенно задаютъ любители, осматривая коллекцію монетъ: откуда же херсонесцы получали драгоценный металлъ для монетъ? На это и теперь можно отвѣтить только такъ, какъ сказалъ 25 лѣтъ назадъ Бурачковъ: «Наука о древностяхъ южно-понтійского края не рѣшила и по сю пору этого вопроса. Относительно золота думали, что оно шло изъ странъ Гиперборейскихъ, т. е. съ Урала. Что же касается мѣди, то слѣды добыванія ея находили въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской, гдѣ дѣйствительно сохранились по сю пору слѣды древней ея выплавки. Другіе же металлы: олово, цинкъ и серебро доставлялись изъ Греціи. Но по временамъ южно-понтійскія колоніи испытывали нужду въ металлахъ; доказательствомъ тому служитъ перечеканка монетъ и клейма, служившія для увеличенія цѣнности монетъ, бывшихъ въ обращеніи, въ особенности серебряныхъ, и выражавшіяся числительными буквами А, В, Л, Н. Судя по этимъ даннымъ, Херсонесъ сравнительно рѣдко, а Ольвія часто испытывала нужду въ серебрѣ и золотѣ: на ея мелкой серебряной монетѣ встрѣчалось три разныхъ клейма».

Когда начали чеканить въ Херсонесъ монету, остается вопросомъ. Кене и Бертѣ-Делагардъ полагаютъ, что въ IV в. (до Р. Хр.). Извѣстный нѣмецкій нумизматъ Заллетъ (Sallet) говоритъ, что онъ не знаетъ херсонесскихъ монетъ раннѣе III в. До этого Херсонесъ пользовался общей греческой монетой.

Что касается вѣса монетной системы Херсонеса, Ольвіи и Пантикопея, то, согласно указаніямъ Кене, долго думали, что она была аттической, основанной еще Солономъ; однако тща-

¹⁾ Недостаткомъ серебра объясняется и незначительное количество серебряныхъ издѣлій античного времени.

тельныя взвѣшиванія и изслѣдованія Бурачкова привели его къ убѣжденію, что Херсонесъ, какъ и другія pontійскія колоніи, «имѣлъ свою собственную монетную систему, независимую отъ иноземной», а Бертье-Делагардъ кромѣ того находитъ, что система было нѣсколько.

Надо думать, что въ Херсонесъ, какъ и другихъ колоніяхъ, находилось учрежденіе, наблюдавшее за вѣсомъ и стоимостью монетъ (монетный дворъ): «оно, говорить Бурачковъ, подвергало пересмотрѣ старыя монеты и приводило ихъ въ соотвѣтственное соотношеніе съ новыми. Такимъ образомъ объясняется появленіе клеймъ на монетахъ древнѣйшихъ съ изображеніемъ божествъ, взятыхъ съ монетъ позднѣйшихъ. Въ силу этого же на херсонесскихъ монетахъ древнѣйшаго периода встрѣчаются болѣе поздніяя изображенія дельфина и молнія подъ изображеніемъ Геркулеса, а на бронзовыхъ позднаго периода—луна со звѣздою (гербъ ахаменидовъ, указывающей на Митридата Великаго) подъ Артемидой въ кругу изъ точекъ».

Тотъ же изслѣдователь подчеркиваетъ фактъ, что «въ Херсонесъ, представлявшемъ по мѣстонахожденію своему на пути къ Босфору и по удобству для стоянки судовъ, особыя выгоды для иноземной торговли, находится весьма мало монетъ, принадлежащихъ другимъ странамъ. Чаще другихъ встрѣчаются монеты родины херсонаситовъ—Гераклеи Pontійской, рѣже ольвійскія и пантикопейскія; монеты римскія встрѣтились въ большомъ количествѣ въ видѣ клада только одинъ разъ при сооруженіи желѣзной дороги по ту сторону севастопольской бухты». О монетахъ византійскихъ мы не говоримъ, такъ какъ онъ относится къ временамъ позднѣйшии, и о нихъ будетъ сказано ниже.

Нахожденіе древнѣйшихъ и болѣе новыхъ монетъ въ одномъ мѣстѣ еще разъ показываетъ, что оба города были расположены на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Интересенъ фактъ ненахожденія древнихъ монетъ вблизи Балаклавы, и, съ другой стороны, обращаетъ на себя вниманіе фактъ нахожденія древнихъ херсонесскихъ монетъ вблизи Евпаторіи и съвернѣе ея, у Донгузлавскаго залива, гдѣ предполагалось существованіе древнихъ городовъ и укрѣплений Керкинита и Прекрасной гавани (Калость Лимень), упоминаемыхъ въ присягѣ и псеѳизмѣ Диѳанту и входившихъ въ херсонесскій республиканскій союзъ или бывшихъ съ Херсонесомъ въ постоянномъ общеніи. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ указанныхъ мѣстахъ найдено было нѣсколько монетъ, «представляющихъ поразитель-

ное сходство съ херсонесскими», но съ надписью КЕРКІ, КЕР, и одна съ надписью КАРКН, что уже указываетъ на полную самостоятельность нынѣ безслѣдно исчезнувшаго города, точное мѣстоположеніе котораго такъ долго и такъ тщетно ищутъ ученые.

Теперь кос-что о самихъ монетахъ въ порядкѣ, установленномъ Кене. Онъ, какъ и Бурачковъ, считаетъ древнѣйшими монеты Херсонеса съ изображеніемъ покровительницы города Дѣвы Артемиды, съ именемъ архонта¹⁾), съ монограммой или первыми буквами города (ХЕР). На лицевой сторонѣ этихъ монетъ изображенъ бюстъ богини, сзади него—колчанъ съ ремнемъ и стрѣлами, на обратной—она же въ видѣ Дѣвы-охотницы, одѣтой въ короткій хитонъ съ поясомъ, пронзаетъ правой рукой упавшую на колѣни лань, а лѣвой сжимаетъ лукъ. На обратной сторонѣ иногда вместо Дѣвы-охотницы изображенъ олень или чаще—быкъ, припавшій на колѣно; надъ или подъ нимъ—суковатая палица Геркулеса. Повидимому, въ болѣе позднихъ монетахъ здѣсь вы видите изображенія рыбы, дельфина, колчана и лука со стрѣлами. Очень интересна монета, на обратной сторонѣ которой изображенъ припавшій на одно колѣно мужчина въ фригийской шапкѣ и скиоскомъ (?) костюмѣ, готовый пустить стрѣлу, также монета, на которой изображенъ лавровый вѣнокъ, а внутри его та же палица съ надписью ХЕР. Вѣнокъ—прямое указаніе на Аполлона. Но съ лицевой стороны вездѣ бюстъ покровительницы города. Въ другомъ рядѣ монетъ она изображена въ видѣ стрѣлка, ставшаго на правое колѣно и готоваго вложить стрѣлу въ лукъ, а на обратной сторонѣ этихъ монетъ видимъ скачущаго и съ распластертыми крыльями грифа²⁾.

«Грифъ, по объясненію Бурачкова, схожій съ пантикамейскимъ, имѣетъ здѣсь, какъ и тамъ, астрономическое значеніе, заимствованное у отдаленнаго востока. Грифъ былъ выразителемъ лѣтняго зноя и находился въ ближайшемъ соотношеніи съ Аполлономъ (солнцемъ). На нашихъ монетахъ онъ изображенъ скачущимъ вѣво, тогда какъ Артемида со стрѣлою обра-

1) Архонты—высшіе правители республики; первый назывался эпонимъ, онъ завѣдывалъ гражданскими дѣлами, второй—базилевсъ (царь), управлялъ духовною частью, третій—полемархъ (полководецъ), командовалъ войсками. Такъ было въ первые вѣка аѳинской республики (VI—IV в.); вѣроятно, подобная организація была и въ Херсонесѣ.

2) Грифъ—миѳическое чудовище съ тѣломъ и ногами льва, головой и крыльями орла, ушами лащенными и гривой изъ плавниковъ рыбъ.

щена вправо, точно готовится сразиться съ нимъ. Символизация эта не требуетъ подробныхъ объясненій, если принять во вниманіе губительное дѣйствіе лѣтняго зноя на растительность при рѣдкости дождей въ Тавридѣ, и связь Артемиды съ луною, имѣвшую по учению древнихъ народовъ влияніе на выдѣленіе влаги въ воздухѣ». Возможно, что такая мысль и осѣнила художника, когда онъ рисовалъ образъ сильной Дѣвы-охотницы.

Встрѣчаются еще монеты съ Артемидой, изображенной несущейся на колесницаѣ, запряженной четверкой.

Особая группа монетъ съ бюстомъ Аполлона, съ выющими-сѧ, нестриженными волосами, выражавшими вѣчность, и съ вѣнкомъ на головѣ; на обратной сторонѣ—та же Дѣва-охотница, быкъ, палица, рыбы...

Большая группа монетъ болѣе поздняго периода съ бюстомъ Геркулеса, какъ покровителя Гераклеи, иногда очень юнаго и съ повязкой на головѣ. Очень интересны монеты, на лицевой сторонѣ которыхъ изображенъ соединенный бюстъ Артемиды и Геркулеса, въ видѣ двуликаго Януса. На обратной сторонѣ—прежнія темы.

Гораздо рѣже попадаются монеты съ бюстами Паллады, которую легко узнать по ея пернатому шлему.

Таковы главные типы монетъ древняго Херсонеса.

Въ римскій периодъ уже попадаются монеты съ бюстами, въ которыхъ если и нельзя узнать римскихъ императоровъ, то можно догадываться объ этомъ, а около времени Домиціана (I в. по Р. Хр.) уже попадаются монеты съ надписью ЕЛЕУӨЕРАС т. е. «свободнаго» Херсонеса, получившаго это почетное право послѣ фактическаго подчиненія Риму, что, по мнѣнію Бертье-Делагарда, Кулаковскаго и др., случилось около 25 года до Р. Хр. На этихъ монетахъ, въ общемъ, болѣе небрежно исполненныхъ, повторяются наиболѣе древнія темы: Дѣва-охотница, быкъ, палица и др. Бертье-Делагардъ отмѣчаетъ, что «съ римскихъ временъ исчезаетъ Геракль, но чаще попадается Аполлонъ». Въ этомъ периодѣ встрѣчаются монеты съ изображеніемъ Эскулапа,—его легко узнать по характерной позѣ и палицѣ, на которой извивается змѣя (эмблема мудрости),—и богини здоровья Гигеи; она также характерна въ своей позѣ, съ чашкой въ лѣвой рукѣ и въ правой съ обвившейся змѣй, которую подносить къ чашѣ, очевидно, съ ядомъ.

Отсюда ясно, что кульпъ Дѣвы-охотницы былъ здѣсь наиболѣе популярнымъ, и, несомнѣнно, она была главной богиней-охранительницей во все время античнаго, т. е. языческаго Хер-

сонеса. Рядомъ съ ней надо поставить Геркулеса, который если не всегда фигурируетъ лично, то обязательно—его внушительная палица. Прочіе боги и полубоги играли второстепенную роль. Въ римское время стали выдвигаться полубоги здоровья — Эскулапъ и его дочь Гигея, что вполнѣ приличествуетъ мѣсту съ такимъ цѣлительнымъ климатомъ.

Что касается изображеній на монетахъ быка, грифа, рыбъ, звѣздъ, луны, то они, по мнѣнію Стефани и Заллета, съ чѣмъ соглашаются и другіе, выраженіе не мѣстного культа, а вліяніядалекаго востока (ассиро-ававилонянъ), его астрономическихъ учений и его знаковъ зодіака. Такъ-ли это, покажутъ будущія изслѣдованія.

«Различіе изображеній въ разныхъ монетахъ нашего города, столь характерное и постоянное, говорить Бертье Делагардъ, не могло быть дѣломъ простого случая, а было устроено нарочно и совершенно цѣлесообразно для того, чтобы возможно рѣзче раздѣлить монетныя системы, внутреннюю и внѣшнюю: для первой, внутренней, главное изображеніе—домашнее божество, Артемида, для второй, внѣшней, богъ-покровитель, тезоименитый метрополіи, Гераклъ. При Миорадатѣ VI городъ перешелъ къ системѣ мелкой царской монеты и римскаго де-наря, перечеканивъ съ этой цѣлью все свое серебро, бывшее тогда въ обращеніи. Однако, при этомъ городъ сохранилъ на монетахъ типъ своей богини-покровительницы Артемиды, но въ отличіе отъ первой группы придалъ изображеніямъ лица и об-рота новыхъ монетъ совершенно иной видъ, чтобы не могло быть смѣшенія со старыми. Въ полудрахмахъ этой системы изобразили Геракла, чтобы не забыть его, но въ отличіе отъ второй группы и этимъ изображеніямъ также придали иной видъ и атрибуты. По изображеніямъ эту группу можно назвать смѣшанной группой Артемиды—Геракла. Вѣроятно, и здесь изображенія также не случайны, а приняты оба вмѣстѣ именно потому, что и самая система была какъ-бы промежуточной, сред-ней по вѣсу между двумя первыми группами, годной и для внутреннихъ и для внѣшнихъ сношеній».

Античные монеты по сравненію съ болѣе поздними—визан-тийскими находятся, какъ мы уже сказали, рѣже, и, по мнѣнію извѣстнаго нумизматы Орѣшникова, ихъ найдено не болѣе $\frac{1}{20}$ всѣхъ монетъ (пока всего около 1000 монетъ). По мнѣнію Бертье-Делагарда, монетъ автономнаго Херсонеса и того менѣе: не болѣе 1% всего числа найденныхъ.

Въ теченіе всего автономнаго періода Херсонесъ самъ выби-
валъ и чеканилъ монету, но въ римскій періодъ онъ былъ ли-
шенъ права чеканить золотую монету, а въ позднее римское
время это ограничение, кажется, коснулось и мѣдной.

Когда Херсонесъ прекратилъ чеканку собственной монеты,
сказать съ достовѣрностью пока нельзя, «но если судить по
снимкамъ самыхъ позднихъ монетъ, то II или III в. по Р. Хр.
можно считать предѣломъ чекана херсонесскихъ монетъ» (Орѣш-
никовъ).

XVI.

Эпиграфические памятники. Характеръ письма. Эстампажи.

Теперь познакомимъ читателя съ эпиграфическими памят-
никами, т. е. съ надписями на мраморѣ и рѣже—простомъ камнѣ,
какія нашлись въ Херсонесѣ. Конечно, мы не будемъ разбирать
всего эпиграфического материала: это заняло бы много мѣста,
и это дѣло специалистовъ; напротивъ, остановимся на избран-
ныхъ памятникахъ далекаго прошлаго, наиболѣе характеризу-
ющихъ эпоху, наиболѣе поучительныхъ и интересныхъ.

Мраморы и камни съ надписями находять большою частью
внутри построекъ и въ ихъ стѣнахъ. Больше плоскіе куски
мраморовъ не разъ находили среди плитъ, покрывавшихъ полы
храмовъ; иногда такие фрагменты служили крышками для колодцевъ, ямъ, водосточныхъ канавъ; немало такихъ мрамо-
ровъ попало и насосѣднее кладбище (некрополь), гдѣ ими
закрывали входы въ склепы и усыпальницы. Другіе обломки
надписей попали просто въ кладку стѣнъ, карнизовъ или по-
роговъ, а болѣе мелкіе куски—прямо въ кучи городского щебня
и мусора, гдѣ ихъ и находятъ при раскопкахъ. Иногда куски
мраморовъ съ херсонесскими надписями находили далеко отъ
ихъ родины. Если припомните изъ нашего исторического очерка,
до насъ дошелъ декретъ временъ императора Антонина (II в.
по Р. Хр.) о дарованіи правъ гражданства и разныхъ привиле-
гій гражданину Синопа Каю Навклару за разныя услуги Хер-
сонесу. Когда-то въ бывшія времена, быть можетъ при одномъ изъ
разгромовъ, декретъ былъ разбитъ на двѣ части; одна изъ
нихъ была найдена въ 1822 г. на берегу Волги, въ развали-
нахъ древней столицы татарскихъ хановъ—Сараѣ, куда сносили
добычу со всѣхъ мѣсть, гдѣ бывали татарскіе набѣги, а другая
въ 1893 г. (т. е. 71 годъ спустя) найдена въ Херсонесѣ.

Многое и, пожалуй, самое интересное изъ мѣстной эпиграфики уже добыто при раскопкахъ центральной части городища, но еще многое хранится въ нѣдрахъ, нетронутыхъ киркой археолога. Еще недавно г. Леперь нашелъ въ сѣверной части города большую, хорошо сохранившуюся посвятительную надпись и договоръ Фарнака съ херсонесцами.

Всѣ эти находки послѣ тщательной очистки фотографируются, и съ большей части снимается эстампажъ, т. е. бумажная копія. Въ былое время г. Скубетовъ подготовилъ цѣлую серію интересныхъ эстампажей херсонесскихъ памятниковъ, и теперь, съ разрѣшеніемъ завѣдующаго раскопками, вы можете любоваться ими въ библіотечной комнатѣ склада древностей.

Чтеніе древнихъ надписей, даже возстановленныхъ, дѣло трудное, и трудность усугубляется тѣмъ, что греки, какъ и другіе древніе народы, примѣняли только одинъ шрифтъ, прямой въ видѣ устава, напоминающій наши большія буквы, все писали въ одну строку, не раздѣляя словъ ни промежутками, ни знаками и не соблюдая никакихъ правилъ переноса словъ въ другую строку. Иногда только въ концѣ цѣлой фразы у верхушки послѣдней буквы встрѣчается точка, да и то въ болѣе позднѣе времена. Малыя буквы появились только въ рукописяхъ, когда развилась скоропись и появились въ большомъ числѣ рукописи, а тѣ шрифты, которыми теперь печатаются творенія древнихъ греческихъ авторовъ, выработаны въ XV в. знаменитымъ итальянскимъ печатникомъ Альдомъ, который принялъ для нихъ красивый прямой рукописный почеркъ, какъ говорятъ, принадлежавшій Петrarкѣ (Булгаковъ).

Надо знать, что каждый длинный историческій периодъ въ жизни народа отражался и на характерѣ, формѣ письма его—буквѣ. Эти периоды имѣютъ свои особенности въ изображеніи буквъ, и эти особенности иногда служать главными признаками, по которымъ относятъ надпись (обычно безъ даты) къ тому или иному времени.

Въ прежнее время разборомъ и объясненіемъ херсонесскихъ надписей занимались у насъ, главнымъ образомъ, проff. новороссійскаго университета Юргевичъ и Брунъ, а въ послѣдніе 20 лѣтъ вся эпиграфика Херсонеса, равно какъ и другихъ мѣсть, гдѣ систематически производятся наши раскопки (Керчь, Анапа, Ольвія...) въ фотографическихъ копіяхъ и эстампажахъ направляется въ Императорскую Археологическую Коммиссію, а ею—греческія надписи, главнымъ образомъ, академику В. В. Латы-

шеву, который считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ эпиграфики въ Европѣ. Его обширныя, блещущія эрудиціей изслѣдованія помѣщаются въ изданіяхъ этой Комиссіи («Ізвѣстія» и «Матеріалы по археологіи Россіи»), а равно собраны въ трехъ томахъ его классического сборника «Надписи Черноморскаго побережья», опубликованныхъ, какъ мы уже знаемъ, на латинскомъ языке.

Чтобы дать понятіе о томъ, съ какимъ вниманіемъ и любовью изучается не только каждая надпись, но каждая строчка и даже отдельная буква, позволю себя предложить вниманію читателя наиболѣе интересные памятники въ объясненіяхъ, исключивъ изъ нихъ все черезчуръ специальное.

XVII.

Древнѣйшая эпиграфика. Гражданская присяга херсонесцевъ.

Древнѣйшими памятниками херсонесской эпиграфики надо считать камни съ надгробными или посвятительными надписями. За ихъ глубокую древность опредѣленно говорятъ и характеръ письма и содержаніе, а частью и мѣсто находки.

Въ разныхъ мѣстахъ городища и некрополя найдено нѣсколько надписей на простомъ мѣстномъ камнѣ съ именами погребенныхъ, вырѣзанныхъ, несомнѣнно, въ то отдаленное время, когда въ Херсонесѣ еще не было мрамора. Даже строгими эпиграфистами эти памятники относятся къ V и IV в. до Р. Хр., но возможно, что нѣкоторые изъ надписей относятся къ первымъ днямъ созданія города и къ первымъ его поселенцамъ. Впрочемъ, о нихъ скажемъ, когда будемъ описывать некрополь, такъ какъ они относятся къ культу мертвыхъ.

Отъ IV в. до Р. Хр. дошло до насъ нѣсколько декретовъ и посвятительныхъ надписей. Къ этому же вѣку относится наиболѣе интересный и наиболѣе важный херсонесской эпиграфической памятникъ изъ числа всѣхъ найденныхъ, это именно —*гражданская присяга херсонесцевъ*, почему на этомъ документѣ мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько долѣ.

Вырѣзана присяга на большої мраморной плитѣ, украшенной вверху фронтомъ; размѣры ея: высина съ фронтомъ 139 сант., ширина вверху подъ фронтомъ 38 сант., внизу — 42 сант., толщина 11—13 сант. Буквы вырѣзаны очень тщательно и красиво, величиной 1—1½ сант.; въ верхней части

они сохранились превосходно, а въ нижней мѣстами попорчены и по краюмъ мѣстами оббиты. Надпись найдена разбитой на двѣ части немного ниже середины. Нижняя часть найдена въ октябрѣ 1890 г., а верхняя—въ мартѣ слѣдующаго года въ одномъ изъ христіанскихъ храмовъ византійской эпохи (недалеко отъ храма св. Владимира), гдѣ она была употреблена въ качествѣ матерьяла для настилки пола. Оба куска совершенно сходятся, и отъ разбитія, къ счастью, пропала только одна строка.

Надпись мы передаемъ въ своемъ переводе по тексту, восстановленному академ. Латышевымъ, съ маленькими поправками проф. Эрнштедта. Вотъ она, съ соблюдениемъ числа строкъ и порядка оригинала.

Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою,
богами и богинями Олимпа
и героями, кои охраняютъ общину, землю
и стѣны херсонаситовъ,
что (всегда¹⁾) буду дружно стоять за благо,
и свободу города и согражданъ
и не предамъ ни Херсонаса,
ни Керкенитиды, ни Прекрасной гавани,
ни иныхъ укрѣплений и земель,
коими херсонаситы владѣютъ
или владѣли (не предамъ), ничего никому,
ни эллину, ни варвару; но буду охранять
для гражданъ Херсонаса и не
нарушу демократіи, а
желающаго предать или нарушить (ее)
отвращу и не укрою и даже
заявлю о немъ городскимъ властямъ.
Буду врагомъ каждому
 злоумышляющему, предающему или склоняющему
къ отпаденію Херсонасъ, Керкенитиду,
Прекрасную гавань, укрѣпленія и земли
херсонаситовъ. Когда буду служить должностнымъ ли-
[цомъ или членомъ совѣта,
буду давать совѣты наиболѣе честные и полезные
для города и гражданъ и буду.....²⁾)
охранять народу и не пе-

¹⁾ Въ скобкахъ—слова, недостающія по условіямъ перевода. Здѣсь Херсонесъ, согласно памятнику, читается по-дорически—Херсонасъ.

²⁾ Здѣсь стоитъ слово ΣΑΣΤΗΡΑ (Sastera), значеніе которого пока не опредѣлено.

редамъ на словахъ ничего тайного
ни эллину, ни варвару,
что могло бы повредить общинѣ.
Не дамъ взятки и не приму ея
ко вреду общины и гражданъ и
не замыслю ничего дурного
противъ гражданъ, вѣрныхъ общинѣ,
и (не позволю ничего подобнаго другимъ),
но донесу на такихъ; на судѣ подамъ голосъ
по законамъ и не вступлю въ заго-
воръ ни противъ общины херсонаситовъ,
ни противъ кого-либо изъ гражданъ,
если онъ не объявленъ врагомъ народа;
если же вступилъ въ заговоръ
и связалъ себя клятвой,
то пусть будетъ мнѣ и моимъ близкимъ
все хорошее, если нарушу ее,
и все скверное, если останусь при ней,
и если узнаю о какомъ-либо заговорѣ,
существующемъ или замышляющемся,
заявлю властямъ;
не буду продавать хлѣба, доставленнаго изъ равнины,
а равно вывозить его въ другое
место помимо Херсонаса.
Если я свято исполню свое обѣщаніе,
да ниспошлетъ Зевсъ, Земля, Солнце,
Дѣва и боги Олимпа все хорошее
мнѣ самому и всему роду, и всему моему,
если же я не исполню, пусть
злая судьба постигнетъ меня
и родъ мой и все мое,
да не принесетъ мнѣ плода ни земля
ни море и жена да не¹⁾)
.

Итакъ, мы имѣемъ предъ собой текстъ гражданской присяги херсонесцевъ. Уже при первомъ взглядѣ на нее бросается въ глаза громадное значеніе этого памятника, проливающаго яркій свѣтъ не только на религію и политическое устройство древней общины, но и на размѣры ея владѣній, ея экономическое положеніе и гражданскія обязанности ея чле-

¹⁾ Послѣднія слова и строка уничтожены временемъ, но можно догадываться: „да не родить красивыхъ дѣтей“.

новъ. Наша присяга—одинъ изъ очень немногихъ древнѣйшихъ эпиграфическихъ памятниковъ этого рода, когда-либо найденныхъ и сохранившихся полностью почти до послѣдней строчки, и въ этомъ смыслѣ во всей древней эпиграфикѣ она занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣсть и уже давно обратила внимание выдающихся эллинистовъ запада. И нѣтъ ничего удивительного. «Если мы сравнимъ, пишетъ Латышевъ, текстъ херсонесской присяги съ дошедшими до насъ текстомъ—афинской, то замѣтимъ, что рѣ первомъ обязанности честнаго гражданина по отношенію къ отечеству и отдѣльнымъ согражданамъ перечислены гораздо полнѣе и разностороннѣе, нежели во второмъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что херсонесскій текстъ, если не всецѣло, то въ главнѣйшихъ чертахъ, отражаетъ въ себѣ практическіе взгляды на обязанности гражданина къ государству, съ теченіемъ времени выработавшіеся въ греческихъ политіяхъ¹⁾ и вылившіеся въ опредѣленныя формулы къ III в. до Р. Хр.,—и въ этомъ заключается главная цѣна нашего документа и главное значеніе его, какъ интереснаго дополненія къ длинному ряду документальныхъ источниковъ для изученія греческой государственной жизни».

Въ своемъ очеркѣ исторіи Херсонеса мы уже использовали историческій матеріалъ нашей присяги, насколько позволяли рамки труда, а теперь остановимся на нѣкоторыхъ интересныхъ мѣстахъ этого памятника съ точки зренія археолога. Прежде всего, время появленія присяги. Къ сожалѣнію, на памятникѣ нѣть ни даты, ни прямыхъ указаний, позволяющихъ отнести ее къ опредѣленному времени. «Но характеръ письма, особенности языка и ореографіи документа позволяютъ пріурочить его къ срединѣ III или даже къ концу IV в. до Р. Хр., хотя послѣдее, говорить Латышевъ, нѣсколько рисковано». Намъ же именно послѣднее кажется болѣе близкимъ къ истинѣ; мы даже думаемъ, что настоящая присяга имѣеть болѣе древнее происхожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, присяга, говоря словами того же Латышева, «какъ гарантія вѣрности извѣстнаго обѣщанія, имѣла чрезвычайно широкое распространеніе у древнихъ народовъ, въ томъ числѣ и у грековъ, какъ въ частной жизни, такъ и въ государственной и общественной. По убѣжденію грековъ, клятво-преступникъ не могъ скрыться отъ боговъ и избѣжать ихъ возмездія; и если не самъ онъ, то дѣти и весь родъ клятво-преступника подвергается великимъ несчастіямъ». А если такъ,

¹⁾ Политическая община, маленькое государство.

то примѣненіе присяги, въ виду окружающихъ условій, могло быть обязательнымъ вскорѣ послѣ основанія Херсонеса, не говоря уже о томъ времени, когда онъ разбогатѣлъ, вошель въ союзъ съ сосѣдними городами и оградилъ себя надежной стѣной, а это, надо полагать, было не позднѣе начала IV вѣка.

Кромѣ того, самъ же Латышевъ подчеркиваетъ фактъ, что многія буквы присяги, какъ Г, М, П, Х, О, имѣютъ болѣе древнее начертаніе, чѣмъ какое встрѣчается въ срединѣ III в.

Что касается текста, то онъ написанъ на хорошиемъ дориическомъ нарѣчіи, отличительная особенность котораго—частое повтореніе буквы А, каковая почти вездѣ замѣняетъ собой въ аттическомъ нарѣчіи часто встрѣчающуюся Н. Такимъ образомъ, вместо Херсонесъ говорили и писали Херсонасъ, вместо Гэ (Земля) Га, Геліость (Солнце)—Галіость. Словомъ, дорическое нарѣчіе, на которомъ говорили херсонесцы, было акающее, и ихъ можно бы назвать москвичами древности.

Написанъ текстъ четко и на эстампажѣ читается очень легко, почему нѣсколько оббитыхъ по краямъ буквъ возстановить также легко, равно какъ почти разрушенную на изломѣ строку. Недоразумѣніе вызываетъ только одно слово въ срединѣ текста ΣΑΣΤΗΡΑ, не оказавшее ни въ одномъ изъ словарей и по своей загадочности положительно заинтриговавшаго не только нашихъ, но и западно-европейскихъ эллинистовъ и вызвавшее цѣлую специальную литературу, правду сказать, нисколько не разъяснившую значеніе загадочнаго слова, почему въ переводѣ на его мѣстѣ стоять точки¹⁾.

Нашъ переводъ сдѣланъ по тексту, возстановленному ак. Латышевымъ, съ маленькими поправками, сдѣянными проф. Эрнштедтомъ, не повліявшими на суть перевода, но отличается отъ перевода нашего почтеннаго эллиниста, такъ какъ мы не всегда могли согласиться съ его толкованіемъ текста присяги. Не входя въ подробности, такъ какъ это дѣло специалистовъ, укажу только на одинъ фактъ, имѣющій болѣе общій интересъ. Въ присягѣ два раза встрѣчается слово ΔАМІОУРГОІ, которое Латышевъ не переводить, а передаетъ въ русской транскрипції—даміургъ, поясняя въ комментаріяхъ, что то были специальные чиновники, «верховные магистраты, какъ говорить онъ, обязанные пещись о демократіи и преслѣдоватъ лицъ, стремящихся къ ея ниспроверженію, и вообще—государственныхъ измѣнниковъ и заговорщиковъ. Должность эта была коллегіаль-

¹⁾ Мы не могли принять объясненія проф. Соколова, который придаетъ этому слову значеніе—«предсѣдатель совѣта» обшины.

ная; но изъ сколькихъ лицъ состояла коллегія, остается неизвѣстнымъ».

Выходитъ такъ, что даміурги были своего рода жандармами, которые охраняли демократическія установленія. Съ такимъ толкованіемъ значенія слова ДАМИУОРГОС согласиться нельзя, такъ какъ подобное толкованіе черезчуръ суживаетъ значеніе слова даміургъ, такъ сказать, специализируетъ его, и трудно представить себѣ, чтобы въ такомъ общегражданскомъ актѣ, какъ присяга, которая указываетъ только самыя общія, основныя обязанности гражданъ, упоминались только одни даміурги, почему согласно общему смыслу присяги я понимаю значеніе слова даміургъ (отъ *δῆμος*—народъ и *εργον*—дѣло), какъ важнаго общественнаго дѣятеля, члена общиннаго совѣта. Таково, приблизительно, пониманіе и проф. Рейнака. Этимъ мы заканчиваемъ нашу замѣтку о присягѣ, которой можетъ любоваться каждый посѣтитель херсонесскаго музея.

XVIII.

Посвятительные надписи. Декреты. Проксени.

По характеру письма, относится къ IV в. и нѣсколько посвятительныхъ надписей. Изъ нихъ заслуживаютъ особаго вниманія двѣ—обѣ на мраморныхъ подножіяхъ. Первая найдена въ 1892 г. въ землѣ у порога «базилики съ мѣтками», открытой въ средней части города. Подножіе изъ бѣлого мрамора, вполнѣ сохранившееся; на верхней сторонѣ его—углубленія для ногъ и продолговатые вырѣзы, залиты свинцомъ, откуда видно, что подножіе было уже употреблено для какой-то постройки. Надпись съ буквами въ два сантиметра прекрасно сохранилась и гласитъ:

БІОНЪ (сынъ) СИМІЯ.

АНТИБІОНЪ (сына) БІОНА СЫНА СИМІЯ. БЫВШІЙ ЦАРЕМЪ, ЗА ОТЦА (ПОСТАВИЛЪ) ДѢВЪ ВЪ БЫТНОСТЬ ЕЯ ЖРЕЦОМЪ.

Отсюда видно, что на пьедесталѣ стояла статуя Биона, посвященная Дѣвѣ, т. е. Артемидѣ—покровительницѣ города, его сыномъ Антибіономъ, занимавшимъ раньше должность «царя»¹), а во время посвященія исполнявшимъ должность жреца, безъ сомнѣнія, этой же богини,—иначе было бы названо имя божества,

¹⁾ Собственно—президента.

которому служилъ Антибонъ,— и что въ то отдаленное время въ Херсонесѣ былъ храмъ Дѣвы.

Другой пьедесталь, найденный недалеко отъ собора, сильно поврежденъ и отбитъ слѣва; видимо, онъ тоже былъ въ подѣлкѣ. Отбитая часть не мѣшаетъ пониманію надписи; она гласитъ:

. . . ОНОМЪ, СЫНОМЪ ГЕРОДА, ЗА ЖЕНУ СВОЮ
 . . . ФАРУ, ДОЧЬ ДАМОКЛА,
 АӨИНЪ СПАСИТЕЛЬНИЦЪ;
 . . (П)оликратъ изваяль.

Значить и здѣсь стояла статуя, посвященная Аѳинѣ-Спасительницѣ и изваянная Поликратомъ. «Здѣсь, говорить г. Латышевъ, особый интересъ придаетъ имя ваятеля Поликрата. Возможно, конечно, что это имя носиль какои-нибудь безвѣстный херсонесскій ваятель (спрось на такого здѣсь былъ), но возможно также, что статуя была куплена и въ другомъ мѣстѣ, напр. въ Аѳинахъ, и принадлежала Поликрату, котораго Плиній ст. называетъ въ ряду выдающихся ваятелей древности». Такъ это, или иначе, но остатки эти указываютъ и на художественные потребности и на богатство города того времени.

Серія другихъ дошедшихъ до насъ обломкѣвъ посвятительныхъ надписей, въ которыхъ не всегда удается возстановить полный смыслъ, вполнѣ подтверждаетъ наши соображенія.

Отъ IV и III в. до насъ дошло нѣсколько декретовъ, къ сожалѣнію, большею частью въ видѣ обломковъ, изъ которыхъ едва удается уловить смыслъ. Но есть и почти цѣлый, относящійся, судя по формѣ нѣкоторыхъ буквъ, къ IV в., хотя общій пошибъ письма и начертаніе буквы А, именно попечная черта ея, иногда прямая, а иногда слегка вогнутая внутрь, скорѣе говоритъ въ пользу III в. «Такимъ образомъ, говорить Латышевъ, этотъ декретъ можно считать древнѣйшимъ изъ открытыхъ памынѣ херсонесскихъ эпиграфическихъ памятниковъ этого рода». Декретъ этотъ—проксенія Тимагору Родосскому, т. е. постановленіе народного собранія на право гражданства и гостепріимства.

Надпись вырѣзана на небольшой плитѣ изъ хорошаго бѣлаго мрамора, найденной вблизи Херсонеса въ кладкѣ каменнааго забора, почему этотъ интересный фрагментъ попалъ въ частную коллекцію г. Романченка; плита справа и слѣва нѣсколько надбита по краямъ, но это не мѣшаетъ возстановить надпись полностью. Вотъ она:

Проксения Тимагора Родос(ца)¹⁾
(Совѣтъ и народъ далъ. Оеотимъ (сынъ . . .) и
(Анти)гонъ сынъ Прона Аитеева предложили: (дать Тимаго)
(ру сыну) Никагора Родосцу проксению и пра(во гражданства)
(ему) и роду его и вѣездъ и выѣз(дъ имъ самимъ)
(и това)рамъ ихъ и во время войны и (во время мира)

Кромѣ интереса древности, памятники эти отъ важень, какъ
краснорѣчивое свидѣтельство постоянныхъ сношеній Херсонеса
съ такими сравнительно отдаленными отъ него областями грѣ-
ческаго міра, какою быль о. Родось. Несомнѣнно, Тимагоръ
быль торговымъ гостемъ и не разъ посѣщалъ Херсонесъ и ока-
зывалъ его гражданамъ немаловажныя услуги.

Лѣтомъ 1890 г. вблизи собора, на поверхности земли, сы-
номъ надсмотрщика быль найденъ обломокъ мраморной плиты
съ надписями и, что бываетъ очень рѣдко, съ обѣихъ сторонъ.
Къ сожалѣнію, сохранилась только меньшая половина плиты,
разбитой по вертикали; недостаетъ куска и внизу. Въ обломкѣ
масса собственныхъ именъ и много цифръ, выраженныхъ древ-
ними знаками, и нѣсколько разъ повторяется слово ПРАΣІЕ (prasi-
s, сдѣлка, продажа). Какъ ни мало сохранилось, но Латышеву
все же удалось кое-что извлечь изъ этихъ остатковъ. Мы при-
ведемъ болѣе интересное, оставляя подробности для специали-
стовъ.

«По характеру письма, говоритъ Латышевъ, этотъ документъ
не позднѣе III в. до Р. Хр. Для ближайшаго опредѣленія его
времени неожиданное подспорье оказывается въ извѣстномъ
большомъ спискѣ дельфійскихъ проксеновъ, въ которомъ подъ
195 г. до Р. Хр. записанъ въ числѣ проксеновъ УМНОΣ СКУΘΑ
ХЕРСОНАСИАΣ, т. е. Гимнъ Скиѳ-херсонесецъ, имя котораго
упоминается и въ нашемъ спискѣ. Рѣдкость обоихъ личныхъ
именъ даетъ возможность предположить въ данномъ случаѣ то-
ждество именъ. Стало быть нашъ документъ относится къ концу
III или самому началу II в.» Онъ прямо говоритъ о продажѣ,
судя по указаніямъ на овраги, именно земельныхъ участковъ,
очевидно, принадлежавшихъ херсонесской общинѣ и распредо-
давшихся отдѣльнымъ гражданамъ, и, судя по тому, что въ
спискѣ одни называются только своимъ именемъ, а другіе—по
имени и отчеству, здѣсь были лица всякаго званія. Слѣдуетъ при-

1) Въ скобкахъ слова, недостающія въ текстѣ (оббитыя). Здѣсь, какъ и
въ другихъ мѣстахъ, читаемъ по древнѣйшему произношенію, т. е. эразмов-
скому.

нять во вниманіе, что среди нихъ нѣсколько разъ упоминаются скиѳы; за нихъ говорить и нѣсколько именъ списка: Ікасъ, Риниасть, Бакисъ, Дорондасть и др.

Судя по величинѣ списка и массѣ именъ, продавала участки община, и продавала городскіе участки. Такимъ образомъ, въ этомъ документѣ мы имѣемъ древнѣйшій актъ о продажѣ херсонесскихъ земель.

XIX.

Договоръ Фарнака. Декреть Диофанту. Гераклѣйцамъ, проксенія Павклару.
Гимнъ въ честь Гермеса.

Къ срединѣ II вѣка относится недавно найденная Леперомъ среди византійскихъ развалинъ очень хорошо сохранившаяся на бѣломъ мраморѣ надпись, начало которой, къ сожалѣнію, оказалось отбитымъ и которая заключаетъ въ себѣ договоръ или, точнѣе сказать, условія оборонительного союза между Фарнакомъ I (Боспорскимъ 190—156? до Р. Хр.) и херсонесцами на случай нападенія окружавшихъ варваровъ. Фарнакъ клянется Зевсемъ, Землею, Солнцемъ, всѣми богами и богинями Олимпа быть другомъ и защитникомъ херсонесцевъ, еслисосѣдніе варвары нападутъ на Херсонесъ или на земли, коими они владѣютъ. Клянется по мѣрѣ силъ охранять демократію, пока херсонесцы останутся вѣрными его дружбѣ, дадутъ такую же клятву и будуть сохранять дружбу съ римлянами и не будутъ предпринимать ничего противъ нихъ. «Соблюдающему клятву да будетъ благо, нарушающему ее—все противное». Къ сожалѣнію, научная этика не позволяетъ мнѣ остановиться на этомъ интересномъ документѣ съ желательной обстоятельностью. Таковъ обычай: найденные надписи въ оригиналахъ, эстампажахъ или фотографическихъ снимкахъ сначала поступаютъ въ Императорскую Археологическую Комиссию, сю передаются специалисту для разбора и установленія текста, и уже послѣ опубликованія такового онъ становится общимъ достояніемъ науки. Поэтому ограничимся однимъ переводомъ надписи, какъ мы ее понимаемъ.

сына Геродота. Царь Фарнакъ при послахъ Матрій и Гераклій далъ (такую) клятву: Клянусь Землею, Солнцемъ, всѣми богами и богинями Олимпа, что навсегда буду другомъ херсонеситовъ и по мѣрѣ возможности буду помогать имъ противъ сосѣднихъ варваровъ, если они нападутъ на владѣнія херсонеситовъ, причинять имъ непріятности и меня пригласять помочь. Ни въ коемъ случаѣ не замыслю дурное противъ Херсонеса, не пойду противъ него походомъ, не подниму противъ херсонеситовъ оружія и не сдѣлаю ничего во вредъ херсонесскому народу; напротивъ, буду поддерживать вмѣстѣ съ нимъ по мѣрѣ силъ демократію, доколѣ онъ, давъ торжественную клятву, будетъ хранить дружбу со мной и римлянами и ничего не будетъ предпринимать противъ нихъ. Соблюдающему клятву да будетъ (все) хорошее, нарушающему ее (все) противное. Клятва эта дана въ сто пятьдесятъ седьмомъ году мѣсяца Даисія¹), какъ считаетъ царь Фарнакъ».

Изъ памятниковъ болѣе поздняго времени—II и I в. до Р. Хр. наиболѣе важный и интересный, несомнѣнно, известный декретъ въ честь полководца Митридата Евпатора Діафанта, отогнавшаго скиевъ отъ стѣнъ Херсонеса и отнявшаго у нихъ ближайшія владѣнія херсонесцевъ, за что и почтенъ былъ ими статуей и почетнымъ декретомъ, о которомъ мы уже сказали въ историческомъ очеркѣ и повторяться не будемъ; на томъ же основаніи не станемъ повторять декретовъ (I и II в.в. нашей эры) въ честь гераклейцевъ, исходатайствовавшихъ для своихъ земляковъ передъ имп. Антониномъ какія-то милости, о которыхъ, какъ и всегда, надо догадываться, и—въ честь гражданина Аристона Аттинова, которому въ заслугу вмѣнялось и то, что онъ много лѣтъ сидѣлъ въ Римѣ и слезно и тщетно просилъ кесаря объ исполненіи желаній херсонесцевъ.

Къ болѣе позднему римскому времени (I и II в.в. новой эры) относится греко-латинская надпись, заключающая въ себѣ жалобы херсонесцевъ римскому правителю на безобразное поведеніе римского гарнизона въ Херсонесѣ и щекотливый вопросъ о «дѣвичьей поплѣнѣ»; но объ этомъ памятнику мы уже достаточно сказали въ историческомъ очеркѣ и здѣсь повторяться тоже не будемъ.

Къ этому же періоду относится надпись на большой мраморной плитѣ въ 80 сант. высоты, около 50 ширины и 8—9 толщины съ отбитымъ лѣвымъ верхнимъ угломъ. На обратной сторонѣ плиты, незанятой надписью, лѣвый край выбитъ въ видѣ порога, а въ углу его выдолблена круглая ямка, не-

¹) Пятый мѣсяцъ по македонскому счислению.

сомнѣнно—пята для врачающейся двери. Найденъ мраморъ въ склепѣ ранней византійской эпохи при загородномъ (кладбищенскомъ) храмѣ, гдѣ употребленъ въ качествѣ верхней пerekладины входа въ склепъ. Отсюда видно, что надпись, послѣ того какъ потеряла свое значеніе, по крайней мѣрѣ дважды была употреблена въ дѣло: одинъ разъ въ качествѣ порога въ одномъ изъ храмовъ, куда попала изъ города, какъ ненужная вещь, а другой разъ—въ склепѣ вмѣсто простого камня. И въ томъ и другомъ случаѣ надпись спасло отъ уничтоженія то, что по ней не ходили и не терли ея ногами.

Текстъ вырѣзанъ очень тщательно, почему читается легко, но въ немъ много очень грубыхъ ошибокъ. Такъ стоитъ ТАИ вмѣсто ТАН, АХТОТИ вмѣсто АХТОН, ФУАА вмѣсто ФУЛА и т.д.; въ текстѣ имѣется даже непонятный комплексъ буквъ. Очевидно, рѣзчикъ не только плохо разбиралъ данный ему текстъ, но, вѣроятно, былъ иноземцемъ, плохо знавшимъ греческій языкъ, иначе не вырѣзывалъ бы завѣдомыхъ безмыслицъ. Текстъ исправленъ и отчасти восстановленъ въ недостающей части, о которой жалѣть не приходится, такъ какъ изъ оставшейся половины первыхъ девяти строкъ видно, что настоящихъ мотивовъ постановки этого декрета въ немъ нѣть. Надпись, надо полагать, начиналась обычнымъ привѣтствиемъ: Въ добрый часъ! которое не сохранилось; затѣмъ ясно видно, что (Проэдры Херсонеса) Таврическаго предложили (наградить сына Димитрія гераклейца, высоко одареннаго всякими доблестями, гражданина высокой честности, знанія, дружелюбія, братски расположеннаго и готоваго дѣлать все доброе гражданамъ города и оказавшаго ему услуги. И совѣтъ и народъ постановилъ: восхвалить сына Димитрія гераклейца, дать ему право гостепріимства и гражданства, въездъ и выездъ какъ во время войны, такъ и въ мирное время безопасно и безъ договора, какъ ему самому, такъ и родственникамъ его со всѣми вещами, находящимися въ городѣ и привезенными , а настоящее постановленіе написать на бѣлой мраморной доскѣ и выставить въ наиболѣе видномъ мѣстѣ акрополя.

Такъ рѣшилъ совѣтъ и народъ въ царствованіе Дѣвы 154 года 8 числа Гераклія мѣсяца при жрецѣ Христіанѣ Бойскѣ и дѣлопроизводителѣ Аристонѣ Аттина».

Подписали въ первомъ ряду: «Богиня царица Дѣва, Т. Флавій Аристонъ сынъ Флавія Аристона сына Агепола—первый архонтъ, Зетъ Аристона, Т. Флавій Пудотъ сынъ Флавія Аге-

пола, Эвридамъ Діоскурида, Т. Флавій Агеполь сынъ Флавія Аристона, Т. Флавій Партеноклъ сынъ Флавія Насона . . . ».

Во второмъ ряду: «Атенай Діогена, Гермоклъ Аполлона, Філомузъ Аполлонида, Декратъ Боиска, Гераклъ Боиска, Аристонъ Антилоха, Понтікъ Й(к)ара, Зетъ Пудота».

Въ третьемъ ряду: «архонтъ Теогенъ Діогена, архонтъ Аристонъ Аполлонида, архонтъ Герай Хематина, архонтъ Патеронъ Асклепіада, блюститель законовъ Зетъ Аполлонія, блюститель законовъ Питодоръ Христіана, попечитель (*πρόδρομος*) Метродоръ Діоскурида и дѣлопроизводитель совѣта Аристонъ Аттина».

И такъ, мы имѣемъ предъ собой декретъ въ честь гераклейца, значить земляка херсонесцевъ, имя которого скрыть отъ насъ разбившій этотъ интересный памятникъ.

Здѣсь, какъ и въ другихъ декретахъ, не указаны точно мотивы, вызвавшіе появление на свѣтѣ этого документа, какъ будто совѣтъ боялся суда современниковъ и ближайшихъ потомковъ и ограничился общими хвалебными фразами, которыхъ черезчуръ много, и тутъ ясно видишь, какъ съ вѣками греческій лаконизмъ замѣнился римскимъ многословіемъ. Сравните этотъ декретъ съ вышеприведенной проксенией Тимагора IV вѣка.

Въ декретѣ прежде всего останавливаетъ вниманіе точная дата его, въ данномъ случаѣ несомнѣнно херсонесской эры, а какъ она разнится отъ нашей на 24—25 лѣтъ, какъ уѣдѣтъ доказалъ Бертье-Делагардъ, то, слѣдовательно, документъ этотъ относится къ 129—130 году нашей эры.

Обращаетъ на себя вниманіе и первая подпись документа отъ имени царицы Дѣвы, подпись которой повторяется въ первомъ столбцѣ подписавшихся. Это ясно показываетъ, что и въ это время кульпъ Дѣвы былъ проченъ и имя богини пользовалось прежнимъ обаяніемъ, что, какъ мы видѣли, выражалось и на херсонесскихъ монетахъ этого периода.

Очень интересна и масса подписей, сопровождавшихъ этотъ документъ, при чёмъ первая подпись принадлежала первому жрецу, несомнѣнно храма Дѣвы, но скрѣпилъ ее, совершенно по современному, секретарь. Отсюда ясно, что этотъ жрецъ былъ наиболѣе почетнымъ лицомъ въ городѣ, а храмъ Дѣвы—главнымъ. Затѣмъ, въ первомъ столбцѣ, начальная подпись принадлежитъ первому архонту, человѣку очень родовитому или обуянному гордостью, судя по тому, что онъ привелъ свою родословную чуть ли не отъ основанія Херсонеса. Заканчивается списокъ именами архонтовъ, блюстителей закона, защитника и

секретаря. Всего въ спискѣ 23 лица. Несомнѣнно, это составъ городского совѣта и, надо думать, почти полный.

Вся третья группа во главѣ съ первыми архонтомъ представляла собой президіумъ и исполнительную власть; секретарь, какъ и теперь, вель журналь; обязанности блюстителей закона и защитника (номофилаксовъ и продика) представляются не вполнѣ ясными. Первые, вѣроятно, слѣдили за точнымъ исполненіемъ законовъ, а второй былъ собственно докладчикомъ дѣлъ, назначенныхъ къ разбору.

Такимъ образомъ, до насъ дошелъ почти полный списокъ членовъ городского совѣта, изъ которого мы узнаемъ, что въ то время (II в.) онъ состоялъ изъ 23—25 душъ, среди коихъ было пять архонтовъ; изъ нихъ первый былъ предсѣдателемъ, два блюстителями закона, докладчикъ и секретарь.

Въ первомъ ряду мы встрѣчаемъ цѣлую семью родственниковъ, судя по имени и прозванію Титъ Флавій, сильно романализированныхъ, а, по мнѣнію Латышева, даже свидѣтельствующихъ объ обладаніи правомъ римскаго гражданства, полученнымъ при Веспасіанѣ. Судя по родственной семье, надо думать, что и въ то отдаленное время «радѣли родному человѣчку».

Что касается специально секретаря совѣта Аристона Аттина, то, судя по сходству именъ и близости времени, можно думать, что это тотъ самый Аристонъ Аттинъ, имя которого упомянуто выше и которому благодарные херсонитяне за его многополезную дѣятельность поставили статую съ пьедесталомъ, украшеннымъ хвалебными надписями въ вѣнкахъ. Вотъ какъ много говорить намъ этотъ памятникъ.

Къ нѣсколько болѣе позднему времени, а именно къ эпохѣ императора Антонина (138—161) относится еще декреть о дарованіи проксеній, т. е. гостепріимства и разныхъ привилегій, гражданину Каю Эвтихіану Навклару за разныя услуги. О замѣчательной судьбѣ этого памятника сказано выше.

Этому же вѣку принадлежитъ и еще одинъ очень интересный фрагментъ; онъ представляетъ собой нижнюю часть мраморной плиты съ надписью, украшенной по краямъ рельефной рамкой, а нижнія строки надписи украшены листочками. На плитѣ очень старательно и ровно вырѣзано по линейкамъ стихотвореніе (шестистопный дактиль), сохранившуюся часть котораго мы, возможно приближаясь къ подлиннику, передаемъ такъ:

.... . (Вѣстнику безсмертныхъ и) владыкѣ земныхъ

.....

Такъ какъ самъ онъ владѣетъ жизніи ключами,
То и зовутъ его многополезнымъ и добросердечнымъ,
Другіе—дарующимъ благо, богатство и мудрость.
Будь же милостивъ ты и ко всѣмъ населяющимъ славный городъ дорянъ,
Никогда незабывающихъ вѣчно блаженныхъ боговъ.
Димотель сынъ Феофила, гимназіархъ¹), воздвигъ это въ память побѣдъ.
Прости жъ (о Гермесъ!) твою милость особую къ этому граду!

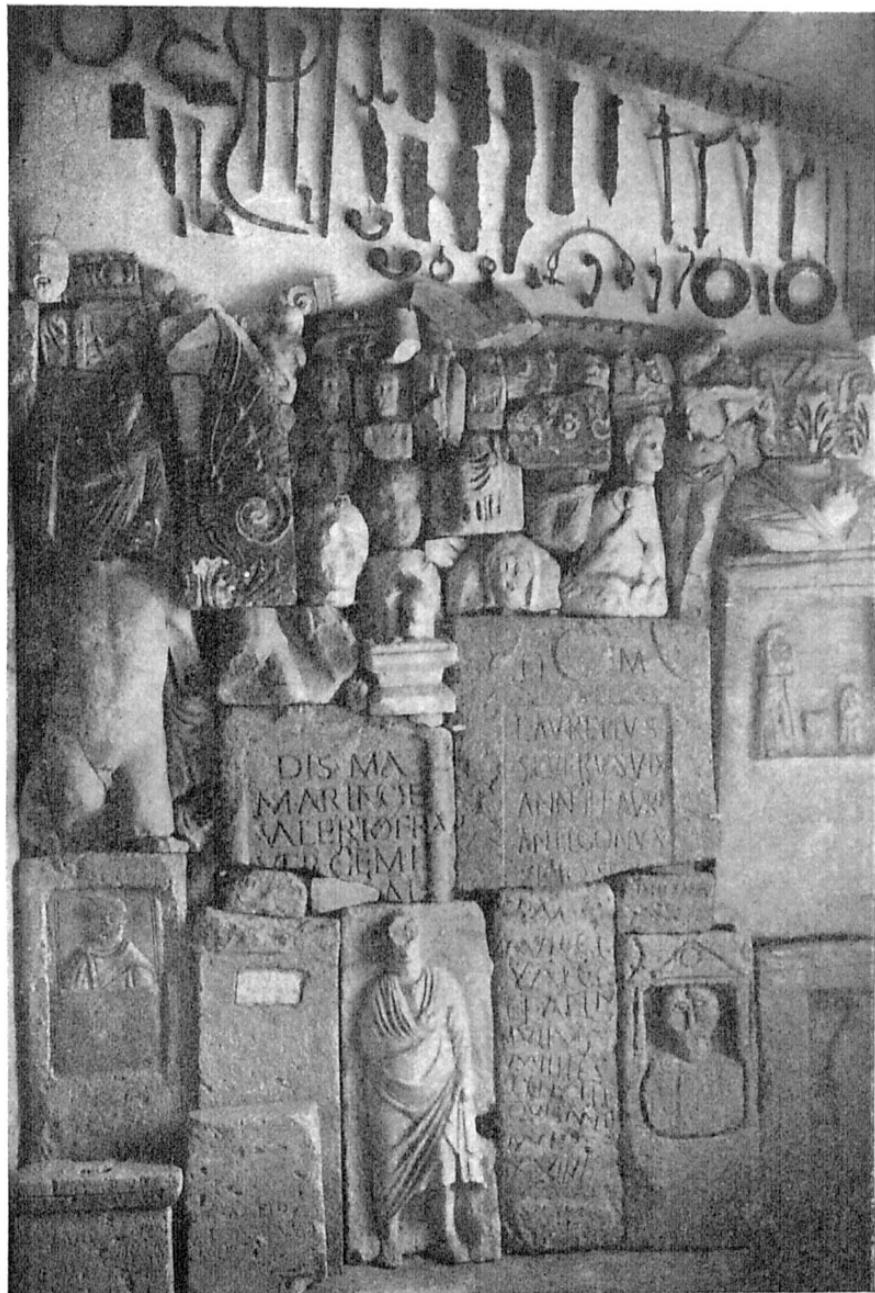
Итакъ, мы имѣемъ предъ собой сколокъ благодарственного гимна и памятника въ честь покровителя игръ и гимназій Гермеса (Меркурія), и этотъ сколокъ вмѣстѣ съ дошедшими до насть въ обломкахъ списками побѣдителей на херсонесскихъ играхъ съ убѣдительностью показываетъ, что въ то время здѣсь была гимназія и, вѣроятно, не одна, процвѣтали всевозможныя состязательныя игры: бѣгъ, борьба, метаніе диска..., и высоко чтили ихъ покровителя. Само стихотвореніе указываетъ на то, что были здѣсь и маленькие поэты, а, можетъ быть, и большие. Но... безпощадное время ничего не сберегло для нашего времени.

Латышевъ отмѣчаетъ, что выраженіе «славный городъ дорянъ», безъ сомнѣнія относящееся къ Херсонесу, является весьма интереснымъ свидѣтельствомъ того, какъ херсонесцы хорошо помнили свое дорійское происхожденіе даже въ столь позднее время.

Что касается языка этихъ памятниковъ, то на нихъ уже замѣтно вліяніе времени: часто вмѣсто дорического, читается уже аттическое или, вѣрнѣе, общегреческое произношеніе (*χοινὴ διάλεκτος*); вмѣсто Н или ЕІ уже видимъ І. Словомъ, древне-греческій языкъ вступаетъ въ «новую» фазу.

Латинскіе эпиграфическіе памятники всего этого периода, именуемаго римскимъ и занимающаго въ общемъ большой промежутокъ четырехъ вѣковъ: послѣдній вѣкъ старой эры и три первыхъ—новой, попадаются въ раскопкахъ рѣдко, не восходяще выше первого вѣка новой эры и выражаются, главнымъ образомъ, надгробными надписями надъ могилами мирно почившихъ солдатъ римского гарнизона, грубо исполненными, на грубыхъ камняхъ, находимыхъ въ районѣ некрополя, почему о нихъ и скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Да и трудно ожидать иного содержанія латинскихъ памятниковъ, такъ какъ Херсонесъ рим-

¹⁾ Начальникъ гимназіи и общественныхъ игръ.

Херсонесский музей.

Сверху: Металлические и сельско-хозяйственные вещи. Средний рядъ: Обломки античной (греко-римской) скульптуры. Ниже: Надгробные памятники и надписи, главнымъ образомъ римского периода.

скаго періода пользовался, какъ извѣстно, относительной свободой (элевтеріей): членами городского совѣта, какъ мы видѣли, были греки, правда, нѣкоторые уже немного романизованные. Официальный языкъ—греческій; онъ всюду въ актахъ и памятникахъ и, само собой, въ разговорѣ. Находившійся здѣсь римскій гарнизонъ былъ, такъ сказать, на постое, да и то не всегда, и состоялъ почти исключительно изъ нижнихъ чиновъ, конечно, неграмотныхъ, и если что и могъ внести въ патріархальную жизнь херсонесскихъ грековъ, такъ только римскую распущенность и крайній развратъ. Какъ разъ объ этомъ съ положительностью свидѣтельствуетъ единственный греко-латинскій эпиграфический памятникъ этого періода.

Памятниковъ отъ третьяго вѣка по Р. Хр. почти не дошло, почти нѣтъ ихъ и отъ болѣе поздняго времени; вообще это самое темное время въ исторіи языческаго Херсонеса, а съ конца IV вѣка (послѣ перенесенія Константиномъ Великимъ столицы Римской имперіи въ Византію), эпиграфика, подчиняясь общему ходу исторіи, уже поситъ христіанско-византійскій характеръ. Къ описанію этого періода мы и переходимъ.

Б. Византійскій періодъ.

XX.

Раскопки византійскаго (христіанскаго) Херсонеса. Значеніе его находокъ. Остатки византійскаго города. Слѣды пожара. Характеръ находокъ.

«Каковы бы ни были находки языческаго періода, говоритъ Бертье-Делагардъ, все же интересъ ихъ будеть второстепенный, чисто мѣстный, ибо все это—слабое повтореніе безчисленныхъ находокъ, дѣлаемыхъ на территоріи греко-римской жизни. Мѣстностей, гдѣ дѣлались, дѣлаются и будуть дѣлаться греко-римскія находки, существуетъ безъ числа; но много ли такихъ мѣсть для находокъ византійскихъ? Вотъ въ этомъ отношеніи важность раскопокъ Херсонеса чрезвычайная, даже почти единственная, такъ какъ не скоро найдется городъ, брошенный въ XIV в. и, стало быть, дающій находки безъ примѣси новѣйшихъ. Въ Херсонесѣ открывается весь бытъ, вся культура византійскаго города. Въ Херсонесѣ же отыскиваются памятники церковной жизни и обрядности православія, правда, не первыхъ вѣковъ христіанства, но VII—XIII. Такое рѣдкое, почти исключи-

чительное значение раскопок Херсонеса, созданное его жизнью, точнее сказать, временем его гибели, становится особенно важным, если вспомнить прошлое значение этого города в нашей истории, особенно церковной. Одного этого воспоминания довольно, чтобы сдѣлать самыя точныя, самыя полныя раскопки Херсонеса обязательными для насъ, тѣмъ болѣе, что они уже дали многое для пониманія прошлаго Византія».

Нельзя, мнѣ кажется, оцѣнить лучше значение раскопок Херсонеса, какъ это сдѣлалъ нашъ почтенный инженеръ-археологъ, и его слова мы съ удовольствиемъ беремъ, какъ эпиграфъ къ этой длинной главѣ.

Прежде всего еще разъ сдѣлаемъ маленькую прогулку по раскопкамъ, чтобы ближе познакомиться съ тѣмъ, что относится къ византійскому Херсонесу.

Раскопанные участки ясно показываютъ, что улицы византійского Херсонеса расположены необыкновенно правильно, прямы и узки. Главная, несомнѣнно оставшаяся отъ древняго города, шириной всего около трехъ саженъ; боковыя—5—6 арш., но есть и не болѣе трехъ.

«Склонность херсонесцевъ къ правильности обнаруживается не только на улицахъ города, говорить Бертъе-Делагардъ, но также и на пространствѣ многихъ верстъ по всѣмъ окрестнымъ полямъ, которыя, какъ известно, были подѣлены, не взирая на волнистую горную мѣстность и глубокіе овраги, непрерывно тянувшимися оградами, на правильные прямоугольники, слѣды которыхъ ясно видны и теперь». Отсюда ясно также, что правильная разбивка города не внушалась свыше и не есть случайное явленіе, и это всего лучше доказывается замѣчательно правильной разбивкой и немногихъ открытыхъ на возвышенной части города древнихъ кварталовъ. Строить все основательно и въ порядкѣ было, очевидно, въ крови херсонесцевъ. Вспомнимъ, что Агасикулъ въ IV в. до Р. Хр. херсонесцы въ декретѣ вмѣняютъ въ особую заслугу и то, что онъ въ полѣ разбилъ межи для виноградниковъ.

Подмѣчено, что мѣстами остатки поздняго византійского города покоятся на фундаментахъ не древнѣйшихъ, а болѣе позднихъ сооруженій. Выходитъ такъ, что подъ позднимъ византійскимъ городомъ, который мы видимъ при раскопкахъ верхнихъ слоевъ, кое-гдѣ находится болѣе древній, а подъ нимъ уже древнѣйший городъ. Да, это такъ. За долгую жизнь Херсонеса,—а онъ прожилъ двадцать вѣковъ,—съ нимъ бывали ужасныя катастрофы, которая, казалось, разрушали его въ конецъ. Одна

изъ такихъ катастрофъ, а именно, сорокадневное землетрясение при Юстинианѣ, занесено въ лѣтописи, и Херсонесу, какъ и нѣсколькимъ другимъ пострадавшимъ городамъ, было даже отпущено пособіе изъ государственного казначейства.

Городъ, несмотря на свою стѣну, не разъ подвергался грабежамъ, раззоренію и пожарамъ. Колossalнымъ пожаромъ онъ закончилъ и свои послѣдніе дни; за это съ положительностью говорять раскопки какъ прежнихъ лѣтъ, такъ и послѣднихъ дней. Вездѣ и всюду въ базиликахъ и другихъ зданіяхъ слѣды громаднаго пожара въ видѣ обгорѣлыхъ стѣнъ, массы угля и золы, несомнѣнно, отъ сгорѣвшихъ потолковъ, балокъ, стропилъ. Стѣны нѣкоторыхъ раскопанныхъ зданій настолько пропитались копотью, что несмотря на то, что онъ стоять уже нѣсколько лѣтъ открытыми подъ дождемъ и вѣтрами, все же еще носятъ слѣды этой копоти. Само собой, что послѣ пожаровъ и разрушений,—а они повторялись не разъ,—городъ десятками лѣтъ не могъ залѣчить своихъ ранъ и съ каждымъ вѣкомъ все больше хирѣлъ и оправлялся все медленнѣе и медленнѣе. Раззоренный и готовый рухнуть зданія и даже цѣлые кварталы десятками лѣтъ уничтожались людьми и временемъ, и когда приходили другие заселить это мѣсто, то даже не всегда у нихъ были средства, чтобы хорошошенько расчистить руины для новыхъ построекъ, почему и пользовались старыми фундаментами, а если они, что бывало часто, не соотвѣтствовали новымъ планамъ, то постройкой шли поверхъ старыхъ фундаментовъ. Примѣры на лицо во многихъ мѣстахъ раскопокъ. И это вполнѣ объясняеть и характеръ развалинъ и необычайность цѣнныхъ находокъ даже среди жалкихъ лачугъ поздняго византійского времени. Мы сказали «поздняго византійскаго». Этимъ мы хотимъ указать только на времена послѣ IX—X вѣка, т. е. время кн. Владимира и послѣ него.

Видъ и состояніе раскопанныхъ зданій говорятъ о бѣдности города въ послѣдній періодъ его существованія, вѣрнѣе сказать, его медленнаго умирания отъ насильственной смерти. На главной улицѣ имѣются остатки небольшихъ, но вполнѣ хорошихъ зданій, на высокихъ цоколяхъ, въ свое время, судя по слѣдамъ извести, хорошо штукатуренныхъ. Косцюшко давно подмѣтилъ, что общественные сооруженія: стѣны, башни, храмы сложены на извести, а всѣ жилыя постройки поздняго Херсонеса—на глинѣ. Для многихъ больше мелкихъ и бѣдныхъ построекъ, которыхъ, можно сказать, облѣпили оборонительную стѣну внутри и снаружи, очень характерна кладка колоскомъ

или въ елочку (*opus spicatum*) на глине съ извѣстю, «способъ, замѣчаетъ Бертье-Делагардъ, очень древній и удержался въ Херсонесѣ до послѣднихъ временъ». Косцюшко подмѣтилъ, что древняя византійская кладка обязательно дѣлалась на извести, а поздняя византійская — на глине. Но въ общемъ постройки далеко не имѣютъ того жалкаго, ничтожнаго вида, въ который, какъ мы указывали выше, въ исторической части, хочетъ облечь ихъ Бертье-Делагардъ въ свое мѣсто труда «О раскопкахъ Херсонеса». Но въ другой своей работе «Пещерные города Крыма» Бертье-Делагардъ пишетъ буквально слѣдующее: «Понятно, что Херсонесъ, какъ большой епархіальный городъ, можно сказать, переполненный церквами, долженъ былъ быть источникомъ христіанства и его обрядностей для всѣхъ окрестныхъ мѣстъ». Только о такомъ Херсонесѣ и мы говоримъ, только такому Херсонесу посвящены и указанныя по истинѣ прекрасныя изслѣдованія Бертье-Делагарда. Было бы грубой ошибкой судить о Херсонесѣ по лачужкамъ его послѣднихъ дней, а не по его болѣе древнимъ византійскимъ памятникамъ, изслѣдованию которыхъ посвящены капитальные труды профф. Кондакова, Латышева, Покровскаго, Айналова, Шестакова, Кулаковскаго и многихъ другихъ ученыхъ, которые интересуются судьбой Херсонеса и пытаются поднять завѣсу, скрывающую отъ насъ его интересное прошлое.

Мы не стали бы останавливаться на этомъ противорѣчіи, если бы оно не исходило изъ устья такого компетентнаго изслѣдователя Херсонеса, который только что самъ указалъ всю важность находокъ византійского Херсонеса. А къ противорѣчію этому привела Бертье-Делагарда та опибочная мысль, что гдѣ-то подъ землей есть еще иной, древній, богатый Херсонесъ, а нашъ — маленький, бѣдный византійскій городокъ, въ которомъ все осталось такъ, какъ было въ послѣднее время его существованія, ничто не разграблено, ничто не унесено. Но увы! раскопки, грустная дѣйствительность и показанія очевидцевъ — свидѣтелей — все говорятъ противъ почтеннаго изслѣдователя.

XXI.

Главная улица и постройки. Водопроводъ; его источники и кладка. Цистерны, колодцы и пашенные ямы.

Главная улица, какъ и нѣкоторыя боковые, во многихъ мѣстахъ сохранила мостовую изъ сравнительно мягкаго мѣстнаго

камня; но вѣдь херсонитяне не держали экипажей, и такая мостовая служила имъ долго. По улицамъ вездѣ крытые водостоки; мѣстами они, какъ и постройки, лежатъ въ двухъ слояхъ—верхнемъ и нижнемъ, и этотъ послѣдній въ общемъ гораздо прочнѣе. Всѣ водостоки связаны между собой и ведутъ къ морю. Слѣдовательно, въ городѣ была поверхностная канализація, которая очень помогала чистотѣ и оздоровленію города. Увы, даже такой канализаціи не имѣютъ наши прославленные курорты: Симеизъ, Алушта, Гурзуфъ....

Городъ имѣлъ хорошо устроенный водопроводъ; его прочные гончарныя трубы, изрядный складъ которыхъ можно видѣть во дворѣ музея, пробѣгали по всѣмъ улицамъ и снабжали жителей прекрасной водой изъ окрестныхъ источниковъ, нынѣ Юхариной балки.

«Главный источникъ, пишетъ Аркасъ, дѣлавшій подробныя съемки Херсонеса, изъ которого проведена была вода въ городъ, находится въ $7\frac{1}{2}$ верстахъ на Ю.-В. отъ развалинъ, въ имѣніи Трапезарова, ибо это только одна возвышенность въ окрестности Херсонеса, обильно снабженная водою. Предположеніе это подтверждается водопроводными трубами, найденными на сосѣднихъ хуторахъ и у восточной части самого города, по главной улицѣ на 4 ф. подъ землей». Теперь удалось прослѣдить магистраль въ указанномъ направлениі на протяженіи четырехъ верстъ (до хутора Голикова). Это же направление определено указываетъ и лѣтопись Нестора: «Кладези, яже суть за тобою отъ востока, изъ того вода идетъ по трубѣ, копавѣ перейми», писалъ Анастасъ въ запискѣ, брошенной въ лагерь кн. Владимира. Водопроводныя трубы въ мѣстахъ соединеній были задѣланы бѣлой цементной массой, которая своей прочностью давно обратила вниманіе проф. Новороссійскаго университета Каменскаго и известнаго инженера Бѣллюбскаго. Они взяли образцы для изслѣдованія ея состава и потомъ сообщили Косцюшкѣ, что составить цементъ такой же удивительной прочности имъ не удалось, и, вѣроятно, секретъ его потерянъ на долго, если не навсегда.

Водопроводъ, конечно, пережилъ, судьбы города. И время и многочисленные варвары его такъ же разрушали, какъ и городъ. По этому поводу Бертье-Делагардъ говорить: «И здѣсь бѣдность и безграмотность (?) оказались поразительными: вначалѣ были проложены гончарныя трубы, но затѣмъ онѣ еще въ древности были не только заброшены, но и мѣстами вынуты для иного употребленія; вмѣсто трубъ проведена маленькая (?)

канавка изъ мелкаго камня, смазаннаго растворомъ извести съ толченымъ кирпичемъ, покрытая мелкими плитками бутоваго камня. Это жалкое устройство и есть то самое, которое Броневскій¹⁾ называетъ «трубы, высѣченныя изъ камня».

Слава херсонесскимъ инженерамъ, сумѣвшимъ при «безграмотности» соорудить водопроводъ такъ, что онъ, несмотря на самыя неблагопріятныя условія и цѣлое тысячелѣтіе, сохранился до нашихъ дней; хороший примѣръ для современныхъ инженеровъ, сооружающихъ «со всякою грамотою», но сооруженія коихъ рѣдко переживаютъ ихъ жизнь безъ капитального общаго ремонта.

Я вполнѣ соглашаюсь съ Бертье-Делагардомъ, что Броневскій ошибочно принялъ кладку «изъ мелкаго камня, смазаннаго растворомъ извести», за «трубы, высѣченныя изъ камня»; тѣмъ больше чести херсонесскимъ строителямъ, которые умудрились соорудить водопроводъ такъ, что канавы, сдѣланныя изъ мелкаго камня и разрушавшіяся въ теченіе 5—6 вѣковъ и временемъ и руками враговъ Херсонеса, Броневскій принялъ за трубы, высѣченныя изъ камня. Пусть почтенный инженеръ-археологъ по совѣсти скажетъ: сохранился-ли понынѣ цементъ на сооруженіяхъ его молодости?²⁾

Съ сооруженіемъ водопровода падала необходимость въ цистернахъ и колодцахъ. Вотъ почему мы видимъ, что въ византійскій періодъ большая часть древнихъ цистернъ и колодцевъ была засыпана, а часть послѣднихъ хотя и была оставлена не-засыпанной, но играла роль поглощателей и холодныхъ ямъ для сохраненія пищи въ лѣтнее время. По крайней мѣрѣ во времена Владимира пользовались исключительно водопроводомъ, что видно изъ словъ лѣтописца: «Володимеръ ту абье повель копать преки трубы и пряще воду; людье изнемогоша водною жажею и предащася».

Судя по каменистой почвѣ, отсутствію значительныхъ площадей, узости улицъ, тѣсно ютиющимся постройкамъ почти безъ дворовъ, большую частью покрытыми плитами, въ Херсонесѣ совершенно не было зелени, и развѣ кое-гдѣ выглядывалъ захудалый кипарисъ, кустъ туи, но, вѣроятно, часто вился у домовъ виноградъ, и его длинные побѣги, переброшенные со стѣ-

¹⁾ Посланникъ польскаго короля Стефана Баторія, посѣтившій въ 1578 г. Крымъ и вмѣстѣ Херсонесъ.

²⁾ Точность требуетъ сказать, что въ раскопкахъ мѣстами попадаются трубы, а мѣстами цементированные канавы, иногда высѣченныя прямо въ скалѣ. И здѣсь ошибается не Броневскій, а Бертье-Делагардъ.

ны на стѣну, въ знайное лѣто давали живительную тѣнь; почему городъ съ его гигантской стѣной и почти сплошными желто-красными черепичатыми крышами выглядѣлъ каменной крѣпостью. Такъ и назвали его первые татары — Сары-керменъ, т. е. желтой крѣпостью. И только многочисленные кресты, крыши и куполы церквей говорили о вполнѣ мирномъ настроеніи города. Лѣтомъ здѣсь было и душно и жарко, и большая часть богатыхъ херсонесцевъ на это время, если имъ не грозили варвары или враги, уѣзжала на многочисленныя дачи, окружавшія городъ.

XXII.

Остатки церквей. Базилика и ея части. Древнѣйшія базилики; ихъ кладка и части. Освѣщеніе. Мозаика стѣнъ и половъ.

Главными и наиболѣе интересными архитектурными памятниками византійского Херсонеса являются остатки многочисленныхъ церквей. На одной только площади собора св. Владимира, при подготовкѣ и планировкѣ ея для постройки, были открыты фундаменты семи церквей — цѣлая лавра. Теперь ихъ раскопано до сорока, да виднѣется тамъ и сямъ среди бугровъ, нетронутыхъ киркой археолога, около десятка. А сколько поглубже, въ нѣдрахъ развалинъ? Нѣкоторые храмы, судя по остаткамъ, очень тщательно сложены. Внутри ихъ находили и понынѣ находятъ мраморныя колонны, капители, базы, карнизы, иногда почти цѣлые мраморные полы, остатки мраморныхъ переборокъ, отдѣлявшихъ алтарную часть отъ остального храма, большіе куски иногда прекрасно сохранившейся мозаики половъ, остатки стѣнной живописи (фресокъ) и тысячи кусочковъ мозаики изъ смальты¹⁾, украшавшей своды византійскихъ храмовъ. Ближайшее разсмотрѣніе этого материала показываетъ, что часто эти остатки попали изъ болѣе древнихъ храмовъ, чѣмъ какіе представляются намъ въ руинахъ, а нѣкоторые мраморы, несомнѣнно, достались христіанскому Херсонесу отъ самыхъ далекихъ языческихъ временъ. Впрочемъ, предоставимъ здѣсь слово знатоку древне-христіанского искусства проф. Кондакову.

«Развалины древняго Херсонеса имѣютъ особенную важность, говорить онъ, по сохранившимся въ нихъ остаткамъ древнихъ христіанскихъ базиликъ. Нигдѣ въ другихъ мѣстно-

¹⁾ Смальта — блестящая смолистая масса, служившая материаломъ для мозаики стѣнъ и сводовъ.

стяхъ Россіи мы не находимъ эти памятники древнѣй христіанской архитектуры въ такомъ изобиліи, и хотя этотъ родъ церковныхъ зданій не привился въ прочихъ мѣстностяхъ, кромѣ Херсонеса и отчасти Таврическаго полуострова вообще, тѣмъ не менѣе, ради своей древности, своего особливаго, чрезвычайно характернаго типа, и ради своего отношенія къ христіанскому городу, въ которомъ крестился Владимиръ, херсонесская базилика является драгоценною древностью».

«Название базилики (собственно—царского дома, зала) установилось въ христіанскомъ мірѣ въ 4 вѣкѣ и окончательно лишь при Константинѣ Великомъ. Съ этого времени базиликою называется продолговатое четырехугольное зданіе, подвѣленное колоннами вдоль на нефы или корабли и оканчивающееся съ восточной стороны полукруглымъ выступомъ алтарной абсиды.

Этого рода архитектурный типъ былъ усвоенъ христіанами отчасти отъ обширныхъ рыночныхъ базиликъ языческаго происхожденія, отчасти отъ большихъ верхнихъ или отдѣльныхъ отъ дома залъ греко-римскихъ и греко-восточныхъ дворцовъ, вилль и домовъ. До времени Константина христіане знали молитвенные дома, молились въ особыхъ постройкахъ надъ гробами мучениковъ, въ подземныхъ часовняхъ, въ катакомбахъ или киметеріяхъ (обширныхъ усыпальницахъ), но не знали базилики въ качествѣ церковнаго зданія, и потому всѣ памятники этого послѣдняго рода относятся ко времени послѣ Константина Великаго».

«Херсонесскія базилики принадлежатъ самыми разнообразными эпохамъ съ IV по XIV вѣкъ, но было бы заблужденіемъ думать, что между ними есть какія-либо, сохранившіяся, какъ полагаютъ, отъ V—VI вѣка. Нахожденіе на мѣстѣ этихъ базиликъ отдѣльныхъ капitelей, относящихся къ древнѣйшей эпохѣ, быть можетъ, даже къ IV—V вѣку, ничего въ этомъ отношеніи не доказываетъ. Раскопки показали, что большинство церковныхъ зданій Херсонеса дошло до насъ, во-первыхъ, въ полуразрушенномъ видѣ, а именно, лучшія и самыя большія базилики города въ позднѣйшую эпоху уже не употреблялись для службы, были, напротивъ, уже руинами, откуда жители брали матеріалъ сперва для другихъ церквей, а потомъ и для домовъ. Нерѣдко всѣ сохранившіяся части, особенно мраморы древней церкви, переносили въ новую, смышивали съ другими матеріалами, пристраивали новые части, передѣливали прежнія и пр.».

«Лучшій строительный періодъ и, повидимому, наиболѣе блестящее время Херсонеса приходится на VII—IX столѣтія.

Немногія особенно обширныи и, вѣроятно, пышныи базилики, сложенные изъ великолѣпно тесанныхъ камней, могутъ относиться къ VI вѣку, но именно эти базилики оказываются наименѣе сохранившими; отъ ихъ стѣнъ уцѣлѣли лишь слѣды, иногда едва поднимающіеся надъ землею; мраморная настилка пола вся снята; словомъ, церковь оказывается разобранною».

«Планъ базилики довольно полно представляется приморской базиликой, открытой гр. Уваровыи и дослѣдованной Косцюшкой. У нея передъ входомъ въ церковь былъ узкій виѣшній притворъ, который образовывалъ собой одну сторону лежавшаго противъ базилики атріума, т. е. двора, окруженного со всѣхъ сторонъ навѣсами, портиками или даже просто низкимъ заборомъ. Въ атріумѣ древнихъ херсонесскихъ базиликъ, какъ показываютъ новѣйшія раскопки Лепера, были фонтаны или фіалы для омовенія, тутъ же нерѣдко находять и могилы вѣрующихъ, пожелавшихъ быть погребенными возлѣ святыни, почему атріумъ назывался также парадизомъ, т. е. раемъ. Если атріумъ обходилъ церковь въ видѣ длиннаго коридора съ трехъ сторонъ, то могилы помѣщались обыкновенно въ боковыхъ частяхъ атріума. А такъ какъ въ херсонесскихъ базиликахъ нерѣдко встрѣчаемъ особыя усыпальницы, крытыя коробовыми сводами, съ боку церквей, или же съ западной ихъ стороны, то, очевидно, мѣста надъ этими постройками принадлежали церкви, образовывали ея дворъ, имѣли ограду или пропилеи, но только вслѣдствіе разрушенія эти части не сохранились».

«Начиная съ VI вѣка, атріумъ пересталъ быть неизбѣжною частью церкви: вмѣсто него малыя базилики уже въ древности ограничивались виѣшнимъ нартексомъ, т. е. притворомъ. Самая церковь въ древнѣйшее время обычно состояла изъ четыреугольника, заканчивавшагося на восточной сторонѣ абсидой и выстроенного изъ глухихъ стѣнъ, кромѣ абсиды съ ея окнами и оконъ верхней части средняго нефа. Въ болѣе позднее время по сторонамъ абсиды, составлявшей главную часть алтаря, спра-ва, т. е. съ юга, образовалось особое отдѣленіе для храненія облаченій и церковныхъ вещей, называвшееся діаконникомъ или ризницей, а симметрично слѣва---такое же отдѣленіе съ глубокимъ водоемомъ у самой восточной стѣны, каковой не разъ принимался за крещальню, которая, какъ увидимъ, строились отдѣльно у самыхъ храмовъ».

Въ глубинѣ абсиды, прибавимъ отъ себя, находился син-тронъ—ступенеобразное возвышеніе, въ богатыхъ храмахъ обычно украшенное мраморной отдѣлкой. Въ средней части его наход-

дилось отдельное мѣсто для епископа, на остальныхъ возвѣдали въ свободное время священнослужители.

«Стѣны херсонесскихъ базиликъ, за немногими исключеніями, представляютъ поздневизантійскую кладку; о юстиніановской кладкѣ изъ тесанныхъ плитъ, по римскому обычаяу, нѣтъ и помину. На постройку шелъ битый камень и щебень, рѣдко плиты, но связующая извѣсть настолько хороша тамъ, гдѣ она не сгорѣла и не разсыпалась, что стѣны и понынѣ отличаются необычной крѣпостью. Никакихъ украшеній въ видѣ декоративныхъ плитъ или чередованій слоевъ кирпича и камня, лѣпныхъ и каменотесныхъ карнизовъ и пр. въ херсонесскихъ базиликахъ не найдено».

«Однако было бы явнымъ заблужденіемъ объяснять эту бѣдность наружного вида базиликъ бѣдностью города или чѣмъ-либо инымъ, кромѣ принятаго и утвержденного обычая. Не слѣдуетъ забывать, что хотя эти базилики въ большинствѣ относятся къ IX—X столѣтіяхъ, тѣмъ не менѣе ихъ основной типъ идетъ отъ VI—VII ст. Базилики богатой императорской Равенны¹⁾ этой эпохи также лишены всякой наружной отдѣлки, которая составляетъ въ византійскихъ церквяхъ уже черту XI—XII столѣтій».

«Главное художественное достоинство херсонесскихъ базиликъ сосредоточивается въ мраморныхъ колоннахъ. Между капителями встрѣчено было доселѣ лишь нѣсколько штукъ, выполненныхыхъ изъ известняка; но это были отличные образцы коринѣскаго ордера лучшихъ временъ, а именно II—III вѣка по Р. Хр., хотя нѣсколько сухого и мелочного попіiba, очевидно, исполненные на мѣстѣ въ Херсонесѣ, когда тамъ были еще свои мастера. Равнымъ образомъ встрѣчается множество мраморныхъ капителей, рѣзьба которыхъ хотя слѣдуетъ довольно строгому и осмысленному коринѣскому типу, но сама выдается небрежное ремесленное выполнение: эти капители какъ будто заготовлены вчернѣ для болѣе тщательной обработки цѣлаго и деталей уже на мѣстѣ при постройкѣ²⁾».

«Всѣ до сихъ поръ описанныя здѣсь колонны и капители, дополняетъ Кондакова Бертье-Делагардъ, найденные въ бази-

¹⁾ Равенна, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ средней Италии, былъ нѣкогда портовымъ городомъ Адріатического моря, теперь въ 10 килом. отъ берега. Сюда имп. Гонорій (384—423), боясь натиска сѣверныхъ народовъ въ слабо укрѣплennомъ Римѣ, перенесъ свою резиденцію. Здѣсь стали возводиться дворцы и храмы при содѣйствии императорской фамиліи и особенно сестры Гонорія, Галлы Плацидіи, набожной христіанки.

²⁾ Русскія древности т. IV, 14—16—19.

ликахъ Херсонеса, совершенно одинаковы съ находимыми въ Равенни, и не только одинаковы въ смыслѣ сходства, а почти математически тождественны съ ними по материю и размѣрамъ».

«Полное сходство, почти тождество нашихъ мраморовъ сть равенскими, говорить онъ, должно указывать на одинаковость происхожденія ихъ; а всѣ указанные равенские мраморы, бѣлые или бѣлые съ синеватыми жилками, происходятъ изъ ломокъ древняго Проконеса (нынѣ Мармара, островъ на Мраморномъ морѣ), мраморные ломки котораго разрабатывались издревле и, находясь на самомъ берегу моря, давали всѣ удобства для вывоза этого камня на судахъ во всѣ страны (Константинополь, Венецію, Равенну, Херсонесъ...). Изъ этого мрамора сдѣланы и херсонесскія капители и другія части. При этомъ надо помнить, продолжаетъ Бертье-Делагардъ, что доставка этого мрамора къ намъ въ Тавриду тѣмъ болѣе облегчалась, что суда изъ Пропониты шли къ намъ пустыми (?) и брали мраморъ, какъ баластъ, чѣмъ доводили его стоимость до совершенной ничтожности (?)».

«Судя по большому сходству капителей, можно допустить, что изъ Проконеса мраморъ доставлялся уже обдѣленнымъ, либо рабочіе одной школы обдѣливали его на мѣстѣ доставки. Извѣстно также, что проконесскіе мраморы появились въ Равенни въ первой половинѣ VI вѣка, слѣдовательно, около этого времени и у насъ, т. е. въ VI—VII вѣкахъ». Само собою разумѣется, послѣднія слова Бертье-Делагарда относятся не ко всѣмъ херсонесскимъ мраморамъ, а только къ тѣмъ, которые похожи на равенскіе; другіе же херсонесскіе мраморы,—а ихъ большинство,—появились здѣсь на много вѣковъ раньше и позднѣе проконесскихъ.

«Базы херсонесскихъ базиликъ имѣютъ или античный типъ изъ торуса ¹⁾ и нижней доски или же—поздневизантійскій—плоскаго куба съ четырьмя листьями, загнутыми внизъ по угламъ куба и какъ бы выходящими изъ-подъ колонны».

«Хотя крыши и не уцѣлѣли, говорить Бертье-Делагардъ, но нѣтъ сомнѣнія, что всѣ онѣ состояли изъ деревянныхъ стропиль, крытыхъ плоской черепицей, которой очень много находится въ раскопкахъ».

«Освѣщеніе церкви получалось, вѣроятно, черезъ окна, пробитыя въ абсидѣ и стѣнахъ средняго нефа, поднимавшихся

¹⁾ Выпуклое основаніе,—въ видѣ круглой подушки.

надъ боковыми нефами. И это возвышение надъ среднимъ нефомъ придавало простымъ постройкамъ, какъ херсонесскія базилики, извѣстный архитектурный характеръ».

Какія были окна, остается загадкой. «Если судить по другимъ мѣстностямъ, говоритъ Бертье-Делагардъ, то можно предполагать, что окна закрывались мраморными фибуально прорѣзными досками и стеклами, но въ раскопкахъ пока не найдено ни одного куска подобного мрамора, а обломки подобныхъ стеколъ попадаются очень рѣдко. Одинъ разъ Косцюшкѣ посчастливилось найти обломокъ хорошо обработанного мѣстного камня съ закругленіемъ и въ немъ въ пазу (выемкѣ) кусокъ стекла, несомнѣнныи остатокъ древняго окна.

«Главнымъ украшеніемъ руинъ базиликъ, помимо мраморъ, являются мозаичные полы, иногда протягивающіеся во всю длину церкви, иногда ограничивающіеся ея частями. Великолѣпный образецъ подобного пола, какъ мы уже сказали, открыть гр. Уваровымъ и служить теперь украшеніемъ одной изъ залъ Эрмитажа. Согласно обычаямъ, шедшимъ еще изъ античной эпохи, въ церковныхъ мозаичныхъ полахъ не довольствовались композиціей линейныхъ фигуръ и рисунковъ, но предпочитали разнообразить круги волюты плетенія фигурными изображеніями: чаще всего въ мозаикѣ половъ встрѣчаются блестящія своими перьями птицы—павлинъ, журавль, голубь, символизировавшій чистоту и невинность; затѣмъ плоды—яблоки, виноградная грозди, символическая чаша, эмблемы и проч. служили здѣсь украшеніемъ. Въ одной изъ базиликъ на бордюрѣ мозаики встрѣтилась надпись, называющая повидимому устроителя мозаичнаго пола—епископа Феодора».

Въ мозаикѣ херсонесскихъ половъ всего четыре цвѣта: бѣлый, черный, красный и желтый; въ глазахъ птицъ иногда встрѣчается зеленый. Бѣлый—это кусочки обыкновенного мрамора, черный—особый сортъ тонкаго песчаника изъ окрестностей Балаклавы, красный—оттуда же мраморовидный известнякъ, а иногда даже кусочки хорошаго кирпича, желтый изъ мѣстнаго камня, пролегающаго довольно мощнымъ слоемъ въ самомъ Херсонесѣ, по «Главной» улицѣ, гдѣ ломали его даже для мозаики Владимиrскаго собора; зеленый—привозная лаписъ-лазурь. Эти цвѣта и материалъ половой мозаики, по словамъ Косцюшки, всюду одинаковы.

Несмотря на такую бѣдность красокъ, результатъ сочетаній получается очень хорошій, и «мѣстами птицы выглядятъ точно живыя», говоритъ Бертье-Делагардъ. Замѣчательно, что и въ

Равенни находятся остатки почти такихъ же половъ, какъ и наши; тѣ же узоры, тѣ же фигуры.

Къ сожалѣнію, «кусочки мозаики плохо пригнаны другъ къ другу, къ тому же самый слой раствора, въ который втиснуты эти кусочки, лежитъ просто на подсыпкѣ рыхлой земли. Все это было причиной быстрой порчи половъ, которые осѣдали, давали трещины, части ихъ выбивались, и при возобновленіи приходилось иногда поль застилать весь или частью камами-нибудь обломками или плитами мрамора, что мы и видимъ теперь во многихъ базиликахъ» (Уваровъ, Бертье-Делагардъ).

Когда части этихъ половъ, открытыя раскопками, попадаютъ подъ вліяніе дождя, вѣтра, мороза, онъ въ короткое время разрушаются совершенно, почему для сбереженія болѣе цѣнныхъ мозаикъ надъ ними воздвигли закрытые навѣсы, а менѣе цѣнныя просто засыпали слоемъ земли, которая оберегаетъ ихъ не только отъ атмосферическихъ вліяній, но и отъ болѣе губительного вліянія посѣтителей раскопокъ. Интересующимся сторожъ охотно открываетъ болѣе интересныя части. Во многихъ храмахъ найдены значительные остатки фресокъ съ типичной византійской живописью; онъ, во избѣженіе расхищенія, сняты; въ иныхъ храмахъ масса остатковъ пестрой мозаики.

Въ углахъ базиликъ и храмовъ, у самыхъ фундаментовъ, межъ камней, среди цемента, находили цѣлые пригоршни мѣдныхъ монетъ, несомнѣнно попавшихъ сюда при закладкѣ; находили монеты и подъ плитами и въ штукатуркѣ стѣнъ. Даты и изображенія на монетахъ точно говорятъ о времени основанія или передѣлки храмовъ.

Интересная особенность херсонесскихъ храмовъ та, что они расположены алтаремъ не прямо на востокъ, а подъ известнымъ у разныхъ храмовъ угломъ, уклоняющимся отъ астрономического востока на 30—40 и даже болѣе градусовъ. То же Скубетовъ наблюдалъ и на остаткахъ древнихъ храмовъ и въ другихъ мѣстахъ Крыма. По мнѣнію Скубетова, это зависитъ отъ древняго обычая закладывать храмъ въ день того святого или того священнаго события, въ память котораго строилась церковь, и считать востокомъ солнцестояніе въ девять часовъ утра того дня, когда происходила закладка. Такимъ образомъ, по углу отклоненія отъ астрономического востока, можно приблизительно опредѣлить время закладки храма, а зная время канонизаціи того или иного святого или священнаго события, опредѣлить съ достаточной точностью, въ память чего или кого

сооруженъ храмъ. Насколько вѣрно это соображеніе, покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ оно заслуживаетъ вниманія.

Послѣ этихъ общихъ указаній, переходимъ къ описанію наиболѣе интересныхъ базиликъ и храмовъ, открытыхъ раскопками. Здѣсь, помимо личныхъ наблюденій, «Отчетовъ» и «Ізвѣстій Императорской Археологической Комиссіи», будемъ пользоваться и новѣйшими капитальными работами—проф. Айналова: «Памятники христіанского Херсонеса», вып. I, Развалины храмовъ. 1905 г. и Вертье-Делагарда: «О Херсонесѣ», 1907 г., составляющей 21 вып. «Ізвѣстій Императорской Археологической Комиссіи».

XXIII.

Центральная площадь византійского Херсонеса. Первые раскопки базиликъ. Крестообразная церковь. Базилика съ „капительнымъ“ поломъ. Трех-абсидная базилика Крузе.

Начнемъ съ площади, на которой высится храмъ св. Владимира, какъ центральной и заключающей въ себѣ цѣлый комплексъ сооруженій, которыми были начаты раскопки Херсонеса. Въ историческомъ очеркѣ мы уже сообщили, что въ 1785 г. Потемкинъ командировалъ сюда подполковника Бальдані для провѣрки показаний нашей лѣтописи и для снятія плана мѣстности Херсонеса, а ученаго нѣмца Габлица для собиранія всевозможныхъ свѣдѣній о Тавридѣ. И вотъ Габлицъ на «планѣ развалинъ древняго Херсонеса», составленномъ въ это время, подъ буквою Е обозначаетъ мѣсто, соотвѣтствующее нашей площади, «на коемъ, по простонародному преданію грековъ, крестился Владимиръ, но на коемъ не находится никакихъ другихъ примѣтъ, кроме небольшой лоции, уподобляющейся заваленному колодцу».

Сумароковъ въ своемъ «Путешествіи по Крыму», изданномъ въ 1803 г., говорилъ о существованіи въ Херсонесѣ основаній церкви, въ которой крестился Владимиръ, съ лѣстницей подъ нею, ведущею къ вырытому колодцу. Но онъ не указываетъ, въ какомъ мѣстѣ города находились эти основанія, и не объясняетъ, почему и кѣмъ они признавались за остатки церкви, въ которой крестился Владимиръ.

Прошло 25 лѣтъ, и, по порученію главнаго командира черноморскаго флота адм. Грейга, военный инженеръ Крузе производить въ этомъ районѣ раскопки, и вотъ что пишетъ онъ

о своихъ находкахъ и первыхъ впечатлѣніяхъ. «Въ трехъ лишь мѣстахъ я дѣлалъ раскопки и во всякомъ открылъ по храму. Это не было простою случайностью, а слѣдствіемъ моихъ соображеній относительно положенія грудь и камней, видѣнныхъ мною во время частыхъ прогулокъ въ сихъ руинахъ. Именно, я замѣтилъ на поверхности валы изъ земли и щебня, сохранившіеся въ видѣ половинныхъ и цѣлыхъ круговъ, почему полагалъ, что они суть остатки распавшихъ сводчатыхъ куполовъ, и въ семъ предположеніи не ошибался. Подобными наблюденіями, полагаю, я открылъ направленіе главныхъ большихъ улицъ и городскихъ воротъ». Таковы впечатлѣнія первого раскапывателя херсонесскихъ развалинъ 80 лѣтъ назадъ. А вотъ что нашелъ онъ. Просимъ внимательно прочесть эту выписку изъ отчета Крузе, найденную Айналовымъ въ бумагахъ покойнаго гр. Уварова.

«Первый храмъ находится въ серединѣ бывшей уповательно главной улицы города. Построенъ былъ по обѣимъ сторонамъ онай, имѣвшей сводный проѣздъ черезъ стѣны, за коими эта улица, въ прямомъ направленіи отъ крѣпостной стѣны, шла до кругого берега моря. Начавъ раскопки снаружи храма, въ бутѣ и между камнями, впервые встрѣтилъ множество человѣческихъ скелетовъ въ перпендикулярно-стоячемъ, боковомъ и въ горизонтальномъ, лежачемъ положеніяхъ съ нѣкоторыми прорубленными черепами, принадлежавшими, конечно, защитникамъ сего важнаго мѣста».

«Стѣны по очищеніи ихъ отъ упавшихъ камней и мусора, оказались еще въ высоту до одной и полутора саженей. Входъ въ храмъ съ лѣвой стороны улицы по всей высотѣ былъ украшенъ тонкими мраморными плитами съ красivoю позолотою. Полъ состоялъ изъ грубаго мозаика. Въ разстояніи до 4-хъ саженей отъ дверей показалась мраморная рѣзная балюстрада въ полукруговомъ видѣ съ позолотою».

«Мѣсто, на которомъ уповательно находился алтарь, было устроено въ видѣ амфитеатра со ступеньками, которая всѣ оказались покрытыми мраморными тонкими перезолоченными дощечками. До начала выступавшихъ изъ капитальныхъ стѣнъ пилиастровъ въ готическомъ вкусѣ, поддерживавшихъ, вѣроятно, арки сводовъ, на коихъ основывался куполь, ступеньки сіи постепенно уменьшались въ высотѣ и ширинѣ. Амфитеатръ сей примыкалъ къ балюстрадѣ, передъ коею я открылъ трехсаженную глубокую, равностороннюю, четырехугольную яму, въ квадратѣ не шире $1\frac{1}{2}$ аршина. Стѣны ея имѣли штукатурку

гладкую, какъ зеркало, и хранили блескъ розово-красной кра-
ски, какъ будто лишь нѣсколько часовъ тому назадъ были по-
лированы».

«Къ боковымъ, предстоящимъ до балюстрады стѣнамъ при-
креплены были длинные каменные ящики, служившіе вѣроятно
семейными гробницами. Въ нихъ я находилъ иногда до 50 скелетовъ,
состоявшихъ изъ череповъ, ручныхъ и ножныхъ костей,
а кости спинныя и ребра не находились. Каждый черепъ ле-
жалъ между двумя въ сердкѣ выдолбленными четырехуголь-
ными черепицами и имѣлъ подъ собою три мѣдные монеты съ
изображеніемъ якоря. Ручныя кости часто имѣли разукрашен-
ные стеклянныя кольца съ перезолотою и безъ оной. Сверхъ
того, въ каждомъ такомъ гробовомъ ящику находились обломки
тончайшей, какъ почтовая бумага, стеклянной посуды съ пере-
золотою. Вообще вся внутренность и наружность сего храма
содержала большіе обломки мраморныхъ колоннъ съ изобра-
женіемъ креста, а въ стѣнахъ, какъ уже сказано, остатки юниче-
скихъ колоннъ, употребленные какъ простой матеріалъ».

«Послѣднее разореніе города сопровождено было страш-
нѣйшимъ пожаромъ, какъ явственно усмотрѣть можно изъ сли-
тыхъ въ одну массу остатковъ разныхъ церковныхъ украшеній,
въ особенности подсвѣчниковъ, составленныхъ изъ какого-то
колокольного металла. Даже балки, въ мусорѣ лежавшія, при
открытіи крама, показались въ цѣломъ видѣ своемъ, а при ма-
лѣйшемъ троганіи распадались въ одну золу».

«Назади сего строенія находилась цистерна съ трубою, въ
которую видно вищена была вода изъ городского водопровода».

«Судя по плану архитектора Авдѣева, пишетъ Аїналовъ,
храмъ этотъ имѣлъ крестообразный видъ и двѣ капеллы (при-
стройки въ углахъ креста), изъ которыхъ южная заканчивалась
небольшой глубокой абсидой... Капелла эта одновременной по-
стройки съ основнымъ зданіемъ. Въ виду того, что по сторо-
намъ абсиды на планѣ обозначены четыре выступа заплечій,
следуетъ, что она имѣла четыре арочныхъ перекрытия, держав-
шихъ солидное покрытие въ видѣ купола или коробового свода».

Толщина стѣнъ сѣверной капеллы показана уже стѣнъ
остального зданія, и кроме того она была сложена изъ бута,
почему Авдѣевъ считалъ эту капеллу болѣе поздней пристрой-
кой. Въ ней, по словамъ архит. Медвѣдева, была мозаика, и у
него имѣлся рисунокъ ея. Съ годами исчезли не только мра-
моры, но и капеллы этого храма, и теперь видны только ос-
татки стѣнъ изъ грубо отесанныхъ камней.

Это туть самый храмъ, о которомъ извѣстный въ свое время историкъ Мурзакевичъ, посѣтивъ Херсонесъ въ 1836 г., имѣлъ неосторожность предположительно сказать: «Не въ этомъ ли храмѣ крестился Владимиръ? и надъ которымъ внослѣдствіи возвели соборъ въ память крещенія князя Владимира. Впрочемъ, объ этомъ подробнѣ скажемъ еще въ своемъ мѣстѣ. Для краткости и въ отличіе отъ другихъ храмовъ, остатки крестовой церкви, надъ которыми высится соборъ св. Владимира, будемъ называть «соборной церковью», однако не навязывая понятіе о таковой въ древности, хотя и полагаемъ, что была таковой».

Мурзакевичъ, отмѣтивъ, что храмъ этотъ почти одинаковой постройки съ городскою стѣной и имѣть крестообразную форму, видѣлъ еще «въ его стѣнахъ отрѣзки известковыхъ плитъ¹⁾ іонического ордена, а близъ храма—много мраморныхъ капи-телей, колоннъ и досокъ съ рѣзными украшеніями»; относи-тельно же мозаичнаго пола онъ съ грустью прибавляетъ: «сказы-ваются, въ этой церкви былъ мозаическій полъ, расхищенный любопытными».

Всѣ эти находки исчезли, и только часть мраморныхъ до-сокъ попала въ музей Одесского Общества Исторіи и Древно-стей. Много исчезло въ Крымскую кампанію, когда здѣсь стояли французы²⁾. Такимъ образомъ, въ расхищеніи Херсонеса при-нимали участіе не только мы, но и просвѣщенные націи. Даже стѣны этой церкви ко времени постройки Владимира со-бора (семидесятые года) уменьшились настолько, что строитель его, архитекторъ Чагинъ, не понимая поступка, рѣшился пу-ститься на фальсификацію, наростиивъ жалкие тогда остатки фундаментовъ до $1\frac{1}{2}$ аршина, раздѣлавъ швы новымъ цемен-томъ подъ лопатку, и въ такомъ искаженному видѣ они и по-нынѣ представляются взору посѣтителей нижняго храма со-бора. Судя по значительной толщинѣ стѣнъ въ 42 дюйма ($1\frac{1}{2}$ арш.), сложенныхъ изъ большихъ грубо отесанныхъ камней, можно думать, что надъ этимъ крестообразнымъ храмомъ если не было купола, то были арки и коробовые своды, которые

¹⁾ Собственно не плитъ, а карнизовъ, капиталей изъ каменныхъ плитъ.

²⁾ Скубетовъ видѣлъ англійскій рисунокъ, на которомъ изображено, какъ французы бережно выламываютъ большие куски мозаики, конечно, чтобы увезти съ собой. Одинъ севастопольский старожилъ хорошо помнить остатки этого храма до Крымской кампаніи, помнить его мозаичный полъ и большіе остатки стѣнныхъ фресокъ, послѣ войны изукрашенныхъ французскими надпи-сями.

стягивались, судя по находкамъ Крузе, деревяннымъ верхомъ, быть можетъ и въ видѣ купола (архитект. Авдѣевъ, Бертье-Делагардъ).

Масса тонкаго, золоченаго и рѣзного мрамора внутри и снаружи храма, а равно загадочная яма съ зеркально-гладкими стѣнами, хранившими блескъ красно-розовой краски, «какъ будто нѣсколько часовъ назадъ были онѣ полированы», заставляютъ предполагать богатство, роскошь и необычайную прочность постройки этого храма, погибшаго, какъ и большая часть города, отъ пожара, а время и люди довершили осталльное, и теперь отъ роскошнаго зданія мы имѣемъ изуродованные остатки, въ которыхъ уже ничто не говоритъ о прошломъ величіи и великолѣпіи.

При нивелировкѣ площади для постройки собора св. Владимира, какъ мы уже сказали, рядомъ съ этими остатками, обнаружили фундаменты еще семи церквей и часовенъ; изъ нихъ сохранили только остатки двухъ противъ южнаго (праваго) входа въ соборъ. Отъ одной изъ базиликъ сохранился только средній нефъ съ абсидой. Она интересна своей кладкой: здѣсь отлично видны семь слоевъ кирпича съ толстыми слоями крупной цемянки. Возможно, что число семь имѣеть здѣсь символическое значеніе седмицы или семи дней творенія. Въ этой базиликѣ обращаетъ на себя вниманіе сплошная мраморная солея изъ громадныхъ плитъ очень прочной кладки и такой же поль.

Слѣдуетъ замѣтить, что изъ порога этого храма былъ извлеченъ кусокъ мрамора, на которомъ оказалась известная намъ надпись жреца Дѣвы Биона. Возможно, что надписи окажутся и на плитахъ пола, которыхъ еще не коснулась рука археолога. На нѣкоторыхъ плитахъ ясно видны мѣтки, изъ которыхъ одна, гдѣ легко прочитаете ПАР, быть можетъ, означаетъ ПАРӨЕНОС, т. е. Дѣва, и тогда говорить о глубокой древности; быть мѣжеть, она даже изъ храма Дѣвы. Но возможно, что это просто начальные буквы имени рабочаго—Партеноклъ, Парееній... Въ алтарной части этой базилики были найдены кубики стѣнной мозаики изъ стекловидной смальты золотого, чернаго, синяго, краснаго и зеленаго цвета. По мѣткамъ мы этотъ храмъ будемъ называть «базиликой съ мѣтками» и въ дальнѣйшемъ будемъ различать открытые храмы не по странамъ свѣта и трудно находимому положенію въ городищѣ, какъ это принято до сихъ поръ, а по какому-нибудь рѣзко бросающемся въ глаза признаку руинъ.

Почти рядомъ съ этими остатками и нѣсколько позади ихъ—абсида съ частью средняго нефа, заслуживающая вниманія по своей прекрасной кладкѣ изъ громадныхъ прекрасно тесанныхъ камней, благодаря которымъ отъ чудной базилики, пока единственной по своей кладкѣ, осталось такъ мало. Мраморы и мозаика первой и солидность кладки второй базилики достаточно говорять о богатствѣ и цѣнности этихъ сооруженій византійского времени.

Затѣмъ мы опять возвратимся къ раскопкамъ Крузе. Второй храмъ, раскопанный имъ, находится за монастырской стѣной, вѣвъ ея, сзади монастырскихъ конюшень. При разрытіи его оказалось «нѣсколько колоннъ съ изображеніемъ креста, разбросанныхъ по всей его внутренности. Полъ былъ выстланъ мраморными плитами, которыя при поднятіи оказались состоящими изъ однихъ капителей и пьедесталовъ, на низъ обращенныхъ своими орнаментами, и повидимому принадлежащими къ среднимъ вѣкамъ. Въ срединѣ (я) нашелъ круглое отверстіе и подъ нимъ просторный подвалъ, мною не разобранный, въ которомъ, какъ можно было видѣть сверху, лежали цѣлые колонны. Гробницы сей храмъ не имѣлъ». Итакъ, полъ всего храма состоялъ изъ мраморныхъ базъ и капителей, почему и называемъ его «базиликой съ капителями». Сколько надо было имѣть разрушенныхъ или покинутыхъ храмовъ, чтобы набрать такое количество базъ и капителей и чтобы услать ими цѣлый полъ. Часть этихъ мраморовъ дошла до Косciюшки, и все, что было можно, онъ извлекъ изъ ямы и пола и перенесъ ихъ къ складу древностей, а часть мраморовъ попала на севастопольскіе заводы минеральныхъ водъ, которые посылали сюда своихъ археологовъ собирать мраморы для добыванія пѣниыхъ углекислоты, и такимъ образомъ часть древностей распределилась по желудкамъ обывателей и туристовъ.

Теперь здѣсь мусорное мѣсто монастырского двора, и среди грязи его мало замѣтны руины базилики, въ центрѣ которой и понынѣ сохранилась колоссальная цистерна-погребъ. Почти рядомъ съ базиликой упираются уже совсѣмъ жалкіе остатки совсѣмъ маленькой часовни—базилики, въ которой была найдена часть фресокъ лица Богоматери, которая и теперь можно видѣть въ мѣстномъ музѣ. Возможно, что это фрагментъ за престольного образа. Тогда это былъ храмъ Богоматери.

Если бы эта базилика не представляла такихъ бѣдныхъ остатковъ и не находилась въ такомъ неудобномъ мѣстѣ, мы бы съ удовольствіемъ присоединили къ ней имя Крузе, какъ

перваго разслѣдователя херсонесскихъ храмовъ, и поэтому по-
зволимъ себѣ присоединить его имя, какъ благодарную память
потомства, къ третьему храму, раскопанному, вѣроятно, имъ же;
говоримъ — вѣроятно, потому что самъ Крузе писалъ о немъ
такъ: «третій храмъ лежалъ отъ первого къ сѣверу и показалъ
въ остаткахъ своихъ стѣнъ готическую архитектуру.... и при-
томъ мои развѣдки не доходили до очищенаго пола и здѣсь
вовсе прекратились по причинѣ тогдашихъ обстоятельствъ гор.
Севастополя, въ которомъ открылись заразительныя болѣзни»¹).

Мнѣ кажется, Крузе описался въ своемъ отчетѣ и непра-
вильно указалъ положеніе начатой имъ раскопки. По крайней
мѣрѣ Аркасъ, Авдѣевъ и Мурзакевичъ, посѣтившіе Херсонесъ
въ разное время, указываютъ на крайне интересную трех-
нефную базилику въ ю.-в. части города, нѣсколько выше
склада древностей, какъ раскопанную Крузе, а Скубетовъ, осно-
вываясь на данныхъ архива черноморскаго флота, съ положи-
тельностью говорить, что именно этотъ храмъ впервые рас-
крылъ Крузе. Пусть же, подобно приморской базиликѣ гр. Ува-
рова, этотъ храмъ носитъ имя первого разслѣдователя Херсо-
неса, инж. Крузе.

Кромѣ особой алтарной части, состоящей изъ трехъ абсидъ,
расположенныхъ въ видѣ трилистника, эта базилика интересна
и тѣмъ, что стѣны ея сложены большою частью изъ громад-
ныхъ камней, несомнѣнно добытыхъ изъ античныхъ построекъ;
возможно, что сюда попали и части городской сиѣмы. Въ ней
оказались базы отъ колоннъ, а подъ всѣмъ притворомъ рядъ
гробницъ, выбитыхъ въ скалѣ. При разслѣданіи, хотя и не-
полномъ, сдѣланномъ Косцюшкой, внутри храма было найдено
большое количество отдѣльного мрамора: плиты съ крестами
отъ алтарной преграды, два обломка съ остатками греческой
надписи, рѣзные капители и карнизы, обломокъ мраморнаго
голубя и пр.

XXIV.

Базилика гр. Уварова; ея остатки и находки въ ней. Крестообразная кре-
щальня и ея отношеніе къ крещенію кн. Владимира.

Перейдемъ къ базиликѣ, носящей имя гр. Уварова. Выше
мы сказали уже о находкахъ въ ней, имѣющихъ отношеніе къ

¹) Появилась чума съ массой жертвъ, которая окончилась знаменитымъ въ
лѣтописяхъ города бабимъ бунтомъ, жертвою котораго отчасти сдѣлялся комен-
дантъ; его, по преданію, въбунтовавшіяся женщины кастрировали, какъ сумѣли.

древнѣйшему Херсонесу, а здѣсь остается дополнить словами же графа о находкахъ, относящихся непосредственно къ христианскому времени.

«Алтарная часть храма оканчивалась полукруглымъ выступомъ—абсидой. Стѣны здѣсь сохранились лучше и выше, чѣмъ въ прочихъ частяхъ храма. Алтарный помостъ и красивая, въ одну ступень, солея у амвона сдѣланы изъ бѣломраморныхъ плитъ. Четыреугольная плита обозначала мѣсто престола. Подъ нею оказалась небольшая яма, въ которой найдены 22 мѣдные монеты: 19 византійскихъ, царствованія Романа I (920—944), одна восточная и двѣ совершенно стертыя».

«Мраморный амвонъ обнесенъ шестью колоннами, между которыми помѣщены мраморныя, на-ребро поставленныя плиты съ византійскимъ на нихъ крестомъ. Рядъ такихъ же колоннъ, и съ такими же плитами, служилъ иконостасомъ. Плиты эти вышиною въ два аршина; надъ ними, промежутки между колоннъ закрывались занавѣсками. Посерединѣ иконостаса устроены царскія врата. Подобные иконостасы доселѣ еще видны въ нѣкоторыхъ церквяхъ Греціи и, до царствованія императора Юстиніана, были въ общемъ употребленіи на Востокѣ. Южныя и сѣверныя двери находятся по бокамъ алтаря; кроме того, на южной сторонѣ помѣщается еще клирость».

«Средняя часть церкви, или собственно храмъ, вымощена плитами изъ бѣлого мрамора. Среднія колонны, по обѣимъ сторонамъ нефа, задѣланы, отъ самыхъ базъ, кирпичами, почти до трехъ аршинъ высоты. Тутъ найдены гробницы, но скелеты, въ нихъ лежавшіе, оказались истлѣвшими и не носили никакихъ признаковъ для определенія времени ихъ погребенія. Подобные склепы нерѣдко устраивались въ церквяхъ, большою частію, подъ церковнымъ помостомъ. Многочисленные примѣры тому доселѣ существуютъ въ Греціи, где таковые склепы носятъ название «кимитирій»¹⁾.

«Въ южной галерѣї сохранилась мозаика въ 7 саж. длины: въ бѣломъ восьмиугольникѣ изображены черные кресты съ краснымъ между вѣтвями ихъ полемъ,—далѣе слѣдуетъ богатый разноцвѣтный узоръ на серединѣ квадрата въ 5 арш. 6 вершк. Остатки такой мозаики находятся и въ пристройкахъ

¹⁾ По мнѣнию акад. Кондакова, нахожденіе погребеній, могиль въ среднемъ нефѣ у амвона указываетъ на крайній упадокъ города. Эти, какъ и другія могилы, расположены всегда очень поверхности; отъ живыхъ ихъ отдѣляется только доска, покрывающая каменный гробъ, да тонкій слой земли или цемента.

къ южной галереѣ. Въ сѣверной галереѣ не успѣли совершенно открыть мозаичный полъ, по причинѣ наступившихъ холодовъ и вышавшаго снѣга».

«У южной стѣны храма найденъ мраморный барельефъ; на немъ представленъ лежащій мужчина съ вѣнкомъ въ правой руцѣ; у ногъ его сидитъ женщина, а у постели стоитъ сѣдалище самой древней формы. Вообще этотъ барельефъ похожъ на древніе надгробные памятники, и только по находящимся на немъ крестамъ можно признать, что онъ принадлежитъ византійскому періоду. Ниже барельефа надпись, сдѣлана дурно и съ ошибками, какъ писали при совершенномъ упадкѣ греческаго языка. Она гласить: «Господи, помоги всему этому дому! аминь».

О томъ, что здѣсь была масса мрамора, была прекрасная алтарная преграда съ мраморными колонками, а церковь была украшена цѣнной мозаикой, мы уже говорили выше. Видѣвшій базилику вскорѣ послѣ Крымской кампаніи архитекторъ Авдѣевъ писалъ: «Осада Севастополя съ ея послѣдствіями была гибельнѣе для раскопанныхъ развалинъ (базилики), нежели десять протекшихъ вѣковъ. Отъ мраморнаго помоста не осталось и слѣдовъ, базы колоннъ сдвинуты со своихъ мѣстъ, и всѣ мраморныя детали какъ наружной, такъ и внутренней архитектуры зданія, посившія на себѣ отпечатокъ двухъ различныхъ эпохъ искусства, измѣнились». Все это было дѣломъ рукъ французовъ, устроившихъ здѣсь свои батареи, слѣды которыхъ остаются и понынѣ.

Ближайшее разсмотрѣніе кладки базилики показываетъ, что большою частью она стоитъ на специальнѣо нивеллированной для нея скалѣ. Камень, изъ котораго сложена стѣна,—пористый известнякъ, а мѣстами инкерманскій камень, чисто притесанный. Стѣны абсиды сложены изъ разнокалибернаго камня, часто бута, даже безъ обычныхъ въ византійскую эпоху прослоекъ рядовъ кирпича и безъ правильно выдержаныхъ рядовъ камня. Очевидно, абсида—позднѣйшее прибавленіе къ болѣе древней постройкѣ.

На нѣкоторыхъ мѣстахъ абсиды еще недавно были замѣтны слѣды раскраски, а на обломкахъ штукатурки видны были остатки фресокъ, по мнѣнію Косцюшки, со слѣдами двухъ—и даже трехкратнаго подновленія. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ стѣнахъ этого храма не найдено пироновъ, т. е. желѣзныхъ гвоздей, служившихъ для прикрепленія мраморныхъ плитъ облицовки. Объ атріумѣ и фіалѣ передъ этой базиликой мы уже сказали.

Что касается времени основания ея, то гр. Уваровъ относилъ его «судя по формѣ базилики, къ царствованію Константина Великаго, т. е. къ началу IV вѣка». Это подтверждается, писалъ графъ, и найденными при разрытияхъ мѣдными монетами, которая всѣ позднѣе этого времени: Валентиніана (384—395), Аркадія (395—408) и даже Романа I (920—944). И это мѣніе долгое время было общепринятымъ. Однако раскопки Косцюшки показали, что передняя часть стѣны притвора этого храма проходитъ надъ засыпанной ямой, въ которой среди мусора оказались монеты седьмого вѣка (Императора Маврикія 602 г.). Слѣдовательно, базилика не могла возникнуть ранѣе этого времени.

Выше сказано, что въ стѣнахъ этой базилики найдено нѣсколько очень интересныхъ эпиграфическихъ фрагментовъ. Всѣ мраморы ея, исключая тяжелыхъ плитъ порога, убраны, какъ и изъ другихъ храмовъ, въ складъ древностей, во избѣженіе расхищений.

Обращаетъ на себѣ вниманіе то, что съверный уголъ базилики съ частью берега обрушился въ море. Та же участъ постигла и часть построекъ, лежащихъ впереди базилики тоже у берега. Этотъ обвалъ случился, конечно, позднѣе послѣдней передѣлки храма, т. е. послѣ X вѣка. Не подумайте, что это результатъ какой-нибудь геологической катастрофы, никаколько: нѣть основаній такъ думать. Напротивъ, обвалъ—результатъ тихой, но могучей работы моря, которое капля по каплѣ долбитъ и подмываетъ скалу, а сильные вѣтры разрыхляютъ ее и валить въ море, а теперь отдѣлился еще кусокъ скалы, и съ ней готова рухнуть въ море половина абсиды и часть стѣны. Геологи уже давно подмѣтили, что противоположный Херсонесу берегъ Чернаго моря постепенно поднимается надъ уровнемъ моря, и у Синопа хорошо видно, насколько поднялись надъ уровнемъ моря кольца, къ которымъ крѣпили суда въ то время, когда Черное море именовалось Понтомъ Эвксинскимъ.

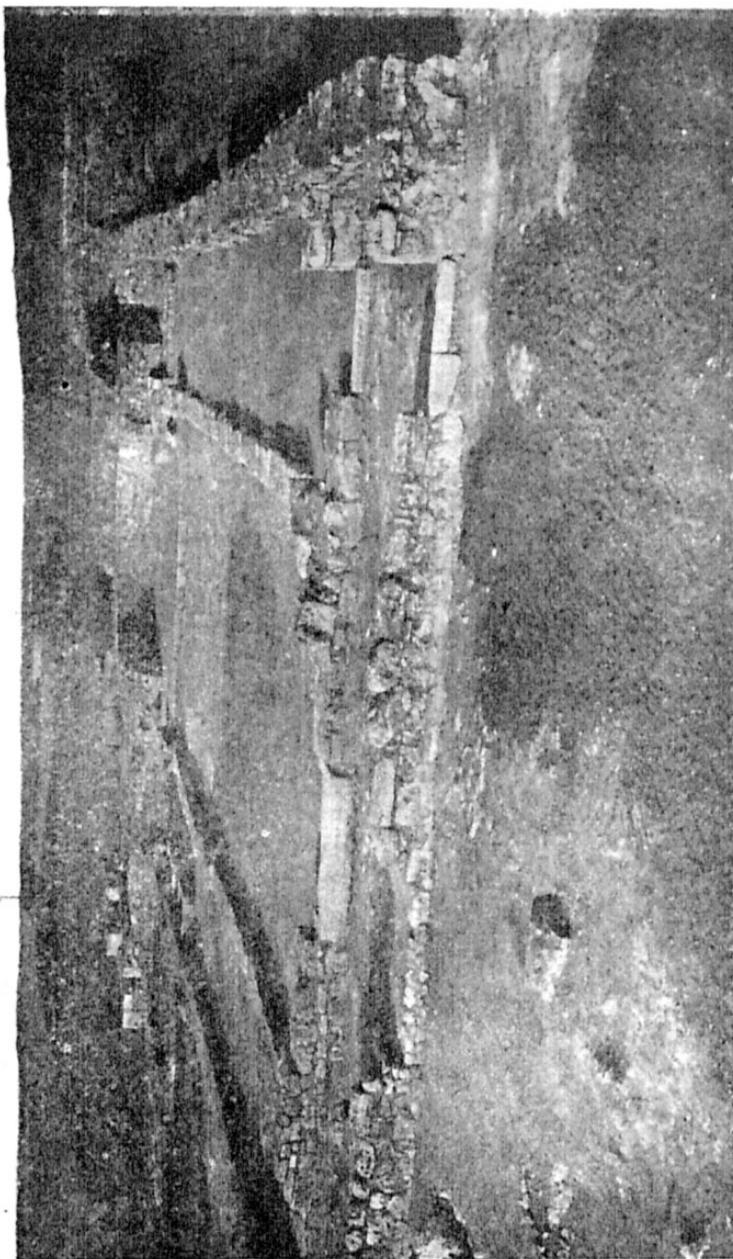
Раскопками, произведенными въ 1876 г. Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, и послѣдующими дослѣдованіями Косцюшки рядомъ съ этимъ храмомъ оказались остатки фундаментовъ и части стѣнъ, размѣра часовенъки, внутри имѣющихъ форму короткаго равноконечнаго креста съ закругленными концами и по кладкѣ своей напоминающими прочную кладку стѣнъсосѣдней базилики. По удаленіи верхнихъ слоевъ земли, въ каждомъ углу этого зданьица, сохранившагося до высоты пяти аршинъ, обнаружено по двери, изъ коихъ двѣ оказались

заложенными камнями, какъ видно, въ силу того, что такъ требовали пристройки, облѣшившія это сооруженіе и несомнѣнно возникшія много позднѣе его. Дальнѣйшія выемки земли и руинного мусора показали, что крестообразная форма кладки идетъ нѣсколько вглубь и заканчивается чашеобразнымъ углубленіемъ. Впрочемъ, здѣсь лучше скажемъ словами Бертье-Делагарда, ближайшаго свидѣтеля этой раскопки. «Углубленіе это диаметромъ около восьми футъ, имѣющее на половинѣ глубины выступы, дающіе формы креста: все это выложено бѣлымъ мраморомъ на цемянкѣ». На самомъ днѣ обнаруженъ крестъ вырубленный уже въ самой скалѣ. У сѣверной стороны обнаруженъ каналъ, ведущій, какъ оказалось, къ поглощательному колодцу; на восточной сторонѣ у двери остатки ступеньки, которая вела въ это углубленіе. По всему пространству цоколя внутри крецальни видны пироны¹⁾ съ остатками приросшаго бѣлаго мрамора отъ облицовки, а нѣсколько выше цоколя остатки фресокъ. У южнаго входа найдены остатки мозаичной настилки пола изъ очень крупныхъ плитокъ, раза въ четыре большихъ, чѣмъ обыкновенные кубики, употребляемые для мозаичныхъ половъ помѣщеній. Въ землѣ, выброшенной изъ углубленія, найдено было огромное количество кубиковъ стѣнной мозаики самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, какъ нигдѣ на раскопкахъ.

Уже при первой раскопкѣ не оставалось никакого сомнѣнія, что открытое зданьице—очень древняя крецальня, а углубленіе—водоемъ, бассейнъ для воды, которая отводилась въ ближайшій поглощатель, несомнѣнно бывшій колодезь, по каналу, въ самомъ началѣ которого были найдены 22 бронзовыя монеты. Монеты оказались отъ Валентинiana I до Тиверія Маврикія, т. е. съ 375 по 602 г. Ступенька вела въ водоемъ. Судя по многочисленнымъ мраморамъ и пиронамъ, крецальня блистала бѣломраморной отдѣлкой, стѣны ея были расписаны фресками, а обиліе среди мусора разноцвѣтной мозаики съ преобладаніемъ голубыхъ и зеленыхъ тоновъ указываетъ на пеструю мозаику ея потолка на фонѣ неба. Три большихъ окна заливали ее необычайнымъ для византійскаго зодчества свѣтомъ. Въ южныя двери крецальни былъ главный входъ, украшенный мозаикой изъ крупныхъ плитокъ. Словомъ, нѣкогда была здѣсь богатая, блиставшая отдѣлкой крецальня, стоявшая въ прямой связи съ находившейся рядомъ базиликой, хотя выстроена отдельно и независимо отъ нея.

¹⁾ Большия гвозди, которыми прикреплялись мраморные плиты къ стѣнамъ зданія.

Базилика съ крестомъ.

Когда возникла эта крещальня, такъ заинтересовавшая Бертье-Делагарда, Косцюшко, Айналова, Латышева и другихъ изслѣдователей, болыпой вопросъ. Основываясь на открытыхъ въ сточномъ каналѣ монетахъ, утверждали, что она построена въ началѣ четвертаго вѣка, а закончила свое существованіе въ началѣ VII в., полагая, что монеты бросали въ купель при крещеніи, и отсюда, при спускѣ воды, струя уносила ихъ въ каналъ. Но съ этимъ никакъ согласиться нельзя: и отверстіе это сравнительно высоко, и служители врядъ ли позволили бы имъ уйти изъ бассейна,—и почему именно всѣ монеты оказались въ одномъ меѣствѣ, недалеко отъ начала канала, гдѣ всего менѣе ихъ можно бы ждать. И число ихъ ровно такое же (22), какъ и въ ямкѣ сосѣдняго храма. Это съ одной стороны, съ другой—мнѣ кажется мало вѣроятной постройка базилики въ столь раннее время, когда въ Херсонесѣ христіанство не стояло еще твердой ногой, когда самому епископу отъ притѣсненій язычниковъ приходилось искать убѣжища въ неприосновенномъ гротѣ Дѣвы или, говоря языкомъ житій, «въ нѣкоей пещерѣ Пароеноны», а позднѣе продолжать свою проповѣдь подъ охраной 500 византійскихъ стражниковъ. Мнѣ кажется, крещальня возникла вмѣстѣ съсосѣдней базиликой и во всякомъ случаѣ не ранѣе ея, т. е. конца VI или начала VII вѣка; за то говорить и наиболѣе поздняя изъ найденныхъ въ ней монетъ.

Бертье-Делагардъ, на основаніи монетъ, утверждаетъ, что указанная дата «одновременного построенія базилики и крещальни получаетъ такую достовѣрность, выше которой едвали можно требовать въ вопросахъ археології». Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ почтеннымъ изслѣдователемъ, что число и подборъ монетъ, найденныхъ въ базиликѣ и крещальни, не являются случайностью. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 22 монетъ, найденныхъ въ крещальни, 12 принадлежатъ долго царствовавшему Юстиніану I (527—565), 9—его предшественникамъ и одна Тиверію Маврикію; въ базиликѣ изъ 22 монетъ—19 относятся къ царствованію Романа I (920—944); въ водоемѣ діаконника загородной кладбищенской церкви, о которой скажемъ ниже, нашли 26 монетъ, изъ нихъ 13 Юстиніана I, 5 неразобранныхъ, среди которыхъ тоже могли быть юстиніановскія, и только 8 его предшественниковъ.

Отсюда ясно, какъ день, что монеты закладывались въ храмахъ и крещальняхъ цѣлыми коллекціями при основаніи ихъ или капитальной передѣлкѣ, измѣнившей ихъ видъ. Монеты въ извѣстное время клались наиболѣе употребительныя, совре-

мениня, такъ сказать ходовыя, по, повидимому, въ болѣе древнее время была тенденція вмѣстѣ съ обыденными закладывать и болѣе древнія монеты, и это, кажется, имѣло свое значеніе. Не случайно и то, что монеты найдены вездѣ въ четномъ числѣ, въ которомъ цифра 20 тоже играетъ какую-то роль. Будущее, быть можетъ, разгадаетъ эти загадки. Но основной фактъ остается. И такъ крещальня основана въ концѣ VI или началѣ VII вѣка; первое ближе къ истинѣ, такъ какъ изъ монетъ тоже долго царствовавшаго Маврикія (582—602) всего—одна, слѣдовательно, опѣ еще мало были въ употребленіи.

Проф. Латышевъ, на основаніи тщательного изученія древнихъ житій херсонесскихъ священно-мучениковъ, считаетъ возможнымъ, между прочимъ, сказать слѣдующее: «нѣть ничего невозможнаго въ предположеніи, что крещальня, остатки которой сохранились до насъ, построена именно на мѣстѣ той первоначальной крещальни, безъ сомнѣнія очень скромной и бѣдной, которая была устроена св. Капитономъ, а еще позднѣе, когда христіанство сдѣлалось уже вполнѣ господствующею религіей въ Херсонесѣ, быть можетъ, именно первоверховному апостолу была посвящена рядомъ лежащая обширная и роскошная базилика. При этомъ, если древнійшая изъ сохранившихся редакцій, какъ мы показали выше, относится къ VII вѣку и авторъ ея, говоря о крещальнѣ и храмѣ св. Петра, имѣть въ виду скорѣе всего современныя зданія, то его слова слѣдуетъ относить къ нашей крещальнѣ и къ «уваровской» базиликѣ».

Вскорѣ послѣ раскопки этой крещальни, покойный Косцюшко высказывалъ мысль о возможности крещенія князя Владимира именно здѣсь; однако для подкрѣпленія этихъ предположеній не было данныхъ, и эту мысль, какъ недоказанную, вскорѣ пришлось оставить.

Такъ это, или нѣтъ, но, говоря словами Бертье-Делагарда, «наша крещальня представляетъ любопытнѣйшую христіанскую постройку въ Херсонесѣ, единственную въ своемъ родѣ извѣстную въ предѣлахъ Россіи».

XXV.

Базилика и часовня съ крестомъ. Усыпальница съ катакомбой. Базилика съ пиронами. Часовня съ гробницами.

Направляясь вдоль берега прямо на западъ отъ уваровской базилики, въ 300 саженяхъ отъ нея, почти у калитки поздней

оборонительной стѣны, наталкиваемся на остатки базилики, которая по плану и размѣрамъ очень походить на уваровскую, и, по словамъ профессора Айналова, близко изучившаго ее, «по кладкѣ стѣнъ этой развалины можно убѣдиться въ чрезвычайной близости этихъ сооруженій. Родство техники, говорить онъ, до такой степени поразительно, что не можетъ быть сомнѣнія въ единствѣ строительной техники этихъ зданій; и здѣсь, какъ и въ уваровской базиликѣ, заложены античныя плиты известняка съ изящными профилями античнаго рѣзца». И надо согласиться съ Айналовымъ, что «это можетъ служить указаниемъ на одновременное пользованіе античными развалинами, когда послѣднія не исчезли еще съ поверхности города, а въ свою очередь даетъ наглядный признакъ древности этихъ сооруженій». Я готовъ согласиться съ Айналовымъ, но одновременность понимаю въ смыслѣ эпохи, т. е. такъ, что оба храма появились въ одну эпоху (средне-византійскую—VII—IX в.), но на разстояніи 50—100 или болѣе лѣтъ, такъ какъ трудно предположить одновременное возникновеніе двухъ большихъ по-своему богатыхъ храмовъ въ небольшомъ городѣ. На одновременное сооруженіе ихъ врядъ ли хватило бы античныхъ остатковъ.

Ближайшій осмотръ руинъ этой базилики обнаруживаетъ отпечатокъ основаній девяти колоннъ по сторонамъ средняго нефа; на полу его остатки мраморныхъ плитъ, а въ боковыхъ нефахъ, особенно въ правомъ, сохранились большия куски мозаики съ очень красивымъ рисункомъ въ видѣ паркета изъ параллелограмовъ и широкихъ полосъ, по сторонамъ украшенныхъ разными плодами.

Во изѣжаніе расхищенія и уничтоженія силами природы остатки эти закрыты слоемъ земли, и находящійся неподалеку отсюда сторожъ охотно открываетъ ихъ любознательнымъ зрителямъ. Признаковъ мозаики стѣнъ не оказалось, но въ мусорѣ найдено не мало кусковъ штукатурки съ остатками фресокъ.

Въ самой срединѣ стѣны абсиды прямо на камнѣ сдѣланъ горельефомъ характерный византійскій крестъ съ короткими концами, почему эту базилику въ отличіе отъ другихъ называемъ *базиликой съ крестомъ*. Въ алтарной части ея открытъ мраморный полъ съ сильно попорченнымъ мозаичнымъ кругомъ въ центрѣ; сохранилась и мраморная солея съ отверстіями для мраморныхъ досокъ алтарной преграды. Подъ кругомъ по расчисткѣ оказалось хорошо облицованное бѣлымъ мраморомъ углубленіе (сохранились только отдѣльные куски). Между обломками этого углубленія оказалось четыре обломка отъ малень-

каго ковчега съ крышкой въ видѣ саркофага превосходнаго бѣлаго мрамора, несомнѣнно для храненія мощей.

Передъ базиликой какъ разъ противъ главнаго входа—колодезь съ остатками кладки, несомнѣнно отъ бывшаго здѣсь фіала, составлявшаго часть атріума. Судя по остаткамъ, базилика эта была бѣднѣе уваровской.

Слѣва къ базиликѣ пристроена часовня съ абсидой, судя по связи кладки, возникшая одновременно съ базиликой. Въ центрѣ часовни какое-то загадочное, хорошо обдѣланное камнями углубленіе, закрывающееся спеціальной каменной крышкой. Къ часовнѣ въ болѣе позднее время пристроена крестообразная усыпальница, а подъ ней оказалась катакомба съ лежанками. Справа отъ абсиды пристроена (судя по кладкѣ, въ болѣе позднее время) другая часовенька, съ нишами въ абсидѣ; въ средней нишѣ—вырѣзанный изъ плитняка крестъ въ кругѣ на ножкѣ. «Рѣдчайшій примѣръ, говоритъ Айналовъ, украшенія ниши въ христіанскомъ храмѣ».

Въ четырехъ саженяхъ отъ лѣвой часовни и впереди ея раскопаны остатки усыпальницы въ видѣ храмика съ абсидой, а подъ ней интересная катакомба съ арочнымъ ходомъ и такимъ же потолкомъ изъ кирпича; въ ея мраморномъ порогѣ найденъ пьедесталь отъ статуи.

Если пойдете отъ собора по главной улицѣ къ морю, то въ концѣ ея выйдете на площадь, на которой сохранился настѣль изъ громадныхъ хорошо тесанныхъ плитъ античной эпохи, а на ней базилика, своими размѣрами, структурой и кладкой очень напоминающая предыдущую. Храмъ, хотя и поверхностно, былъ раскопанъ болѣе 20 лѣтъ назадъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей; тогда же были замѣтны большія трещины въ абсидѣ, почти висѣвшей надъ морскимъ обрывомъ. Общество очень интересовалось этой руиной и предполагало поставить со стороны обрыва укрѣпляющую стѣнку, но долго собирались, и почти половина абсиды, какъ и уголъ уваровской базилики, рухнула въ море.

Въ концѣ ноября прошлаго года храмъ дослѣдованъ окончательно, раскопана и площадь, покрытая до этого остатками развалинъ и мусора, на толстомъ слоѣ которыхъ помѣстились бѣдныя сооруженія самаго поздняго Херсонеса; часть ихъ сохранилась и понынѣ. Въ храмѣ нашли обломки колоннъ и другихъ мраморовъ. Основанія стѣнъ сложены большою частью изъ боль-

шихъ специально тесанныхъ камней. Въ стѣнахъ обращаетъ на себя вниманіе громадное количество, какъ ни въ одной изъ понынѣ раскопанныхъ базиликъ, толстыхъ пироновъ, почему и назвали эту раскопку *базиликой съ пиронами*, каковые съ очевидностью указываютъ на солидную облицовку стѣнъ тяжелыми плитами мрамора.

Мѣстами ясно видны основанія колоннъ, частью управлявшихся на материковую скалу. Въ боковыхъ нефахъ сохранились участки мозаики въ видѣ отдѣльныхъ завитковъ и линій. Лѣтъ двадцать назадъ здѣсь еще были большие куски ея. Дожди, непогоды и люди снесли ее.

И здѣсь, какъ и въ выше описанныхъ храмахъ, къ сѣверному плечу зданія прилегаетъ часовенька съ абсидой и рядомъ съ ней крестообразное сооруженіе съ гробницами; съ южной стороны прилегаютъ остатки двухъ очень мало сохранившихся часовенъ тоже съ абсидами и, судя по кладкѣ, возникшихъ далеко позднѣе базилики.

«Судя по большимъ приморскимъ базиликамъ, говорить Косцюшко, съ полнымъ основаніемъ можно предполагать, что главные херсонесские храмы ранней византійской эпохи строились по одному плану и имѣли одинаковое внутреннее устройство». На этомъ основаніи Косцюшко допускается, что и въ алтаряхъ уваровской базилики и базилики «съ пиронами» была такая же мраморная настилка, какъ и въ храмѣ «съ крестомъ».

Этимъ мы заканчиваемъ описание приморскихъ базиликъ и переходимъ опять къ описанію, такъ сказать, континентальныхъ сооруженій этого рода.

XXVI.

Храмъ съ ковчегомъ. Базилика въ базиликѣ и ея мозаичный полъ. Церковь св. Лаврентія, что „на забралѣ“.

Въ 1897 г. въ бугрѣ, находящемся въ саду вблизи монастырской гостиницы, открыты развалины большого храма, планомъ напоминавшаго крестообразную церковь, надъ которой выстроено соборъ. Это равноконечный крестъ съ полукруглой абсидой въ восточной части и съ двумя капеллами по сторонамъ ея. Разница только та, что въ первой церкви правая капелла съ абсидой, а здѣсь—лѣвая. Храмъ стоитъ на материковой скалѣ; стѣны его въ сѣверной части сохранились для насъ необычайно вы-

соко: до шести аршинъ. Интересно то, что здѣсь онъ имѣютъ слѣды сводовъ; кладка изъ разнокалибернаго бута на очень прочной извести, на которую мало повліяло даже время. Въ абсидѣ, въ которой хорошо сохранились ступени синтрана и мѣсто для епископа, имѣются остатки трехъ оконъ, а подъ ними у синтрана были остатки фресокъ. На полу масса большихъ кусковъ мраморныхъ плитъ, покрывавшихъ полъ. Теперь во избѣжаніе расхищенія онъ убраны къ складу древностей. У главнаго входа—мраморная база и около нея колонна: площадка при входѣ вымощена каменными плитами, покрывавшими собой три гробницы. Несомнѣнно, база и колонна представляютъ остатки входного портика. Въ сѣверной капеллѣ въ углубленій абсиды открытъ бассейнъ, сдѣланный изъ цѣльнаго камня; передняя стѣна его украшена рельефными изображеніями креста между двухъ деревьевъ, очевидно кипарисовъ; на днѣ бассейна отверстіе, которое ведетъ наружу, повидимому къ поглощающему колодцу. Былъ ли это простой водоемъ, необходимый для церковныхъ надобностей, или крещальня, купель для маленькихъ дѣтей, сказать трудно, но послѣднее намъ кажется болѣе вѣроятнымъ; за это говорить изображеніе креста межъ двухъ кипарисовъ—эмблемы вѣчной жизни, получаемой чрезъ крещеніе.

Но самое важное открытие было сдѣлано въ алтарной части. Здѣсь подъ престольными плитами, когда сняли ихъ, обнаружена гробница (75 сантим. длины, 19 шир. и 29 гл.), выложенная черепицей; въ ней на срединѣ глубины выступала мраморная плитка, на которой стоялъ серебряный ковчегъ въ видѣ мраморнаго саркофага (12 дл., 8 шир. и 10 в.); на стѣнкахъ его выштампованы въ медальонахъ на длинныхъ сторонахъ лики Спасителя между апостолами Петромъ и Павломъ и Богоматери межъ двухъ архангеловъ, а на узкихъ сторонахъ—по одному лицу неизвѣстныхъ святыхъ. На каждой изъ четырехъ сторонъ крышки рельефно выступаетъ по одному кресту. Наконецъ, на днѣ ковчега и внутри его крышки имѣются слѣды штемпелей съ монограммами, пока не разобранными. Рядомъ съ ковчегомъ лежали остатки истлѣвшей шелковой ткани, въ которую онъ былъ завернутъ. По вскрытии ковчега въ немъ оказались также завернутыя въ истлѣвшую ткань частицы мощей (косточки пальцевъ) неизвѣстнаго святого.

По мнѣнію проф. Покровскаго, подробно изслѣдовавшаго этотъ ковчегъ, лики его напоминаютъ типы древнихъ мозаикъ Равенны и даютъ возможность отнести этотъ замѣчательный

памятникъ христіанскаго искусства къ VI вѣку, выдигая его на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду находокъ, сдѣланныхъ въ Херсонесѣ за все время производимыхъ тамъ раскопокъ.

По открытіи ковчега, онъ бережно былъ извлечень и крестнымъ ходомъ братіи былъ доставленъ въ соборъ, гдѣ оставлены мощи, а ковчегъ направленъ въ Эрмитажъ, какъ рѣдкая находка, по которой и храмъ называемъ «*храмомъ съ ковчегомъ*».

При раскопкахъ во всѣхъ частяхъ храма обнаружены слѣды большого пожара въ видѣ сильной коноти, массы угля и золы. Изъ находокъ обращаетъ на себя вниманіе 30 кусковъ толстыхъ оконныхъ стеколъ, чего не встрѣчалось въ другихъ храмахъ.

Нѣкоторыя двери храма оказались сплошь задѣланными камнями, и внутри этихъ отдѣленій найдена масса костей и гробницъ. Ясно, что нѣкогда богатый храмъ въ болѣе позднѣе время былъ обращенъ въ усыпальницу. Судя по остаткамъ, храмъ былъ обнесенъ высокой, мѣстами и понынѣ хорошо сохранившейся стѣной.

Выйдя изъ воротъ монастырскаго двора на с.-з. (къ морю) вы встрѣтитесь съ очень любопытнымъ памятникомъ христіанскаго времени: развалинами небольшого храмика-базилики, выстроеннаго изъ развалинъ большой базилики на ея мѣстѣ и внутри ея фундаментовъ. Такимъ образомъ получилась *базилика въ базиликѣ*, такъ что мозаичный полъ старой церкви служить и для новой. Этотъ полъ, сохраняемый теперь подъ крытымъ навѣсомъ, представляетъ въ рисункѣ излюбленную орнаментацию древнехристіанскаго искусства: въ завиткахъ, образующихъ медальоны, изображены небольшія птицы, голубь, цесарки, а въ одномъ изъ большихъ медальоновъ сохранилось изображеніе павлина (символъ вѣчности) съ распущенными надъ головой хвостомъ. Абсида малой базилики оказалась выложенной опрокинутыми внизъ базами, а въ алтарѣ найдена колонка, служившая подставкой для престольной доски. По мозаикѣ храмъ можно отнести къ VI—VIII столѣтіямъ. Живущій здѣсь сторожъ охотно покажетъ это сокровище искусства и даже дастъ нѣкоторыя поясненія.

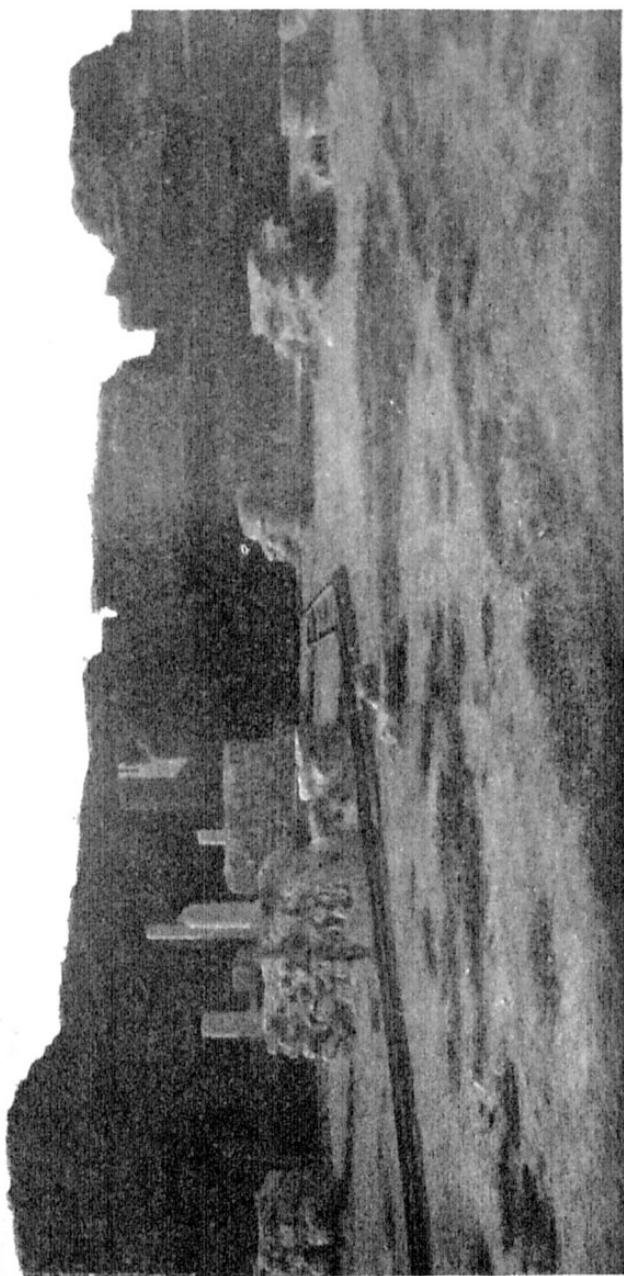
Для полноты описанія этого мѣста замѣтимъ, что около этихъ развалинъ была открыта могила (богатаго скиѳа) съ kostями лошадей и съ многочисленными украшеніями сбруи, о чёмъ мы сказали выше.

Изъ открытыхъ въ чертѣ города, внутри его стѣнъ, храмовъ заслуживаетъ еще вниманія недавно раскопанный храмъ или, вѣрнѣе, храмикъ, всего около 6 арш. длиной, въ южномъ

углѣ городища недалеко отъ большой угловой башни оборонительной стѣны, на которую даже упирается притворъ храма, а самъ онъ стоитъ на мусорѣ, засыпавшемъ часть древняго города, на высокомъ фундаментѣ, и когда ходите по этимъ раскопкамъ, то видите церковь высоко надъ собой, и эта высота (до пяти аршинъ) показываетъ уровень насыпи, возведенной въ этой части вѣками изъ городскаго мусора и всякихъ отбросовъ.

Стѣны этого маленькаго храма отличной кладки изъ правильно тесанныхъ камней, расположившагося частью на городской стѣнѣ, на краю ея или, говоря языкомъ лѣтописей, «на забралѣ» ея, обращаютъ на себя особое вниманіе, когда вспомнишь повѣствованіе известнаго «Слова о перенесеніи мощей преславнаго Клиmentа», прототипъ котораго проф. Ягичъ приписываетъ самому Кириллу и въ которомъ, между прочимъ, говорится, что правитель города вышелъ на встрѣчу процессіи съ останками св. Клиmentа, во главѣ которой находился Кирилль съ херсонесскимъ епископомъ, и что мощи сначала были положены въ церкви св. Созонта, находившейся на горѣ вблизи города, а затѣмъ чрезъ «врата мертвыхъ» отнесли ихъ въ церкви св. Лаврентія, что «на забралѣ», а оттуда, взявъ ковчегъ съ мощами, обопили весь городъ и положили ихъ въ главной церкви города, св. Софії. Событіе этой легенды пріурочивается къ 30 декабря, а случилось оно около 862 года. Фактическая сторона этого сказанія, какъ мы объяснили въ историческомъ очеркѣ, вполнѣ совпадаетъ съ данными письма римскаго библіотекаря Анастасія, которому не вѣрить нельзя.

Всѣ эти данные у насъ на лицо: церковь св. Созонта, о которой сейчасъ скажемъ, помѣщается на холмѣ въ 300 саженяхъ отъ города, «врата мертвыхъ», — это городскія ворота въ юго-восточномъ углу города, ведущія къ кладбищу, откуда и название, а тутъ же недалеко отъ нихъ и церковь св. Лаврентія на краю стѣны, «на забралѣ». Такимъ образомъ, по имѣющемся агіографическому и археологическому матеріалу разсматриваемая нами церковь и есть именно та, о которой говорится въ легендахъ, и я вполнѣ соглашаюсь съ Скубетовымъ, что это положеніе можно принять безъ всякаго риска и безъ всякой натяжки. Итакъ, въ этихъ руинахъ мы имѣемъ остатки церкви св. Лаврентія, возникшей, несомнѣнно, въ болѣе поздній византійскій періодъ, когда эта часть древняго города и его стѣны были глубоко засыпаны. Въ виду ихъ особаго исторического значенія, слѣдовало бы какъ нибудь ихъ отмѣтить.

Церковь „на забралѣ“ и раскопки южной части города.

Изъ раскопанныхъ въ городищѣ храмовъ упомянемъ еще о трехъ-абсидной базиликѣ, находящейся недалеко отъ монастырскаго кладбища, и пятипрестольномъ храмѣ, расположившемся на одной изъ самыхъ высокихъ точекъ городища, почти у самой оборонительной стѣны. Онъ мало еще раскопанъ, но уже носитъ ясные остатки громаднаго пожара, очевидно, уничтожившаго его до тла. Объ остальныхъ раскопанныхъ въ городищѣ базиликахъ и часовняхъ умолчимъ, такъ какъ онѣ не представляютъ особаго интереса, а болѣе любознательныхъ отсылаемъ къ работѣ проф. Айналова и къ «Отчетамъ Археологической Комиссіи». Если же хотите имѣть наглядное представление объ архитектурѣ и внутреннемъ видѣ херсонесскихъ базиликъ, то не прибѣгая къ рѣдкимъ и дорогимъ иностраннымъ изданіямъ, загляните въ византійскій отдѣлъ популярной у насъ «Исторіи искусства» Гнѣдича,—рисунки равеннскихъ и римскихъ базиликъ—подобіе нашихъ. А теперь, чтобы покончить съ описаниемъ храмовъ, скажемъ еще о двухъ находкахъ этого рода въ городскихъ стѣнъ.

XXVII.

Загородный храмъ св. Савона. Кладбищенская церковь; ея мозаика и фрески.
Водоемъ. Монеты. Катакомбы. Подземный ходъ и колодезь.

Въ 1890 г. влѣво отъ дороги, ведущей изъ Севастополя въ Херсонесъ, въ 300 саженяхъ отъ его оборонительной стѣны, на высокой горѣ сдѣланы раскопки, которыя обнаружили остатокъ небольшой однонефной базилики (6 саж. длиной и 3 шир.), вѣрнѣе сказать, храма базиличного типа, такъ какъ въ немъ не было колоннъ, а внутри его стѣнъ оказалась другая такая же церковь, вдвое меньшаго размѣра, построенная уже бѣдно и небрежно и, судя по материалу, изъ развалинъ первой, сложенной изъ хорошо тесанныхъ камней.

Въ алтарной части меньшаго храма найдены обломки колонны, поддерживавшей престольную доску,—обломки мраморныхъ орнаментированныхъ плитъ изъ алтарной преграды, обломки карниза и, между прочимъ, черепица съ клеймомъ въ видѣ тамги¹⁾, ясно указывающая на очень позднее происхожденіе этой постройки, которую смыло можно отнести ко времени появленія здѣсь татаръ (XIII в.). Въ притворѣ 10 гробницъ, судя по тщательной кладкѣ, древняго происхожденія, а

¹⁾ Татарское клеймо въ видѣ вилъ.

подъ большой церковью два обширныхъ семейныхъ склепа, а можетъ быть и катакомбы. Говоря такъ, я хочу различить то и другое, хотя обычно употребляется одно вмѣсто другого. Впрочемъ, объ этомъ ниже, а теперь замѣтимъ, что положеніе этой церкви вполнѣ соотвѣтствуетъ церкви св. Созонта, о которой упоминается въ «итальянской легендѣ» и которая, по скольку до сихъ поръ извѣстно, является первой церковью по пути изъ ближайшихъ бухтъ въ Херсонесъ. Здѣсь, конечно, и остановилась процессія и исполнила церковную службу надъ останками св. Клиmentа и отсюда уже, согласно сказанію, направилась въ храмъ св. Лаврентія, что «на забралѣ». Такимъ образомъ, и эти жалкіе нынѣ остатки пріобрѣтаются для нась особое значеніе. Не надо, кажется, добавлять, что служеніе шло именно въ большемъ храмѣ, а не въ меныше, возникшемъ позднѣе этихъ событій.

Въ лощинкѣ, у подножія этой горы, по правую сторону той же дороги, ведущей изъ Севастополя въ Херсонесъ, въ мѣстности древнихъ погребеній, находился большой холмъ безъ видимыхъ остатковъ строеній, но давно обращавшій вниманіе прозорливыхъ изслѣдователей херсонесскихъ древностей. Уже болѣе 120 лѣтъ назадъ извѣстный Габлицъ, изслѣдовавъ эту мѣстность по даннымъ русскихъ топографовъ, писалъ: «Здѣсь видно разрушившееся до основанія зданіе, которое окружено было восьмиугольною стѣною. Въ одномъ углу находится въ землѣ отверстіе глубиною въ 5 аршинъ; внутри онаго продолжается весьма узкій проходъ отъ востока къ западу, по коему едва одному человѣку свободно пролѣтъ можно, на 50 саж. въ длину, и прошедши такое разстояніе, находится колодезь глубиною въ аршинъ съ чистою прѣсною водою, которая истекаетъ изъ онаго и, разливаясь по пещерѣ въ обѣ стороны, скрывается неизвѣстно куда. Отъ колодца сего простираются еще два прохода—одинъ въ сторону, совсѣмъ заваленный, а другой вдалъ неизвѣстно на какое разстояніе. Мѣстоположеніе онаго колодца отъ города къ востоку заставляетъ думать, что онъ тотъ самый, который Владimиръ Великій при взятіи Херсонеса приказалъ завалить, и находящіеся подлѣ онаго земельные проходы служили можетъ для проведенія воды въ городъ».

Послѣдующими изслѣдователямъ и посѣтителямъ Херсонеса: Палласу, судье Сумарокову, Muравьеву-Апостолу и др. это открытие стало, конечно, извѣстнымъ, и они, не сознавая ошибки, повторяли мнѣніе Габлица. Затѣмъ объ этихъ инте-

ресныхъ остаткахъ какъ-то забыли; ихъ, очевидно, занесло, и они стали непримѣтны; ихъ даже не примѣтили дѣлавшіе въ этихъ мѣстахъ раскопки древнихъ погребеній Корейшиа и гр. Уваровъ, и только въ 1892 г. этотъ холмъ и ближайшая мѣстность были раскопаны Косцюшкой, причемъ обнаружена скала, большая часть которой занята некрополемъ, служившимъ, судя по найденнымъ предметамъ и монетамъ, какъ въ языческую, такъ и христіансскую эпоху. На площадкѣ скалы обнаружены фундаменты и стѣны восьмиугольного зданія, оказавшагося болѣшимъ крестообразнымъ храмомъ (9 саж. 2 фута длины и 10 саж. ширины) безъ абсиды въ восточной части, что является его существенной особенностью, но съ двумя капеллами, причемъ правая имѣеть абсиду и тѣмъ очень напоминаеть планъ храма, надъ которымъ высится соборъ св. Владимира. «Устройство стѣнъ, говоритъ Айналовъ, повторяетъ всѣ особенности въ обработкѣ камней и способахъ ихъ расположения, известная намъ въ кладкѣ стѣнъ «храма съ ковчегомъ». Любопытную подробность представляетъ хорошо протесанный камень с.-в. угла фундамента, на которомъ высѣченъ удлиненный крестъ съ обозначеніемъ буквы Р, обычного типа крестовъ IV—V вѣковъ. Въ храмѣ было трое дверей, расположенныхъ по концамъ креста. Двое изъ нихъ, съверная и южная, оказались задѣланными камнями, но характеръ задѣлки разный. Въ порогѣ (въ задѣлкѣ) съверной двери оказалась низкая капитель съ рельефными украшеніями въ видѣ дубовыхъ листьевъ, а въ стѣнѣ южной двери нашли монету Романа I (920—944) очень хорошей сохранности и прямо указывающей на время задѣлки этой двери. Въ полу лѣвой капеллы и алтарной части видно смѣщеніе кирпича съ болѣсъ древнимъ мраморомъ, да и въ другихъ мѣстахъ, по словамъ Косцюшки, были видны слѣды неоднократныхъ разрушеній, починки и передѣлки храма, который въ концѣ концовъ, подобно храму съ ковчегомъ, былъ превращенъ въ усыпальницу, судя по задѣленнымъ дверямъ и окнамъ и по двумъ могиламъ, расположеннымъ въ самомъ углу храма, скоро закрытаго и для этой цѣли, очевидно потому, что для этого было достаточно многочисленныхъ окружающихъ склеповъ.

Каковы бы ни были передѣлки, но, по мнѣнію авторитетныхъ изслѣдователей храма Косцюшко, Бертье-Делагарда и Айналова, основная крестовидная форма его осталась безъ перемѣнъ, и, судя по кладкѣ стѣнъ, можно думать, что храмъ былъ со сводами, съ чѣмъ не соглашается Бертье-Делагардъ.

Восточная часть храма занята алтаремъ, особенность кото-
рого, по мнѣнию Бертье-Делагарда, та, что онъ не возвышался
надъ уровнемъ общаго пола, т. е. не имѣлъ солеи, съ чѣмъ не
соглашается Косцюшко и Айналовъ. Судя по остаткамъ, алтарь
въ цвѣтущій періодъ покрывалъ мраморъ, а въ болѣе позднее
бѣдное время часть его замѣнилъ кирпичъ. Алтарная преграда
была низка и, вѣроятно, не поднималась выше локтя (Бертье-
Делагардъ).

Въ глубинѣ правой капеллы остатки несомнѣнно каменного
бассейна съ гранями, у которого не оказалось передней стѣнки,
и поэтому трудно сказать, былъ ли онъ сложенъ въ видѣ буквъ
Т или имѣлъ форму креста. Послѣднее, судя по излому стѣнъ,
намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Почти у дна этого бассейна
видно отверстіе для стока воды. Можно думать, что это была
крещальня для дѣтей, съ чѣмъ положительно не хочется согла-
ситься Бертье-Делагарду, который не считаетъ купелью и бас-
сейнъ «храма съ ковчегомъ», полагая, что «въ храмѣ не позже
временъ Юстиніана I (527—565) едвали можно найти купель
въ видѣ маленькаго, но глубокаго водоема, къ тому же постав-
ленного такъ, что доступъ къ нему только черезъ церковь». По
мнѣнию Бертье-Делагарда, «и не было въ ней нужды въ загород-
номъ кладбищенскомъ храмѣ», почему этотъ бассейнъ онъ счи-
таетъ «водоемомъ для омовенія церковныхъ сосудовъ и рукъ».
Однако съ этимъ никакъ не хотятъ согласиться протопресви-
теръ Янышевъ и Косцюшко.

Въ фундаментѣ этого бассейна, внутри отверстія для спуска
воды, рабочій случайно оторвалъ часть каменной кладки и тѣмъ
обнажилъ здѣсь маленький кладъ въ 26 монетъ, изъ коихъ 13
оказались временъ Юстиніана I, въ томъ числѣ 7 съ монограм-
мой Херсонеса, 6 монетъ, принадлежащихъ предшественникамъ
Юстиніана, и столько же плохой сохранности, оставшихся не-
разобранными. Значеніе этой находки послѣ сказаннаго нами
выше ясно: оно прямо указываетъ на время созданія этого храма.
Бертье-Делагардъ пытается даже болѣе точно опредѣлить время
возникновенія этой постройки. «Принимая во вниманіе, гово-
рить онъ, семь монетъ съ клеймомъ Херсонеса, можно думать
съ достаточнымъ основаніемъ, что эти монеты современны по-
строенію водоема; онъ биты, вѣроятно, въ то время, когда
Юстиніанъ I, обращая особое вниманіе на Тавриду, строилъ и
возводилъ укрѣпленія ея городовъ, что было въ началѣ его
царствованія, т. е. около 580—540 гг. Это время и будетъ, за-

ключаетъ Бертье-Делагардъ, позднѣйшимъ срокомъ окончанія нашей постройки».

«Фресковая живопись, покрывавшая стѣны храма, судя по остаткамъ наслоеній красокъ, говорить Косцюшко, подвергалась по меньшей мѣрѣ троекратному исправленію, — явленіе, повторяющееся во всѣхъ херсонесскихъ базиликахъ». На стѣнѣ куски фресокъ сохранились только въ двухъ мѣстахъ. Болѣе интересный фрагментъ посредственаго исполненія изображалъ, очевидно, двухъ святыхъ, отъ которыхъ уцѣлѣли только незначительные куски отъ нижней части фигуръ. Отъ надписей сбоку святыхъ сохранилась часть греческой и армянской (ниже греческой). Греческая оказалась началомъ 34 псалма и въ переводе читается такъ: «Суди, Господи, мя, побори борющія мя, прими оружіе и щитъ и возстани въ помощь мою». Армянскую надпись проф. Марръ перевелъ такъ: «Тотъ к(то....) Богу въ храмѣ это есть Мхитаръ рабъ Божій». Эта надпись, равно какъ и другая армянская, замѣченная на обломкѣ мраморной базы, нацарапаны, по мнѣнію Марра, въ болѣе позднее время.

Эта фреска бережно снята на холстъ и отправлена въ Императорскую Археологическую Комиссію. Часть стѣнной фрески найдена еще у алтаря; она исполнена совсѣмъ небрежно и плохо сохранилась, однако видно, что были изображены три стоящія рядомъ фигуры святыхъ съ крайне небрежной греческой надписью, отъ которой сохранились только частицы.

Кромѣ этихъ остатковъ, найденныхъ на стѣнѣ, собрано на полу храма 529 кусковъ фресокъ, причемъ иные съ буквами. Нѣкоторые куски отличаются прочностью и умѣлой работой, а остатки византійскихъ надписей на нихъ очень близки къ классической эпохѣ, но такихъ обломковъ немногого; большая же часть найденныхъ на полу фресокъ исполнена небрежно, иногда даже на простой штукатуркѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что обломки эти являются представителями разныхъ эпохъ».

Кромѣ того, въ алтарной части найдена масса кусочковъ стѣнной мозаики. Косцюшко имѣлъ терпѣніе насчитать 11480 кубиковъ, опять съ преобладаніемъ синяго и голубого цвѣта. Ясно, что потолокъ алтаря былъ украшенъ мозаикой на фонѣ небеснаго свода.

Въ алтарѣ, среди груды мусора, открыта, между прочимъ, небольшая мраморная капитель коринѣскаго ордена съ красивой глубокой рѣзьбой и съ выдолбленными сверху 11-ю дырочками. Косцюшко полагалъ, что капитель эта служила церков-

пымъ ставникомъ въ то время, когда храмъ доживалъ свои послѣдніе дни.

Особый, можно сказать, выдающійся интересъ храма со-ставляетъ его мозаичный полъ, по красотѣ и разнообразію ри-сунка и сравнительно хорошей сохранности занимающій первое мѣсто между всѣми мозаичными полами, открытыми въ Херсо-нессѣ, не исключая и пола «уваровской базилики». Однохарак-терный бордюръ, состоящій изъ виноградной лозы въ разстилку съ поперемѣнно расположеными по желтому полю грядзьями и листьями, окаймлялъ весь полъ въ трехъ конахъ креста и въ центральной части впереди солеи; у алтарныхъ заплечиковъ онъ былъ украшенъ двумя красивыми сосудами на подобіе древ-не-греческихъ кратеровъ, изъ которыхъ по обѣ стороны растутъ виноградныя лозы. Въ большомъ центральномъ квадратѣ изъ полосъ мозаики изображены два павлина, стоящіе по сторонамъ красивой вазы античной формы. Изъ вазы спускаются по обѣ-имъ сторонамъ виноградныя лозы съ двумя сидящими на нихъ птицами. Сюжетъ рисунка осталльной мозаики: львы, лошади, коровы, бараны, овцы, разныя птицы и рыбы, раковины, разрѣзанные гранаты и арбузы, фрукты на вѣткахъ и въ корзи-нахъ, кисти и листья винограда и плюща; по встрѣчаются также въ небольшомъ количествѣ изображенія сосудовъ античной фор-мы, разновидные кресты и розетки орнаментнаго характера. Всѣ эти многочисленные, старательно и красиво исполненные ри-сунки заключены внутри цѣлой сѣти переплетающихся жгутовъ чернаго, краснаго, желтаго и бѣлаго цвѣтовъ, а небольшія ме-жду ними пространства украшены трехцвѣтными шахматообраз-ными квадратами. Хорошо сохранившіеся сосуды даютъ воз-можность дополнить рисунки ранѣе открытыхъ мозаичныхъ по-ловъ въ базиликахъ «уваровской» и съ крестомъ; такие же кратеры съ берущими въ нихъ начало виноградными лозами помѣщались у входныхъ дверей боковыхъ нефовъ названныхъ базиликъ. Другія детали орнаментнаго характера также повто-ряются на мозаичныхъ полахъ ранѣе открытыхъ храмовъ и не-сомнѣнно заимствованы съ красиваго рисунка мозаики описы-ваемаго храма, которая, повидимому, относится къ V вѣку на-шей эры.

Вообще мозаичный полъ храма могъ служить сокровищни-цей образцовъ для строителей херсонесскихъ базиликъ болѣе поздняго времени, и выше было указано, что многія детали пола трехъ большихъ базиликъ, ранѣе открытыхъ, скопированы съ этой мозаики. Кирпичики, обычные во всѣхъ херсонесскихъ мо-

заничныхъ полахъ, здѣсь совершенно отсутствуютъ. Ихъ замѣняетъ красный мраморъ изъ «мраморной балки» близь Бала-клавы (Косцюшко).

Какъ показали дальнѣйшія раскопки, подъ храмомъ и вокругъ него масса могилъ, крипты, фамильныхъ склеповъ, которыми, точно сотами, изрыта вся эта почва. Общая картина остатковъ говорить объ особомъ значеніи этого мѣста византійского некрополя, ближайшаго къ храму и очень почетнаго, на которое въ свое время тратились громадныя средства. Такъ, одна изъ усыпальницъ у храма оказалась выложеной мраморными плитами, на нихъ сохранились части выпуклого креста и орнамента, а на полу остатки мозаики, къ сожалѣнію, почти погибшей, такъ какъ усыпальница была не покрыта.

Все это, а равно и то, что самыи храмъ напоминаетъ собой извѣстную усыпальницу Галлы Плацидіи въ Равеніи, даетъ право Кондакову полагать, что и нашъ храмъ воздвигнутъ надъ усыпальницей одного изъ херсонесскихъ епископовъ, пострадавшихъ за христіанскую проповѣдь¹⁾.

Идемъ далѣе и попытаемся точнѣе установить, что это за храмъ.

Лѣтъ двадцать назадъ проф. Кондаковъ, а въ послѣднее время и проф. Шестаковъ указываютъ на одинъ источникъ, а именно на Scholion sive Hymnesticum нѣкоего Феодора, повѣствующаго о ссылкѣ, страданіяхъ и смерти въ Херсонесѣ папы Мартина I, сосланнаго сюда имп. Константиномъ II за то, что не хотѣлъ принять монофелитской ереси, признававшей въ Христѣ одну только природу, и кончившаго здѣсь свои мученическіе дни (въ 655 г.)²⁾. Вотъ что читаемъ въ этомъ источнику о мѣстѣ погребенія Мартина. «Погребенъ среди могиль святыхъ въ глубокопочитаемомъ храмѣ (domo percolenda) святѣйшей и непорочнай и всегда воспѣваемой славной Владычицы нашей, коя истинно и непреложно есть Богородица и присно Дѣва Марія; каковыи (храмъ) именуется Влахернскимъ³⁾»

¹⁾ На основаніи сходства этого храма съ крестовымъ храмомъ, надъ которымъ высится соборъ Бертъ-Делагардъ считается возможнымъ допустить, что и послѣдний возникъ въ VI—VIII в. Возможно также, что крестообразный типъ церкви былъ обычнымъ въ этотъ періодъ.

²⁾ См. исторический очеркъ.

³⁾ Влахернай—кварталъ въ Константинополѣ, названный такъ по имени убитаго въ немъ скиоскаго кн. Влахерна. По преданію, риза Богоматери, кою Дѣва Марія отказалась передъ Успеніемъ одной вдовѣ, въ царствованіе Льва I была привезена въ Константинополь и положена во Влахернской церкви Богоматери.

и находится въ одной стадії¹⁾ отъ стѣнъ богоспасаемаго града Херсона».

Эти указанія и по мѣстоположенію и по разстоянію приводятъ именно къ нашей кладбищенской церкви, тѣмъ болѣе, что другой церкви въ этомъ районѣ нѣть, и трудно ожидать ся. Такимъ загороднымъ кладбищенскимъ храмомъ и есть церковь Влахернскай Божіей Матери, и это утвержденіе принимаетъ степень исторической достовѣрности.

Желая сохранить потомству интересный остатокъ византийского мозаичнаго искусства, какъ мы уже сказали выше, на средства, пожертвованныя Государемъ, наростили стѣны этого храма, накрыли ихъ крышей, а на двери навѣсили тяжелый замокъ, ключи отъ которого находятся у живущаго рядомъ съ храмомъ хранителя этой древности, который, благодаря большому опыту въ раскопкахъ (въ качествѣ десятника), можетъ дать много интересныхъ свѣдѣній любознательному обозрѣвателю древностей.

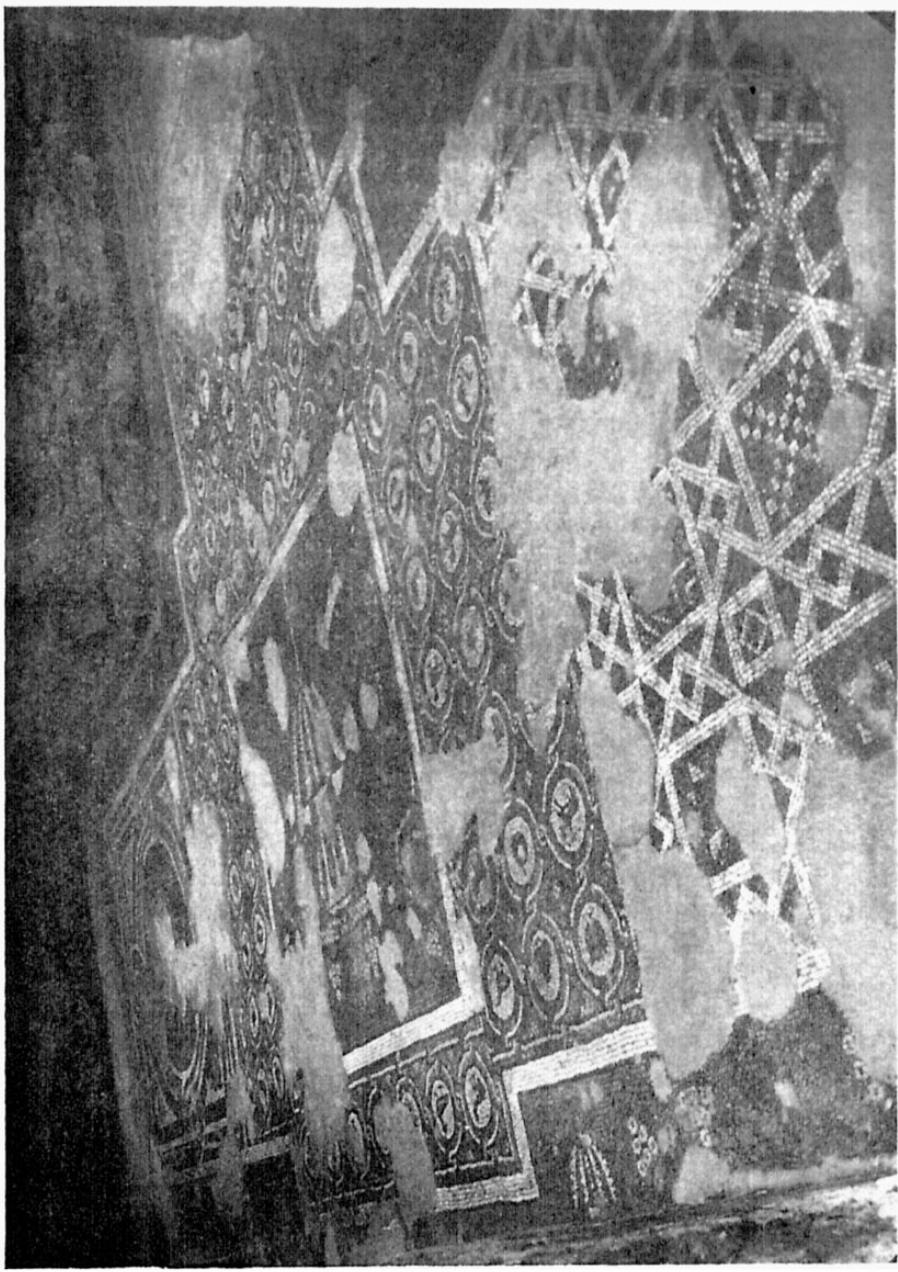
Сзади храма оказалась небольшая часовня съ абсидной стѣной. Она, конечно въ болѣе позднее время, превращена въ усыпальницу и сама по себѣ не представляетъ интереса, но въ ней найденъ крайне любопытный памятникъ несомнѣнно древнегреческой эпохи: это — мраморный кубовидный пьедесталъ ($18 \times 18 \times 23$ сантим.) съ карнизиками, кромѣ одной стороны, очевидно прислонявшійся къ стѣнѣ, и на немъ надбитая въ верхушкѣ палица Геркулеса (56 сант.), сдѣланная изъ того же куска мрамора. Возможно, что и этотъ остатокъ античнаго искусства, какъ и капитель, служилъ ставникомъ въ обѣднѣвшей часовнѣ или храмѣ (Косцюшко). Между часовней и храмомъ — слѣды фундаментовъ, вѣроятно, жилыхъ помѣщений.

Всѣ эти сооруженія вмѣстѣ съ храмомъ обнесены были, судя по остаткамъ, прочной стѣной, настолько прочной, что Бертье-Делагардъ считаетъ ее крѣпостной оградой, воздвигнутой на случай нападенія на богатый въ свое время загородный кладбищенскій храмъ.

Въ ю.-в. углу ограды ходъ въ подземелье съ колодцемъ, о которомъ мы сказали выше и который принимали за колодезь временъ Владимира. Однако всякий, кто возьметъ на себя трудъ спуститься сюда и бросить на этотъ подземный источникъ хотя бѣглый взглядъ, сразу увидитъ, что этотъ маленькій источникъ могъ только обслуживать храмъ съ его службами,

¹⁾ Стадія, какъ ново-греч. мѣра пути, около 575 саж.; древняя греч. стадія — всего 70 саж.

Мозаичный полъ крестообразнаго храма.

а не цѣлый городъ. Да и самыи источникъ спрятанъ глубоко въ подземельѣ, и изъ него нѣть трубъ въ городъ, а въ лѣтописи прямо сказано, что князь приказалъ копать поперекъ водостоки, и лежали они, какъ мы знаемъ изъ лѣтописи и раскопокъ, въ другомъ направлениі.

Косцюшко, увлеченный этими находками, готовъ былъ считать подземный ходъ къ колодцу «криптої, напоминающей римскія катакомбы первыхъ вѣковъ христіанства, которая могла служить усыпальницей особо чтимаго праведника, въ галлереяхъ же могли происходить тайныя собранія христіанъ и храниться казна и цѣнная церковная утварь». Послѣднее, конечно, возможно; но съ первымъ никакъ согласиться нельзя, такъ какъ здѣсь и вдвоемъ пройти тѣсно. Однако вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію покойнаго археолога и раздѣляемъ его чувства, когда онъ говорить: «стоя на этомъ мѣстѣ, невольно испытываешь совсѣмъ особое чувство, проникающее глубокимъуваженіемъ къ этому мѣсту и сознаніемъ, что здѣсь разбросаны остатки какого-то драгоценнаго исторического памятника».

XXVIII.

Общій взглядъ на храмы византійскаго Херсонеса. Многочисленность храмовъ; время постройки; благолѣпіе; раздробленіе и разрушеніе ихъ.

Теперь бросимъ общій ретроспективный взглядъ на открытые храмы и часовни Херсонеса. Прежде всего поражаетъ ихъ многочисленность; на небольшой площади раскопокъ ихъ цѣлые десятки. Не надо однако думать, что они выросли быстро одна за другой и существовали одновременно. Нисколько,—мы уже знаемъ изъ исторіи города, что христіанское ученіе хотя и рано озарило этотъ уголокъ, но прививалось здѣсь туго: его давили и далекій Римъ и окружающее безпросвѣтное язычество. Ему не понятны были и высокая нравственность и полное любви ученіе Христа, отвергавшее боговъ, шедшее въ разрѣзъ со всѣми обычаями и привычками языческаго общества, которое приняло христіанство за вредную ересь, подрывавшую государственные устои и авторитетъ кесарей. Недовѣrie къ христіанамъ на окраинахъ имперіи держалось еще много вѣковъ послѣ миланскаго эдикта. Если помните изъ историческаго очерка, въ срединѣ VII вѣка еп. Мартинъ, сосланный въ Херсонесъ Константомъ II за нежеланіе признать монофелитское ученіе, ко-

торое поддерживалъ суровый Константъ, жалуется въ письмахъ своимъ далекимъ друзьямъ на дикие нравы населенія Херсонеса, называя его языческимъ или обратившимся въ язычество; а на два вѣка позднѣе въ житіи апостола Андрея Первозванного читаемъ: «Херсаки же (т. е. херсонитянѣ)—народъ коварный и до нынѣшняго дня туги на вѣру, лгуны и поддаются влечению всякаго вѣтра».

Такимъ образомъ въ Херсонесѣ, какъ и другихъ мѣстахъ, христіанскіе храмы возникали постепенно, рушились временемъ или людьми, и на ихъ мѣстѣ или въ близкомъ сосѣдствѣ возникали другие изъ остатковъ прежнихъ; особенно это относится къ Херсонесу послѣднихъ вѣковъ.

Когда появился въ Херсонесѣ первый христіанскій храмъ, обѣ этомъ можно говорить только гадательно; ни исторія, ни археологія города не даютъ на этотъ вопросъ положительного отвѣта. Полагаю—въ срединѣ IV вѣка. Въ жизни еп. Капитона, присланного сюда Константиномъ Великимъ для проповѣди христіанства подъ охраной 500 стражниковъ, говорится, что онъ построилъ храмъ во имя ап. Петра и крестильню, и то послѣ чуда и примиренія съ язычниками. А до этого, судя по тому, что главныхъ предшественниковъ еп. Капитона замучили или изгнали изъ города, христіанскихъ храмовъ не было, и для молитвы христіане собирались въ отдѣльныхъ домахъ или за городомъ въ большихъ пещерахъ и семейныхъ усыпальницахъ, каковыя для данного случая можно назвать катакомбами. Именно о такихъ 75 церквяхъ, обрѣтенныхъ еп. Климентомъ въ Херсонесѣ, и говорится въ его житіи. По крайней мѣрѣ я такъ понимаю это мѣсто.

Благодаря нетерпимому отношенію язычниковъ къ христіанамъ, отъ первыхъ вѣковъ христіанства въ памятникахъ искусства ничего не дошло до насъ и не могло дойти. «Гонимые, поглощенные упорной борьбой и тяжелыми испытаніями христіане, говоритъ ак. Байе, не только ничего не думали обѣ искусствѣ, но даже боялись проявлять себя вѣшнимъ образомъ, такъ какъ это грозило опасностью жизни, и если въ катакомбахъ иногда и рѣшались картино выразить свое вѣроученіе, то и то символически: Христа изображали въ видѣ юнаго пастушка, «доброго Пастыря» съ безпорочнымъ агнцемъ на плечахъ, корабль служилъ образомъ церкви, бѣлый голубь являлъ собой духовную чистоту и образъ Духа. Святого, рыбы, которые въ римскихъ катакомбахъ встречаются особенно часто, образъ души, исторгнутой галилейскими рыбарями изъ глубины

гибели и возрожденной къ новой жизни водой, т. е. крещениемъ; кроме того въ словѣ рыба, читая по-гречески (ΙΧΘΥΣ), находятся начальные буквы имени Спасителя міра: Иисусъ Христосъ Сынъ Бога Спасителя». Остатки этой символики, какъ увидимъ ниже, остались кое-гдѣ и въ дошедшихъ до нась христіанскихъ памятникахъ Херсонеса.

При такихъ условіяхъ паства еп. Капитона была и мала и бѣдна и могла выстроить только убогій храмъ, и именно построить, потому что при могуществѣ язычниковъ, державшихъ въ рукахъ своихъ власть, врядли христіане рѣшились бы воспользоваться для своего храма языческимъ капищемъ боговъ; и одни и другіе считали бы это скверной. И такъ, надо полагать, первый христіанскій храмъ въ Херсонесѣ и крещальня при немъ были и малы и бѣдны; но вполнѣ вѣроятно, что на ихъ мѣстѣ внослѣдствіи возникли большой и богатый христіанскій храмъ и такая же крещальня. Возможно, что базилика, носящая имя гр. Уварова, и была храмомъ ап. Петра, а наша крещальня построена въ память еп. Капитона. Тщательные изслѣдованія «херсонесскихъ житій» приводятъ Латышева именно къ этой мысли. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ, что остатки пристроекъ, окружавшихъ крещальню, принадлежали храму еп. Капитона. Пристойки эти, несомнѣнно, позднѣйшаго происхожденія, когда отъ храма Капитона, если онъ былъ не осталось и слѣдовъ.

Особенно много появилось церквей въ Херсонесѣ, надо полагать, въ долгій періодъ иконоборческой смуты, захватившей періодъ болѣе вѣка (726—842), когда масса монашества и духовенства, почитавшаго иконы, не пожелавъ принять участія въ нечестивой ереси, ушла изъ Византіи и нашла себѣ убѣжище въ Херсонесѣ и другихъ городахъ Тавриды по берегу Понта Эвксинскаго. Здѣсь ревнители, особенно изъ высшаго духовенства и богатыхъ людей, строили храмы и часовни во спасеніе душъ и чистаго почитанія иконъ, благолѣнио украшая ихъ мозаикой и фресками. Такимъ образомъ, вокругъ главныхъ храмовъ возникли съ годами храмики и часовни. Этими, какъ намъ кажется, можно объяснить распределеніе херсонесскихъ храмовъ и часовень группами или, какъ говорить Кондаковъ, «священными участками», вродѣ маленькихъ лавръ, при которыхъ, какъ и въ наше время, были страннопріимные дома, ютившіе странниковъ и гонимыхъ.

Судя по раскопкамъ, главнымъ центромъ храмовъ была площадь, на которой теперь высится соборъ, и надо думать,

что бѣдные остатки нѣкогда богатаго и роскошно отдельаннаго храма (это подтверждаютъ раскопки Крузе) представляютъ собой остатки главнаго храма византійскаго Херсонеса, выстроеннаго до нѣкоторой степени по образцу или въ подражаніе пльнившаго весь востокъ и западъ константинопольскаго храма св. Софіи, олицетворявшей собой Премудрость Божію, имя которой могъ носить и нашъ храмъ. Время его сооруженія, его центральное положеніе среди другихъ храмовъ, его прочность, богатство и роскошь отдѣлки очень говорять за это.

Въ лучшій періодъ византійской эпохи, когда Херсонесъ велъ обширную торговли и съ далекимъ востокомъ и съ «Великою Скиїєю», т. е. Южною Русью, когда въ Херсонесѣ было много богатыхъ торговыхъ людей и заморскихъ гостей, такіе храмы онъ могъ строить и поддерживать ихъ благолѣпіе, привлекавшее сторонниковъ ученія Христа. И въ лучшую пору, повторяемъ, богатство и благолѣпіе здѣсь были велики. Когда Владіміръ надумалъ принять христіанство, то спрашивалъ своихъ бояръ: «Кудаѣхать креститься, въ Царь-градъ или Корсунь?» Онъ не зналъ, что выбрать: и то и другое казалось равнозначнымъ, и бояре отвѣчали: «Куда тебѣ любо, князь», — и тѣмъ соглашались съ нимъ.

Послѣ этого какъ-то странно звучатъ слова Бертье-Делагарда, и понимающаго высокую цѣнность остатковъ херсонесскихъ храмовъ и въ то же время желающаго окончательно ихъ обезцѣнить. «О дешевизнѣ херсонесскихъ мраморовъ мы имѣемъ, къ счастью, говорить онъ съ ироніей, даже и прямая свидѣтельства надписей: такъ на колоннахъ, найденныхъ гр. Уваровымъ, высѣчена цѣна ихъ въ 250—300 денаріевъ, конечно, съ капителью и базой, что составить 15—20 руб. на наши деньги. Въ настоящее время такія колонны стоять рублей по 700 и дѣйствительно могутъ служить признакомъ роскоши. Самое обозначеніе на колоннѣ такого мелкаго (?) пожертвованія немногого говорить въ пользу роскоши». Странный выводъ. Выходить такъ, что красота и вся роскошь колонны зависить не отъ самой колонны, а отъ ея цѣны. Послѣ этого придется думать, что золото, обмѣненное Колумбомъ и Пизарро у мексиканцевъ на мѣдные и стеклянныя бездѣлушки, потеряло свою цѣнность и перестало быть золотомъ. Впрочемъ, здѣсь почтенный археологъ позволяетъ себѣ и завѣдомую неточность. Ему, конечно, хорошо извѣстно, что серебряный динаръ равнялся 17—18 нашимъ копейкамъ. Значитъ, и по тому времени колонна цѣнилась 40—50 руб. Но мы знаемъ, что были еще и золотые

динарии, которые стоили въ 25 разъ дороже. И о какихъ динарияхъ говорится на колоннахъ, кто знаетъ?

Съ упадкомъ торговли и падениемъ Византіи падаль и Херсонесъ и благолѣпіе его храмовъ; обѣднѣвшіе жители города, тѣснимые венеціанцами, генуэзцами и турками, уже не въ состояніи были поддерживать того, что оставалось еще неразрушеннымъ. Однако, несмотря на всѣ невзгоды, еще въ половинѣ XIV вѣка Херсонесъ былъ довольно богатымъ градомъ; иначе не пошли бы сюда, въ далекое заморье, жадные генуэзы, и, отправляясь въ Херсонесъ, они, конечно, имѣли въ виду хорошую добычу, а не военную прогулку. Но время дѣлало свое, а люди продолжали его разрушительную работу. Херсонесъ замѣтно бѣднѣлъ и падалъ, и на его развалинахъ преданные православію херсонаситы съ такимъ же упорствомъ возстановляли рушащіяся церкви, какъ нѣкогда ихъ предки отстаивали свое язычество. Не думаю, чтобы люди строили церкви, хотя бы самыя бѣдныя, безъ нужды, безъ духовной потребности въ нихъ. И мало было построить, нужно было еще поддерживать и содержать ихъ со всѣмъ церковно-служительскимъ штатомъ. Но, какъ мы знаемъ изъ исторического очерка, ходъ событий и люди были противъ Херсонеса, и онъ, разграбленный и почти умирающій, погибъ окончательно послѣ страшнаго пожара, слѣды котораго видны въ каждой большой раскопкѣ и отъ котораго бѣжалъ и старъ и младъ, а кто не успѣлъ, тотъ погибъ подъ горящими кровлями; находки обгорѣвшихъ скелетовъ ребенка и взрослого среди грудъ пепла такъ картино говорятъ о послѣднихъ минутахъ Херсонеса, такъ мужественно отстаивавшаго свое православіе.

Послѣ этого станетъ понятнымъ, почему такъ сравнительно мало дошло до насъ цѣнныхъ и цѣльныхъ церковныхъ вещей, которая легко могъ унести при любой катастрофѣ каждый, и врагъ и свой, и осталась такая масса въ обломкахъ, ненужныхъ ни грабившимъ, ни покидавшимъ или бѣжавшимъ изъ города, но очень цѣнныхъ для насъ, такъ какъ часто по обломкамъ легко восстановить или представить себѣ цѣлое и тѣмъ возсоздать даже мелочи византійской жизни Херсонеса. Такихъ обломковъ, повторяемъ, дошло до насъ очень много, и нѣть силь перечесть и назвать все, что найдено, да и это—дѣло специалистовъ. И здѣсь мы укажемъ только болѣе интересное, типичное или поучительное, и также начнемъ съ церковныхъ находокъ, а затѣмъ перейдемъ къ описанію обыденныхъ вещей.

XXIX.

Церковные находки. Ковчегъ съ мошами. Престольная и преградная доски. Мраморы съ религиозными изображеніями. Статуэтка Доброго Пастыря. Священные изображенія на шиферныхъ доскахъ. Образъ Георгія Побѣдоносца и Димитрія Солунскаго. Бронзовые образки. Ставники, паникадила, курильницы, кресты и т. п.

Самой интересной и цѣнной церковной находкой былъ, конечно, описанный нами выше серебряный ковчегъ съ останками святителя церкви; какъ бы въ дополненіе къ нему, въ «базиликѣ съ крестомъ» были найдены обломки маленькаго мраморного ковчега, тоже, очевидно, нѣкогда хранившаго частицу останковъ, но при грабежѣ или разрушеніи храма разбитаго и брошенаго, какъ ненужная вещь.

Изъ принадлежностей алтаря были найдены обломки мраморныхъ престольныхъ досокъ или подставокъ къ нимъ въ видѣ разнообразныхъ каменныхъ и мраморныхъ тумбъ, каковыя въ позднѣйшее наиболѣе бѣдное время замѣняли, какъ мы видѣли, капители. Интересно, что престольная доска, а съ нею и престолъ часто упирались прямо въ стѣну, а не стояли, какъ нынѣ, посрединѣ алтаря.

Среди предметовъ, служившихъ украшеніемъ храмовъ, дошло до насъ не мало мраморныхъ преградныхъ досокъ, служившихъ панелью или нижней частью древней алтарной преграды (иконостаса). Часть такихъ досокъ дошла цѣлыми, но большая часть въ обломкахъ. На нихъ обязательно какой-нибудь барельефный орнаментъ, хотя бы въ видѣ параллелограмма, окаймленнаго рамкой, чаще—изображеніе типичнаго короткоконечнаго съ расширенными концами византійскаго креста, иногда съ обѣихъ сторонъ доски. Рѣже встрѣчаются фигурныя изображенія. Такъ, въ «храмѣ съ ковчегомъ» найдены были обломки досокъ; на одномъ изъ нихъ въ барельефномъ кругу, украшенномъ орнаментикой, изображены барельефомъ же двѣ плывущія въ одну сторону рыбки—несомнѣнныій остатокъ древнѣйшей христіанской символики; на другомъ также изображены гранатовое и слиновое дерево съ обильными сочными плодами.

Найдены еще небольшіе обломки мраморовъ (всего три) съ остатками церковныхъ изображеній; на одномъ изъ такихъ фрагментовъ (20×23 сант.), открытомъ въ склепѣ некрополя, сохранился верхній уголъ вырезаннаго вглубь рисунка, изображающаго юную безбородую личность, окруженную нимбомъ (лучезарнымъ вѣнцомъ); фигура подаетъ правую руку человѣку,

стоящему въ умоляющей позѣ, очевидно въ лодкѣ, такъ какъ сбоку видны часть паруса и мачты. По объясненію проф. Покровскаго, здѣсь изображено евангельское сказаніе о хожденіи Христа по водамъ, причемъ Онъ подаеть руку помощи ап. Петру, находящемуся у лодки. Надъ изображеніемъ тщательно вырѣзана греческая надпись, въ аббревіатурахъ которой сохранилась только начальная часть, но по началу ея не трудно догадаться и о концѣ. Примѣнительно къ изображенію Латышевъ дополняетъ и переводить надпись такъ:

Гос(подь) Іису(съ) подающій по(мощь св. Петру).

Критеріемъ для опредѣленія времени появленія памятника, по мнѣнію Покровскаго, можетъ служить древнѣйшій безбороды ликъ Христа, на основаніи которого можно предположить, что сцена эта, трактованная въ древнѣйшемъ византійскомъ стилѣ, относится къ V—VI вѣку. Покровскій кромѣ этого полагаетъ, что хотя обломокъ и найденъ въ склепѣ, но все же, судя по тонкости доски, онъ не могъ служить надгробiemъ и попалъ сюда изъ храма.

Затѣмъ у кладбищенскаго храма найдено восемь кусочковъ съ рельефной рѣзьбой на мраморной плитѣ. Склейвъ, получили часть образа (26×22 сант.), отъ которого сохранилась средняя часть благословляющей фигуры, держащей въ лѣвой рукѣ крестъ на высокомъ посохѣ. а рядомъ слѣва—фигура поменьше, по виду и костюму женская, стоящая подъ смоковницей съ молитвенно распростертymi руками, причемъ правая держится за крестъ. По содержанію и трактованію, фрагментъ изображаетъ Воздвиженіе Креста Господня (?). Наконецъ, найденъ еще небольшой мраморный осколокъ, на которомъ изображена голова и часть туловища какого-то святого (?). Лицо юное, безъ бороды.

Но, повторяемъ, такія находки рѣдки уже потому, какъ говорить Байе, что «скульптура никогда не занимала въ византійскомъ искусствѣ мѣста, равнаго живописи. Уже съ первыхъ вѣковъ существованія Византіи большая скульптура оказалась въ пренебреженіи; позднѣѣ даже барельефы, рѣзанные на мраморѣ или просто на камнѣ, становятся столь рѣдкими, что можно думать (правда, ошибочно), точно греческая церковь совершенно запрещала скульптуру; и во всякомъ случаѣ она ей не благопріятствовала, и скульптура ограничивалась раздѣлкой капителей, фризовъ¹⁾, орнаментикой и мелкими подѣлками».

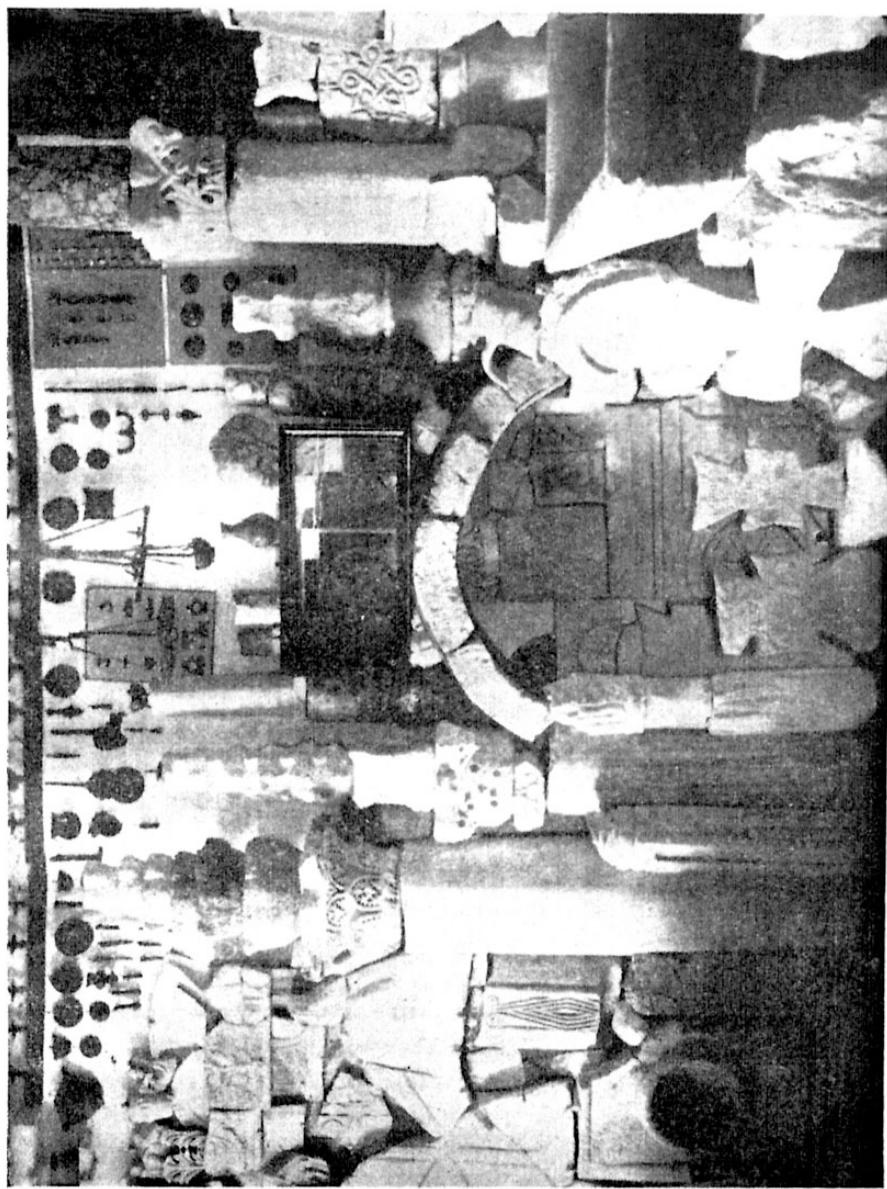
¹⁾ Часть выступа ниже карниза.

Мраморныя и терракотовыя изображенія Христа, апостоловъ и святыхъ были почти немыслимы въ византійской періодъ, особенно послѣ того, какъ сухой и суровый аскетизмъ пустилъ широкіе корни, такъ какъ они напоминали бы идолъскіе образы языческихъ боговъ, а отсюда недалеко отъ соблазна и отъ впаденія вновь въ язычество. Не было почвы для развитія архитектуры и терракоты, и въ свѣтлой жизни античный грекъ черпалъ вдохновеніе въ миѳахъ, жизни боговъ и въ богатыхъ, красиво задрапированныхъ формахъ человѣка. Но христіанство изгнало боговъ, не признавало миѳовъ, а красивыя формы людей считало соблазномъ. Такимъ образомъ закрылись и изсякли источники высокаго рода искусства. Поэтому находки части статуэтки Доброго Пастыря въ видѣ молодой, кудрявой головки съ барашкомъ на шеѣ и обломковъ бѣлыхъ мраморныхъ голубей, нѣкогда служившихъ украшеніемъ алтарной части храма, надо считать очень цѣнными.

Сюда же относятся и найденные священныя изображенія на шиферныхъ дощечкахъ. Наиболѣе интересное изъ нихъ указано нами выше,—это образъ св. Георгія Побѣдоносца и Димитрія Солунскаго. Если припомните, въ одномъ изъ помѣщеній позднѣйшаго византійскаго Херсонеса въ тщательно просѣянной землѣ было найдено болѣе тридцати тонкихъ шиферныхъ осколковъ, собравъ и склеивъ которые, Косцюшко получилъ почти полный образъ (изъ 18×12 сант.), представляющій св. Георгія Побѣдоносца во весь ростъ въ кольчугѣ, съ копьемъ въ правой руцѣ и со щитомъ—въ лѣвой; св. Димитрій изображенъ въ такомъ же одѣяніи и извлекающимъ мощный мечъ изъ ноженъ. Исполненъ образъ легкимъ рельефомъ, очень тщательно даже въ деталяхъ. На образѣ мѣстами остатки позолоты, а вверху по сторонамъ обычна отвѣсная надпись по-гречески: «св. Георгій, св. Димитрій». Такое изображеніе св. Георгія не на конѣ, попирающемъ змія, специалисты церковной живописи считаютъ болѣе древнимъ. Судя по размѣрамъ, образокъ могъ служить украшеніемъ не только храма, но и священнаго уголка обыкновенныхъ покоевъ.

Кромѣ этого найдены еще два маленькихъ осколка шиферныхъ образковъ; на одномъ изъ нихъ изображена группа изъ трехъ молящихся въ просительной позѣ, а на другомъ—рельефное изображеніе сидящаго на византійскомъ тронѣ Христа Спасителя (?), отъ которого сохранилась только нижняя часть. Въ послѣднее время найденъ еще такой же обломокъ со слѣдами позолоты и изображеніемъ какого-то святого, и обломокъ

Найденки християнського періоду.

подобного изображения (Богоматери?) изъ простой глины (терракоты).

Въ монастырскомъ винограднике однимъ изъ братіи найденъ почти круглый (изъ 4×5 сант.) бронзовый образокъ, по видимому, одного изъ евангелистовъ. Въ городищѣ найденъ разломанный, но сохранившійся почти полностью, старательно и умѣло исполненный поясной образокъ (6×5 сантим.), какъ видно изъ надписи, евангелиста Луки съ евангелемъ въ лѣвой руцѣ, какъ обыкновенно изображаютъ его и понынѣ. По краямъ — четыре симметрично расположенные дырочки, которые указываютъ, что образокъ былъ прикрепленъ къ крышкѣ, вѣроятнѣе всего, евангелія.

Особаго вниманія заслуживаетъ образокъ-медальонъ съ эмалевымъ изображеніемъ Распятія, найденный въ одномъ изъ храмовъ и помѣщенный впослѣдствіи на митрѣ, хранящейся въ ризницѣ собора св. Владимира. Христосъ препоясанъ платомъ. «По тонамъ эмалевыхъ красокъ, говоритъ Кондаковъ, особенно по восковому отливу тѣней, эмаль относится къ XI ст.».

Очень интересенъ еще мѣдный обтянутый золотой пластинкой образокъ (изъ 6¹/₂×5 сант.) Богоматери съ Младенцемъ самого поздняго византійскаго времени и, судя по хорошему выполнению, вѣроятно не византійской, а итальянской работы; и этому нисколько не противорѣчить неразборчивая греческая надпись по краю иконки, которую Латышевъ пытается восстановить и понимаетъ такъ: «Господи, помоги рабу твоему Василію и economy». Имѣются слѣды надписи и на оборотной сторонѣ, но о содержаніи ея можно говорить только гадательно.

Всѣ изображенія на указанныхъ нами образкахъ, кроме послѣдняго, типичнаго византійскаго стиля, совершенно оторвавшагося отъ действительной жизни и вылившагося въ строго опредѣленныя формы и даже линіи, настолько, такъ сказать, обязательныя въ иконографіи уже того времени, что даже по даннымъ нашихъ осколковъ безъ особой фантазіи можно восстановить цѣлое и весь образъ.

Изъ церковныхъ принадлежностей алтаря сохранились обломки большихъ мраморныхъ и глиняныхъ чашъ, напоминающихъ античныя патеры, въ которыя греки-язычники собирали кровь жертвенныхъ животныхъ и возливали ее на алтарь и огонь, курившійся передъ богами; а здѣсь такія же патеры служили при совершенніи евхаристіи для собиранія частицъ без-

кровного агнца. Такъ, въ одномъ изъ переулковъ городища въ слоѣ земли была найдена масса однообразныхъ глиняныхъ краснолаковыхъ осколковъ. Ихъ собрали 32 штуки, и когда сложили и склеили, то получили почти полностью такую церковную чаши-патеру около 40 сант. въ поперечникъ и 6 высоты; въ срединѣ ея, въ кругу, рѣзанное вглубь изображеніе фигуры въ ростъ съ юнымъ безбородымъ лицомъ, въ лѣвой рукѣ ея большой четырех-конечный крестъ древнѣйшаго вида съ украшеніями, правая сложена для благословенія, надъ головой и по сторонамъ по голубю одинакового вида, очевидно штампованные; глина и лакъ, замѣчаетъ Косцюшко, высокаго качества, какъ на лучшей посудѣ римской эпохи, да и лицо носить римскій типъ. Несомнѣнно, это произведеніе очень ранней эпохи, и возможно, что это одно изъ самыхъ раннихъ изображеній Христа.

Не менѣе интересенъ штампованый, въ видѣ выпуклой звѣзды дискъ изъ листовой бронзы въ 18 сант. въ діаметрѣ, съ кольцомъ въ центрѣ выпуклой части; онъ напоминаетъ современную музыкальную тарелку—древній кимвалъ, каковой и нынѣ употребляется въ Абиссиніи при богослуженіи вместо звонка. Косцюшко со словъ кого-то изъ специалистовъ полагалъ, что и здѣсь, въ Херсонесѣ, дискъ могъ служить для той же цѣли, но мнѣ кажется, что это просто крышка къ дискосу или потиру.

Изъ другихъ принадлежностей церкви найдены: въ храмѣ съ ковчегомъ—бронзовый подсвѣчникъ безъ верхней части, судя по размѣрамъ и работѣ, стоявшій въ алтарѣ или даже на престолѣ, затѣмъ—нѣсколько желѣзныхъ и бронзовыхъ высокихъ подставокъ на ножкахъ (около 80 сант. высоты) съ остроконечными стержнями, очевидно, для надѣванія на нихъ лампочекъ съ масломъ, служившихъ для освѣщенія. Но до настѣ эти ставники, нѣкогда богато украшенные штампованымъ серебромъ и бронзой, благодаря пожару и времени, дошли покрытыми толстымъ слоемъ изуродовавшей ихъ ржавчины, и, глядя на ихъ жалкіе остатки, переносишься въ далекое прошлое нашей церкви и истории христіанского Херсонеса.

Найдено нѣсколько сравнительно хорошо сохранившихся бронзовыхъ паникадилъ и много кусковъ разныхъ цѣлей къ нимъ. На одной изъ цѣпей, между звеньями ея колецъ, большія пластинки, украшенныя изображеніями Христа и Богоматери съ инициалами IC—ХР и МР—ОМ, т. е. Іисусъ Христосъ и Марія Богоматерь. Вмѣстѣ съ этимъ найдены и кронштейны съ крючками для подвѣшиванія этихъ лампадъ. Одинъ изъ та-

кихъ кронштейновъ оказался съ крючкомъ очень оригинальной формы, украшеннымъ вверху красивымъ двойнымъ крестомъ.

Найдено еще нѣсколько курильницъ (кадильницъ). Древнейшія очень простой формы. Такъ, курильница, найденная Уваровымъ въ семейномъ склепѣ IV в., представляла собой гладкое низенькое ведерко на трехъ ножкахъ и трехъ гладкихъ цѣпочкахъ; въ ней лежали угли и зола, вѣроятно, отъ ладона или другого благовонного вещества. На болѣе позднихъ курильницахъ (всегда сильно испорченныхъ) помѣщаются штампованные изображенія святыхъ или даже цѣлые священные сцены. Такъ, на одной изъ нихъ изображено: Воскресеніе,—съ навѣсомъ у гроба, справа ангель, слѣва жена мироносица,—цѣлованіе Елизаветы и Маріи, Рождество Христово въ древнемъ изводѣ, съ ангелами и настырями, Крещеніе и распятіе Господне, по низу бюсты апостоловъ и святыхъ. Распятый Христосъ представляется въ длинномъ колобіи, т. е. безрукавной сорочкѣ, доходящей до пять. «Эта манера изображенія, говоритъ Кондаковъ, господствовала въ византійскомъ искусствѣ до конца X вѣка, а затѣмъ замѣнилась изображеніемъ Христа преображеніемъ платомъ», что исторически тоже невѣрно: казнимыхъ крестомъ обнажали совершенно, и одежды ихъ дѣлали исполнители казни между собой. Точность требуетъ сказать, что кадило это найдено не въ Херсонесѣ, а въ другомъ мѣстѣ Крыма, но несомнѣнно, что такія же курильницы были и въ Херсонесѣ. Относительно этихъ находокъ Кондаковъ дѣлаетъ такое общее замѣчаніе: «Грубыя и тяжеловѣсныя кадила, находимыя въ развалинахъ церквей Судака, Феодосіи и Херсонеса, замѣчательны болѣе своимъ архаизмомъ, чѣмъ достоинствомъ исполненія. Тождество нѣкоторыхъ экземпляровъ доказывается, что они дѣлались по шаблону, изготовленному, вѣроятно, въ Греціи, и тогда какъ греческія кадила дѣлались обычно изъ тонкаго листа и исполнялись чеканомъ, эти исполнялись литьемъ и послѣ того слабо проходились рѣзцомъ для выясненія фігуръ».

Горааздо чаще кадильница попадаются большиe полые кресты-энколпіоны, вродѣ современныхъ наперсныхъ, съ вышуканнымъ изображеніемъ распятаго Христа на одной сторонѣ и Богоматери или святыхъ въ молящейся позѣ съ распростертыми по сторонамъ руками, занимающими поперечную часть креста. По концамъ креста обычно—начальные буквы имени Христа, изображенія евангелистовъ или апостоловъ, иногда украшенія въ видѣ звѣзды, цвѣтныхъ камней или стеколъ. Энколпіоны

большою частью бронзовые, иногда съ позолотой. Судя по мѣсту ихъ находокъ, работѣ, орнаментациі и сохранности, кресты самыхъ разнообразныхъ вѣковъ, начиная, вѣроятно, отъ V и до XII-го.

Въ одной изъ усыпальницъ былъ найденъ большой бронзовый крестъ (около 15 сант. длины) изъ тонкой пластинки съ кружками на концахъ; на немъ недурно вырѣзано вглубь изображеніе благословляющаго святого въ ростъ, съ надписью въ двухъ вертикальныхъ столбцахъ по-гречески—Іоаннъ Богословъ. На другомъ энколпіонѣ уже грубой византійской работы такая же фигура съ надписью—Георгій. На одномъ изъ крестовъ изображеніе святого межъ двухъ стройныхъ кипарисовъ и надпись, конечно по-гречески, Іоаннъ.

Изъ всѣхъ найденныхъ энколпіоновъ обращаетъ на себя вниманіе большой бронзовый, около 15 сант. длины, превосходной сохранности; на обѣихъ сторонахъ его выпуклый изображенія: на лицевой—Распятіе, съ инициалами Христа, а на концахъ—лики Богоматери и Іоанна (Богослова), за что опредѣленно говорить надпись подъ руками Распятія, на другой сторонѣ—въ ростъ Богоматерь съ Младенцемъ и по краямъ—не вполнѣ ясные лики апостоловъ или евангелистовъ (?).

Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что на древнѣйшихъ крестахъ отсутствуетъ изображеніе Распятія; церковные историки объясняютъ это темъ, что въ первые вѣка христіанства, когда крестъ считался орудіемъ пытки и казни и соотвѣтствовалъ вполнѣ современному представленію о висѣлицѣ, какъ самомъ позорномъ орудіи казни, назначавшемся только рабамъ и презрѣннымъ преступникамъ, недостойнымъ даже отсеченія головы, а въ дальнѣйшемъ напоминалъ весь ужасъ гоненій, первые христіане избѣгали даже изображеній креста, а изображеніе Христа на позорномъ орудіи казни могло слишкомъ удручающе дѣйствовать на воображеніе новообращенныхъ и въ то же время возбуждать насмѣшки язычниковъ надъ распятымъ Господомъ. Апостоль Павелъ въ посланіи къ коринфянамъ (1,23) прямо говоритъ, что «проповѣданіе вѣры въ Распятаго кажется грекамъ безуміемъ».

Позднѣе на крестахъ, какъ и на другихъ церковныхъ предметахъ, распятый Христосъ изображался много вѣковъ въ длинной сорочкѣ, что, какъ сказано, исторически невѣрно; но христіане долго не могли примириться съ поклоненіемъ обнаженному тѣлу. Равно невѣрно общепринятое въ христіанскомъ мірѣ четырехконечное изображеніе креста. Орудіемъ казни служилъ

собственно не крестъ, а столбъ съ перекладиной въ видѣ буквъ Т, къ которой и прикрепляли веревками казниаго, управляющаго ногами въ прибитую подставку, а затѣмъ его уже пригвождали. Надь головой казненнаго укрѣплялась доска, которая до этого носилась на шеѣ и на которой, какъ и у насъ еще въ недавнее время, означался родъ преступленія; и вотъ эта-то доска и давала форму креста, принятаго всѣмъ христіанскимъ міромъ. Отсюда ясно, что исторически невѣрно изображать надпись на крестѣ въ видѣ извивающейся хартіи, что видимъ такъ часто. Равно намъ кажется невѣрнымъ изображать крестъ Распятія хорошо отесаннымъ и, можно сказать, отдѣланнымъ. Въ дѣйствительности этого, конечно, не было; трудно предполагать, чтобы для самой позорной по возврѣніямъ времени казни, которую довершали птицы небесныя, заботились объ отдѣлкѣ орудія ея; предполагать же здѣсь участіе учениковъ и друзей — невозможно. Отсутствіе на Распятіяхъ веревокъ, крѣпившихъ руки, и, напротивъ, появленіе опоясывающаго платка и отдѣлки креста — это уступка эстетическимъ требованіямъ и идеализація события. Интересенъ фактъ: въ погребеніяхъ, находящихся въ христіанскихъ храмахъ, почти нѣтъ крестовъ (Леперъ).

Извинившись за это маленькое отступленіе, продолжаю описание находокъ. Помимо энколпіоновъ, найдено много маленькихъ бронзовыхъ, золоченыхъ или костяныхъ тѣльныхъ крестиковъ, какіе и понынѣ массой идутъ въ народъ, особенно въ мѣстахъ поклоненій.

Изъ предметовъ, относящихся непосредственно къ церкви, интересны девять бронзовыхъ пластинокъ, найденныхъ въ кучѣ мусора одного изъ помѣщеній; на ихъ лицевой сторонѣ вырѣзаны вглубь изображенія трехнефной базилики въ вертикальномъ сѣченіи. Хотя рисунокъ и сильно поврежденъ, но все же ясно можно разобрать колонны съ капителями и базами разныхъ типовъ, сводчатую крышу средняго нефа и остроконечную—боковыхъ; въ глубинѣ алтарной части—большой равноконечный крестъ съ инициалами, а подъ и надъ изгибами крыши читается греческая надпись ΘΕΟΥ ΧΑΡΙС, т. е. милость Божія. По мнѣнію Лепера, это византійскія гирьки. Эти изображенія прямо рѣшаютъ вопросъ о способѣ перекрытия херсонесскихъ храмовъ. Подобные предметы, можно полагать, мѣстного производства. За это говорить находка двухъ шиферныхъ формочекъ, по объясненію проф. Веселовскаго, служившихъ для отливки; на одной изъ нихъ вырѣзанъ крестикъ, украшенный кружочками, на другой—круглый образокъ, величиной въ трех-

копеечную монету съ неяснымъ пояснымъ изображеніемъ како-то святого, а вокругъ надпись по-гречески: «Господи, помоги носящему». По мнѣнію Латышева, это — собственно не иконка, а амулетъ, обычный у древнихъ христіанъ.

Не менѣе интересна формочка въ видѣ глиняного кружка, размѣромъ небольшого блюдца; на немъ рельефное изображеніе св. Фоки, стоящаго въ лодкѣ съ простертыми къ небу руками; кругомъ греческая надпись: «Благословеніе св. Фоки отъ багадѣльни Херсона». Затѣмъ найдена подобная же печать-формочка; на ней изображены два святыхъ въ длинныхъ одеждахъ, между ними крестъ, по краю обратная надпись, т. е. отъ правой руки къ лѣвой, часть которой отбита и которая читается такъ: «Благословеніе святого и славнаго великомученика (по мнѣнію Латышева—Георгія).

Эти памятники, говорить тотъ же изслѣдователь, «по характеру надписей и стилю изображеній, принадлежать несомнѣнно одной эпохѣ. Для опредѣленія ея, служить главнымъ образомъ священное изображеніе и въ особенности форма креста, которая представляеть разительное сходство съ изображеніями креста на памятникахъ V—VI вв. И во всякомъ случаѣ эти памятники не позднѣе VII в.». Они съ опредѣленностью говорять, что въ это время въ Херсонесѣ существовала багадѣльня, въ которой и раздавались вѣрюющимъ хлѣбцы (просфоры) съ печатью св. Фоки, покровителя моряковъ. Впрочемъ, обѣ этомъ мы уже сказали въ историческомъ очеркѣ.

Этимъ мы заканчиваемъ описание церковныхъ древностей Херсонеса и переходимъ къ описанію хозяйственныхъ и домашнихъ вещей византійского времени.

XXX.

Остатки домашнихъ вещей: посуда, хозяйственная и ремесленная принадлежность, ткани; игры и дѣтскія игрушки. „Археологическій буфѣтъ“.

Среди остатковъ житейского инвентаря преобладаютъ, конечно, посуда и лампочки. Изъ большой посуды на первомъ мѣстѣ надо поставить гигантскіе пиѳосы, которые принадлежать почти исключительно византійскому времени, и только немногіе можно отнести къ античной эпохѣ; но о нихъ мы уже сказали и, не имѣя ничего прибавить, обойдемъ ихъ молчаніемъ. Не стоитъ много говорить и о многочисленныхъ узкогорлыхъ

пузатыхъ глиняныхъ кувшинахъ и кувшинчикахъ, похожихъ на наши графины; ихъ найдены сотни, и въ музѣи они занимаютъ цѣлые полки; по качеству глины и выдѣлки они — точная копія современныхъ узкогорлыхъ кувшиновъ (баклагъ), употребляющихся на нашемъ югѣ деревней. Не всегда можно сказать, особенно если найдены кувшины въ склепѣ безъ даты, какие изъ нихъ принадлежать греко-римской, а какие византійской эпохѣ; въ общемъ античная посуда далеко болѣе высокой выдѣлки и болѣе изящной, стройной формы.

Но въ болѣе дорогой, тонкой посудѣ разница между античной и византійской по истинѣ колоссальна. Въ византійское время керамика рѣзко падаетъ. Черно- и краснолаковая, фигурная посуда изъ тонкой глины легкихъ, изящныхъ формъ въ византійскую эпоху исчезаетъ. Античные формы мало-по-малу вытѣсняются болѣе тяжелыми формами востока съ его нестройной и грубой орнаментацией изъ завитушекъ; не остается безъ вліянія и сосѣдство Великой Скиої. Вместо лаковой, появляется глазурованная (поливная) посуда съ аляповатыми изображеніями какихъ-то миоическихъ птицъ и звѣрей, подъ которыми такъ хочется подписать: «се левъ, а не собака», и только изрѣдка попадаются фигуры людей въ условно застывшихъ византійскихъ интрияхъ. Орнаментика такъ же груба и бесодержательна и въ общемъ очень напоминаетъ орнаментику поливянной посуды деревень юга Россіи: тотъ же желтый или зеленый фонъ съ аляповатыми разводами, первые образцы которыхъ зародились, вѣроятно, въ сосѣдней Великой Скиої. Да и по формѣ это тѣ же южнорусскія миски. Иногда кажется, что черепки такой посуды попали въ мѣстный складъ древностей не изъ развалинъ, а изъ малорусского базара.

Цѣльной посуды въ городищѣ найдено очень мало, но зато — масса днищъ, мисокъ разныхъ размѣровъ. На одномъ изъ нихъ изображено чудовище вродѣ грифа, на другомъ, въ кругу изъ завитковъ, какая-то безобразная птица, схватившая клювомъ извивающуюся змѣю, на третьемъ — пятнистая пантера; на одномъ изъ днищъ изображена типичная монгольская голова съ большими скулами и косымя, узкимъ прорѣзомъ глазъ. Дополнениемъ къ этому можетъ служить ручка отъ крышки большого сосуда въ видѣ уродливой татарской фигуры въ остроконечной шапкѣ и съ рѣденькой бородой. Вспомнивъ, что съ XI—XII в. монголо-татары постоянно толкуются подъ стѣнами Херсонеса и, какъ полагалъ Косцюшко, имѣли здѣсь поселокъ, такое выраженіе на посудѣ временъ злой татарщины не покажется страннымъ.

То же падение искусства сказывается и на мелкой посудѣ: чашечкахъ, кувшинчикахъ, лампочкахъ уже почти не встрѣчаются изящныя и содержательныя античныя фигуры и композиціи,—ихъ смѣняетъ павлинъ, виноградъ, рыба, барашекъ, слабая орнаментація; на нѣкоторыхъ оказались уже кресты. Все это чаще всего находится въ ранне-византійскихъ погребеніяхъ. Среди лампочекъ найдено нѣсколько бронзовыхъ. На одной изъ чашечекъ, по формѣ и размѣрамъ напоминающей наши чайные, находится надпись, конечно, по-гречески: «Пей и веселись!»—вѣроятно, подарокъ ея древнему владѣльцу, любившему выпить. Это же показываетъ, что для воаліяній въ византійское время примѣнялась глиняная посуда.

О стекляной посудѣ византійского Херсонеса трудно сказать что-нибудь определенное; въ городищѣ найдены сравнительно немногочисленные осколки флаконовъ и, напротивъ, громадное количество ножекъ отъ рюмокъ. Въ одной изъ засыпанныхъ цистернъ оказались слои устричныхъ раковинъ, и между ними множество ножекъ отъ рюмокъ; рабочіе, открывшіе это, увѣряли, что здѣсь вблизи былъ ресторанъ... Грубость осколковъ и здѣсь говорить объ упадкѣ индустріи, а бѣдность находокъ — о рѣдкости самой стекляной посуды, представлявшей, очевидно, большую роскошь, недоступную массѣ.

Судя по находкамъ, съ положительностью можно говорить, что большая часть гончарной посуды была мѣстного производства, а стекло было привозное.

Изъ хозяйственныхъ вещей дошло до насть всего больше жернововъ отъ ручныхъ мельницъ всевозможныхъ размѣровъ и качествъ. Численность ихъ ясно показываетъ, что большихъ мельницъ въ то время не было, и каждая семья сама для себя превращала зерно въ крупу и муку.

Часто попадаются ступки каменные и бронзовыя; изъ послѣднихъ интересна одна—массивная, около пяти фунтовъ вѣсомъ, вся въ граняхъ, украшенныхъ рѣзьбой; она, несомнѣнно, принадлежала богатой херсонесской хозяйкѣ.

Изъ металлическихъ вещей—ножи, молотки, петли, гвозди, кресала съ кремнемъ для высыканія огня, какими и понынѣ пользуется наша деревня. Но не найдено ни вилокъ, ни большихъ ложекъ. Отсюда самъ собой выводъ: херсонесская кухня не вызывала необходимости въ этихъ инструментахъ, да и вилку легко могли замѣнить пальцы, а въ лучшемъ случаѣ спичка изъ кости или металла.

Чего найдено много—это замковъ, висячихъ, дверныхъ и сундучныхъ, иногда очень оригинального вида и сохранившихся настолько хорошо, что ясно видна ихъ конструкція; такъ, одинъ изъ висячихъ замковъ имѣть форму лошадки, другой въ видѣ козлика. Устройство одного изъ дверныхъ замковъ оказалось настолько простымъ и остроумнымъ, что инженеръ Третескій счелъ полезнымъ описать его въ *Извѣстіяхъ Императорской Археологической Комміссіи* (вып. 16), и вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: «Замковъ такого устройства не дѣлаютъ нигдѣ. Особенность его заключается въ томъ, что при крайней простотѣ онъ обладаетъ всѣми качествами, которыя мы требуемъ въ настоящее время отъ хорошаго замка, имѣть даже то преимущество, что ключъ не можетъ быть вынутъ, не затворивъ замка, почему, вынимая ключъ, можно быть увѣреннымъ, что замокъ закрытъ. Служилъ онъ, безъ сомнѣнія, для запиранія одностворчатой двери. Весь замокъ изъ желѣза и одной кузничной работы безъ употребленія токарнаго станка и, что особенно примѣчательно, безъ пружины».

Рѣдкій случай, гдѣ археологія могла бы принести непосредственную пользу современной промышленности.

Къ замкамъ найдено много оригинальныхъ и причудливой формы ключей; найдено даже нѣсколько перстней съ крючечками въ видѣ бородки ключей, очевидно, отъ ларчиковъ съ драгоценными вещами.

Въ дополненіе къ этому найдено много оригинальныхъ петелекъ и угловыхъ украшеній къ ларцамъ изъ листовой бронзы и рѣзной кости. Одна пара петелекъ представляетъ собой головки кошекъ съ выщеченными глазами. Частыя находки такихъ вещей прямо указываютъ на большое распространеніе сундуковъ и ларцовъ въ византійское время.

Изъ хозяйственныхъ вещей откопаны части нѣсколькихъ безменовъ, этихъ древнѣйшихъ ручныхъ вѣсовъ, которыми еще не прекратила пользоваться наша глушь. Судя по остаткамъ, безмены были самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, до самыхъ маленькихъ, довольно чувствительныхъ; одинъ экземпляръ такового сохранился почти полностью; имъ, вѣроятно, пользовался ювелиръ или врачъ.

Вмѣстѣ съ безменами—много гирь и гирекъ изъ гранита и бронзы. Такъ найдена гранитная гира въ видѣ сплюснутаго шара (эллипсоида) съ мѣткой Е, т. е. 5; вѣсъ ея около 4 нашихъ фунтовъ. Бронзовыя значительно меньшаго вѣса и въ видѣ квадратныхъ пластинокъ съ мѣтками. Въ мусорѣ одного

изъ домовъ найдена бронзовая чашечка около 4 сант. въ діаметрѣ, содержавшая мелкія сильно окислившіяся и почти слившіяся въ одну массу гирьки; очевидно — разновѣсь, принадлежавшій золотыхъ дѣлъ мастеру или врачу. По этимъ находкамъ легко восстановить всю систему херсонесского вѣса.

Откопано много принадлежностей разныхъ промысловъ, ремесль и занятій. Изъ сельско-хозяйственныхъ и каменотесныхъ — лемеши (рала) древней сохи, лопаты, кирки, зубатки. Но особенно много найдено принадлежностей рыбнаго промысла, составлявшаго несомнѣнно главную доходную статью Херсонеса. Если припомните, даже въ договорѣ между русскимъ княземъ Игоремъ и Романомъ I ставится условіемъ не обижать корсунянъ, приходящихъ въ устье Днѣпра ловить рыбу. Отсюда понятна такая масса грузиль и рыболовныхъ крючковъ, которые попадаются въ раскопкахъ буквально на каждомъ шагу. Изъ нихъ во дворѣ склада древностей выложены цѣлые фигуры, и завѣдующій раскопками въ послѣднее время даже пересталъ собирать ихъ. Вмѣстѣ съ этимъ найдено не мало и судовыхъ принадлежностей: якорей, якорныхъ цѣпей, судовыхъ колецъ съ петлями, блоковъ и т. п. Все это то же, что и въ наше время.

Найдено довольно много ножей, простыхъ и формы охотничихъ, и желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій, замѣнившихъ въ то время наше огнестрѣльное оружіе. Время, конечно, не могло сберечь для насъ ни тетивы, ни луковъ. Въ связи съ этимъ въ раскопкахъ часто попадаются оленыи и козыи рога, клыки кабановъ и медвѣдей, каковые въ то время въ изобиліи водились въ таврическихъ горахъ. Козы были въ окрестностяхъ Севастополя (Херсонеса тожъ) еще лѣтъ тридцать назадъ, а въ глубинѣ горъ сохранились и понынѣ; обѣ остальныхъ звѣряхъ говорять преданія и археология.

Рога шли на рѣзныя подѣлки, а клыки — какъ амулеты. Кирка археолога часто открываетъ рѣзныя рукоятки ножей, гребенки, пряжки, застежки, крючки и т. п. На одной изъ пластинокъ вырѣзанъ рельефомъ убѣгающій кабанъ, сзади которого видна стройная голова настигающей его собаки. На пластинкѣ двѣ дырочки, очевидно служившія для прикрепленія ея, вѣроятнѣе всего, къ ручкѣ охотничьяго ножа, на которой изображена часть охотничьеи сцены. Найдена ручка отъ ложечки въ видѣ стройной женской фигуры, рѣзаные уголки для украшенія ларцовъ, переплетовъ и т. п. Отсюда ясно, что этотъ видъ ремесла процвѣталъ въ Херсонесѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Византій-

ской имперіи. И глядя на эти остатки, видишь, что античная любовь къ пластикѣ и къ жизненной правдѣ не умерла еще у византійского грека, но не было почвы, на которой она могла бы снова рости.

Найдены небольшія мраморныя чашки съ носикомъ для слиwanія жидкостей, лезвія тонкихъ ножей, нѣчто вродѣ щипчиковъ. Все это вмѣстѣ съ вѣсами и разновѣсами могло составлять принадлежность херсонесскаго эскулапа. Сюда относятся и многочисленные пестики для растиранія лѣкарственныхъ веществъ и красокъ, которыми такъ злоупотребляли византійскія дамы. Одинъ изъ пестиковъ имѣеть видъ согнутаго подъ угломъ пальца.

Изъ рукодѣльныхъ принадлежностей найдены ножницы, какъ на шарнирѣ, какъ теперь, такъ и въ видѣ пружины, напоминающей букву П, какія и понынѣ употребляются для стрижки овецъ. много наперстковъ, костяныхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ, часто хорошей работы и украшенныхъ рѣзными кружочками, много вязальныхъ иглъ, бронзовыхъ и костяныхъ, и т. п.

Дошли до насъ и обрывки шерстяныхъ и шелковыхъ тканей и шнурковъ. Ткани разнообразныхъ узоровъ и даже съ очень сложными фігурными изображеніями, напримѣръ: всадника на лошади въ орнаментикѣ изъ листьевъ и характерныхъ переплетающихся византійскихъ линій и завитковъ. Обращаются на себя вниманіе обрывки плотной шелковой ткани съ напитымъ на ней, точно гладью, орнаментомъ. (Найдены въ мѣстахъ погребеній).

Найдено много, какъ въ городищѣ, такъ особенно въ мѣстахъ погребеній, всевозможныхъ предметовъ украшеній и драгоценныхъ вещей изъ золота, бронзы, серебра, и стекла; ожерелья, браслеты, медальоны, серьги, перстни, булавки, всевозможныя пряжки, застежки, бляшки и т. п. вещи наполняютъ витрины музея; описать ихъ нѣть возможности, это заняло бы черезчуръ много мѣста. Объ отдельныхъ выдающагося интереса вещахъ скажемъ при мѣстѣ ихъ находки, описывая некрополь, а здѣсь отмѣтимъ вообще, что и въ данной области искусство значительно упало: нѣть чудныхъ геммъ и камей съ ихъ тонкимъ, художественнымъ и содержательнымъ рисункомъ, нѣть искусственныхъ плетеній изъ тончайшихъ петель, нѣть или очень мало художественности въ работѣ. Но что хорошо въ византійское время,—ихъ штампы и эмаль. Но и здѣсь выдающихся образцовъ очень мало.

Чего много найдено въ раскопкахъ, это остатковъ игрушекъ и игръ. Есть погремушки изъ глины въ видѣ шарика съ ручкой, найдены двѣ чашечки съ сферическимъ дномъ, какъ у нашихъ «Ванька-встанька», нѣсколько свистулекъ изъ поливяной глины, какія и теперь встрѣтите у нашихъ деревенскихъ, да и городскихъ дѣтей бѣдноты, свистки изъ рога, бабки, которыя съ незапамятныхъ временъ неизмѣнно процвѣтаютъ по всему лицу Великой и Малой Скиои и странъ Гиперборейскихъ, фигурки разныхъ животныхъ и куколокъ изъ обожженной глины, въ общемъ довольно грубой работы, далеко уступающей ихъ античнымъ прообразамъ.

Очень интересна костяная куколка въ видѣ женщины въ длинной полосатой юбкѣ, но безъ рукъ и безъ ногъ, которая, судя по дырочкамъ въ туловищѣ, подвѣшивались, какъ и нынѣ въ хорошихъ игрушкахъ, отдельно; это убѣдительно доказывается находками отдельныхъ кукольныхъ рукъ и ногъ съ дырочками. Какъ видите, корсуняне и корсунянки не менѣе заботились о забавахъ дѣтей, не менѣе любили и баловали ихъ, чѣмъ и мы въ наше время.

Но и взрослые корсуняне забавлялись не менѣе дѣтей, судя по находкамъ массы самыхъ разнообразныхъ шашекъ изъ бронзы, кости, стекла, простыхъ и съ украшеніями; на одной даже сдѣланъ крестъ. Несомнѣнно, шашки были любимой игрой корсунянъ. Найдено, кромѣ этого, нѣсколько кубиковъ изъ кости хорошей работы съ кружочками и точками отъ 1 до 6, какіе и теперь употребляются при игрѣ въ трикъ-тракъ, эденъ и т. п., словомъ—въ играхъ «на счастье».

Помимо этихъ остатковъ и обломковъ мирной жизни, дошло кое-что изъ воинственной. Прежде всего масса мелкихъ, среднихъ и крупныхъ каменныхъ ядеръ для метанія изъ баллистъ и катапульть. Съ ними мы уже познакомились въ античную эпоху, но они широко примѣнялись и въ византійскую. Вспомните изъ очерка, что когда около 318 г. корсуняне совершили удачный походъ противъ нѣсколькихъ сарматскихъ (скиѳскихъ) племенъ, то имп. Константинъ обѣщалъ высыпать городу ежегодно известное количество тетивъ, дерева, желѣза и масла для устройства баллистъ и кромѣ того провіантъ и денежную субсидію для содержанія баллистрапиевъ, т. е. военной команды, которая нерѣдко вмѣсто машинъ примѣняла и руки для метанія камней въ смѣло подошедшаго къ самой стѣнѣ непріятеля.

Кромѣ каменныхъ ядеръ—много наконечниковъ стрѣлъ, копій, нѣсколько большихъ лезвій мечей, вмѣстѣ съ этимъ—

конские удила, подковы, бронзовые украшения сбруи. Впрочемъ, это больше принадлежало мирной жизни, такъ какъ корсуня-намъ, охранявшимся высокой стѣной, не нужна была кавале-рия, да и не на что было ее содержать.

Интересно, что пережили вѣка и дошли до насъ, правда, въ измѣненномъ видѣ, остатки византійскихъ пищевыхъ про-дуктовъ. Чаще всего находять въ глубинѣ мусора жилыхъ по-мѣщеній и службъ, въ глиняныхъ кувшинахъ или ихъ облом-кахъ, остатки мелкой рыбы, совершенно высохшей и готовой разсыпаться въ прахъ даже отъ легкаго прикосновенія. Въ од-ной изъ развалинъ въ разбитомъ кувшинѣ найдены остаты ку-рицы, а съ нимъ совершенно высохшее и пустое внутри яйцо. Въ одной изъ водосточныхъ канавъ, пробѣгавшихъ по Херсо-несу и уже занесенныхъ трехаршиннымъ слоемъ земли, ока-залось гнѣздо курицы, а въ гнѣздѣ шесть яицъ, изъ нихъ одно цѣлое и, конечно, пустое. Яйца эти въ средѣ посѣщавшей му-зей публики производили живѣйший интересъ. Найдены среди развалинъ и не менѣе интересуютъ посѣтителей обуглившійся круглый большой хлѣбъ, зерна пшеницы и проса, которые вы-глядятъ сдѣланными изъ антрацита. Косцюшко сложилъ всѣ эти находки въ отдѣльную витрину и въ шутку назвалъ ее «археологическимъ буфетомъ».

XXXI.

Печати и монеты византійского Херсонеса. Русскіе рубли.

Послѣ описанія житейскихъ находокъ, переходимъ къ опи-санію находокъ, такъ сказать, официальнаго византійского Хер-сонеса,—его печатей, монетъ и надписей, которая многое разъ-ясняютъ изъ прошлаго города, а иногда и прямо говорятъ о немъ.

Печатей правителей и начальниковъ Херсонеса найдено нѣсколько, большую частью плохой сохранности; самая интерес-ная изъ нихъ и наилучшей сохранности свинцовая, съ ясной надписью по-гречески, которая на лицевой сторонѣ читается такъ: «Георгію Касидику протоспафарію» (генералу), а на обо-ротѣ: «и военачальнику Херсона 700 Тцуль». Надпись въ аб-бревіатурахъ безграмотная и плохой работы. Все это помимо даты позволяетъ отнести ее къ позднему времени и думать, что

она выбита если не въ Херсонесѣ, то въ стоянкѣ хазарского кагана или тудуна, сильно вліявшаго на жизнь Херсонеса (?). Вообще эта печать, какъ и другія, возбуждаетъ живѣйшій историческій интересъ, но останавливается на разборѣ ихъ за отсутствіемъ мѣста, къ сожалѣнію, не можемъ, и переходимъ къ разсмотрѣнію монетъ византійской эпохи; ихъ дошли до настѣ, какъ любилъ выражаться Косцюшко, цѣлья горы. Мы разсмотримъ монеты, конечно не всѣ, а только болѣе интересныя и типичныя.

Какъ извѣстно, съ конца II или начала III вѣка Херсонесъ по какимъ-то причинамъ потерялъ право выбивать собственную монету и только при энергичномъ и сильномъ Юстиніанѣ Великомъ (527—565) онъ снова получаетъ право выбивать свою монету, но и то, говорить Косцюшко, только бронзовую, а въ весь долгій періодъ стѣсненій пользуется римской или ранней византійской, каковой въ раскопкахъ находится много.

Съ монетъ византійскаго Херсонеса совершенно исчезаетъ Дѣва и «вся бѣсовская идолища», а равно эмблемы ихъ культа и замѣняются на лицевой сторонѣ типичнымъ византійскимъ изображеніемъ императора, или, позднѣе, только его монограммой, а на оборотѣ—названіемъ или монограммой города.

Такимъ образомъ, собственные херсонесскія монеты византійскаго періода начинаются Юстиніаномъ I. Юстиніановыя монеты въ раскопкахъ находятся масса; отличительная ихъ черта—короткій бюстъ императора съ его именемъ, а на оборотѣ крайне сложная монограмма имени Херсонеса. Изрѣдка попадаются юстиніановскія монеты, въ которыхъ мѣсто бюста императора занимаетъ крайне сложная монограмма, въ которой можно прочесть все имя кесаря.

Послѣ юстиніановыхъ, въ большомъ количествѣ находятся монеты Фл. Тиверія Маврикія (582—602), на лицевой сторонѣ которыхъ изображенъ императоръ съ державой въ правой рукѣ, а рядомъ съ нимъ императрица въ коронѣ и съ крестомъ въ правой; головы обоихъ, точно у святыхъ, окружены нимбами; на оборотѣ—фигура въ длинной одеждѣ съ высокимъ крестомъ въ рукѣ, рядомъ большое M, т. е. 40 филисовъ—обозначеніе цѣны, и надъ нимъ короткій крестъ. Это—первая византійская херсонесская монета съ христіанской эмблемой, и въ фигурѣ на оборотѣ Кене видитъ священно-мученика херсонесскаго Евгения (?). Почти на всѣхъ монетахъ этого времени надпись города пол-

ностью ХЕРСОНОС, т. е. Херсонась. Такимъ образомъ, въ это время классическое имя Херсонеса отошло уже въ вѣчность.

Монеты послѣдующихъ императоровъ: Фоки, Константа II, и даже долго царствовавшаго Гераклія вилотъ до основателя македонской (самостоянно славянской) династіи Василія I (867—886) попадаются очень рѣдко. Это вполнѣ совпадаетъ со временемъ наибольшихъ смутъ въ Византіи, частыхъ и кровавыхъ смѣнъ правителей и упадкомъ херсонесской торговли. «Повидимому, говорить Бертье-Делагардъ, и въ этотъ и болѣе поздній періодъ, Херсонесъ самъ чеканилъ монету. Это нисколько не говорить противъ зависимости отъ Византіи, такъ какъ чеканка могла производиться подъ контролемъ византійскихъ чиновниковъ, и хотя на монетахъ вѣтъ уже имени города, но не можетъ быть сомнѣнія, что они чеканены здѣсь. Эти монеты всѣ особаго типа (грубой, небрежной, часто литой работы), находятся въ огромныхъ количествахъ въ развалинахъ города и очень рѣдко въ другихъ мѣстахъ Черноморскаго побережья», что указываетъ на упадокъ торговли и другихъ сношеній.

Монеты Василія I и Романа послѣ Юстиніановыхъ самыхъ частыхъ изъ попадающихся въ раскопкахъ. «Онъ вытѣсняютъ, говоритъ Косцюшко, всякую другую и поражаютъ своимъ обилиемъ». На нихъ съ одной стороны буква В или монограмма Ро въ видѣ якоря, а на другой—крестъ. Вмѣстѣ съ названіемъ или инициалами города съ нихъ исчезаетъ и бюстъ императора, замѣняясь его инициалами, а на оборотѣ почти обязательное—изображеніе креста. Начиная съ Романа I (920—944) на оборотѣ—нерѣдко монограмма, означающая ДЕСНОТИС (неограниченный правитель), а послѣ Василія II и Константина IX (975—1025) (съ ихъ инициалами), т. е. послѣ появленія русскихъ, херсонесскія монеты исчезаютъ и, можно думать, разъ на всегда, такъ какъ монеты дальнѣйшихъ императоровъ пока не найдены. «Вообще, говоритъ Орѣшниковъ, рядъ монетъ византійскихъ императоровъ далеко не полный; особенно чувствуется пробѣлъ въ большой промежутокъ отъ Ф. Т. Маврикія и до Михаила, обнимающей 250 лѣтъ (602—827)».

Среди находимыхъ монетъ попадается не мало арабскихъ, монгольскихъ и даже позднѣйшихъ турецкихъ и крымскихъ хановъ. Такъ, въ храмѣ Созонта, что за стѣной на горѣ, найдены монеты послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея, чеканенные въ Бахчисараѣ, наканунѣ присоединенія блестящей Тавриды къ Русской Державѣ (1783). Съ другой стороны останавливаетъ вниманіе и тотъ фактъ, что среди херсонесскихъ монетъ совер-

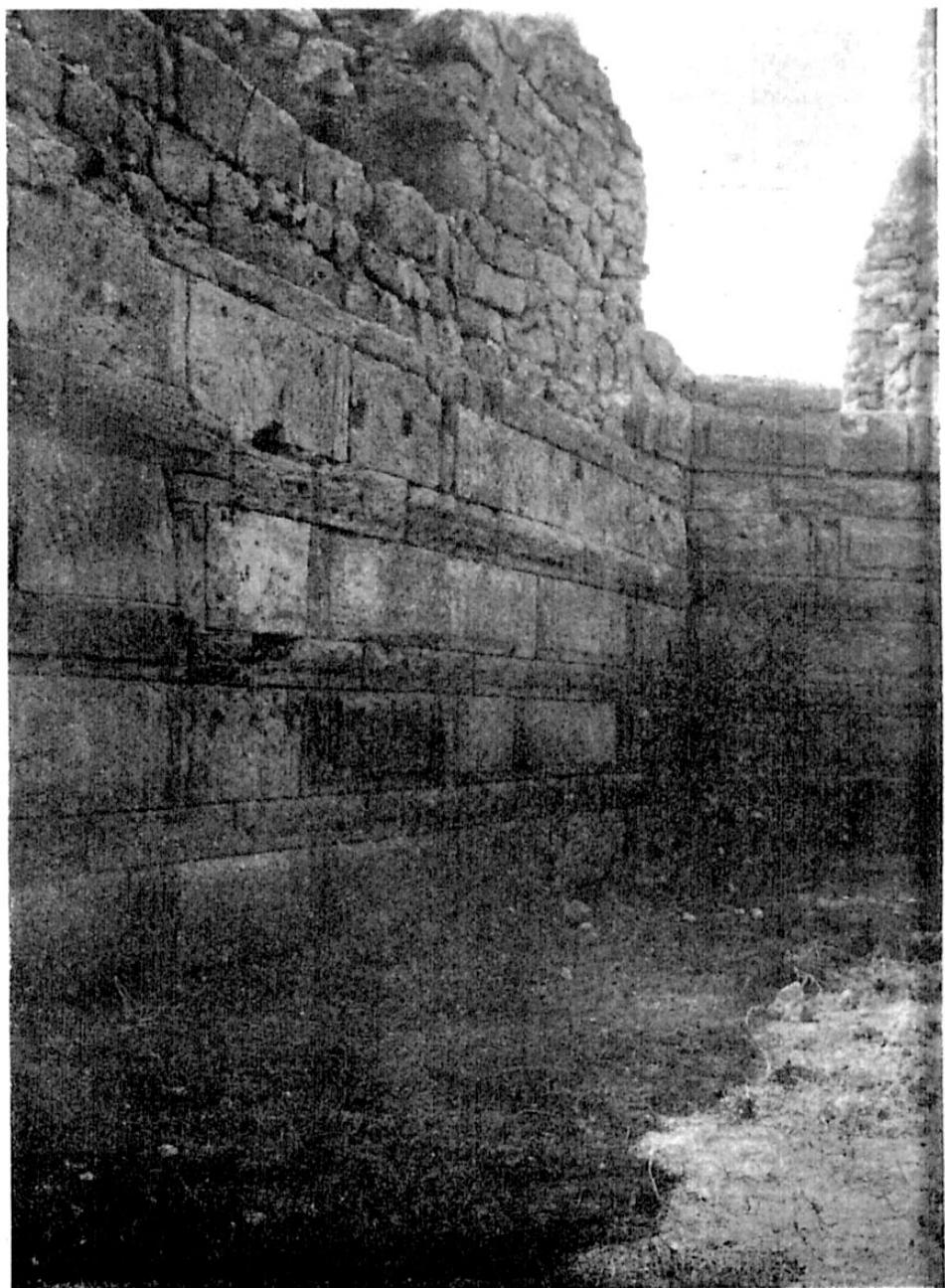
шенно не встречаются скиоскія, а позднѣе и русскія, хотя и Великая Скиоія и Русь съ Херсонесомъ всегда находились въ самомъ близкомъ общеніи.

Объясняется это тѣмъ, что у Скиоіи, а позднѣе у Руси не было своихъ монетъ, и въ древнѣйшее время онѣ пользовались греко-римской, позднѣе—византійской. «Даже удѣльно-вѣчевая Русь, говорить извѣстный изслѣдователь Окуневъ, не имѣла собственной монеты до второй половины XIV в. и должна была пользоваться чужеземною, что подтверждается многочисленными находками арабскихъ, джудчискыхъ (татарскихъ) и западно-европейскихъ монетъ, встречающимися по всей территории древней Руси». А поэтому находка въ Херсонесѣ серебряныхъ рублей въ видѣ слитковъ, возбуждаетъ живѣйший интересъ.

XXXII.

Надписи имп. Феодосія, Аркадія и Зенона и стратига Аліата.

Чтобы покончить съ древностями византійского Херсонеса, скажемъ теперь еще нѣсколько словъ о *надписяхъ*, принадлежащихъ этому времени. Говоря вообще, эпиграфика византійского периода, хотя и болѣе близкаго къ намъ, по количеству и содержанію значительно бѣднѣе античнаго, и это легко объясняется историческими условіями жизни византійского Херсонеса, а главнымъ образомъ упадкомъ обычая ставить надписи. Уже въ римскій періодъ городъ потерялъ, очевидно, права издавать свои законы, награждать правами гостепріимства, свободного вѣзда и выѣзда, свободной торговли. Фактически въ городѣ и его владѣніяхъ хозяинничалъ гордый Римъ и вездѣ наложилъ свою тяжелую руку. И вліяніе ея чувствовалось даже и тогда, когда Римъ убралъ отсюда свои гарнизоны. Въ дальнѣйшемъ, когда столица міра была перенесена въ Константинополь, Херсонесъ становится въ зависимость отъ Византіи, почему въ этомъ періодѣ нѣть ни декретовъ, ни проксеній, нѣть чествованій доблестныхъ гражданъ бывшей свободной республики, которымъ ставились статуи и украшались псефизмами. И статуя доблестной Гикіи, спасшей въ концѣ III или началѣ IV вѣка городъ отъ грозившей опасности, съ поучительной надписью, о которой говоритъ Константинъ Порфородный, къ сожалѣнію, не дошла до насъ, и была, можемъ думать, послѣднимъ памятникомъ и послѣднимъ псефизмомъ на рубежѣ двухъ эпохъ.

Юго-восточный угол стены (внутренняя сторона).

Эпиграфика византійского періода, если исключить эпиграфику некрополя, ограничивается почти исключительно надписями, гласящими о возобновлении городскихъ стѣнъ или воротъ. Самая ранняя надпись этого періода, украшавшая городскую стѣну во время имп. Феодосія (379–395), гласить: «Въ память нашихъ владыкъ, вѣчныхъ августовъ, непобѣдимыхъ Флавіевъ Феодосія и Аркадія и много потрудившагося при работѣ трибуна Флавія Витта и строителей (инженеровъ) высокочтимаго Эвтерія . . .».

Надпись найдена въ 1889 г. въ стѣнѣ одного изъ домиковъ, пристроенныхъ къ городской стѣнѣ; вырѣзана на четырех-угольной плите уже известковаго камня (80 сант. длины и 39 выс.); по бокамъ камень цѣлъ, а сверху и снизу—отесанъ, очевидно для подѣлки, причемъ процарапана только часть надписи внизу, и то не болѣе двухъ строкъ, въ которыхъ упоминаются имена важнѣйшихъ участниковъ постройки и дата, которая, впрочемъ, съ достаточной точностью опредѣляется содержаниемъ и именами. Латышевъ пытается еще ближе подойти ко времени появленія надписи, а, слѣдовательно, и времени ремонта стѣны, конечно, не всей, а только разрушенной части. »Усвоеніе сыну и наслѣднику престола Аркадію одинакового съ отцемъ имени, говоритъ онъ, доказываетъ, что документъ относится къ промежутку времени между провозглашеніемъ Аркадія Августомъ, которое послѣдовало въ 383 г., и смертью Феодосія въ январѣ 395 г.».

Надпись вырѣзана крайне небрежно, неровно и съ ошибками, сильно пострадала отъ вывѣтривания; матерьяль и содержаніе ея говорятъ о крайней бѣдности города въ это время; низкое и подобострастное величаніе «непобѣдимыхъ Флавіевъ», чувствовавшихъ всю свою немощь наканунѣ раздѣла имперіи и отсутствіе греческихъ имёнъ прямо говорятъ о полномъ подчиненіи имперіи въ этотъ крайне темный періодъ жизни Херсонеса.

Сто лѣтъ спустя, при имп. Зенона, опять понадобилось возстановленіе части стѣны, и объ этомъ также опредѣленно говорить надпись, найденная еще Палласомъ у его друга Габлица и нѣкогда украшавшая угловую ю.-в. оборонительную башню. Памятникъ гласить слѣдующее: «Самодержецъ кесарь Зенонъ благочестивый, украшенный трофеями величія и славы, доказалъ щедроту и благочестіе свое какъ всѣмъ подвластнымъ ему городамъ, такъ и нашему городу, пожаловавъ изъ городскихъ пошлинъ вѣрныхъ ему баллистраріевъ съ тѣмъ, чтобы

деньги были употреблены на постройку стѣнъ, служащихъ для защиты города. И мы, благодарные граждане, поставили сюю надпись въ вѣчное воспоминаніе его царствованія. Построена башня въ правленіе свѣтлѣйшаго комита Діогена лѣта 521 индикта¹⁾ 14» (488 г. нашего счисленія).

Мы не будемъ говорить здѣсь о значеніи и содержаніи этого важнаго памятника, такъ какъ довольно сказали о немъ въ историческомъ очеркѣ. Замѣтимъ только, что греческій языкъ памятника измѣнился и вмѣсто провинціального дорического напрѣція представляетъ собой уже почти чистый аттическій или «общій» греческій языкъ. Какъ мы знаемъ отъ историка VI вѣка Прокопія, Юстиніанъ Вел. (527—565), «узнавъ, что стѣны Боспора и Херсонеса совершенно пришли въ упадокъ», привель ихъ снова въ прекрасный и прочный видъ; то, надо полагать, и это важное событие отмѣтила надпись, которая пока не найдена, но каждый день кирка археолога можетъ открыть ее.

Въ 1894 г. съ наружной стороны города недалеко отъ берега была найдена большая мраморная доска съ прекрасно сохранившейся и отчетливо исполненной тонкими высокими буквами надписью, съ наклонностью къ вязи, какъ въ древне-славянскомъ письмѣ. Она гласить: «Сооружены ворота желѣзныя преторскія, возобновлены и прочія ворота города при Исаакѣ Комненѣ, великому царю и самодержцу римскому (ромейскому) и Екатеринѣ, благочестивой Августѣ, заботами Льва Аліата, патриція и стратега херсонесского и судейского (судакского) мѣсяца апрѣля, индикта 12 въ лѣто 6667». (т. е. 1059 г. по Р. Хр.).

Надпись ясно показываетъ, что Херсонесу и въ этотъ періодъ необходимо было укрываться за надежными воротами и стѣнами отъ окружавшихъ его печенѣговъ, хозаръ, половцевъ, да и руссовъ, все чаще и чаще заглядывавшихъ въ эти мѣста.

Въ промежуткѣ между Юстиніаномъ и Исаакомъ, конечно, не разъ починялись и передѣливались и ворота и стѣны города; это такъ ясно видно даже на дошедшихъ до насъ остаткахъ стѣнъ, и это также отмѣчалось въ подобострастныхъ надписяхъ, но они пока не обнаружены, и возможно, что раскопки еще откроютъ ихъ и внесутъ на страницу исторіи Херсонеса точную дату.

¹⁾ Индиктъ (лат.—назначеніе, указаніе)—15 лѣтній періодъ времени, въ который римляне, начиная съ Августа, собирали дань съ покоренныхъ народовъ. Со времени Миланскаго эдикта индикты считаются въ память освобождения христіанскаго вѣроученія.

Латинскихъ надписей византійского периода не найдено, да и нельзя ожидать ихъ, такъ какъ уже во времени Юстина I латинскій языкъ былъ вытѣсненъ и замѣненъ греческимъ, который сталъ языкомъ придворнымъ и дипломатическимъ, хотя византійцы продолжали съ гордостью называть себя римлянами или, вѣрнѣе, ромеями.

Остальные надписи относятся къ некрополю, и мы о нихъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

В. Стѣна, некрополь. Современный Херсонесъ.

XXXIII

Городская стѣна, ее башни и ворота.

Всѣ богатства, радости и горе херсонесцевъ оберегала гигантская городская стѣна, которую вмѣстѣ съ общиной охраняли «Зевесь, Земля, Солнце, Дѣва, боги и богини Олимпа» уже въ то отдаленное время, когда каждый становившійся гражданиномъ херсонасить клялся подъ присягой «дружно стоять за благо и свободу города и согражданъ». Много вѣковъ стояла эта твердыня, о которую, точно волны о скалы, разбивались атиски древнѣйшихъ, плохо вооруженныхъ соудей-тавровъ и иносіевъ, желавшихъ и попользоваться богатствами быстро болѣвшаго города и отомстить его общинѣ за смѣлый захватъ шахъ исконныхъ владѣній.

Но вотъ пришли сюда римляне и безъ крови взяли и городъ и общину въ свои желѣзныя руки; прошло ихъ время, и вѣнчаны смѣнили византійцы-ромеи, а за ними хлынула на крепость масса народовъ, пережившихъ весь длинный первидъ великаго переселенія—гунны, готы, аланы, печенѣги, хазары, руссы, монголо-татары, генуэзцы, турки... Всѣ они и даже сами византійцы дѣлали нападенія на выносивый Херсонесъ, точно обреченный судьбой на непрестанную борьбу, и всегда охраняли его древнія стѣны. Но эти народы были уже лучше вооружены, чѣмъ ихъ далекіе предшественники, и ворота и стѣны не выдерживали и мѣстами рушились отъ ударовъ народовъ. Въ лучшее время городъ самъ исправлялъ эти бреши своими же средствами, но когда вмѣстѣ съ самостоятельностью города пала и его торговля, главный жизненный нервъ, то община уже обращается за помощью или разрѣш-

ніемъ къ своимъ покровителямъ и владыкамъ, императорамъ Византіи, возстановить эти стѣны, которыя служили крайнимъ оплотомъ тѣхъ же византійскихъ владѣній.

Какъ видно изъ приведенныхъ у насть памятниковъ, не только стѣны исправлялись и передѣлывались, но и пристраивались новые ихъ участки, согласно новымъ потребностямъ и взглядамъ на военно-инженерное искусство, а главнымъ образомъ согласно имѣвшимся средствамъ. И это подтверждаютъ раскопки. Такимъ образомъ, стѣны пережили и, можно сказать, вынесли на себѣ всю бурную часть исторіи города до послѣднихъ дней его существованія. «И если бы ихъ описать съ должной полнотой, говорить Бертье-Делагардъ, то онъ составили бы памятникъ любопытнѣйшихъ страницъ вѣковой жизни Херсонеса».

Что это была за стѣна, мы и сами не знали до послѣдняго времени, такъ какъ видимые остатки ея первые поселенцы и строители Севастополя растащили на постройку казенныхъ и собственныхъ зданій, и нашему поколѣнію достались только кое-гдѣ торчавшіе изъ земли и едва указывавшіе направленіе стѣнъ остатки внутренней бутовой кладки (забутовки), вся же облицовка изъ хорошаго штучнаго камня, несмотря на распоряженіе начальства, которое иногда и само помогало тащить, была разобрана и увезена. Такимъ образомъ Косцюшкъ, при переходѣ Херсонеса въ вѣдѣніе Императорской Археологической Коммиссіи, пришлось уже отыскивать слѣды направленья стѣнъ и находить подъ землей и грудами мусора остатки тамъ, гдѣ всего меньше можно было ожидать. И теперь еще, и смотря на двадцатилѣтнія раскопки, далеко не вполнѣ определено направленіе стѣны.

Къ счастью для исторіи города, известный крымскій суд Сумароковъ въ своихъ «Досугахъ», набросанныхъ вскорѣ послѣ присоединенія Крыма, помѣстилъ виньетку съ изображеніемъ современного Херсонеса, на которой ясно видны еще довольно высокія стѣны, обходившія вокругъ всего города, закрывая его не только съ суши, но даже съ высокаго берега. На виньеткѣ также ясно видны на углахъ и на изломахъ стѣны нѣсколько башенъ-бойницъ, часть которыхъ пришлось взорвать, часть засыпать при сооруженіи современныхъ батарей. Но и здѣсь помогъ случай: среди военныхъ инженеровъ нашелся одинъ—любитель исторіи, шт.-капитанъ Гарабурда; онъ сдѣлалъ подробную съемку засыпанной части башенъ и стѣнъ и далъ къ ней описаніе.

При такихъ условіяхъ виѣсть съ данными раскопокъ уда-
ется составить довольно полное представлениe о состояніи хер-
сонесской городской стѣны, заслуживающей особаго вниманія
лиць, интересующихся исторіей военно-инженерного искусства.
И изслѣдованию этихъ остатковъ Бертье-Делагардъ отвелъ много
мѣста въ своемъ послѣднемъ труде «О Херсонесѣ»; оно зани-
маетъ около ста большихъ страницъ, иллюстрированныхъ мно-
гочисленными рисунками, планами и картой. Но, увы, благо-
даря предвзятой мысли, здѣсь, среди прекрасныхъ и полныхъ
интереса соображеній, много не совсѣмъ вѣрныхъ соображеній.

XXXIV.

Кладка стѣнъ и башенъ. Гробницы, прилегающія къ стѣнѣ. Протейхизма и
периволь.

Кавова была эта стѣна, видно изъ слѣдующаго. Въ 1894 г.
недалеко отъ музея и всего саженяхъ въ 20 отъ берега бухты
впервые открыта часть кладки, шириной до $3\frac{1}{2}$ аршинъ, обли-
цованной громадными, гладко-тесанными камнями, съ заливкой
известью и представлявшей какъ-бы сплошную каменную массу
необыкновенной прочности. «Рабочіе, которымъ пришлось ло-
матъ часть ея, говорятъ Косцюшко, вспоминаютъ объ этой труд-
ной работе, какъ о какомъ-то подвигѣ». Однако раскопки въ
этомъ мѣстѣ вскорѣ пришлось простоянить, такъ какъ мѣ-
шала монастырская стѣна и виноградники.

Четыре года спустя были сдѣланы раскопки въ ю.-з. углу
городища, на мѣстѣ большого холма и торчавшихъ остатковъ
внутренней кладки стѣны. Раскопки открыли взору большую
круглую башню. Она была облицована плохо и наскоро буто-
вымъ камнемъ на извести. На одномъ изъ такихъ камней былъ
замѣченъ короткоконечный византійскій крестъ, ясно говорив-
шій объ эпохѣ этого сооруженія. Когда сняли часть облицовки,
то внутри ея открылась взору другая круглая башня—чудной
кладки изъ камней, тесанныхъ въ русть, т. е. стесанныхъ на-
ружу только по краямъ у мѣста пригона, причемъ средина оста-
валась необдѣланной. Камни около аршина длиной и двухъ
четвертей шириной; мѣстами въ нихъ и на швахъ трещины.
Не оставалось сомнѣнія, что древнѣйшая башня, давшая тре-
щины отъ землетрясенія, неправильной кладки или другихъ
причинъ, въ византійское время, для укрѣпленія ея, была на-

скоро облицована. Такъ какъ у этой башни была найдена надпись импер. Зенона, то ее обычно и называютъ Зеноновой.

Съ восточной стороны къ башнѣ прилегала стѣна изъ громадныхъ гладко тесанныхъ камней до трехъ аршинъ длины и аршина высоты.

Продолжая раскопки на западъ отъ башни и идя вглубь до уровня моря, открыли стѣну такой же капитальной кладки, но до шести аршинъ толщиной. Пройдя саженей двадцать въ эту сторону, увидѣли, что кладка стѣны по отвѣсу рѣзко мѣняется и ясно представляеть три яруса. «Облицовка нижняго, говорить Бертье-Делагардъ, превосходной, правильной кладки штучными камнями средней величины и съ обдѣлкой каждого камня въ рустъ; причемъ всѣ камни облицовки положены по-древнему, безъ извести. Особенность этого яруса еще та, что на ея камняхъ встрѣчаются рабочія мѣтки въ видѣ буквъ или монограммъ». Эти мѣтки не найдены въ другихъ ярусахъ. «Облицовка второго яруса, продолжаетъ Бертье-Делагардъ, не столь правильна, камни въ ней мельче, качествомъ слабѣе; обдѣлка въ рустъ не вездѣ. Получается впечатлѣніе, какъ будто стѣна въ этомъ ярусе подверглась разрушеніямъ и небрежнымъ исправленіямъ... Облицовки третьяго яруса, такъ какъ онъ выступалъ изъ земли, сохранилось немногого, почему нельзя и определить высоту и размѣры ея. Ряды облицовки не ровны, такъ какъ камни разныхъ размѣровъ. Кладка небрежная». Просимъ запомнить эти особенности, онъ намъ сейчасъ пригодятся.

Чтобы дать наглядное представление о грандиозности этой постройки, сопоставимъ и сравнимъ толщину стѣнъ херсонесскихъ со стѣнами наиболѣе могущественныхъ городовъ древней Греціи. Херсонескія стѣны въ только что указанныхъ нами мѣстахъ толщиной около двухъ саженей, точно—3,85 метра, въ то время какъ стѣны самого могущественного въ Греціи города—Аеинъ, построенный Фемистокломъ, имѣли всего 2,4—2,6 метра. Укрѣпленія Пирея, созданныя трудами Кимона и Перикла, имѣли толщину отъ 2,5 до 3,6 и лишь въ одной части равнялись пяти и болѣе метрамъ.

«Итакъ оказывается, говоритъ проф. Штернъ, что аеинскія стѣны, которыя считались совершенно неприступными, которыхъ спартанское войско, первое въ то время въ мірѣ, во все продолженіе длинной пелопонесской войны ни разу не осмѣливалось атаковать или штурмовать, по толщинѣ уступали стѣнамъ Херсонеса».

Можно-ли послѣ этого согласиться со словами Бертье-Делагарда, что «эти стѣны, по тогдашнимъ понятіямъ, были едва достаточны для защиты» Херсонеса.

Ведя раскопки этой стѣны далѣе на западъ (къ главнымъ монастырскимъ воротамъ), наткнулись на полукруглый выступъ большой башни, по кладкѣ очень похожей на второй ярусъ и, какъ оказалось, выстроенной въ проломѣ основной стѣны и какъ-бы втиснутой въ нее. Еще далѣе, за башней, оказались двѣ большія пристроенные къ стѣнѣ гробницы съ нишами и остатками погребеній римского времени. Гробницы почти та-
кой же, но болѣе легкой кладки, чѣмъ сосѣдняя башня. За гробницами—большія хоропіо сохранившіяся ворота съ пря-
мыми сводомъ, готовымъ рухнуть. Ворота вели прямо въ городъ.

При расширѣніи раскопокъ, въ разстояніи около трехъ саженей отъ стѣны, впереди ея оказалась другая стѣна, простой бутовой кладки около $1\frac{1}{2}$ арш. шириной, вверху доходившая до уровня земли и до этого времени остававшаяся незамѣтной. Это—передовая оборонительная стѣна (*проте́гизрх*), проходившая если не по всему, то по большей части фронта городской стѣны и ея главныхъ башенъ. Начиналась она воротами у башни Зенона, отъ которыхъ и теперь ясно видны основанія и у кото-
рыхъ былъ найденъ довольно сильно попорченный мраморный левъ, поворотившій голову въ лѣвую сторону. Несомнѣнно, въ пару ему былъ и товарищъ, который пока не разысканъ.

Передовая стѣна, какъ извѣстно изъ исторіи военного ис-
кусства, назначалась для усиленія защиты. «Во время осадъ, пишетъ Бертье-Делагардъ, въ пространствѣ между стѣнъ, по-
гречески называвшемся периволомъ, сходились землемѣльцы изъ
окрестностей, загоняли скотъ, тамъ собирались и подготовляли
вылазки». Въ периволѣ раскопки открыли остатки ремеслен-
ныхъ заведеній, кузенъ или пекаренъ; оказалась тамъ и гро-
мадная зерновая яма и цистерна, вырубленная въ скалѣ, а у
самой стѣны и въ основаніи ея открыты длинныя правиль-
ной формы ямы, выложенные камнями или плитами, точно для
погребеній.

Дальнѣйшія раскопки этой стѣны временно прекращены,
но предполагается продолжить ихъ, вынуть всю землю передъ
монастырскими воротами и перебросить здѣсь мостъ.

Далѣе за монастырскими воротами идетъ монастырская го-
стиница, которая стоитъ на древней стѣнѣ, продолженіе кото-
рой ясно видно въ высокихъ остаткахъ внутренней бутовой
кладки, и далѣе идетъ она вверхъ къ крѣпостнымъ батареямъ,

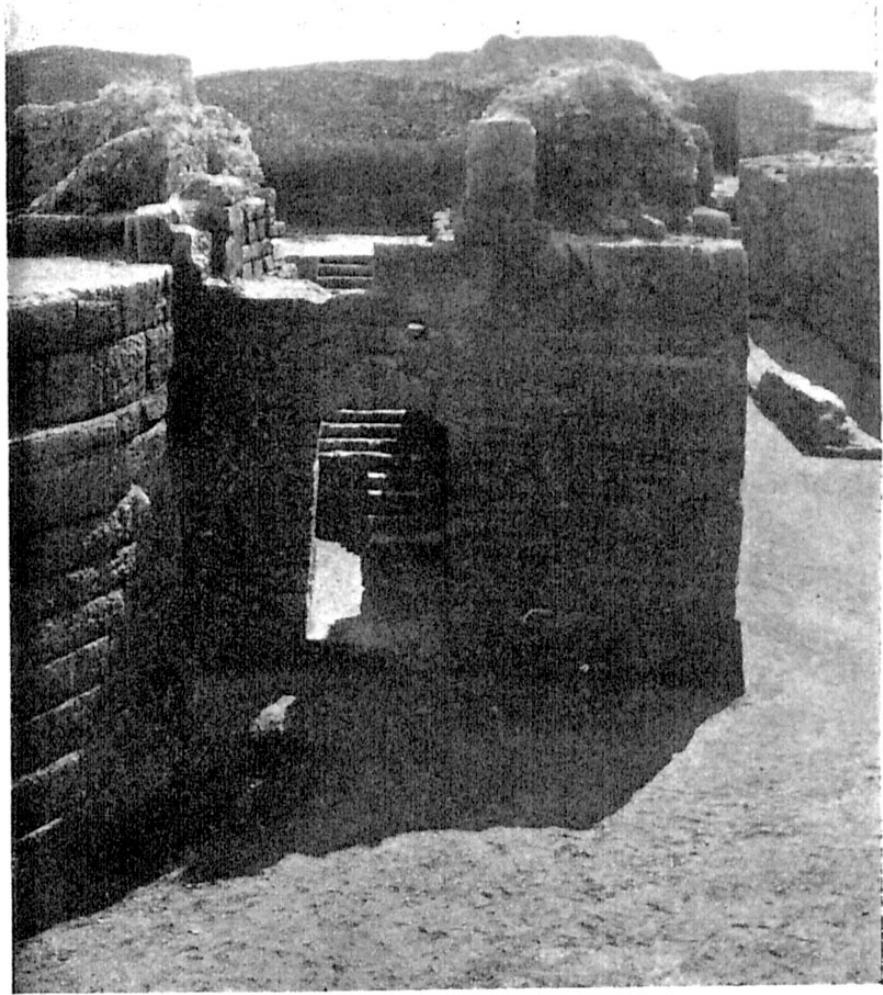
которыя, какъ мы уже знаемъ, покрыли собой части древней стѣны и башень. За батареями линія древней стѣны теряется окончательно, и только мѣстами замѣчается ея неясный слѣдъ въ видѣ неровнаго гребня, идущаго на западъ къ самому морю, оканчиваясь здѣсь остатками большой башни и калитки, построенными, судя по тѣмъ же остаткамъ, изъ развалинъ стѣнъ и частей городскихъ построекъ. Идя отсюда по берегу моря, только кое-гдѣ наталкиваешься на слѣды оборонительныхъ стѣнъ, сложенныхъ здѣсь далеко болѣе легко и менѣе прочно, чѣмъ сухопутныя стѣны. Мѣстами теперь еще можно видѣть или предполагать, что часть приморскихъ стѣнъ рухнула въ море вмѣстѣ со скалой, на которой когда-то стояла. Да, и стихіи разрушаютъ нѣкогда богатый и сильный Херсонесъ.

Такимъ образомъ, мы опять приходимъ къ тому мѣсту, съ котораго Косцюшко началъ раскопку стѣнъ, и гдѣ фундаменты близкой къ древнему берегу башни онъ ошибочно принялъ за пристань.

Въ промежуткѣ между этимъ мѣстомъ и башней Зенона раскопки послѣднихъ лѣтъ обнаружили подъ толстымъ слоемъ земли большой кварталь оборонительныхъ сооруженій, одинъ уголъ котораго составляла башня Зенона, другой (съверный) — башня меньшаго размѣра, отъ которой остались только фундаменты и часть нижняго этажа.

Принимая во вниманіе показанія лѣтописи Феофана (758—817), ближайшаго историка осады Херсонеса Мавромъ Безомъ, посланнымъ въ 711 г. Юстиніаномъ II яко-бы съ цѣлью отмстить херсонесцамъ за нанесенные ему въ изгнаніи оскорблія, и слова Феофана: «... прибылъ Безъ въ Херсонъ и уже сокрушилъ башню Кентинарисійскую и другую ближайшую, Сіагръ (кабанъ) называемую, но пришли хозары и война остановилась», — Бертье-Делагардъ полагаетъ, что указываемая нами съверная башня и называлась Кентинарисійской, а вторая, «ближайшая» башня лѣтописи, именуемая «Сіагръ», есть башня Зенона; «названіе, говорить Бертье-Делагардъ, довольно хорошо соответствующее ея широкому, приземистому виду и выступу впереди стѣнъ».

Что касается названія «Кентинарисійскій» (Κεντιναρισίος), то надо согласиться съ Бертье-Делагардомъ, что «оно заключаетъ въ себѣ понятіе о центуріонѣ, какъ ближайшемъ начальникѣ (комендантѣ) крѣпости. Вѣроятно, эта башня и была мѣстомъ его пребыванія, къ чему, судя по плану, она годна и достаточна». Съ этими соображеніями почтенного археолога можно согла-

Фланговая башня и калитка с южной части города съ оборонительной стѣной и башней. Справа периволь съ протейхизмой.

ситься, и, для удобства ориентировки, эту башню будемъ именовать Кентинарисской (комендантской), или Зеноновой.

Западная стѣна этого квартала начиналась у излома (у калитки) древней стѣны, шла на сѣверъ и оканчивалась здѣсь «маленькой» башней, отъ которой остались только слѣды фундаментовъ и которая соединялась стѣной съ «комендантской», образуя большой замкнутый кварталъ (болѣе десятины), въ которомъ по снятіи земли оказались остатки большихъ зданій и древняго храма.

Кладка оборонительныхъ стѣнъ этого квартала очень типична: въ самомъ фундаментѣ залегаютъ громадные тесанные камни (квадры), надъ ними уже болѣе мелкие камни, тоже тесанные, съ гнѣздами для соединеній, съ отверстіями бывшей подѣлки и нарочитой обшивки, которая прямо указываютъ, что эти камни попали сюда изъ другой такой же или болѣе прочной стѣны. Камни эти размѣромъ не всегда правильно подобраны и пригонкой своей напоминаютъ кладку второго и даже третьяго яруса «главной» стѣны (назовемъ ее такъ).

Въ стѣнѣ, идущей отъ калитки къ «Малой» башнѣ почти посерединѣ ея, на высотѣ 2--3 аршинъ отъ уровня древняго города, осталась нижняя часть воротъ, которыя вели изъ квартала въ городъ. Бертье-Делагардъ предполагаетъ, что выше приведенная надпись: «сооружены ворота желѣзныя преторскія, возобновлены и прочія ворота города при Исаакѣ Комненѣ, великому царю и самодержцу ромейскомъ, и Екатеринѣ, благочестивой Августѣ, заботами Льва Аліата, патриція и стратега херсонесскаго и сугдейскаго, мѣсяца апрѣля въ лѣто 6567» (т. е. 1059 по Р. Хр.)—относится именно къ этимъ воротамъ, хотя надпись найдена не у нихъ, а въ стѣнѣ, ближе къ бухтѣ, куда ее могли затащить при подѣлкѣ. Тогда весь этотъ кварталь будетъ преторій, т. е. мѣсто нахожденія стражи и правителей края, что вполнѣ подходитъ къ этому кварталу. Теперь опять обратимся къ главной древней стѣнѣ.

XXXV.

Древне-греческій склепъ въ стѣнѣ и его содержимое.

Въ томъ же 1901 г., когда были открыты городскія ворота и въ периволѣ сняты слой насыпной земли, служившей древней дорогой, на разстояніи около двухъ саженей отъ воротъ

была обнаружена въ стѣнѣ толстая плита, какія обыкновенно встречаются у входа въ катакомбы. Плита была прижата большими камнями и примазана не известью или цемянкой, какъ въ гробницахъ римской эпохи, а глиной высокаго качества. По удаленіи плиты обнаружился ходъ подъ оборонительную стѣну около 1 аршина высотой, и три четверти шириной. Въ немъ поверхъ золы и жженыхъ костей, скученныхъ у входа, лежалъ золотой массивный перстень и кусокъ золотой бляшки съ штампованнымъ изображеніемъ бородатой головы Шана. При просвѣтаніи черезъ грохотъ костей, угля и золы найдены еще: золотые бляшки съ изображеніемъ акантоваго цветка, золотой рожокъ, стекляные, терракотовые кружки и шарики (болѣе 50), со слѣдами позолоты, украшенія неизвѣстнаго назначенія, въ томъ числѣ 3 цикады, 3 кисти винограда, обломки отъ костяного ларчика тонкой работы, со слѣдами узора.

Отсутствіе урны и разбросанныя жженые кости, перемѣшанныя съ перечисленными украшеніями, невольно наводили на мысль, что у входа въ богатый семейный склепъ были сложены останки послѣдняго представителя или, судя по вещамъ, послѣдней представительницы рода, и что при этомъ отсутствовало близкое лицо, которое озабочилось бы о должномъ порядкѣ погребального обряда. Далѣе ходъ велъ въ узкій длинный склепъ въ видѣ коридора, сложенный безъ цемента изъ большихъ, гладкоотесанныхъ и превосходно пригнанныхъ плитъ. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что склепъ построенъ одновременно со стѣной и воротами. Внутри его стояло 6 урнъ: въ лѣвой половинѣ—три глиняныя и въ правой столько же бронзовыя. Первой слѣва стояла чернолаковая урна, красивой античной формы и съ легкимъ орнаментомъ. Массивная свинцовая крышка плотно закрывала ее. Внутри урны, кроме жженыхъ костей, найдены: а) ожерелье высоко-художественной работы и превосходной сохранности, состоящее изъ двухъ плоскихъ жгутовъ, оканчивающихся съ одной стороны замочекъ съ петлей, а съ другой—львиной головкой, толстымъ кольцомъ въ раскрытой пасти. Къ этимъ кольцамъ прикрѣплена пряжка въ видѣ узла, ажурной работы, вся усыпанная листиками, розетками, пальметками и зернью; посерединѣ ея изображенъ играющій на лирѣ крылатый геній; б) пара серегъ болѣе грубой работы, съ массивной львиной головкой; в) массивный перстень, на которомъ выбѣзана сидящая въ креслѣ Аеина въ шлемѣ, держащая въ протянутой правой рукѣ Нику (богиню побѣды) съ распущенными крыльями и съ вѣнкомъ. Во второй урнѣ,

также античной формы и съ свинцовой крышкой, кромъ жженыхъ костей, находился лишь одинъ золотой массивный перстень, на которомъ вырѣзанъ лукъ и суковатая палица. Отсутствие туалетныхъ вещей и украшений показываетъ, что въ этой урнѣ находился прахъ мужчины. Далѣе стояла третья урна съ массивной свинцовой крышкой. Внутри ея оказались только жженые кости. Наконецъ, въ самомъ углу склепа стояла такая же урна и вмѣщала въ себѣ лишь одинъ жженые кости. Между урнами лежали: глиняная чашечка весьма обычного въ склепахъ типа и статуэтка со слѣдами розовой краски, изображающая обнаженного крылатого генія въ фригийской шапкѣ. Въ правой сторонѣ коридора лежала распавшаяся бронзовая трехручная урна, отъ которой уцѣлѣла только часть горла съ греческой надписью изъ наколотыхъ буквъ: «Награда съ праздника Анакій». На днѣ урны, кромъ жженыхъ костей, оказались: золотые бляшки съ изображеніемъ головы Пана и уродливой женщины съ двумя морскими чудовищами, массивный перстень, совершенно одинаковый съ найденнымъ у входа, и ожерелье въ видѣ тесьмы. Ожерелье сильно повреждено, несомнѣнно, еще при жизни владѣлицы, такъ какъ многихъ недостающихъ подвесокъ внутри урны не оказалось; пара его подвесокъ изображаетъ пышный, фантастический цветокъ, богато изукрашенный внутри и снаружи, а средняя часть въ видѣ двухъ фантастическихъ деревъ съ цветами и завитками; подъ тѣнью вѣтвей женщина съ лирой, а посрединѣ, между деревьями, крылатая Ника управляетъ четверкой скачущихъ коней. Ниже помѣщенъ щитокъ въ видѣ полумѣсяца, тончайшей филигранной¹⁾ работы, окаймленный незабудками и миниатюрными прыгающими барабашками. Нижнюю часть подвески составляетъ двойной рядъ амфорокъ, скрѣпленныхъ цѣпочками и украшенныхъ зернью и листками.

Части подвесокъ соединены между собою мельчайшими разборными звенями, подобными нынѣ употребляемымъ для подвѣшиванія люстръ и большихъ лампъ. Тамъ же оказалось два массивныхъ серебряныхъ браслета съ барабаными головками и серебряный перстень съ художественнымъ изображеніемъ головы Афродиты съ двумя Эротами, закрѣпляющими серьги въ ушахъ богини.

Таковы херсонескія стѣны, таковы главныя находки въ нихъ, которые знатоки относятъ къ IV в. до Р. Х. и среди кото-

¹⁾ Прозрачной, ажурной.

рыхъ одно только ожерелье знатоками оцѣнивается въ 15000 руб. (Отправлено въ Эрмитажъ).

Но судѣбѣ, кажется, угодно было оставить до нѣкоторой степени наглядное понятіе о видѣ херсонесскихъ стѣнъ въ древнее время. Дѣло въ слѣдующемъ. Говоря словами Бертье-Делагарда, «вблизи Херсонеса, на склонѣ Песочной бухты, которую Бертье-Делагардъ неправильно называетъ Херсонесской, на землѣ Тура, были открыты древніе склепы, нынѣ, увы, уничтоженные ломкой камня. Одинъ изъ этихъ склеповъ оказался съ фресками внутри. Что именно изъ вещей было найдено здѣсь, и даже было ли что, осталось неизвѣстнымъ. Повидимому, склепъ былъ разграбленъ ранѣе, и весь его интересъ состоялъ въ томъ, что на одной изъ его стѣнъ нашлось изображеніе крѣпости. Рисунокъ около 70 сант. длины былъ сдѣланъ во всю боковую стѣну катакомбы, ничѣмъ болѣе незанятую, такъ что ему, очевидно, придавали большое значеніе; исполненъ онъ красными чертами по бѣлому фону». Онъ тогда же былъ пересованъ Скубетовымъ и въ уменьшенному видѣ помѣщенъ въ работу Бертье-Делагарда «О Херсонесѣ».

Относительно самого рисунка Бертье-Делагардъ замѣчаетъ, что «онъ не можетъ имѣть близкаго и прямого подобія со стѣной Херсонеса и изображалъ такую схематически, но можно думать, что его подробности заимствованы рисовальщикомъ изъ стѣны, которую онъ видѣлъ передъ собой. На рисункѣ мы разбираемъ: ограду, окружающую нѣкоторое пространство, на стѣнѣ башни, возвышающейся надъ общимъ уровнемъ, а въ стѣнѣ двое воротъ, на стѣнахъ прямые зубцы. Строеніе изъ птичнаго камня правильными рядами; башни только немного выше стѣнъ. Все это, можно сказать, такъ и было въ Херсонесѣ».

Однако съ заключеніями по поводу этого рисунка стѣнъ надо быть осторожнымъ, такъ какъ по сторонамъ ихъ оказались двѣ фигуры, почти уничтоженные временемъ, но все же слабо различаемыя. У правой фигуры Скубетовъ могъ различить очертанія, напоминавшія дракона. Это дало мысль Печенику предположить, что въ этомъ склепѣ, судя по имѣвшимся остаткамъ, передѣланномъ въ церковку (Скубетовъ), было изображено извѣстное византійское сказаніе объ избавленії св. Георгіемъ царевны отъ терзавшаго ее дракона.

XXXVI.

Время постройки стѣнь и башенъ. Способъ постройки. Пристройки и перебѣлки.

Кто имѣлъ случай хотя мелькомъ взглянуть на остатки грандиозной стѣны, невольно задавался вопросомъ: когда же возникла она? Точного отвѣта пока нѣть за отсутствиемъ дать, но близкій къ точности отвѣтъ даютъ раскопки и эпиграфика. Мы уже знаемъ, что присяга съ первыхъ же словъ обязуетъ будущаго гражданина Херсонеса защищать родныя стѣны, а присяга относится къ IV в. до Р. Х. Стѣны возникли во всякомъ случаѣ раньше присяги, значитъ не позднѣе IV в., а возможно, что и нѣсколько раньше. Вотъ что по этому поводу говорить Бертье-Делагардъ: «Самая ранняя вещь, изъ найденныхъ въ склепѣ, мнѣ кажется конца V или начала IV в., самая поздняя—конца IV или III в. до Р. Х. Понятно, что время появленія склепа можетъ опредѣляться первой вещью скорѣе, чѣмъ по послѣдней. Кроме того, рабочія мѣтки на камняхъ облицовки первого яруса эпиграфисты относятъ къ V вѣку». Даже осторожный Латышевъ время постройки этого яруса стѣнь опредѣляетъ не позднѣе IV в. Эту дату подтверждаетъ и известный псеѳизмъ въ честь гражданина Агасиклита, одного изъ строителей стѣнъ, которому вмѣнено въ особую заслугу участіе въ ихъ постройкѣ. Косцюшко и Бертье-Делагардъ полагали, что въ почетномъ склепѣ стѣны и могъ быть погребенъ Агасиклеть или иной невѣдомый строитель стѣнъ вмѣстѣ съ другими почтенными гражданами.

Послѣ этого каждый склоненъ думать, что и Бертье-Делагардъ держится этого же времени возникновенія стѣнъ. Но здѣсь Бертье-Делагардъ «особаго мнѣнія» и, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой, пытается убѣдить, «что крѣпостной ограды вокругъ города по линіи открытыхъ до сихъ поръ стѣнъ не было въ periodъ древне-греческій, и таковая въполномъ видѣ, и то лишь съ суши, участками (?), появилась здѣсь только отъ римскихъ временъ, до конца I в. до Р. Х.». Однако каждый мѣсяцъ раскопокъ подтверждаетъ глубокую древность Херсонеса, и мнѣ кажется, что если бы сдѣлать раскопки у засыпанныхъ при постройкѣ батарей вторыхъ древнихъ воротъ, то и здѣсь можно было бы наткнуться на такое же цѣнное и почетное погребеніе, какъ и открытое. Слѣдуетъ поискать его и по другую сторону уже открытыхъ воротъ.

Какъ строились стѣны, тоже видно изъ самой кладки ихъ. Судя по нижнему ярусу, постройка задумана на широкую ногу и, можно сказать, образцовая, но положили семь рядовъ камней въ русть и увидѣли, что такая постройка не по карману, конечно, не только отдельному лицу, какъ допускаетъ Бертье-Делагардъ, потому что такого богача не могло быть въ Херсонесѣ, даже если разцѣнку сооруженій сдѣлать очень низкой. Сстроила община; иначе трудно понять, почему Агасклета благодарятъ за участіе въ постройкѣ стѣнъ.

Такъ или иначе, но дальнѣйшую постройку повели попроще и экономиѣ. Такимъ образомъ получился второй ярусъ стѣны, который проф. Штернъ относить къ IV в. до Р. Хр.

Шли годы, смигались не только поколѣнія, но цѣлые народы; шли они сюда, точно волны катились на берегъ, и городскія стѣны и башни не всегда выдерживали ихъ напоръ; къ тому же совершенствовалось военное искусство и улучшались стѣнобитныя машины. Вспомните, чьего натиска не испытала Херсонесъ. Сначала онъ самъ ремонтировалъ стѣны, но съ каждымъ нашествиемъ становилось труднѣе и труднѣе самому залѣчивать военные раны и починять свои стѣны, и въ византійское время ослабленный долгой борьбой городъ уже обращается къ своимъ владыкамъ за помощью, если они, подобно Юстиніану, не догадывались сами укрѣплять границы своихъ далекихъ владѣній. Но исторія противъ Херсонеса: торговля падаетъ, а съ ней—жизненная сила и средства Херсонеса: онъ съ трудомъ кое-какъ восстанавливаетъ старыя стѣны. Получается третій бѣдный разнокалиберный ярусъ стѣны и цѣлый рядъ передѣлокъ и укрѣплений ея. Согласно новымъ условіямъ техники и военного искусства, въ пробоинахъ ставится башня, которую мы указали, новой обкладкой укрѣпляются старыя башни, давшія трещины, изъ остатковъ древнихъ стѣнъ мѣстами строятъ новые уже въ другихъ мѣстахъ и даже ставятъ изъ нихъ цѣлый укрѣпленный кварталъ—преторіанскій. Надписи отмѣчаютъ потомству всѣ большія поправки, надстройки и передѣлки. Словомъ, на стѣнахъ вы читаете военную исторію города вплоть до послѣднихъ дней его существованія.

Посѣтителей раскопокъ очень интересуетъ вопросъ: когда и зачѣмъ засыпанъ перивольтъ, т. е. обширное пространство между главной и передовой оборонительной стѣной. О времени еще можно сказать, хотя приблизительно: въ раннюю римскую эпоху, судя по склепамъ, пристроеннымъ въ стѣнѣ, въ кото-

рыхъ оказались находки римского времени; но—зачѣмъ? Пока остается загадкой.

Этимъ мы заканчиваемъ описание стѣн и идемъ къ мѣсту вѣчного упокоенія древнихъ гражданъ Херсонеса—къ некрополю, который, по обычаю древнихъ, помѣстился тутъ же за стѣной, въ ближайшихъ балкахъ и скалахъ.

XXXVII.

Некрополь. Терминология погребений.

О томъ, что за стѣнами города въ непосредственно прилегающихъ къ нему балкахъ находятся мѣста древнихъ погребений, знали давно и не могли не знать, такъ какъ по крутымъ берегамъ Херсонесской бухты и по склонамъ балокъ, окружающихъ Херсонесъ, всегда были видны многочисленныя искусственные пещеры—остатки древнихъ склеповъ. Часть ихъ и понынѣ сохранилась прекрасно; нѣкоторые теперь служатъ жилищемъ или сарайчиками огородниковъ, арендующихъ эти мѣста у монастыря,—это можетъ видѣть каждый, подѣбжая къ Херсонесу,—другія пещеры обрушились; иные засыпаны землей съ древнѣйшихъ временъ, такъ что и недогадаешься о нахожденіи здѣсь отдельного погребенія или склепа, и только лопата и кирка археолога обнаруживаютъ ихъ.

Въ сороковыхъ годахъ въ этихъ мѣстахъ рылся, по порученію Двора, чиновникъ Корейша, послѣ него графъ Уваровъ, который прямо сказалъ, что раскопки некрополя должны производиться съ тѣмъ же тщаніемъ, какъ и въ городищѣ, и обѣщаютъ дать много и много. Послѣ нихъ побывалъ здѣсь капитанъ Аркастъ и писалъ, что «жители (Севастополя) часто находятъ въ гробницахъ мѣдныя монеты, глиняныя урны, лампы и стеклянки для слезъ».

Однако эти раскопки, какъ и покушенія севастопольцевъ на собираніе древностей, имѣли случайный характеръ, и только въ 1891 г. Косцюшко принялъся за систематическую раскопку и разслѣдованія усыпальницъ некрополя, разсчитывая пожать въ нихъ обильную археологическую жатву, и не ошибся въ своихъ расчетахъ. Раскопки въ разныхъ мѣстахъ скоро убѣдили Косцюшку въ томъ, что вокругъ всего города и въ особенности въ ближайшихъ балкахъ, сбывающихъ съ той и другой стороны полуострова къ морю, сплошное древнее кладбище,

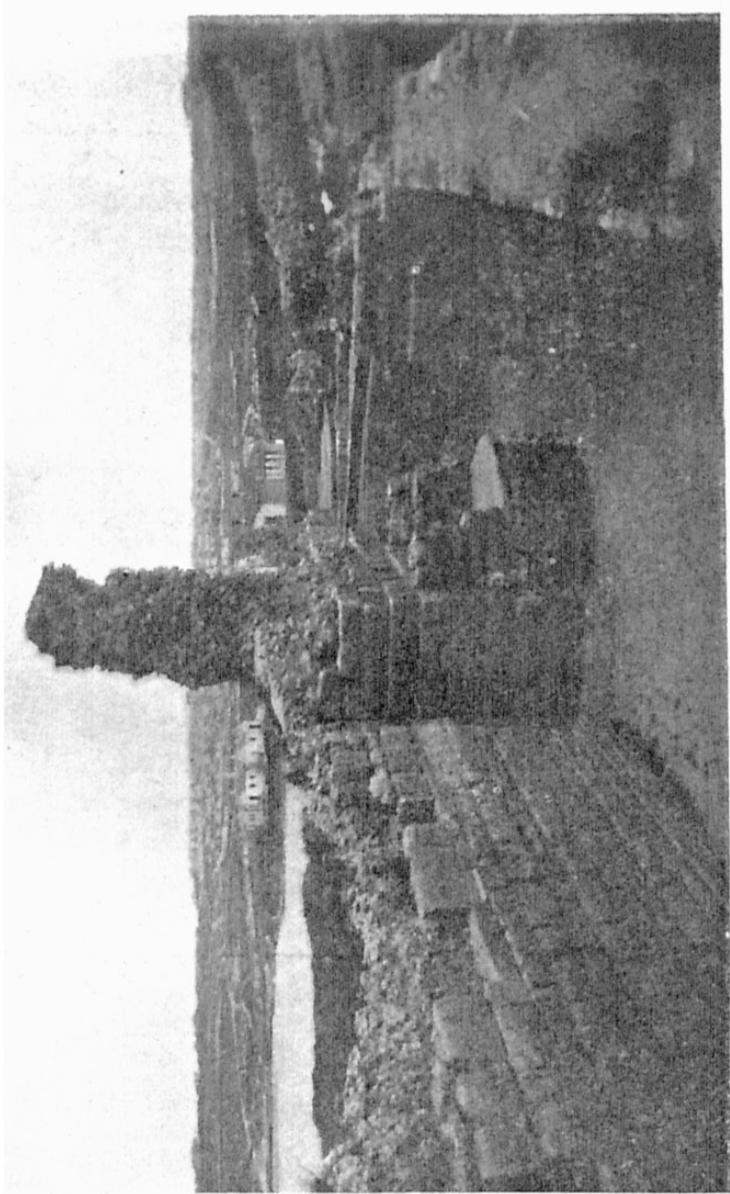
положительно цѣлый «городъ мертвыхъ». Само собою разумѣется, что при 2000-лѣтнемъ существованіи Херсонеса и его постоянной борьбѣ съ окружающими и приходящими варварами, «городъ мертвыхъ» долженъ былъ занимать обширную площадь. Пока разслѣдована сравнительно небольшая, но, несомнѣнно, главная часть некрополя, расположенная по ю.-в. балкамъ и по сторонамъ дороги, ведущей изъ Севастополя въ Херсонесъ. Въ этомъ районѣ Косцюшко раскопалъ свыше 2000 погребеній. Противоположная сторона ската (с.-з.) почти нетронута киркой археолога, но то, что обнаружено, позволяетъ предполагать, что эта часть бѣднѣе содержаніемъ. Впрочемъ, подождемъ результатовъ будущихъ раскопокъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ описанію самого некрополя, скажемъ нѣсколько словъ по поводу главныхъ названій, относящихся къ погребеніямъ, такъ какъ здѣсь у насъ пока не установилась опредѣленная терминология, и понятія: могила, погребеніе, склепъ, пещера, усыпальница, катакомба, крипта... въ устахъ и описаніяхъ отдѣльныхъ лицъ часто смѣшиваются и стоять одно вмѣсто другого.

Въ дальнѣйшемъ подъ могилой, если прибавлено опредѣленіе—общая, будемъ понимать небольшое мѣсто для отдѣльного погребенія, будетъ ли оно вырыто въ землѣ, выбито въ скалѣ или выдѣлано въ самомъ храмѣ; подъ усыпальницей мы понимаемъ большое мѣсто для погребенія одного или нѣсколькихъ лицъ; склепъ—отдѣланная для нѣсколькихъ лицъ усыпальница; катакомба—обширная усыпальница или склепъ, въ которомъ могутъ собираться молящіеся для поминанія, прославленія усопшихъ или просто для молитвы вмѣсто храма.

Относительно названія «катакомба» Бертье-Делагардъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что оно особенно часто употребляется неправильно, и этимъ именемъ обычно называютъ то, «что есть просто семейная могила», т. е., по нашей терминологии, усыпальница или склепъ. Но мы никакъ не согласны съ нимъ, что большой склепъ, въ указанномъ нами смыслѣ, нельзя называть катакомбой; по его мнѣнію, «это то же, что склепъ называть кладбищемъ». Конечно, у насъ нѣтъ такихъ катакомбъ, кѣкъ въ окрестностяхъ Рима, гдѣ изъ отдѣльныхъ усыпальницъ и склеповъ съ вѣками образовались громадныя подземныя кладбища съ многочисленными гробницами, переходами, площадками и даже церквами, какъ въ нашихъ киевскихъ пещерахъ. Повторяемъ, въ Херсонесѣ нѣтъ и не можетъ быть такихъ ка-

Видъ оборонительной стороны южной стѣны. Стѣна, первоълъ, протейхизма. Прямоуголь-
ная башни римскаго времени.

такомбъ по условиямъ почвы, и со стороны Косцюшки было большой ошибкой назвать узкій подземный ходъ у кладбищенского храма катакомбой, каковую Бертье-Делагардъ понимаетъ только въ римскомъ смыслѣ, непримѣнимомъ у насъ. Прекрасные образцы катакомбъ посѣтитель Херсонеса найдетъ подъ за-городнымъ кладбищенскимъ храмомъ.

Послѣ этихъ замѣчаній переходимъ къ описанію некрополя.

XXXVIII.

Устройство погребеній. Обряды. Найдки: костяки, урны, саркофаги, надписи.

Какъ по обычаямъ, сложившимся вѣками, такъ и по условиямъ жизни, древніе херсонитыне хоронили умершихъ непосредственно за границей или стѣной города, выкапывая въ землѣ или выбивая въ скалѣ возможно обширное помѣщеніе въ видѣ общихъ или семейныхъ усыпальницъ и склеповъ, или просто, какъ и нынѣ, въ видѣ отдѣльныхъ неглубокихъ могиль, покрывавшихся тонкимъ слоемъ земли и плитой, глядя по состоянію, простой или мраморной, и, повидимому, обязательно съ надписью хотя бы имени и отчества покойного. Иногда на могилѣ ставился небольшой отесанный въ видѣ остроконечной (скиеской) шапки камень, въ нижнюю часть которого иногда вставлялась мраморная дощечка съ именемъ погребенного.

Усыпальницы общія устраивались различно. Самая простая—онѣ же и самыя бѣдныя по содержанію—это простая пещера, выбитая въ скалѣ, иногда на столько обширная, что посерединѣ ея оставлялся одинъ или нѣсколько столбовъ для поддержанія свода ея. Одна изъ нихъ (у берега Херсонесской бухты) оказалась настолько обширной, что въ ней было шесть столбовъ и свободно помѣщалось двѣнадцать коровъ, и на самомъ дѣлѣ она уже десятки лѣтъ служить монастырскимъ коровникомъ, который въ ближайшее время, въ виду сооруженія новыхъ построекъ, предполагается упразднить, а вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, упразднить и древнюю усыпальницу.

Лучшиѣ склепы устроены въ видѣ четырехугольной комнаты, по сторонамъ которой высѣкались въ самой скалѣ ниши-полки, иногда въ два яруса, на которыхъ и ставились тѣла усопшихъ. Какъ показываютъ раскопки, на полкахъ иногда лежало по три и даже по четыре остова. Если не оставалось мѣста на полкахъ, то усопшихъ клали на полъ, сначала по обѣимъ сто-

ронамъ входа, а потомъ и вдоль. «Всѣ оставы, говорить графъ Уваровъ, находять въ одномъ порядкѣ: слѣва направо, если стоять лицомъ къ полкѣ». По мнѣнію его, «могно сказать утвердительно, что семейные склепы продавались, судя потому, что найдено много начатыхъ или отдѣланныхъ только до половины». По его же мнѣнію, лишь «люди безсемейные или, можетъ быть, отвергнутые своими семействами погребались въ отдѣльныхъ ямахъ».

Лучшія усыпальницы обдѣланы черепицей, штучнымъ камнемъ; въ двухъ найдены даже остатки фресокъ на стѣнахъ въ видѣ античныхъ полуобнаженныхъ женскихъ фигуръ въ покрывалахъ. Входъ въ усыпальницы закладывался плотно большой каменной плитой, которая отваливалась и закрывалась вновь по мѣрѣ поступленія новыхъ пришельцевъ.

Древніе херсонитяне, какъ греки и какъ большинство языческихъ народовъ, вѣровали, что душа усопшаго, продолжая свое самостоятельное существованіе за могилой, можетъ являться живымъ во снѣ, бесѣдовать съ ними, принимать участіе въ ихъ житейскихъ дѣлахъ и жить интересами, которые волновали ее до разлученія съ тѣломъ. Вслѣдствіе этого они полагали, что для души прежде всего нужно подходящее жилище, удобная усыпальница, гдѣ бы душа могла найти покой. Мысль оставаться непогребеннымъ и, по словамъ поэта, «сдѣляться добычей собакъ и хищныхъ птицъ» для древняго грека была такъ же страшна, какъ для средневѣковаго христіанина мысль о мукахъ ада. Вотъ почему древній грекъ дѣлаетъ возможно удобную и просторную могилу и снабжаетъ ее всѣмъ, что умершимъ было дорого и мило на землѣ: лучшую одѣждою, оружиемъ, украшеніями, которыя онъ носилъ, предметами и инструментами его профессіи; у художника мы находимъ его краски, у ваятеля—рѣзецъ, у лѣпщика—его формы, у дамъ—предметы туалета и косметики, флаконы для духовъ (бальзамаріи), которые до сихъ поръ ошибочно принимаются за слезницы (склянки для слезъ), краски, гребни, зеркала (металлическія), при дѣтяхъ—ихъ любимыя игрушки.

Богатые иногда клали на голову золотой лавровый вѣнокъ, быть можетъ, полученный на состязаніяхъ. Кто не могъ положить вѣнка, тотъ хотя тонкими золотыми листками закрывалъ усопшему уста и вѣжды. Въ ногахъ иногда ставили сосуды для яствъ и питій, сбоку нѣсколько монетъ, качествомъ, глядя по средствамъ—бронзовыя, мѣдныя, золотыя, или только оттиски ихъ на тонкихъ золотыхъ пластинкахъ (индикаціи), съ наде-

ждой, что и онъ могутъ пригодиться душѣ въ ея странствованияхъ въ мрачномъ царствѣ Аида, гдѣ, можетъ быть, и не замѣтить подѣлки. А такъ какъ прежде, чѣмъ перейти въ царство тѣней, душа умершаго должна была переплыть въ лодкѣ рѣку забвенія—Легу, то въ качествѣ платы бессмертному лодочнику Харону покойникамъ въ зубы вкладывалась мелкая мѣдная монета. Косцюшко давно подмѣтилъ, что обычно въ гробницахъ находятъ сосуды поврежденными уже въ древности, а монеты со стертymi изображеніями и надписями. Полагали, вѣроятно, что *tamz* и этого будетъ довольно.

Благодаря такимъ обычаямъ, въ древнихъ усыпальницахъ находятъ много самыхъ разнообразныхъ предметовъ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, а благодаря монетамъ или ихъ отискамъ, мы можемъ точно опредѣлить и время погребенія.

Если трупъ сжигали, то вмѣстѣ съ нимъ иногда сжигались на кострѣ и принадлежавшія ему вещи, и все это съ пепломъ и остатками несгорѣвшихъ костей попадало въ урну. Утайки боялись, такъ какъ этимъ можно было навлечь месть души покойнаго и даже кару боговъ. Вотъ почему въ урнахъ среди костей и пепла почти всегда находятъ слитки металла, но иногда, какъ увидимъ сейчасъ, находятъ въ урнахъ и цѣльныя монеты и вещи, попавшія сюда, очевидно, послѣ сожженія тѣла.

Урны большую частью въ видѣ высокихъ кувшиновъ красивой формы, безъ ручекъ, почти всегда изъ хорошо обожженной глины; иногда только попадаются свинцовые, обычно сильно покорченная окисью; глиняные же въ сухихъ, хорошихъ гробницахъ сохранились въ совершенствѣ и выглядятъ почти новыми. На урнахъ иногда встречаются надписи съ именами покойныхъ. Манера письма, если нѣть другихъ данныхъ, позволяетъ говорить если не о времени, то объ эпохѣ погребенія. Можно думать, что урны эти служили при жизни усопшаго для хозяйственныхъ надобностей.

Иногда сожженный прахъ съ костями находять не въ урнахъ, а въ небольшихъ каменныхъ ящикахъ-саркофагахъ съ крышкой со скатами. Случалось въ такомъ саркофагѣ находить такое множество костей, что оно несомнѣнно принадлежало нѣсколькимъ лицамъ. На такихъ саркофагахъ тоже попадаются надписи и, судя по формѣ буквъ и характеру письма, очень древнія—IV и даже, можетъ быть, V вѣка до Р. Хр.

Въ одномъ изъ нерасхищенныхъ склеповъ оказалось пять человѣческихъ оставовъ и пять глиняныхъ урнъ, наполненныхъ жженными костями и закрытыхъ глиняными крышками. На од-

ной превосходно обожженной и какъ бы полированной урнѣ оказались нацарапанными имена АПЕЛЛА и АРК..., на другой—АЛКИНЕЮ. Внутри урнѣ кромѣ костей найдено по фланкончику, кусочку листового золота и бронзовыя пряжки.

Въ одной изъ нишъ склепа найденъ каменный саркофагъ изъ песчаника ($80 \times 50 \times 30$ сантим.) съ такой же крышкой съ легкими скатами. По снятіи крышки, саркофагъ оказался наполненнымъ до краевъ жженными костями. Сверхъ нихъ лежало два стеклянныхъ фланкончика, а между костями: золотая брошка, девять золотыхъ бляшекъ, кусочки золотыхъ пластинокъ, вѣроятно, закрывавшихъ глаза или ротъ усопшихъ, двѣ подвески изъ чернаго хрусталия, пять бусъ изъ массы и сломанная костяная ручка. На обращенной ко входу сторонѣ саркофага можно было разобрать надпись по-гречески:

«Прощай! Гемера, жсна Митродора, на пять лѣть съ половиною, дочь Апелла, сына Апелла, пазывавшагося также Промаѳономъ».

Загадочное выраженіе «на пять лѣть съ половиной», по объясненію Латышева, могло означать, что кости Гемеры должны были храниться въ гробикѣ этотъ срокъ, по истеченіе котораго могли быть вынуты, а гробикъ употребленъ для костей другого лица.

Интересно, что въ нѣкоторыхъ древнихъ гробницахъ находятъ подъ истлѣвшими оставами остатки такихъ же досокъ и даже гробовъ. По этому поводу гр. Уваровъ говоритъ: «Доска или гробъ, встрѣчающіеся почти во всѣхъ гробницахъ херсонитовъ, попадаются также и въ самой Греціи или греческихъ поселеніяхъ на берегахъ Чернаго моря. Доска эта замѣняла ту особаго устройства постель, на которой лежалъ покойникъ. На этотъ одръ клали его тотчасъ послѣ смерти и на немъ же относили въ могилу».

Съ появлениемъ христіанства менѣется и характеръ погребенія и обрядовая сторона его. Какъ убѣдительно показываютъ раскопки, херсонесцы и по принятіи христіанства погребались въ своихъ фамильныхъ или общихъ склепахъ, гдѣ до этого были погребены ихъ предшественники—язычники; «хотя, говоритъ гр. Уваровъ, язычники всегда ставились на отдѣльную полку, которая иногда даже задѣлывалась кирничами, такъ что образовывала собой какъ бы отдѣльную гробницу». «Изъ житія св. Евгенія видно, что въ херсонесскія гробницы часто приходили родные умершихъ, оставаясь иногда цѣлые дни у тѣла оплакиваемаго родственника, и что въ гробницу можно было войти

не иначе, какъ «бывшу камени отъ гроба отвалену». При останкахъ христіанъ мы уже не видимъ ни сосудовъ, ни бальзамаріевъ, но зато попадаются предметы и вещи съ признаками христіанского культа: металлические кресты, пряжки съ крестами, остатки священныхъ изображений и т. п.

Въ общемъ христіанско-византійскія усыпальницы по находкамъ бѣднѣе языческихъ. Это объясняется какъ упадкомъ культа мертвыхъ, такъ и обѣднѣніемъ города; да и само время не благопріятствовало тому, чтобы оставлять при мертвыхъ цѣнныя вещи.

Остатки въ склепахъ двухъ культовъ и двухъ культуръ, прочно установили фактъ, что древне-греческимъ некрополемъ пользовались и всѣ послѣдующія поколѣнія херсонитянъ, и если вѣрить объясненію академика Латышева относительно надписи на гробикѣ съ костями, то не только гробницы, но даже урны могли быть заняты останками другого покойника черезъ 5 лѣтъ. Словомъ, населеніе города мертвыхъ такъ же мѣнялось, какъ и города живыхъ, и этимъ отчасти объясняется такая рѣдкость уцѣлѣвшихъ отъ древняго времени гробницъ (усыпальницъ), при открытіи которыхъ для новыхъ пришельцевъ, часто не имѣвшихъ никакихъ отношеній къ своимъ сожителямъ, погребавши врядъ ли оставляли безъ вниманія если не самый прахъ, то цѣнныя вещи при немъ.

При такихъ условіяхъ съ каждымъ годомъ нетронутыхъ древнихъ гробницъ и усыпальницъ становилось все менѣе и менѣе, и надо думать, что уже въ византійское время нетронутыя античныя погребенія были рѣдки, а съ вѣками они уменьшались еще и отъ того, что массы народовъ, побывавшихъ подъ стѣнами Херсонеса, постарались братъ все, что можно, и, помня древніе обычай, конечно шарили по некрополю, открывали древнія могилы и забирали, что было можно. При этомъ, конечно, не церемонились съ останками и разбрасывали ихъ, для ускоренія своей грабительской дѣятельности проламывали тонкія стѣнысосѣднихъ склеповъ. Это ясно показываютъ разбросанные въ беспорядкѣ кости и часто встрѣчающіеся проломы изъ одного склепа въ другой, отсюда въ третій и т. д.; Скубетовъ какъ-то прослѣдилъ разрушенныхъ такимъ образомъ восемь склеповъ въ рядъ. Навѣрное занимались этимъ и сами херсонесцы въ сквернѣя византійскія времена, а они продолжались такъ долго, почему при современныхъ раскопкахъ такъ рѣдко попадаются нетронутыя или нерааграбленныя античныя и даже раннія византійскія погребенія.

Надо еще разъ отмѣтить, что въ византійское, и особенно въ позднее византійское время, сложился обычай хоронить преданныхъ церкви христіанъ и ея служителей вблизи самихъ церквей, въ ея притворахъ, а въ позднѣйшее время и возможно ближе къ святынѣ въ самой церкви, предъ олтаремъ, а священниковъ и діаконовъ, согласно рѣшенію одного изъ вселенскихъ соборовъ, хоронили въ діаконникѣ, и такія погребенія находятся буквально во всѣхъ откопанныхъ храмахъ. А нѣкоторые изъ храмовъ, когда отслужили свою службу и были оставлены, какъ мы уже видѣли, были превращены въ простыя общиа усыпальницы, въ которыхъ, можно сказать, не погребались, а складывались трупы. И мнѣ приходитъ въ голову, что «храмъ съ ковчегомъ» сдѣлался братской могилой послѣ какого-нибудь мора, нашествія или нападенія, при чемъ много было убитыхъ.

А. Л. Бертъе-Делагардъ и въ вопросѣ о древнемъ некрополѣ, исходя изъ своей ошибочной точки зрењія, держится непримиримаго мнѣнія и доводами, говорящими противъ него, старается доказать, что «не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ принадлежности всего некрополя отъ основанія единственно и исключительно христіанамъ». Опровергать это крайнее мнѣніе послѣ всего сказанного и того, что читатель сейчасъ узнаетъ, не будемъ.

Во всякомъ случаѣ благодаря погребальнымъ обычаямъ до нась дошла масса всевозможныхъ вещей всѣхъ эпохъ и временъ существованія Херсонеса, и особенно много цѣнныхъ золотыхъ вещей, предметовъ украшенія и отдѣлки одежды самыхъ далекихъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи некрополь далеко богаче городища, гдѣ эти вещи находятся очень рѣдко и только случайно. Такимъ образомъ въ погребеніяхъ найдены всевозможные престни, простые, съ камнями и камеями,—на одномъ изъ нихъ ажурная надпись по гречески, «на счастье»—серьги самой причудливой формы съ подвесками тонкой, изящной и даже островумной работы, въ которыхъ Эротъ, богъ любви, играетъ видную роль, много медальоновъ и среди нихъ много въ видѣ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, какія и теперь носятъ цыганки и франтихи-хохлушки. Найдено нѣсколько амулетовъ съ изображеніемъ Асклепія и Гигеи; два изъ нихъ въ видѣ цилиндрика, а внутри ихъ, по словамъ Косцюшко, на тончайшемъ пергаментѣ слова заклинанія; множество всевозможныхъ браслетовъ, особенно много стеклянныхъ, круглыхъ, простыхъ, зеленаго, синяго или пестраго стекла, иногда съ позолотой. Среди серегъ

и стеклянныхъ браслетовъ, судя по размѣрамъ, очень часто попадаются дѣтскія; много длинныхъ головокъ булавокъ съ самыми разнообразными головками: одна въ видѣ ручки, держащей маленький шарикъ, другая въ видѣ амфорки, третья въ видѣ птички, въ иныхъ головки животныхъ и т. п.; большое число запонокъ, пряжекъ, застежекъ съ изображеніями птицъ, животныхъ и орнаментовъ и масса самыхъ разнообразныхъ пластинокъ съ штампованными украшеніями, для нашивокъ на пояса, платья и другія части костюмовъ.

Благодаря склепамъ дошли даже обрывки шелковыхъ и шерстяныхъ тканей и шнурковъ, само собой отъ болѣе поздняго времени. Ткани разнообразныхъ узоровъ и даже очень сложныхъ фігурныхъ изображеній, напримѣръ—всадника на лошади, орнамента изъ листьевъ, характерныхъ византійской завитковъ; дошли обрывки плотной шелковой ткани съ нашитымъ точно гладью орнаментомъ.

Теперь для наглядного ознакомленія съ херсонесскими погребальными склѣпами, разныхъ эпохъ опишемъ нѣсколько болѣе типичныхъ и содержательныхъ; для краткости будемъ говорить сухими словами отчетовъ. Начнемъ, какъ всегда, съ отдаленныхъ вѣковъ.

XXXIX.

Остатки и смѣщеніе двухъ культовъ. Разграбленные и неразграбленные погребенія.

Образцомъ древнѣйшихъ погребеній на территорії Херсонеса до появленія здѣсь гераклейцевъ можетъ служить могила богатаго скиеа, съ остатками скелетовъ лошадей и дорогой конской сбруи, открытая у стѣнъ «двойной базилики»; лучшимъ образцомъ античнаго эллинскаго погребенія можетъ служить богатая общая (и, вѣроятнѣе всего, почетная общественная) усыпальница, открытая въ стѣнѣ у городскихъ воротъ. Но о нихъ мы сказали и переходимъ къ погребеніямъ римской эпохи.

1-го апрѣля 1903 г. въ присутствіи проф. Штерна откопана гробница, плотно закрытая плитами, вырубленная въ скалѣ (2,12 м. дл., 0,58 м. шир, и 1,30 м. глуб.), съ нишей-койкой, очень старателльной работы. Въ ней три совершенно истлѣвшіе остова, головами на западъ: мужской у стѣны и два женскіе въ нишѣ. Остовы были покрыты трухой отъ сгнившихъ гробовыхъ досокъ и тонкимъ слоемъ мелкой, какъ бы просѣянной земли.

Тутъ же были сильно окислившиеся желѣзные гвозди отъ гробовъ. При оставѣ мужчины были: въ ногахъ лампочка съ фабричной маркой въ видѣ листка и глиняный одноручный кувшинчикъ, обычного въ римскую эпоху типа; около рукъ желѣзный перстень и лезвіе отъ прямого ножа, сильно разрушенное ржавчиной. При оставахъ женщинъ: въ ногахъ два стекл. бальзамарія и двѣ глиняныя одноручные чашечки самаго обычного вида, изъ коихъ одна, лежавшая у сырой стѣны, покрылась сталактитами. Интересно, что такія грубыя глиняныя чашечки безъ всякихъ украшеній являются необходимою принадлежностью каждой гробницы, богатой и бѣдной. У рукъ: плоская овальная раковина (13 сант. діам.) съ какъ-то уцѣлѣвшей бронзовой петелечкой съ заклепками, которая, по мнѣнію Штерна, служила для храненія румянъ; рядомъ круглое бронзовое зеркало (7 сант. діам.), конечно, разрушенное окисью, двѣ мѣстныя бронзовыя монеты временъ Элевтеріи, т. е. римской автономіи; костяная разломанная ложечка съ винтообразной ручкой; костяная ручка въ видѣ кольца; флаконъ изъ толстаго пестраго стекла въ формѣ художественно исполненной рыбы въ 17,5 сант. длины, ярко окрашенной въ восемь цвѣтовъ, точно крылья пестрой бабочки (къ величайшему сожалѣнію, онъ найденъ разбитымъ на многія части отвалившимся отъ стѣнъ камнемъ); перстень чернаго стекла грубої отливки, съ вырѣзаннымъ на щиткѣ женскимъ именемъ «Агафоклея»; 4 индикаціи изъ очень тонкаго золота,—на двухъ оттиснута женская головка, повидимому Аеины въ шлемѣ, а на двухъ другихъ изображенія не разборчивы; 3 подвѣски изъ золотой пасты въ видѣ гермы съ бюстомъ бородатаго мужчины и женщины съ ребенкомъ на рукѣ. Нахожденіе этихъ фигурокъ у пояса, а не у шеи женскихъ оставовъ указываетъ, что онъ служили подвѣсками не къ ожерелью, а къ поясу. Тутъ же между мужскимъ и женскимъ оставами лежали черепки остродонной амфоры и куски древеснаго угля. Въ изголовьяхъ женскихъ оставовъ: ожерелье въ видѣ цѣпочки изъ золотыхъ ажурныхъ пластинокъ, съ пронизями изъ сирійскаго граната, превосходной работы и сохранности, медальонъ изъ серебряной римской монеты, оправленной въ золото, медальонъ малый овальный, изъ гладкаго халцедона, оправленнаго въ золото, бронзовая головная булавка; пара золотыхъ серегъ съ агатомъ¹), съ изображеніемъ женской головки и съ 3-мя подвѣсками изъ зеленаго стекла (типъ серегъ, распространенный въ Херсонесѣ), пара золотыхъ серегъ съ 2 подвѣсками;

¹⁾ Родъ чернаго янтаря.

части янтарного ожерелья въ видѣ пронизей, изображающихъ биость мужчины, собаку, рыбу, амфору.... Какъ видите, цѣлый музей, и все въ одномъ склепѣ.

А вотъ образецъ богатой одиночной могилы той же эпохи.

Лѣтомъ 1896 г. у самой оборонительной стѣны открыта гробница въ видѣ ящика въ три аршина длины и около аршина шириной, сложенная изъ большихъ каменныхъ, старательно пригнанныхъ плитъ и облицованная внутри черепицей. Входъ закрытъ двумя плитами, по снятіи которыхъ гробница оказалась нетронутой, такъ какъ оставъ со сложенными на груди руками лежалъ правильно, и при немъ сохранились, несомнѣнно полностью, попавшія сюда при погребеніи венцы: принадлежности женского туалета и украшенія, которые прямо говорятъ, что погребена богатая херсонитянка. Въ ногахъ остава—флакончикъ изъ пестраго стекла, и, что интересно, въ немъ палочка изъ такого же стекла. Эта находка прямо и безповоротно рѣшаетъ вопросъ о назначеніи стеклянныхъ флаконовъ, находимыхъ исключительно у оставовъ съ женскими принадлежностями, флаконовъ, которые еще недавно принимались за слезницы, для собиранія слезъ оплакивавшихъ отошедшаго въ лучшій міръ. Даже гр. Уваровъ считалъ ихъ таковыми. Это повторяется и въ путеводителяхъ по Крыму, и это передается изъ устъ въ уста; а между тѣмъ палочка внутри флакона убѣдительно показываетъ, что она служила для экономнаго набиранія благовоннаго масла, какъ и нынѣ въ очень дорогихъ духахъ. По истинѣ можно сказать: ничто не ново подъ луною!

На ногахъ серебряные орнаментированные обручи, на правой рукѣ два золотыхъ перстня: одинъ съ овальнымъ аметистомъ, на которомъ тонко вырѣзана голова воина, а другой—съ выпуклымъ гранатомъ; тутъ же большой гагатовый браслетъ, украшенный кружками. «Этотъ матеріалъ, говоритъ Косцюшко, заставляетъ думать, что погребеніе принадлежитъ позднѣйшей римской эпохѣ, такъ какъ въ древне-греческихъ гробницахъ Херсонеса янтарные и гагатовые браслеты не встрѣчаются. Въ браслете обращаетъ на себя вниманіе цѣпочка, соединяющая отдѣльныя части его и состоящая изъ тончайшихъ разборныхъ звеньевъ-петелекъ, какія теперь употребляются для подвѣшиванія лампъ. Еще одинъ случай, показывающій, что промыпленность должна брать уроки у археологіи.

У изголовья пары золотыхъ серегъ, украшенныхъ рысыми головками, серебряная головная шпилька, въ видѣ ручки, держащей тремя пальцами шарикъ; у шеи пронизи горнаго

хрусталя, серебряные бляшки съ изображеніемъ Афродиты (Венеры) и двухъ бротовъ. Но что поражаетъ—это роскошное ожерелье, обвивавшее нѣкогда шею херсонесской богачки, съ драгоценными камнями, чудной тонкой работы, удивляющей даже современныхъ ювелировъ, дошедшее до насъ въ превосходной сохранности (нынѣ въ Эрмитажѣ). Ожерелье состоитъ изъ двухъ золотыхъ цѣпочекъ въ видѣ тонко плетенаго шнурка, къ которымъ подвѣшаны одиннадцать золотыхъ медальоновъ; въ нихъ девять камней: темный аметистъ, изумрудъ, топазъ, гранатъ, альмандинъ и два цветныхъ стекла, быть можетъ стоявшихъ взамѣнъ утерянныхъ камней (старая фамильная вещь). У средняго медальона—золотая подвеска въ видѣ большой бабочки, украшенной зернью¹⁾, гранатами и изумрудомъ. Знатоки археологического товара оцѣниваютъ эту находку въ 10—15 тысячъ рублей. У остова находились еще, какъ всегда, сосудикъ безъ ручекъ, глиняная чашечка и два кусочка розовой краски—несомнѣнно румянъ.

Интересно, что столь распространенные въ херсонесскихъ гробницахъ глиняные лампочки, стекляные узкогорлые бальзамаріи и бронзовыя монеты отсутствовали здѣсь совершенно; съ другой стороны, по всей гробницѣ оказались разбросанныя бусы, конечно, не отъ случайно прорвавшейся низки, а, вѣроятно, умышленно ими усыпали полъ, какъ мы иногда усыпаемъ кипарисомъ, слюю, цветами. Гробница эта перевезена на площадь склада древностей.

Интересно, что въ 1891 г. въ верстѣ отъ городища древней Ольвіи, гдѣ тоже постоянно ведутся раскопки, найдено совершенно сходное въ отдельныхъ частяхъ ожерелье, но только нѣсколько меньшаго размѣра. «Глядя на эти ожерелья, говорить Косцюшко, невольно задаешь себѣ вопросъ: не были ли обѣ богатыя женщины, погребенные одна въ Ольвіи, а другая въ Херсонесѣ, гражданками одного и того же города, и возможно, что въ Ольвіи была погребена заѣхавшая сюда корсунянка». Это предположеніе, говорилъ Косцюшко, тѣмъ болѣе вѣроятно, что, судя по эпиграфическимъ памятникамъ и множеству амфорныхъ ручекъ съ именами херсонесскихъ астиномовъ (чиновниковъ), находимыхъ въ Ольвіи, оба города часто приходили въ соприкосновеніе. А сравненіе другихъ подобныхъ находокъ позволило Косцюшкѣ предполагать, что Херсонесъ былъ разсадникомъ подобныхъ издѣлій, въ которыхъ, къ слову

¹⁾ Мелкие, въ видѣ мака выступы.

сказать, уже исчезала классическая красота и замѣнялась восточной пестротой, что особенно замѣтно въ пестрыхъ бусахъ.

Образцомъ византійской усыпальницы можетъ служить слѣдующая, открытая тоже у береговъ оборонительной стѣны и сложенная изъ каменныхъ плитъ на известіи (1,95 м. дл., 1,78 м. выш. и 0,80 м. шир.). Полъ ся тоже изъ плитъ съ продольными сквозными отверстіями, вѣроятно, для осушки гробницы. Внутри восемь оставовъ, въ томъ числѣ ребенка моложе года (зубки еще не вышли и лишь начали прорѣзываться). Верхній оставъ молодого человѣка въ деревянномъ гробу, отъ которого сохранились полуистлѣвшіе куски досокъ и желѣзные гвозди, разрушенные ржавчиной. На головѣ уцѣлѣли приставшіе къ черепу куски шелковой скуфы, отороченной лентой изъ золотыхъ и синихъ нитей съ узоромъ изъ мелкихъ параллелограмовъ. У остава лежалъ деревянный гребень, бронзовыя шаровидныя пуговицы, обломки браслета изъ золотистаго стекла, части второй скуфы, женскіе волосы, заплетенные въ мелкія косички, части широкаго шелковаго пояса съ ткаными изображеніями человѣческой фигуры, льва, пѣтуха и орнаментами. Въ другой усыпальницѣ при оставѣ, кромѣ кусочковъ истлѣвшей ткани съ остатками золотыхъ нитокъ, найдены серебряныя части небольшого оклада евангелія, угольники, застежки и крестикъ, изображающій монограмму Христа, съ штифтами для прикрѣпленія къ доскѣ. Скроиныя усыпальницы, скромныя находки. Однако найдено иѣсколько христіанскихъ усыпальницъ въ видѣ маленькихъ часовенъ съ мозаикой и фресками. Въ одномъ изъ склеповъ у кладбищенской церкви—фрески въ видѣ гирлянды изъ лавра и трилистника, а внутри большой виноградный кустъ съ сочными гроздями. По сторонамъ слѣды голубей на фонѣ, усыпанномъ лепестками розъ. Въ другомъ склепѣ—на потолкѣ—монограмма Христа въ кругу. Здѣсь же на стѣнѣ—павлинъ и большой лавровый вѣнокъ.

Какая разница находокъ того и другого періодовъ! Въ одномъ культь тѣла и красоты; все отдаютъ ему, что было мило при жизни и что могло пригодиться душѣ при мытарствахъ ея тамъ, въ мрачномъ царствѣ Аида. Въ другомъ—культъ духа; при бренномъ тѣлѣ остается самое необходимое, почти только, чтобы прикрыть наготу, и съ нимъ эмблема вѣры—крестъ и частицы церковныхъ принадлежностей. Все, что напоминало языческую прелесть и скверну, исчезло разъ навсегда.

Въ одномъ—богатство и роскошь, въ другомъ—бѣдность и простота. Отсюда явствуетъ, что античные херсонесцы любили

жить широко и роскошно; херсонитянки любили рядиться нисколько не меньше современныхъ дамъ, а румянились и красились даже усерднѣе ихъ; и этотъ укладъ проникалъ во всѣ уголки древней жизни.

Въ византійскомъ Херсонесѣ богатство и роскошь падають съ каждымъ столѣтіемъ въ силу экономическихъ условій, и подъ конецъ существованія города, судя по даннымъ раскопокъ, потребности корсунянъ сводятся въ крайнему житейскому минимуму, въ которомъ нѣтъ уже мѣста не только роскоши, но даже достатка. Этимъ вполнѣ опредѣляется разница находокъ античнаго и византійскаго Херсонеса.

Но это еще не все, что дали раскопки некрополя. Помимо указанного, въ погребеніяхъ въ предѣлахъ некрополя, а частью среди развалинъ и въ стѣнахъ византійскаго Херсонеса была найдена масса эпиграфическихъ памятниковъ, относящихся непосредственно къ погребеніямъ и разъясняющихъ многое въ погребальныхъ обрядахъ какъ языческаго, такъ и христіанскаго Херсонеса.

XL.

Древніе склепы и ихъ содержимое. Погребенія римской эпохи. Погребенія византійской эпохи. Разница находокъ.

Мы уже знаемъ, что погребенія и саркофаги, въ которыхъ скрывались на вѣкъ дорогіе останки, покрывались гладко-тесанными каменными и мраморными плитами и крышками, иногда съ украшеніями въ видѣ карнизовъ или несложныхъ орнаментовъ, и подъ ними обычно дѣлались надписи, первоначально упоминавшія только имя и отчество усопшаго. Подобная же надписи помѣщались на стѣнкахъ саркофаговъ и урнъ. Такимъ образомъ античный грекъ и здѣсь остался вѣренъ себѣ: и сюда онъ внесъ свою долю искусства.

Самая древнія надписи этой эпохи дошли до насть отъ V и IV в. Всѣ онъ на плитахъ изъ простого мѣстнаго известняка, вѣрнѣе на стелахъ, т. е. прямоугольныхъ известняковыхъ столбахъ, очень кратки и называютъ только имя и отчество усопшаго; такъ, одна изъ нихъ, наиболѣе древняя, уже извѣстная намъ надпись гласить:

Андрокль
(сынъ)
Промаеона.

По письму Латыниевъ и Косцюніко относять ее къ IV в., конечно, до Р. Хр. Минѣ кажется, что ее можно безъ риска отнести и къ болѣе раннему periodu.

Или надпись (на мраморной вставкѣ), относящаяся къ херсонесской гражданкѣ:

Акинта (дочь) Геронта
жена
Анасиклея.

Такихъ надписей, относящихся къ четвертому и болѣе позднимъ вѣкамъ, въ некрополѣ найдено около десятка цѣлыхъ и еще больше въ обломкахъ. Большею частью исполнены они очень тщательно по линейкѣ.

Въ III вѣкѣ часто попадаются надписи на мраморныхъ доскахъ, вѣрнѣе сказать—плиткахъ, которая вставлялись въ надгробіе изъ известняка, частью въ силу экономическихъ условій, частью въ силу обычая. Такъ, внутри одного склепа найдена такая мраморная плитка съ очень красивой и тщательно исполненной надписью:

Даматріа
жена
Тимона
(сына)
Антипатра.

Позднѣе послѣ имени стали прибавлять слово ХАІРЕ—Прощай! Такъ, въ одной земляной гробницѣ была найдена плита изъ желтаго известняка, украшенная фронтомъ; подъ нимъ по сторонамъ вырѣзаны двѣ большія розетки, а между ними надпись:

Аполлоній
(сынъ)
Агаѳона.
Прощай!

Или на камнѣ такого же качества и тоже съ остатками карниза:

Психея
жена Битія.
Прощай!

Еще позднѣе (II—I в. до Р. Хр.) надписи становятся болѣе сложными, а на мѣстѣ орнаментовъ появляются фигуры и даже сложныя сцены. Изъ этого perioda заслуживаетъ вниманія

нія мраморное надгробіе превосходного исполненія съ рельефомъ, изображающимъ четыре фигуры, стоящія внутри портика; изъ нихъ двое взрослыхъ и двое дѣтей. Къ сожалѣнію, верхняя часть рельефа отбита; подъ нимъ ясная и краткая подпись:

Таврская женщина.

Необычайная краткость, по мнѣнию Латышева, позволяетъ допустить, что имя ся было вырѣзано на фронтонѣ надъ рельефомъ, который погибъ. Интересно здѣсь указаніе на народность: «таврская» (а не «таврическая», какъ переводятъ иные); несомнѣнно—название племени мѣстныхъ скиотовъ, которое сохранилось въ это время. «Судя по памятнику, говорить Латышевъ, покойная жила въ Херсонесѣ, была богатой женщиной, но правами гражданъ не пользовалась и потому обозначена именемъ народа, къ которому принадлежала».

Къ этому времени, или скорѣе къ началу новой эры, относится интересное надгробіе изъ бѣлого мрамора, увы, тоже обломанное, такъ что отъ рельефа, которымъ оно было украшено, сохранились только ноги фигуръ: ребенка, женщины въ длинной одеждѣ и мужчины, а затѣмъ—лапы и хвостъ собачки. Ниже этой картины тоже рельефомъ изображено оружіе и доспѣхи: лукъ съ колчаномъ, поножи (гетры), шлемъ, щитъ, копье и мечъ, а рядомъ надпись:

Газурій Митрадоровъ
первый архонтъ 50 лѣтъ.
Прощай!

По мнѣнию Латышева, «полный комплектъ тяжелаго вооруженія намекаетъ на воинскія доблести почившаго», а лица съ собачкой, вѣроятно, члены семьи, оплакивавшей покойнаго.

Уже прямо къ римскому времени, судя по характеру надписи, относится памятникъ, найденный въ насыпи недалеко отъ городской стѣны. Это вполнѣ сохранившаяся, но нѣсколько выѣтревшаяся плита изъ инкерманского камня (изъ 60×45 сант.), и въ ней старательно выбитое углубленіе, занимающее большую часть камня. Тутъ же у камня найдено десять кусковъ мраморной плитки (приблизительно изъ 25×14 сант.); когда сложили ихъ, то получился полностью рельефъ, точно уложившійся въ лѣвую сторону выемки и представляющей грубо исполненный бюстъ мужчины en face съ круглой, коротко остриженной бородой, приглаженными усами, курчавыми волосами,

большими торчащими ушами и такимъ же большимъ носомъ.
Подъ бюстомъ тщательно вырѣзанная надпись:

Скиоъ (сынъ) Феогена
жилъ 34 года.

Для правой половины углубленія мраморной вставки не оказалось. «Но постель изъ извести, по предположенію Латышева, показываетъ, что она когда-то была и въ этой половинѣ и, по всей вѣроятности, представляла надгробіе жены» этого почтенного гражданина.

Къ этому же періоду, тоже судя по характеру надписи и рельефа, относится и слѣдующій интересный памятникъ, вынутый изъ стѣны зданія византійской эпохи. Онъ представляеть прекрасно сохранившееся мраморное надгробіе (38×27 сант.). Въ узкой, гладкой рамѣ съ фронтономъ изображена обычная по-гребальна сцена: бородатый мужчина и женщина возлежать на ложѣ съ красиво точеными ножками и съ орнаментомъ вверху; въ рукахъ у нихъ плоды, рядомъ характерный треногий столикъ на красивыхъ массивныхъ ножкахъ въ видѣ львиныхъ лапъ; на немъ разставлены разныя яства; слѣва мальчикъ, держащий въ правой руцѣ сосудъ, точно предлагаетъ испить изъ него амврозію, нектаръ или—еще скорѣй—воду Леты. Подъ рельефомъ старательно вырѣзана по линейкѣ надпись по-гречески:

Сотирихъ богини Дѣвы
прожившій 80 лѣтъ и
супруга его Конха
прожившая лѣть

Слова «богини Дѣвы», поставленные послѣ имени Сотириха, по объясненію Латышева, «обозначаютъ, безъ сомнѣнія, принадлежность Сотириха къ числу служителей культа этой богини. Возможно, что здѣсь случайно пропущено слово Ἱερεύς, т. е. жрецъ».

Въ первые вѣка нашей эры (римскаго владычества) въ надгробія все болѣе и болѣе входитъ поэтическій элементъ; по-падаются цѣлые стихотворныя эпитафіи, несомнѣнно мѣстныхъ поэтовъ. Правда, ихъ правописаніе и языкъ отошли далеко отъ эллинскаго: уже слышится итацизмъ и сліяніе дифтонговъ. Кирка археолога откопала нѣсколько такихъ эпитафій. Такъ, одна изъ нихъ, судя по письму и правописанію (EI вм. I), принадлежащая несомнѣнно къ I в. по Р. Хр., рѣдкая въ томъ отно-

шени, что она сохранилась виолиъ, хотя и служила обкладкой византійской гробницы. Это—мраморная плита, украшенная карнизомъ, подъ которымъ находятся двѣ розетки, обычныя въ надгробіяхъ древнихъ вѣковъ Херсонеса, а ниже ихъ крупными буквами (въ 3 сант.) вырѣзано имя усопшаго; подъ нимъ надпись александрийскимъ стихомъ, который мы переводимъ въ духѣ подлинника такъ:

Ксанфъ Лагориновъ
Прощай!

Ксанфа, прохожій, скрываетъ плита,
Милаго сына отцу, нашего города красу молодежи,
Друга музъ, звѣзду красоты, кумира дѣвицъ,
Безупречнаго всѣмъ гражданина!
И такого завистливый къ славѣ Ареѣ
Сразилъ въ бою за отчизну, оставивъ родителямъ въ дарь
[только слезы.]
Если отъ этого больше получить Плутонъ, чѣмъ родные,
То зачѣмъ же вы, женщины, страждете въ мукахъ родильныхъ!

Заслуживаєтъ всяческаго вниманія и слѣдующая эпитафія, по характеру письма и нѣкоторымъ особенностямъ правописанія относящаяся къ позднимъ римскимъ временамъ и во всякомъ случаѣ не ранѣе II в. по Р. Хр. (Латышевъ). Вотъ посильный переводъ текста, возстановленного академикомъ Латышевымъ и проф. Корицемъ:

Инанеа Главкія!

Лучше бы музы прославили твою семейную радость,
Злосчастная молодая супруга Инанеа,
Положили на колѣни твои (прекрасныхъ) дѣтей
И воспѣли хвалу помогающей въ родахъ Эйлитії,
За радостный дарь твоей матери, отцу и супругу.
Нынѣ же ты взываешь на хладныхъ пескахъ
Журчащаго (въ царствѣ Аида) Кокита¹),
И не будить тебя непрестанно рыдающій голосъ родимой,—
Ты, точно камень, не слышишь (тѣхъ воплей);
Тебя окружаютъ Океана мрачныя воды
И сонмы душъ, сшедшіхъ въ подземное царство!
Ты не чувствуешь вопля родителей и молодого супруга,
Послѣ того какъ, увы, испила воду непріязненной Леты!
Такова ужъ жестокая воля блаженныхъ (боговъ):

¹⁾ Рѣка-потокъ въ царствѣ Аида (Плутона).

Преждевременно міръ покидаетъ прекрасная дочь почтенныхъ
[родителей],
Плѣнявшая всѣхъ своей красотою и благородствомъ.
Значитъ чистую правду сказала намъ Пиои:
Все золотое потомство первымъ нисходитъ въ Аидъ!

Эта интересная и характерная эпитафія найдена въ 1890 г. при раскопкахъ на островкѣ св. Клиmentа въ Казачьей бухтѣ, въ полу одного изъ помѣщений при храмикѣ. Надпись вырѣзана на мраморной плитѣ, въ верхней части которой изображена горельефомъ женщина въ длинной верхней одеждѣ; противъ нея дѣвочка, а между ними—полукруглый предметъ вродѣ жертвенника. Голова женщины и дѣвочки отбиты, осталъное сохранилось превосходно.

XLI.

Надгробія и надписи римской эпохи.

Помимо этихъ, найдено еще нѣсколько эпитафій на латинскомъ языке; но ихъ сравнительно немного, да и не могло быть много, такъ какъ римляне въ Херсонесѣ все же были только военными гостями, хотя и въ долгій періодъ трехъ слишкомъ вѣковъ, и, какъ таковые, оставили по себѣ только военные надписи. Вотъ наиболѣе интересныя изъ нихъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе найденная въ предѣлахъ некрополя, недалеко отъ городской стѣны, плита (80×25 сант.) простого известковаго камня, какъ видно изъ размѣровъ, высокая и узкая; въ верхней части ея два углубленія, вѣроятно, для укрѣпленія бывшаго нѣкогда здѣсь фронтона. Надпись вырѣзана крупными буквами (около 5 сант.), но чрезвычайно небрежно; къ тому же многія буквы сильно пострадали отъ вывѣтриванія, такъ что не удалось даже снять надежнаго эстампажа; но все же текстъ, правда несложный и, какъ всегда, съ аббревіатурами, удалось возстановить вполнѣ. Начинается онъ обычными на римскихъ надгробіяхъ инициалами D. M., всегда занимающими отдѣльную первую строку и означающими *Diis Manibus*, т. е. блаженной душѣ или блаженнымъ душамъ. Далѣе текстъ Латышевъ читаетъ такъ¹⁾:

D. M.
Avre(lius)

Блаженнымъ душамъ!
Аврелій

¹⁾ Въ скобкахъ недостающее.

Vale(ns)	Валентъ
et Aeli(us)	и Элій
Iulius	Юлій
Milites	Воины.
Coh(ortis) I Cili(acaе)	1-й Киликійской когорты ¹⁾
Qui mili(taverunt)	прослужившіе
Ann(is)	лѣтъ
XVIII	18.

Итакъ, мы имѣемъ простое надгробіе въ память мирно почившихъ (иначе было бы указано въ надписи) воиновъ римскаго гарнизона въ Херсонесѣ, поставленное товарищами, а, можетъ быть, и начальствомъ покойныхъ.

Затѣмъ интересна продолговатая плита (приблизительно 90×30 сант.), найденная также въ некрополь, изъ простого камня, но лучшаго, чѣмъ предыдущій. Въ верхней половинѣ плиты въ углубленіе ея вставлена мраморная доска (40×25 сант.), въ верхней части которой изображенъ барельефомъ бюстъ мужчины en face съ усами и короткой окладистой бородой, въ туникѣ и плащѣ; по сторонамъ головы—обычное D. M., а ниже бюста—шестистрочная тщательно и красиво вырѣзанная надпись, которую Латышевъ читаетъ такъ:

D(iis) M(anibus)	Блаженнымъ душамъ!
Aur(elius) Victor mil(es) leg(ionis)	Аврелій Викторъ 1-го Италійскаго
I Ital(icae) v(i)xit an(nis) XXXVI	легиона жилъ 36 лѣтъ,
mil(itavit) an(nis) XVIII	служилъ 18 лѣтъ.
Valeria Marcia uxor eius	Валерія Марція, жена его,
et Val(eria) Bessa filia	и Валерія Бесса, дочь,
heredes b(eatis)	наследники, поставили его
m(anibus) p(osuerunt)	блаженной душѣ.

Наконецъ, укажемъ еще надгробіе изъ бѣлаго мрамора (въ общемъ 80×40 сантм.), найденное въ обкладкѣ византійской гробницы; снаружи отбитое, оно сверху украшено простымъ фронтономъ съ розеткой по срединѣ, а по сторонамъ ея—уже известные намъ инициалы D. M. Подъ фронтономъ грубо изображена въ ростъ мужская фигура опять en face съ усами, но безъ бороды, въ низкой остроконечной шапкѣ; ноги и туловище—несоразмѣрно коротки, точно въ каррикатурѣ. Интересно, что въ обѣихъ рукахъ, какъ бы прижатыхъ къ груди, находятся: въ пра-

¹⁾ Отрядъ, составлявшій десятую часть легіона, т. е. полка, состоялъ 3000—6000 человѣкъ, слѣдоват. соотвѣтствовалъ нашей ротѣ.

вой—птичка, а въ лѣвой—виноградная кисть, которую клюетъ птичка; подъ рельефомъ—такая же грубая глубокая надпись, къ сожалѣнію, отбитая въ самомъ низу. Оставшіяся строки гла-сѧть:

D. M.

Filio suo titu-
lum posuit
Aurelius Vi(a)tor

B. D.

Сыну своему
Надпись поставилъ
Аврелій Віаторъ

· · · · ·

Надпись, по мнѣнію Латышева, «врядъ-ли древнѣе III в.
по Р. Хр.».

Какъ видите, отъ этихъ надписей, по сравненію съ современными греческими, вѣеть сухостью, и онѣ очень напоминаютъ собой официальную выписку изъ послужного списка по-чиващаго. Да и трудно ожидать другого: въ Херсонесъ, какъ отдаленную провинцію, посыпалось не важное воинство, изъ солдатъ мало кто былъ грамотенъ, да и офицерство, выслужив-шееся изъ тѣхъ же низкихъ чиновъ, недалеко уходило отъ нихъ. Гдѣ ужъ тутъ думать о поэзіи. Благо, что и такъ могли написать.

О другихъ римскихъ памятникахъ этого рода не говоримъ, такъ какъ большая часть ихъ дошла въ видѣ небольшихъ обломковъ, по которымъ не всегда даже удается восстановить и часть слова, а не мало обломковъ, на которыхъ—только отдѣльныя буквы. Пусть разборомъ этихъ остатковъ занимаются спе-циалисты.

Послѣ III в. нашей эры римскія эпитафіи, какъ и дру-гіе эпиграфическіе памятники, постепенно исчезаютъ и уже не повторяются въ силу историческихъ условій: въ началѣ IV вѣка Миланскій эдиктъ (313 г.) ставить христіанство во главѣ рел-игій, а черезъ двадцать пять лѣтъ и столица Римской импе-рии переносится ближе къ Херсонесу—въ Византію, и вмѣстѣ съ тѣмъ придворнымъ и государственнымъ языкамъ становится греческій, успѣвшій къ этому времени значительно поблекнуть и измѣнить свой классическій обликъ: потерять букву Б, кра-сивые полногласные дифтонги замѣнить однообразнымъ рѣжу-щимъ ухо Г и впитать въ себя массу совершенно чуждыхъ ему словъ, хотя и при такихъ условіяхъ византійцы попрежнему продолжаютъ величать себя римлянами (*Ῥωμαῖος*). Раздѣленіе имперіи на Западную и Восточную только усилило и ускорило преобладаніе греческаго языка, и уже послѣ IV в. латинскіе

памятники не попадаются. Напротивъ, христіанство и византійскій эллинизмъ высоко поднимаютъ голову, и съ этого времени раскопки некрополя открываютъ только греческія надписи. И этотъ же историческій ходъ событий вполнѣ объясняетъ, почему надгробныя, какъ и другія христіанскія надписи Херсонеса и другіе предметы христіанского культа не восходятъ раньше IV вѣка. Извѣстный нѣмецкій изслѣдователь Гарнакъ въ своемъ капитальномъ трудѣ по «Исторіи распространенія христіанства въ первые три вѣка» пишетъ: «Южно-руssкія эпиграфическія находки не дали еще ничего христіанскаго, что можетъ быть съ увѣренностью отнесено къ первымъ вѣкамъ,» — явление вполнѣ естественное, если принять во вниманіе давленіе и гоненія, которыя испытывали христіане не только до Миланскаго эдикта, но и долго послѣ него, когда приходилось укрываться, а не показывать свои новыя вѣрованія.

Къ описанію этихъ находокъ и переходимъ.

XLII.

Надгробія и надписи византійской эпохи.

«Одною изъ древнѣйшихъ формулъ христіанской надгробной надписи, говорить проф. Шестаковъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи Херсонеса», является заимствованная изъ языческой: «Здѣсь покоится такой-то», съ прибавленіемъ имени покойнаго, а иногда и обозначеніемъ его вѣроисповѣданія». Образцомъ можетъ служить надпись на простомъ камнѣ съ особенностями языка и правописанія, свойственными времени (по мнѣнію Латышева) IV—V в.; она гласитъ:

Здѣсь покоится рабъ Божій Феодорчикъ.

Скончался февраля мѣсяца инд(икта) . . .

«Эта формула эпиграфій, говоритъ Шестаковъ, сохраняется и въ позднѣйшіе вѣка, но рядомъ съ ней появляются и другія». Такъ въ одномъ изъ склеповъ найденъ простой каменный грубо-вырубленный короткій четырех-конечный крестъ (40×25 сант.), почти вполнѣ сохранившійся; на немъ надпись, сохранившаяся цѣликомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ буквъ, и гласящая:

О памяти и упокоеніи пресвитеровъ
Стефана, Стефана и Христофора.

Аминь!

Время надписи, по мнѣнію Латышева, опредѣлить трудно, но она, полагаетъ онъ, скорѣе всего можетъ быть отнесена къ VI—VII в. Это вытекаетъ ихъ характера правописанія и произношенія.

Приблизительно къ этому времени, а возможно и къ болѣе раннему, относится слѣдующій очень интересный и въ то же время очень загадочный памятникъ. Въ одномъ изъ склеповъ некрополя, когда открыли его, сверху земли и на полкахъ низъ увидѣли въ беспорядкѣ огромное количество костей.

«Подъ слоемъ земли, говорить отчетъ Косцюшки, также оказались остатки, при коихъ найдено множество разныхъ вещей и бронзовыя монеты отъ босфорскаго царя Котиса I до Аркадія, т. е. съ I по начало V в. по Р.-Х. Впереди катакомбы, у самаго входа, лежалъ надгробный крестъ изъ мѣстнаго камня грубой работы (33×23 сант.) съ хоропю сохранившейся надписью:

Памятникъ
Святой
Мученицы
Анастасіи
+

Это, конечно, возбудило большой интересъ, и вотъ что говорить по этому поводу Латышевъ. «Православная церковь чтитъ нѣсколькихъ мученицъ, носившихъ имя Анастасіи. Такъ 15 апрѣля совершается память св. мученицъ Василиссы и Анастасіи, пострадавшихъ въ Римѣ при Неронѣ; 29 октября—преп. муч. Анастасіи Римлянки, пострадавшей при Валеріанѣ и нерѣдко смѣшиваемой со св. Анастасіей «узорѣшительницей», память которой совершается 22 декабря; 30 октября чтится память св. Анастасіи Солунской. Кроме того есть еще нѣсколько святыхъ женъ этого имени, упоминаемыхъ въ древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописяхъ, но которыхъ не находятся и въ полныхъ мѣсяцесловахъ. Ни одна изъ этихъ св. женъ, насколько известно, не подвизалась въ Херсонесѣ; поэтому можно было бы предположить, что нашъ памятникъ сохранилъ имя мѣстной мученицы, неизвестной изъ другихъ источниковъ. Она могла пострадать при одномъ изъ преслѣдований христіанъ, которыхъ неоднократно бывали въ Херсонесѣ».

Однако противъ такого предположенія можно найти нѣсколько болѣе или менѣе вѣскихъ возраженій. Такъ, судя по вышеприведенному описанію, катакомба, около которой найденъ крестъ,

служила одной изъ общихъ усыпальницъ, въ которую, по издревле-существовавшему у христіанъ обычаю, переносились ко-сти изъ мѣстъ первоначального погребенія послѣ истлѣнія тру-повъ (Милюковъ). Трудно допустить, чтобы останки св. мученицы были положены въ такую общую усыпальницу. Затѣмъ слѣ-дуетъ еще замѣтить, что едва ли крестъ съ надписью могъ быть поставленъ на могилѣ мученицы немедленно послѣ ея погре-бенія: христіане, по понятнымъ причинамъ, погребали мучениковъ тайно и скрывали мѣста ихъ погребенія. И въ самомъ Херсо-несь, по свидѣтельству житій херсонесскихъ мучениковъ, хри-стіане тайно предали землѣ тѣло св. епископа Василея, заму-ченного язычниками.

«Возможно также предположить, говорить Латышевъ, что нашъ крестъ былъ «памятникомъ» въ собственномъ смыслѣ слова, т. с. былъ поставленъ гдѣ-либо на видномъ мѣстѣ для напоминанія вѣрующимъ о страданіяхъ св. мученицы и лишь послѣдствіи перенесенъ въ катакомбу. Въ такомъ случаѣ воз-можна и другое предположеніе: это была не мѣстная мученица, а одна изъ вышеупомянутыхъ читимыхъ всѣми христіанами, скорѣе всего Анастасія Узоразрѣшительница, мощи которой на-ходились въ Константинополѣ, гдѣ въ честь ея былъ храмъ».

Съ этимъ объясненіемъ почтенного академика согласиться трудно но первую половину его можно считать болѣе, чѣмъ вѣроятной. Въ самомъ дѣлѣ, иноземныхъ святыхъ, признан-ныхъ церковью, искони принято чтить, посвящая имъ храмъ, отдельный притворъ или, наконецъ, выставляя ихъ образъ въ храмѣ или у себя дома. Иное дѣло страстотерпецъ, пострадавшій за вѣру во Христа, хорошо известный своей подвижни-ческой жизнью и подвигомъ только известной общинѣ, но о кото-ромъ еще не успѣло сложиться сказаніе, и онъ еще не причи-сленъ къ лицу святыхъ самой церковью. Вотъ почему мы и по-лагаемъ, что нашъ памятникъ относится къ мѣстной херсонес-ской мученицѣ Анастасіи, пострадавшей въ одномъ изъ гоне-ній, почитавшейся здѣсь святой, но до времени не канонизо-ванной церковью, какъ не канонизованы другіе безчисленные мученики, имена которыхъ остались даже неизвестными.

Судя по надписи нашего памятника, онъ сооруженъ почи-тателями св. Анастасіи Херсонесской не скоро послѣ ея кон-чины, а самый памятникъ прямо говорить, что херсонесская христіанская община того времени (по нашему IV—V в.) была еще очень бѣдна и слаба. Такимъ образомъ, этотъ памятникъ является древней церковной святыней.

Изъ другихъ болѣе позднихъ памятниковъ христіанского Херсонеса заслуживаютъ вниманія нѣсколько плитъ изъ мрамора, инкерманскаго камня или простого известняка съ большими, красивыми и оригинальными надписями. Такъ на одной вокругъ креста надпись: «Этотъ крестъ выростетъ въ память смоковницы Божіей и жнецы не искоренять его корней». На другой: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ. Убѣжище—Христосъ»!

На одной плите изъ инкерманскаго камня, къ слову сказать сильно выѣтревшейся, изображенъ оригиналный крестъ съ раздвоенными концами, и въ лѣвомъ нижнемъ углу его читается надпись: «Господи, помоги рабу Твоему Михаилу»!

Иногда попадаются надписи съ точными датами. Такъ на одной хорошо сохранившейся плите съ крестомъ читаемъ: «Прощай о молитвѣ за блаженнаго Антонія. Индикта XIV, 851 г.».

Къ этому приблизительно времени относится сохранившійся цѣликомъ параллелепипедъ изъ инкерманскаго камня ($31 \times 23 \times 22$), на передней поверхности которого старательно изваянныи крестъ съ византійской орнаментикой внизу, а въ кружкахъ на концахъ креста буквы Ф, Х, Ф; на одномъ изъ кружковъ буква не ясна, но можно предполагать, что это—П; тогда эти буквы составляютъ инициалы извѣстнаго изречения: Фѣ; Христоб фωτιζει πάντας, т. е. «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ».

На другомъ крестѣ изъ мѣстнаго известняка съ трудомъ разбирается небрежно исполненная надпись:

Господи, упокой души
Здѣсь лежащихъ
Даміана, Мар
и дѣтей ихъ.
Аминь!

По концамъ креста и въ срединѣ его расположены крестомъ пять греческихъ буквъ: зон; читая продольную строку, получимъ ЗОН, т. е. жизнь, а поперечную—ФОС, т. е. свѣтъ.

Изъ эпитафій съ точными датами заслуживаютъ вниманія еще слѣдующія. Одна на плите изъ мягкаго известняка съ небрежно вырѣзанной почти поперекъ всего камня надписью въ гладкой рамкѣ, верхняя часть которой вмѣстѣ съ первой строчкой оказалась отбитой несомнѣнно при подѣлкѣ, такъ какъ плита была употреблена въ кладку одной изъ усыпальницъ ча-

совни, построенной внутри болѣе древняго храма. Надпись по возстановленіи текста Латышевъ читаетъ такъ:

(Здѣсь покоится во)
блаженной памяти рабъ Божій
Кануполій (?). Почилъ
мѣсяца іюля 29-го
года 6423.

Поставленный въ надписи годъ отъ сотворенія міра со-
ответствуетъ 915 г. нашей эры.

Затѣмъ въ некрополь найдено было пять кусковъ известко-
ваго камня, составлявшихъ, повидимому, арку входа въ склепъ;
на нихъ слѣды надписи, читающейся съ трудомъ какъ вслѣд-
ствие плохой сохранности, такъ и вслѣдствие присутствія въ
ней связанныхъ буквъ и сокращеній. При содѣствіи извѣстнаго
греческаго ученаго Нападопуло—Керамевса надпись была до
нѣкоторой степени возстановлена Латышевымъ, и онъ перево-
дить ее такъ:

«Почилъ во блаженной памяти рабъ Божій Петръ
іеромонахъ и клирикъ и благодѣтель святой церкви мѣсяца
ноября въ день . . . инд—2, года 6692.

«Обозначенный въ надписи годъ, говоритъ Латышевъ, со-
ответствуетъ 1183 по Р. Х. Однако для полученія этой даты
надо изъ 6692 вычесть не 5508, а 5509, такъ какъ годы отъ
сотворенія міра считались отъ сентября, а въ надписи стоятъ
ноябрь».

Наконецъ весной 1906 г. въ одномъ разграбленномъ склепѣ
у монастырскихъ огородовъ, недалеко отъ древней «кладбищен-
ской церкви», былъ найденъ кусокъ ноздреватаго известняка
(48×32 сант.) съ выпуклой въ видѣ арки рамкой на немъ; подъ
аркой — небрежно вырѣзанная на поверхности, сохранившей
слѣды окраски муміей надпись съ крестикомъ впереди ея. Над-
пись разбирается довольно легко, и Латышевъ читаетъ ее такъ:

+

Христосъ, помоги Николаю,
Никандру и Никону . . .
года 6711,

т. е. 1203 г. нашего счисленія.

Этотъ памятникъ является пока позднѣйшимъ эпиграфи-
ческимъ памятникомъ Херсонеса.

Этимъ мы заканчиваемъ описание находокъ некрополя и
описаніе самого Херсонеса. При этомъ, обращая взоры назадъ,

невольно хочешь сказать: да, херсонесский некрополь представляетъ собой богатѣйшую археологическую сокровищницу, изъ безчисленныхъ кладовыхъ которой мы успѣли открыть только небольшую, но, несомнѣнно, лучшую и болѣе богатую часть.

XLIII.

Раскопки въ окрестностяхъ Херсонеса. Остатки древнихъ стѣнъ и фундаментовъ. Находки на Историческомъ бульварѣ и у деревни Карань. Остатки храмовъ у Георгіевскаго монастыря. Раскопки на островкѣ св. Климента.

Теперь бросимъ общій взглядъ на остатки древностей въ окрестностяхъ Херсонеса, нѣкогда составлявшихъ съ нимъ одно цѣлое. Мы уже знаемъ изъ присяги, что Херсонесу принадлежала хлѣбородная «долина». Несомнѣнно, это—нынѣшняя Балаклавская, такъ какъ другой въ этой мѣстности нѣтъ, а весь Трахейскій или Гераклейскій полуостровъ, какъ и нынѣ, не годился для культуры злаковъ; напротивъ, на немъ и тогда, какъ и теперь, разводили главнымъ образомъ виноградники, а изрѣдка и фруктовые сады. Изъ псеѳизма Агасиклету, сыну Ктесія, мы узнаемъ, что ему вмѣнялось въ большую заслугу размежеваніе окрестныхъ виноградниковъ и постройка между ними (?) стѣнъ, чѣмъ упорядочивались и владѣнія и хозяйство. На «планѣ древняго Херсона», снятомъ и «сочиненномъ» въ 1786 г., почти вся площадь Трахейского полуострова вплоть до Балаклавской долины и до балки Георгіевскаго монастыря разбита на правильные, почти равномѣрные квадраты—дѣлянки изъ 200×300 саж., которые и нанесены на планъ двойными красными линіями съ мѣткой: «бывшія прямые улицы», возможные остатки трудовъ Агасиклета. На конечныхъ (южныхъ) пунктахъ этихъ улицъ, а равно внутри нѣкоторыхъ дѣлянокъ расположены въ известномъ порядке фундаменты зданій.

И теперь еще, не смотря на 125-лѣтнее наше хозяйственіе, обходя съверо-западную часть Трахейского полуострова, нынѣ именуемую «Новой Землей», замѣчаете тамъ и сямъ слабые оставы древнихъ стѣнъ въ видѣ разбросанныхъ, точно по шнуру, камней, которые мѣстами указываютъ размѣры древнихъ дѣлянокъ, и только кое-гдѣ сохранились большие остатки древнихъ стѣнъ, и вы проѣзжаете между ними, посѣща дачи «Новой Земли»; мѣстами сохранились и фундаменты зданій, почти всегда круглой формы и изъ большихъ камней, вѣроятно, отъ бывшихъ сторожевыхъ башенъ, а мѣстами остатки огромныхъ, круглыхъ

материковыхъ камней, быть можетъ древнихъ молотилокъ и мельницъ. Среди всей этой площади остатки какого-то большого и прочного сооруженія. Сказать, какого --- трудно, такъ какъ систематическая раскопки на полуостровѣ не производились; а если и копали, то случайно, возводя на окрестныхъ хуторахъ какую-нибудь постройку; находки забиралъ, кто интересовался ими, но большая часть въ видѣ малоцѣнныхъ обломковъ оставалась здѣсь же. Такимъ образомъ было найдено много монетъ и другихъ вещей, но почти все попало не туда, куда слѣдуетъ.

«Передъ самой Крымской войной, пишетъ Бертье-Делагардъ, арестанты, работавшіе на Большомъ бульварѣ (нынѣ Исторический), откопали горшечекъ съ двумя-тремя сотнями серебряныхъ херсонесскихъ монетъ. Все это тутъ-же разошлось по рукамъ просто изъ любопытства; многое опять было потеряно или просто выброшено, а остальное стало постепенно попадать въ болѣе прочные руки любителей и музеевъ (рассказъ лично видѣвшаго).»

Такія явленія повторяются и въ наше время. Въ послѣдніе годы, сообщаетъ тотъ-же Бертье-Делагардъ, «стали появляться въ продажѣ херсонесскія монеты сравнительно въ большомъ количествѣ. Гдѣ ихъ находили, продавцы не хотѣли сказать, но теперь, когда все мѣсто находокъ перерыто, тщательно пересѣяно и почти нѣтъ надежды на дальнѣйшую добычу, мнѣ предложено было показать это мѣсто, но я не имѣлъ времени сѣзжать туда. По разсказамъ, нѣсколько противорѣчивымъ, у деревни Карань (между Севастополемъ и Балаклавой) ломали камень и наткнулись на древнія стѣны. Мальчикъ-татаринъ случайно нашелъ здѣсь монету, на что обратили вниманіе, взорвали и пересѣяли землю; на 20—30 кв. саженяхъ оказались признаки какого-то зданія, но также, повидимому, встрѣтилось не мало и погребеній со слѣдами трупосожженія. Найдокъ какихъ-либо примѣтныхъ вещей не было; то, что мнѣ приносили, имѣло мало значенія: куски мѣдныхъ пряжекъ, обломки зеркалецъ, колецъ, перстней, мѣдные браслеты спиралью, кусочки грубой рѣзаной кости, черепки самой обыкновенной посуды, ручки амфоръ, бусы и т. п. Всего интереснѣе была находка плитки, погнутой, искривленной, сильно окислившейся, но оказавшейся изъ чистаго серебра, вѣсомъ около 5—6 фунтовъ. Черепковъ чернолаковой посуды находили очень мало и то безъ фигуръ. Найдены наконечники стрѣлъ и копій, куски ножей, кирки, топоры, лемехи отъ плуговъ, серпы; все это желѣзное

и совершенно перерожденное. По всему найденному, заключаетъ Бертье-Делагардъ, возможно предположить здѣсь какое-либо деревенское жилье, а можетъ быть и маленькое укрѣпленіе, подвергшееся нападенію во время скиѳскихъ войнъ, когда которыхъ относятся и найденные монеты. Всѣ находки, попавшія въ мои руки, отправлены въ музей Одесского Общества Истории и Древностей».

Вотъ что можетъ быть найдено совершенно случайно въ окрестностяхъ Херсонеса, и такихъ находокъ можно ожидать еще во множественномъ числѣ.

Уже первые изслѣдователи Херсонеса указывали на мысъ у Георгіевскаго монастыря, древнемъ мысъ Дѣвы, нынѣ Феолентъ, остатки фундаментовъ несомнѣнно древняго храма, возможно—того самого, въ которомъ служила Ифигенія и съ болью въ сердцѣ приносila человѣческія жертвы, орошая, по словамъ поэта, бѣломраморный алтарь ихъ кровью и сбрасывая съ высокой отвѣсной скалы обезглавленные трупы попавшихъ сюда смѣльчаковъ.

У самаго храма Георгіевскаго монастыря находится довольно большая пещера, частью образованная отъ выѣтривания и просачиванія почвенныхъ водъ, частью вырубленная искусственно. Возможно, что это та пещера, о которой говорится въ житіяхъ херсонесскихъ священномуучениковъ и именуемая «пещeroю нѣкія эллинскія (языческія) дѣвы Пароенонъ», въ которой, по преданію, скрывался еп. Василей, преслѣдуемый язычниками, и гдѣ въ недавнее время стараниемъ севастопольскаго городского головы Максимова устроена маленькая церковка, къ сожалѣнію, сильно измѣнившая древній видъ пещеры.

Недалеко отъ мыса Феолента (въ уроцищѣ Александриада), на одномъ изъ утесистыхъ выступовъ, Косцюшко въ свое время раскопалъ остатки очень древняго христіанскаго храмика съ абсидой VII—VIII в. и фундаменты пристройки при немъ, очевидно, жилого помѣщенія. Тутъ-же были найдены монеты и кое-какія вещи.

Самые интересные остатки древности въ окрестностяхъ Херсонеса обнаружены въ девяти верстахъ отъ него, недалеко отъ Херсонесскаго маяка, въ верховья Казачьей бухты, на маленькомъ островкѣ и на берегу противъ него.

Островокъ этотъ (около 60 саж. окружностью) былъ извѣстенъ уже Палласу. «Островокъ, писалъ онъ, соединенъ съ зем-

лею болотистымъ перешейкомъ въ вершинѣ длиниѣшаго залива бухты. На немъ сильное укрѣпленіе, состоить не только изъ каменныхъ стѣнъ, но и башенъ, основанія которыхъ еще видны». Муравьевъ-Апостолъ въ 1820 году «осматривалъ развалины островка, привлеченный сюда планомъ Палласа, но не нашелъ ничего, кромъ груды камней, доказывающихъ, что тутъ нѣкогда было строеніе». Затѣмъ «лейтенантъ кн. Барятинскій, пишетъ Аркасъ, раскрылъ въ 1845 году юго-восточную часть этого островка и нашелъ фундаменты девяти комнатъ и одной небольшой церкви или часовни съ полукруглымъ алтаремъ. Въ первой найдены имъ каменная плита въ $1\frac{1}{4}$ арш. длины и ширины, съ вырѣзанными на обѣихъ сторонахъ (по одному) крестами, а подъ плитою въ ямѣ четыре заржалленныя мѣдныя монеты съ изображеніемъ якоря (Романа 960—964), четыре человѣческие оставы, покрытые простыми, гладкими каменными плитами, угля и небольшіе куски разбитыхъ мраморныхъ плитъ безъ надписей; въ часовнѣ же найденъ сломанный мраморный пьедесталъ въ одинъ футъ длины и ширины». Доска съ крестами хранится теперь въ Херсонесскомъ монастырѣ.

Въ 1890 г., по предложенію Бертье-Делагарда, здѣсь были сдѣланы Косцюшкой раскопки; на островкѣ оказалась цѣлая группа мелкихъ зданій, но обѣ этомъ мы уже сказали довольно въ исторической части.

XLIV.

Раскопки на берегу Казачьей бухты. Положеніе древнѣйшаго Херсонеса.

Въ томъ же году, когда раскапывался храмикъ на островкѣ, по предложенію Бертье-Делагарда, были сдѣланы небольшія раскопки тутъ-же на берегу бухты, и онѣ открыли хотя и небольшіе, но очень интересные остатки древняго поселенія. Вотъ какъ описываетъ ихъ Бертье-Делагардъ. «Вся мѣстность представлялась покрытою нетронутымъ материкомъ желто-красной глины и какъ свойствомъ, такъ и общимъ видомъ ничѣмъ рѣшительно не отличалась отъ окрестныхъ полей. Однако первая же раскопки открыли здѣсь стѣны, уцѣлѣвшія на $1\frac{1}{2}$ —2 арш., крѣпостной ограды и маленькаго храмика Діониса, въ которомъ оказался жертвеннникъ изъ трехъ плитъ въ видѣ низенькаго стола съ вырѣзаннымъ сбоку верхней плиты однимъ словомъ DIONUS. За жертвеннникомъ — пьедесталь для статуэтки бога, составленный изъ кусковъ, взятыхъ изъ другихъ зданій,

а именно базы и колонны разныхъ діаметровъ; все на своихъ мѣстахъ, но не хватало статуэтки».

По мнѣнию Бертье-Делагарда, «храмикъ позднѣйшаго происхожденія, и сдѣланъ, вѣроятно, какой-нибудь деревенщицой уже послѣ запустѣнія города (?), но остатки зданій, въ него попавши, обнаруживаются большую древность. Такъ, база колонны не мраморная, а изъ мѣстнаго камня и по стилю—древнѣйшая, чисто іоническая, а не аттическая, которая попадаются въ византійскомъ Херсонесѣ; обломки колонки изъ того-же материала и тоже съ іоническими ложками».

Эти остатки укрѣплений на островкѣ и прочныхъ стѣнъ на берегу, въ связи съ другими находками, а равно слова географа I в. (по Р. Хр.) Страбона, надо сказать, не бывавшаго въ этихъ мѣстахъ, переданныя имъ со словъ владѣльцевъ и командировъ судовъ (навклеровъ), а именно: «если плыть вдоль берега къ югу, выдается большой мысъ, составляющій часть цѣлаго Херсонеса, на немъ расположень городъ Гераклеотовъ... называемый такъ-же Херсонесомъ.... между городомъ и мысомъ имѣется три гавани; затѣмъ слѣдуетъ древній Херсонесъ, совершенно разрушенный, а за нимъ бухта съ узкимъ входомъ.... называется она бухтой Симболонъ»¹⁾).—привели Бертье-Делагарда къ мысли, что древнѣйшій, античный Херсонесъ, основанный въ началѣ IV в., находился именно здѣсь, у верховьевъ Казачьей бухты, а имѣющейся налицо и раскапываемый Херсонесъ—это жалкій городишко, основанный около I вѣка новой эры выходцами изъ покинутаго «древняго» Херсонеса, во времена Страбона совершенно разрушенаго. Бертье-Делагардъ допускаетъ даже невозможное предположеніе, полагая, что остатки IV вѣка до Р. Хр. въ раскапываемомъ Херсонесѣ перенесены сюда изъ «стараго» Херсонеса. Трудно вѣрится, чтобы и въ то отдаленное время были такие любители археологіи.

Это горькое заблужденіе, очевидное даже для непосвященнаго въ тайны археологіи, стало исходнымъ пунктомъ всѣхъ соображеній Бертье-Делагарда, касающихся раскапываемаго Херсонеса, въ его обширныхъ и по истинѣ прекрасныхъ изслѣдованіяхъ о Херсонесѣ.

Я позволилъ себѣ отмѣтить эту особенность работы Бертье-Делагарда потому, что авторитетъ его въ изслѣдованіи Херсонеса великъ, но полемизировать съ почтеннымъ археологомъ не буду, такъ какъ этотъ трудъ и безъ того уже вышелъ изъ намѣченной рамки, да и А. Л. Бертье-Делагарду обстоятельно

¹⁾ Нынѣ—Балаклава.

отвѣтилъ на его заблужденія проф. Штернъ въ своемъ обширномъ докладѣ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей: «О мѣстоположеніи древняго Херсонеса» (1908 г.), къ которому и отсылаю интересующихся этимъ вопросомъ.

Какъ-бы то ни было, но указанія Страбона и данные раскопокъ, которая очень желательно продолжить, ясно показываютъ, что во времена, предшествовавшія разсказу Страбона, въ верховьяхъ Казачьей бухты, на берегахъ ея, были какія-то укрѣпленія. Вѣроятнѣе всего, это было одно изъ укрѣпленій, упоминаемыхъ въ «присягѣ», и, возможно, служившее первымъ поселеніемъ первымъ строителямъ Херсонеса. Однако трудность защиты и отсутствіе удовлетворительной воды, а главное мелкія и мало закрытая бухты заставили покинуть это мѣсто уже вскорѣ послѣ поселенія (лѣтъ черезъ 50, черезъ 100) и перейти на мѣсто раскапываемаго Херсонеса съ его прекрасной закрытой бухтой и высокими берегами. Такимъ образомъ, прежній, «старый» Херсонесъ у Казачьей бухты, сильно пострадавшій отъ нападеній и уже окончательно разрушенный во времена Страбона, предоставленъ въ безграницную власть стихіи; но, можно предполагать, на этомъ мѣстѣ долго держались «укрѣпленія», ограждавшія благосостояніе херсонесцевъ, остатки которыхъ дошли и до насъ¹⁾.

Но объ этомъ достаточно подробно уже сказано въ историческомъ очеркѣ.

XLV.

Мѣстный складъ херсонесскихъ древностей.

Всѣ находки городища, некрополя, а частью и окрестностей Херсонеса со времени перехода раскопокъ въ вѣдѣніе Императорской Археологической Коммиссіи поступаютъ въ мѣстный музей или, какъ называлъ его Косцюшко, «складъ мѣстныхъ древностей». Лѣтъ двадцать назадъ это былъ просто каменный сарай, построенный у берега Херсонесской бухты. Затѣмъ по мѣрѣ накопленія находокъ къ сараю дѣлались пристройки съ окнами, и такимъ образомъ постепенно получился одноэтажный домъ въ шесть комнатъ, въ которомъ и хранятся древности. Входомъ въ него попрежнему остается большая сарайная дверь,

¹⁾ Фактъ перенесенія городовъ въ другое мѣсто въ древнее время далеко не рѣдкость, и проф. Штернъ у одного Страбона насчиталъ 17 такихъ случаевъ.

окрашенная грубой краской, съ большимъ тяжелымъ засовомъ и такимъ же тяжелымъ замкомъ. Надъ дверью вывѣска съ имперскимъ орломъ и надписью:

Раскопки Императорской Археологической Комиссіи,
производящіяся съ 19 мая 1888 г.
Складъ мѣстныхъ древностей.

На самихъ дверяхъ—надпись, гласящая о томъ, что древности, имѣющія общій интересъ, направляются въ столичные музеи.

Въ лѣтній сезонъ дверь и музей почти цѣлый день открыты для многочисленныхъ посѣтителей; а если бы дверь оказалась закрытой, то легко вызвать сторожа, который живеть тутъ-же сзади музея; онъ любезно откроетъ двери и дастъ необходимыя и толковыя объясненія относительно главнѣйшихъ находокъ. Такъ какъ сторожа музея набираются изъ старшихъ рабочихъ, много лѣтъ наблюдающихъ за раскопками, то они хорошо знаютъ мѣсто находокъ и свои свѣдѣнія почерпаютъ изъ объясненій завѣдующихъ раскопками, которые въ свободныя минуты всегда готовы служить посѣтителямъ своими знаніями.

Входите въ просторную комнату съ двумя окнами, сплошь отъ пола до самаго потолка увѣшанную и уставленную находками послѣднихъ двадцати лѣтъ. Цѣнныя вещи: золото, монеты, украшенія, стекло, черно-лаковая посуда, лампочки, чепера и т. п. находятся въ витринахъ и шкафахъ; надписи, цѣнныя мраморы, камни и пр. въ нѣсколько рядовъ, закрывая другъ друга, громоздятся на полу и у стѣнъ. Все, насколько возможно, разсортировано по эпохамъ и содержанію. Здѣсь вы увидите большую часть предметовъ, уже описанныхъ у насъ, почему перечислять находокъ не будемъ. На мѣстахъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ вещей, которая ушли въ Эрмитажъ, напримѣръ: знаменитаго ожерелья, формочки коропласта и т. п., вы увидите фотографіи или слѣпки.

Среди витринъ послѣ смерти Косцюшки я не нахожу одной, а именно—заключавшей въ себѣ находки, относящіяся къ каменному вѣку. Косцюшко говорилъ, что это—его личная собственность, и, какъ таковая, она, конечно, ушла изъ музея, но для полноты его витрину слѣдовало бы возвратить сюда вновь, такъ какъ мѣсто для этой коллекціи только здѣсь.

Изъ этой комнаты дверь прямо въ сосѣднюю, гдѣ на полкахъ, занимающихъ половину стѣны, увидите громадную коллекцію амфорныхъ ручекъ съ клеймами и именами юстиnomovъ, собран-

ную за долгіе годы Косцюшкой. Она еще ждетъ своего изслѣдователя. Тутъ-же громадная коллекція разнообразныхъ бусъ и византійской узорной посуды.

Налѣво маленькая дверь въ библіотеку, гдѣ довольно полно собрана литература о Херсонесѣ и его раскопкахъ,—около 1000 томовъ, среди которыхъ немало рѣдкихъ антикварныхъ изданій. Здѣсь-же на стѣнахъ—больѣ интересные эстампажи. Направо—дверь, такъ сказать, въ археологическую лабораторію, состоящую изъ двухъ комнатъ; въ одной—находки такъ, какъ онѣ вынуты при раскопкахъ, и здѣсь они очищаются; въ другой—онѣ уже очищены, разсортированы и ждутъ своей дальнѣйшей судьбы.

Вездѣ тѣснота, тѣснота и тѣснота, которая съ каждымъ мѣсяцемъ все увеличивается и благодаря которой мѣстами находки лежать одна на другой. Предметы не нумерованы; нѣть каталога. Однако завѣдующій раскопками обѣщаетъ переномеровать хотя болѣе интересныя находки и составить къ нимъ каталогъ, въ чёмъ ощущается дѣйствительная необходимость, такъ какъ малосвѣдущая публика проходитъ мимо самыхъ интересныхъ и поучительныхъ вещей, совершенно не замѣчая ихъ.

Фасадъ склада древностей тоже сплошь уставленъ мраморными капителями, базами, плитами и преградными досками, также лежащими одна на другой, и тутъ-же рядомъ и передъ музеемъ изъ этихъ находокъ сложена цѣлая стѣнка, ограждающая дворъ; и среди этихъ остатковъ древности выдѣляются цѣлые мраморныя колонны. Словомъ—мрамора разныхъ вѣковъ масса, а вѣдь это только маленькая частица того, что имѣлъ Херсонесъ. И когда глядишь на эти остатки былого богатства и славы, то ясно слышишь, какъ фальшиво и тенденціозно звучать слова Бертье-Делагарда, когда онъ говоритъ о Херсонесѣ, какъ о жалкомъ захолустномъ византійскомъ городишкѣ, который едва можно сравнить съ современной татарской деревней.

Тутъ-же недалеко отъ склада древностей—большой навѣсъ, подъ которымъ хранятся громадныя питосы полной сохранности, точно недавно попали сюда изъ печей современнало гончара (Странный фактъ: въ московскомъ историческомъ музѣѣ, гдѣ хранится не мало херсонесскихъ вещей (цѣлый отдѣль), мы не видѣли ни одного питоса). Рядомъ большая коллекція древнихъ глиняныхъ кувшиновъ и черепицы прекрасной сохранности и такая же коллекція гончарныхъ водопроводныхъ трубъ съ остатками цемента, который удивляетъ своей прочностью даже современныхъ специалистовъ. Между этими реликвіями—пирамида изъ каменныхъ ядеръ разныхъ вѣковъ, а стѣны на-

въса сплошь увѣшаны грузилами, клыками кабановъ, костями древнихъ животныхъ и остатками грубыхъ желѣзныхъ издѣлій.

Передъ музеемъ и навѣсомъ довольно болыио дворъ, часть которого занимаютъ интересные образцы древнихъ погребеній и склеповъ, перенесенные сюда Косцюшкой изъ некрополя; другую часть археологического двора занимаютъ древніе водосточные желоба, болѣе интересные остатки древнихъ зданій, масса всевозможныхъ жернововъ и т. п. Многіе изъ находящихся на дворѣ вещей очень интересны, археологически цѣнны и тоже просятся въ музей, но здѣсь имъ неѣтъ мѣста.

Въ послѣднее время завѣдующій раскопками г. Чеперъ соорудилъ посрединѣ этого двора изъ найденныхъ мраморовъ и камня развалины базилики съ колоннами и капителями.

XLVI.

Собраніе древностей, принадлежащихъ монастырю. Проектъ музея христіанскихъ древностей. Объединеніе всѣхъ древностей Херсонеса. Культурное значение местныхъ музеевъ.

Помимо этого есть еще маленький музей херсонесскихъ древностей, найденныхъ до 1888 года, т. е. до перехода раскопокъ въ вѣдѣніе Императорской Археологической Комиссіи, когда, какъ мы знаемъ, раскопки производились главнымъ образомъ на средства Одесского Общества Исторіи и Древностей и находились подъ наблюдениемъ монастырскаго начальства.

Музейчикъ помѣщается также въ сараѣ (даже безъ оконъ и надписи), находящемся сзади Владимира ского собора; ключи отъ него обычно хранятся у монаха, проводника по собору, къ которому и могутъ обращаться интересующіеся этими остатками. Здѣсь также нѣсколько интересныхъ надписей, и не мало интересныхъ находокъ изъ христіанского Херсонеса, о которомъ мы сказали въ своемъ мѣстѣ; но, къ сожалѣнію, здѣсь далеко не все, что было найдено въ тотъ периодъ раскопокъ: многое (вѣроятно—большая часть) попало въ частныя руки, часть въ Одесское Общество, частица осталась здѣсь и составляетъ теперь собственность монастыря. Нѣсколько лѣтъ назадъ находки эти разобраны и приведены въ порядокъ Косцюшкой. Къ сожалѣнію, въ недавнее время кто-то забрался сюда и изъ находившейся здѣсь витрины стащилъ нѣсколько очень интересныхъ монетъ, въ томъ числѣ двѣ рѣдкихъ золотыхъ. Послѣ этого ви-

трина съ археологическими драгоцѣнностями попала въ ризницу собора, а на двери навѣсили тяжелый замокъ, и доступъ въ этотъ музейчикъ публикѣ сталъ затруднительнымъ.

Всѣ сознаютъ ненормальность такого разъединенія древностей, и всѣ говорятъ о необходимости соединить оба музея вмѣстѣ, лучше сказать---присоединить монастырскія находки къ музею Комиссіи, гдѣ онѣ были бы для общій пользы всегда на виду у публики и находились бы подъ болѣе надежной охраной. Однако каждый разъ, какъ заговариваются о реализаціи этого маленькаго дѣла, монастырѣмъ поднимается вопросъ о компенсації. Въ связи съ этимъ не разъ высказывались пожеланія монастыря отдать въ «складъ мѣстныхъ древностей» всѣ свои находки языческаго периода въ обмѣнъ на всѣ находки христіанскаго времени и изъ нихъ при соборѣ устроить музей древностей.

«Мысль эта, писалъ въ свое время проф. Бильбасовъ, не нова. Уже въ XVIII в. папа Бенедиктъ XIV основалъ при ватиканскомъ дворцѣ *Museum sacrum s. christianum*, въ которомъ собирались памятники христіанского искусства¹⁾.

У насъ мнѣ кажется совершенно неудобнымъ подобное раздѣленіе находокъ, получающихъ съ одной территории и стоящихъ въ тѣсной преемственной связи, и въ данномъ случаѣ невыполнимымъ, такъ какъ въ монастырѣ нѣть подходящаго мѣста и для имѣющихъ предметовъ, не говоря уже о дальнѣйшихъ пополненіяхъ, и для подобнаго музея пришлось бы строить зданіе. Но если строить, то, конечно, достаточно обширное, которое вмѣщало бы всѣ, не только настоящія, но и будущія находки безъ раздѣленія и которое по стилю напоминало бы лучшія времена Херсонеса. Скажутъ: нѣть средствъ. Согласенъ; но ихъ можно найти. Въ самомъ дѣлѣ, находокъ столько, что ихъ уже и теперь помѣщать негдѣ. Такъ не лучше ли года на два прекратить раскопки, и на эти деньги (въ суммѣ около 15,000 руб.) изъ имѣющагося древняго штученаго камня построить музей. Правда, онъ будетъ скромнымъ, но зачѣмъ непремѣнно роскошный. Да и рядомъ съ громаднымъ богатымъ соборомъ,

¹⁾ Самый богатый въ этомъ родѣ музей въ Парижѣ, *Musée Cluny*, основанный въ 1844 г. Здѣсь, говорить Бильбасовъ, почти безъ всякаго разбора и критики собраны многочисленные памятники христіанского искусства, даже сомнительные. Но самый упорядоченный христіанскій музей---при берлинскомъ университѣтѣ. Этотъ музей если не можетъ похвалиться богатствомъ памятниковъ, зато въ немъ масса очень интересныхъ и точныхъ копій.

каждая постройка покажется скромной. А за время постройки можно бы успѣть составить достаточно полный каталогъ съ объясненіями, въ чемъ не меньшая нужда, чѣмъ въ музѣ.

Многіе высказывали сомнѣніе въ пользу мѣстныхъ музеевъ; они же предлагали сосредоточить всѣ русскія древности въ столицахъ. Но противъ такого крайняго мнѣнія краснорѣчиво говорятъ тысячи посѣтителей нашихъ раскопокъ. И такимъ господамъ можно отвѣтить словами Косцюшко: «культурное значеніе мѣстныхъ музеевъ для массы—неоспоримо; а для тѣхъ немногихъ ученыхъ, которые специально изучаютъ исторію и археологію извѣстнаго края, недостаточно ознакомленія съ его древностями, собранными въ Эрмитажѣ и Московскому Историческому Музею, но необходимо побывать и на мѣстѣ»:

Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichter's Lande gehen.
Goethe.

И если такія образовательные путешествія необходимы для нашихъ молодыхъ ученыхъ и (прибавимъ отъ себя) для будущихъ педагоговъ, то не слѣдуетъ-ли вообще всѣ древности оставлять въ мѣстныхъ музеяхъ, гдѣ онѣ, сохранившись рядомъ съ тѣми же развалинами, изъ которыхъ извлечены, наглядно говорили бы о прошломъ края, болѣе наводили бы на разныя размышенія и открытія, чѣмъ оторванныя и заброшенныя далеко отъ родины». Археологію и памятники всего лучше изучать на мѣстѣ раскопокъ.

XLVII.

Поддѣлка херсонесскихъ древностей. Мѣсто и характеръ поддѣлокъ. Сбытчики.

Чтобы покончить съ херсонесскими древностями, скажемъ еще нѣсколько словъ о поддѣлкахъ ихъ.

Въ археологіи, какъ и въ промышленности, разъ является спросъ на извѣстный продуктъ и онъ хорошо оплачивается, но его нѣть или очень мало на рынкѣ, начинается поддѣльное производство. Поэтому вы видите поддѣлки древностей везде, гдѣ онѣ добываются и гдѣ ими интересуются: въ Египтѣ, Греции, Италии, Константинополѣ и у насъ, въ прекрасной Тавридѣ, и въ Одессѣ, столь близко лежащей къ древнему Тирасу и Ольвіи.

Публика всего болѣе интересуется монетами. Такъ какъ онѣ много говорять о прошломъ, легки и удобны и изъ нихъ легко составить коллекцію, то ими и начинается поддѣлка

древностей. Даже у насъ, гдѣ сравнительно мало интересуются археологіей, древнія монеты поддѣлываются уже десятки лѣтъ. На улицахъ Севастополя, Керчи, Феодосіи, Ялты нерѣдко иѣкія личности предлагаютъ публикѣ приобрѣсть по исключительному случаю «настоящиа» античныя монеты и другія древности по крайне дешевой цѣнѣ. Они вамъ покажутъ горсть разнообразныхъ монетъ, какую нибудь венциу, — но надо быть осторожнымъ: «настоящиа» античныя венци продаются не здѣсь и не изъ-подъ полы. Вотъ что писалъ объ этихъ поддѣлкахъ четверть вѣка назадъ нумизматъ Бурачковъ. «Первое между ними мѣсто принадлежитъ Пантикеиѣ, какъ по времени появленія, такъ и по разнообразію типовъ монетъ. Уже съ 1868 появилось въ Керчи множество монетъ, чеканенныхъ на соответствующемъ металлѣ и даже съ сохраненіемъ настоящаго вѣса, золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ. Здѣсь на каждомъ шагу можете встрѣтить поддѣльные монеты, какъ автономныя, такъ и царскія. Нѣкоторыя изъ нихъ воспроизведены до того искусно, что приняты за настоящія во многихъ собраніяхъ, и известный нумизматъ Міонне при составленіи своего описанія многія изъ монетъ Понта и Босфора призналъ за сомнительныя. Херсонесскихъ фальшивыхъ монетъ мало: изъ серебряныхъ известно не болѣе одного вида, изъ брозовыхъ — два или три. Что касается монетъ керкинитскихъ, составляющихъ нумизматическую рѣдкость, то спросъ на нихъ вызвалъ поддѣлку, и въ настоящее время (80-ые года) можно встрѣтить много керкинитскихъ монетъ евнаторійской фабрикаціи, весьма искусно воспроизведенныхъ по подлинникамъ, находившимся въ моемъ собраніи. Фальшивыя монеты, принадлежащія нашему краю, обращаются по сю пору въ продажѣ и на западѣ, доказательствомъ чего служитъ издаваемый въ Лейпцигѣ нумизматической листокъ». Будемъ надѣяться, что большее знакомство любителей нумизматики съ настоящими монетами уменьшитъ число фальсификаторовъ, подрывающихъ довѣріе къ наукѣ изъ-за ничтожной наживы.

Такъ писалъ Бурачковъ много лѣтъ назадъ; но его надежды не сбылись: знакомство съ нумизматикой возрасло, но въ то же время сдѣлала большія успѣхи фальсификація, и значителіно увеличилось число фальсификаторовъ, такъ какъ хорошая поддѣлка древностей оплачивается хорошо, а иногда и отлично. Современные фальсификаторы (большую частью изъ рѣзчиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ) уже не ограничиваются простой копировкой, т. е. отливкой древнихъ монетъ изъ сплава

мѣди, свинца, олова, никеля или серебра въ формочку, кото-
рая передаетъ съ мельчайшими деталями всѣ особенности ори-
гинала и которую легко получить простымъ тисненiemъ монеты
между двумя пластинками мягкихъ костей каракатицы (*ossa
seriae*) и дальнѣйшимъ легкимъ искусственнымъ окисленiemъ
монеты и припачкиваниемъ ея землей, смѣшанной съ лакомъ,
для приданія древняго исконнаго вида. Такія монеты нѣ-
сколько лѣтъ назадъ массами продавались въ Крыму и Констан-
тинополѣ. Въ общемъ онъ грубой работы, опытный глазъ раз-
зомъ узнавалъ поддѣлку, и такому онъ продавались очень дешево,
пять, десять копѣекъ за штуку, тѣмъ болѣе, что въ руки
фальсификаторовъ попадають оригиналы наиболѣе распростран-
енные, сами по себѣ очень дешевые (2—3 руб. за штуку).

Такъ какъ особенно цѣнятся монеты очень рѣдкія, изобра-
женій которыхъ нѣть въ каталогахъ монетъ, то фальсифика-
торы, для повышенія цѣнности поддѣлки, часто прибѣгаютъ къ
смѣшенію изображеній на монетахъ: берутъ оттискъ лицевой
стороны одной, а обратной—другой подходящей и отливаютъ
въ такую смѣшанную форму; иногда сами рѣжутъ фигуры и
буквы и комбинируютъ ихъ, подражая древнимъ образцамъ, и
на столько удачно, что иногда трудно замѣтить поддѣлку, и та-
кія монеты попадаются даже въ большихъ тщательно составлен-
ныхъ коллекціяхъ.

Продаются эти монеты, какъ и другія фальсифицирован-
ные древности, обыкновенно не сами поддѣлыватели, а ихъ
посредники, специалисты, которые хорошо знаютъ любителей,
знаютъ публику и умѣютъ сочинить цѣлый миѳ о томъ, какъ
попали къ нимъ эти древности. Въ Севастопольѣ, напримѣръ,
имѣется два старьевщика, которые занимаются перепродажей
настоящихъ и поддѣльныхъ древностей.

Кромѣ монетъ, какъ мы сказали, поддѣлываютъ и другія
древности; особенно часто терракоты, рѣже—мраморныя издѣ-
лія византійскаго периода. Тѣхъ и другихъ фальсификаторовъ
особенно много въ Керчи, менѣе—въ Херсонесѣ (собственно
въ Севастополѣ). Поддѣлка обычно идетъ по готовымъ формамъ,
которые случайно или на время попали въ руки поддѣльщи-
ковъ; часто она очень искусная, и узнать ее можно, только раз-
бивъ венецъ и сравнивъ ея обжигъ и глину съ настоящей античной.

Мраморныя издѣлія фальсифицируются только мелкія и
грубія византійскія, такъ какъ поддѣлка античныхъ требуетъ
художественного исполненія, а это стоитъ дорого. Дѣлаютъ грубое
изваяніе какой-либо фигуры или части рельефа, обрабатыва-

ють его кислотой для сглаживанія поверхности, затѣмъ, подогрѣвъ, покрываютъ издѣліе лакомъ, смѣшаннымъ съ землей, которая, конечно, трудно, но отдѣляется отъ мрамора, и получается подобіе вещи, пролежавшей въ землѣ вѣка и только недавно найденной въ раскопкахъ.

Поддѣлываются и надписи—обычно на мраморѣ, рѣже на камняхъ, и такъ какъ точное повтореніе надписей почти не встрѣчается, то и копировка ихъ примѣняется очень рѣдко. Для поддѣлки берутъ сколокъ древняго мрамора или камня безъ надписи, что не трудно имѣть, и на немъ вырѣзывается, подражая известному вѣку, надпись; она обрабатывается грубымъ рельефомъ, а не углубленіемъ, какъ въ оригиналахъ, какъ и мраморныя изваянія, и поддѣлка готова. Оригиналами служать буквы уже известныхъ надписей, съ которыхъ не трудно имѣть эстампажъ, а для текста служить сборникъ древнихъ надписей черноморскаго побережья, изданный академикомъ В. В. Латышевымъ; при чёмъ для надписи берется обычно не цѣлый текстъ, такъ какъ легко было бы узнать поддѣлку, а толькo части его и даже строки разныхъ текстовъ. Въ этомъ, по словамъ Скубетова, много успѣвалъ одинъ фельдшеръ, умѣвшій разбирать античныя надписи. Говоря вообще, этотъ родъ поддѣлки встрѣчается рѣдко, такъ какъ на него и спросъ не великъ.

По словамъ того же Скубетова, хорошо знакомаго съ фальсификаціями херсонесскихъ и другихъ древностей и сбытчиками, главный очагъ производства этихъ поддѣлокъ маленькой Очаковъ, лежащей недалеко отъ древней Ольвии, гдѣ фальсификаторы и изучаютъ свою археологію.

Поддѣлываются не только монеты, терракоты, мраморы и надписи, но и очень цѣнныя золотыя вещи. Такъ лѣтъ 7—8 назадъ въ археологическомъ мірѣ большого шума надѣлала поддѣльная золотая корона (тіара) съ надписью мнимаго «царя Сайтаферна», неизвѣстнаго ни историкамъ, ни археологамъ.

XLVIII.

Храмъ св. Владимира. Памятникъ великому событию. Проекты адм. Грейга и Академіи Художествъ. Повелѣніе Николая I о сооруженіи въ Херсонесѣ обелиска. Храмъ въ память крещенія въ Севастополѣ. Предложеніе еп. Иннокентія „возстановить“ храмъ въ Херсонесѣ. Повелѣніе Александра II о постройкѣ храма на развалинахъ. Постройка и описание храма.

Уже въ началѣ прошлаго вѣка сознавалась необходимость почитать достойнымъ памятникомъ мѣсто, на которомъ соверши-

лось одно изъ величайшихъ событій нашей исторіи: крещеніе князя Владимира. Въ 1825 году командиръ черноморской эскадры адмиралъ Грейгъ подалъ Императору Александру I, въ бытность его въ Севастополѣ, записку о сооруженіи въ Херсонесѣ памятника на мѣстѣ крещенія Владимира. Кому принадлежитъ эта идея, и кто составлялъ записку, теперь сказать трудно. По этому проекту предполагалось соорудить въ Херсонесѣ небольшую, изящной архитектуры церковь и при ней богадѣльню для 30 человѣкъ дряхлыхъ и неимущихъ инвалидовъ, которые, прославляя имя Божіе, имѣли бы надзоръ какъ за храмомъ, такъ и за сохраненіемъ развалинъ храма. Записка была принята, а проектъ храма переданъ на разсмотрѣніе академіи художествъ. Академія составила новые проекты, которые пошли уже на разсмотрѣніе новаго Государя—Николая I. Онъ повелѣлъ на сооруженіе храма открыть подписку по всей Россіи, а на первый случай устроить на мѣстѣ крещенія обелискъ по рисункамъ академика Беретти.

Затѣмъ мысль о сооруженіи храма въ Херсонесѣ была вовсе оставлена, такъ какъ Николай I, посѣтивъ въ 1843 году Севастополь, повелѣлъ храмъ во имя св. Владимира построить вмѣсто Херсонеса въ Севастополѣ; при чёмъ самъ указалъ мѣсто для него на горѣ, въ центрѣ города. Закладка храма послѣдовала 15 іюня 1854 года въ виду соединенного англо-французского флота, появившагося въ Севастополѣ наканунѣ этого дня. Знаменитый проповѣдникъ, архіепископъ Иннокентій въ прекрасной рѣчи при закладкѣ храма сказалъ между прочимъ: «Кто не знаетъ, что у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній теперь состоитъ въ томъ, чтобы какимъ бы то ни было образомъ отторгнуть здѣшнюю страну отъ состава Россіи. А мы въ это самое время, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ безумную дерзость, полагаемъ здѣсь основаніе храму во имя св. Владимира. Здѣсь купель нашего крещенія; здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступить послѣ сего эту страну кому бы то ни было значило бы для всей Россіи отказаться отъ купели своего крещенія, измѣнить памяти св. Владимира. Возможно ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ горахъ здѣшнихъ камня на камнѣ, нежели луна заступить здѣсь мѣсто креста Христова! Не унывай, богоспасаемый градъ Севастополь, отъ множества и злобы враговъ, тебя обышедшихъ, памятуя, что ты пріемникъ и наслѣдникъ не Ахтіара мусульманскаго, а православнаго Херсона Таврическаго. Что дано и положено свыше, того не можетъ измѣнить никто и ничто!»

Спустя 34 года, храмъ этотъ, сооруженный по проекту архитектора Авдѣева, былъ оконченъ и освященъ (въ 1888 г.). Чудный по архитектурѣ, богатый по своей внутренней мраморной отдѣлкѣ и по положенію на красивой мѣстности, господствующей надъ сушей и моремъ, онъ служить достойнымъ памятникомъ прошедшихъ событий и однимъ изъ лучшихъ украпленій города. Храмъ этотъ съ первыхъ дней существованія сталъ достояніемъ моряковъ. Онъ принялъ въ свои нѣдра дорогое останки безсмертныхъ защитниковъ Севастополя, положившихъ за него свою душу. Онъ сдѣлался усыпальницей славныхъ адмираловъ: Истомина, Корнилова и Нахимова. Тутъ же погребенъ и создатель нового черноморского флота, адмиралъ Лазаревъ. Съ того времени храмъ этотъ называется «адмиральскимъ». За постройкой этого храма забыли объ обелискѣ, и такимъ образомъ Херсонесъ остался безъ всякаго памятника.

И не мудрено: до 1848 года духовное вѣдомство стояло какъ бы въ сторонѣ отъ всѣхъ проектовъ обѣ увѣковѣченій памятникомъ мѣста крещенія св. Владимира и не принимало въ этомъ дѣлѣ никакого участія, такъ какъ Херсонесъ и Севастополь подлежали военно-морскому вѣдомству, независимому отъ епархиального начальства. Но вотъ на епископской каѳедрѣ Херсонской и Таврической появляется (1848 г.) преосвященный Иннокентій. Онъ представилъ Синоду прошеніе жителей Крыма съ обширной запиской, въ коей, не касаясь причинъ, по которымъ Севастополь избранъ мѣстомъ для церкви во имя князя Владимира, указывалъ на основанія четырехъ церквей на развалинахъ Херсонеса, трехъ меньшихъ и одной большої, которую, по его словамъ, «не безъ причины» признаютъ за соборную и въ которой крестился князь Владимиръ, и предлагалъ возстановить ее въ томъ древнемъ видѣ, какъ она была при Владимирѣ, что и составило бы «самый приличный памятникъ на мѣстѣ его крещенія». Преосвященному думалось, что и сохранившаяся въ музѣѣ Одесского Общества Истории и Древностей мраморная напрестольная доска, найденная въ 1845 году княземъ Барятинскимъ близъ Херсонеса, но не въ самомъ Херсонесѣ, принадлежала престолу именно этой церкви, и онъ выражалъ въ своей запискѣ желаніе, чтобы она опять легла на престолъ той же церкви. Кромѣ этого, онъ предполагалъ: «устроить помѣщеніе служащимъ съ особою комнатою для посѣтителей, возобновить древнюю при церкви цистерну и насадить вокругъ церкви садъ». По его порученію, епархиальнымъ архитекторомъ Отто вмѣстѣ съ предсѣдателемъ

Одесского Общества Истории и Древностей Мурзакевичемъ составленъ былъ проектъ храма. Но проекту новая церковь должна была строиться съ соблюдениемъ всѣхъ архитектурныхъ подробностей византійскихъ храмовъ IX вѣка. Образцомъ должны были служить остатки наибольшаго изъ раскопанныхъ въ то время храмовъ. Преосвященный въ донесеніи Синоду писалъ, что «на устройство всего этого на свой счетъ уже нашелся одинъ человѣкъ въ Одессѣ, а мѣсто (въ городицѣ Херсонеса), какъ безъ употребленія лежащее, съ охотою уступается адмираломъ Лазаревымъ. Синодъ одобрилъ предположенія Иннокентія и испросилъ Высочайшее соизволеніе на постройку храма и учрежденіе здѣсь скитскаго пустынножительства.

Смерть архіепископа Иннокентія, послѣдовавшая 26 мая 1857 года, едва не положила конецъ его предназначеннію къ прославленію имени кн. Владимира на развалинахъ Херсонеса. Но печальная участъ Севастополя, оказавшагося тоже въ развалинахъ и съ неизвѣстностью будущаго, при условіи извѣстной статьи Парижскаго трактата, которой воспрещалось возобновленіе черноморскаго флота, дѣлало безцѣльнымъ и сооруженіе въ Севастополѣ Владимира храма, заложеннаго предъ войною.

Этимъ обстоятельствомъ и воспользовалось епархиальное начальство: оно возобновило ходатайство о возстановленіи въ Херсонесѣ на древнихъ фундаментахъ того крестообразнаго храма, въ которомъ, по предложенію преосвященнаго Иннокентія, совершилось крещеніе Владимира, и просило обратить на эту постройку сумму, собранную прежде на сооруженіе храма во имя кн. Владимира въ Херсонесѣ, но внослѣдствіи, по представлению адмира Лазарева, назначенную на храмъ того же имени въ Севастополѣ. Ходатайство это имѣло полный успѣхъ, и 10 февраля 1858 года Высочайше повелѣно: «въ ознаменованіе мѣста крещенія св. Владимира, построить храмъ на развалинахъ Херсонеса»; а 28 августа 1859 года по всеподданнѣйшему докладу управляющаго морскимъ министерствомъ Высочайше повелѣно: «1) учрежденный въ 11 день августа 1845 года комитетъ для построенія храма въ Севастополѣ упразднить; 2) сумму, собранную отъ добровольныхъ пожертвованій на построеніе храма св. Владимира въ Херсонесѣ, раздѣлить по день состоянія того Высочайшаго повелѣнія на двѣ равныя части: одну обратить на построеніе инвалиднаго дома съ домовою церковью въ Севастополѣ, а другую предоставить херсонесскому храму съ тѣмъ, чтобы подпiska и добровольныя приношенія поступали уже въ пользу сего послѣдняго сооруженія; 3) производство

работать по возведенію храма въ Херсонесѣ, согласно удостоенному въ 2 день іюня сего года Высочайшаго одобренія проекту предоставить, по изъявленному на то Св. Синодомъ согласію, въ завѣдываніе мѣстнаго епархіального и гражданскаго начальства съ тѣмъ, чтобы для распоряженія работами составленъ быль комитетъ изъ духовныхъ лицъ по выбору преосвященнаго, а изъ гражданскихъ—по назначению начальства; 4) независимо отъ суммы, выше сего упомянутой, предоставить въ пользу херсонескаго храма писанные для церкви въ г. Севастополь образа и картины, а также всѣ заготовленные для того храма предметы; для удешевленія же работъ употребить гранитъ и другіе камни отъ севастопольскихъ сооруженій, сколько это окажется возможнымъ».

Проектъ реставраціи крестообразной церкви былъ оставленъ еще прежде, а вмѣсто него архитекторомъ Елингеромъ составленъ проектъ болѣе обширнаго храма, который заключалъ въ своемъ подвальномъ этажѣ развалины древней церкви. Но этотъ проектъ храма съ пятью куполами не одобренъ, а взамѣнъ его поручено извѣстному архитектору, академику Гrimmu составить новый проектъ съ сохраненіемъ нетронутыми остатковъ древней церкви, который, по утвержденію Государемъ, переданъ въ комитетъ для исполненія, и въ то же время Высочайше пожалована обители въ даръ изъ малой церкви Зимняго дворца часть мощей Равноапостольнаго князя Владимира.

Наружный видъ и расположение храма Гrimmъ заимствовалъ отъ Константинопольской церкви св. Сергія и Вакха, которая нынѣ обращена въ мечеть.

Предсѣдателемъ строительного комитета былъ игуменъ херсонескаго монастыря Евгений (Отмарштейнъ), которому и приписываютъ мысль построить храмъ въ два этажа, съ тѣмъ, чтобы въ нижнемъ сохранить фундаментъ и остатки древней церкви.

Въ продолженіе 1860—1861 годовъ комитетомъ производились работы по расчисткѣ мѣста подъ постройку храма, а 20 августа 1861 года Александръ II, прибывъ въ Херсонесъ съ августѣйшою супругою, положилъ первый камень въ основаніе храма. Въ теченіе 1862 года выведены фундаменты. Хотя въ распоряженіи комитета въ началѣ постройки имѣлось 117,981 р. и строительныхъ матеріаловъ на 40,000 р., но комитетъ находилъ эти средства далеко недостаточными для выполненія проекта храма. Поэтому, пріостановивъ работы на три года, въ ожиданіи новаго поступленія пожертвованій, комитетъ приступилъ къ дальнѣйшимъ работамъ только въ маѣ 1865 года и къ

августу 1867 года окончилъ нижній этажъ церкви. Въ этомъ году вел. кн. Владими́р Александровичъ принялъ званіе кти́тора собора и заложилъ первый рядъ кладки второго этажа со́бora. Затѣмъ работы оцѣть были простоянены на три года, такъ какъ вся бывшая въ комитете сумма оказалась уже израсходо-ванною.

Дальнѣйшая постройка храма вчериѣ предложена въ 1873 г. оберъ-прокуроромъ синода, гр. Толстымъ строителю севасто-польской желѣзной дороги П. И. Губонину, который принялъ на себя эту работу за 236,476 руб. и согласно обязательству окончилъ ее «въ самомъ лучшемъ видѣ» осенью 1876 года.

Такимъ образомъ, черновая постройка храма, опредѣленная по сметѣ въ 183,419 р., обошлась въ 440,322 р., не считая строительного материала, большую частью жертвованнаго (ка-мень взятъ главнымъ образомъ изъ батарей, разрушенныхъ во время осады Севастополя, лѣсь изъ казенныхъ дачъ) и даро-вого труда сотенъ низкихъ чиновъ, назначавшихся для раз-ныхъ работъ.

Наступила турецкая война; средствъ на продолженіе ра-ботъ (внутренней отдѣлки) не было, и въ черновомъ видѣ храмъ простоялъ 10 лѣтъ. Весной 1887 года Севастополь посѣтилъ Александръ III и во время завтрака спросилъ епископа Мар-тиніана: «Сколько бы стоило отѣлать Херсонесскій храмъ вну-три?» Мартиніанъ отвѣтилъ, что потребуется не менѣе 300 ты-сячъ. Это было въ маѣ, а въ январѣ слѣдующаго года (1888) состоялось Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ этой суммы изъ государственного казначейства, распредѣливъ выдачу ея на три года.

Приближавшійся юбилей 900-лѣтія крещенія Руси уско-рилъ ходъ работъ: къ ююлю 1888 г. былъ отѣланъ и освященъ нижній храмъ. Освященіе было торжественное, въ присутствіи великихъ князей, множества духовенства и высокопоставлен-ныхъ лицъ.

Къ осени 1891 г. была окончена отдѣлка верхняго храма, и въ знаменательный день спасенія Государя и всей Царской семьи при крушенніи поѣзда въ Боркахъ 17 октября освященъ главный престолъ верхняго храма при большомъ стеченіи на-рода и богомольцевъ.

Храмъ въ честь равноапостольного князя Владимира пред-ставляетъ собою грандіозное двухэтажное зданіе, построенное въ строгомъ византійскомъ стилѣ. Все выдержано до мелочей, поражаетъ отдѣлкой и въ общемъ представляетъ шедевръ архи-

тектурного искусства. Вся внутренняя отделка, произведенная подъ наблюдениемъ академиковъ Чагина и Безобразова, вполнѣ соответствуетъ виѣшнему величественному виду храма.

Особымъ изяществомъ отличается *верхний храмъ*, украшенный живописью академика Корзухина: Тайная вечеря, Крещеніе Господне, Преображеніе, иконостасъ и изображеніе царей Давида и Соломона и проф. Нефа: священномуучениковъ Херсонесскихъ, Кирилла и Меѳодія, Андрея Первозваннаго, Клиmentа, Стефана и Мартиніана. Запрестольный Нерукотворный Образъ и икона Богоматери Корсунской—точныя копіи съ иконъ, увезенныхъ изъ Херсонеса кн. Владиміромъ и хранящихся нынѣ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Эти иконы, работы художника Малышева, пожертвованы покойной Государыней Маріей Александровной.

Изящный иконостасъ, въ византійскомъ стилѣ, весь изъ бѣлого мрамора, тонкой художественной работы. Въ средней церкви обращаеть на себя вниманіе дорогой ковчегъ, въ которомъ хранится до 156 частицъ мощей разныхъ угодниковъ и частицы Креста Господня. Въ правомъ придѣлѣ верхняго храма, въ память Александра Невскаго, чудный рѣзной иконостасъ—подарокъ вдовствующей государыни Маріи Феодоровны. Иконы въ немъ работы академика Корзухина. Въ алтарѣ особенно хороши образъ Клиmentа; надъ горнимъ мѣстомъ изображеніе Господа Саваоа, исполненное крестьяниномъ-самоучкой Молокинымъ. Въ ризницахъ храма много цѣнныхъ облаченій и дорогихъ вещей изъ церковной утвари, пожертвованныхъ Высочайшими особами. Весь храмъ изобилуетъ свѣтомъ, отличается прекраснымъ резонансомъ и въ общемъ производить на посѣтителей чарующее впечатлѣніе.

Нижній храмъ, въ память Рождества Богоматери, мраченъ и низокъ, но и въ немъ вездѣ видно богатство и великолѣпіе. Здѣсь иконостасная живопись, Тайная вечеря и десять иконъ двунадесятыхъ праздниковъ—работы художника Майкова; на сводахъ южной и сѣверной стѣны храма—обширные изображенія крещеніе князя Владимира и кievлянъ—работы академика Риса.

Средину нижняго храма занимаютъ остатки стѣнъ древней церкви, въ которой, какъ полагали иные, крестился Владимиръ; остатки эти строителемъ собора, архитекторомъ Чагинымъ неудачно реставрированы и нарошены, причемъ швы между камнями раздѣланы цементомъ подъ лопатку.

У праваго клироса часть мѣста обнесена легкой рѣшеткой чудной работы изъ бѣлого мрамора на мѣстѣ предполагаемой купели князя Владимира. Объ этихъ остаткахъ древняго храма, а равно о мѣстѣ купели, возбуждающихъ живой интересъ какъ ученыхъ специалистовъ, такъ и многочисленныхъ посѣтителей собора, мы скажемъ сейчасъ.

XLIX.

О церкви, въ которой крестился великий князь Владимиръ.

Когда надъ остатками древней церкви было выстроено величественный храмъ и нижній этажъ его былъ освященъ, то, глядя на неудачно подновленныя древнія стѣны, многіе задались серьезно вопросомъ: дѣйствительно ли это остатки церкви, въ которой крестился князь Владимиръ? Есть-ли достаточныя основанія считать ихъ таковыми? Правда, поздно было решать этотъ вопросъ, когда память великаго события была уже увѣличана. Но, что дѣлать, истина не терпитъ оковъ и, какъ ни скрываютъ ее, она все ищетъ свѣта и просится наружу. Да и нельзя пройти молчаниемъ этотъ принципиально крайне интересный вопросъ, имѣющій уже свою маленькую исторію, которую мы попытаемся изложить съ возможной точностью и краткостью.

Кто ищетъ подробностей, пусть обратится къ обстоятельной статьѣ П. Л.: «Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня», помѣщенной въ Кіевской Старинѣ 1890 г. кн. I. А теперь попрошу вспомнить то, что говорилось о первыхъ раскопкахъ этой церкви, сдѣланныхъ лейтен. Крузе въ 1827 г.

Въ 1836 г. посѣтилъ Херсонесъ Мурзакевичъ, тогда членъ только что народившагося Одесского Общества Исторіи и Древностей, а затѣмъ и предсѣдатель его; онъ уже не написалъ многаго того, что видѣлъ Крузе, и по поводу развалинъ нашей церкви въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ писалъ между прочимъ: «Близъ церкви попадается много мраморныхъ обломанныхъ капителей коринѣскаго ордена, колонны съ продолговатыми византійскими крестами, обломки мраморныхъ досокъ съ разными украшеніями. Сказываются, что въ этой церкви былъ и мозаичный полъ, расхищенный любопытными». Затѣмъ, какъ бы спрашивая самъ себя, Мурзакевичъ продолжаетъ: «Не вѣ этомъ ли храмъ Равноапостольный князь Владимиръ принялъ святое крещеніе?»

Архієпископъ Иннокентій, по словамъ графа Уварова, искашій и страстно желавшій найти храмъ, въ которомъ крестился Владимиръ, въ запискѣ своей «О возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ крымскимъ», представленной Синоду въ 1849 г., уже писалъ: «между развалинами Херсонеса доселѣ примѣтны основанія четырехъ церквей: трехъ меньшихъ и одной большей; ее не безъ причины признаютъ за соборную, въ которой крестился Владимиръ». Иннокентій не говорить, кто «признаеть»; но, очевидно, онъ увлекся въ своемъ заключеніи очень заманчивымъ предположеніемъ Мурзакевича.

Лѣтомъ 1853 года пріѣзжалъ въ Херсонесъ для раскопокъ графъ Уваровъ; бывшій при Уваровѣ архитекторъ Медвѣдевъ снялъ планъ этой церкви. Архитекторъ Авдѣевъ снятый Медвѣдевымъ планъ подробно описалъ и уже совершенно произвольно назвалъ остатки церковью св. Василія. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что задолго до Авдѣева Дюбуа въ своемъ «Путешествії» съ такимъ же основаніемъ говорить то же самое. Предположеніе авторитетнаго архипастыря и ни на чемъ не основанныя утвержденія Дюбуа и Авдѣева для многихъ были достаточными, чтобы эту крестообразную церковь признать за мѣсто крещенія Владимира.

Открытая (въ 1853 г.) граffомъ Уваровымъ большая и богатая базилика совершенно неожиданно внесла большую путаницу въ этотъ вопросъ: такъ, преосвященный Гермогенъ въ своемъ «Описаніи Таврической Епархіи», не вѣдая или забывъ, о какой церкви говорилъ Мурзакевичъ, уже положительно заявляетъ, что «мѣсто, где крестился св. Владимиръ, благодаря трудамъ графа Уварова, не только найдено, но и открыто самое основаніе храма, имѣющее 17 саж. длины и $10\frac{1}{2}$ ширины, въ формѣ базилики. Это былъ соборный храмъ Рождества Богородицы, о которомъ писалъ лѣтописецъ Несторъ». И далѣе: «по расчисткѣ пола открыта въ полу купель въ видѣ продолговатаго ящика въ $2\frac{1}{2}$ арш. длины и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины, устроенаго изъ большихъ песчаныхъ плитъ».

Тотъ, кто знакомъ съ размѣрами раскопанныхъ храмовъ и ихъ частей, разомъ увидитъ въ словахъ преосв. Гермогена путаницу: онъ беретъ размѣры Уваровской базилики и, не вѣдая того, вносить туда размѣры несомнѣнно погребальной ямы крестообразной церкви, надъ которой высится храмъ св. Владимира, ямы, которая совершенно произвольно и ошибочно принята за «купель въ видѣ продолговатаго ящика», равно какъ

онъ произвольно назвалъ Уваровскую базилику «соборнымъ храмомъ Рождества Богородицы».

Слова Гермогена послѣдующіе писатели принимаютъ безо всякой критики на вѣру, какъ истинныя; ихъ повторяютъ: Лапиковъ въ «Исторической запискѣ о сооруженіи въ Херсонесѣ храма во имя св. равноапостольнаго князя Владимира» (1888 г.) и «особая записка, составленная по архивнымъ дѣламъ Св. Синода», помѣщенная въ № 22 Церковныхъ Вѣдомостей за 1888 г.

Такимъ образомъ, мнѣніе это стало офиціальнымъ. А между тѣмъ Уваровъ на VI археологическомъ съездѣ 1886 года, при посѣщеніи членами его Херсонеса, тамъ же на развалинахъ отказался отъ высокой чести открытия церкви, въ которой крестился Владимиръ, и заявилъ, что «въ открытии крестообразной церкви и въ опредѣленіи ся отношенія къ крещенію св. Владимира онъ не принималъ никакого участія».

Да и нельзя съ положительностью утверждать, въ церкви какого святого крещенъ Владимиръ. Объ этомъ разно говорять разныя лѣтописные списки. Такъ по Лаврентьевскому—въ церкви св. Василія, по Кенигсбергскому—въ церкви Богородицы, по Ипатскому—въ церкви св. Софіи. И единственное серьезное основаніе принимать «крестообразную» церковь за мѣсто крещенія Владимира это согласное указаніе лѣтописныхъ списковъ, что «есть церкви та стоящи на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють корсуняне». Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить и богатая отдѣлка церкви, часть которой (отдѣлки) видѣли первые изслѣдователи Херсонеса.

Что касается продолговатой ямы, которая находилась передъ алтаремъ и которую по недоразумѣнію принимали, а офиціально и теперь принимаютъ за крещальную—купель, то это еще большее недоразумѣніе. Крещальни, насколько выяснилось, устраивались либо въ особыхъ зданіяхъ, примыкавшихъ къ церкви, какъ при базиликѣ Уварова, либо въ притворахъ и особыхъ придѣлахъ храма, какъ въ открытыхъ Косцюшкой храмахъ¹), и на папертяхъ. Почему купель крещальная не могла имѣть мѣста въ предалтарной или средней части храма, говорить знатокъ церковной исторіи и археологіи, скрывающійся за инициалами П. Л. Кроме того, купели эти обыкновенно имѣли форму овальной или круглой въ видѣ чаши, какъ обѣ указанныя нами, и дѣлались изъ цѣльнаго камня или мра-

¹⁾ Впрочемъ, обѣ этомъ еще спорятъ.

мора, а предалтарное углубление крестообразной церкви имѣть форму удлиненного прямоугольника и размѣръ обыкновенной могилы въ 3 арии. длины и 2 ширины (по измѣренію архитектора Авдѣева). Выложена эта яма каменными досками изъ тесанихъ плитъ; слѣдовательно, не приспособлена къ наполненію водой, а потому и крещеніе въ ней невозможно. До Крымской войны, по свидѣтельству очевидцевъ, она была наполнена человѣческими костями, приваленными всякимъ мусоромъ и щебнемъ. По мнѣнію П. Л., «это не болѣе, какъ одна изъ трехъ открытыхъ въ семъ храмѣ могилъ. Можетъ быть, въ ней покоялись бренные остатки создателя сего храма, подобно тому какъ гробницы св. кн. Владимира и его бабки благовѣрной княгини Ольги находились опущенными въ склепы въ предалтарной части Кіевской Десятинной церкви». Вотъ что говорятъ факты и соображенія. Кто первый принялъ эту погребальную яму за купель,—неизвѣстно. «На точномъ и тщательномъ, со всѣми мелочами, рисункѣ раскопокъ 1861 года (при планировкѣ этой площади), говоритъ Бертье-Делагардъ, строитель храма, составлявшій планъ раскопокъ, этой могилы не показалъ; только рукой тогдашняго игумена Евгенія пребавленъ квадратикъ, и подписано, еще не смѣло, только слово «водоемъ». Послѣ этого «водоемъ» стали принимать за купель, въ которой крестился Владимиръ». А затѣмъ это мѣсто, по мысли Побѣдоносцева, было приказано обиесть богатой мраморной рѣшеткой.

Изъ разсмотрѣнія всего вопроса видно, что неосторожно брошенное Мурзакевичемъ предположеніе подхватилъ Дюбуа и съ посѣщенностью, свойственною французамъ, въ своемъ «Путешествії» принялъ за истину, поторопился опредѣленно называть остатки—церковью св. Василія, и даже нарисовалъ ихъ. Трудъ Дюбуа, вѣроятно, былъ извѣстенъ широку образованному архипастырю, искавшему мѣсто крещенія, равно и архитекторамъ Авдѣеву и Медвѣдеву.—Авторитетъ Мурзакевича, а тѣмъ болѣе Дюбуа, былъ великъ, и это дало поводъ преосвященному Иннокентію, увлеченому мыслью о возсозданіи храма временъ Владимира, «не безъ основанія» считать крестовый храмъ мѣстомъ крещенія кн. Владимира. Предположеніе архипастыря, пользовавшагося громадной популярностью и авторитетомъ, было понято прямо. И вопросъ о храмѣ крещенія Владимира былъ решенъ окончательно. Когда былъ выстроенъ новый храмъ, тогда обѣ этомъ уже заговорили, какъ о положительномъ фактѣ.

Однако П(рот.) Л(ебединцевъ) высказываетъ желаніе, «чтобы могильная яма, находящаяся передъ солеей нижней церкви Владимира собора, какъ неимѣющая никакого отношенія къ крещенію князя Владимира, была закрыта, а остатки стѣнъ древней церкви были сняты и означены лишь фундаменты плитами пола особаго цвѣта». Бергье-Делагардъ настаиваетъ на снятіи стѣнъ на томъ еще основаніи, что строитель собора архитекторъ Чагинъ переусердствовалъ и имѣлъ неосторожность наростили стѣны древняго храма и раздѣлать ихъ цементомъ по-современному, чѣмъ, конечно, исказилъ древность. Нельзя, конечно, не согласиться съ почтеннымъ инженеромъ-археологомъ, что «не хорошо уничтоженіе древностей, но уродованіе ихъ во сто разъ хуже». Пусть такъ; пусть эти остатки не мѣсто крещенія, погребальная яма — ни купель, ни крещальня. *Никто на этомъ никогда не настанивалъ*, и при выборѣ мѣста для собора руководствовались не столько убѣжденіемъ, что это именно дорогіе остатки, сколько красотой и удобствомъ положенія мѣста. Развалины церкви избрались не какъ подлинное мѣсто крещенія Владимира, а какъ память этого события. Такъ понималъ дѣло и Императоръ Николай I, который не придавалъ никакого значенія не только остаткамъ храма, но даже и самому мѣсту. Для него было важно создать памятникъ, достойный великаго события, почему онъ и рѣшилъ воздвигнуть храмъ Владимиру не на развалинахъ Херсонеса, а въ Севастополь, какъ мѣстѣ, болѣе посвящаемомъ и видномъ. Вотъ почему мы и полагаемъ, что остатки стѣнъ стараго храма должны быть сохранены для потомства. Пусть они нарощены по-новому; нужды нѣтъ,—неудачную реставрацію замѣтить только специалисты (а много-ли ихъ?),—но эти остатки все же сколокъ дорогой старины; они живо, наглядно напоминаютъ о далекомъ быломъ, невольно переносятъ мысль зрителя къ самому моменту великаго события. Они—увидшій цвѣтокъ съ дорогой намъ могилы; но сухой цвѣточекъ связываетъ съ дорогимъ прошлымъ. Вынесите рѣшетку, уберите стѣны, и нить этой связи порвется разъ навсегда.

И такъ, пусть эти стѣны и рѣшетка остаются на своихъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе, что, если нельзя утверждать что именно здесь крестился Владимиръ, то нельзя также утверждать, что и не здесь. Кто знаетъ,—быть можетъ, во времена Владимира это была лучшая или соборная церковь, или именно церковь св. Василія, имя которого желалъ принять князь при крещеніи и подъ защиту котораго готовился стать. Суевѣрный языч-

никъ, склонный къ материализаціи духа, еще вчера находившійся подъ покровительствомъ и страхомъ истукановъ, естественно искалъ такого же покровительства новаго и болѣе сильнаго Бога, и онъ не столько обращалъ вниманія на размѣры и укращеніе храма, какъ именно на своего нового патрона, который принималъ его подъ свою сильную руку. И возможно, что волей судебъ это именно остатки храма, въ которомъ крестился Владимиръ.

Эти соображенія невольно приходять въ голову въ то время, какъ всѣ искали и ищутъ остатковъ громаднаго центральнаго храма, какъ мѣста крещенія, и каждый вновь открытый большой храмъ готовы были признать соборнымъ и «мѣстомъ крещенія», хотя бы для этого пришлось дѣлать и натяжки. Таковымъ была сначала признаваема «крестообразная» церковь, а съ открытиемъ крещальни Бертъс-Делагардъ писалъ: «Теперь стало очевиднымъ, что каѳедральной церковью Херсонеса была базилика, открытая графомъ Уваровыемъ; къ тому же она самая красивая, древняя и самая большая изъ всѣхъ известныхъ до сихъ поръ церквей, въ шесть разъ болѣе той, надъ которой воздвигнутъ новый храмъ». Косцюшко тоже повторялъ, что крещеніе кн. Владимира скорѣе всего могло быть въ этой каѳедральной церкви (базиликѣ Уварова), или, лучше сказать, въ ея крещальни. Послѣ открытія большого храма съ ковчегомъ, который занимаетъ мѣсто если не въ срединѣ города, то близко къ ней и очень близко къ мѣсту, «идѣже торгъ дѣютъ Корсуніяны», тотъ же Косцюшко склоненъ былъ считать и этотъ храмъ мѣстомъ крещенія Владимира. И если дальнѣйшия раскопки «векрай храма» обнаружатъ остатки «палаты», въ которой жила царевна Анна, то главныя данные для признания этого храма мѣстомъ крещенія будутъ повышены.

Однако всякия заключенія на этотъ счетъ пока нѣсколько торопливы. Нужно принять во вниманіе и то, что до сихъ поръ раскопана лишь пятая часть всего города. Кто знаетъ, не сегодня—завтра раскопки могутъ открыть какія-либо документальные данныя относительно этого великаго событія.

L.

Херсонесскій монастырь, его вовникновеніе и современное состояніе.

Херсонесскій монастырь одинъ изъ самыхъ молодыхъ въ нашемъ отечествѣ; онъ едва насчитываетъ полъ вѣка своего

существованія, есть еще свидѣтели его основанія. На мѣстѣ монастыря полѣ вѣка назадъ былъ пустырь, поросшій жесткой сорной травой и — былъ вѣковъ. Но вотъ въ 1818 году на Херсонскую кафедру, въ которую входила и Таврическая губернія, назначается знаменитый архимандритъ Иппонекентій (Борисовъ). Обозрѣвъ Крымъ, онъ тогда же возымѣлъ мысль учредить здѣсь киновіи въ запустѣвшихъ, заброшенныхъ, но священныхъ для каждого христіанина мѣстахъ и мечталъ создать въ Крыму нечто похожее на Афонскую гору — русскій Афонъ. Онъ встрѣтилъ сочувствіе своей мысли какъ со стороны начальника края князя Воронцова, такъ и въ жителяхъ Симферополя, Бахчисарай, Алушты и другихъ крымскихъ городовъ и селеній, подавшихъ преосвященному въ январѣ 1819 года общее заявленіе, въ которомъ они обѣщали содѣйствовать посильными пожертвованіями восстановленію древнихъ христіанскихъ святынь; послѣ этого Иппонекентій представилъ въ Синодъ докладную записку. Синодъ одобрилъ предположеніе архимандрита обѣ учрежденіи скитовъ въ Успенской скалѣ (у Бахчисарай), въ Инкерманѣ, Топлахъ¹⁾ у почитаемаго татарами источника Солухъ-су (здравая вода), гдѣ нынѣ Козьмо-Демьянскій монастырь²⁾, а равно и на «развалинахъ церквей въ Херсонесѣ», и далъ обѣ этомъ знать указомъ 4 мая 1850 года.

Адмиралъ Лазаревъ не замедлилъ передать изъ военно-морского вѣдомства въ епархиальное Херсонесское городище съ его развалинами, и мѣстность эта первый разъ была поручена вѣдѣнію и наблюденію протоіерея Арсенія Лебединцева, благочиннаго крымскихъ церквей. Онъ съ помощію флотскихъ командъ отгородилъ Херсонесъ съ сухопутной стороны и задѣлалъ (sic!) бреши древней городской стѣны, а устройствомъ монастыря занялся прибывшій съ Аѳона іеромонахъ Василій Юдинъ, бывшій офицеръ Донского войска и воспитанникъ московскаго университета, потерявшій всю свою семью.

При содѣйствії окрестныхъ жителей, іеромонахъ Василій устроилъ въ Херсонесѣ три келіи, а затѣмъ соорудилъ и небольшой храмъ во имя св. Ольги въ память своей покойной дочери. Киновія эта просуществовала всего $1\frac{1}{2}$ года: во время осады Севастополя, Херсонесъ былъ занятъ французскими войсками; киновія вмѣстѣ съ храмомъ разрушена до ос-

¹⁾ Между Судакомъ и Карасубазаромъ, у болгарскаго села Топлы.

²⁾ Въ горахъ, въ 18 в. отъ Алушты.

нованія, а на ся мѣстѣ непріятели устроили батареи съ пороховыми складами и всю мѣстность прорѣзали траншеями.

По заключеніи мира, какъ только удалились изъ Севастополя союзныя войска, пр. Иппокентій сдѣлалъ распоряженіе о возстановленіи херсонесской киновіи. Архіепископъ, уже почти лежавшій на смертномъ одрѣ, послалъ своего ставленника іеромонаха Евгения (Отмарштейна¹⁾) освятить мѣсто будущей обители. Явившись въ зашутствій Херсонесъ, гдѣ валялись осколки гранатъ и виднѣлись другіе слѣды едва закончившейся кампаніи, новый устроитель монастыря Евгений не нашелъ здѣсь ни воды, ни сосуда для освященія ея; въ числѣ спутниковъ своихъ онъ замѣтилъ одного, имѣвшаго кожаныя рукавицы, и, попросивъ одну съ руки имѣвшаго, послалъ его на берегъ моря за водой. Когда вода была принесена, Евгений снялъ съ груди своей крестъ съ частицей древа Христова и, погрузивъ его въ морскую воду, излилъ ее на первый камень храма Господня. Это было въ началѣ 1857 года. На первый разъ севастопольскими купцами Петромъ и Михаиломъ Телятниковыми былъ выстроенъ здѣсь изъ деревяннаго барака небольшой храмъ во имя семи священномучениковъ Херсонесскихъ. Настоятелемъ киновіи 19 апрѣля 1857 года назначенъ съ саномъ игумена упомянутый выше Евгений, а 30 апрѣля освященъ и новый барачный храмъ.

Въ воспоминаніе крещенія просвѣтителя Россіи князя Владимира, а также въ память о страшномъ испытаніи, постигшемъ многострадальный Севастополь, установленъ, по Высочайшему соизволенію, ежегодный крестный ходъ изъ военнаго собора Севастополя въ новоустроенную обитель, каковой ходъ впервые былъ совершенъ 15 июля 1858 года.

Временно и наскоро устроенный храмъ вскорѣ пришелъ въ полную ветхость, былъ разобранъ, а на мѣстѣ его выстроенъ новый—большаго размѣра и освященъ 2 апрѣля 1861 г. Онъ благополучно стоитъ и понынѣ. Затѣмъ постепенно возникаютъ монастырскія службы, большой двух-этажный, такъ называемый архіерейскій домъ съ стильнымъ византійскимъ крыльцомъ, а въ домѣ—обширная домовая церковь, въ которой обращаетъ на себя вниманіе громадный образъ Вознесенія Господня работы академика Риса. Передъ соборомъ лѣтъ десять назадъ поставленъ двумя жертвовательницами помостъ съ колоколомъ въ 725 п. въ память избавленія отъ грозившей опасности на

¹⁾ Бывшій шведскій подданный, принявшій православіе.

пароходѣ «Петръ», выброшенномъ на камни у херсонесскаго монастыря. Колоколъ, согласно волѣ жертвовательницѣ, имѣть цѣлью не только благовѣстить къ церковной службѣ, но и звонить во время тумановъ и тѣмъ предупреждать о близости опаснаго берега.

Въ недавнее время монастырь выстроилъ скромную гостиницу на десять номеровъ, въ чёмъ чувствовалась всегда большая нужда, въ виду массы посѣтителей Херсонеса. Къ сожалѣнію, когда возводились эти постройки, мало думали объ археологии, почему эти участки въ археологическомъ смыслѣ остались неразслѣдованными.

Херсонесскій монастырь первоначально былъ штатнымъ, и въ немъ положено было братію: настоятель въ санѣ архимандрита, намѣстникъ (замѣститель), 8 іеромонаховъ, 4 іеродіакона, 3 монаха и 5 послушниковъ. Въ 1899 г. монастырь обращенъ въ общежительный, т. е. такой, въ которомъ нѣть опредѣлленнаго штата монаховъ, и сумма, отпускаемая отъ казны на его содержаніе, расходуется не по штатамъ, а по наличному составу братіи. Послѣ этой перемѣны число братіи значительно увеличилось и въ настоящее время колеблется между 60 и 65 душами.

При монастырѣ имѣется церковно-приходская школа и школа псаломщиковъ, а въ недавнее время открыта на пожертвованія и пріемный покой, находящійся въ завѣданіи отдѣльного врача, а помощникомъ его служить фельдшеръ изъ братіи.

LІ.

Заключительное слово.

И такъ, постепенно мы пришли къ концу нашего повѣстнованія о Херсонесѣ и его раскопкахъ; но прежде чѣмъ окончательно проститься съ нимъ, бросимъ на него послѣдній бѣглый взглядъ.

Группа смѣлыхъ и предпріимчивыхъ гераклеотовъ въ то отдаленное время, которое выходитъ почти за предѣлы исторіи, основываетъ на негостепріимныхъ берегахъ далекой Тавриды колонію. Она быстро растетъ, развивается, достигаетъ цвѣтущаго состоянія и превращается въ небольшой, но богатый торговый республиканскій городъ, въ которомъ жизнь бьетъ ключемъ и граждане котораго, связанные узами клятвы, стоять за общее благо и демократическое устройство, не жалѣютъ

средствъ на устройство гигантской оборонительной стѣны, обшириныхъ храмовъ и богато украшенныхъ мраморами и почетными надписями общественныхъ зданій и площадей. Они строятъ гимназіи и учать въ нихъ молодежь, и лучшіе сыны Херсонеса на панэллинскихъ играхъ и состязаніяхъ, можно сказать, передъ лицомъ всего античнаго міра, время отъ времени выходятъ побѣдителями, получаютъ почетные призы и съ тріумфомъ везутъ дорогую награду домой на славу родного города. Античныя херсонитянки тоже не отстаютъ отъ соперницъ большихъ эллинскихъ городовъ: онѣ также тратятъ громадныя суммы на наряды и украшения, которыя своей роскошью и отвѣлкой поражаютъ даже современаго избалованнаго всякими диковинками зрителя. Въ лучшихъ домахъ древняго Херсонеса—полная чапла. Все это составляетъ предметъ зависти окружающихъ варваровъ, толпы которыхъ постоянно толкуются у стѣнъ цвѣтущаго города въ ожиданіи наживы или ради мести за смѣлый захватъ ихъ владѣній.

Идутъ годы, вѣка... Херсонесъ раскинулъ свои владѣнія, но не справиться кучкѣ херсонитянъ противъ полчищъ варваровъ; борьба становится не по силамъ, херсонитяне просятъ помощи сосѣдняго боспорскаго царя и... попадаютъ въ его зависимость.—Закатилось солнце Элады.

Развившаяся до гигантскихъ размѣровъ Римская имперія захватываетъ владѣнія боспорскаго царя, а съ ними и Херсонесъ; она освобождаетъ его отъ боспорскаго ига и какъ-будто даетъ Херсонесу свободу, но въ то же время кладетъ свою тяжелую руку на весь строй его жизни и вносить въ патріархальные нравы херсонитянъ весь развратъ сладострастнаго Рима.

Слабѣть сильный Римъ; слабѣть, какъ старецъ, истощившій свои силы въ неустанной борьбѣ, развратъ и оргіяхъ. Падь Римъ, падь сильный и дивный античный міръ, и на смѣну ему, на смѣну владычества римлянъ идутъ съ далекаго востока несмѣтныя полчища всевозможныхъ племенъ и народовъ, имена которыхъ перепутала самая точная исторія. Одни за другими появлялись они у стѣнъ истомленнаго непрестанной борьбой Херсонеса, и точно волны отъ скаль отлынули, оставивъ говорить о себѣ только преданія.

Едва засиялъ свѣтъ христіанства, уже первые лучи его падаютъ на Херсонесъ. Но въ началѣ туго прививается божественное ученіе Христа, и Херсонесъ на много вѣковъ дѣлается мѣстомъ ссылки выдающихся проповѣдниковъ вѣры Христовой и мѣстомъ мученія многихъ изъ нихъ. Благодарная церковь

чтить и понынѣ память этихъ борцовъ, создавшихъ здѣсь прочный очагъ христіанства.

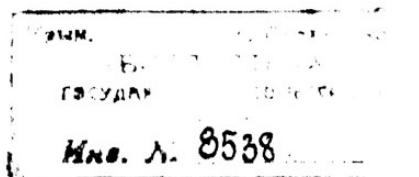
Появляется иконоборческая смута, и вотъ сюда хлынула масса почитателей иконъ и благолѣпія храмовъ, въ Херсонесѣ появляется масса церквей и часовенъ, и городъ почти превращается въ лавру.

Въ безпросвѣтную мглу среднихъ вѣковъ появляются здѣсь славянскіе апостолы-братья Кириллъ и Меодій, отыскиваютъ священные останки еп. Клиmenta и находятъ здѣсь евангеліе и апостоль, писанные «русскими письменами», великое открытие для всего славянскаго міра, настоящее значеніе котораго не оцѣнено и понынѣ. Еще проходятъ полтора вѣка, и подъ стѣнами Херсонеса появляется энергичный, но «ласковый» языческій князь Владіміръ Красное Солнце, завоевываетъ городъ, крестится здѣсь и тѣмъ кладеть основаніе величайшей реформы и всего обновленія Руси. Здѣсь могила нашего язычества, «здѣсь купель нашего крещенія, здѣсь и начало нашей священной исторії». Это высшее, что даль Херсонесъ; онъ сыгралъ свою роль и затѣмъ... стала медленно угасать, тѣснимый венеціанцами и генуэзцами, и, просуществовавъ двадцать вѣковъ, почилъ глубокимъ старцемъ въ неравной борьбѣ за православіе и право торговли, сжигая въ послѣдній моментъ все свое достояніе и оставивъ потомству груду камней, обломковъ и осколковъ своей былой славы, но оставивъ и славное имя, которое стало извѣстнымъ всему просвѣщенному міру.

Остатки его стояли вѣка, никѣмъ не хранимые; всякий бралъ и уносилъ, что хотѣлъ. Съ присоединеніемъ Крыма къ Россійской державѣ мы продолжали эту разрушительную работу. Но не все унесли: и подъ лепломъ и грудами городища и въ гигантской стѣнѣ и за ней, среди покинутыхъ и забытыхъ могиль, кирка археолога время отъ времени открываетъ перлы античнаго и византійскаго искусства и обнажаетъ остатки древняго города. Теперь среди этихъ руинъ ежегодно проходятъ многія тысячи любознательныхъ посѣтителей и съ любопытствомъ смотрятъ на нихъ. Но, увы, и теперь рука посѣтителей не щадитъ этихъ древностей и разрушаетъ и тащитъ, что можетъ, попрежнему. Нѣть къ нимъ уваженія, нѣть къ нимъ сожалѣнія, а между тѣмъ Херсонесъ долженъ быть бы служить школой для каждого русскаго историка и археолога. Здѣсь онъ увидитъ и пойметъ, что исторію надо изучать не столько по книжкамъ и письменнымъ памятникамъ, сколько по живымъ памятникамъ, въ которыхъ одинъ камушекъ, обломокъ вещицы,

строчка надписи часто скажутъ гораздо болѣе, чѣмъ томы са-
мыхъ подробныхъ описаний. Здѣсь научатся они цѣнить, ува-
жать памятники древности и беречь ихъ для потомства.

Пусть же этотъ скромный трудъ, написанный не специа-
листомъ-археологомъ, а врачомъ-практикомъ, проникшимъ глуб-
очайшимъ уваженiemъ къ этимъ остаткамъ, послужить нача-
ломъ большого систематического изслѣдованія о Херсонесѣ, ка-
кого онъ заслуживаетъ по своему историческому и культур-
ному значенію.

Прибавленіе къ главѣ XLIV, стр. 334.

Наконецъ, по сосѣдству съ этимъ мѣстомъ, вблизи Херсонесского маяка, въ 1910 г. начаты и въ 1911 г. продолжены на частныя средства подполк. Н. М. Печенкинымъ систематическія раскопки, которыя уже теперь открываютъ новыя страницы изъ жизни древняго Херсонеса.

Открыто нѣсколько древне-греческихъ усадебъ, представляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ оборонительные пункты, изслѣдованы дороги, соединяющія между собою усадьбы, изслѣдуются оборонительныя стѣны, представляющія, можно сказать, единственныя въ своемъ родѣ памятники древне-греческаго зодчества (IV—II в.в. до Р. Хр.) на территоріи Россіи по своей однородности, безъ присутствія въ нихъ какихъ бы то ни было позднѣйшихъ культуръ.

Изслѣдованіе показало, что поселеніе это занимало обширную площадь, было распланировано весьма правильно, усадьбы находились въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, причемъ находившаяся между ними свободная земля обрабатывалась.

О П Е Ч А Т К И.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
16	18 св.	памятникъ	и памятники
36	31 "	также	только
37	3 "	нарѣзанная	вырѣзанная
213	14 "	если же	если бы я
218	2 "	Совѣтъ и народъ далъ	Далъ Совѣтъ и народъ
221	13 "	АХТОН	АУТОН
230	28 "	повелъ	повелѣ
263	25 "	Константиномъ II	Константомъ II
267	4 "	Спасителя	Спаситель
268	8 си.	динарій	денарій
272	7 св.	свѣтлой	свѣтской
287	1 "	Херсонасъ	Херсона
289	10 "	1889	1899
293	10 "	вѣрныхъ соображеній	вѣрныхъ сужденій
—	14 "	кавова	какова
316	21 "	Въ заголовкѣ (XL) пропущено: Надгробія и надписи эллинского периода.	
336	10 си.	громадныя	громадные
342	8 "	Сайтаферна	Сайтафарна

ПОЯСНЕНИЯ КЪ ПЛАНУ ХЕРСОНЕСА.

Планъ съ поясненіемъ къ нему, по указаніямъ автора, исполненъ чертежникомъ при раскопкахъ въ Херсонесѣ М. И. Скубетовимъ, при чемъ на планѣ нанесены не всѣ раскопанные участки, а только остающіеся открытыми. Многіе раскопанные и хорошо обследованные участки, какъ напр. находящіеся подъ соборомъ св. Владимира, монастырской усадьбой, его садомъ и виноградникомъ, а равно подъ военными сооруженіями и постройками, въ силу житейской необходимости, засыпаны, застроены или засажены. Нанесеніе этихъ раскопокъ на планъ, кромѣ болѣе подробно описанной въ текстѣ центральной части города, могло бы только сбить съ пути посѣтителей раскопокъ, ибо остатковъ города здѣсь въ дѣйствительности уже не имѣется, а только обозрѣвателей мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ, идя на встрѣчу наиболѣе изрѣвѣшой потребности. Интересующіеся раскопками легко найдутъ эти планы (если не всѣ, то большую часть) въ соотвѣтствующихъ томахъ Извѣстій и Отчетовъ Археологической Коммиссіи. Равно не нанесены на планъ участки, хотя и раскопанные и имѣющіе съемку, но не опубликованные еще Коммиссіей.

При всемъ желаніи оказалось невозможнымъ выдѣлить особо на нашемъ планѣ древнія античныя сооруженія отъ болѣе позднихъ, византійскихъ, такъ какъ послѣднія въ большинствѣ случаевъ закрываютъ первыя.

Говоря вообще, для полнаго археологического плана Херсонеса и его окрестностей время еще не настало, такъ какъ и раскопки далеко не закончены, да и не сведены къ одному масштабу, и имѣющіеся данныя еще нельзя связать одной нитью.

Въ нижеслѣдующемъ поясненіи цифры соотвѣтствуютъ цифрамъ плана. Одной цифрой отмѣчены однородныя сооруженія: стѣны, башни, калитки.

1. Часовня съ одной абсидой и тремя усыпальницами внутри. Откр. въ 1891 г.
2. Передняя часть часовни со сводчатой усыпальницей подъ поломъ. Откр. въ 1890 г.
3. Боковая часть часовни, сложенная на береговой скалѣ. Откр. въ 1891 г.
4. Небольшой трехабсидный храмикъ. Откр. въ 1891 г.
5. Одноабсидная часовня съ четырьмя гробницами внутри и одной вѣя. Откр. въ 1891 г.
6. Небольшой трехабсидный храмикъ, со сводчатой усыпальницей подъ поломъ. Откр. въ 1891 г.

7. Трехабсидная базилика съ тремя крестообразно расположеными абсидами и восьмью гробницами-усыпальницами въ притворѣ. Откр. инж. Крузе въ 1827 г., дослѣдovана въ 1891 г.
8. Часовня съ двумя усыпальницами. Откр. въ 1891 г.
9. Небольшой трехабсидный купольный храмикъ съ большой сводчатой усыпальницей подъ поломъ. Откр. въ 1891 г.
10. Разрушенная одноабсидная часовня, съ гробницей внутри. Откр. въ 1891 г.
11. Одноабсидная часовня съ четырьмя усыпальницами внутри. Поль абсиды имѣть восьмигранное углубленіе, обложенное мраморомъ. Откр. въ 1891 г.
12. Одноабсидный храмикъ съ мозаичнымъ поломъ, съ гробницами внутри и со сложенной изъ кирпича сводчатой усыпальницей. Откр. въ 1891 г.
13. Трехабсидная „базилика съ крестомъ“ и красивымъ мозаичнымъ поломъ; слѣва крестообразная усыпальница, справа часовня съ мозаичнымъ поломъ. Откр. въ 1901 г.
14. Трехабсидная базилика на холмикѣ, съ нѣсколькими гробницами. Откр. въ 1890 г.
15. Базилика съ красивымъ мозаичнымъ поломъ; внутри, на развалинахъ ея, сооружена въ болѣе позднее время, другая, меньшая базилика, „базилика въ базиликѣ“. Откр. въ 1889 г.
16. Храмикъ базиличной формы съ нѣсколькими гробницами усыпальницами. Откр. въ 1889 г. Дослѣдованъ въ 1908 г.
17. Трехнефная базилика съ глубокимъ колодцемъ въ средней ся части и съ поломъ изъ капителей. Откр. Крузе въ 1827 г.
18. Небольшая часовня съ двумя гробницами усыпальницами внутри. Откр. въ 1894 г.
19. Крестообразный купольный храмъ, въ которомъ въ алтарной части былъ найденъ серебряный ковчежецъ съ мощами. Откр. въ 1897 г.
20. Небольшой трехабсидный купольный храмикъ, съ двумя гробничками. Откр. въ 1895 г.
21. Сильно разрушенный трехабсидный храмъ, съ остаткомъ мозаичного пола. Построенъ на четырехъ древнихъ цистернахъ. Откр. въ 1890 г.
22. Остатки крестообразной христіанской церкви, надъ которой сооруженъ соборъ во имя крещенія вел. кн. Владимира. Откр. въ 1827 г., дослѣдованы въ 1860 г.
23. Трехнефная базилика съ усыпальницей внутри. Откр. во время пла-нировки въ 1860 г.
24. Крестообразный купольный храмъ. Откр. въ 1860 г.
25. Небольшая трехнефная базилика съ гробницей внутри. Откр. въ 1860 г.
26. Часть абсиды отъ разрушенного храма. Откр. въ 1860 г.
27. Одноабсидный купольный храмъ. Откр. въ 1860 г.
28. Моластырскій складъ древностей съ раскопокъ съ 1860 по 1887 г.
29. Одноабсидная часовня съ двумя гробницами внутри. Откр. въ 1896 г.
30. Часовня съ одной усыпальницей внутри. Откр. въ 1895 г.
31. Трехабсидная базилика съ красивымъ мозаичнымъ поломъ. Откр. граф. А. С. Уваровыемъ въ 1853 г. Дослѣдovана въ 1908 г.
32. Крестовидный баптистерій (крещальня). Откр. въ 1876 г. Одесск. Обществомъ Исторіи и Древностей. Дослѣдованъ въ 1897 г.

33. Трехнефная базилика съ мозаичнымъ поломъ. Откр. въ 1876 г.
34. Трехнефная базилика „съ мозаичнымъ поломъ и пиронами“, часовней и крестообразной усыпальницей. Замыкаетъ собой главную улицу. Откр. въ 1876 г. Одесск. Обществомъ Исторіи и Древностей. Дослѣдована въ 1910 г.
35. Одноабсидный храмикъ, съ вырубленнымъ подъ поломъ въ скалѣ другимъ храмикомъ. Откр. въ 1881 г. Одесск. Обществомъ Исторіи и Древностей.
36. Трехнефная базилика, съ нѣсколькоими гробницами и часовней справа. Откр. въ 1893 г.
37. Часовня съ тремя усыпальницами внутри. Откр. въ 1890 г.
38. Одноабсидная часовня съ двумя гробницами внутри. Откр. въ 1876 г. Одесск. Обществомъ Исторіи и Древностей.
39. Часовня съ прямоугольной абсидой съ тремя отдѣленіями. Откр. въ 1893 г.
40. Одноабсидная часовня съ одной усыпальницей внутри. Откр. въ 1876 г. Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей.
41. Одноабсидная часовня съ двумя гробницами усыпальницами внутри. Откр. въ 1876 г. Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей.
- 42—44, 46—48, 50. Разслѣдованные въ разные годы кварталы съ жилыми помѣщеніями.
45. Главная улица древніаго Херсонеса. Откр. въ 1881 г. Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей.
49. Крѣпостныя башни. Откр. въ разные годы.
51. Часть оборонительной стѣны съ прилегающими къ ней двумя римскими склепами. Въ стѣнѣ богатый фамильный склепъ, въ которомъ было найдено много драгоцѣнностей. Откр. въ 1899 г.
52. Часть оборонительныхъ стѣнъ и древнегреческая калитка. Откр. въ 1900 г.
53. Фланговая башня, т. н. „Зенонова“. Откр. въ 1898 г.
54. Береговая башня и укрѣпленія. Откр. въ 1897 г.
55. Античныя термы. Откр. въ 1897 г.
56. Древнія городскія ворота у южной башни и остатки сѣти водопровода изъ гончарныхъ трубъ. Откр. въ 1894 г.
57. Городскія калитки. Откр. въ разные годы.
58. Четырехабсидный храмъ съ мозаичнымъ поломъ. Откр. въ 1894 г. Дослѣданъ въ 1896 г.
59. Протейхизма (передовая оборонительная стѣна).
60. Главная оборонительная стѣна.
61. Остатки античнаго зданія. Откр. въ 1904 г.
62. Церковь „на забралѣ“. Откр. въ 1907 г.
63. Пятиабсидный храмъ. Откр. въ 1907 г.
64. Часть древніаго греческаго квартала. Раск. въ 1906 г.
65. Часть античныхъ городскихъ стѣнъ. Раск. въ 1907—1910 гг.
66. Часть античныхъ стѣнъ и башенъ съ передѣлками римскаго времени. Раск. въ 1905—1906 гг.
67. Башня римскаго времени. Раск. въ 1911 г.
- А. А. Участки др. города, раскопанные въ разные годы.

ИСТОЧНИКИ.

Интересующимся исторіей и археологієй Херсонеса считаю долгомъ сообщить, что предлагаемый списокъ источниковъ не претендуетъ на исчерпывающую полноту, несмотря на его обширность (около 250 соч.), и содержитъ главнымъ образомъ то, чѣмъ я пользовался при составленіи настоящаго труда. Пропущенное, полагаю—несущественное, интересующійся легко найдеть въ указываемыхъ работахъ и сборникахъ, а равно—въ обстоятельномъ библиографическомъ указателѣ А. И. Маркевича: „Taigica. Опытъ указателя сочинений о Крымѣ“ (Въ Изв. Тавр. Ученой Архивной Комиссии № 20, 28 и 32—33 й). Говоря вообще, главнымъ хранилищемъ свѣдѣній о Херсонесѣ служать изданія Императорской Археологической Комиссіи; ихъ три серии: 1) „Отчеты“, обнимающіе и описывающіе всѣ находки раскопокъ, разсѣянныхъ по всему лицу Земли Русской и производимыхъ по порученію Комиссіи, 2) „Материалы по Археологии Россіи“ (болѣе 25 выпп.), заключающіе богато иллюстрированныя монографіи и болѣе краткія специальныя изслѣдованія, и 3) „Извѣстія Имп. Археол. Комм.“, въ которыхъ помѣщаются обработанные отчеты о раскопкахъ, обзоры отдѣльныхъ крупныхъ находокъ и руководящія статьи по вопросамъ археологии (около 30 вып.). Затѣмъ много даются Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (съ 1844 г.). Немало работъ о Херсонесѣ помѣщено въ Извѣстіяхъ, Запискахъ и Трудахъ Императ. Русскаго Археологического Общества, а равно въ Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщенія. Нѣсколько работъ въ 60—70-тихъ годахъ помѣщены въ Запискахъ и Бюллетеяняхъ Императорской Академіи Наукъ; рядъ серьезныхъ изслѣдованій—въ издававшемся при Академіи Византійскомъ Временикѣ (1894—1902 гг.). Нѣсколько интересныхъ статей пріотилось въ „Кievskoy Stariинѣ“, а рядъ болѣе мелкихъ статей и замѣтокъ—въ „Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи“ (съ 1888 г.) и въ севастопольской газетѣ „Крымскій Вѣстникъ“.

Гомеръ. Иліада. Пѣснь I и II.

Эвріпидъ. Ифигенія въ Авлідѣ.

Овидій. Tristia. Посланія съ Понта.

Геродотъ. Исторія, кн. IV (Скиѳы). Пер. проф. Мищенко.

Скилакесъ. Периплъ. З. О. о. и др. 1852, III.

Страбонъ. Географія, кн. VII, пер. пр. Мищенко.

Пліній. Естественная история, кн. IV.

Всѣ свѣдѣнія этихъ и другихъ греческихъ и римскихъ писателей о Херсонесѣ очень полно собраны въ сборникѣ акад. Латышева: „Извѣстія древнихъ писателей, греческихъ и латинскихъ, о Скиѳіи и Кавказѣ“. Вып. 1—3, 1893—1900 г. съ картой и параллельнымъ переводомъ на русскій яз.

- Прокопій. Исторія войнъ римлянъ. Пер. Дестуниса. 1876 г.
- Константинъ БагрянородныЙ. См. ниже—Ласкинъ.
- Левъ Діаконъ, Исторія. Пер Попова, 1820 г.
- Гете, Ифигенія въ Тавридѣ.
- Штолль. Миоы классической древности. 1867—1877. 2 т.
- Лѣтописецъ Несторъ. Повѣсти временныхъ лѣтъ... По Лаврен-
тиевскому списку.
- „Большой Чертежъ Земли Русской“; къ нему текстъ: „Книга глаголе-
мая Б. Ч.“ (Собрание картъ московского государства, составленное при царѣ
Феодорѣ Ioannovichѣ). Изд. Спасскаго 1846.
- Вронючиус (Броневскій). Tartariae descriptio, 1595—1630. З. О. о. и.
и др. (Здѣсь только часть, касающаяся Херсонеса и Крыма).
- Дартелли д' Асколи, префектъ Каффы... „Описаніе Чернаго моря
и Татаріи“ 1634 г. Пер. З. о. о. я. и др. XXIV.
- Татищевъ. Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ.
1765—1778. 3 т.
- Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die Siedl. Stadthalterchaften
der Russische Reichs. 1794—1795. 2 т. (Есть на франц., англ. и частью
на русск. яз.).
- Ваксель. Изображенія разныхъ памятниковъ древности, найденныхъ
на берегахъ Чернаго моря, снятые въ 1797—8 гг. 1801 г.
- Сумароковъ. Досуги крымекаго суды или второе путешествіе въ
Тавриду. Съ атласомъ и виньеткой херсонесскихъ стѣнь. Издано по Высоч.
повел. 1803—1805. 2 ч.
- Сестренцевичъ, митрополитъ рим.-катол. церквей въ Россії. Исторія
царства Херсонеса Таврійскаго, сочиненная на франц. яз. 1806 г. 2 т.
съ картой (Много совершенно выдуманныхъ фактовъ).
- Clarke. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. 1816 г.
- Муравьевъ-Апостолъ. Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г., съ
план. и картой.
- Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, тт. I и V. 1823—1826.
- Cousin eгу. Voyage dans la Macédoine. 1831 г. (Надпись временъ имп.
Зенона).
- Кеппенъ. О древностяхъ Южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ.
Крымскій сборникъ. Съ карт. и рисунк. 1837.
- Мурзакевичъ. Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Съ карт.
1837.
- Dubois de Montregaux. Voyage autour du Caucase et en Crimée.
1843 (Громадный трудъ съ атлас. in fol.).
- Корейша. Археологическія разысканія вокругъ Корчи, Севастополя
и на Таманскомъ полуостровѣ въ 1846—47 гг. Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, 1846 г.,
т. XVI и 1848 г., т. XXI.
- Спасскій. О мѣстоположеніи древняго города Каркинитиды и его мо-
нетахъ. З. о. об. и др. т. II.
- Шишкіна. Замѣтки русской путешественницы. Съ видами и планами
Херсонеса. 1848.
- Кене. Ізслѣдованія объ исторіи и древностяхъ Херсонеса Тавричес-
каго. Съ рисунками. 1848.
- Дополн. къ „Ізслѣдованіемъ“. Зап. Спб. нумизм. общ., т. II. 1850.

Кепе. Херсонесъ. Ж. м. и. п. 1855.

— Описание музеума кн. Кочубея. 1857.

Бодяцкій. О времени происхождения славянскихъ письменъ. 1855.

Сухомлиновъ. О лѣтописи древне-русской, какъ памятникъ литературный. 1856.

Уваровъ гр. Извлѣданіе о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря. Текстъ съ атласомъ. 1851—1856.

— Извлеченіе изъ всеподданн. отчета объ археологическихъ разысканіяхъ въ 1853 г. Съ рисунк. и планомъ. 1855 (Оба сочиненія богаты содержаниемъ по херсонесскимъ находкамъ).

Леонтьевъ. „Пропилеи“, сборникъ статей по классической древности. 1855—57 (Планъ базилики, раскопанной гр. Уваровымъ въ большомъ масштабѣ).

Вескегр. Die Heraclеotische Halbinsel. 1856.

— Новооткрытыя монеты г. Херсонеса. З. О. о. и и др. т. IV.

— О надписяхъ на ручкахъ древнихъ амфоръ. Тамъ-же V. 1859.

Сибирекій кн. Богиня Артемида и ея значеніе въ нумизматикѣ Боспора и Херсонеса. Тамъ-же.

Федоровъ. Крымъ съ его городами. 1855 (Первѣрия свѣдѣнія о положеніи Херсонеса).

Хольсонъ. Извѣстія о казарахъ, бургасахъ, болгараахъ. 1859.

Фабръ. Достопамятныя древности Крыма. 1859.

Лавровскій. Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники. 1863.

Срезневскій. Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ (IX—XVI в.). 1864.

Погодинъ. Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ. 1865. Здѣсь, между прочимъ, статья Гильфердинга о Кириллѣ и Меѳодіи.

Макарій архіеп. Исторія христіанства въ Россіи до равноапостола кн. Владимира. 1868.

— Исторія русской церкви, тт. I, II (Крещеніе кн. Владимира).

Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнихъ временъ, т. I.

Бильбасовъ. Кириллъ и Меѳодій по докум. историч. и западн. легендамъ. 1868—71.

— Легендарный образъ Кирилла и Меѳодія. Лекціи, в. IV.

Гильфердингъ. Кириллъ и Меѳодій. Собран. соч. т. V. 1868—72.

Григоровичъ. Замѣтки о Солуни и Корсуні. 1872.

Родіоновъ протоіерей. Стат.-хронолог.-историч. описание Таврической епархіи. 1872.

Мансветовъ. Историческое описание древняго Херсонеса и открытыхъ въ немъ памятниковъ. 1872 (Межлу прочимъ, описание нѣкоторыхъ находокъ, нынѣ исчезнувшихъ).

Куникъ. О запискѣ готского тонарха. Записки Императорской Академіи Наукъ. 1872, т. 24.

Анучинъ. О древнихъ искусственныхъ деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи. 1872 (Тр. антрополог. отдѣл. Имп. общ. люб. естеств.).

Алексѣевъ. Неизданный статеръ Херсонеса съ именемъ скиескаго царя. 1874.

- Алексѣвъ. Историко-нумизматическая изслѣдованія о херсонесскихъ монетахъ. 1886.
- О херсонесскихъ монетахъ св. Владимира. 1886.
- Sallet. Die Münzen von Chersonesus in der Krim. Съ табл. 1873.
- Ливановъ. Херсонесъ (древний Корсунь въ Крыму). Очеркъ. 1874.
- Воецк. Corpus inscriptionum graecarum et cetera. Собр. съ 1824 по 1877 г.
- Струковъ художн. Житія святыхъ Таврическихъ (Крымскихъ) чудотворцевъ. Съ рис. 1878.
- О древнихъ христіанскихъ памятникахъ въ Крыму. М. 1872.
- О доисторическихъ памятникахъ Тавриды. Антроп. выст. М. 1879.
- Изв. Имп. Моск. Общ. Люб. Ест. Т. XXXV, ч. 1.
- Аркасъ. Описание Ираклийского полуострова и его древностей. Съ карт. 1879.
- Брунъ проф. Черноморье. Сборникъ изслѣдований по исторической географіи южной Россіи, ч. I, 1879, ч. II, 1880.
- Черноморскіе готы и слѣды ихъ пребыванія въ южной Россіи. Записки Императорской Академіи наукъ, т. XXIV.
- Юргевичъ проф. Эллинская и латинская надписи, найденные въ Херсонесѣ. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. XI.
- Примѣчанія о двухъ новыхъ херсонесскихъ надписяхъ. Ibid.
- Псифизмъ древняго города Херсониса о назначеніи почетей и наградъ Диофанту, полководцу Миоридата Евпатора, за покореніе Крыма и освобожденіе херсонесцевъ отъ владычества скіоовъ. Ibid., т. XII.
- Древнія греческія надписи, найденные въ Херсонесѣ въ 1880 г. Ibid., т. XII.
- Древніе греческія надписи, найденные въ Херсонесѣ въ 1881 г. въ честь Аристона. Ibid., т. XIII.
- Объ археологическихъ розысканіяхъ и открытияхъ въ южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Ibid., т. XIV.
- О надписи съ именемъ императора Зинаона. Ibid.
- Амфорная ручки, собранныя въ окрестностяхъ Херсонеса въ 1886 г. Ibid., т. XV.
- Исторический очеркъ 50-лѣтія Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса. 1889 г.
- Ключевскій. Древне-русская житія, какъ историч. источникъ. 1881.
- Кондратки. Исторія христіанства въ Тавридѣ.
- Универсальное описание Крыма. 4 т. 1875.
- Въ память столѣтія присоединенія Крыма. Исторія и археология Тавриды. 10 т. 1883 (Масса свѣдѣній, но легкое отношеніе къ источникамъ).
- Ястребовъ. Херсонесъ Таврическій (Впечатлѣнія). Киевская Старина. 1883.
- Розенъ бар. Имп. Василій Болгаробойца. 1883.
- Подшиваловъ. Каталогъ монетъ Сарматии, Херсонеса, Босфора и пр. 1884.
- Горчакова кн. Воспоминанія о Крымѣ. 2 ч. 1884.
- Недзвѣльскій. Сборникъ рисунковъ и видовъ древностей Крыма. В. I. 1888.
- Гроzdovъ. Историческая записка о херсонесскомъ монастырѣ. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комміssіи. 1888, в. V.

Смирновъ. Археологическая экскурсія въ Крымъ лѣтомъ 1886 г. Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. I.

Филимоновъ. О доисторической культурѣ въ Крыму. Отчетъ Антропологич. выст., т. III, в. 1.

Кирничниковъ проф. Очеркъ исторіи Херсонеса и его участіе въ крещеніи Руси. Историческ. Вѣстн. 1888, IX.

Ящуржинскій. Очеркъ археологическихъ изслѣдований въ области Херсонеса. Изв. Тавр. Учен. Арх. Комм. № 5. 1888 г.

Голицынъ кн. Рѣчной и морской военный походъ великаго князя Владимира отъ Киева до Херсонеса. Русск. Стар. 1889, V.

Лашковъ. Историческая замѣтка о сооруженіи въ Херсонесѣ храма св. Владимира. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи 1887, V.

Ребецъ. Судьба Крыма при Митридатѣ Евпаторѣ. Тамъ-же в. 6

Стевенъ. Раскопки въ Херсонесѣ въ 1889 г. Тамъ-же, № 8, 1889.

Вакъе. Эра г. Херсонеса. Тамъ-же № 11, 1891.

— Херсонесъ Таврическій. Крещеніе въ немъ русскаго князя Владимира и Херсонесскій монастырь. 1888 (Брошюра съ массой невѣрныхъ свѣдѣній).

Филипповъ. По Крыму (Впечатлѣнія). 1889.

Гиль. Новыя пріобрѣтенія моего собранія 1891 г. (Херсон. монеты).

— Описаніе монетъ, поступившихъ въ мое собраніе. 1895.

Немировичъ-Данченко. Развалины Херсонеса. Сборникъ „Нивы“. 1891 г. II.

Бурачковъ. О мѣстоположеніи древняго г. Каркинитиса и монетахъ, ему принадлежащихъ. Записки Одесск. Общ. Истор. и Древн. 1874, IX.

— Греко-скиескій міръ на берегахъ Понта. Журналъ М. И. П. 1876, XII.

— О запискѣ Готскаго топарха. Тамъ-же, 1877, VIII.

— По поводу брошюры А. В. Орѣшникова: „Босфоръ¹ Киммерийскій въ эпоху Спартакидовъ“ Труды VI-го археологическаго съѣзда,² II и Труды московск. археологическ. общ., т. II.

— Замѣтки по исторической географіи южно-русскихъ степей. Киевская Старина. 1888, IV.

— Объясненіе къ археологической картѣ Новороссійскихъ губ. и Крыма. Труды Императорск. Моск. Археол. Общ. 1888, т. XII.

— Опытъ соглашенія открытой въ Херсонесѣ надписи съ природой мѣстности... Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. XII.

— Общий каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ, существовавшимъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря. 1884 (Очень содеряательный текстъ съ 32 табл. монетъ).

Деревицкій проф. Слѣды древне греческихъ поселеній и античной культуры на Югѣ Россіи. Съ рис. Сборникъ Вольфа „Живописная Россія“. V, 1898.

Придикъ. Греческія заклятія и амулеты изъ Южной Россіи. Ж. М. Н. П. 1899.

Троицкій Н. Древнѣйший храмъ Херсонеса, по раскопкамъ послѣдняго времени. „Южный Край“ № 7468. 1902 г.

Мальмбергъ проф. Описаніе нѣкоторыхъ древностей, найденныхъ въ Херсонесѣ въ 1888—89 годахъ. Съ 4 табл. рис. Мат. по арх. Рос. в. 7-й.

Толстой И. гр. и Кондаковъ акад. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. 1-й Классическая древности южной Россіи. Изд. 2-е. 1889.—Вып. 2-й. Древности скіо-сарматскія. 1889.—Вып. 3-й. Древности вре-

мень переселенія народовъ. 1890.—Вып. 4-й. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Киева. 1891.—Вып. 5-й. Курганныя древности и клады до-монгольского периода. 1897.—Вып. 6-й. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. 1899.

Кондаковъ. Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей велико-княжескаго периода (Херсонескія древности визант. периода). Съ табл. и рис. 1896.

Reina ch. Mithridate Empator, roi du Pont. 1890.

Его-же. Antiquit  s de la Russie m  ridi наl. 1891.

Игичъ акад. Вновь найденная свѣдѣнія о дѣятельности Константина Философа. Записки Императ. Акад. Наукъ. 1893. Вып. 72.

Герцбергъ. Исторія Византіи. Перев. Безобразова. 1896.

Schlumberger. Un empereur Byzantin au X-me sc. 1890.

Его же. L'empore Byzantine à la fin du X-me sc. 1896 (Прекрасные очерки этой эпохи).

Лопаревъ. Русскіе походы на Византію. Виз. врем. 1896. II.

Tiara царя Сайтрафарна, найденная въ Крыму и хранящаяся въ Луврскомъ музѣѣ. Съ рис. Новое Время 1896, приложен. № 279.—Еще о тиарѣ Сайтрафарна. Тамъ же, № 7322.—Tiara Сайтрафарна. Историческ. Вѣстникъ 1896, XI, стр. 674—76.

Schneidewirth. Zur Geschichte von Cherson in Taurien. 1897.

Селивановъ. О Херсонесѣ Таврическомъ Рѣчь на юбилеѣ Одесск. 2 й гимназіи. 1898.

Прозоровъ П. Систематический указатель книгъ и статей по греческой филологии, напечатанныхъ въ Россіи съ XVII ст. по 1892 г. Прибавл. за 1893, 1894 и 1895. Сіб. 1898 г.

Ласкинъ. Сочиненія Константина Багрянородного „О семахъ“ и „О народахъ“ Пер. съ объясн., 1899 г.

Die „Iustinien et civilisation byzantine au VI-e Sc. 1900.

Garnett. The story of Gycia. Essays of an ex-librarian. 1901.

Цѣхановскій. Новая находка въ Херсонесѣ. Кр. Вѣст. 1899. № 63.

Голубинскій проф. Исторія русской церкви. 1900—1, т. I.

Кадлубовскій. Очерки истории др. русскихъ житій. 1902.

Половцевъ. „Русская Троя“. Московск. Вѣд. 1901, № 215 и 216.

Энгель. Русская Помпея (Херсонесъ Таврический). 1903. Сборникъ фельетоновъ, помѣщен. въ Крымск. Вѣстникѣ за разные годы.

Третескій инж. Описаніе дверного замка, найденного въ Херсонесѣ въ 1903 г. Извѣстія Императорск. Арх. Комм., вып. 16-й.

Марръ проф. Замѣтка о двухъ армянскихъ надписяхъ, найденныхъ въ Херсонесѣ. Съ рис. Тамъ же, вып. 10-й.

Ростовцевъ проф. Римскіе гарнизоны на Таврическомъ полуостровѣ. Журн. М. Н. П. 1900.

— Новые латинскія надписи изъ Херсонеса. Извѣстія Императ. Арх. Комм., вып. 23-й.

— Новые латинскія надписи съ юга Россіи. Тамъ-же, вып. 27-й. Съ рис.

— Новые латинскія надписи съ юга Рос. Тамъ-же, вып. 33-й.

— Херсонесъ Таврический. Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгаузъ-Эфрана. Съ планомъ Херсонеса и раскопокъ.

Косцюшко Валюжиничъ К. К. Отчеты о раскопкахъ и находкахъ въ Херсонесѣ. Съ 1888 по 1907 (Очень обстоятельные и подробные, съ массой рисунковъ и чертежей). Отч. Имп. Арх. Ком.

- Ко сцюшко-Валюжиничъ К. К. Археологическія развѣдки въ Херсонесѣ и его окрестностяхъ. Лекція. Реф. Кр. Вѣсти. 1891, № 91 и 92.
- Важное археологическое открытие въ Крыму. Извѣстія Тавр. Учен. Архивн. Коммиссіи № 13.
- Раскопки въ Херсонесѣ. Кр. Вѣсти. 1895 №№ 64 и 65.
- Гробница съ драгоцѣннымъ ожерельемъ. Тамъ-же. 1896 № 148.
- Раскопки Херсонеса въ 1896 г. Тамъ-же. 1897. №№ 74, 75, 77,
- 82 и 88
- О храмѣ, открытомъ въ 1897 г. Тамъ-же № 222.
- Новости археологии. Тамъ же. 1901. №№ 8 и 9.
- Орѣшниковъ А. В. Обозрѣніе монетъ, найденныхъ въ Херсонесѣ въ 1888—89 гг. Мат. по арх. Р. 1891 № 7.
- Каталогъ собранія древностей гр. Уварова. В. VII. Монеты древнихъ греческихъ городовъ. Съ фот. 1887 г.
- Босфоръ Киммерийскій въ эпоху Спартакидовъ. 1884.
- Материалы по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья. Съ 3 табл. 1892.
- Херсоно-византійскія монеты. Тр. моск. нумизм. об. 1905.
- Херсоно-византійскія монеты. Тамъ-же. 1909.
- Бобрицкій гр. Херсонесъ Тавріческій. Очеркъ. 1905.
- Айналовъ проф. Памятники христіанского Херсонеса. Вып. I. Развалины храмовъ. Съ рис. и план. 1905.
- Данилевичъ проф. Остатки неолитической культуры на территории Херсонеса. Сборникъ Харьк. ист.-фил. общ., т. XIX.
- Ивановъ Е. Э. дръ. Херсонесъ и его историческая судьба. Вѣстн. Евр. 1907, IX, X, XI.
- Ивановъ А. В. Херсонесский монастырь. Популярный очеркъ съ рис. 1910 (Написано по порученію монастыря).
- Романченко. Раскопки въ окрестностяхъ Евпаторіи. Съ рис. Изв. Имп. Арх. К. Вып. 25. 1907.
- Шестаковъ проф. Къ истолкованію херсонесской надписи временъ имп. Зенона. Журн. М. Н. П. 1906, III.
- Памятники христіанского Херсонеса, вып. III. Очерки по истории Херсонеса въ VI—X вв.. 1908.
- Скубетовъ. Проектъ реставраціи фресокъ въ склепѣ № 2086 и 2114. Изв. Имп. арх. Комм., вып. 25.
- Древне христіанская бронзовыя лампады подвески, найденные въ Херсонесѣ. Изв. Тавр. Учен. Архивн. Коммиссіи № 44.
- Закладные камни съ крестами въ Херсонесѣ. Тамъ же.
- Римскій фамильный склепъ II—IV в. по Р. Хр Тамъ же. 1911, № 45.
- Гарабурда восн. инж. Оборонительная стѣна Херсонеса. Съ план. Тамъ-же, № 43.
- Ко сцюшко-Валюжиничъ Д. И. (сынъ). Древне христіанскіе склепы въ Херсонесѣ. Тамъ же № 45.
- Результаты раскопокъ послѣдняго времени въ Херсонесѣ. Тамъ-же.
- Новое открытие въ Херсонесѣ (Надпись II в. до Р. Хр.). Крымск. Вѣсти. 1910, №№ 214 и 218.
- Раскопки оборонительной стѣны древняго Херсонеса. Тамъ же. № 229.
- Некрополь юго-западной части Херсонеса. Тамъ же № 248.
- Случайныя находки въ Херсонесѣ. Тамъ-же. № 261 и 273.

Ко с цю шко-Валюжиничъ Д. Н. (сынъ). Древнє христіанскіе склепы Херсонеса. Тамъ же № 308.

Бертье-Делагардъ А. Л. Остатки древнихъ сооруженій въ окрестностяхъ Севастополя и пещерные города Крыма. З. о. о. и др. 1886, т. XIV.

— Раскопки Херсонеса. Мат. Имп. Археол. Комм. 1893 г. № 12. До полненіемъ этого богатаго содержаніемъ труда могутъ служить отзывы о немъ акад. Кондакова въ Ж. м. и. п. 1893, XII и акад. Латышева въ Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. 1896, VIII

— Надпись временъ имп. Зенона въ связи съ исторіей Херсонеса. Одеса. 1893.

— Поддѣлка греческихъ древностей на югѣ Россіи. Зап. о. о. и др. 1896, XIX.

— Керменчикъ (Крымская глушь). 1899.

— Надпись временъ имп. Зенона. Изв. Императ. Арх. Комм. 1903.

— Нѣсколько новыхъ монетъ Херсонеса. Зап. о. о. и др. 1906, XXVI.

— Поправки общаго каталога монетъ П. О. Бурачкова, 1907.

— Къ исторіи христіанства въ Крыму. Мнимое тысячелѣтіе. Съ рис. Зап. о. о. и др., т. XXVIII.

— Значеніе монограммъ на монетахъ Херсонеса. Съ рис. Зап. нумизм. отд. Имп. р. а. о., 1906, I.

— О Херсонесѣ (Крестообразный храмъ. Крещальня. Крестообразная ограда). 1907. 21 й томъ Изв. Имп. Арх. Комм.

— Относительная стоимость монетнаго металла на Боспорѣ въ IV в. до Р. Хр. Нумизм. сборн. 1909, I.

Кулаковскій проф. Карта Европейской Сарматіи по Штоломсю. Тр. XI археол. съѣзда. Съ картой. 1899.

— Замѣтки по исторіи и топографіи Крыма (Къ вопросу о пещерныхъ городахъ). Археологич. Изв. и Зам. 1896, вып. 1.

— Къ исторіи Боспора Киммерийского (По поводу надписи Эвпатерія). Изв. Врем. 1896, т. III.

— Къ исторіи готской епархіи въ Крыму Журн. М. Н. П. 1898, II.

— Рецензія на сборникъ В. В. Латышева *Inscriptiones antiquae ogaes septentrionalis Ponti Euxini* Журн. М. Н. П. 1886, III.

— Керченская христіанская катакомба 491 г. Мат. Имп. Арх. Комм. 1891, № 6.

— Двѣ керченскія катакомбы съ фресками. Тамъ-же. № 19.

— Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. 1899.

Отд. отт. (Изв. Бр.).

— Смерть и бессмертіе въ представлениі древнихъ грековъ. Съ рис. 1899.

— Прошлое Тавриды. Очеркъ. Съ карт. и рис. 1906.

— Исторія Византіи. 1910, т. I.

Штернъ проф. Поддѣлки предметовъ классической древности на югѣ Россіи. Журн. М. Н. П. 1896. Кн. XII.

— Отвѣтъ Рейнаку: Sur la falsification des antiquit es en Russie. Anthropologie. 1899. X.

— Die Tiara Saitapharnes und die Goldf lschungen in S drussland. Philolog. Wochenschr. 1897. № 24.

— Graffiti на античныхъ южно-русскихъ сосудахъ. З. о. о. и др., т. XX.

- Штернъ проф. Къ вопросу о происхождении готского стиля. Тамъ-же.
- О местоположении древнейшаго Херсонеса. (По поводу изслѣдованія Бертье-Делагарда, „О Херсонесѣ“). З. о. о. и. и др. 1908.
- Латышевъ акад. Эпиграфическая данныя о государственномъ устройствѣ Херсонеса. Журн. м. и. п. 1884, VI.—*Inscriptiones graecae septentr. Ponti Euxini. I* 1885, II 1900 и IV 1901. На лат. яз.
- Дополненія и поправки къ „Собранию др. гр. надписей“. Зап. Имп. р. Арх. об. Т. IV и Изв. Имп. Арх. к., вып. X. Отывы Кулаковскаго въ Журн. м. и. п. 1886, III.
- Очертъ греческихъ древностей. 1897, I (Государственные и военные древности).
- Альбомъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ Отчетахъ Имп. Арх. Комм. съ 1882 по 1898 г.
- Краткій очеркъ истор. Боспорскаго царства. Переводъ Михалевскаго. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи № 17.
- Извѣстія древнихъ писателей, греч. и лат. о Скиоїи и Кавказѣ, т. I. Писат. греч. 3 вып. 1893—1900, т. II, 2 вып. 1906. Текстъ съ паралл. русск. переводомъ.
- Замѣтки по древней географіи сѣвернаго побережья Чернаго моря. Ж. м. и. п. 1895, IX и 1899, V.
- Херсонескій декрѣтъ въ честь Навклара Синопскаго Тамъ-же, 1895, XI.
- О раскопкахъ въ Херсонесѣ. Филологич. Обозр. 1896, X и XII и 1897, XV.
- О календаряхъ Ольвіи, Тирѣ и Херсонеса Таврич. Тр. VI арх. сѣв.-да. 1888.
- Греческія и латинскія надписи, найденные въ южной Россіи въ 1888—1894 гг. Матер. Имп. Арх. Комм. № 9. 1892. Съ рис.
- Греческія и латинскія надписи, найденные въ 1892—1894 гг. Тамъ-же, 1895, № 17.
- Греческія и латинскія надписи, найденные въ 1895—1898 гг. Тамъ-же № 23.
- Надпись о постройкѣ херсонесской стѣны. Изв. Имп. Арх. Комм. Вып. I.
- Эпиграфическая новость изъ южной Россіи. Тамъ-же. Вып. 14 и 18.
- Этюды по византійской эпиграфикѣ. Надпись Зенона и надпись Исаака Комнина. Виз. Вром. 1894, I.
- Греческія и латинскія надписи, найденные въ южн. Россіи въ 1900 г. Изв. Импер. Арх. Комм., вып. 2-й. Съ рис.
- Греческія и латинскія надписи, найденные въ 1901 г. Тамъ-же, вып. 3-й. Съ рис.
- Замѣтки къ христіанскимъ надписямъ. З. Имп. о. о. и. и др. Т. XX и XXIII.
- Сборникъ греческихъ надписей христіанского времени. 1896.
- Новая надпись изъ Херсониса Таврич. Тр. моск. арх. общ. Т. XI.
- Присяга гражданъ гор. Херсонеса. Текстъ съ пер. и объясн. 1900.
- Pontika. Сборникъ статей по исторіи, археологіи, географіи и эпиграфикѣ Скиоїи, греческихъ колоній и пр. Съ табл. 1899. Издание Имп. а. н.
- Эпиграфическая новость южной Россіи (нах. 1901—3 гг.). Съ 100 рис. Изв. Имп. Арх. Комм., вып. 10. То же вып. 23 и 27.

- Латышевъ. Страданія свв. священномучениковъ и епископовъ Херсонесскихъ. Переv. съ греч. Тамъ-же, вып. 23.
- Замѣтки къ житіямъ свв. епи. Херсонескихъ. Изв. отд. русск. язык. и слов. Имп. а. н. Т. XIII.
- Житія свв. епи. Херсонескихъ. Издѣл. и тексты. Зап. Имп. Акад. И. по ист.-фил. отд. Т. VIII, 1906.
- Новый гимнъ въ честь Гермеса (найд. въ Херсонесѣ). Журн. м. н. п. 1905, V.
- Херсонесский почетный декретъ въ честь ираклійского гражданина. Тамъ-же, 1907, III.
- Эпиграфическія новости южной Россіи. Ольвійскія и херсонесскія надписи, найденные въ 1907 г. Съ рис. Изв. Имп. Арх. Комм., вып. 33. 1910.

Желающимъ заняться исторіей и археологіей Херсонеса на мѣстѣ считаю не безполезнымъ указать, что я пользовался специальной библіотекой херсонесского музея; многое написъ въ богатой севастопольской морской офицерской библіотекѣ, кое-что написъ въ мѣстной общественной библіотекѣ. Нѣсколько разъ я порывался обратиться въ Симферополь, въ библіотеку при таврическомъ губернскомъ земствѣ, въ которой довольно полно собрана литература о всей Тавридѣ (Taurica), но меня всегда любезно предупреждалъ М. И. Скубетовъ и снабжалъ необходимымъ изъ своей библіотеки, богатой рѣдкими брошюрами и отдельными оттисками. Но все же за нѣкоторыми нынѣ крайне рѣдкими изданіями придется обратиться въ библіотеку Румянцевскаго музея или Императорскую публичную.

Заканчивая свой трудъ, считаю долгомъ помянуть добрымъ словомъ покойнаго К. К. Косцюшко-Валюжинича за его неизмѣнно доброе отношеніе при моихъ занятіяхъ въ музеѣ и библіотекѣ Херсонеса и при моихъ болѣе, чѣмъ многократныхъ посѣщеніяхъ раскопокъ. Приношу живѣйшую благодарность и нынѣ завѣдующему раскопками Херсонеса Р. Х. Леперу за его такое же предупредительное отношеніе къ моему труду и М. И. Скубетову за его любезныя указанія по литературѣ вопроса. Моя особая признательность предсѣдателю Таврической Ученой Архивной Коммиссіи А. И. Маркевичу, подъ наблюденіемъ котораго печатался весь этотъ трудъ, за его заботы по изданію.

Авторъ.

Того-же автора.

- 1) Вліяніє средней годовой температуры мѣста на время первого появления регуль. Труды 2 го съзыва врачей. II. 1887 г.
- 2) Три случая laryngo-tracheo-bronchitidis fibrinosae. Тр. Спб. Общ. дѣтскихъ врачей. 1889.
- 3) О времени появления первыхъ регуль. Мед.-антрополог. изслѣдование. „Медицина“ 1890. №№ 23 по 42 и отдѣльн. книгой. (Удост. золотой медали).
- 4) Морфология женского молока и отношение ея къ питанию ребенка. Диссерт. 1890.
- 5) Ясли, ихъ исторія и современная организація. Ю.-Кр. 1891.
- 6) Лѣтнія колоніи для дѣтей, ихъ исторія и современная организація. Ю. Кр. 1891.
- 7) О принципахъ дозировки лѣкарствъ дѣтямъ. Вѣстн. общ. гиг., суд. и пр. мед. 1891.
- 8) Техника постукиванія и выслушиванія въ дѣтскомъ возрастѣ. Ibid. 1892.
- 9) О почесухѣ у дѣтей и ея лѣченіи. Ibid. 1892.
- 10) О массажѣ шаромъ. Докл. Тр. Харьк. мед. Общ. 1891.
- 11) Севастополь, его лѣчебные средства и окрестности 1894, съ 2 карт. и фототипіями.
- 12) Виноградъ и виноградное лѣченіе. Вѣстн. общ. гигіен., суд. и пр. мед. 1895, кн. V, VI и VII.
- 13) Кольцевидноеichelушение языка. Дѣтская мед. 1896, II.
- 14) Ривьера и Южный берегъ Крыма, ихъ лѣчебные мѣста и средства. Съ 2 карт. 1897.
- 15) Бальнеологическая карта Крыма. 1898.
- 16) Первобытная и народная медицина. Еженедѣльникъ Пр. Медицины. 1900 г., №№ 24—25.
- 17) Консервированный виноградный сокъ, какъ лѣчебное средство. Практический Врачъ. 1903.
- 18) О болѣзняхъ губъ у дѣтей. Дѣтская Мед. 1902 г. №№ 5 и 6.
- 19) Морской воздухъ, его составъ и физич. особенности. Море и его жизнь. 1903.
- 20) О прорѣзываніи зубовъ. Перев. изъ Гиппократа. Дѣтск. медицина. 1903, № 3.
- 21) Севастополь, какъ курортъ. Вѣстн. общ. гиг. 1904, кн. VIII.
- 22) Гиппократъ, его жизнь и ученіе. Медиц. журн. и отд. брош. 1904.
- 23) Какъ и гдѣ лѣчиться виноградомъ? Современ. Клиника и отдѣльн. книгой. 1905.
- 24) Херсонесъ Таврическій и его историческая судьба. Вѣстн. Европы. 1907, IX, X и XI.
- 25) Сравнительная бальнеологическая оцѣнка проектовъ крымскихъ жел. дорогъ. Докл. Русск. Общ. Охр. Нар. Здравія. Реф. Журн. Общ. Охр. Нар. Здр. 1911.
- 26) Морской воздухъ, какъ лечебное средство (Печ.).

